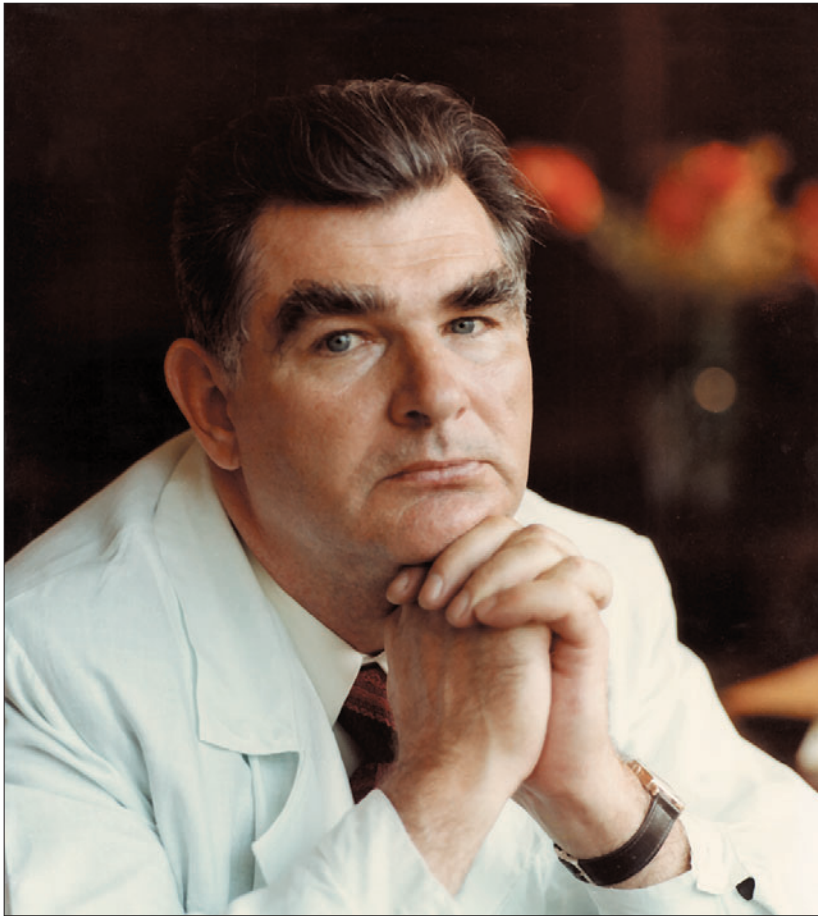

Виктор Карпенко

*55 лет
в хирургии*

КИЕВ
«НАВЧАЛЬНА КНИГА»
2002

*Посвящаю внучке
Елене Карпенко*

Профессор Виктор Степанович Карпенко (фото В. Малышева, 1977)

Ответственный за выпуск
Карпенко А.В.

Способствовать публикации этой книги сочли за честь
Центр эмбриональных тканей «ЕмСелл»
(директор Александр Иванович Смикодуб)
и ученик В.С. Карпенко Сергей Викторович Денисенко

Карпенко В.С.

К26 55 лет в хирургии. — К.: Навч. книга, 2002. — 383 с.: портр.,
[2] листа фотогр.
ISBN 966-7943-13-5

Воспоминания курсанта военно-медицинского училища, фельдшера танкового батальона Кантемировской дивизии, освобождавшей Украину, хирурга шахтной больницы, сотрудника Донецкого мединститута, ставившего кардиохирургию в Донбассе, главного уролога Украины, профессора-хирурга уникальной квалификации и крупного ученого написаны настолько увлекательно, с такими жизненными деталями и упоминанием многих современников и соратников, что безусловно будут интересны не только пациентам и коллегам, но также широкому кругу читателей.

ББК 54.5г(4УКР)

ПЕРЕДНЄ СЛОВО

Спогади людей, які пройшли довгий життєвий шлях, зробивши при цьому вагомий внесок у розвиток сфери своєї діяльності, будучи свідками та учасниками подій у буремні роки війн, складних суспільно-історичних перетворень, зустрічаючись при цьому зі своїми сучасниками, що перебували на різних щаблях соціальної ієрархії, такі спогади є неоціненним пам'ятником часові, епосі, подіям, людям того часу і тих подій.

Такою пам'яткою є спогади доктора медичних наук, професора, Заслуженого діяча науки, Лауреата Державної премії України Віктора Степановича Карпенка, академіка Української академії наук національного прогресу, Нью-йоркської академії наук, почесного громадянина м.Балтимор (США), почесного члена наукових урологічних товариств Росії, Білорусі, Чеського лікарського товариства ім. Пуркіне (Прага).

Свій життєвий шлях Віктор Степанович відтворив, починаючи з дитячих літ, настільки детально, що навіть починаєш підозрювати, чи не вів він щоденник, який у час, коли людина відчуває потребу заглянути у своє минуле, оцінити його з висоти прожитих десятиків років, стає джерелом спогадів про життя. Та ні, якщо б так і було, то часті переїзди, навчання, участь у боях Другої світової війни з пораненнями, напоглегливо-виснажлива, сповнена посвяти, робота медика не могли сприяти збереженню записів.

Такий він є — професор Віктор Карпенко — з цупкою пам'яттю, яка зберегла безліч імен і прізвищ співучасників дитячих пустоців, шкільних та інститутських товаришів, військових побратимів, тих, які полягли на полі бою, і тих, що пережили воєнну хуртовину, прізвища та імена своїх вчителів, колег-співробітників і навіть пацієнтів. Ознайомлення зі спогадами наводить на думку, що запам'ятати так багато і в таких подробицях може людина не так завдяки тривкості та глибині своєї пам'яті, а більше на емоційному, глибинно зацікавленому ставленні до подій, до оточення, до всього, що переживаєш і що для іншого здається сірим і буденними. Зі сторінок спогадів постає людина цілеспрямована, захоплена і самовіддана в досягненні мети...

Професор В.С.Карпенко очолив Київський науково-дослідний інститут захворювань нирок та сечових шляхів (урології) — так він тоді називався — у 1969 році, через три роки після його заснування.

Я тоді працював доцентом кафедри терапії Київського медичного інституту (на той час я мав глибокі знання з нефрології) на базі лікар-

ні, яка була пов'язана з інститутом переходом. Пам'ятаю всезагальне захоплення, коли у травні 1972 року професор В.С.Карпенко здійснив першу в Україні операцію трансплантації нирки від живого донора.

Через рік Віктор Степанович запросив мене на посаду керівника відділення терапевтичної нефрології інституту на місце професора А.П.Пелешука, який завідував кафедрою терапії, де я був доцентом. А з 1976 року протягом 11 років мені довелося бути заступником директора інституту з наукової роботи.

Службово-професійна ноша нашого директора була нелегкою, тому що довелося суміщати її з обов'язками головного уролога міністерства охорони здоров'я, голови республіканської проблемної комісії «Урологія і нефрологія», голови науково-медичного товариства урологів України, головного редактора міжвідомчого збірника «Урологія», голови ради із захисту дисертацій з урології. Професор В.С.Карпенко — ініціатор і організатор проведення симпозиумів з проблем літолізу каменів нирок, склерозу передміхурової залози (вперше визначеної та описаної ним нозологічної одиниці в урології), двох республіканських конференцій, чотирьох пленумів правління та трьох з'їздів Товариства урологів України. З його ініціативи в очоленому ним інституті було відкрито відділення трансплантації нирки, судинної урології, дитячої уронефрології, зведено нові корпуси, розвинуто напрямки пластичної та відновної урології.

Коло його діяльності не обмежується інститутом. За його підтримкою відкриті кафедри урології в медичних інститутах Луганська, Донецька, Дніпропетровська, Одеси, Львова, центри трансплантації в Донецьку та Львові. На базі інституту пройшли стажування сотні урологів, сексологів, трансплантологів і нефрологів України.

У 70-80-их роках інститут виконував місію головного науково-методичного центру з урології та нефрології.

Його здобуток як хірурга — це близько 10 тисяч операцій на різних органах, в тому числі такі унікальні, зроблені вперше в країні (СРСР), як ушивання защемленої діафрагмальної грижі у дівчинки через 12 годин після її народження (1956), усунення ембола з легеневої артерії (1964).

В арсеналі його наукових досягнень — близько 300 публікацій з урології, черевної та грудної хірургії (в т.ч. 11 монографій та посібників), 13 авторських свідоцтво і патентів на винаходи, 32 підготовлених ним кандидатів і докторів наук.

Його наукові професійні, організаційні досягнення відзначено Орденами Трудового Червоного Прапора, Леніна, а про його бойові подвиги нагадують ордени Червоної Зірки, Вітчизняної війни II і I ступенів.

Як керівник і адміністратор Віктор Степанович був вимогливим, але ніколи не втрачав рівноваги, такту, професійної колегіальності у стосунках з підлеглими, міг відстояти їх інтереси та гідність. Останнє довелося з вдячністю відчувати й мені, коли райком партії звинуватив мене в «неблагонадійності» за використання виключно української мови. Його як керівника підлеглі не боялися, а поважали.

Завжди зворушувала мене його пам'ять про своїх вчителів. Жодна розмова, в якій він згадував свої минулі роки, не обходилася без згадки про професора К.Т.Овнатаняна. Спільність наших життєвих шляхів з Віктором Степановичем зводилася до адміністративно-службових стосунків, які завжди будувалися на взаємоповазі та доброзичливості.

Мені цікаво було ознайомитися з рукописом спогадів В.С.Карпенка і як лікареві, і як людині, яка зростала в інший час, за інших обставин. Несподівано для себе зустрів неодноразово згадані прізвища професорів хірурга Л.М.Кузменка, патологоанатома Є.Г.Пальчевського, з якими Віктор Степанович спілкувався в Донецьку і які у час закінчення мною Львівського медичного інституту були, відповідно, його директором і заступником директора з навчальної роботи. І ось ще в бутність професора В.С.Карпенко в Донецьку туди прибув на роботу мій співвипускник, сьогодні професор П.С.Серняк.

Перехрещуються життєві шляхи, перехрещуються людські долі...

Професорові В.С.Карпенку не зраджує творча наснага, працездатність і працьовитість, він не полишає скальпеля, не відходить від операційного столу, передає свій багатющий досвід Хірурга, Лікаря, Ученого молодшим колегам, зберігши своє Я, свій духовний світ і гарт переконань Людини і Громадянина.

Любомир Пиріг,

академік АМН, член-кореспондент НАН,
заслужений діяч науки і техніки України

Елена Карпенко

Хирургу

Посвящается моему дедушке

Белые-белые стены,
белые-белые звуки.
Образ дождливо мой соткан везде.
В тело мое погружаются руки,
Я ж — утопаю в звезде.

Все разноцветное:
кружится, лепится, тянет
Душу мою в неизведанный век.

Делом своим повседневным занят
В маске седой человек.

Травлены морфием вены.
Рваной симфонией в уши
Долгую песню: ла—'ла—ла, ла—'ла
Хрипло поет на осколочке суши
Рифма на слово «игла».

Вдруг от осколка блеснет мне
В родинку темную луч
И, отраженный в глазах, по щекам
Медленно спустится.

Из слезных туч —
Луч

Благодарности Вам.

9 декабря 1997

*(Воспоминание о том, как дедушка удалял мне аппендикс,
когда я была во втором классе)*

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

Родители

Мое поколение мало интересовалось своей генеалогией. Дворяне и зажиточные до революции люди, как могли, скрывали свое прошлое, жили скромно. Простым людям в борьбе за выживание семьи было не до прошлого. Поэтому большинство моих современников знает своих предков в пределах 2–3 поколений. О своих предках я тоже знаю мало.

Отец — выходец из бедной многодетной крестьянской семьи села Ивановка, Ставищенского района Киевской области.

Моего дедушку звали Федором Тимофеевичем, а его деда — Никифором. Крестьянское малоземельное хозяйство не обеспечивало многодетную семью, поэтому с поздней осени до весенне-полевых работ он занимался извозом. Из Ивановки возил в Киев продукты сельскохозяйственного производства для продажи. Умер он 78 лет в 1929 г., следовательно, родился он в 1851 году за 10 лет до отмены крепостного права. Была ли его семья крепостной, об этом я никогда не слышал от отца. Село Ивановка было владением графа Браницкого. Перед революцией управляющим в имении села Ивановка был поляк пан Закревский, который имел свой племенной конный завод.

Бабушку звали Горпина Станиславовна. Год ее рождения мне выяснить не удалось. Умерла она в 1919 году от сыпного тифа. За свою жизнь она родила 16 детей, 8 из которых умерли. 8 детей остались в живых: Пелагея (Палажка) родилась в 1890 году, Степан, мой отец, — в 1893, Прокоп — в 1898, Евдокия (Явдоха) — в 1900, Ирина — в 1903, Григорий — в 1904, Александра — в 1910, Михаил — в 1912. В год ее смерти четверо детей — Ирина, Григорий, Александра и Михаил — были малолетками. Федору Тимофеевичу одному с ними было тяжело. Он женился вторично, но о его второй жене я почти ничего не знаю, кроме того, что ее в селе называли «Темчучка», произнося это имя с уважением. Все сестры отца прожили до глубокой старости, живя в среднем достатке. Дядя Прокоп и Григорий погибли во время Великой Отечественной войны. Дядя Миша вернулся с войны невредимым, работал в колхозе и даже одно время был его председателем. Умер в 1993 году 81 года от роду. Таким образом, по линии отца мои родственники долгожители. Преждевременно

ушли на тот свет дядя Прокоп и Гриша, убитые на войне, а также мой отец. Он умер от рака желудка, не дожив 2,5 месяцев до 60 лет.

Отец закончил в Ивановке двухклассную церковноприходскую сельскую школу. С 17 лет начал самостоятельный жизненный путь в Екатеринославе (Днепропетровск) в качестве приказчика в магазине одежды Гуревича. В начале первой мировой войны мобилизован на Черноморский флот, служил на крейсере «Кагул». После восстания на броненосце «Потемкин» крейсер «Очаков» был переименован в «Кагул». Кагул — небольшая речка в Молдавии, где в свое время русские войска под командованием А. В. Суворова одержали убедительную победу над Турецкой Армией. В 1918 году в Севастополе отец экстерном выдержал экзамены при реальном училище на звание народного учителя.

После Февральской революции он был избран депутатом севастопольского совета первого созыва от крейсера «Кагул». В это же время вступил в партию РСДРП (большевиков). В период октябрьской революции участвовал в роспуске меньшевистско-эсеровского севастопольского совета первого созыва и организовывал выборы в новый совет, в который входил от команды крейсера «Кагул».

Перед приходом немцев в Крым, будучи адъютантом штаба Черноморского флотского отряда, участвовал в эвакуации кораблей черноморского флота в Новороссийск.

В числе других товарищей по партии его оставили на подпольной работе в Севастополе во время оккупации его немцами. Вскоре после этого ему пришлось бежать из Крыма через Одессу в Москву. Помню, у нас в семье была его фотография этого периода — он в форме солдата, с бородой «лопатой», которая совершенно меняла его внешность.

В годы гражданской войны по заданию ЦК партии отец временно работает инструктором губчека партии во Владимире.

В 1918 году в период ухода немецких войск с Украины усилилась повстанческая борьба с деникинцами, немцами. ЦК партии собрал коммунистов-украинцев, таких как Щорс, Пархоменко, в том числе, отца, и направил их на Украину в распоряжение штаба фронта. Отца назначили комиссаром полка третьей бригады 42 армии — так назывались войска Нестора Махно, когда он воевал в составе Красной Армии, под командованием Дыбенко. В боях под станцией Николаевской отец был ранен в обе руки и ногу. Будучи в госпитале, познакомился с Ефросинией Осиповной Залашковой, которая стала его женой. После выздоровления направлен в Политотдел Туркестанского фронта в Ташкенте. Там заболел малярией. После болезни вернулся в свое село Ивановку, где выполнял посильную сельскохозяйственную работу, но в основном болел. Рана на правой руке у него фактически не заживала лет до 45 и в правом локтевом суставе не разгибалась. Я хорошо помню, как мать стирала, глади-

ла бинты и делала ему перевязки. С больной рукой отец не мог работать в сельском хозяйстве.

В 1926 г. в надежде вылечиться и устроиться в артель инвалидов, он переезжает в Киев. Работает в организациях инвалидов гражданской войны. Примерно, в это же время он заболевает язвой желудка, которой страдает фактически всю жизнь. Его болезнь и ранения сказались на материальном достатке семьи. Мы всегда жили очень бедно, терпели нужду и периодически голод.

Перед Великой Отечественной войной он восстановил свое членство в ВКП (б), окончил бухгалтерские курсы. Во время эвакуации в Челябинскую область работал бухгалтером на заводе в г. Миасс и в совхозе в селе Кундравы.

После войны вернулся в Донбасс. По направлению райкома партии работал парторгом совхоза «Горняк», но большей частью работал преподавателем истории ВКП (б) в ремесленном училище Старо-Бешевского района. Умер от рака желудка в 1953 г.

Отец очень любил свою семью, мать, детей. Всегда интересовался нашими успехами в учебе. Очень следил за нашими школьными событиями. Был несказанно рад, когда я ему сообщил, что после выписки из госпиталя в 1945 году, перед приездом домой поступил в мединститут, на 3 курс, возобновил учебу, прерванную войной.

Среди наших знакомых, сослуживцев он пользовался уважением. Я часто был свидетелем как к нему приходили соседи за советами. Он хорошо знал наши законы. Многим часто писал в нужные инстанции письма. После войны он был избран председателем Васильевского сельсовета. Многим вдовам он помог в назначении пенсий, некоторым помог в розыске членов семей, затерявшихся во время эвакуации, войны. Лихое было время. Помню, он рассказывал, как он добивался восстановления моста через речку Кальмиус и электрификации села Васильевка, где он был председателем сельсовета. Мост разрушили во время войны, но часть его остова сохранилась. Ездили в объезд, ломались подводы, застревали машины, вытаскивали их тракторами. Как ни пытался он сдвинуть с места восстановление моста, у него ничего не получилось — отвечали, что нет средств или не вошло в план. То же с электрификацией села. Рядом, почти на окраине села проходила высоковольтная линия электропередачи. Специалисты говорили, что нужно поставить трансформатор, а затем уже провести разводку сети по селу.

Куда он ни обращался, сколько ни писал в различные инстанции, вплоть до Киева и Москвы. Все осталось глухо. Его письма приходили в Старо-Бешевский райисполком, т.е. в райцентр, ему устраивали накачку. Он рассорился с начальством. С одной стороны лозунги все во имя людей, все для человека, а на деле для облегчения труда и улучшения бытовых условий конкретного села ничего не хотят сделать.

Все для народа, — говорил он, — а народ — это конкретные люди, так вот, для них ничего не может сделать председатель сельсовета. Он подал заявление и ушел.

Как я сейчас понимаю, он был не очень удобным человеком для начальства. Он всегда кого-то брал под защиту, говорил о превышении прав начальства.

Будучи партторгом зерносовхоза «Горняк» Старо-Бешевского района, он видел, как с ведома дирекции совхоза разбазаривается зерно до оприходования, прямо с поля. Когда он об этом заявил в райкоме, его освободили от работы, потому что разбазаривали зерно с ведома работников того же райкома, в том числе и для них самих.

Как обычно водится в семьях, он часто говорил с матерью о своих сложностях на работе, противоречиях с начальством. Может быть, поэтому он переменял много мест работы. Он ничего не добился как борец за «правое дело», но семья постоянно страдала от этого.

После смерти моего отца осталась автобиография, написанная 20/VI—1950 г., листок по учету кадров от 28/V—1947 г.

Как-то при жизни мне с ним не удалось поговорить, чтобы узнать, почему он в 30-е годы скрывался от властей, почему у нас делали обыск. Из документов оставшихся после него, это было непонятно. Маловероятно, что бы его преследовали за то, что он был комиссаром полка 3 бригады Махно, когда она в составе Красной Армии воевала с Деникиным под командованием Дыбенко. В отряды Махно его направила Советская власть. Он говорил, что перед отъездом на Украину их группу политработников принимал и наставлял лично М.Свердлов. По приезде в Харьков распределением их занимался Антонов-Овсеенко. После смерти отца остался приказ по отряду, подписанный «Батько Махно», в котором шла речь об обороне участка Амвросиевка-Волноваха на деникинском фронте. Этот документ в 1953 г. мы с братом сдали в Музей г. Донецка. Воевал отец против Деникина. Был тяжело ранен. Позже Махно воевал и против красных, но тогда у него уже не было политкомиссаров. Отец находился после госпиталя на другой работе в Ташкенте.

В Киеве на ул. Воровского имелся народный дом, в котором в конце 20-х годов часто проходили собрания. Иногда отец меня брал с собой. Я это хорошо помню. Собрания были горячие, выступления темпераментные, митинговые, с сильной жестикующей рук. Иногда в дискуссиях принимал участие отец. Может быть, тогда он что-либо говорил не впопад с политикой того времени. Многие из тех, с кем он имел дело в Гражданскую — Пятаков, Бубнов — объявлены врагами народа — судьба их известна. Если бы за отцом был какой-либо «сильный грех», конечно, его бы выследили и поймали. Тогда многих брали. Он думал: и до него дойдут — профилактически скрывался...

Мать — Ефросиния Осиповна родом из села Тракинь Севского района Орловской области. Село было очень бедным. Большинство его жителей время от времени уходило или уезжали на заработки. Так семья матери оказалась в Мариуполе, где отец ее работал черно-рабочим на металлургическом заводе теперь им. Ильича. Мама говорила, что от непосильного труда ее отец рано умер.

Мама после смерти отца осталась одна. За ней присматривали ее земляки и устроили в Мариупольскую больницу санитаркой.

Отец рассказывал, что когда махновцы оставляли город Мариуполь под натиском денкинцев из больницы эвакуировали раненых. Мама помогала укладывать раненых на подводы. Когда погрузка закончилась, и подводы стали выезжать со двора, мама в растерянности крикнула: «А как же я?». Отец сказал: «Сядь на подводу». Так она познакомилась с отцом. Вскоре они стали мужем и женой. Они не были расписаны. Это мне стало известно лишь тогда, когда у нас в стране началась паспортизация, когда начали приводить многие документы в порядок. У нее не было метрической выписки, без которой паспорт не выдавали. Она была вынуждена поехать к себе домой в Орловскую область. Через 23 года она пришла к себе в дом с моим братом Юрой. Мать ее не узнала. Уже не думала, что дочь ее жива. Для меня остается совершенно непонятным, почему моя мама порвала связь со своей семьей. У нее было два брата. О них она тоже ничего не знала. В 1935 г. к нам приехала мамина племянница. От нее мы узнала, что моя бабушка умерла. Племянница некоторое время у нас жила. Она устроилась на работу и вскоре вышла замуж. С ней мы также потеряли связь. По маминой линии о родственниках мне фактически ничего не известно.

Мама была очень трудолюбивой, смелой, от природы умной и решительной женщиной. Большею частью она занималась домашним хозяйством, но в сложные периоды жизни, когда заработка отца не хватало, она поступала на работу поденного характера. При весьма скромных доходах семьи, она так ухитрялась вести хозяйство, чтоб семья сводила концы с концами. После смерти отца она продала свой дом в Васильевке и переехала на постоянное жительство к нам. С нами она прожила 36 лет, до своей смерти. Умерла она в 96 лет. До самых последних дней она сохраняла хорошую память и помогала нам в домашнем хозяйстве. Никогда не болела и не любила лечиться. В дни, когда она чем-то была недовольна, уходила к себе в комнату и не выходила 2—3 дня, а затем выходила, как ни в чем не бывало. Ровная, спокойная, деловитая. Только за полгода до смерти, она начала путать события. Просила меня зайти к ней в комнату поговорить с ней. Рассказ ее был путанным, с одной темы она незаметно переходила на другую. «Так о чем это я — видишь, Витя, опять сбилась. Начала говорить одно, закончила другим. Стала плохой память».

На ее долю выпало тяжелое время: война и революция, первая мировая и гражданская война, вторая мировая война, эвакуация на Урал, послевоенная разруха в Донбассе. Все эти годы жизнь была тяжелой, неустроенной, голодной. Такие воспоминания и рассказы мамы были о прошедшей жизни, но никогда она не жаловалась. Была оптимистом. Фактически, в достатке и нормальных условиях она стала жить только когда мы взяли ее к себе.

Детство

Родился я 28 октября 1923 г. в с. Ивановка Ставищенского района на Киевщине. Село Ивановка, очень большое, красивое и богатое, находится в 140 км южнее Киева. Жители Ивановки часто приезжали в Киев, обычно, на Евбаз (Еврейский базар) продавать свои товары и покупать необходимые им для крестьянского хозяйства вещи.

В Ивановке на Стаднице отец построил дом. Сейчас он снесен. На этом месте стоит современный сельский дом. Однако родные жить там не захотели. Мать тянула отца в Киев. В 1926 г. семья переехала в Киев. С квартирами, как и сейчас, в Киеве было тяжело. Сначала жили на Бульварно-Кудрявской улице в старом доме у каких-то папиных земляков. Этот дом и сейчас стоит. С этого времени я себя помню. Жили высоко — на 3 или 4 этаже. Лестница была темная, деревянная, скрипела, когда по ней поднимались. Отопление в квартире было печное. Помню, как поленья горели в печи — любил наблюдать за пламенем. Потом нашли квартиру по улице Нероновича, 34 (сейчас улица Воровского). Двор был разделен стоящим в центре зданием на две части — их называли «первый двор» и «второй двор» или «этот двор» и «тот двор». Мы жили на втором дворе. Занимали первый этаж двухэтажного дома. Этот дом и сейчас есть. Раньше с востока и юга его закрывало большое здание, а с северо-западной стороны находился старый фруктовый сад. В нашей квартире никогда не было солнца, помещение было старое, пахло плесенью и гнилыми досками полов. Полы шатались. Под полами были крысы, которые нас не боялись даже днем. Отопление печное. Воды, канализации и электричества не было.

Над нами жила еврейская семья Рогачевских. Не знаю, чем они занимались, но вечно ругались. Шум стоял невероятный. Часто причиной скандала была старая мать, которую привозила на извозчике старшая дочь. Приезд их сопровождался страшным гвалтом. Сестры вспоминали друг другу все: кто когда мацу ел, кто когда в синагогу не ходил, кто у кого сколько одалживал денег и не отдавал. Доставалось детям и даже внукам. Минут через 30–40 сестры от ругани уставали, гвалт прекращался. Мать поднимали вверх. Старшая дочь, торжествуя свою победу, усаживалась в пролетку и уезжа-

ла. Недели две мать жила у младшей дочери. Мать, видимо, сама не передвигалась, нуждалась в уходе. Она была обузой для семьи, и ухаживали за ней по принуждению.

Недели через две приезжал извозчик. Старушку усаживали в пролетку и везли к старшей дочери. Дней десять — двенадцать над нами было более или мене спокойно, а затем все повторялось.

На втором, заднем дворе была горка. Зимой — раздолье для детворы. Катались на санках и на лыжах. Мне отец тоже сделал санки. Помню, вытащил из кровати доску. С доской мы пошли к столыарю, который жил на Дмитриевской улице. Обратном отец вез меня на деревянных санках, подбитых металлической полоской. Я торжествовал. До этого санок у меня не было. Огорчало лишь то, что металлическая полоска, которой были подбиты санки, была ржавой, у других ребят она блестела, и сани хорошо скользили. Зимой на горе мы устраивали две снежные крепости — для «красных» и «белых». У мальчишек еще были живы воспоминания от родителей о гражданской войне. Мы, меньшие дети, делали снежки и подавали старшим. Старшие вели обстрел крепостей. Летом на горке играли в цурки-палки. Игры иногда заканчивались битьем стекол соседей, а нам доставалось от родителей. Все было. Заводилой у нас был Стах. Дразнили его Рыжим лешим. Он был старше нас года на 2–3, высокий и какой-то непропорциональный. Руки и ноги были тонкие и длинные. Он все время находился в движении, как мельница. Волосы рыжие, даже огненные, а лицо — в крупных рыжих конопушках. Был Мончик и сестра его Софа. У них была своя лошадь — отец занимался извозом. Иногда мы катались на их подводе и кормили лошадь хлебом или сахаром. И хотелось дать лошади корочку хлеба, и страшно было — не укусит ли. Мончик показывал, как нужно кормить лошадь из рук. Мы осмелели. Я удивился, как мягко губами лошадь брала из детских рук хлеб. Как она потом фыркала и крутила головой, нюхала руки в надежде поживиться еще.

Позже я познакомился с семьей Кротовых. Сначала с главой семьи. У него в сарае была небольшая столыарная мастерская. Он делал для соседей и знакомых табуретки, скамеечки, полочки и другую кустарную домашнюю мебель. Тогда многие соседи нашего дома делали кустарные вещи для продажи, чтобы прокормиться. Была безработица. Ходили по дворам мастера — точили ножи — ножницы, реставрировали кастрюли и ведра, лудили кастрюли, вставляли в окна стекла, показывали при помощи самодельного проекционного аппарата цветные открытки или диапозитивы из кинофильмов. Ходили песенники, цыгане водили медведя. Интересно было. Развлеченные прямо во дворе. Все хотелось видеть и знать. Поэтому и сыпались вопросы кто, где, как, почему, зачем т.д....

Кротов был тихий, спокойный, уравновешенный человек. К нему ребята тянулись. Каждому он что-либо делал или давал поддер-

жать, посмотреть. Он научил меня делать простые лодочки и кораблики. Сначала из деревянной коры, а затем из дерева. У Кротова была дочь лет 16–17. Красивая девушка с длинной-предлинной русой косой. Она, как и отец, была ласковой. Мы все ее любили — завидев ее, гурьбой бежали ей навстречу, и каждому хотелось подержать ее за руку. В доме на заднем дворе мы жили 1,5 года. Условия, как я теперь понимаю, там были жуткие. Освободилась комната в гостинном доме в первом дворе. Мы ее заняли. В детстве она мне казалась большой, но когда я зашел в эту комнату после войны, увидел, насколько она мала — примерно 2,5 на 6 метров. В ней мы жили вчетвером.

В 1927 г. родился брат — Юра. Я хорошо помню, как мы с отцом ездили на извозчике в роддом забирать маму с Юрой. Роддом находился на улице Саксаганского, 75, где сейчас размещается Институт медицины труда АМН Украины. В этом институте более 20 лет работал мой сын Алексей. В нем он написал кандидатскую и докторскую диссертации. Во время войны в этом здании находился госпиталь — один раз я туда привозил раненых с фронта из-под Малина.

На новом дворе появились новые знакомые. Юра Короткевич, Марик, Галя и Изя. Изя учился играть на скрипке, и большую часть времени был занят. Выходил во двор подышать «свежим воздухом». Комната у них тоже была без солнца. Он был маленький, спокойный, тихий, малоподвижный и какой-то весь в себе. Посидит на скамеечке, понаблюдает за нами, поднимется и молча пойдет играть на скрипке.

Другие ребята были бойкие, подвижные, предприимчивые, горазды на разные выдумки и игры. Играли в города. Городами были крышки на канализационных люках.

Всем хотелось поехать в город. «Америка» — говорили это большой, красивый и богатый город. Однажды утром, я еще был в постели, прибегают ко мне Юра Короткевич:

— Виктор уже все прыгали с карниза с зонтиком. — Даже Софа!

— Прыгала?

— Угу — проямлила Софа.

Я вскочил с кровати. Мы выбежали во двор и побежали во второй двор к карнизу. В доме был карниз на высоте 3–3,5 м. Вот с него все «прыгали». Теперь предстояло прыгнуть мне. Влез на карниз. Раскрыл Юрин черный дождевой зонтик. Посмотрел вниз. Высоковато. Страшновато, но посмешищем быть не хотел. Прыгнул. Конечно, зонтик мой прыжок не амортизировал. Я шлепнулся. Сильно ударился. Короткевич смеется — «обманули дурака на четыре кулака» — это значит меня. Я рассердился. Стукнул Юрку зонтиком. Расцарапал ему кожу на лице. Он разревелся и побежал жаловаться своей матери. Его мать, видя окровавленного сына, и узнав, что это я его ударил, начала ругаться с моей матушкой. Моя мама чувствовала себя виноватой, оправдывалась. Тут и я подошел, вернее, поч-

ти приполз, потому, что пятки сильно болели. Это мою мать вдохновило. Ссора разгоралась. Пока одна мудрая женщина, тетя Феня, не пристыдила обеих мам. А вообще-то Юра был хорошим парнем. Его прооперировали по поводу аппендицита. Слово операция было магическим. Мы на Юру смотрели как на героя. Он это чувствовал и с гордостью нам показывал рубец. Рассказывал, как его осматривали доктора, как привезли в операционную, дали наркоз. И все мы почему-то завидовали — почему у нас нет аппендицита.

В 1943 г., привезя раненных с фронта в Киев, я зашел к его родителям. Мама сказала — Юра погиб на фронте. Он был единственным сыном.

Приближался 1929 год. К отцу из села часто приезжали родственники и односельчане. Они часто у нас останавливались. Им было удобно. Они привозили в город продавать продукты своего хозяйства. Мы жили недалеко от Евбаза. С вокзала вторым номером трамвая ехать к нам было очень просто.

У нас часто гостил дядя Антон. Беседуя с отцом, он произносил фразу: «Степан, наступает конец света». Эта фраза меня очень волновала. Тревожно засыпал. А утром уходил на задний двор, с горы смотрел на небо, по которому плыли рваные тучи, подгоняемые сильным весенним ветром. На душе было тяжело, так вот какой конец света — ветер, свинцовые тучи, дождь со снегом. Много лет спустя, я понял, что «конец света» у дяди Антона ассоциировался с ТО-Зами, коммунарами, СОЗами, колхозами. Люди сопротивлялись, не хотели вступать в коллективные хозяйства, но их заставляли.

Летом 1929 г. мы всей семьей поехали в гости в Ивановку. До Белой Церкви ехали поездом, а затем 40 км на подводах. Помню, был солнечный день, после дождя, земля — чернозем. Лошади шли тяжело, вязли. Возница все время их подгонял. Иногда я соскакивал с подводы и бежал впереди лошадей. Лето. Вызревали хлеба. Поля стояли золотисто-желтые.

Давно было, а помнится. Детская память емкая — все вместила и сохранила.

В Насташке жила старшая сестра отца — тетя Палажка. Муж ее, Федор Павлович Дыба, высокий, статный, улыбочивый с большими усами. До революции он служил конюхом у помещика, а тетя Палажка работала на кухне. Там они познакомились, поженились, у них было 5 детей: Нина, Саша, Петя, Валя, Володя. Я был старше Вали и на год моложе Пети. Юра на год был старше Володи. Наш Юра всегда был боевым. За всеми гонялся — и за петухом, и за гусями. Его наступательный пыл не останавливал даже гусак своим угрожающим шипением.

Я, помню, с отцом ходили смотреть, как люди работают в коммуне. Они работали на молотилке, развязывали снопы и бросали на транспортер, а с другой стороны сыпалось зерно и отдельно солома.

Интересно было смотреть. Люди работали весело с прибаутками, шутками. Во время обеда ели борщ. Угостили и нас. Борщ был очень вкусным — такого никогда не ел.

В один из дней сделали на память фотографию — семья Ф. П. Дыбы и наша.

Утром простились. Поехали в Ивановку. С нами в Ивановку поехали Нина и Саша. — Саше было 14 лет, а Нина на 1 год старше. Проехали село Гостра Могила. Следующая — Ивановка. Отец нам с братом об Ивановке столько интересного рассказывал, и все хорошее: про ветряки, которые будут первыми нас встречать, и про ставки, в которых много рыбы, и про дедушку Федора, который уже старенький, и про тетю Явдону, и про ее сына Прокопа, который меня очень любил, когда я был еще крошечным. И вот не в воображении, а наяву со всеми этими людьми я скоро встречу. Сердце замирало. Было радостно и весело, как бывает только в детстве.

Вот вначале показались лопасти крыльев. Ветряки... Крылья медленно вращались, как бы приветствуя нас. Вскоре мы к ним подъехали. Все интересно: и мельница, и бревно с колесом на конце, с помощью которого ветряк поворачивается против ветра.

Мы остановились у тети Явдони.

Прокоп в поле пасет коров, появится вечером. Все интересно — и куры, и петух, и теленок и колодец с журавлем и хата, крытая соломой, топленое молоко в крынке с коричневой пленкой и домашним ржаным хлебом.

А огород — огурцы, помидоры еще зеленые... все удивляет и радует городского мальчика.

Все интересно, все любопытно. В конце огорода — ставок. Отец говорит, что давно, лет 18–19 тому назад, еще при помещике, он его копал со своими товарищами и крестьянами. Как давно это было — 19 лет. Я подумал: «Меня еще не было на свете, а отец уже был и копал ставок».

В этой поездке нам не повезло. Вскоре я, а затем Юра заболели скарлатиной, и мы вынуждены были срочно вернуться в Киев. Папа и мама очень волновались, чтобы не заболели дети тети Явдони. К счастью, все обошлось благополучно, скарлатина их не коснулась.

В Киеве нас навещал детский доктор. Очень приветливый, симпатичный человек с бородкой и в пенсне. Слушал нас, прописывал нам лекарства и успокаивал маму.

В дошкольные годы мы часто бывали в кино. Утром мама нас доводила до кинотеатра, что на улице Чкалова, у Евбаза (теперь «Победа»), брала нам билеты, отправляла в кинозал, а сама шла на базар. Тогда фильмы шли непрерывно: купил билет, заходил в зал. Начало фильма досматриваешь в конце. Возвращаясь с базара, мама забирала нас с Юрой, и мы вместе шли домой. Тогда много шло

приключенческих американских фильмов. Больше всего запомнились фильмы с участием Алана и Гарри Лойда.

В то время отец работал в артели инвалидов. — Он был инвалидом гражданской войны. Артель выпекала хлеб и продавала в своих магазинах.

Однажды к нам в квартиру пришли какие-то посторонние люди. Дома мы были с братом вдвоем. Они походили, посмотрели вокруг, о чем-то поговорили. Мы, перепуганные, забились в угол. Они строго нас предупредили, чтобы завтра в это же время родители были дома — они еще придут. Пригрозили, что если родных не будет, то они заберут часы-ходики. У нас это была единственная ценная вещь, как нам тогда казалось. У многих соседей и ходиков не было.

На другой день эти люди вновь пришли. Пригласили соседей и начали что-то искать. Что они искали — никогда не спрашивал у отца. Своим отцом я очень гордился. Ведь он служил матросом на Черноморском крейсере «Кагул». У нас хранилась его фотография в матросской форме. Во время гражданской войны отец был комиссаром. Такого знаменитого отца ни у кого из ребят во всем дворе не было. Правда, у Юры Короткевича отец был инженер, он ходил в форменной фуражке. Но что значит «инженер», что он делает, мы не знали, другое дело — матрос.

Люди, проводившие обыск, ушли ни с чем. Но что-то случилось. Отец с матерью шептались. Нервничали. Нам с Юрой было страшно.

Потом отец куда-то уходил. Не ночевал дома. А когда приходил, окно плотно завешивалось одеялом. Уходил он утром рано до рассвета. А мы с Юрой ничего не понимали, но было тревожно. Потом отец перестал приходить домой совсем.

Из дошкольного возраста у меня в памяти остался случай с воробьем.

Идя с базара, мама подобрала замерзающего воробья с подбитым крылом. Он не мог летать, и даже не отбежал от мамы, когда она его взяла и положила к себе под пальто. Воробью мы с Юрой очень обрадовались. Нашли для него зерна пшена, крошки хлеба, но он ничего не стал есть. Забрался под кровать и там отсиживался. Крошки хлеба мы перенесли к нему поближе. Мама посоветовала нам не очень беспокоить воробушка — пусть у нас освоится. Но нам с братом было интересно, что делает воробей. Мы по очереди за ним подглядывали. Мы заметили, что количество хлебных крошек стало меньше.

— Это хорошо — сказала мама, — он начал кушать, значит, будет жить. Недели через две он полностью освоился в нашей квартире. Утром, когда мама уходила на базар, а мы еще спали, он прыгал — осматривал все углы наше небольшой комнаты. Как только мама приходила с базара она говорила:

— Воробушек, где ты? Я тебе зернышек принесла, кушать будем.

Он постепенно привык к ее голосу. Выходил на ее зов и за это получал еду. Дело дошло до того, что уже и звать его не нужно было. Услышав звук открываемой двери, он стремглав выбегал из своего убежища, расставлял крылья, и, как бы загораживая дорогу маме, требовал угощение. К этому мы с братом привыкли. Нас воробушек радовал — иногда он сидел рядом и наблюдал за нами. При неосторожном движении он тут же убегал. Летать он по-прежнему не мог.

В какой-то день он не выбежал утром на встречу к маме. Мы были удивлены. Стали звать его. Он не появлялся. Тогда мы начали искать его. Возле крысиной дырки в углу мы обнаружили перышки. Мы все поняли: его в нору затащила крыса и съела. Нашему горю не было предела. Мы с братом целый день ревели. Все мы упрекали себя в том, что не уберегли нашего воробышка. Мама говорила, что не было этой дырки в полу. Ее крысы прогрызли сегодня. Еще долго мы вспоминали нашего воробушка. Мы горевали, и это чувство оставалось с нами очень долго.

Как-то вначале лета мама нам объявила, что мы уезжаем в деревню. Собрались. Уехали на вокзал. Ехали поездом часа 2–3. Вышли из вокзала на станции Березань, что по дороге на Харьков. Потом мы шли полем. Пришли в совхоз Березанский, где папа работал в совхозе заведующим столовой, а сейчас уехал в командировку, а куда и насколько никто нам ответить не мог. Мы очень расстроились. Вернулись на вокзал. Мама купила билеты в Киев. Когда поезд остановился из вагона, в котором мы собирались возвращаться домой, выходит папа. Все мы обрадовались. Папа был безмерно счастлив, подхватил нас с Юрой на руки, расцеловал (отец любил семью). Мама ему показывает билеты на обратный путь. Он взял и порвал билеты. Мы вернулись в совхоз Березанский, где отец имел комнату в общежитии барачного типа. Лето мы провели в совхозе. Мне впервые купили трехколесный подержанный велосипед.

Я познакомился с ездовым, который на лошадях возил обеды в поля рабочим совхоза. Интересно было наблюдать, как уставшие люди деловито садились за обед. Борщ наливался в одну большую миску. Все садились вокруг нее и деревянными ложками черпали борщ, причем под ложкой держали хлеб, чтобы борщ не проливался. Потом также съедали кашу. Запивали водой и тут же ложились отдыхать. Мы с ездовым собирали посуду и уезжали. Незаметно кончилось лето. Осенью мне предстояло поступить в школу. В совхозе была школа. Я пошел в первый класс. Недели через 2–3 мы вернулись в Киев.

В Киеве в середине сентября отец начал меня устраивать в школу. На Гоголевской улице меня в школу не приняли — классы переполнены. Повел меня на Львовскую площадь в школу №21.

Сначала тоже была заминка с приемом, мы ходили из одного кабинета в другой. Разговор со стороны отца был более настойчивый.

Наконец, один дядя с черными усами и такими же густыми черными бровями привел нас в 1 класс «б».

Учительница Вера Филипповна Заварева, худощавая, высокая женщина средних лет с резкими движениями, в пенсне приняла нас очень неприветливо.

— Он же отстал от программы, — и указала на меня.

— Ходил он в школу, пропустил всего 2 дня, — говорит отец.

— Мы уже алфавит заканчиваем изучать.

— Буквы он знает — говорит отец.

— Сейчас проверим — раскрывает букварь учительница.

— Какая это буква? — показывает карандашом учительница, который дрожит у нее в руке.

Смотрю — не то О, не то С. Буква «О» напечатана с изъяном — не полностью замкнуто кольцо. Мою судьбу решила сообразительность. Говорю: «Так она похожа на букву С, а если бы здесь дописать — была бы буква О». Видимо учительница осталась довольно моим ответом — сказала: «Садись вот здесь» и указала рукой на свободное место за партой.

Так я оказался в 1-м классе «Б» 21-й Киевской школы, на Львовской площади. Перед войной в ней было артиллерийское училище, а сейчас находится театральный институт им. Карпенко-Карого.

В первом — втором и третьем классах я занимался не очень ровно. Не всегда хорошо готовился к урокам. Писал неряшливо. Вера Филипповна неоднократно приглашала маму в школу. Демонстрировала ей мои тетради. Тетрадь брала за обложку, а листы разлетались по всему классу. Стихи учить не любил. Хотя с удовольствием читал. У нас в классе была своя библиотека. Раз в неделю Вера Филипповна устраивала обмен детскими книжками.

Оказалось, что я живу рядом с Верой Филипповной. Она жила на Гоголевской улице. Она иногда мне поручала занести ее маме записку или какую-либо передачу. Это я делал с удовольствием. У меня с ее мамой установились самые лучшие взаимоотношения. Я всегда умел находить общий язык с людьми старше себя. Всегда беседовал с ними очень уважительно. Я ей часто рассказывал о своих неприятностях в школе. У Веры Филипповны были серьезные основания быть мною недовольной. Но у ее мамы их не было. Она часто брала меня под защиту.

В 1933 г. отец вновь вынужден был нас покинуть, вернее, вынужден был скрываться. Родители нас, детей, не ставили в известность о причине отъезда отца. Вера Филипповна видела, что мама начала работать. Мы с братом без присмотра. Она стала мне больше уделять внимания. Уроки я делал у нее дома. И почерк стал лучше, и стихи учил, задачи решал. Она любила писать пером «рондо». Теперь этих перьев я не встречаю. Попробовал и я — ничего, получилось весьма неплохо.

Нередко у нас бывали экскурсии. Помню экскурсию на книжную фабрику, что была напротив школы на Львовской площади (сейчас там техникум). Печатались учебники «Суспільствознавство», по которым мы занимались, и которых нам явно не хватало. Мы шли по типографии и смотрели, как делается книга, восторгу не было конца. Когда на складе готовой продукции мы увидели гору книг, которых нам не хватает, мы повели себя по-детски, очень беспокойно. Вера Филипповна после говорила, что она боялась, чтобы кто-либо из учеников не спрятал за пояс книгу. К счастью все обошлось.

Вторая экскурсия у нас была на хлебозавод. И это в голодный-то 1933 г. Шли мы по заводу смотрели, как сыпали муку, месили тесто машинами, как заливали полугустое тесто в формы и отправляли в печь. Но когда с другой стороны печи мы увидели хлебы, много буханок хлеба, за которыми наши мамы стоят в очередях по 5–6 и более часов, наши глаза разгорелись, а под ложечкой начало сосать от голода. Экскурсовод это заметил. Успокоил нас — в конце каждому из вас мы дадим по куску хлеба. Действительно, когда мы пришли в комнату, где переодевались, нас ждали большие куски хлеба, которые мы тут же съели.

В дни революционных праздников мы ходили на демонстрацию — проходили колонной по двое по Рейтарской улице.

Вечером в школе бывали праздничные концерты. Помню, на октябрьские праздники нас пригласили с младшими братьями и сестрами. У Юры оказался грязным костюм. Я его постирал, но он не успел полностью высохнуть. Надел на него влажный костюм и пошел в школу. Юра долго был очень маленьким. Вера Филипповна, желая продвинуть его в первый ряд, взяла его за плечи и почувствовала влажную одежду, страшно удивилась. Пришлось рассказать ей причину. Концерт мы смотрели. Тогда впервые услышал песню Шостаковича: «Нас утро встречает прохладой».

Вера Филипповна была родом из Чернигова. Она об этом городе очень много и увлекательно рассказывала — его историю, соперничество Черниговских князей с Киевскими, говорила о выдающихся людях Черниговщины в дореволюционный и Советский периоды. Говорила захватывающе о черниговских лесах, лугах и Десне. Все мы, ученики Веры Филипповны, прониклись любовью к этому городу. Считали его самым главным городом мира. Даже главнее «Америки». Мечтали поплыть пароходом по Десне в Чернигов. Вера Филипповна обещала нам эту экскурсию, но сначала нам нужно было подрасти. А пока она сводила нас в оперный театр. Шел балет «Красный мак» Глиэра. Спектакль был красочным. Запомнилось, как китайские кули загружали пароход, а погонщики палками их били за медленную работу. Мы возмущались жестким обращением буржуев с китайскими кули.

У нас тогда слово «буржуй» в лексиконе встречалось часто. Буржуев мы видели на плакатах, демонстрациях. О них писали в газетах. В наших головах сложилось четкое представление, что все наши беды от буржуев.

Нас, детей, вовлекали в антирелигиозную деятельность. Помню, на Пасху в наш двор зашел священник со своими помощниками. Мы, ребята, играли во дворе. Когда увидели попов, начали выгонять со двора. На второй день в школе я рассказывал, надеясь на похвалу Веры Филипповны, как мы выгоняли попов со двора. Учительница на меня посмотрела с таким презрением. Прошло много лет — я до сих пор вижу то выражение лица. Слов она никаких не сказала, возможно, не могла, боялась, но ее взгляд красноречиво показал мне, что я совершил подлый поступок. Это я хорошо понял. Он был мне уроком на всю жизнь.

В 1933 году наша семья сильно голодала. В доме истощились все съестные припасы. Маминой зарплаты не хватало на еду. Отца в то время с нами не было. Помощи от него никакой. Мама начала продавать небогатый свой гардероб и нас с братом понемногу подкармливать. Но этого хватило ненадолго. Вещи дешевые — продукты дорогие.

Голодали не только мы. Школьники перестали приносить с собой завтраки, даже хлеб приносили изредка.

Какие-то благотворительные организации для учеников нашей школы организовали горячее питание: давали соевую кашу или кашу из крахмальной крупы. То и другое было невкусное, застревало в горле, проглотить было нельзя. Вера Филипповна видела все это. Она говорила:

— Дети, эта еда очень невкусная, но она содержит питательные вещества, которые сохраняют вам жизнь, вы сможете учиться. Кушайте, я вас очень прошу.

Только авторитет Веры Филипповны заставлял нас есть то, что было малосъедобным даже для голодных детей, какими мы были тогда.

На улицах города появилось много нищих в лохмотьях, опухших от голода людей, женщин с малолетними детьми на руках. Они просили не деньги, а корочку хлеба, не для себя, а ради детей. Видеть и слышать их было страшно. Потому, что мы сами были такими же голодными, как и они.

На улицах появились трупы людей, умерших от голода. Особенно их много было вокруг Евбазы, куда стекались все голодные в поисках, хоть чего-нибудь съестного. Было много беспризорных детей. Днем они промышляли на Евбазе, пытаясь что-либо стащить у зазевавшего продавца. На ночь, в холодное время, они забирались в канализационные люки теплотрасс, откуда их извлекала милиция и отправляла в детдома.

Зимой, перед Новым годом, когда у нас в доме уже совсем ничего съестного не было, мама уехала в Ивановку, к сестрам и братьям отца хоть чем-либо разжиться.

Ивановка — богатейшее село в прошлом. Из него все вымели — хоть шаром покати. Специальные отряды в счет налога вымели все — не только посевное зерно, но и то, что необходимо было для жизни крестьян. Скот кормить было нечем. Его вырезали. Появился бандитизм. Начались грабежи и убийства людей. Моя крестная мама — Настя (отцова племянница) шла из поля домой, где она накопала мерзлой картошки и моркови. На нее напал такой же голодный человек. Ударил ее топором по голове. Мотивы нападения не вызывали сомнения — тогда участились случаи людоедства. Лишь крайнее истощение нападающего спасло мою крестную от смерти. Она была молода. Нашла в себе силы и убежала в село.

Из села мама привезла совсем немного продуктов. Там тоже свирепствовал голод.

Наступила зима. Зима суровая, холодная. Холодно было везде — в доме, школе, магазинах, кино. Голод и холод забирали последние силы. Даже спали в кровати одетыми, все вместе, чтобы легче было согреться. Кое-как мы пережили зиму.

Чтобы иметь дополнительные средства мама приняла на квартиру молодую девушку Дусю, которая работала официанткой в столовой на заводе «Артема». Вместо денег Дуся с нами расплачивалась едой. Ежедневно к обеду я приходил в столовую. Садился за стол, который обслуживала Дуся. Столы были длинные человек на 12—15. Через несколько минут в столовую с шумом врывались рабочие завода. Занимали свои места. Дуся приносила бачок с первым. Ставила на стол. Вручала одному из рабочих разлившую ложку и говорила: «Пацану тоже налей тарелочку супа». Так было и со вторым. После обеда я не сразу уходил. Дуся вручала мне небольшой судок для Юры и мамы. Так мы протянули остаток зимы.

Весной 1933 г. в самый разгар голодомора в Киеве появилась продажа коммерческого хлеба. Как сейчас помню, по 2 р. 70 коп. за килограмм. Очереди выстраивались большие. Наш хлебный магазин был на улице Воровского в доме, где сейчас аптека. Очередь спускалась по ул. Воровского, поворачивала на ул. Гоголевскую и доходила до ул. Чкалова, сейчас О. Гончара. Люди занимали очередь в 4—5—6 часов утра. Магазин открывался в 7. Денег у нас по-прежнему не было, хотя мама работала в 14-й больнице санитаркой (сутки работала и двое была дома). Она очень рано занимала 2—3 очереди. В 6 часов в одну из очередей ставила меня. Я стоял до 8. За это время мама успевала купить 1 кг хлеба, подменяла меня, давала кусок хлеба. К 9 я успевал на уроки. В удачный день мама покупала 3—4 кг хлеба. Один вес оставляла нам, остальные на Евбазе во второй половине дня продавала. Она зарабатывала 1,5—2 рубля для того, чтобы мы могли на

следующий день быть с хлебом. Тогда такую деятельность называли спекуляцией, теперь — предпринимательством. А что ей было делать? Зарплата не обеспечивала прожиточный минимум, а кушать надо каждый день. В тот «бизнес» она вкладывала массу своего труда и времени, привлекала к этому своих малолетних детей. Те 1,5—2 рубля, что она зарабатывала, были гроши по сравнению с затратой здоровья, которое она вкладывала в это дело.

Летом мы с Юрой приспособились продавать воду на Евбазе. Наберем чайник воды, возьмем кружку — и на базар. Кружка воды — копейка. Одни заплатят, другие не заплатят, третьи угрожают: «Я те дам копейку, а ну мотай отседова». Словом, всякое бывало. К вечеру мы зарабатывали 25—40 копеек. Все была помощь семье. Я должен сказать, что в таком деле вырабатывался характер. Я стал понимать, что за себя нужно постоять. А это дается житейским опытом.

Я так подробно остановился на трудностях голодной и холодной осени-зимы и весны 1933 г. потому что в 1993 г. т.е. через полвека после голодомора 1933 года, некоторые люди начали говорить, что голодомор-33 — это миф, выдумка демократов. В Украине, по их утверждению, не было голода в том году, что это наговоры на коммунистическую партию.

Может быть я поверил бы в это или, по крайней мере, сомневался бы в реальности голода, если бы сам не пережил голод, как и наша семья. Если бы не видел, как голодали наши соседи по дому. Если бы не видел на Евбазе и прилегающих к нему улицах трупы опухших людей, умерших от голода. Если бы не выстаивал километровые очереди, чтобы купить килограмм коммерческого хлеба. Если бы не видел, как мама, продала тогда все наши вещи, чтобы спасти нас с братом от голодной смерти. Если бы я не слышал от близких, знакомых и родственников, как умирали люди в селах от голода. Если бы не помнил, как они ждали весну, чтобы на поле найти мерзлую прошлогоднюю картофелину, морковку, буряк. Если бы не видел, как люди собирали и ели первую весеннюю зелень. Если бы не слышал от крестьян, как представители властей насильно вывозили хлеб из крестьянских хозяйств. Если бы не видел в селах брошенные, полуразрушенные хаты крестьян, семьи которых вымерли или, спасаясь от голода в селе, уходили в город, где легче было заработать деньги и купить еду. Если бы не видел разрушенных хат раскулаченных людей, сосланных на Север.

Все это было. Все я видел своими глазами. Экспозиция о голодоморе-1933 г., устроенная в Украинском доме — малая доля того, что было на самом деле в Украине в 1933 г. Меня поражает цинизм тех, кто пытается откреститься от голодомора, защитить виновников его и оправдать действия правительства тех лет.

В классе со мною занимался Коля Минькивский. Тихий, скромный, интеллигентный мальчик. Жили они на Дмитриевской улице.

Мы с ним часто шли вместе из школы домой. Бывало, он заходил утром, и мы вместе шли в школу. Тогда ребята увлекались самодельными санями на коньках. Так что по дороге из школы мы с ним катались. У Минькивских была интересная квартира — вся заставлена музыкальными инструментами. Там были и контрабасы, и виолончели, и даже рояль.

— Коля, почему у Вас столько инструментов?

— Папа музыкант. Это все его, — ответил мне товарищ.

— На каком ты играешь? — поинтересовался я.

Он ткнул пальцем в рояль. Больше мы музыкальных тем не касались.

Примерно, 40 лет спустя, я оперировал композитора Минькивского. Он был народным артистом, известным и уважаемым композитором в стране. Когда он после операции выздоравливал, я у него спросил:

— Скажите, Вы жили до войны на Дмитриевской улице?

— Да, жил.

— У Вас был сын, мой ровесник, он занимался в 21 школе на Львовской площади в помещении, где теперь театральный институт.

Он подтвердил.

Я сказал, что учился и дружил с его сыном. Даже в их доме бывал, где меня поразило большое количество музыкальных инструментов.

— Где теперь Ваш сын?

— Погиб на фронте, в начале войны, — ответил он как-то безучастно, не желая терять прошлое.

Я пожалел, что спросил. Оправдывал себя тем, что нужно же было узнать о судьбе школьного товарища. Немного нас осталось с 1923 года — война выкосила. Настоящее с прошлым переплетается. Не всегда приятно вспоминать, но нужно помнить.

В те далекие детские годы материальные недостатки заставили меня овладеть сапожным ремеслом. Бывало, мама говорит с упреком:

— Витя, на тебя обувь не настачишь. Недавно купила ботинки, а ты их уже порвал.

— Мама, ты купила ношенные — они и порвались.

У мамы денег не было. В школу ходить надо. Ботинки порвались — значит надо брать за починку обуви.

Я с раннего детства всегда что-нибудь мастерил. Это у меня получалось. Взрослые иногда похваливали мои поделки. Поэтому без особой раскачки решил испытать себя в новом деле. У старших выяснил, как делать деревянные гвозди и дратву. Сделал сапожную лапку. Гвозди и молоток у меня были. Сначала взялся за починку своих ботинок. Подбил каблук и частично оторвавшуюся подошву. Не очень красиво получился каблук. Не было рашпиля, чтобы зачистить его, но ботинок стал целым, и его можно было носить. Потом, что-то починил маме. Потом пришла пожилая соседка — подшил ей та-

почки и заработал целый рубль. Время от времени починкой обуви для себя и своих родных я занимался вплоть до окончания института.

Прав С. С. Юдин, говоря, что если хирург — мастерской, то и в операционной технике у него дела идут неплохо. Это подтверждает и мой опыт. Мне всегда удавались оригинальные операции, операции, не описанные в учебниках и руководствах по оперативной хирургии. Многие этапы операций выполнял нетрадиционными методами, внося свои усовершенствования с учетом хирургической анатомии в каждом конкретном случае.

Весной 1934 года папа прислал письмо. Он устроился работать в конторе Шаркивского буракосовхоза в с. Синява Ракитнянского района Киевской области. В письме он приглашал нас приехать к нему на лето. Мы с Юрой обрадовались такому известию. Мама была менее оптимистична: «Почему он прислал доплатное письмо? Значит у него плохо с деньгами. Как же он живет и где — в письме об этом ничего нет». В ее душу закралась тревога. Мы ее поняли и притихли.

Через неделю мама посадила меня напротив себя. Я сразу понял серьезность момента.

— Вот что, Витя, к отцу сначала ты поедешь один. Мне с двумя детьми тяжело. Видимо, сейчас отец нам материальной помощи оказать не сможет. Поживите одни. Скажешь отцу, что через некоторое время я приеду с Юрой посмотреть, что к чему.

Поезд из Киева уходил вечером. Мама и Юра меня провожали, ее смущало то, что на станции Ракитное поезд прибывал в 23 часа. Меня отец не встретил. Наверно не получил письмо, которое мы ему отправили.

Я оказался на незнакомой станции. Ночь. Мне стало страшновато. Не удивительно — тогда мне было неполных 10 лет. На привокзальной площади стояла пароконная бричка, в которую садились два человека, приехавшие этим же поездом из Киева. Я подошел к ним.

— Дяденьки, как попасть в Шаркивский совхоз?

— А чего тебе туда?

— Там отец мой работает — сказал я им.

— Как фамилия его?

— Карпенко Степан Федорович.

— Я знаю его — это тот, что в конторе работает, — сказал один другому.

— С кем ты приехал?

— Сам.

— А вещи твои где?

— Вещей у меня нет.

— Ну садись в бричку, поедем.

Сначала крепился, чтобы не задремать, но сон взял свое.

Проснулся, когда мы подъезжали к какому-то дому с красной железной крышей. В этом доме жил один из попутчиков — зоотехник

совхоза, в котором работал отец, Харченко. Утром я нашел своего отца. Письмо, которое я послал ему за неделю до выезда из Киева, он получил на второй день после моего приезда. Отец был очень рад моему приезду, расплакался — сдали нервы.

Целый день я бродил вокруг конторы совхоза, в ожидании, когда отец закончит работу. Вблизи живописные берега реки Рось. Всякие мысли были в голове — детские и недетские. Кругом очень красиво... Из Киева уехал — жалко. Там остались брат и мама. Как они? Как мы будем жить с отцом и где будем жить? В Киеве ранней весной, после школы мы с ребятами убежали на Андреевский спуск. В косогоре рыли печурку, делали отверстия для дыма. Палили ветки, в золу клали картошку и, хоть она была сыровата, с удовольствием ели. А Днепр ранней весной разливался на весь Подол. По улицам Подола плавали на лодках. В половодье между льдинами на воде можно было видеть плывущие сваленные деревья и легкие деревянные строения. Наводнение их смывало и уносило.

А летом на моторных лодках переезжали на Трухановский остров — там были роскошные пляжи и мелководье. Раздолье! Правда, тут Рось тоже красивая, можно купаться.

Вспоминались выезды с родными в Голосеевский лес и Дарницу. Туда ездили трамваем. Удобно было. На природе варили пшенный кулиш, заправленный салом и зажаренным луком. Интересно, что во время голода всегда вспоминаешь случаи, когда были обильные обеды, и очень жалел, что когда-то что-то не доел. Вот сейчас бы — это класс! Но от этого еще больше хотелось есть.

Мысли вроде бы детские, но и недетские. Не покидают мысли о еде — живот напомукает.

1933 год нас рано сделал взрослыми. Мы уже знали и пережили самые острые месяцы голода. В Киеве коммерческий хлеб был низкого качества, но можно уже было выжить. Все время хотелось кушать, что-либо жевать. Как раз цвела акация. Я ел цветы акации — все же не пустой живот. День тянулся долго. Знакомых у меня не было. Одному скучновато. Наконец, отец вышел из конторы, и мы пошли с ним домой. Он жил на другой стороне Роси. Если бы переплыть ее, было бы близко, а пешком идти, вокруг, через мост, километра 3—4. Дорога живописная — через сахарный завод, леваду, мост, а затем вдоль огородов на левом берегу Роси и — дома. Дом, где жил отец — сельская хата из кухни и двух крошечных комнат. В маленькой комнате лежанка и русская печь. Топка печи — в большой комнате. Маленькие сени. Полы глиняные. Хата обшарпанная, давно не мазанная. Хозяйка, баба Федора, живет в Москве у своего сына. Уехала еще до голода. Хозяйства у нас не было. Одна хата. Большой огород выходил к леваде и Бурчаку. Бурчак — от украинского слова «бурчать» — небольшая речушка. Вода в ней чистая, прозрачная, водится рыбешка, мелочь.

После скромного ужина — молока с хлебом, отец повел меня на огород. Городскому мальчику было все интересно. Отец посадил немного картошки. Приходилось одну картошку разрезать по количеству глазков. Он объяснил — рискованно. Может не хватить питания для стебля до появления корневой системы. Потом смотрели всходы огурцов, а ближе к Бурчаку была высажена рассада помидоров. Их мы полили. В последующие дни у меня была работа на огороде. Интересно было наблюдать за ростом растений, всходами картофеля, ростом и цветением трав на леваде. Левады были роскошными. Трава доходила мне до плеч. Лягу в траву, смотрю на небо — оно голубое, дымчатое, бесконечное, удивительное.

Птицы поют — там их было великое множество. А важные черногузы? До чего же красивая и гордая птица! Ее берегли люди, бергли гнезда. Люди считали, что гнездовье черногузов на клуне, на дереве во дворе, принесет семье счастье, потому и хранили гнездо. Некоторые крестьяне специально закапывали во дворе столб с колесом наверху, чтобы гнездились черногузы. Было очень интересно наблюдать, как черногузы кормили своих детенышей лягушками, как стучали своими длинными клювами.

Вскоре познакомился с соседскими мальчиками и девочками. В селе это происходило быстро. Меня сразу же окрестили «кацапом». Поводом послужила моя речь, но меня эта кличка не обижала. Почти у каждого мальчишки бывали клички. Но уже вскоре большинство моих сверстников называло меня по имени, как и я их. Я им показывал, как делать парусные лодки, они меня научили делать из вербы свистки — обменивались опытом. Тем летом я научился плавать. В Юзефовке (район Ракивного, примыкавшего к Роси, где мы жили) Рось имела два рукава. Оба рукава не очень глубокие, дно песчаное. Для детвора раздолье. Купались по несколько раз в день. Учились плавать друг у друга. Так в течение 2—3 дней я почувствовал, что стал держаться на воде у берега, а к концу месяца вместе с ребятами переплывал на остров, где все мы загорали. С едой у всех было плохо, потому на острове мы собирали дикий шавель и ели его.

Вскоре я подружился с соседской семьей — Ивана Зинченко, его женой и дочкой Христиной. Ей было лет 18—19. Мы у них покупали (вернее брали в долг до полочки) молоко — утром и вечером по бутылке. Отцу в совхозе платили зарплату нерегулярно. Иногда вместо денег выписывали кукурузную крупу, муку, молочный обрат. Зинченко вел единоличное крестьянское хозяйство. У него была лошадь, корова, свинья, куры, свой огород и поле. Больше всего меня привлекала его лошадь — серая в яблоках, высокая, с длинной красивой шеей, гордой осанкой, шелковой шерстью. Лошадь была смиренная, любила ласку. Не лошадь — а самый добрый и умный друг. Я рвал траву и давал лошади — она брала из рук. Я срывал лишние листья из стебля кукурузы и кормил ее — видимо они ей нрави-

лись — она стояла и ждала, когда видела, что я рву для нее кукурузные листья. Дядя Ваня, видя мое отношение к лошади, со временем разрешал мне ее отводить и забирать с левады, где она, стреноженная, паслась. Сначала я ее водил на поводке, а потом изловчился на нее садиться. Я подводил ее к пню и с него вскакивал на спину лошади, или заводил в Бурчак напиться воды и садился на нее верхом с высокого берега. Она всегда терпеливо ждала. Трогалась в путь, когда чувствовала, что я уселся на ее спину. Прекрасная лошадь! Сколько она доставляла мне радости. Она украшает мою память о детстве. Как я плакал, когда узнал, что дядя Ваня перед вступлением в колхоз продал ее и купил гнедую лошадь, которая не выдерживала никакого сравнения с серой лошастью, но подходила, по мнению дяди Вани, для колхоза. Христина тоже плакала. Я долго не мог забыть эту серую красавицу-лошадь.

Лето пролетело быстро. К концу лета к нам приехала мама вместе с Юрой. Я водил Юру по огороду. Он всему удивлялся — красным помидорам — тыквам, буракам. Копка картошки для него была настоящим праздником. Каждая выкопанная картошка вызывала у него восторг. Как городской мальчик, он ничего подобного не видел раньше. По-видимому, он думал, что все покупается на базаре, куда он ходил с мамой. А оно, оказывается, растет, прежде чем попадает на базар. Как это интересно!

В этом отношении, городские дети, по сравнению с сельскими, сильно обделены. Они отдалены от природы, меньше чувствуют ее. Поэтому бывают более черствыми, жесткими и грубыми. Сломать дерево или вырвать цветок из клумбы для городских ребят ничего не стоит — много раз это наблюдал. Сельские дети этого себе не позволяют.

Осенью — пошел в 4 класс синявской 7-летней школы. Юра — в первый. В Ракитном мы остались жить на зиму. По гудку Сахарного завода мы вставали, собирались — папа в контору, а мы в школу. Школа была недалеко от папиной конторы, поэтому туда шли вместе.

Подробностей учебы в 4 классе я не помню, но окончание учебного года хорошо запомнил, потому, что в нем было одно важное событие — встреча с Верой Филипповной.

На экзамены (тогда в 4 классах были экзамены) в нашу школу облоно командировало Веру Филипповну. Я увидел ее во дворе школы, подбежал поздороваться с ней. Очень ей обрадовался. К Вере Филипповне я был очень привязан.

На экзамене по арифметике меня вызвали к доске и экзаменовали по устному и письменному счету. Я никогда не отличался особыми успехами по математике. А тут дополнительные волнения. Считал в уме долго, думал, смотрел в потолок. Вероятно, от моих ответов ни учитель, ни Вера Филипповна удовольствия не получили. После экзамена я пригласил Веру Филипповну домой. Она у нас жи-

ла дня три. Помню, мы вместе с ней ходили в лес, на Рось. Она очень хорошо понимала лес, рассказывала о различных деревьях, кустарниках, травах. Это была незабываемая прогулка. Хорошо помню, как мы ее провожали всей семьей на вокзал. Когда она скрылась в вагоне, я не выдержал — разревелись.

В синявской неполной средней школе в 5–6 классах преподавание проходило с большими перебоями, не так, как в Киеве.

Учителей был неполный штат. Учителя совмещали должности. Учеников было мало. Тетради выдавали в очень ограниченном количестве. Были проходные классы. Опоздавший ученик нарушал работу двух классов. Школа работала в две смены. Наглядных пособий никаких. Зимой в классах было холодно. Ученики сидели в пальто, полушубках, а иногда даже в перчатках. Особенно холодно было в школе после каникул, во время которых классы не отапливались.

Учителя часто менялись, поэтому запомнил немногих.

Директор школы Гуртовенко ютился с семьей в школьном здании, в квартире, состоявшей из кухни и комнаты. Квартира имела отдельный ход. Его сын, Миша, занимался со мной в одном классе. Он переболел туберкулезом позвоночника, был горбатым и учился хорошо.

Гуртовенко был интересным, инициативным и доступным человеком. Играл на скрипке, вернее руководил драматическим кружком при клубе сахарного завода. Нередко мы видели его, загримированного до неузнаваемости, в любительских спектаклях.

Он все время заботился о школе. Когда я учился в 5 классе, в школе был организован пионерский лагерь, где нас сносно кормили, устраивали «экскурсии» в поле на прополку проса от бурьянов и сбор зерновых колосков после уборки косарками. За это, видимо, и кормили. Я пытался вспомнить и не смог — какой предмет преподавал Гуртовенко. Может быть, он преподавал в других классах. Не помню.

Запомнился учитель немецкого языка — несчастный, жалкий и неухоженный немолодой человек. Седой, лицо обрюзгшее, видимо выпивал. На уроках постоянно жевал сухарики, которые извлекал из кармана. Он был глуховат, говорил громко, учеников, отвечающих урок, плохо слышал. Чтобы скрыть свою глухоту никогда не поправлял, не делал замечаний и не переспрашивал учеников.

Была у него дочь дошкольного возраста, которую он приводил с собой в школу. Она тихонько сидела на задней парте, что-то рисовала. Время от времени подходила к отцу, что-то шептала ему на ухо и возвращалась на свое место. Отец дочь свою обожал. Казалось, это единственное, что у него есть на свете. От этого становилось до боли жалко этого старого учителя и еще больше жалко его дочурку.

Преподавание немецкого языка сводилось к заучиванию слов и переводу текстов, которые учитель записывал на доске, а мы переписывали. Записывались и переводились контрольные слова. Заниматься было неинтересно. На уроках был невероятный шум. Ино-

гда учитель, повысив голос, говорил: «Kinder ruhig!» Мы хором за ним повторяли этот призыв. Немецкого языка никто не знал не только в нашем, пятом, классе, но и в 6-м и 7-м классах.

Учительница русского и украинского языков и ее муж, учитель математики и физики, только в этом году приехали работать в школу. Им было до 30 лет, детей у них не было, денег тоже. Жили они на квартире и, со слов всезнающих учеников, жили в долг до зарплаты. Они старались донести свои предметы до учеников.

Учитель математики устраивал олимпиады и готовил математические номера для вечера художественной самодеятельности на праздники. В эту работу он вовлек и меня. Номер был очень простой. Я должен был дать одному из учеников, приглашенных на сцену, монеты 3 и 10 копеек. Он должен руки заложить за спину и по своему усмотрению переложить из руки в руку. Я же должен ему задать следующую задачу: сначала то, что в левой руке умножить на 17, а затем то, что в правой руке тоже умножить на семнадцать. По разнице времени решения задач я должен был отгадать, в какой руке какая монета. Учитель предупреждал меня, чтобы я вызвал ученика, который хорошо считает. Этим советом я пренебрег и поплатился — в какой руке была какая монета, я не угадал. В зале был общий смех.

Хорошо запомнился учитель географии. Он был среднего роста. Голову брил. Скуластое лицо было тоже гладко выбрито. Он был невысок и держался очень прямо. В то время шла коллективизация. При совхозе был политотдел, который следил за политработой среди населения. А учитель географии очень красочно, ярко и образно рассказывал о фермерском сельском хозяйстве Франции. О сельскохозяйственной технике, комбайнах, доильных аппаратах и т.д. У нас был ученик Иван Иваненко, который считал, что крестьянину грамота не нужна. Он считал, что крестьянин должен уметь пахать, сеять и убирать то, что вырастил на земле, ручным способом, исключая разве что пахоту и боронование земли с помощью тракторов. Что же касается того, чтобы косить и молотить хлеб комбайнами, — в это он поверить не мог. Слова учителя его не убеждали.

Стараясь доказать ученику, что комбайном зерновые можно одновременно косить и обмолачивать, учитель еще более красочно описывал фермерские хозяйства, считая, что они лучше и эффективнее, чем коллективное хозяйство, к которому стремятся у нас. Взгляды учителя расходились с взглядами партии на развитие сельского хозяйства. Рисковал учитель в те годы, и нешуточно рисковал. Из его уроков я почти все забыл, а вот о фермерском сельском хозяйстве Франции помню до сих пор.

Зимой на Роси красиво! Особенно когда замерзает Рось, а снег еще не выпадает. Катание на коньках — прелесть. Сквозь тонкий еще лед просматривается дно, видна плавающая рыба, колышущиеся водоросли. Тонкий лед под нашей тяжестью иногда потрескивал

и прогибался — мы опрометью разъезжались врассыпную. Иногда все обходилось, а иногда попадали в холодную купель. Правда, в начале зимы мы катались на мелководье.

По льду мы заезжали в болотистые участки леса, куда летом пробраться было невозможно. Там было много мерзлой рябины, которая казалась нам деликатесом. Чтобы немного согреться, разжигали костер из камыша. Только к вечеру мы добирались домой уставшие, голодные, счастливые. Чтобы не обморозить лицо, особенно, если ехали на коньках против ветра, разжигали камышину, стебель брали в рот и зажимали в зубах. Камышина горела и обдавала тепло лицо. С нетерпением ждали выходных дней, чтобы повторить путешествие по речке в лес.

Зимой вечера длинные. Электрического света не было. Иногда мы у кого-нибудь собирались. Соседский мальчик Левко играл на балалайке, ребята ему подпевали.

В ту зиму я научился играть в шахматы. Отец неплохо играл в шашки и нас научил. Теперь все начали играть в шахматы. Своих шахмат не было. По инициативе отца мы начали сами вырезать шахматные фигурки из дерева. Начали с пешек. Получилось неплохо. Постепенно вырезали все фигуры. Одни остались белыми, другие мы покрасили красными чернилами. Теперь к нам заглядывали ребята поиграть в шахматы. Появилось у меня две группы друзей: синявские, с которыми я занимался в школе, и соседские.

Из школьных товарищей запомнились Коля Саенко и Петро Римбецкий. Петро работал в СОЗЕ (совместная обработка земли). Он во время косовицы упал с косилки, и ему отрезало руку на уровне правого предплечья. После этого он возобновил учебу в школе. Он был на 2 года старше нас, занимался хорошо. Лучшее всех занимался Коля Саенко. Он всегда держался с достоинством, был предприимчивым заводилой, смелым и физически крепким. Наши игры всегда включали элементы борьбы, которая иногда заканчивалась незлобной потасовкой, которая взаимоотношения не портила. После войны Коля работал на сахарном заводе в Кагарлыке — так сказала его мать, которую я навестил в 1969 г.

Помню, однажды мы с Колей Саенко попали в историю, которая чуть не стоила нам жизни. На Роси было половодье, шел лед. Школа была на другом берегу реки. Коля жил у самой речки, у моста. (Их дом стоял еще в 1986 г, но из их семьи в нем уже никто не жил. Мать Коли переехала в г. Киев к дочери Оле). У них была двухместная лодка, рыбацья плоскодонка. Не долго думая, мы с ним спустили лодку на воду. С одним веслом пустились в путь на другую сторону. Нас подхватило течением и понесло совсем не туда, куда нам нужно было. Иногда лодку затирало льдинами, мы отчаянно отпихивались от льдин и гребли в сторону противоположного берега. Летом на этой лодке мы катались многократно. Она нас не подводила. И сил у нас

хватало выгребать. Но в половодье — совсем иное дело. Течение сильное. Нас несет, а мы попеременно гребем одним веслом. Сейчас я не помню, чтобы нас охватило чувство страха. Лодка на ходу. Нас водой не заливают, но плывем мы не туда, куда нужно. В километре — плотина. Это опасно. В половодье через нее водопад. Но ни о плотине, ни о водопаде мы не думали. Усиленно гребли к берегу. Толпа людей, стоящая на берегу у сахарного завода, нас заметила. Люди стали нас подбадривать, спустили на воду большую четырехвесельную лодку, вышли нам наперерез и вскоре взяли на буксир. На берегу нам надавали подзатыльников. Вечером мне досталось и от отца. Ему обо всем рассказали сослуживцы, которые были среди спасших нас людей.

Наш авторитет у ребят вырос. Шутка ли — на простой рыбацкой лодке пуститься в плавание в половодье и ледоход.

В Синявский период жизни нас, ребят 5 класса, потрясло одно событие. С нами учился Сережа Зозуленко. Хорошо его помню. Он был веселым, задорным смуглым мальчиком с карими глазами. Отец его работал на сахарном заводе. У него была красивая мама. Сережа очень любил свою маму и гордился ею. Много о ней рассказывал и всегда в превосходных степенях. И вдруг сержина мама оставила семью, уехала с каким-то человеком. На Сережу страшно было смотреть. На уроках он плакал, нервничал, не готовил домашние задания. А через какое-то время вообще перестал ходить в школу. И дома его не было. Он бросился в погоню за мамой. Куда он ездил — никто не знал. Недели через две явился в школу. Счастливый и сияющий — нашел маму и вернул ее домой. Она дала ему слово, что не будет больше от него уезжать. На большой перемене он нередко бегал домой проверять, дома ли мама.

Тогда подобные семейные драмы были редкостью. Мы, дети, не понимали, как мать может оставить семью и уехать с другим человеком. Мы с Юрой тяжело переживали даже временную разлуку с матерью и отцом. Мы, школьные товарищи, переживали за Сережу и радовались, когда он вернул мать домой. Мы не все понимали, но сочувствовали ему. Мы не знали, как словами выразить ему поддержку. Наше внимание к нему проявилось в том, что его стали чаще приглашать играть, дарили какие-то поделки, оказывали мальчишеские знаки внимания, которые давали ему почувствовать, что у него есть друзья, что мы с ним.

Время и послеоктябрьская урбанизация нашего общества упростила семейные связи, особенно в городах. Мужчина и женщина, не задумываясь, легко идут на разрыв семейных уз, даже если у них имеются дети. Свобода и равноправие мужчин и женщин выше семейных предрассудков. Эти тенденции усилились после Великой Отечественной Войны, когда наблюдалась массовая гибель мужчин, и многие семьи оставались без главы. Женщина вынуждена

была взять на себя двойные обязанности. Потом женщины, выросшие в таких семьях при разногласиях с мужем не ищут компромисса, а идут на разрыв — мол, меня мать вырастила и я смогу сама воспитать своего ребенка. Что из этого получается — мы сейчас хорошо видим.

Я помню, мы в детстве были привязаны к отцу. Любили слушать его рассказы или сказки. Нам очень нужна была его похвала. Как плохо мы себя чувствовали, когда он наказывал нас. Часто дело доходило и до порки, но обиды на отца никогда не было. Нас с братом не наказывали, если мы что-то разбили, порвали, потеряли, забыли сделать. Доставалось за обман, за плохую учебу в школе...

Однажды до начала уроков в класс зашел директор школы Гуртовенко и капельмейстер духового оркестра при клубе сахарного завода. Директор спросил, кто из мальчиков хочет записаться в духовой оркестр. Поднялось много рук. Я тогда мечтал научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, но случая не представлялось. А тут такая удача. После уроков нас, учеников 5–7 классов, капельмейстер повел в больницу на проверку к врачу. Очередь дошла до меня. Старый седой доктор Ридер долго слушал мое сердце. Наконец, он сказал своей помощнице: «Акцент II тона (это я хорошо запомнил на всю жизнь). Запишите, что ему на трубе играть нельзя». Я разнервничался и не мог удержать слез.

Видя мое бедственное положение, капельмейстер Работников обратился ко мне.

— Мальчик, а на барабанах будешь играть?

— Буду.

— Вот и хорошо — будешь учиться играть на барабанах.

Два раза в неделю до начала уроков в школе (занимались во вторую смену) я ходил учиться играть на барабанах.

Организации детского духового оркестра предшествовал распад духового оркестра клуба завода. Старый капельмейстер был неуправляем: часто увозил оркестр играть на свадьбах или на похоронах. Поэтому срывались репетиции. Оркестр взрослых распустили и набрали школьников. Капельмейстер Работников стремился к 1 Мая, к торжественному собранию на заводе, обучить нас играть «Интернационал» и туш.

К середине апреля мы играли эти вещи индивидуально, а затем приступили к репетициям оркестра. Все играют правильно, а я сбиваюсь. Порчу все. Работников мне подсказывает, как играть, на что обращать внимание. А я сбиваюсь. Я чувствую, что он стал нервничать. Я нервничаю еще больше. Хоть бери и бросай. Не хочется играть... В какой-то момент я что-то уловил в игре баритона, и преодолел себя. Сыграл первый раз без ошибки. Сыграли еще — опять без ошибки. Играли еще, еще и еще без ошибки. У меня получается! Я на радостях объяснил капельмейстеру, что играю по баритону. Он

удивился: «Впервые слышу, чтобы барабан играл по баритону. Но раз получается, играй по баритону».

На торжественном собрании детский духовой оркестр сыграл Интернационал и многократно туш, когда работникам завода вручали премии и подарки. Нам аплодировали, а мы были вне себя от радости.

Вскоре наступили каникулы. Оркестр репетировал почти каждый день, репертуар наш пополнялся. На октябрьские праздники мы сыграли целый концерт. Правда, наши трубачи не всегда вытягивали сольные партии. Это за них делал Работников, но в остальном все было хорошо. Что-то и со мною случилось — я прозрел, что-то уловил и играл довольно хорошо, свободно и довольно раскованно, исчезло чувство, неуверенности. Сказалась летняя тренировка, а главное — поддержка капельмейстера. Помню, в конце концерта наш директор школы Гуртовенко сказал:

— Посмотрите, что значит учитель... Пришел капельмейстер товарищ Работников в школу, взял два десятка мальчиков и в течение 10 месяцев обучил их играть на духовых инструментах. Посмотрите, какое удовольствие мы получили от игры наших учеников. И все благодаря тов. Работникову, который щедро поделился своими знаниями с ребятами. — В своей речи он похвалил и меня. Оркестр существовал чуть более года. Потом Работников уехал работать в Киев. В оркестр вернулись прежний капельмейстер трубач, рабочий завода, и его взрослые коллеги. Нас, мальчишек, из оркестра прогнали. Остались два-три семиклассника, которые нужны были новому капельмейстеру. Оркестранты подрабатывали на различных мероприятиях, а мы, школьники, для этого не годились.

В совхоз иногда приезжала кинопередвижка. Электричества не было. Киномеханики привлекли нас, мальчишек, крутить динамомашину. Дело нелегкое. Поэтому мы часто сменяли друг друга. При таком прокате не всегда получалось цельное представление о фильме. Обычно показывали упорный труд на стройках, на колхозных и совхозных полях, героев первых пятилеток. Вспоминаю, как при минимуме механизации, ручным трудом тогда воздвигали Днепрогэс, Магнитогорский и Челябинский тракторные заводы, Уралмаш и многое другое. В кинохрониках лица рабочих и крестьян были радостными, они работали с энтузиазмом.

Первого января 1934 г. нас поразило убийство С. М. Кирова в Ленинграде. Тогда об этом убийстве много писали в газетах, говорили по радио. Из средств массовой информации мы узнали, что есть вредители, враги народа, которые пытаются разрушить страну рабочих и крестьян, что нужно ответить ударом на удар — к суду врагов народа и их пособников. Примерно в то время я услышал лозунг М. Горького «Если враг не сдается, его уничтожают». В селе мы только и слышали о том, что творится в Москве, Ленинграде, Киеве.

Коллективизация создала много проблем в селах. Кулаков уничтожали как класс. Пустели дома, разорялись соломенные стрихи, заколачивались досками окна. Многих людей отправляли на Соловки, в Сибирь... А тех крестьян, кто оставался в селе, каждое утро бригады выгоняли в колхоз на работу. Вместо платы — трудодни. Никто не мог сказать, что на них дадут. Поэтому люди не торопились на работу. В 1933 году они ничего не получили в колхозах — все вывезло государство.

Летом завод купил планер. Мы, мальчишки, все бегали его смотреть. Самолет У-2 мы видели часто. По воскресеньям из Киева прилетал самолет и катал колхозников-ударников. Самолет поднимался в воздух, описывал круг над Ракитным и садился на ровной леведе. Брал очередного ударника и т.д. Планера раньше мы не видели. Слышали, что есть такие летательные аппараты. Теперь сахарный завод приобрел планер.

После учебы начались полеты. Нас, мальчишек, использовали как тягловую силу. Мы вместе со взрослыми натягивали резиновый канат до тех пор, пока планер не срывался с места и не взлетал в воздух. Мы кричали «Ура» и бросали кепки в воздух. Полеты повторялись каждый выходной день.

Как-то раз, будучи на прополке проса в совхозе, мы обратили внимание, что большой двухмоторный самолет быстро снижается. Примерно в двух-трех километрах от нас он сел на скошенное поле. Вместе с учителем мы побежали к самолету. Он был сделан из листов гофрированного алюминия. Наш учитель просил командира военного корабля рассказать школьникам о самолете, но вместо рассказа тот отогнал нас на 100–150 метров. Мы стремились хоть издали осмотреть самолет. Предела нашему восхищению военным самолетом не было. После обеда из Белой Церкви приехала машина техобслуживания. Провели ремонт моторов. При помощи особого устройства завели моторы. Они взревели. Машина покатила по полю, взлетела и вскоре скрылась за горизонтом.

К тому же времени относится гибель шестимоторного самолета-гиганта им. М. Горького. Об этом очень много писали. Опять искали врагов. Коллективы некоторых предприятий страны решили организовать сбор денег на постройку еще более совершенного самолета. В кино демонстрировали полет самолета, и комментарии к нему были самые неправдоподобные: опять искали врагов народа.

По радио в те годы много говорили и писали о северном морском пути и необходимости преодолеть навигацию с запада на восток в один сезон. Поручалось это экспедиции под руководством Отто Юльевича Шмидта на пароходе «Челюскин». Как известно, «Челюскин» был зажат льдами, раздавлен и утонул. О спасении экипажа писали и говорили каждый день. Мы, мальчишки, прослушав радио на заводе, пересказывали услышанное в школе и дома.

Спустя какое-то время в заводском клубе мы смотрели кинохронику «Челюскинская экспедиция». Конечно, то, что сделал экипаж было героизмом. То, что сделали полярные летчики по спасению экипажа, было вдвойне героизмом. Их подвигу мы радовались и апплодировали.

На всю жизнь я запомнил дикторский текст фильма: «Нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики». В эти слова мы свято верили, вспоминая фильм «Чапаев», рассказы о взятии мятежного Кронштадта, о победе Красной армии над Антантой и многое другое, о чем нам постоянно говорили в школе и по радио.

Коллективно, всей школой, мы ходили смотреть фильм «Доклад т. Сталина И.В. о конструкции СССР». В душном зале ребятам трудно было высидеть 2 часа и слушать не совсем понятный для детей доклад. Благо, его немного разделили, вставками — радостный труд на социалистических стройках и вдохновенный труд на колхозных полях.

Энтузиазм в народе поддерживала компартия. Народу обещали светлое будущее — коммунизм. Народ пугали окружением империалистических государств, говорили, что капитализм загнивает и вот-вот ему хана.

Люди жили в тяжелых условиях. Голодомор 1933 года себя еще давал знать. Люди еще не наелись вволю хлеба. Поэтому многие искренне верили в то, что обещает советская власть, и отдавали все свои силы, знания и опыт индустриализации, электрификации страны, позже — химизации страны и развитию коллективного хозяйства в селе. Жизнь все же улучшалась, и это вселяло надежду на лучшие времена.

Отец с матерью все чаще поговаривали о необходимости выезда из Ракитного в крупный город: нет перспективы для учебы детям. Весной 1937 г. отец один выезжает в г. Сталино (Донецк). Тогда я закончил 6 классов, а Юра — два.

Летом я навещил родственников в Ивановке. От Ракитного это 30—35 км. Мама ушла на работу. Работала она в санатории на кухне и там нас с братом подкармливала. И вот я, написав ей записку, ушел пешком в Ивановку. Дорога длинная. До Насташки я хорошо дорогу знал. А после Насташки нужно было пройти еще 18 км по неизвестной мне дороге.

У людей, отдохавших на обочине, я спросил дорогу до Ивановки.

— Иди по насыпи — она доведет.

До революции хотели соединить железнодорожной веткой Ракитное и Жашков. Насыпь сделали, железнодорожные будки кое-где построили, а рельсы не уложили — помешала война, как объяснили мне знатоки. Пошел я. Попутчиков не было. Встречные люди не попадались. Как-то страшновато стало. Какой-то внутренний голос говорил: «Вернись», — а другой внутренний голос подбадривал: «Иди, дай-дешь». Преодолевая сомнения, я шел. Дорога пошла лесом, лес дубо-

вый, темный — опять страшновато. Опять внутренние голоса говорят каждый свое, но я иду. Лес кончился. Кушать хочется. С собой был кусок хлеба — я его съел. Теперь нет ничего. Солнце склоняется к закату. Справа показалось село. Оказалось, Гостра Могила. Я вспомнил это название, обрадовался. Теперь близко — 3—4 км, это я знал. Приободрился. Пошел живее. Вскоре я был в Ивановке у тети Явдони.

Начались расспросы, оханья, аханья. Как же один решился идти в такую даль. Меня помыли, накормили и уложили спать. На второй день с Федосем мы обошли всех родственников. Принимали нас по-разному. Угощали медом, варениками, яблоками. Тогда, в 1937 году, в селах уже стали жить немного лучше — еда была.

Дядя Федот и тетя Палажка со своими детьми переехали из Насташки в Белую Церковь. Они купили себе небольшой домик. Раньше мы с отцом их часто навещали в Насташке. Я любил тетю Палажку. Она была доброй. Я всегда удивлялся, когда она спит — раньше всех встает и позже всех ложится спать. Хозяйство и дети. Правда, Нина и Саша уже живут отдельно. В семье остались Петя, Валя и Володя.

Тетя Ирина вышла замуж за вдовца — Степана Кирилюка. У него было 4 детей от первого брака, потом появилась и общая дочь — Аня. В 1937 г. Степана забрали как врага народа и увезли из села. Семью его не тронули. С тех пор о нем ничего не известно. Как в воду канул. Так и осталась тетя Ирина с 5 детьми, ни замужняя, ни вдова. Все дети ее очень любили и жили до ее кончины все дружно. В Ивановке дядька Яков забрал меня к себе и заставил смотреть за его детьми, которые были младше меня. Я хотел уйти через 2—3 дня домой, а он не пустил. Взять бы да уйти, но я, мальчик, не решился ослушаться старших. Все же я посетил дядю Прокопа в Жашкове, который работал бухгалтером на сахарном заводе. Его жена, тетя Явдоня, была очень красивой женщиной, веселого нрава. Помню она тогда читала книгу «Поднятая целина». Мне она пошила брюки, в которых я ходил потом в школу. У тети Авдотьи и дяди Прокопа было трое детей младше меня.

В один из дней я получил телеграмму из Ивановки, что за мною пришла мама. На подводе, на которой привозили зерно на элеватор, под вечер уехал в Ивановку. На подводах мы улеглись и вскоре заснули. Лошади шли сами. Под утро мы оказались на конном дворе колхоза.

Вместе с мамой и Юрой, той же дорогой, пешком мы вернулись в Ракитное. Нас за село проводили родственники. Мама мне сказала, что сильно рассердилась на меня, когда я ушел в Ивановку. А теперь считает мой поступок правильным. Ей тоже удалось повидаться с сестрами и братьями отца. Когда еще увидятся? Уезжали-то далеко из этих мест.

Еще в Ракитном родители нередко поговаривали о том, что дети подрастают, нужно их учить. В синявской неполной средней школе,

где мы занимались, образования не получишь. Мама все чаще затевала разговор о переезде.

Весной 1937 г. отец уехал в Сталино. Летом он прислал немного денег на дорогу. Мы начали собираться в г. Сталино, где он жил и работал в артели инвалидов «Металлист».

Летом 1937 г. ранним утром мама, Юра и я приехали в Сталино. До рассвета оставались на вокзале. Первым трамваем я поехал в город разыскивать рабочий адрес отца. Места жительства мы не знали. Контора артели размещалась на Красноармейской улице, 5. В Сталино улицы назывались линиями: 1, 2, 3 и т. д. Местные жители город знали по линиям, но их названий не знали. Поэтому у меня были большие сложности с розыском Красноармейской улицы. Я не знал, какая это линия, а прохожие, к которым я обращался, не знали Красноармейской улицы. На почту или в милицию обратиться я не догадался. Уже в полдень, идя в который раз по улице я совершенно случайно через открытое окно увидел отца, сидящего за письменным столом. Мы немного перекусили и отправились на вокзал.

Он привез нас в поселок Ветка, где снимал угол в летней кухне. Вместе с ним жило еще три-четыре человека таких же обездоленных людей, как и он, уехавших в Сталино в поисках лучшей жизни

С первых часов начался поиск жилья. Нашли проходную комнату. При изворотливости мамы зарплаты отца хватало свести концы с концами, но до получки всегда не хватало, поэтому ей приходилось подрабатывать.

Первое впечатление о Сталино у меня было тяжелое. Грязный, запыленный город. Он был основан в 1869 г. при постройке металлургического завода англичанином Джоном Юзом и был назван Юзовкой. Улицы первоначально назывались линиями. Первая линия, позднее центральная улица Донецка — улица Артема — проходила с юга на север. Западнее нее находились 2...6 линии, восточнее — 7, 8 и т.д. до 21-й. Позже их переименовали.

На территории Юзовки были построены металлургические заводы предпринимателями Боссе, Путиловым, закладывались новые шахты. Поэтому город строился не планомерно, а в виде отдельных поселков вокруг заводов и шахт. Впоследствии эти поселки слились в один город.

Поселки возникали стихийно, строения были глинобитными, строились землянки и бараки. Назывались эти рабочие поселки «Шанхаями» и «Собачевками». В них жили люди без всяких удобств, канализации, водопровода. Районы города назывались сначала по имени владельцев заводов (Путиловка, Юзовка), потом — по именам советских деятелей (Калиновка, Буденновка).

Когда мы приехали в Сталино, я решил подробнее познакомиться с городом, где нам предстояло жить. Началось с шанхайского поселка Ветка, построенного Юзом, где мы поселились.

На поселке Ветка было 2 действующие шахты — им. Горького и №8. Две шахты на момент нашего приезда уже были выработаны. О них напоминали 3 красных перегоревших террикона. Еще три террикона принадлежали действующим шахтам. От терриконов исходил запах сероводорода, в воздухе была постоянно мелкая пыль. Она лезла в глаза, в нос.

На Ветке вокруг терриконов были «собачевки» и «шанхай» — «временные» поселения шахтеров. Во времена Джона Юза было построено несколько сот домов из песчанника. Это было лучшее жилье в наше время. Дома были одноэтажные, разделены на 4 квартиры: две квартиры двухкомнатные с кухней и две квартиры однокомнатные с кухней. Между домами стояли летние кухни, но к нашему приезду их также заселили люди. Водопровод подвели к домам. Уборная во дворе — общая на несколько домов. Население поселков пользовалось шахтными банями. Мыться можно было бесплатно почти круглые сутки. В поселке была фабрика-кухня, несколько небольших продовольственных, овощных и молочных магазинов и ларьков, промтоварный магазин, фотография, клуб, в котором по субботам и воскресеньям демонстрировались фильмы. В летнее время можно было пойти в летний кинотеатр и на стадион, где проводились футбольные состязания. Недалеко от Ветки был ипподром, где в сентябре-октябре проводились скачки.

Поселок Ветка располагался как бы посередине между центральной частью Сталино — вокзалом и аэродромом. Вокзал в Сталино был тупиковый и никогда не был многолюдным. В те годы праздновался торжественно день авиации — 18 августа. В этот день с раннего утра из города и ближайших поселков тысячи людей устремились на аэродром. Военные и гражданские пилоты показывали зрителям свое летное мастерство.

На Ветке было три школы: русская — №76, русско-украинская — №65, и неполная средняя школа, которую разместили в бывшей церкви, предварительно сняв с нее купола.

За поселком было несколько балок, засаженных вековыми дубами. Большой лиственный лес, преимущественно дубовый, был на Путиловке.

Старожилы говорили, что раньше в Донбассе было много дубовых лесов. Но во время строительства заводов и шахт лес часто вырубали. Усиленное строительство промышленных объектов требовало притока рабочей силы. Рабочих вербовали всюду, завозили в Сталино, но жить людям было негде, строительство жилья отставало от потребностей, условия жизни ухудшались.

Вот в такой город мы приехали жить в 1937 г. Вначале мы снимали проходную комнату. Но хозяин квартиры нас обворовал. Мы переехали по соседству, где также сняли проходную комнату у шахтера Самойлова. На его примере я видел, как жили шахтеры. Никаких

развлечений, никакого культурного отдыха, общения с семьей. Жизнь состояла из работы под землей и мертвецкого сна уставшего человека дома. Он настолько уставал, что всей семье приходилось будить его перед работой.

Наблюдая быт шахтеров в предвоенное время, я понял, что государство во имя светлого будущего забирало все силы шахтеров. Они работали на износ, до светлого будущего им не дожить. Шахтеры свое положение ни с чем не могли сравнить, поскольку их предшественники работали в еще худших условиях. В шахте никакой техники, кроме обушка, лопаты, вагонетки на конной тяге, шахтерской лампы и подъемника.

По приезду в Сталино мы вдоволь наелись хлеба — серого и городских (французских) булочек. В Ракитном этого не было.

Жена Самойлова, Феня, попросила моего отца обучать ее грамоте. Вечером они занимались письмом, чтением и арифметикой. Феня была смышленной женщиной, быстро все схватывала. Наступила время, когда отец ей сказал: «Феня, читать, писать и считать ты умеешь. Но ведь тебе нужен документ об образовании, хотя бы начальном. Поступай в вечернюю школу». Она закончила за два года семилетнюю школу.

К Самойловым приехал брат, отслуживший срочную службу в Красной Армии. Он тоже поступил работать на шахту. Стало ясно, что у Самойловых нам больше жить нельзя. Нужно искать новое жилье.

В том же доме жил фельдшер Пономаренко. Он построил, по тем временам, очень большой дом с флигелем во дворе. У Пономаренко семья состояла из трех человек: он, дочь (студентка первого курса мединститута) и жена. Они побаивались жить одни. Предложили нам занять половину флигеля. Это нас устроило. Весной, летом и осенью было хорошо: отдельный двор, зелень, небольшой садик. Зимой холодно — флигель-то летний. Чтобы не замерзнуть, приходилось круглые сутки топить печь. Угля в свободной продаже не было. Шахтерам его завозили бесплатно, а нам нужно было собирать уголь на терриконах.

Я понял, что в этом городе нам предстоит жить ближайшие три года, что на Ветке, в школе №65 мне предстоит получить среднее образование. Это лучше, чем в Синявской школе, но значительно хуже, чем в Киеве, Харькове или другом университетском городе.

Переименовав Юзовку в Сталино, отцы города, я так думаю, под это имя предполагали получить дополнительные субсидии на строительство инфраструктуры города. В центральной части города возводились кинотеатр им. Шевченко, драматический и оперный театры и еще ряд строек общегородского значения.

В городе чувствовался пульс всей страны, все было в движении, все строили. Партия разными методами поддерживала в народе трудовой энтузиазм во имя светлого будущего. И мы в него верили.

Отрочество

Отрочество в жизни человека меня всегда интересовало. В этом возрасте отроки принимают весьма ответственные решения в своем становлении. Именно в этом возрасте у них появляются качества, развив которые, они добиваются выдающихся успехов. Именно в этом возрасте отроки не только познают мир, но и сознательно воспринимая, осмысливают, переосмысливают его. Подчиняют обстоятельства своим интересам и целям. Находят людей для подражания. Не имея достаточного жизненного опыта, большинство из них правильно выбирают себе специальность, предмет производственной, творческой, научной и профессиональной деятельности. Это часто хорошо излагается в книгах серии «Жизнь замечательных людей» и в других автобиографических произведениях. Я любил и продолжаю любить такие книги. В них для меня главным является то, как начинающий жить человек подошел к избранию своей будущей профессии и добился успеха. Одно дело — продолжать профессиональные семейные традиции и совсем другое — идти пионерным путем.

Отрочество мое совпало с переездом в Сталино.

Осенью 1937 года я пошел в 7 украинский класс украинско-русской школы номер 65 в шахтном поселке Ветка. Школа располагалась в двухэтажном здании барачного типа. В школе были классы для занятий в две смены, кабинет директора с канцелярией, учительская, химический и физический кабинеты, пионерская комната и библиотека.

В классах было двадцать — двадцать пять учеников, которые занимались довольно хорошо. Все посещали школу регулярно: это была единственная возможность получить знания, так как учебников не хватало. Вся учеба воспринималась на слух, некоторые писали конспекты. Тогда экзамены были в конце каждого года. Второгодников в нашем классе не было. У меня наладились хорошие взаимоотношения с ребятами из школы. Месяца через два меня избрали председателем пионерского отряда класса.

Несмотря на то, что класс был украинский, часть предметов — историю, математику — преподавали на русском языке.

В седьмом классе украинский язык и литературу нам читала Леся Степановна. У нас с ней были очень хорошие взаимоотношения. Она хорошо, доходчиво излагала материалы по своим предметам, советовала нам книги, которые не значились в школьной программе. Любила много читать и знала на память много произведений Т. Шевченко, В. Сосюры, М. Рильского, П. Тычины, Леси Украинки, И. Котляревского, П. Кулиша, басни Л. Глебова и т.д. Несколько раз в четверти у нас были контрольные диктанты и сочинения.

С Лесей Степановной я неоднократно встречался в 50–60 годы, когда она ко мне обращалась как к врачу. Она уже была в почтенном

возрасте и, как и в довоенные годы, по-прежнему улыбчивая и обаятельная. Помнила многих учеников. От нее я узнал о многих из тех, с кем учился, об их послевоенной судьбе.

Химию преподавала Мария Николаевна. Она тогда уже была, как теперь говорят, предпенсионного возраста. Свой предмет она любила и преподавала его не формально. На уроках часто проводила опыты. Любила после объяснения нового материала поднять кого-либо из сильных учеников, чтобы он повторил то, что она только что рассказала классу. Нередко таким учеником был я.

Русский язык и литературу преподавала Анна Константиновна Сагаровская, маленькая, быстрая, энергичная женщина. Она всех нас держала в цепких руках. У нее была личная тетрадь успеваемости учеников. Например, Анна Константиновна так разграфила тетрадь по литературе, что ей всегда было известно, о каком поэте или писателе она спрашивала ученика в течение года, а о каком — нет. В IV четверти она могла сказать: «Карпенко, я тебя не спрашивала по Некрасову, которого мы проходили во II четверти». Приходилось вспоминать, что я читал и знал о Некрасове. Зная ее методику опроса учеников, мы всегда находились в состоянии постоянной готовности отвечать по русской литературе за весь год. Целый год она с нами была строга, поэтому на экзаменах она не была придирчивой и ставила объективную оценку, так как хорошо представляла себе знания каждого из нас. В 10 классе на выпускном экзамене по физике она была ассистентом у экзаменатора. Во время экзамена она все время ходила между партами. Если экзаменуемый не знал ответа на вопрос, он клал записку ей в карман, когда она проходила мимо. В записке было две цифры. Например, 25,2. Это значило, что он не знает второго вопроса в двадцать пятом билете. Знатоки физики (они шли сдавать экзамены последними — таков был уговор) немедленно писали шпаргалку, клали в карман Анне Константиновне, которая подходила к сдающему экзамен. Дальше все понятно. Записка попадала по адресу. Экзамен сдан. От передачи шпаргалки своей дочери (Тамара занималась в нашей группе) Анна Константиновна отказалась. Это сделали наши ловкачи и без нее.

Анна Константиновна вела также литературный кружок. Посещаемость его была высокой. Ученики 8–10 классов на них делали доклады и, нужно сказать, очень хорошие. Обычно на кружках мы обсуждали тех поэтов и писателей, которых не изучали по школьной программе.

Помню такой случай. Анна Константиновна объявила конкурс на лучшее стихотворение. Срок конкурса — месяц. А в конверте вместо фамилии — девиз. В отдельном конверте были фамилии. В конкурсе участвовали шесть или семь учеников. Большинство голосов получило стихотворение под девизом «Грач». Когда раскрыли конверт с фамилиями, под девизом «Грач» оказался ученик Дудко,

старший брат его в то время был директором школы. Дудко ничем особенным себя в школе не зарекомендовал. Многие удивились, что ему досталась первая премия, но конкурс есть конкурс. Его поздравили и премию вручили. Каково же было наше удивление и возмущение, когда в одном из журналов мы увидели это стихотворение и узнали автора — известного поэта. Дудко высказали свое негодование, но он только улыбался.

Заседание литературного кружка у нас часто сопровождалось концертами струнного оркестра, которым руководил ученик Брычком. Он учился прилично и был способным музыкантом и художником. Он всегда оформлял, и не плохо, школьные стенные газеты. Правда, ему нередко доставалось за карикатуры на товарищей.

Математику преподавал Константин Петрович. Ученики его любили за веселый нрав. Во время уроков он всегда мог сказать что-нибудь остроумное или подметить шалившего ученика во время записи теоремы. Свою последнюю запись теоремы он сопровождал фразой: «Требуется доказать, когда Бруй перестанет дергать за косу Оноприенко». В классе смех, Оноприенко отодвигается на самый край парты. Бруй посмеивается, но включается в учебный процесс. Константин Петрович был инвалидом, ходил с палочкой. Во время оккупации г. Сталино активно сотрудничал с немецкими властями. С ними же и уехал, когда город освободили Советские войска.

Историю нам преподавала Веселовская (имени и отчества не помню), очень красивая, чуть полнеющая женщина. Она, видимо, была богаче других учителей, потому что одевалась хорошо, как для того времени. Держалась она очень уверенно и с учениками обращалась очень корректно. Никогда не читала нотаций ученикам. У нас с ней всегда было хорошее взаимоотношение, мы ее любили, а девочки старались ей подражать.

Учебников истории не было в течение всех десяти лет обучения в школе. Учительница медленно рассказывала новый материал, мы записывали. На следующем уроке рассказывали ей то, что записали. Так мы изучали историю — по конспектам учительницы.

Зоологию и ботанику нам преподавала Зинаида Ивановна. Она много знала о животных и растениях и всегда увлеченно об этом рассказывала, поэтому ее уроки всегда проходили интересно. Одна наша ученица, Лученко, немного старше всех нас, как-то спросила:

— Зинаида Ивановна, скажите, пожалуйста, почему в одних случаях рождаются девочки, а в других — мальчики.

Класс замер. Еще никогда подобных вопросов у нас в классе учителям не задавали. А мы были в таком возрасте, что ответ на этот вопрос хотелось услышать всем. Зинаида Ивановна, конечно, заметила реакцию класса на поставленный вопрос. Она очень доступно и понятно объяснила нам процесс оплодотворения яйцеклетки и внутриутробное развитие плода. Нам стало ясно, что я и мои сверстники ста-

новимся старше, что нас уже интересуют все более серьезные, житейские вопросы взаимоотношений мужчины и женщины, вопросы интимные, которые в каждом отдельном случае люди решают по-своему, с учетом темперамента, жизненного опыта, наклонностей и т.д.

Географию преподавала Феодосия Федоровна Ермаченко, у которой был небольшой преподавательский опыт. Видимо, раньше у нее что-то случилось с глазом, потому что у нее был глазной протез. Сначала протез нам мешал смотреть ей в глаза и слушать ее объяснения. Но со временем мы к ней привыкли, и ее инвалидность нас не отвлекала. Географию она вела строго по программе. Никаких географических отступлений, дополнительных сведений она не давала. Говорила она ровно, дикция была четкая, без голосовых интонаций, пауз, ударений, поэтому рассказ был монотонным. Она была одиночкой. О себе и своей жизни она никогда не рассказывала, поэтому о ней мы мало знали.

Немецкий язык нам читала учительница с очень сложным именем и отчеством. Ученики сначала их путали, но она не обижалась, и каждый раз поправляла ученика, так что со временем мы стали называть ее правильно. Преподавание немецкого языка ничем не отличалось от прошлых лет. Мы изучали слова, читали тексты и переводили на русский язык. Много внимания уделялось грамматике. Но мы совсем не занимались разговорной речью, не изучали отдельных предложений и немецких стихов. В шахтном поселке иностранными языками не пользовались, в библиотеке не было иностранных книг, не было иноязычных передач по радио. Поэтому у большинства учеников не было интереса к изучению иностранного языка. Учили, чтобы ответить заданный урок на положительную оценку.

В седьмом классе у меня проявился очень большой интерес к книгам. В школьной библиотеке я регулярно брал книги. Библиотекарка заметила, какую литературу я беру, и стала подбирать и рекомендовать мне книги. Вначале она меня спрашивала о тех книгах, которые я брал — она, наверно, сомневалась: прочитываю ли я их. Но, убедившись, что я их читаю, начала давать мне более серьезные книги. Помню, тогда я прочел «Цусиму» Сергея Ценского, «Поднятую целину» Шолохова, 5 томов Шекспира, «Бурьян» А. Головки, «Ранок» Микитенко, много произведений Н.В. Гоголя, стихи и прозу А.С. Пушкина, П. Кулиша, произведения Т.Г. Шевченко, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого и многие другие книги. Вскоре мне школьной библиотеки стало не хватать. Я брал художественные книги у некоторых товарищей, у которых они были дома. Я читал запоем, часто до глубокой ночи. Учеба в школе мне давалась сравнительно легко, за исключением математики. Ее мне нужно было учить, т.е. постоянно над собой работать, в то время как на других предметах мне было достаточно запомнить рассказ учителя и уточнить детали дома. Это освобождало время для чтения художественной литературы.

1937 г. запомнился первыми выборами в Верховный Совет СССР, которые были 12 декабря. Мы, школьники, дежурили на избирательном участке, встречая избирателей. Ездили с урнами к пожилым и больным избирателям домой. Голосовали в нашем округе за первого секретаря Сталинского обкома партии Прамнека в Совет Союза и председателя Сталинского областного исполкома Шпилевого — в Совет национальности.

Много недоумения и вопросов возникло у людей, когда через небольшой промежуток времени оба этих депутата были объявлены врагами народа, арестованы и расстреляны. Люди говорили: «Прамнека мы не знали. Его нам прислали. Он рекомендован высшими партийными инстанциями. Но Шпилевой?.. Он же наш. Донбассовец, горловчанин. В Донбассе вся его родня и живет, здесь его корни... Какой он враг?» Но говорилось это тихо, потому что все чего-то боялись. 1937 год был сложным годом для страны и людей. Все были настороже и вели себя скрытно. Прислушивались к радиопередачам и молчали.

В школе с нами целенаправленно проводили беседы на политические темы. Мы узнавали о врагах народа. Нас обучали бдительности, рассказывали о героизме и патриотизме детей, которые изобличали даже своих родителей во вредительстве. В пример приводили тогдашнего героя Павлика Морозова, который донес на отца в ГПУ. Главным нашим героем был Павка Корчагин из романа «Как закалялась сталь» Островского. Корчагина мы понимали. Подвиг и мучения его были хорошо и доходчиво описаны. Они совпадали с тем, чему нас учили, к чему призывали, что показывали в кино: с героизмом гражданской войны (фильмы «Чапаев», «Щорс», «Пархоменко»). На слуху были слова «индустриализация», «коллективизация», «электрификация». Отовсюду мы слышали, что планы партии и правительства выполняются и перевыполняются. «Жить стало лучше, жить стало веселее» и тот, «кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет», «молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет», «дан приказ ему на Запад»... Песни о гражданской войне уходили на задний план. А вот подвиг Павлика Морозова освещался не конкретно, расплывчато, — герой и все. Верь и — делу конец. Подражай и «никаких гвоздей», как говорил нам пионервожатый. «Никаких гвоздей».

На выборах 12 декабря 1937 г. у меня произошло событие, которое запомнилось на всю жизнь. Я влюбился, очень сильно влюбился. Но о своей любви никому не рассказывал, носил в себе. В тот день на избирательном участке с нами дежурила Тамара Сагаровская, дочь Анны Константиновны. Красивая кокетливая хорошо сложенная брюнетка с черными бровями и голубыми-преголубыми глазами. Вот эти то голубые глаза меня сразили. Они все время виделись мне: чуть удивленные, чуть насмешливые, чуть грустные, чуть застенчивые. Все «чуть», а у меня из-за них потерялся покой и сон. Я ждал с нетерпением перемену, чтобы увидеть Тамару, но за-

говорить с ней не решался. В выходной день школьники ходили в кино. Я старался сесть впереди Тамары, чтобы, обернувшись, видеть ее глаза. Я боялся ее проводить домой — не знал, как она на это отреагирует. Она, наверно, тоже заметила, что я все время стремлюсь быть в ее поле зрения. Иногда мы с ней заговаривали — так, о пустяках... Наконец я не выдержал. Написал ей в записке: «Тамара, я тебя люблю». Ответ получил незамедлительно: «Любить можно маму, папу и вождей». Предельно ясно. Но от этого я не перестал ее любить, и наши взаимоотношения не изменились.

В школе много уделялось военно-патриотическому воспитанию. Было модно «сдавать на значки». «Ворошиловский стрелок» — самый красивый значок, мечта всех мальчишек. Я был удостоен значка — «Санхимзащита». Изучали винтовку, умели разбирать и собирать затвор. Стреляли в тире из мелкокалиберной винтовки. Учились бегать с оружием, в противогазе. Совершали марш-броски и кроссы. Зимой неоднократно были лыжные кроссы и дальние прогулки — благо зимы были снежные, а в школе был лыжный инвентарь.

Иногда в школу приглашали инвалидов и участников гражданской войны, буденовцев, которые нам рассказывали о лихих кавалерийских набегах на Деникина и банды Махно во имя светлого будущего коммунизма, говорили о загнивающем капитализме. История — хорошо. Ее знать нужно. Но молодым людям было важно осмыслить то, что происходило вокруг тогда: во имя какого будущего современное поколение испытывает материальные затруднения, и страна чрезмерно напрягает все свои силы. Во имя какого будущего?

Детский ум — пылкий ум. У него емкая память — чем наполнишь, то и будешь иметь. И не случайно различные общественные формации борются за молодежь, стараются привить ей свою идеологию.

Так вот, в мои годы, в крупном индустриальном регионе страны — Донбассе, в школе, где я учился, молодежь недостаточно воспитывали и обучали. На нас смотрели как на будущих рабочих: шахтеров, металлургов, химиков.

Приоритет получали рабочие профессии в промышленности и сельском хозяйстве. На второй план отошли выдающиеся отечественные ученые. Знали только тех, кого упоминали в учебниках.

На страницах газет и по радио звучали рассказы о подвигах Марии Демченко на полях Черниговщины, которая со своей бригадой вырастила рекордный урожай сахарной свеклы, 500 центнеров с гектара (но с каким физическим трудом!). В Донбассе на шахте «Ирмино» А. Стаханов при помощи отбойного молотка добыл за смену, кажется, 103 тонны угля — невиданное количество на ту пору в Донбассе. Вскоре его рекорд был перекрыт.

На железной дороге начали славить машиниста паровоза Кривоноса, который первым начал водить сверхтяжелые железнодорожные поезда.

Паша Ангелина отличилась тем, что первой среди женщин села за трактор, а затем создала впервые в мире женскую тракторную бригаду.

В промышленности появились последователи Стаханова, движение называлось «стахановским», т.е. высокопроизводительным. Восхваляли тех, кто последовал примеру Стаханова, Кривоноса, Демченко, Ангелиной. Передовиков награждали орденами, вымпелами, грамотами, значками.

«Маяков производства» выбирали в Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных республик, в руководящие органы партии и правительства.

Как стало известно после войны, многие выдающиеся ученые, авиаконструкторы, ракетостроители, высшие военные специалисты находились в тюрьмах и лагерях. Командиры производства, ученые, инженеры оставались в тени. Материальные блага создавали рабочие и крестьяне. Им слава, им почет!

В Донбассе и на других социалистических стройках не хватало рабочей силы. Ее завозили из других областей Украины и других республик, в основном, из центральной России. По-прежнему рабочих рук не хватало. Жильем приезжих рабочих не обеспечивали. Они жили в ужасных условиях: в бараках и перенаселенных общежитиях. Вид у приезжих был ужасный, отпугивающий.

В газетах, по радио, в кино все больше говорилось о равноправии женщины с мужчиной. Женщина не должна заниматься только кухней, она должна занимать больше места в общественном производстве — как показано в фильме «Светлый путь». Строительство социализма в стране требовало ускоренных темпов развития, необходимо было догнать и перегнать капиталистические страны. Женщина в этом процессе должна занять достойное, почетное место, наравне с мужчиной.

Чтобы женщина скорее осознала необходимость участия в общественном производстве, мужьям установили такую заработную плату, на которую нельзя прокормить семью. Недостаток средств в семье сделал женщину более «сознательной». По «доброй» воле, дополнительно к обязанностям мамы и «хранительницы семейного очага», она превратилась в рабочую силу и служащую. Воспитание детей стало ухудшаться.

Энтузиазм рабочих подстегивали такие фильмы как «Большая жизнь», «На заречной улице» и др.

Жизнь быстротечна. Так что все, что делалось, делалось для светлого будущего. Развитие соцкультбыта и легкой промышленности сдерживалось во имя тяжелой индустрии, строительства машиностроительных заводов, развития черной металлургии и угольной промышленности. Промышленность милитаризировалась.

Держава вооружалась.

В стране испытывался большой недостаток товаров легкой промышленности и продуктов питания. Отсутствие этих товаров замедляло возвращение денег в казну. Выход был найден. С одной стороны был увеличен выпуск и продажа алкоголя и табачных изделий, а с другой стороны, были придуманы государственные займы.

Семья испытывала материальные затруднения, а тут еще нужно «добровольно» подписываться на облигации государственных займов. Вначале на облигации подписывались кто и сколько мог, а затем установили норму — один месячный оклад. Передовые рабочие и коммунисты «принимали обязательства» подписываться на полтора оклада. По облигациям обещали выигрыши и погашения в течение 20 лет.

Предвоенные облигации население в большинстве сдало в фонд обороны, в первые дни войны. Подписка на облигации продолжалась вплоть до 1957 г., когда стало ясно, что суммы, получаемые от подписки, равны суммам, которые необходимо отдать по выигрышам.

Однако государство, строившее коммунизм и обещавшее, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме, погашать займы и возвращать долг населению не хотело.

Выход нашел Н. С. Хрущев. Он уговорил сормовских рабочих отсрочить выплату долга народу за облигации на 25 лет. При Брежневеве долг выплатили, но из расчета за 100 рублевую облигацию — 10 рублей, т.е. государство совершило очередной обман своего народа. И во имя все того же светлого будущего коммунизма.

Вернемся к предвоенным годам.

В предвоенные годы в промышленности наблюдалось милитаристские тенденции развития. В Европе Гитлер звенел оружием. Откровенно призывал к борьбе с СССР.

Советское правительство, предвидя нападение со стороны Германии, строило военные заводы и занималось укреплением границ. В то время прославляли подвиги военного летчика Чкалова, полярных пилотов, спасших челюскинцев. Такие фильмы как «Три танкиста» и «Истребители» звали молодежь в танковые войска и военную авиацию.

Хорошо помнится 23 февраля 1938 года, день приема в комсомол на бюро Куйбышевского райкома комсомола. Заседание бюро началось после окончания рабочего дня. Первым вопросом был прием в комсомол. Поступающих было много. Мне пришлось долго жать своей очереди в коридоре. Из нашей школы поступали две девочки и я. Вызывали по одному человеку. О чем нас спрашивали, что мы отвечали, за давностью лет уже не помнится. Нас приняли в комсомол. Освободились мы около 9 часов вечера. Райком комсомола находился на Смольянке. Нам необходимо было ехать домой двумя трамваями: до студенческого городка, а затем другим трамваем из города на Ветку.

Срывается метель. Одеты мы легко. Нас продувает ветром. Трамвая нет. Ждем. Ветер усиливается. Появляются снежинки. Мы прижались друг к другу. Стоим. Наконец, подъехал трамвай, которым мы доехали со Смольянки, до студенческого городка. Стрелки на часах приближались к 11 вечера. Трамвая из города в нашу сторону нет. Ждать холодно. Ветер нас продувает насквозь. Решили домой добираться пешком. Нужно идти по полю 5–6 км. Пошли. Ветер северный. Дует в лицо. Сначала шли в ряд, но затем как-то сами стали идти гуськом, Тем, кто идет сзади не так холодно. Я, как мужчина, иду первым. Помню, сам себя взбадриваю тем, что в первый же день после принятия в комсомол вышло нам такое испытание. Трудность нужно преодолеть с честью, чтобы завтра в школе было что рассказать ребятам. Девчонки могут не рассказать. Без происшествий дошли до Ветки, не встретив ни одной попутной и встречной автомашины. Тогда машины в Сталино были редкостью. Трамвай нас тоже не обгоняли. Помню, домой пришел далеко за полночь. Счастливым, с комсомольским билетом — показал его отцу и матери.

Учеба в седьмом классе приближалась к концу. Среди ребят шли разговоры о поступлении в техникумы. Тогда многие ребята после окончания семилетки по материальным соображениям шли овладевать специальностями. Родители стремились направить детей в техникумы — все-таки помощь, стипендия и через 3 года — специальность. В шахтных поселках люди жили очень тяжело в материальном смысле, зарплату платили нерегулярно, поэтому все думали о скорейшем приобретении детьми специальностей. У нас в семье также обсуждался вопрос о техникуме, но решили, что я буду продолжать учебу в школе. Я мечтал поступить в высшее военно-морское кораблестроительное училище, которое находилось в Ленинграде. Вступительные экзамены и обучение там велось на русском языке. Так чтоб не иметь лишних проблем на вступительных экзаменах, я перешел в русский класс.

Летом я был в пионерском лагере в Буденовске, под Мариуполем. Лагерь находился на берегу Азовского моря. Купались, загорали, катались на лодках. Один-два раза на катерах выезжали в море.

В конце пребывания в пионерском лагере у нас была военная игра. Проходила она почему-то вечером, когда уже темнело. Нас разделили на синих и красных. Развели на исходные позиции разными маршрутами. Затем по сигналу ракеты мы начали сблизаться. Была разведка. Были пленные. Неоднократно в ночное небо взлетали ракеты — красные и ярко зеленые. Меня назначили политруком. Помню, было очень интересно, увлекательно и весело. Игра проходила с азартом, особенно в моменты захвата пленных. В те годы военные игры среди школьников проводились часто и были в большом почете.

Перед войной кинохроника показывала бои на озере Хасан с японцами, а позднее — на Халхин-Голе. Проведенная военная игра

в какой-то степени напоминала кадры из кинохроники. После игры в лагере ребята еще долго не спали: обсуждали подробности игры, кто как убегал от «врагов», как захватывали «языка» или пленных; каким образом, сами были захвачены в плен «противниками». Все как положено на войне.

Утром мы требовали от наших «военачальников» ответа: кто же победил.

Ответ был однозначным: победили красные. Синие не соглашались, спорили, чтобы прекратить споры начальство лагеря устроило соревнование на лодках. Это отвлекло ребят от обсуждения проблемы победителей. Перед обедом приветствовали победителей лодочных гонок.

В конце августа загоревшие и бодрые, мы возвратились домой.

Юность

Моя юность совпала с предвоенными годами. Время было очень тревожное. Наше общество было сильно политизировано. Во всех районах работали штатные пропагандисты. Мой отец тоже был пропагандистом в Семеновке — то был поселок частного сектора. Радио тогда было малодоступной роскошью, а газет было мало. Пропагандисты доносили слово партии до населения.

Продумывая план написания этого раздела, я решил проверить по официальным документам, какие же события в мире нас тогда так волновали.

В 1936 г. закончилась война в Испании. Ее выиграла Франко и Гитлер, помогавший ему. В том же году Германия и Италия подписали соглашение, образовав ось Берлин — Рим. Месяц спустя Германия и Япония заключили антикоминтерновский пакт, направленный против Коммунистического интернационала. В 1937 г. к антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия. В 1937 г. Япония напала на Китай.

В Европе хорошо запомнился 1938 год. Спровоцировав переворот в Австрии, фашисты включили ее в состав Германского государства. На это никак не отреагировали великие державы. Под видом защиты немцев Судетской области в Чехословакии Германия начала шумную компанию в их защиту и концентрацию войск на границе с Чехословакией. Франция и Англия под видом спасения мира в Европе в Мюнхене заключили сделку с Гитлером, согласно которой в 1938 г. Судетская область Чехословакии перешла под юрисдикцию Германии. На этом Германия не остановилась, и в 1939 г. ввела свои войска в Прагу, иначе говоря, ликвидировала Чехословакию как независимое государство. В том же году Германия захватила город Клайпеду (Мемель) принадлежавший Литве. У Польши Гитлер потребовал Данциг (Гданьск) и ликвидацию Данцигского коридора, который от-

делял Пруссию от Германии. Одновременно с этим Германия призвала немцев, живущих в Прибалтике, вернуться в Рейх, на историческую родину. Летом 1939 г. для СССР была угроза войны на два фронта — в Европе и на Востоке. Япония в 1938 г. перешла границу СССР в районе озера Хасан, а в 1939 г. — в районе реки Халхин-Гол. К нашему счастью, в обеих этих операциях японские войска были разбиты. Вскоре с Японией был заключен договор о нейтралитете.

Угроза расширения войны в Европе на польскую территорию вынудила Францию и Англию в июне-июле 1939 года начать переговоры на уровне военных миссий с СССР. От Советского Союза в переговорах приняли участие К. Е. Ворошилов. Переговоры затягивались, никаких конкретных обязательств Англия и Франция не хотели брать. С их стороны переговоры вели второстепенные лица, не имевшие широких полномочий своих правительств. Переговоры ничем не закончились, носили, в большей мере, разведывательный характер.

Сразу же после этих переговоров Германия проявила инициативу в переговорном процессе с СССР. 23 августа 1939 г. был заключен пакт о ненападении между СССР и Германией. Исследования этого договора в 80-е годы показали, что тогда же были заключены секретные статьи, по которым предполагалось некоторое расширение границ Советского Союза за счет соседних стран на Западе. Через неделю после заключения пакта о ненападении с СССР, Гитлер оккупировал Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии.

1 сентября 1939 г. вошло в историю как день начала Второй мировой войны.

17 сентября 1939 г., как тогда писали в газетах, Красная армия перешла западные границы СССР и взяла под защиту Западную Украину и Западную Белоруссию. Вскоре вновь избранное народное Собрание Западной Украины ходатайствовало о включении Западной Украины в Состав СССР и воссоединении с остальной Украиной. Просьба Верховным Советом СССР была удовлетворена. Подобное произошло в Белоруссии.

Советское правительство предложило Литве, Латвии и Эстонии заключить договор о взаимопомощи и введении войск Красной Армии на их территории. Договоры были подписаны в октябре 1939 г. В 1940 г. Сеймы прибалтийских республик вынесли решения о вхождении их в состав Советского Союза. Их просьба была удовлетворена Верховным Советом СССР.

Финляндия, состоявшая в союзе с Германией, концентрировала свои войска на Карельском перешейке, откуда было возможно обстреливать артиллерией Ленинград. Договор о ненападении с Финляндией был денонсирован, и в конце ноября с ней началась война. Война не получилась, как пелось тогда в песнях «малой кровью, могучим ударом». Она растянулась на полгода, стоила Советскому

Союзу 150 000 человек убитыми. Раненых с финского фронта привозили в Сталино. Для этой цели освободили под госпиталь школу №1, где тогда занималась моя будущая жена — Маргарита Александрова (учащихся перевели в школу на улице Скотопротонной).

12 марта 1940 г. СССР подписал мирный договор с Финляндией. К СССР отошли: Карельский перешеек с городами Выборг и Сортавала, часть полуострова Рыбачий и Средний в Баренцевом море. Советский Союз обязался вывести свои войска из области Петсамо. Вскоре была образована новая Карело-Финская республика.

В июне 1940 г. Советский Союз потребовал от Румынии вернуть захваченную в 1918 г. Бесарабию и Северную часть Буковины, где проживали украинцы. Бесарабию объединили с Молдавией, образовав Молдавскую ССР, а северную Буковину превратили в Черновицкую область Украины.

Таким образом, усилиями Советского правительства в довоенные годы были собраны почти все земли, где проживали украинцы. Закарпатские земли и г. Ужгород влился в Украину после войны в 1945 г.

Перед вторжением во Францию Германия в апреле 1940 г. оккупировала Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию и Люксембург. В середине мая немецкие войска вступили во Францию. Имея значительное превосходство в танках и авиации, они в течение 6 недель ее разгромили. 22 июня 1940 г. правительство Петена подписало в Компьене капитуляцию в том же железнодорожном вагоне, где была подписана капитуляция Германии после Первой мировой войны. Через два дня Франция и Италия подписали перемирие.

В 1940 г. к тройственному антикоминтерновскому союзу присоединяются Венгрия, Словакия, Болгария.

Не сумев вовлечь в военный союз Югославию и Грецию и боясь оставить их в своем тылу, 6 апреля Германия и ее союзники — итальянцы и венгры — напали на Югославию и Грецию.

К началу войны с Советским Союзом в германский агрессивный блок входили: Япония, Италия, Румыния, Венгрия, Болгария, Словакия, Хорватия и Финляндия.

В Лиге наций непрерывно шли заседания. В прессе речи Гитлера, Даладе, Чемберлена, Муссолини, Ф. Рузвельта будоражили наши умы.

В Германии социал-демократы и коммунисты находились в тюрьмах и лагерях. Евреи покидали Рейх. Им это не всегда удавалось: их отправляли в концлагеря и газовые камеры.

Так что событий было много, было от чего волноваться. Даже краткий перечень того, что творилось вокруг Советского Союза в четыре предвоенные года, показывает, насколько была сложной международная обстановка в мире. Все понимали, что главные события войны еще впереди. Гитлер, опьяненный успешными блицкригами, будет стремиться к победе над англичанами и Советским

Союзом. 22 июня 1941 года, в день нападения Гитлера на Советский Союз английский премьер-министр Черчилль сказал: «Теперь Англия спасена!»

Среди наших школьников шли споры, давались прогнозы. После уроков обязательными стали политинформации о положении в мире и стране. Основными источниками информации были газеты, иногда — радио (на руднике радио было не везде). У нас в школе радио было, поэтому мы имели доступ к информации о событиях в мире.

Было видно, что наша страна интенсивно перестраивается на военный лад. Идет милитаризация промышленности, строятся металлургические гиганты, танковые и авиазаводы. Пополняется боевыми кораблями флот. Военные заводы переходят на двенадцатичасовой рабочий день. Правительство пытается поднять производительность труда за счет увеличения интенсивности труда и ужесточения дисциплины. Отца я стал редко видеть. Он работал на военном заводе по 12 часов в сутки.

События того времени у нас в стране были захватывающими.

Мы с большим интересом следили за перелетом экипажа Чкалова в Америку: слепой полет, обледенение самолета, кислородное голодание на высоте 3000 метров, приземление в Ванкувере. К 50-летию перелета показывали кинохронику перелета — и сейчас дух захватывает. А полеты П.Осипенко, М.Расковой и В.Гризодубовой на Дальний Восток! Вынужденная посадка. Испытание экипажа в тайге — холод и голод. Сейчас задаюсь вопросом: это фантазия журналистов или на самом деле так плохо готовили экипаж к полету, что было даже недостаточно продовольствия?

С большим интересом следили за дрейфом папанинцев по Северному Ледовитому океану от полюса до Гренландского пролива. Волновались, когда ледяное поле начало разваливаться. Сколько было волнений, тревог и радости, когда папанинцев благополучно снял со льда экипаж ледокола «Ермак». Вместе с москвичами мы радовались встрече папанинцев. Потом Папанин был в Сталино, но мне не довелось его увидеть.

На трудовом фронте свои герои — последователи Стаханова, Кривоноса, Ангелины Демченко, ткачих Виноградовых, сталевара Мамаева. Страна героев! Под стать и песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Три танкиста», «Широка страна моя родная»...

Вот так началась моя юность в 1938 г.

Здравствуй, 8 класс... За лето все подросли, девочки похорошели, мальчишки оставались еще угловатыми, но более солидными. Летом не все были на руднике. Многие уезжали на родину, помогали бабушкам и дедушкам в крестьянском хозяйстве. Несколько ребят, учившихся со мной в 7 классе, в школу не вернулись. Одни поступили в техникумы, другие сочетали работу с учебой в вечерней школе, третьи — поступили работать учениками на производство.

Я перешел в русский класс. Со мной учились Ленья Авилов, Женя Кичик, Сергей Шестаков, Надя Кислая, Вера Дорошенко, Женя Коваленко, Андрей Печерский, Яша Гапеенко, Женя Панкевич, Андрей Шекера, Фрося Еремина, Петя Зеленков, Лиля Оноприенко, Лариса Качура, Тамара Сагаровская, Таня Еременко, Андрей Медведев, Блажевич, Коля Ермаков, Василенко, Бетя Финкельштейн.

В десятом классе нас училось всего 17 человек. Класс небольшой, это позволяло учителям постоянно контролировать нашу учебу. Особых проблем с учебой у нас не было. 2–3 человека не справлялись с программой, их брали на «буксир», оказывали товарищескую помощь, делали вместе уроки, как это было принято тогда.

В школе все чаще проводились военные игры, сдавали нормы на значок ГТО (Готов к труду и обороне), мальчишки мечтали получить красивый значок «Ворошиловский стрелок». Соревнования за них были, а значков не было, только обещали, но это не снижало интереса к стрельбе из малокалиберной винтовки по программе ГТО.

В школе появились новые учителя. Ушла Веселовская, историю стал преподавать Григорий Дмитриевич Заремба. После окончания Днепропетровского университета приехали супруги Пивчики. Им выделили маленькую комнату в одном из зданий школы без всяких удобств. Жизнь на глазах у всех школьников была не из приятных. Пивчик Борис Леонтьевич преподавал нам математику. Украинский язык и литературу преподавал Иван Евдокимович Жерновой. Сменился директор школы — им стала Елена Павловна...

Борис Леонтьевич держался с нами очень корректно, обращался на Вы. Объяснения его были логичны. При ответах ученика слушал, не перебивал. В необходимых случаях кому-либо из учеников предлагал дополнить ответ. Однако, держал всех нас на расстоянии и был ко всем совершенно одинаков.

Тогда учитель в школе пользовался значительным авторитетом. Я не помню случая, чтобы кто-либо из учеников не проявлял неуважения к учителям, хотя мы между собой были грубоваты и часто не стеснялись в выражениях. Но исключения были. Преподаватель истории Заремба Г.Д. был хромым. С первого дня у нас с ним не сложились отношения. В его выражении лица, глазах не было ничего такого, чтобы вызывало симпатию. Буквально с первого дня мы прозвали его «Тамерлан золотая ножка». Кличка к нему пристала надолго. Он знал об этом и сказал нам на выпускном вечере. Историю преподавал нам скучно, не сравнить с Веселовской. Речь вялая, нудная, словарный запас бедный. Чем ближе было к окончанию школы, тем труднее его было терпеть. Поговаривали, что он домогался внимания некоторых учениц. С ним запомнилась одна история.

В школьной программе было много неясного в преподавании национальных проблем в многонациональном государстве. В Донбассе жили люди многих национальностей. Национальной вражды, или да-

же намеков и споров между рабочими разных национальностей не было. У нас в классе обсуждение национального вопроса состоялось внезапно, по инициативе Бети Финкельштейн. Ученица она была сильная, особенно в математике, и принципиальная. Всегда пыталась докопаться до сути вопроса. Имела сильный характер и умела отстоять свою точку зрения. Помню, Заремба Г.Д. объяснял разницу между народностью и национальностью с позиции марксизма-ленинизма.

— Нация — это народ, — говорил он, — который имеет свою территорию, язык, культуру, обычаи, особенности ведения хозяйства.

Бетя спрашивает:

— Еврейская нация есть?

— Нет, — отвечает Григорий Дмитриевич, — поскольку евреи не имеют своей национальной территории.

— А Еврейская автономная область со столицей Биробиджан? Разве это не территория? — спрашивает Бетя.

— Но там евреи не живут, они расселились по крупным городам в основном в европейской части Союза и за пределами нашей страны.

Спор между учителем истории и Бетей начинал принимать бескомпромиссный характер. Прекратил его звонок на перемену. Каждый из них остался при своем мнении. Мы, ученики, тогда не все поняли.

В шахтном поселке жило много еврейских семей. Но на шахтах евреи, в основном, не работали. Их сферами были торговля, столовая, фотография, поликлиника. Жили они небогато, но немножко лучше, чем другие. После спора Бети с учителем среди учеников стали обсуждать вопрос: почему евреи не работают в основных сферах промышленного производства, а стараются осесть в торговле, в административно-партийном аппарате?

Жерновой Иван Евдокимович преподавал украинский язык в 10 классе. Иногда преподаватели менялись, даже среди учебного года — так нам поменяли Лесю Степановну на И.Е. Жернового. Говорили он выпивал, но мы этого не замечали. Он имел привычку часто употреблять слово сочетание — «Ну от я й кажу...», а кто-либо из ребят продолжал — «я сів та й біжу, а він ліг та й тікає». Иван Евдокимович не обижался. Ситуацию превращал в шутку, наступала разрядка.

Хочется сказать несколько слов о Савелии Антоновиче Закарлюке. За глаза, между собой, мы называли его «Савка», но по-доброму. Он преподавал физкультуру. Помнится, он всегда был с нами — в будние и выходные дни, в зимние и даже летние каникулы.

Спортзала у нас не было. Зимой уроки физкультуры проводили в коридоре, когда все ученики заходили в классы. В теплое время года спортивные соревнования проводили во дворе школы.

Савелий Антонович, постоянно устраивал походы, кроссы, спортивные игры, спортивные соревнования между школьниками параллельных классов.

Помнится, во время зимних каникул мы совершили лыжный кросс на соседний рудник Шегловку. Это километров 8–10 от нашей школы. День был хороший. В Шегловке мы зашли в хлебный магазин погреться. Запах свежего хлеба до умопомрачения возбудил наш аппетит. А денег ни у кого нет. Савелий Антонович в своих карманах нашел мелочь на одну буханку. Дал нам по куску хлеба. В мгновение ока хлеб был съеден, аппетит еще больше разыгрался. Продавщица, средних лет женщина, глядя на нас — веселых, голодных и безденежных лыжников, сжалась над нами — порезала две хлебины и вручила по куску каждому бесплатно. Савелию Антоновичу кусок хлеба вручила значительно больший, заметив, что от первой хлебины ему ничего не досталось. В качестве благодарности кто-то из нас крикнул: «Продавцу хлеба — физкульт привет!». Мы все громко подхватили: «Привет! Привет! Привет!». Это проявление добрых человеческих отношений на всю жизнь у меня сохранилось в памяти, как и поговорка услышанная в те годы — «Спеши делать добро».

Савелий Антонович никогда нас не ругал. Даже не повышал голоса, не делал замечаний. Если видел неудачу, не поучал, а говорил: «Тренируйся — получится».

С теми нашими сверстниками, кто плохо учился или безобразничал, он говорил по-мужски, тихо, но строго, неторопливо и смотрел провинившемуся в глаза. Некоторые предложения он не договаривал, как бы давая провинившемуся самому додумать окончание его мысли.

Хороший и добрый он был человек и преподаватель. Однажды я на себе испытал его доброту и участие. В 1939 г. на новогоднем вечере из раздевалки украли мое пальто-москвичку. Он дал мне свое пальто, чтобы я мог пойти домой, а сам домой пошел раздетый.

Москвичка у нас в семье была на двоих с мамой. Утром она ушла в магазин или на базар. К 12 часам она возвращалась. Я одевал москвичку и к 13–00 успевал в школу. Вот эту москвичку на новогоднем вечере в школе у меня украли.

Беда в том, что в то время, даже имея деньги, в магазине пальто нельзя было купить — их не было в продаже. Зимние каникулы я просидел дома. Зато очень много прочел книг, которые приносили ребята и отец. К началу третьей четверти мне купили новую фуфайку. Я очень стеснялся в ней ходить. В школе при первой возможности ее снимал и вешал в раздевалке подальше в угол. Как только потеплело, я ее вовсе не одевал.

В эту зиму я много прочитал: Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова, Герцена, Писемского, Кольцова, Горького, Гончарова, Островского, Карпенко-Карого, Корнейчука, Зошенко, Ильфа и Петрова, Гюго, Вальтера Скотта, Шекспира, Драйзера, Джека Лондона и многих других. Невозможность широкого общения со сверстниками из-за пропажи пальто окупилась интенсивным чтением художественной литературы.

После 1939 г. в Сталино появились жители Львовской и Тернопольской областей. От них мы услышали, как украинцев притесняли польские власти, как не разрешали им говорить и учиться на украинском языке. Украинский язык употреблялся только в быту. Детей сплошь и рядом наказывали физически за разговор в школе на украинском языке.

Западные украинцы с тревогой спрашивали о колхозах. Будут ли их организовывать там, у них, на Западе? Наши люди им говорили: «Непременно!» Это приводило западнцев в шок.

В магазинах появились товары Западно-украинского производства. Мне родители купили очень красивое серое демисезонное пальто.

Трудовой героизм народа, книги Жюль Верна, Киплинга, Дюма, Вальтера Скота, Сенкевича, «Как закалялась сталь», «Робинзон Крузо», «Остров сокровищ» подталкивали к фантазированию, мечтанию... Куда меня не уносила фантазия, в какие миры! А «Два капитана» Каверина меня прямо свели с ума.

Какие подвиги в мыслях я делал! Какие смелые мысли вертелись в моей голове! Не сразу мог заснуть после прочтения книги. Сначала думал о ее героях, затем герои сменялись, среди них я видел себя.

В мыслях я хотел быть и летчиком, и моряком, и военным, и писателем. Думал, вырасту — обязательно буду писать книги. Потом задавал себе вопрос. Какие книги? О чем книги? На эти вопросы я ответить себе не мог. Мысль о написании книг мне неоднократно приходила в голову, но она оставалась беспредметной — не мог придумать, о чем же я напишу книгу.

Видя материальные недостатки семьи, я старался в разное время хоть чем-то помочь родителям. Обувь я чинил всем постоянно — обзавелся некоторым сапожным инструментом, но этого было мало. Помню, когда жили в Ракитном — из лесу приносил сухостой, пилил, колоч дрова. Однажды нас, ребят, пригласил колхозный бригадир в сад собирать вишни, как он сказал, «с половины», т.е. половину — колхозу, половину — нам, ребятам. До обеда мы нарвали по ведру вишен. Бригадир их забрал себе. После обеда, по уговору, мы рвали вишни для себя. Он пришел и эти забрал, да еще сказал — вы свое съели, когда лазили по деревьям и рвали вишни. Обидно было. Пошли домой расстроенные. Больше в колхоз на сбор фруктов и овощей в детстве не ходили.

Вторая попытка устроиться на поденную работу была также неудачной. С ребятами старше меня я пошел на сахарный завод наняться красить стены масляной краской. Привлекла сдельная работа и деньги в конце дня. Меня мастер на работу не принял: «Пацан еще, иди расти».

В Сталино в летние каникулы мне приходилось регулярно заготавливать уголь впрок для отопления нашего жилища зимой. Жите-

ли шахтных поселков обычно собирали уголь на терриконах, в отвалах породы. За день можно было собрать по 2–3 ведра, а если повезет — и 5 ведер чистейшего, отборного угля.

Однажды с Петром Зеленковым мы услышали, что школьников принимают на поденную работу на металлургическом заводе. Поехали. Нас приняли и направили в цех, где нужно было молотком и зубилом выдалбливать в цементном полу ямы глубиной 50 см, шириной и длиной по 25 см. Дали зубила и молотки. Долбите. Труд оказался тяжелым для нетренированных ребят. Рукавиц не дали. К вечеру на всех пальцах и ладонях были кровавые мозоли. Мы не рады были деньгам, которые заработали. Мама меня больше на завод не пустила.

После фильма «Истребители» у моих ровесников усилилась тяга в военно-авиационное училище. Леня Авиллов после 9 класса поступил в военно-воздушное училище. Я тоже пошел на медицинскую комиссию, но ко мне придрался невропатолог и забраковал. Я сразу вспомнил: в духовой оркестр не взяли из-за сердца. Теперь невропатолог нашел новые изъяны в моем организме. Терапевт нашел, что сердце в норме — в графе «сердце» против моей фамилии стоит N (норма). Чувствовал я себя совершенно здоровым, ничего у меня не болело, играл в футбол и волейбол, прыгал в длину, и высоту, бегал на 100, 400, 3000 метров — и ничего, было все в порядке.

Я стал побаиваться медиков и медицинских комиссий. Я начал думать: может, я плохо тесты знаю? У тех ребят, кто прошел комиссию, я подробно расспрашивал, что и как у них врачи проверяли, что спрашивали, как ребята отвечали. Меня интересовали подробности.

Окулисты проверяют зрение по таблицам. С этим у меня все в порядке. Отоларингологи проверяют слух голосом и камертоном, проверяют также вестибулярный аппарат на вертящемся кресле — здесь у меня, вроде бы, все в порядке. Невропатологи — проверяют чувствительность кожи иглой, сухожильные рефлексy, проводят исследование с закрытыми глазами и вытянутыми руками, заставляют с закрытыми глазами коснуться указательным пальцем кончика носа. Это тоже у меня, вроде, получается. Зубы не хуже, чем у других, красный дермографизм стойкий, кисти холодные, мраморность кожи тыла кистей, вроде бы, как у других, а что-то не так. Чего же врач меня отставил? Почему, когда я был у врача, мои кисти были холодными и влажными? Решил, что нервничал.

Терапевты предлагают пробы с задержкой дыхания на вдохе и выдохе. Задержка дыхания до 45 секунд. Это норма. Я мог задерживать дыхание до 2,5 и даже 3 минут. Правда, не дышать 3 минуты было тяжело. Врачебные комиссии у меня не выходили из головы. Я их боялся и чувствовал себя неуверенно.

Под влиянием фильмов «Три танкиста», «Щорс», «Пархоменко», «Если завтра война», и песен типа «Дан приказ ему на Запад», «Все выше и выше», а также военно-патриотических передач по радио

усилилась тяга молодежи в военные училища. Мои попытки поступить в военное училище натолкнулись на врачебные комиссии, которые в моем организме нашли какие-то изъяны и справок не дали. Это меня огорчило, но не очень, поскольку моей мечтой было высшее военно-морское кораблестроительное училище в Ленинграде. Я списался с командованием училища. Для поступления нужно среднее образование. Значит, время еще есть, здоровье можно поправить. Вступительные экзамены: по русскому языку и литературе, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, химии, а также иностранному языку. Я успокоился. Налег на все нужные предметы.

В школьные годы практиковались походы в драматический театр и во дворец пионеров. Из встреч во дворце пионеров запомнилась встреча с авиатором Российским, который принимал участие в становлении отечественной авиации с дней ее основания, испытывал самые первые отечественные самолеты, падал, разбивался, лечился и снова летал. Он был знаком с Нестеровым — автором «мертвой петли». Рассказ Российского был увлекателен. Он рассказывал, что сам видел, делал, что сам пережил. После его выступления мы ему горячо аплодировали и завидовали. До этого я не видел летчика с таким историческим прошлым. Он меня заморозил. Я шел домой и думал о том, что выпадет на мою долю, чем я прославлюсь. Верил, что прославлюсь, но чем — не мог представить.

На одном из вечеров во дворце пионеров у нас была встреча с поэтом Владимиром Сосюрой. Он нам просто рассказал свою биографию, как учился, как воевал в гражданскую, как начал писать стихи. Узнали, что он родом из Луганской области, почти земляк. Живого поэта мои товарищи и я видели первый раз, поэтому интерес к нему был повышенным. Свои стихи он читал неплохо, в них он воспевал свой край, природу, людей... Стихи нам понравились.

Нам было недостаточно того, что давалось на уроках литературы и в литературном кружке. Каждый из нас пробовал писать стихи, короткие рассказы из жизни школы. У нас появилась потребность самовыражения. Инициатором создания литературного кружка «Парус» был А. Скрипник. Тогда он учился в 10 классе, мы в девятом. На заседания кружка собирались только члены его, человек — 5–6: Скрипник, Печерский, я и еще 2–3 человека. Мы читали свое творчество, разбирали достоинства и недостатки написанного. Заседания проходили нерегулярно. После того, как А. Скрипник окончил школу, кружок распался. Нас захватили другие события. Вместе с тем, скажу, что наше индивидуальное литературное творчество было полезным, оно учило нас подмечать жизнь, излагать мысли на бумаге, отделять главное от второстепенного.

Однажды во дворце пионеров перед нами выступал писатель. Помню, он рассказывал, что в детстве он остался круглым сиротой, во время гражданской войны связался с беспризорниками, такими же

обездоленными детьми, как и он. За какое-то преступление его арестовали, судили и сослали отбывать наказание на строительство Беломоро-Балтийского канала. Там заметили его писательское дарование, начали им более серьезно заниматься и, в конце концов, направили на истинный путь. Отрывки из его произведений были посвящены трудовым будням на стройке канала, о котором в те годы много писали.

Дирекция нашей школы, в меру возможностей, занималась организацией внешкольной работы. С этой целью она пригласила для руководства драматическим кружком Е.И. Галинского — артиста Сталинского драматического театра. Помню, на первую встречу с артистом я насильно затащил своего соученика Авксеньяева. Е.И. Галинский предложил нам поставить пьесу Карпенко-Карого «Мартин Боруля». Мы все эту пьесу читали, знали. Галинский нам рассказал подробно о значении этой пьесы в украинском театре, рассказал историю постановок ее в театрах Украины. Теперь он предлагает нам работать над этой пьесой. Все согласись.

Е.И. Галинский приступил к распределению ролей. Всем достались роли, кроме меня. Я оказался лишним. Было обидно до слез. Я долго не мог успокоиться. На вопросы родителей не отвечал, отмалчивался. Вскоре спектакль поставили. Наши школьники играли хорошо. Спектакль в разных местах повторили несколько раз. Особенно хорошо сыграл роль жениха Михаил Соколов.

К шевченковскому юбилею учительница украинского языка Леся Степановна решила поставить спектакль по мотивам «Причинны». На роль отца избрала меня. Меня загримировали. Нужно было достать сапоги для украинского костюма. Сапог достать не смог. Достал валенки черного цвета. Думал, сойдет. Все шло хорошо пока по ходу действия мне не пришлось топнуть ногой. Вместо звука появилось пыльное облако. В зале из-за этого раздался смех в тот момент, когда на сцене была драматическая ситуация.

После неудачи с «Причинной» я больше нигде и никогда не пытался брать участие в художественной самодеятельности.

В один из летних дней, купаясь на ставке, мы, мальчишки, заметили в небе аэростат. Он медленно летел в сторону Смолынки и заметно снижался. Мы впопыхах оделись и бросились бегом за ним, соревнуясь в скорости и подбадривая друг друга. Аэростат снижался и летел быстрее, чем мы бежали. Вот стадион «Шахтер». Аэростат над ним, метрах в 100 над землей. Вдруг мы видим пламя, огромное пламя, а через 1–2 секунды слышим взрыв. Мы подбежали ближе. Место взрыва аэростата к этому времени уже оцепила милиция. Нас ближе не пустили. Говорили, что аэростат зацепился за высоковольтные провода, произошло замыкание, и взорвался газ, который был внутри. Говорили, что аэростат был неуправляем потому, что астронавты погибли еще в воздухе, до взрыва.

Домой мы возвращались усталые, пораженные увиденной трагедией, мы обсуждали вероятные причины гибели астронавтов: слишком низкая температура воздуха, недостаток кислорода, неисправность в аппаратуре. Но это были только догадки. Своими глазами мы увидели, что рядом с подвигом и славой — смерть.

Мы поняли и другое: ко всему нужно тщательно готовиться, проверять каждую деталь, предусмотреть возможность неполадок и вовремя их предупредить. Готовясь к таким полетам, нужно много знать.

Уже после войны в городе Сталино построили памятник аэронавтам на бульваре Пушкина возле спортзала «Шахтер».

Мы постепенно взрослели. Нас, мальчишек, стали интересовать девочки. С ними было веселее, интереснее. Слушая их шепетание и смех, мы стали замечать, что у них искрятся глаза, что они разговаривают с обаятельными улыбками. Правда, среди них были и застенчивые, мало общительные девочки, но таких было меньшинство. Девочки были более усидчивы и тщательнее мальчиков готовили уроки. Они нам охотно давали списывать домашние задания. Мальчики сравнивали девочек, подчеркивая те или иные их достоинства. Интерес был обоюдный. Мы также заметили, что девочки более заинтересованно смотрят на нас, чем в прошлом году.

У нас в школе были ребята, которые играли на гитаре, балалайке, мандолине. Стали чаще устраивать вечера отдыха с танцами, викторинами, загадками, развлекательными играми. В процессе вечеров более определенно стали проявляться симпатии одних к другим. На школьных вечерах присутствие учителя было обязательным. Нам запрещали танцевать танго и фокстрот. Разрешали только вальс, польку и краковяк, а мы хотели танго и фокстрот. От учеников 60-х годов я узнал, что им уже разрешали танцевать танго и фокстрот, а запрещали буги-вуги и рок-н-ролл.

В 9 классе у меня было увлечение Эллой Чернявской. Она была на год моложе меня и занималась в соседней 76 школе. Ее мама через наших общих знакомых передала просьбу ко мне помочь Элле по физике, которая ей давалась с трудом. Каждое воскресенье я приходил к ним. Часа два мы занимались физикой. Мы с Эллой подружились. Она была тихая, маленькая, спокойная и, как я понял, болезненная девочка — у нее часто болела голова и была слабость. У нее была подруга Рая. Полная противоположность Элле — цветущая, жизнерадостная шатенка со слегка вьющимися волосами. Однажды я пришел к Элле с Петей Зеленковым и познакомил его с Раяей. Целое лето мы с Петром посещали Чернявских. Вместе вчетвером ездили в городской парк, иногда ходили в кино. Петро вместо Раи не на шутку влюбился в Раису Николаевну — мать Эллы, которая была старше моего друга на 20 лет. Раньше всех это почувствовал Рая, поскольку у Пети к ней начал пропадать интерес. Иногда он под различными предлогами отказывался идти с нами гулять или

Раю проводить домой. Моя мама Раису Николаевну называла Василисой Прекрасной. Это была красивая 35-летняя, в расцвете сил, женщина. Много лет спустя я понял, что она догадывалась о любви к ней Петра. Когда мы приходили с ним, она расцветала, кокетливо подтрунивала над Петром и становилась еще прекраснее. Муж ее работал в Куйбышевском райкоме партии и дома бывал очень редко. Может быть, от скуки она развлекалась Петром.

А когда я стал обращать внимание на противоположный пол? Вспомнился давний случай. Я пришел в столовую завода Артема за очередным обедом, Дуся мне сказала: «Не уходи, баниться будем». Действительно, через несколько минут завела меня в душевую, где уже были две ее ровесницы. Было лето. Она меня разделала, поставила под душ, лицом к стенке. Сами они тоже разделись и начали мыться под соседним душем в соседней кабине. Как всегда в таких случаях, шлепки, ухмылки, смех, шутки. Я их не видел, но все слышал. Мною овладело чувство, которого я раньше не знал. Во мне напряглись все мышцы, все туловище, появилось сердцебиение — мне казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди. Это испытание кончилось, когда девушки оделись и ушли. Дуся заметила перемену во мне. Грубовато сказала: «Быстрее одевайся». Я оделся и молча ушел домой. Что-то со мною случилось. Объяснить что — не мог.

В детстве на Роси мы нередко купались с девочками голенькими. Но время шло, мы выросли, интерес к противоположному полу повышался.

Помню, ловил я рыбу на Роси. На противоположном берегу девушки шумно разделись и начали купаться. Из-за кустов я их не видел. Только слышал. Любопытство взяло верх, я начал незаметно подбираться к ним и вскоре увидел их тела во всей девичьей красе. Я замер. Мною овладело волнение, нетерпение, сердцебиение и непреодолимое любопытство, как и в первый раз. Я понимал, что некрасиво подсматривать, но никаких сил у меня не было оторвать от них своего взгляда. А они, не видя меня, купались, ныряли, развлекались, принимали разные позы, которые меня, подростка сводили с ума. Я познал новое чувство, о котором столько написано книг и снято фильмов.

Осенью началась учеба в 10 классе. Учебная программа была большая и сложная. Предстояли выпускные экзамены. Времени свободного стало меньше. К Чернявским я стал ходить реже, а затем и вовсе перестал. По состоянию здоровья родители Эллы взяли для нее академический отпуск. Она постоянно находилась дома, а затем ее отправили на лечение в Крым.

В 10 классе я увлекся Женей Панкевич. Чем больше я ее узнавал, тем больше она мне нравилась. В те годы Женя была красивой белокурой игривой, веселой девушкой. Глаза с поволокой. Она умела придавать своим глазам разные выражения: то они слегка улыба-

лись, то в них было что-то недосказанное, то они говорили: «Смотри, какая я красивая». Кокетство придавало ей красоту. У нее был небольшой голос, но она хорошо владела интонациями, пела модные песни. Особенно мне нравилась тогда песня «Синий платочек». Мы вместе с ней пели эту песню много раз.

У Жени было много поклонников. Нужно сказать, что она ими умела хорошо манипулировать и даже сталкивать. В этом ей помогала мать — Екатерина Егоровна. Она была приятной собеседницей, читала много художественной литературы и постоянно находилась с нами в молодежной компании. Была в курсе всех наших дел. Ко мне она относилась хорошо. Иногда надолго задерживала на мне взгляд и говорила: «Витя, быть тебе профессором». Я отшучивался, но было приятно. Михаил Иосифович, отец Жени, работал на шахте. Был хозяйственным человеком. Все умел делать сам. В своем частном доме он поддерживал хозяйство в идеальном состоянии.

В доме у них был радиоприемник (тогда это была редкость, мы слушали наше и зарубежное радио). Мир наполнялся военным психозом. Европа, как большой котел, клочкотала. Гитлер, Даладьё, Чемберлен, Сталин явно и тайно дирижировали тем, что происходило в Европе и мире. Гражданская война отошла в историю.

Наше радио все время твердило о врагах народа, которых успешно нейтрализует Сталинский нарком Ежов своими ежовыми рукавицами. В школах практиковали политинформации, в которых я принимал самое живейшее участие. Нас убедили, что среди наших граждан имеются враги народа, что беспощадная борьба с ними закономерное явление.

Помню выступление В.М. Молотова на сессии Верховного Совета, в котором сообщалось, что Финская война унесла 150 000 жизней наших солдат. Народ ахнул! Как же так? Такая армия? Где же были К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный? Они же обещали, что «враг будет разбит на его территории». Вот так «малой кровью, могучим ударом!» Тревожно на Востоке из-за Японии. Тревожно в Европе из-за Германии. Непрерывно заседает Лига наций. СССР из нее исключили. Ежедневно радио и газеты знакомят население с речами лидеров различных государств. Наши лидеры хранят молчание, все, кроме В.М. Молотова.

Среди наших школьников споры и прогнозы на политинформациях, которые после уроков затягиваются надолго. Иногда политинформации проводились вместо уроков, если по каким-либо причинам отсутствовал преподаватель.

В те годы я регулярно читал две-три газеты и был в курсе всех международных событий, а также событий внутри страны. У меня было много вырезок из газет, поэтому я был непременным участником всех политинформаций и принимал самое активное участие в дискуссиях. Меня сильно смущало, то, что наша страна, имея столь-

ко врагов народа, стала страной гигантов индустрии в Донбассе, на Урале, в Сибири. Писали, что люди вдохновенно с энтузиазмом трудятся на стройках, заводах и колхозных полях, а в то же время принимается закон о прогулах и опозданиях на работу. Людей судят за 20–30 минутные опоздания на работу. Значит, не все работают с энтузиазмом. Почему?

За что судили и расстреляли известных советских полководцев, маршалов Тухачевского, Егорова, Блюхера и других? Нам еще недавно говорили, что это выдающиеся отечественные полководцы, что они сыграли решающую роль в разгроме Антанты во время гражданской войны. Но их расстреляли. Вопросов было много, но их в то время было опасно задавать. Об этом мне осторожно сказал отец.

Может, потому, что я был политически активным, в 1940 г. меня избрали секретарем бюро комсомольской организации школы. С этого времени мне часто приходилось бывать на комсомольских активках, проводимых Куйбышевским райкомом комсомола г. Сталино.

Как-то отец взял меня с собою на городской актив пропагандистов. На активе выступал А. С. Щербаков — в то время первый секретарь Сталинского обкома партии. Во время Великой Отечественной войны он возглавил Совинформбюро. До этого я никогда не видел партийного руководителя такого высокого ранга. А. С. Щербаков — плотный, среднего роста человек в круглых черных очках. Вышел на трибуну и почти 2 часа говорил о современном международном положении в мире и у нас в стране. И хотя он говорил, что наша дипломатия делает все возможные усилия, чтобы не дать себя втянуть в мировую войну, события тех лет говорили, что страна медленно, но неизбежно приближается к войне. Люди это чувствовали не только по газетам и журналам, но и по полкам в магазинах. Стало еще меньше товаров широкого спроса. Появились очереди за хлебом, в продовольственных и промтоварных магазинах. Отец и мать не успевали обеспечивать семью самым необходимым, выстаивая в очередях. Родители стали привлекать нас с Юрой к обеспечению семьи продуктами.

С Юрой не все благополучно: остался на второй год в 4 классе, связался с подозрительной компанией, пропускал учебу в школе, начал курить. Отец перевел его в другую школу — подальше от его компании, но и там он школу пропускал, а в довершение без ведома родителей среди учебного года на двое суток уехал в Мариуполь, с каким-то приятелем. Родители волновались, отец ходил его искать.

Закончилось тревожное лето 1940 года. Отец работает на военном заводе, мы почти перестали его видеть.

В 10 классе нас стало еще меньше — многие ученики после 9 класса вынуждены были уйти работать на предприятия. Дирекция школы в 1940 г. нас поставила в известность, что за учебу в старших классах нужно платить 150 р. в год. Отец меня успокоил — он день-

ги внесет в кассу школы. Плата за учебу в школе отсекала еще одного-двух учеников из десятого класса.

В этом году у нас в семье случилась маленькая радость: отцу восстановили пенсию как инвалиду гражданской войны. В начале 20-х годов ему была назначена пенсия 16 рублей. В те годы это была более или менее приличная сумма. Помню, тогда отец купил маме черное пальто с рыжим воротником. Отец покупкой гордился. Матери оно не нравилось. Она его почти не носила. Пальто пригодилось в 1933 г. в голодовку. Мама его продала и в самые критические дни спасла нас от голода. В последующие годы инфляцией превратила пенсию в крохи, которые стыдно было получать. Отец перестал получать пенсию. В 1938 г., когда жизнь стала ухудшаться, а здоровье у него было неважное из-за язвы желудка, он начал хлопотать о персональной пенсии. Два года длилось пенсионное дело, но пенсию назначили. Хорошо помню этот день. Отец пришел домой радостный, с бутылкой портвейна, консервами, колбасой и конфетами. В этот день дома у нас был праздник. За сколько лет!

В 10 классе остались учиться те, кто предполагал продолжить образование в институте. О поступлении в институт было много разговоров. В Сталино выбор был небольшой: индустриальный, медицинский и педагогический институты. Многие соученики после окончания средней школы собирались уехать из г. Сталино. Я по-прежнему мечтал о Высшем военно-морском кораблестроительном училище в Ленинграде.

Незаметно пролетели две четверти. Мы весело встретили Новый 1941 год. Желали друг другу счастья, вечной молодости и любви, исполнения всех желаний. А главное, определиться с дальнейшей учебой.

Родители были более сдержаны в поздравлениях. Их омрачала напряженная обстановка в мире и стране. В стране свирепствовала «врагомания» и «шпиономания». Ежова, сталинского министра внутренних дел, как и его предшественника, Ягоду, расстреляли как врага народа. Новым министром внутренних дел стал Л. П. Берия.

Несмотря на тревожную обстановку, мы стремились при первой возможности повеселиться, сходить на танцы, в кино, в поход за город. Видимо, это была потребность молодости и необходимость разрядиться от хронического напряжения нервной системы.

Мое увлечение Женей росло. При первой возможности я искал встречи с ней. Иногда это было наедине, а чаще это были встречи в компании. Я не могу сказать, чтобы мы встречались без взаимного интереса. Нам было весело и приятно. Анализируя прошлое, я обращаю внимание, на то, что у нас с ней не было каких-то общих интересов, привязанностей, мы как бы говорили друг с другом о самом наболевшем, о взаимоотношениях учеников в школе. У меня было чувство, что у нас с ней самые простые и поверхностные взаимоотношения. Заглядывая в будущее, я никогда не чувствовал, что Женя

будет рядом со мной. Я не видел в ней человека, с которым можно прожить жизнь. Она была эгоистичной и лишенной сочувствия. Я никогда не слышал, чтобы она выразила кому-либо сострадание или оказала какое-либо внимание. Может быть, поэтому у нее никогда не было подруг. Ее окружали, в основном, знакомые и увлеченные ею мальчишки. В компании с ней было приятно, она была женственна, умела развлекаться и отдавалась этому всем душой. К ней можно было прийти в любое время дня, она всегда была рада гостю. Она умела поддерживать разговор ни о чем, о всяких пустяках. Не капризничала, когда ее просили спеть. Она очень хорошо пела песни из репертуара Клавдии Шульженко и мастерски владела голосом.

В апреле я получил вызов из Ленинградского училища. Меня ставили в известность о вступительных экзаменах. В начале мая начались выпускные экзамены. В школе апрель-май у меня оказались очень загруженными. Фактически начал подготовку к выпускным и вступительным экзаменам. Нас познакомили с расписанием выпускных экзаменов. Кончали школу два 10 класса: русский и украинский. Вначале предстояло сдать письменные экзамены, а затем устные. Экзамены мы все сдали вполне прилично. Сюрпризов никаких на экзаменах не было.

Описывая этот период, я напрягал память, но так и не вспомнил, какие же вопросы у меня были в школьных экзаменационных билетах. Хотя многие вопросы на экзаменах в академии и институте я помню.

После экзаменов мы начали деятельную подготовку к выпускному вечеру, который был назначен на 21 июня в 18.30 в нашей школе. До вечера было еще два дня. В шахтной столовой нам дали посуду, тарелки, стаканы, вилки, ложки, ножи. На базаре мальчишки под руководством мам и девочек покупали и относили в школу овощи, зелень, и все другие необходимые продукты — хлеб, ситро, минеральную воду. Тайком прикупили вино и водку — спиртные напитки директриса покупать не разрешила.

У нас была сложность с музыкальным оформлением. В школе была радиола. Но одна лампа сторела утром в день выпускного вечера. Мы ее целый день искали в магазинах города. Наконец, нашли. День был солнечный, жаркий, а в середине его прошел ливневый дождь и мы измокли до нитки.

Другая группа ребят покупала подарки и цветы для учителей, готовили шуточные тосты на школьные темы. Наиболее любимым учителям посвящали стихи. Из класса вынесли все парты, расставили столы, стулья, накрыли столы скатертями. Мамы и девочки начали накрывать столы своими кулинарными изделиями. Празднично-торжественную атмосферу поддерживала радиола.

Выпускные вечера в школах на рудниках проходили скромно. Не было на девочках белых бальных платьев. Они были одеты в свои по-

вседневные платья, но их улыбки излучали счастье и, думаю, каждая из них чувствовала себя принцессой, как и нынешние выпускницы. Мальчишки были одеты еще скромнее. Правда, на всех были белые рубашки, брюки были отутюжены, туфли, начищенные до блеска.

К 6 часам вечера начали подходить родители и учителя. На выпускной вечер папа пришел с мамой. Меня поразило, как они преобразились, даже помолодели и похорошели. Наверно, это же заметили и другие соученики в своих родителях. Вот что значит радость и праздник!

Когда все собрались, директор школы Елена Павловна огласила приказ от 21 июня 1941 года об окончании средней школы №65, учениками 10 «А» и «Б» классов. Выпускникам были вручены аттестаты зрелости.

Елена Павловна пригласила родителей и учеников за праздничный стол.

Шумно перешли в класс-столовую. Расселись. Слово для первого тоста Елена Павловна предоставила учителю Григорию Онуфриевичу, математику, человеку солидному, важному и всеми уважаемому за его прекрасное отношение к ученикам, высокую требовательность, доброту и жизнерадостность.

Тост его был коротким. Наряду с напутствием в жизни он произнес пророческие слова: «если мальчишкам случится быть фронтowymi друзьями (был фильм с таким названием), то девочки пусть станут фронтowymi подругами» (тоже был фильм с таким названием). От родителей учеников приветственное слово учителям и выпускникам сказал папа Л. Оноприенко. Сказал хорошо, ему также аплодировали. От учеников в адрес учителей и родителей слово представили мне.

После этого началось застолье, а еще через какое-то время в соседнем классе начались танцы под радиолу и баян. Кто-то из ребят догадался пригласить клубного баяниста. Мы его хорошо знали по вечерам танцев в клубе. Он был хороший баянист, но любил выпить лишнего, поэтому рядом с ним пришлось поставить «стражу». Выпускники приглашали на танцы учительниц и мам, а учителя и папы приглашали на танцы выпускниц. В перерыве между танцами были викторины, загадки, массовые игры, читали приветственные стихи учителям. Учителя то же сочинили стихи о выпускниках, в которых описывались наши проделки на уроках и в школе.

Все немного выпили и осмелели. Решили качать учителей. Первым качали Савелия Антоновича. Дескать, вы нас учили силе и ловкости — вот смотрите, какие мы сильные. Десяток рук подхватили Савелия Антонович и начали бросать его под потолок. Девчонки визжали от восторга. Учительницы побаивались за своего коллегу. Но все обошлось. Взялись за Бориса Леонтьевича и Ивана Евдокимовича. С ними тоже все хорошо обошлось. Григория Онуфриевича

не решились качать — грузный был мужик, а Григория Дмитриевича побоялись — инвалид, все же.

Страшный переполох и визг разразился, когда кто-то предложил качать учительниц. Они разбежались. Родители несколько умерили наш пыл. Мы вновь перешли к танцам. Для меня было удивительно, как некоторые учителя с учениками выпивали. У многих учеников в рюмках была покрашенная красным водка.

Около 10 вечера родители разошлись по домам. Мы еще долго шумели, танцевали, выясняли взаимоотношения, уточняли кто, куда решил ехать и поступать. Танцевали вальсы, танго, восторг вызывали массовые игры и, в частности, игра, когда один человек с завязанными глазами должен был поймать кого-то и на ощупь узнать, кого он поймал. Смеха было много, когда парень ловил девочку и наоборот. Узнавание на ощупь было очень смешно и... но тогда все прошло — выпускной вечер! Все устали. Среди ребят были и сильно перепившие.

Из-за позднего времени решили не расходиться, а дождаться рассвета и утром погулять по руднику.

Мальчишки в соседнем классе расстелили простыни, скатерти и покатом улеглись спать.

Девчонки, «фронтвые подружки», решили подшутить над «фронтвыми друзьями» и связали нам шнурки ботинок.

Утром, на рассвете 22 июня 1941 г. мы проснулись от криков: «Война! Война! Война! Фашисты напали на нас!» Сон и хмель как рукой сняло. Мы начали лихорадочно подниматься с пола, но не тут-то было! У нас были связаны шнурки. В другое время это вызвало бы гомерический смех. Подхватился тот, кто одет был в туфли. Остальным пришлось шнурки разрезать ножом — «фронтвые подружки» пошутили надежно.

Да, война! Теперь все мы слышим диктора: «...бомбили Киев, Житомир! Немцы перешли границу на всем протяжении от Баренцева до Черного моря».

Все шумят, кричат, ругают немцев и Гитлера. Мы задавали все один и тот же вопрос: что делать? Савелий Антонович привел нас в чувства: «Для начала давайте уберем в классах, где был вечер».

Девочки начали греть воду на электроплитках. Мальчишки сносили посуду, допивали минеральную воду и сидро, доедали то, что было съедобно. Привели в порядок классы, расставили парты, столы, стулья. Отнесли всю посуду в столовую.

Что делать дальше? Савелий Иванович посоветовал идти домой и отоспаться. «Какой сон? Какой сон?! Савелий Иванович — война!»

Кто-то сказал: «Надо на фронт!»

— Да, на фронт! — подхватили другие.

— Виктор, — это обращение ко мне, — ты — комсорг и что-то должен придумать.

— А что тут думать. Давайте напишем заявление о приеме на службу в РККА, — сказал Яша Гапенко.

Минут через 15 мне вручили десяток заявлений мои сотоварищи. Я их положил в карман, не читая. Стал соображать, как поехать в райком комсомола. Ехать трамваем с пересадкой — это стоит 60 копеек. У меня денег нет. Потом решил, кто в первый день войны с меня потребует деньги за билет? Кто посмеет стать на пути нашего патристического подвига? Ребята проводили нас с Яшей до трамвая, а сами вместе с девочками отправились по домам.

В райкоме все суетятся, бегают, никто толком не знает, что делать, с чего начинать.

Мы пробились к секретарю райкома М.В. Хорунжему.

— Вот, привезли заявления, — протягиваю ему пачку бумаг.

— Это еще что за заявления?

— Заявление о добровольном вступлении в армию, — отвечаю.

Ради интереса перечитал он заявления — ни в одном нет адреса, а подписи не разборчивы, нет дат.

— От кого заявления и кому заявления? На деревню дедушке? — пристыдил М.В. Хорунжий нас. — Вояки.

— Подождите, — сказал он мне — ваше время еще придет. Вас ждет самое пекло. Во какая армада прет. Попробуй, останови!

Уехали мы с нашими заявлениями. Поняли, что на фронте необстрелянным выпускникам школы делать нечего. Нужна хорошая физическая и боевая подготовка.

У нас была потребность встречаться, обмениваться известиями с фронта. Иногда мы собирались на ставке. Мы обсуждали обращение В.М. Молотова к народу в первый день войны. Речь была спокойная, выдержанная, нацеленная на сплочение всего народа. Он призывал требовать от себя и других дисциплины, организованности, самоотверженности. Обращение он закончил словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Я достал карту Европы. С первого дня начал отмечать по карте линию фронта по сообщениям Совинформбюро.

То, что происходило в первые две недели войны, нас потрясло. Лавина немецких танков при поддержке авиации стремительно продвигалась на Восток. На северо-западе немцы вклинились между фронтами. В Белоруссии фашисты на земле уничтожали почти всю авиацию западного фронта. Продвинулись до Вильнюса, Минска. На юго-западе гитлеровцы уже вели бои южнее Владимира-Волынского, а 9 июля захватили Житомир и рвались к Киеву. Не лучше было на других фронтах.

В Сталино появилось много беженцев. Началась сплошная эвакуация заводов, предприятий, учреждений, сельскохозяйственной техники. В своем обращении 3 июля 1941 г. к народу И. Сталин призывал ничего не оставлять фашистам. Все взрывать и сжигать. Не ос-

тавлять ни грамма металла, ни одного килограмма зерна, скот угонять на Восток. А как же жить людям, которые остались в оккупации? В памяти был еще голод 1933 года.

В Сталино начали проводить затемнение города и предприятий. На улицах появились патрули. Комендантский час с 22—00. Среди людей была паника — ловили «диверсантов» и «шпионов».

По радио передали, чтобы граждане, имеющие радиоприемники их сдали до 1/VII. Отец Жени Панкевич попросил меня с Женей отвезти их радиоприемник. Мы целую неделю по немецкому радио следили за наступлением фашистов. Они заранее торжествовали победу. Утверждали, что Красная Армия разбита, что немецкие войска наступают на Украину с освободительной миссией. По газетам и радио у нас знали, чем кончилась освободительная миссия в Польше, Югославии, Греции. Но кое-кто на это клюнул.

Радиоприемник мы сдали и получили квитанцию. В том месте (на Пожарной площади) люди сдавали тысячи приемников. Значит, многие жители слышали немецкую пропаганду первой недели войны. Это усиливало панику.

Каждый день я был в райкоме комсомола с утра часов до 17—18, Вечером являлся домой. Моя поездка в Ленинград отпала. В июле я не думал о том, куда поступать учиться. Все было неясно. Все были на распутье.

Среди торговых работников наблюдались случаи присвоения дневной выручки и исчезновения из города вместе с семьей. Квартиры, мебель оставляли. Из Сталино начался массовый отъезд евреев, в том числе и тех, кто в Донбасс попал из Западной Украины и Молдавии.

Целую неделю войска Красной Армии упорно сражались с фашистами в районе Львова — Луцка — Бродов — Ровно, однако угроза окружения заставила их отойти на Восток, на рубеж Коростень — Новоград-Волынский — Проскуров. По всему фронту от севера до юга наши войска упорно сражались, но все-таки отступали. В войну вступила Румыния. Немецкая авиация доминировала на всех фронтах. Это затрудняло наземные действия. Шли упорные бои в районе Одессы. Сражался Севастополь.

В райкоме комсомола мне давали различные поручения: иногда это была доставка пакетов, но чаще меня использовали как дежурного у телефона — я обязан был принимать все телефонограммы, записывать и своевременно ставить в известность руководство райкома.

От ребят узнал, что Яша Гапеенко уехал в училище. Петя Зеленков был старше нас на 2 года, его мобилизовали в армию. Печерский и Кичик сразу после окончания школы куда-то уехали, даже не попрощавшись с остальными. Их обвинять за это нельзя, тогда часто все делалось внезапно. Я понимал, что нахожусь в Сталино последние дни. Зашел к родным Авилова — что от Лени? С начала войны писем нет. Семья волнуется.

Вечером навестил Панкевичей. Они тоже понимали, что я в Сталино последние дни. Чтобы оставить нас наедине с Женей, родители ушли. Разговор не клеился. Больше молчали. Поговорили о товарищах, которые еще остались на Ветке. Женя сообщила, что собирается подать заявление в медицинский институт. Выпускников этого года принимают на первый курс без вступительных экзаменов.

По дороге домой меня задержал патруль — я нарушил комендантский час. Документов с собой у меня не было. Объяснил кто я, откуда и куда иду. Поскольку им со мною было по пути, мы разговорились. Патрули были ребята года на 2—3 старше меня. Они убедились, что адрес свой сказал правильно, и оставили меня в покое.

Пришел домой. Лег в постель, не спалось. Всю ночь пролежал — думал о пережитом на руднике Ветка... Какая-то неопределенность в положении. Что предпринять — не знаю. Мечта о Ленинграде лопнула — немцы рвутся к нему, идут бои под Ленинградом.

Участилась ностальгия по Ракитному... Скоро уеду из Сталино, но куда — в армию, в училище? Кто знает.

Интересно, будет ли ностальгия по Сталино и руднику Ветке? Ведь здесь прошли очень интересные годы: становление, юношеские увлечения. В Сталино научился мечтать. Тут впервые передо мной возник вопрос: чего достигну в жизни, кем стану?

Я был свидетелем трудового героизма шахтеров, металлургов, химиков в предвоенные годы. Своими глазами видел, как рос город. Я видел, и сам был участником патриотического порыва, который охватил всех горожан в день 22 июня 1941 г.

Заканчивался первый месяц войны — очень неожиданный, трудный и необъяснимый для всех нас... Не сработал большевистский лозунг, что в случае войны против СССР рабочий класс капиталистических стран обратит оружие против своих буржуазных правительств. Немецкие рабочие и крестьяне, одетые в фашистскую форму пока разоряют нашу страну. В плен, чтобы потом выступить на нашей стороне, не сдаются.

Все чаще и чаще из Сталино семьи уезжают в эвакуацию — на Урал, в Сибирь.

Отец по-прежнему работает на военном заводе. Сильно устает, но не жалуется. Верит в нашу победу. Его вера передается нам.

Смотрю на карту, изучаю линию фронта. Фашисты захватили много нашей территории, но сколько еще свободной! Немецкие войска расползаются по фронту от моря до моря. Кое-где их сильно бьют, хотя пока таких ударов мало. У Гитлера не вышел блицкриг. Из шести недель, в течение которых он собирался разбить нашу страну, прошло четыре. Фашисты не добились решающей победы над Красной Армией. Армия сохранена, она боеспособна, сражается, отступая. Война затягивается, время работает на нас. Значит, прав отец: мы победим!

ВОЙНА

Военно-медицинская академия.

25 июля 1941 г. меня пригласил к себе секретарь Куйбышевского райкома комсомола г. Сталино Михаил Васильевич Хорунжий.

— Виктор, у меня имеется путевка в военно-медицинскую академию в г. Куйбышев. На, оформляй документы через военкомат и жми.

— Михаил Васильевич, война идет, меня в действующую нужно...

— Какой ты вояка, юнец не обстрелянный. Смотри, как прут немцы. Опытные не выдерживают, отходят... Не валяй дурака, бери путевку и — будь здоров.

Предложением Хорунжего я не воспользовался. Дома вечером рассказал о разговоре с секретарем райкома комсомола. Отец начал меня уговаривать поехать в академию: «Твои дела с кораблестроительным училищем в Ленинграде кончились. Видишь — к городу рвутся фашисты. Уже началась эвакуация Ленинграда. Вызова из училища нет и не получишь его. В действующую армию ты не годишься — неопытен, нет военной специальности. Воспользуйся предложением райкома комсомола. На твой век войны хватит. Еще успеешь навоеваться».

В молодости решения принимаются быстро. Утром я был у М.В. Хорунжего. Он, как всегда, встретил меня приветливо, вручил путевку. Через военкомат я в тот же день оформил проездные документы. Остаток дня посвятил прощанию с друзьями по школе. Как-то все непривычно, необычно. Нет радости. По-деловому: «ну прощай», «ни пуха, ни пера» или что-то вроде этого. Семьи некоторых наших учеников уже собирались в эвакуацию с военными заводами на Восток.

27 июля 1941 года меня провожали мама, брат, Женя Панкевич и Женя Коваленко. Вещей у меня было немного: то, что на мне, одна-две рубашки, носки и учебники, две буханки хлеба, банка варенья и 50 рублей. Мать сказала: «Разумно трать деньги. Больше тебе дать не могу: у меня их просто нет». Она правду сказала. В те годы мы жили очень скромно, ничего лишнего. Ожидание на перроне было тягостным. Говорить что-то нужно, ведь прощаемся. Когда еще увидимся? А говорить вроде бы нечего — все сказано. Все ждут, когда

тронется поезд. У матери слезы на глазах. Оно и понятно: провожает сына, время тяжелое, хорошо, если поступит в академию, а если нет? У брата тоже слезы в глазах. Девочки стоят тут же, молчат.

Наконец, поезд тронулся. Я вскочил на ступеньку. Стоял в тамбуре и, сколько мог, смотрел на провожающих близких мне людей...

В молодости быстро знакомятся. В вагоне я оказался рядом с Костей Подгайским, который, как и я ехал в академию в Куйбышев. Начало хорошее — есть попутчик. Несколько позже к нам присоединилась наша ровесница Оля, которая эвакуировалась из западных районов куда-то в Сибирь. Поезд шел через Славянск, Купянск, Валуйки, Сызрань. В Украине мы часто и долго стояли на станциях, пропускали эшелоны с оборудованием заводов на Восток и воинские эшелоны на Запад.

На станциях было много военных. Всюду суета, неразбериха. Доехали за 5 суток — 1 августа мы приехали в Куйбышев. Простились с Ольгой. Расставание было грустным, хотя и знали мы друг друга совсем недолго. Дорога быстро знакомит и сближает людей. Навели справки об академии. Адрес: Арцыбушевская, 163. Оказалось не очень далеко. Минут через 25–30 на трамвае мы добрались до места назначения. Абитуриенты уже съезжались. Нас зарегистрировали. На период экзаменационной сессии выдали талоны на питание. Академия располагалась в бывшей самарской тюрьме. Там как музей сохраняли камеру В.В. Куйбышева. Тюремное здание как-то не вязалось с академией — «храмом науки». Железные лестницы гудят под ногами, металлические сетки все отгораживают. Нас с Костей поселили в камере №273.

Мы узнали, что экзамены нужно сдавать по истории СССР, Конституции СССР, географии, арифметике, алгебре, тригонометрии, физике, химии, иностранному языку, русскому языку и литературе (устно и письменно). Экзамены начинаются 2 августа с диктанта. Экзамены можно было сдавать в любой последовательности и в любом количестве в день.

Мы с Костей думали — думали и пришли к такому выводу. Если сдадим экзамены — все ясно: нас зачислят слушателями. Если не сдадим — нужно возвращаться домой, а это сложно и по опыту мы уже знали, нужно много времени, а фашисты жмут — уже под Днепрпетровском. Решили сдавать максимум экзаменов в день.

Диктант был из романа Н.Островского «Как закалялась сталь», то место, где брат Корчагина Артем побил официанта. В диктанте я допустил одну ошибку. В слове «Прокошка» я написал после буквы «р» букву «а», как диктовала преподавательница. Диктант оценили на 4. Начало хорошее. В этот же день мы сдали арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию и физику. Оценили вполне прилично. На геометрии я немного запутался, но преподаватель дал мне алгебраическую задачу, которую я решил и получил исход-

ные данные для решения геометрической задачи. Преподаватель поставил мне хорошую отметку. Костя сдал экзамены лучше меня. В Сталино он занимался в школе №1, которая считалась лучшей в городе.

Вечером, лежа на своих койках, мы просматривали учебники, готовились к очередным экзаменам. В первой половине дня сочинение, а во второй решили сдавать химию и иностранный язык. Мы писали сочинение на тему: «Образы врагов в романе «Поднятая целина» М.А. Шолохова». Тема была очень хорошо знакома.

Нас предупредили, что по сочинению будет две оценки: за грамотность и раскрытие темы. Здесь уже нужна тактика. Что лучше — написать больше и лучше раскрыть тему, но где гарантия, что не сделаешь роковые грамматические и синтаксические ошибки? Ведь ошибки считали не на количество слов, а в сочинении в целом. Это против абитуриента. Решили избрать золотую середину, действовать по принципу «краткость — сестра таланта». Сочинение закончили, сдали преподавателю и после обеда пошли сдавать намеченные экзамены.

Я боялся экзамена по немецкому языку, но он оказался прост. От меня требовалось прочитать текст — строчек 20—25 и разобрать несколько предложений, с чем я успешно справился. Экзамен по химии у меня в памяти не отложился. По всей вероятности, он прошел благополучно. К вечеру 2 августа сдано 6 устных экзаменов и написан диктант и сочинение. Оценки по устным экзаменам у меня 4.2 балла, у Кости — 4.6 балла. Тогда мы еще не знали оценок по диктанту и сочинению.

3 августа с утра мы сдали экзамены по конституции, истории СССР и географии. По истории мне пришлось рассказывать о Северных войнах Петра I, втором походе Антанты против Советского государства, а третьего вопроса я не помню, что-то из современной истории. Я ответил очень хорошо и получил высший балл. По географии я тоже получил «отлично», причем у меня в билете, наряду с другими вопросами был вопрос о реках Африки. Когда я стал отвечать, преподаватель стал экзаменовать меня по рекам Юго-Восточной Азии. Свою ошибку он заметил, когда начал обдумывать мой ответ.

— Что, я спросил тебя не то, что в билете?

— Да.

— А реки Африки знаешь?

— Да, вот я хотел говорить Вам о Ниле, Конго, — протягиваю ему лист бумаги, на котором были данные, характеризующие эти реки.

Он глянул. Поставил 5 в экзаменационный лист и в свою ведомость.

Мы с Костей после обеда узнали, что наш диктант и сочинение проверили. Мы можем сдавать устно язык и литературу одному преподавателю. В моем билете вопросы по языку и литературе были мне

хорошо знакомы. На вопрос преподавателя: «Кто следующий?» Абитуриент, обдумывающий свои вопросы, еще не был готов и уступил мне свою очередь. Экзамен по языку прошел гладко. По русской литературе я говорил о поэтах-декабристах, о романе Фадеева «Разгром». Ответил прилично. Русский язык и литературу у нас в школе хорошо преподавали, работал кружок. По тем временам в школе была неплохая библиотека.

После моего ответа у меня с преподавательницей, красивой женщиной средних лет, состоялся такой разговор:

— Вы очень хорошо ответили на все устные вопросы. Помимо школьной программы Вы рассказали много интересного про поэтов-декабристов, про Фадеева. Сочинение же написали хуже, как мне кажется, своих возможностей. Почему это случилось?

— Я Вам скажу при условии, что это не отразится на общей оценке.

— Не отразится. Я могу Вам ее даже поставить в экзаменационный лист. Она поставила общую оценку по литературе и языку «4» и расписалась.

— Если бы я хорошо раскрыл образы врагов в «Поднятой целине», у меня было бы большое сочинение и не исключено — больше ошибок. Я избрал другой путь — сочинение напишу короче, с меньшим числом ошибок. На устном — вытяну на 5. Я рассчитывал иметь общую оценку — 4. Я ее получил.

— Дипломат ... сказала она и поинтересовалась, как я сдал другие экзамены. Удивилась, что сдал за 3 дня все экзамены.

Экзамены сданы. Костя сдал тоже все экзамены. По языку получил 5, по литературе — 4.

Вечером мы ходили в кино. Шел фильм «Свинарка и пастух». По-моему, это один из последних фильмов, снятых еще в мирное время, а потом зашли в ресторан отметить важное событие в жизни.

По наивности мы думали, что завтра нам скажут: «Вы зачислены слушателями академии», а нам сказали, что предстоит еще пройти медицинскую, мандатную и конкурсную комиссии.

Да, с рестораном мы явно поторопились. Деньжата порастратили, на обратную дорогу не хватит. Но в молодости долго не горюют. Медицинской комиссии я побаивался. Вспомнил, как в школе я хотел поступить в духовой оркестр, а мне не разрешили из-за сердца играть на трубе. Поступление в академию я начал не с медкомиссии, как нужно было, а с экзаменов. В первые дни это удалось, в последующие — сначала проходили медкомиссию. На комиссии — зацепка. Акцент II тона. Военврач слушает сердце, считает пульс. Заставил затаить дыхание на вдохе и выдохе. Потом я уже узнал, что это пробы Штанге и Саабразе. С этими пробами у меня получилось хорошо. Без дыхания я пробыл более 2 минут. Этого более чем достаточно. Врач даже усомнился, пробу повторил и подсунул мне

зеркальце под нос и рот. Оно не запотело. Значит, я не дышал. Во время обследования мой врач разговаривал с другим военным врачом и высказал ему свои сомнения. Тот сказал ему уверенным баритоном:

— Да посмотри ты на хлопца — здоровый, пропорционально сложен, пробы хорошие. Не мучь его, отпусти. В моей ведомости появилось заветное слово «здоров». Никогда я сердцем не страдал, легко бегал на 2–3 км, а в академии на 5 км — и ничего. Наверно, юношеские шумы они принимали за органические изменения. Волнение приводило к тахикардии и усилению шумов. Медицинская комиссия, как я тогда думал, будет для меня самой сложной и самой трудной. Но хорошо то, что хорошо кончается. Запомнилась она мне на всю жизнь — как самый главный экзамен.

В тот же день под вечер нас пригласили на мандатную комиссию. Оказалось это не так просто. Проходила она в кабинете начальника академии дивизионного врача Вилесова. В петлицах он носил два ромба. В кабинете помимо него было много военных врачей, как и он, высоких рангов. Какой-то военный нас тренировал. Рассказывал к кому и как нужно подойти, как представиться, описал отличительные черты начальника академии. Сказал, чтобы на вопросы мы отвечали четко, по возможности, кратко и, самое главное, не заикаться. Держите нервы в узде.

Зашел. Представился. Смотрю на начальника академии, а боковым зрением оглядел всех присутствующих. Начальник просматривает мое личное дело. Вопрос ко мне — кого Вы знаете из тех, кто изображен на портретах, висящих на стенке?

— Академика Павлова.

— Что Вы знаете о нем?

— Живет и работает в Ленинграде. Физиолог. На собаках изучает, как желудок вырабатывает желудочный сок.

— В общем, правильно, для абитуриента вполне достаточно.

— Вы из дома давно?

— 27 июля.

— Связь с родителями имеете?

— Не имею.

— С какого времени в комсомоле, и какое комсомольское поручение у Вас было?

— В комсомоле с 23 февраля 1938 года. Последнее комсомольское поручение — секретарь комитета комсомольской организации школы.

— У членов комиссии вопросы есть к абитуриенту?

— Вопросов нет. Вы свободны.

— Благодарю Вас. До свидания.

Развернулся кругом и вышел из кабинета начальника академии, как меня инструктировали.

Теперь конкурсная комиссия. Ее проводили без нашего участия. Накануне нам сказали, что 13 августа 1941 года в 11 часов будет построение всех абитуриентов, где нам зачитают приказ о зачислении в академию.

Ждать нужно было более двух суток. Ходили по городу, смотрели. Видели много хороших, красивых старых и новых домов. Красивый памятник В. В. Куйбышеву. Большой театр, в здании которого была картинная галерея. Хорошие улицы Красноармейскую, Ленинградскую, Чапаевскую. Красивые заволжские дали. Ходили к Волге. Как возле каждого города, берега ее оказались застроены складами, пристанями, заставами баржами, теплоходами, частными лодками. Во всем этом имеется своя красота.

13 августа в 11 часов нас выстроили в две шеренги. Команда «Ровняйся!» Смирно! Равнение направо! Товарищ военврач второго ранга, абитуриенты выстроены для заслушивания приказа начальника академии».

Начали читать приказ. Прембула, затем фамилии на А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К. Карпенко Виктор Степанович! Я! Радость! Но Костя? Он на П (Подгайский). Должен быть. У него ведь балл выше моего. Мы стоим рядом. Он пожал мне руку. Хочу пожать его — наконец, Подгайский Константин. Жму ему руку также крепко, как и он мне. Мы — слушатели Куйбышевской военно-медицинской академии!

Нас разделили по 25 человек. Мы с Костей в одной группе. Потом были в разных — он был ниже меня ростом на 7–8 см.

Объявили, что нужно стричься в парикмахерской академии наголо за свои деньги — по группам. Каждая группа идет на вещевой склад переобмундировываться. В городскую баню напротив академии — группами, строем.

Сегодня в 18 часов с причала Куйбышевского порта катером уедем в летний лагерь академии на 3 недели для военно-строевой подготовки. Все...

И закрутилось. Успели сделать все. Постриглись, обмылись, переоделись в военную форму. Сдали свои личные вещи в камеру хранения. Пообедали. В 17.35 были на пристани. Не узнавали друг друга. Военная форма. На одних она сидит хорошо, на других — плохо. Некоторые, как мне кажется, умеют носить форму, другие — не умеют: вид жалкий, неуклюжий.

Лагерь академии был в Жигулях. Место живописное, да и сама Волга была очень живописная и красивая. Вспоминаем по литературе картины художников, кто описывал эти края. Вспомнили Пушкина, как он ехал на Кавказ, вспомнили «Бесприданницу» Островского и ее печальный конец, вспоминали Стеньку Разина и княжну, которую бросили «в набежавшую волну», вспомнили волжские красные флотилии и многое другое. Запели волжские песни. Мы с Костей все сравнивали. Вроде бы красиво, величественно, хорошо,

но у нас в Украине лучше. Видимо, начиналась ностальгия. Пока сдавали экзамены, мозг был занят. Теперь мы поняли, что домой, скоро не попадем. На Украину тем более — вот и появились первые симптомы ностальгии.

В сумерках мы причалили к берегу, выгрузились. Пришли в палаточный лагерь. Ужин, отбой. Ночь оказалась очень холодной. Окоченели, многие проснулись, согревались физическими упражнениями и не могли заснуть.

Утром зарядка, завтрак. Строевая подготовка — 8 часов в сутки. До обеда 5 часов, после обеда — 3. Политзанятия и уставы — часа полтора-два. Загружены целый день, нагрузки большие, непривычные для нас. Днем жара была настолько сильная, что некоторые падали в обморок. Засыпали мгновенно. Ночью не могли спать из-за холода. Словом, лагерный сбор для нас был очень хорошей тренировкой.

Майор Сингаевский, начальник нашего курса, — высокий, подтянутый, тренированный строевой командир — никаких поблажек нам не делал, никому ничего не прощал. При всякой возможности подчеркивал: «Идет война, она требует от человека выносливости. Мы вас учим, как преодолевать тяготы военного времени, не раскисать. Собирайте волю и тренируйтесь». Пробовали сослаться на потертости ног — ничего не помогло. Следите за обувью, правильно наматывайте портянки и тренируйтесь. Потом мы убедились, что он был прав. Примерно, через 10–12 дней мы втянулись, физически окрепли, нам стало легче заниматься строевой подготовкой, загорели.

Начались также неприятности, которые были связаны с невоспитанностью многих слушателей, невыдержанностью и, я бы сказал, даже с дерзостью.

Помимо вчерашних школьников, в академию приняли солдат из армии. Многие из них себя очень хорошо проявили на службе. Это дало повод командованию рекомендовать их в академию. Командование курса сочло возможным из этих слушателей, имевших сержантские и старшинские звания, использовать при строевой подготовке в качестве командиров. Они командовали, а мы, десятиклассники, должны были им подчиняться и выполнять их команды.

Когда стало тяжело, бывшие школьники стали огрызаться. Начались взыскания. Самое главное заключалось в том, что сержантский состав, в большинстве своем, из среды рабочих и крестьян — менее грамотен, чем бывшие школьники. Как потом выяснилось, процентов на 60–70 слушатели были выходцами из высокопоставленных семей, особенно из Москвы и Ленинграда. Они имели высокий культурный уровень, кругозор, но не всегда были сдержаны. В дерзкой форме могли указать сержанту, что правильно «каблук», а не «калбук». Или передразнить: «От городьбы до городьбы по-пластунски бежом» и многое другое. Занимались со слушателями вос-

питательной работой по линии комсомола. В первые дни пребывания в лагере был создан комсомольский комитет и общественные органы, предусмотренные уставом. Меня избрали в состав общественного суда, но мы ни разу не заседали.

Был у нас комиссар курса. Он был невысокого роста, толстенький, добренький и очень простодушный человек. Грамотность у него была средняя, многие слова он произносил неправильно.

В личной беседе простыми доходчивыми словами он мог сказать что-то так, что многим становилось стыдно за свои насмешки. Зная о трениях между сержантами и остальными слушателями, он нам рассказывал, почему командование частей сочло необходимым послать их на учебу. Он рассказал об их подвигах на Хасане, Халхин-Голе, в Финской кампании, и постепенно десятиклассники поняли, что ими командуют знающие военное искусство люди. Если бы не такие, как они, как знать, чем бы кончилась «проба сил» в 1938–40 гг. В корне изменились взаимоотношения потом, когда начали заниматься. Рядовые грамотные слушатели охотно помогали сержантам.

Узнали мы, окольным путем, и о нашем комиссаре. В Красной Армии с 14 лет. В гражданскую войну был трижды ранен. Один раз — в легкое навылет. Образование — различные курсы для комсостава. Стремился работать в медицинских частях т.к. считал, что ему врачи спасли жизнь. Своей работой он хотел помогать медикам. После расформирования академии он стал комиссаром госпиталя, сделал много добрых дел раненым. Он для этого был полностью подготовлен: у него душа была доброй, а солдатскую мудрость он приобрел в процессе жизни.

Когда началась учеба в аудиториях и классах, мы его видели реже. Он редко ораторствовал, больше слушал, умел слушать. Часто бывало так: человек выговорится и сам поймет свою ошибку. Комиссар заканчивал беседу: «Вот видите, вы все поняли сами, мне нечего добавить. Другой раз сначала хорошо подумайте, а потом уже говорите». Никогда не читал нотаций, не бравировал ура-патриотическими словами. Все знали: если он сказал слово, оно продумано, поэтому ему верили. На комсомольских собраниях он также больше слушал. Он хорошо понимал, что лучше узнает своих слушателей, если их будет слушать, а не сам говорить. Слушателям говорят многие, а слушают их единицы.

Если он не одобрял выступление, или не разделял точку зрения кого-либо из слушателей, то через несколько дней приглашал к себе обсудить. Он обычно ничего не записывал, но когда приглашал к себе, точно восстанавливал нить диспута, выяснял, что изменилось в его сознании за это время. Если под влиянием собрания у человека выработывалась новая, правильная точка зрения, беседа на этом заканчивалась. Если приглашенный им слушатель упорствовал (та-

кие были), он как бы рассуждал в слух, о чем-то другом и получалось, что слушатель был не прав. Очень быстро отношение к нему изменилось.

Простились мы с ним через год. Он вместе с майором Сингаевским сопровождал нас в Свердловск. Ехали мы с ним в одной теплушке. Устроился он подальше от дверей, в углу. Нам жаль было оставлять академию, но приказ есть приказ. Все очень переживали, многие приуныли. Но вот рядом с нами человек, которого жизнь хорошо помотала, помяла ему бока, а он живет и стремится нас душевно успокоить, заставить поверить в себя и собраться с силами. Во время расставания слушатели сказали ему много хороших слов. Когда хотели — умели сказать. Комиссар, хоть и прослезился (на минутную слабость каждый имеет право), но все понимали, что завтра он опять будет сильным.

Начальник курса, майор Сингаевский, был ему полной противоположностью — ходячий устав. Мы к нему как-то не тяготели, а где можно — обходили: знали, что при первом удобном случае он обязательно придерется. Те преподаватели, кто его знал близко, говорили, что он — прекрасный человек, точный и обязательный. Слова и дела у него не расходятся. Он всегда ровный. Не кричит, не повышает голос. Каждое слово у него четкое, взвешеное. Ни одного лишнего слова в предложении. Предложения без вводных слов. Нельзя сказать, что мы его не уважали, скорее, побаивались, как любящего, но строгого отца.

Меня он тоже однажды отчитал. А дело было так. Где-то перед октябрьскими праздниками ко мне в гости, проездом из Донбасса на Урал, заехали отец и брат. Завод 144, на котором отец работал, эвакуировался из Сталино в г. Миасс на Урале. Приехали они под вечер, мы уже закончили занятия. Дежурный на проходной меня вызвал. Я, спустившись в коридор нижнего этажа, увидел отца и брата, которые, были уже 1,5 месяца в дороге.

С июля, когда я уехал из дома, они от меня получили телеграмму, что я зачислен. Больше они обо мне ничего не знали. Уезжали последним или предпоследним эшелонам, почти ничего с собой не взяли, да и, откровенно говоря, брать им особенно было нечего. Отец попросил, чтобы я вернул ему мои гражданские вещи, которые мне ни к чему, а им они, как находка. Я связался с камерой хранения и опоздал (или не пришел) на какое-то построение. Никто не знал, где я, куда ушел. Через 1–1,5 часа я пришел к себе в комнату. Дневальный мне сообщил, что я должен явиться к Сингаевскому. Не чувствуя за собой никакой вины (в самоволке я не был, территорию академии не покидал), я прибыл к начальнику курса.

— Почему не были на построении? — голос ничего хорошего не предвещал.

— Проездом с Украины на Урал меня навестили отец и брат. — Мои слова не произвели на него никакого впечатления. Он обвинил

меня в нарушении дисциплины, в том, что я покинул отделение, не предупредив никого. Объясняю, что за пределы территории я не выходил. Довод не убедительный.

— Да, поймите же, товарищ майор, я с момента отъезда ничего не знал о своих родных. Когда мне дежурный на проходной сказал, что приехал отец и брат, я ни о чем больше не думал, а только о том, чтобы спуститься к проходной и увидеть своих близких.

Моя неуставная тирада, наполненная эмоциями, испортила все дело. Он не смягчился даже тогда, когда у дежурного на проходной узнал, что я действительно за пределы помещений академии не выходил. Дело кончилось тем, что я получил три наряда вне очереди.

Со мною еще ничего. С другими было хуже. Двое слушателей, находясь в самоволке, встретились с ним лицом к лицу на улице. Он передал на них дело в суд. Это было в марте-апреле 1942 г. Трибунал приговорил обоих слушателей к штрафбату.

Ну а пока — летний лагерь в Жигулях. По расписанию идут занятия. В воскресенье — спортивные соревнования или марш-бросок. Числа 30–31 августа приехал начальник академии. Принял парад. Похвалил нас за строевую подготовку и поздравил с началом учебного года. Время летело быстро. Первого сентября мы приехали в город. Нас поселили на втором этаже в 7 комнате. В ней было 13 человек. Попытаюсь вспомнить по фамилиям: Демьянов, Воловик, Машков, Гольдштейн, Брискор, Сергиенко, Сухов, Карпенко, Каракай, Канторович, Гуреев, Ратнер, Митерев. Митерев — сын министра здравоохранения СССР. С нами в летних лагерях он не был. Он был зачислен на курс несколько позже, перед началом учебы. Учебниками нас снабдили так, что на 13 человек все учебники были, некоторые даже по несколько экземпляров.

Учебный график был спрессован до предела. Пятилетний курс нам сократили до 3 лет. Ежедневно, кроме воскресения, 8 часов занятий. Подъем в 5.30. С 8.00 мы на занятиях до 16.00. Обед — 20 минут. Час послеобеденного отдыха. Потом — самоподготовка. В 23.00 отбой. Курсы большие: анатомия, физика, органическая, неорганическая и физколлоидная химия, биохимия, иностранный язык, латынь, фармакология, гистология, биология, паразитология, история ВКП (б), философия, военно-медицинские и военные специальности. К нам в академию приехало много преподавателей из военно-медицинской академии им. Кирова из Ленинграда. Анатомию читал профессор, немец по национальности. Недели через две его сместили и арестовали.

Гистологию читал известный профессор Щелкунов. Лекции он читал хорошо, но предмет был сложным, мы его усваивали с большим трудом. Биохимию читал профессор Окунев. Невысокого роста, форма на нем сидела плохо, складки на гимнастерке спереди, пояс и портупея болтались. Мы называли его «боксером». Хотя по его виду клочка никак ему не шла. У доски он всегда держал в правой

руке мел, а в левой — тряпку. Он всегда спешил, и у него появлялись на доске ошибки, которые он сам замечал и тут же исправлял. Движение левой руки с тряпкой, когда он вытирал часть формулы, напоминало боксерское движение. Он любил порядок: на экзаменах у него все билеты лежали по номерам от первого до последнего. Зная, какой ты по очереди, заранее знаешь, какой у тебя будет номер билета, при условии, что все берут верхний билет. Проблем с биохимией мы не имели. Все сдали экзамен хорошо.

Заведующим кафедрой иностранных языков был бывший царский генерал граф Игнатъев, знаменитый тем, что незадолго до войны написал книгу «50 лет в строю», посвятив ее советской молодежи. Она выдержала несколько изданий. Я приобрел ее в конце 50-х годов. Книга написана интересно на большом фактическом материале времен первой мировой войны и эмиграции первой волны. В войну 1914–18 гг. граф Игнатъев был военным атташе русского посольства во Франции.

Октябрьскую революцию генерал не принял, остался в эмиграции. В 30-е годы его семье правительство СССР разрешило вернуться на Родину. Ему сохранили воинское звание и дали возможность служить в армии.

Генерал выглядел великолепно: крупный совершенно седой мужчина с красивым холемым лицом. Форма на нем сидела элегантно. Он был стройным, с безукоризненной военной выправкой. Обращали внимание его выразительные глаза. Спокойный, важный, предупредительный, особенно с женщинами, которые всегда были от него в восторге.

После переезда в Куйбышев столицы, его и его стареющую красавицу-жену, слушатели встречали в оперном театре и на дипломатических раутах, когда выполняли патрульные функции.

Зимой мы сдавали зачет по гистологии. Дошла очередь до меня. Преподаватель у нас был военврач первого ранга Иван Иванович. Дал мне препараты, задавал вопросы, я ему что-то отвечал, он меня не поправлял, слушал. Потом спрашивает

— Вы в четверг свободны?

— Постараюсь быть свободным.

— Так загляните ко мне еще раз, а перед этим еще раз просмотрите внимательно учебник.

Зачета не поставил. Осечка. Завалил в первую сессию физику. Перед этим мне попался «Мартин Иден» Джека Лондона. Не было у меня сил оторваться от этой книги. Идет экзамен. Нужно физику учить, а я читаю «Мартина Идена». Думаю, почитаю 5–10 минут, а потом возьмусь за физику. Вышло наоборот: читал 20–30 минут физику, а все остальное время — Джека Лондона. Лет 10 спустя, я перечитывал «Мартина Идена». Все время задавал себе вопрос: что меня захватило и увлекло в этой книге так, что я не мог от нее оторвать-

ся? Наверное, трудности начального периода жизни Идена как-то ассоциировались с трудностями, которые я испытывал в первый семестр в академии. Короче, экзамен по физике пришлось сдавать в группе заваливших, но я сдал хорошо.

Наш Сингаевский требовал, чтобы мы на занятиях обязательно ходили с противогазами через плечо. Столько они у нас времени занимали. Утром идем в столовую с противогазами. Уходим на занятия, снимаем и одеваем противогазы поверх шинели. На кафедрах опять переодевание с противогазами. В лаборатории не было случая, чтобы кто-либо из слушателей противогазом не зацепил драгоценные тогда пробирки или иное лабораторное стекло. Преподаватели обращались к нему, чтобы слушатели в лаборатории ходили без противогазов. Сингаевский был неумолим.

Очень нам нравились лекции по паразитологии. Фамилию профессора не помню. Приехал он из Кировской академии. Читал очень увлеченно и увлекал нас рассказами о паразитах. Его лекции всегда заканчивались под бурные аплодисменты слушателей. Вообще, биологию все читали хорошо. Мы ее знали, и у нас не было с этой кафедрой никаких конфликтов.

Начался октябрь 1941 г. Самое тревожное и критическое время. Враг под Москвой. Следили за сводками Советского информбюро. Немцы нападают. Наши обороняются. Продвижение фашистов замедлилось, но они по-прежнему рвутся к Москве. Все понимают, что от исхода битвы под Москвой зависит все.

19 октября объявили по радио, что с 20 октября в Москве вводится осадное положение. Со времен гражданской войны, когда В.И. Ленин объявил, в связи с наступлением Деникина, что «Отечество в опасности», никогда не было такой опасности, как в октябре 1941 г. Отсюда — осадное положение, все подчинено обороне города. «Провокаторов, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте», — таких слов в нашей прессе я до этого никогда не читал.

20 ноября 1941 г. ожесточенные бои на Можайском, Малоярославецком и Таганрогском направлениях... Атаки фашистов отбиты. За 19.10.1941 г. сбито 19 фашистских самолетов, наши потери — 9 самолетов. Идет перемалывание техники врага. Куйбышев стал второй столицей.

Каждый день слушаем сводки, а они все тревожнее и тревожнее. И вдруг узнаем, что парад войск будет в Куйбышеве! Сначала мы даже не поверили, что в такое тревожное время можно заниматься подготовкой к параду. В параде принимали участие войска, училища, академия, которые дислоцировались в Куйбышеве. Строевые занятия проходили на стадионе «Крылья Советов» с 8.00 весь световой день. Каждый день в конце дня была итоговая репетиция под духовой оркестр, которым руководил знаменитый главный военный дирижер Советской Армии генерал-майор Чернецкий.

На трибуне стоял начальник академии Вилесов и его помощники. Нам Вилесов всегда казался каким-то безликим, с лицом без эмоций, замкнутым. Доволен или осуждает — не поймешь. Мы почему-то думали, что он злой. Те, кто его ближе знали, были о нем разного мнения.

Запомнилось 6 ноября 1941 года. Мы возвратились со строевых занятий несколько раньше. Предполагалось перед парадом дать время на приведение в порядок формы, чистку пуговиц и т.д. Вдруг командир забегает, начинает собирать нас возле радиоточки. В 18.00 передадут важное правительственное сообщение. Мы все превратились в слух, смотрим в репродукторы. Торжественный голос Левитана: «Говорит Москва. Работают все радиостанции...». Чуть позже: «Слово предоставляется Председателю Государственного Комитета Обороны СССР, Верховному Главнокомандующему т. Сталину». «В зобу дыханье сперло», ноги дрожат. Сталин... После июля первое выступление.

«В итоге четырех месяцев войны опасность не только не ослабла, а наоборот, еще больше усилилась. Враг захватил большую часть Украины, Белоруссии, Молдавии, Литву, Латвию, Эстонию, добрался до Донбасса. Враг навис черной тучей над Ленинградом, угрожает нашей славной столице Москве. За 4 месяца мы потеряли убитыми 350 тыс. и пропавшими без вести 378 тыс. человек, а раненых имеем 1 млн. 202 тыс. человек. За этот же период враг потерял убитыми, ранеными, пленными 4,5 млн. человек. Германия, людские резервы которой уже иссякают, оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объеме.

Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров, политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов. Смерть немецким оккупантам! Наше дело правое — враг будет разбит, победа будет за нами!».

В течение выступления т. Сталина была абсолютная тишина, все слушали, затаив дыхание. Что он скажет народу в тяжелый час? Какую вселит надежду? Все поняли: трудно, трудности еще впереди, но самое главное — армия фашистов перемалывается, наш народ расправляет плечи, набирает сил. Не позади, а впереди главные битвы. От них будет зависеть исход войны. Теперь время работает на нас — все мы это поняли из речи вождя. Появилась надежда!

7 ноября рано утром, часов в 7 нас вывели на площадь. Настроенные приподнятое. Вчерашняя речь обсуждается, обдумывается. В городе выпал снег, было холодно. Построили по-батальонно. Нам сказали, что парад будет принимать К.Е. Ворошилов. А вот кто командовал парадом — я не помню. К.Е. Ворошилов в сопровождении ко-

мандующего парадом объезжал батальоны, здоровался с нами. Мы выкрикивали традиционное «Здравие желаем товарищ Маршал Советского Союза». Он поздравлял нас с праздником Великой Октябрьской Социалистической революции. Традиционная речь на трибуне. Затем команда: «По-батальонно на одного линейного дистанция, первый батальон прямо, остальные направо шагом марш!» Парад начался. Мы прошли мимо трибуны. На ней я увидел Калинина, Шверника, Ворошилова.

Когда мы возвращались к себе в академию, проходили мимо сибирских дивизий, очень плохо вооруженных. Броневики были сделаны из легковых автомобилей Эмок, винтовки старые. Обмундирование солдат и офицеров не вызывало восторга.

У нас в академии был торжественный вечер, но я его плохо помню. Видимо, очень устал. Уставали все, даже самые сильные из нас. Многие засыпали на занятиях. Помню такой случай. Читал лекцию по гистологии профессор Щелкунов. Видит, что в аудитории слушатель сидит с широко раскрытыми глазами, а голова у него падает, как у сонного человека. Он сходит с кафедры в аудиторию, подходит к слушателю, который сидел сразу у прохода. Слушатель для маскировки прикрепит на очки нарисованные на бумаге глаза. Слушатель безуспешно борется с дремотой. Щелкунов командует: «Встать!». Слушатель встал, но не видит, кто перед ним. В аудитории хохот, проснулись все, кто спал. Щелкунов пристыдил слушателя — им был Горбань, который впоследствии стал профессором-окулистом и служил в Кировской медицинской Академии, вторым профессором кафедры.

По анатомии зачеты сдавали поэтапно. Вначале, пока изучали остеологию, было сложно усвоить большое количество терминов. Со временем пошло немного легче. Анатомический музей на Пушкинской улице был вполне приличным. Нам казалось, что там все есть. Мы приступили к изучению сосудов. Занятия у нас вел военврач Белянский. Он обладал веселым и дружелюбным нравом, был доступен слушателям. Часто к нам обращался с шуткой. Сам хорошо воспринимал шутки. Никогда не отказывался что-то повторить, показать, поощрял нас задавать вопросы. Он часто повторял: «Не знаешь — спроси. Не спросишь — знать не будешь. Сомневаешься — опять-таки спроси». Словом, нам было с ним легко и приятно изучать анатомию. Я думаю, как важно вначале учебы, встретить хорошего преподавателя, который вводит учащихся в новую для них сферу и запоминается на многие годы.

Однажды на занятия он принес нам рентгенограммы сосудов. Сосуды на пленке не так выглядят, как на трупе или в атласе. Он предложил прокомментировать рентгенограмму нескольким слушателям, но четкого ответа не получил. Дошла очередь до меня. Я начал рассказывать по рентгенограмме об аорте, ее основных ветвях, указал на особенности справа и слева. А когда рассказал об анато-

мии внутренних маммарных артерий, что они анастомозируют с подчревными артериями и могут служить для окольного кровообращения при заболеваниях грудной и брюшной аорты, он остался очень доволен. Он первый обратил мое внимание на то, что я понимаю пространственную анатомию. «Это важно для хирурга», — сказал он. Тогда я еще не думал о хирургии. Но и в дальнейшем, в процессе своей практической работы, я всегда хорошо читал рентгеновские снимки, нередко рентгенологи обращались ко мне за консультацией. Много позже я узнал, что Белянский тогда занимался сосудистыми анастомозами и коллотерапиями.

В академии все мы следили за событиями на фронтах. Всю осень наши взоры были прикованы к Москве, где проходила величайшая битва Великой Отечественной войны. Мы ликовали и поздравляли друг друга, когда узнали, что 7 ноября на Красной площади был парад, что на нем выступал И.В. Сталин. Мы читали его речь на Торжественном заседании Моссовета, где он сказал, что фашистский блицкриг провалился, выразил уверенность в конечном разгроме фашистов. Все это нас поддерживало, однако вести с фронта были малоутешительными. Пал Ростов-на-Дону.

В начале декабря началось наступление под Москвой. Оно развивалось медленно, враг был силен, но тем больше оценивался успех наших войск. Они в течение декабря освободили значительную территорию вокруг Москвы, разгромили несколько десятков дивизий фашистов, взяли трофеи и, самое главное, развеяли миф о непобедимости фашистской армии. Теперь всем стало ясно: разгром фашистов — дело времени.

В январе 1942 г. к слушателю Марку Поповскому на несколько часов заехал отец — корреспондент одной из московских газет, который принимал участие в десантной операции под Керчью в декабре 1941 г. Он рассказывал, как наши войска героически сражаются с фашистами, бьют их, заставляют отступать, сдаваться в плен, хотя сила остается на стороне фашистов, особенно, в авиации.

В академию с фронта периодически приезжали военные врачи. Они рассказывали о военных действиях на фронтах, о сложностях работы медицинской службы, о разработанной военно-медицинской доктрине, которой суждено было стать выдающимся достижением Советской военной медицины, основанной на учении Н.И. Пирогова.

Много тогда говорилось о Ефиме Ивановиче Смирнове, который возглавлял военно-санитарное управление РККА и был инициатором создания военно-медицинской доктрины. Эта доктрина вернула 70% раненых в строй. Никогда история такого не знала. Впервые генерал-полковника Е.И. Смирнова я увидел на заседании Пленума Академии Медицинских Наук в Виннице в 1984 г., когда ему исполнилось 80 лет. Заседание академии было посвящено наследию

Н.И. Пирогова. Е.И. Смирнов в своем блестящем, живом докладе-рассказе доложил о влиянии учения Пирогова на разработку военно-медицинской доктрины Советской армии. Он сказал, что в фашистской армии ничего подобного не было.

Материально-техническое обеспечение академии ухудшалось. Помещение, в котором мы жили, не отапливалось. Было очень холодно, спать мы ложились в шинелях и шапках-ушанках. С едой было плохо: утром и вечером стакан горячего чая с хлебом, днем — постный рассольник или щи, второе — ложка картошки или каши с кусочком мяса (говорили, что 46 г.). Реальным нашим питанием был хлеб-суррогат (800 г), который мы съедали, как только получали. Пока он был свежим, его можно было есть, если он черствел, то превращался в кирпич, который нельзя было разломить или разрезать.

Зима для нас, слушателей академии, была очень тяжелой. Интенсивность занятий не снижалась, работали по программе. Сверх того, нас часто направляли на различные работы по воскресеньям. Мы голодали. Некоторые слушатели уходили в самоволку, чтобы в коммерческой столовой пообедать. Но это было очень опасно.

Раздача хлеба превратилась в ритуал. Дежурный получал в буфете хлеб на всех 13 жильцов комнаты, он же делил хлеб. За его священнодействием наблюдали все остальные. Когда были выверены все пайки, кого-нибудь поворачивали спиной к столу, указывали на пайку и спрашивали: «Кому?» Пайка обретала хозяина и выбывала из игры. И так до конца дележа.

Иногда в буфет академии завозили пироги с груздями по коммерческим ценам. К принятым воинским командам добавилась новая. По команде дневального «Грузди!» открывались двери всех комнат и со всех этажей слушатели стремглав летели вниз, в буфет. Металлические полы и ступени создавали невероятный гул. В буфете толчея. Всем пирогов не хватало, счастливики радовались. В середине зимы доставка пирогов с груздями прекратилась.

Летом, вместо отпуска, нас вывезли на лесоповал заготавливать дрова для академии на зиму. Жили в палатках. Лето оказалось дождливым. Ночи холодные, питание скудное, работа тяжелая. На лесоповале меня придавило бревно. На месте со мной разобраться не смогли, отправили в госпиталь. На второй день под кожей проявились обширные синяки. Через неделю меня выписали. К этому времени товарищи вернулись с лесозаготовок.

Нас часто поднимали по тревоге на выполнение каких-либо коммандантских заданий. Мы несли патрульную службу по ночному Куйбышеву.

Помню, однажды начальник курса Сингаевский выстроил наше отделение и говорит: «Товарищи! Дров нет. Нечем завтра готовить завтрак. Нужно поехать в лес и привезти дрова». Не приказ и не просьба. Произнесено слово «нужно», которое в послевоенные го-

ды приобрело звучание приказа. На улице метель, срывает с домов крыши, жесть. Сначала мы ехали на трехтонном ЗИСе, но вскоре стало ясно, что машине нужно прокладывать дорогу в сугробах и толкать сзади. Мы выехали на Волгу, дорога была проложена по льду. Ветер буквально сдувал нас, пронизывал насквозь. Дорога в 10–12 км была неимоверно трудной. Я часто ее вспоминал. Фронтовые дороги были легче, правда, они были связаны с опасностью для жизни. В таких экстремальных ситуациях человек тупеет, развивается апатия, безразличие.

Поэтому велика роль командира — мужественного, энергичного. На своем опыте я убедился, что останавливаться, прекращать движение нельзя. Трудно поднимать людей. Лучше медленно двигаться, не останавливаясь. Так было и тогда. Мы все время двигались. В академию вернулись почти через сутки с дровами. Я думал, что все мы переболеем. Этого не случилось. Отоспались — и пришли в себя.

За полгода в академии нас здорово натренировали. Каждое утро у нас была кросс-зарядка. До ноября месяца мы бегали без гимнастеров и нижних рубах. Только в пургу мы бегали в гимнастёрках — спали в шинелях, а утренний кросс совершали в гимнастёрках. Такая закалка, бесспорно, помогала выдерживать колоссальные нагрузки.

Раньше я никогда не думал, что человек может спать на ходу и даже видеть сны. С нами это было неоднократно. Сны в таких случаях были приятные, теплые, красочные и, мне кажется, цветные. Пробуждение возвращало к реальности. Все мы обратили внимание, что краткосрочный, но глубокий сон — 1–3 минуты — возвращает бодрость, снимает сонливость, позволяет трудиться с обычной нагрузкой.

Напряженные занятия, выполнение неотложных комендантских поручений по городу, изучение сводок Совинформбюро о положении на фронте, под Москвой, в блокадном Ленинграде, Крыму, полуголодное существование спрессовывало время. Мы все время были заняты. Время летело быстро. Кончилась весенняя экзаменационная сессия. Я сдал ее вполне прилично. Преподаватели дали высокую оценку успеваемости нашего курса, отметив, что такой высокой успеваемости еще не было в практике академии. Это объективная оценка. Было много талантливых ребят. 32 из нас стали докторами медицинских наук, многие — профессорами, некоторые — лауреатами государственных премий, директорами НИИ, а Басов стал лауреатом Нобелевской премии за разработку лазера.

Август мы провели в академическом лагере, где были в прошлом году. Строевые занятия перемежались с отработкой действий войск в обороне и наступлении. Совершали марш-броски на 3–5 км. Марш-броски я переносил хорошо и даже, помню, одному своему товарищу помог нести винтовку — бежал с двумя винтовками.

Я уже писал, что среди наших слушателей было много выходцев из высокопоставленных семей. Кто-то из них распустил слух (из ис-

точников, заслуживающих доверия), что академию расформировывают. Слушателей старших курсов направляют врачами в действующую армию. Что будет с нашим курсом — пока не ясно. Мы закончили теоретические дисциплины. Практических медицинских дисциплин не касались, поэтому для практической работы в войсках не были готовы. Многие в то время об этом говорили. 14 сентября 1942 г. все стало ясно. Нам огласили приказ. Академия расформировывается. 270 слушателей нашего курса (в том числе и я) направляются курсантами в Киевское военно-медицинское училище, которое находится в г. Свердловске, 75 человек направляются в Кировскую военно-медицинскую академию, которую из Ленинграда эвакуировали в Самарканд, человек 5–6 перешли в артиллерийское училище, которое находилось в г. Куйбышеве.

Прощай академия и труднейший год, прожитый в ней!

Военно-медицинское училище

Дорога из Куйбышева в Свердловск заняла 3 дня. 20 сентября мы прибыли в г. Свердловск. Пешим ходом пришли в училище. Оно находилось на улице Декабристов в зданиях лесотехнического института.

Нас приветствовал начальник училища, полковник медицинской службы Гаврось Павел Ильич. Он вкратце рассказал об училище, которое было создано в 1939 г. в г. Киеве. Оно призвано готовить военных фельдшеров для Советской Армии. Говорил о выдающихся преподавателях и командирах, часть из которых, принимала непосредственное участие в боях; некоторые были ранены. После выпуска из госпиталя командование направляло их на работу в училище. Спросил о претензиях, просьбах и пожеланиях. Мы высказали просьбу меньше уделять внимание строевой подготовке, а больше практической медицине, которой нам придется заниматься в действующей армии. В академии в течение года, фактически, 2,5 месяца занимались строевой подготовкой. Он согласился посмотреть нашу строевую подготовку, а потом уже решить наш вопрос. В академии форму для нас шили в мастерских военторга, поэтому внешний вид у нас был отличный.

Мы на местном плацу показали свою строевую выучку. Начальник училища остался доволен и счел возможным сократить часть времени, отведенного на строевые занятия, в пользу медицинских дисциплин.

Нас разместили в помещении библиотеки бывшего лесотехнического института, спали на нарах в 2 этажа. Каждому курсанту на нарах отводилось всего 50 см. Нам рекомендовали спать на правом боку. Сначала было тесно, непривычно. Однако человек ко всему привыкает — привыкли и мы. Училище располагалось за городом.

Занятия проходили в клиническом городке на базах медицинского института в клиниках хирургии, терапии, инфекционных болезней и травматологии, для того времени хорошо оборудованных. Там я впервые увидел профессора — хирурга в операционной — Лидского. Самой операции я не помню — помню только профессора и то, наверно, потому, что после операции он с нами заговорил, стал спрашивать о каком-то курсанте, но среди нас его не было: он уехал в Самарканд.

Преподавателями были, в основном, женщины, эвакуированные из Киева, где они работали в медицинских институтах. При интенсивной подготовке по хорошему продуманной учебной программе, с учетом теоретических знаний, полученных нами в академии, за 6 месяцев мы получили вполне достаточный объем знаний (особенно по хирургии) которые нам потребовались в действующей армии.

В училище жили мы тесно. Питание было значительно лучше, чем в академии. Заниматься тоже было легче. У нас появилось свободное время для чтения художественной литературы, время от времени нам показывали кино, была даже художественная самодеятельность, в которой участвовал курсант Игорь Шамо, в дальнейшем известный украинский композитор, автор многих популярных песен, в том числе, «Товарищ песня» к кинофильму «Как закалялась сталь».

В один из вечеров нас выстроили во дворе училища на расстоянии 3 метров друг от друга. Мы узнали, что начальником училища назначен Вилесов, наш бывший начальник академии. Такой строй предусмотрен уставом при передаче воинской части одним командиром другому. Новый и старый начальники обходят строй вместе, выясняя претензии курсантов. Претензий у нас не было. Была одна на всех неприятность, что нас покидает полковник Гаврость, которого мы все искренне полюбили за его внимательное и чуткое отношение к сотрудникам и курсантам училища. Вилесова мы знали как сухого, черствого человека. К нашей радости, месяца через два вновь нас выстроили через каждые 3 метра. На этот раз полковник Гаврость принимал училище у Вилесова. Много лет спустя, полковник Гаврость рассказывал мне, как дивизионный врач Вилесов не хотел покидать кабинет начальника училища, надеясь закулисным махинациями сохранить за собой пост начальника училища.

Командиром нашего взвода был лейтенант медицинской службы Пантюхов. Он уже побывал на фронте. Был ранен в локтевой сустав. Правая рука у него не разгибалась. Ему было около тридцати лет. Несмотря на то, что он не был подготовлен для работы с курсантами (он сам это знал и нам говорил, что на нас учился работать с курсантами), к нам он относился очень внимательно и даже предупредительно, не усердствовал с командами, но был требователен к выполнению распорядка дня. Словом, у нас с ним сложились хорошие взаимоотношения. И мы его не подводили. За время армейской жизни мы научились разбираться в командирах, особенно ценили

в них доброту и человечность. Если такой командир попадался, мы его не подводили и ценили. Командиром роты у нас был капитан, от которого мы не были в восторге. Никогда курсанту ничего толком не скажет и не объяснит, все со своим старшиной решает какие-то проблемы. Обоих после нашего выпуска отправили из училища.

Из наших курсантов некоторых назначили командирами отделений. К нашему удивлению, получив власть, они проявили свой характер. Командами «смирно», «вольно», «кругом», «бегом» они нас изводили, но и получали от нас. Одному связали намертво рукава на кителе, другому спорили пуговицы с брюк, третьему налили мочу в сапоги. Через время они исправились, стали нормальными командирами отделений.

Было несколько неприятных событий в нашей роте.

В помещении училища не было туалетов. Приходилось ходить в наружные уборные за 150–200 метров от казармы. Зимой это было не просто, особенно в ночное время. Многие простуживались. Поэтому многие курсанты свою нужду исполняли по дороге. Дорожки училища, снежные обочины стали желтыми.

Поэтому командование решило создать специальный патруль для ловли нарушителей. Курсанты, мывшие полы в общем коридоре по утрам, обычно и были жертвами ночного патруля. Наши курсантов ловили патрули других рот, мы в свою очередь в долгу не оставались. Утром, идя строем в столовую мимо курсантов, моющих полы в коридоре, весело над ними подтрунивали. Ловля нарушителей превратилась в спортивный азарт. Однажды я попался на месте преступления. Патрульный поймал меня, держит, но идти по узкой скользкой дорожке вдвоем неудобно. Говорю, пусти — не убегу. Пустил. Идем. Я впереди. Он с винтовкой зади. Думаю, как от него сбежать? Иду спокойно, не предпринимаю попыток к бегству. Заходим в помещение. На полу, покрытом метлахской плиткой, скользко, как на катке. Против двери в свою роту, я резко толкнул патрульного. Он поскользнулся и упал. Винтовка у него выскочила из рук.

Патрульный бросился за винтовкой, а я мигом проскочил в помещение роты. Подбежал к своим нарам — место занято. Шинель я бросил на нары, как это мы делаем всегда. Шапку бросил в привычное место, сапоги снял, а сам полез под нары. Патрульный подбегает к дневальному: «Куда он побежал?» — «Никто сюда не забегал». — «Как не забегал?» — «Ты спал. Ты на посту спал, раз не видел, куда побежал курсант». Вызвали дежурного офицера. Начали искать нарушителя. Под нарами я прячусь за колонной. Мне хорошо — вижу их перемещение по ногам. В зависимости от того, куда они идут, я переползаю вокруг колонны так, что она меня скрывает. Если бы они посмотрели с двух сторон, то увидели бы меня, но они не сообразили и не нашли меня. Минут через 10 они покинули помещение роты. Я вылез из-под нар, лег на свое место, согрелся и уснул.

На утреннем построении потерпевший патрульный пришел искать виновника. Мы построились в 4 шеренги. Мое место было во второй. Командир роты перед строем просил признаться, кто убежал от патруля. В строю веселый гул, шутки в адрес патрульного курсанта. Командир роты и патрульный идут вдоль строя, ищут виновника. Прошел вдоль первой шеренги. Не нашли. Шаг вперед. Идут вдоль второй шеренги. Прошли мимо меня. Шаг вперед. В третьей и четвертой тоже не нашли. Словом, для меня все обошлось благополучно. Патрулю сказали, что он плохо нес службу. Конечно, плохо, если задержанный сбежал. Будь бдительным — на фронте пригодится.

Солдаты и курсанты в форме на одно лицо. Нужно их хорошо знать, тогда можно отличить. Один раз старшина дал мне три наряда вне очереди за то, что я пытался зайти в помещение роты за учебником, когда там мыли полы. Сначала — один наряд, потом, когда я минут через 10, еще раз пытался прорваться, еще два. Вечером на проверке он спрашивает: «Кому я дал три наряда вне очереди, выйти из строя». Думаю, выйти или не выйти? Выйдешь, три наряда вне очереди обеспечены. Не выйдешь — либо пронесет, либо добавит еще один наряд вне очереди. Пусть ищет. Он начал проверять вдоль каждой шеренги — не узнал, пронесло. Все это армейские проказы, которые имели отношение не к морали, а к игре, развлечениям в нашей однообразной жизни.

Серьезным было следующее событие в нашей жизни. У курсантов стали пропадать мелочи: мыло, одеколон, зубные щетки, авторучки и т.д. Хотя и мелочи, но не приятно, что в коллективе, в такое грозное время завелся мелкий воришка. Командование роты организовало слежку. Очень скоро нашли воришку. Им оказался М. П. сын писателя, который к нам заезжал в академию после Керченского десанта. М. воровал вещи, когда дневал. Все на занятиях, а он наряду с уборкой помещения шарил в личных вещах курсантов.

Помимо украденных вещей у него нашли дневники — стихи, в которых он выражал недовольство строгой военной дисциплиной, критиковал порядки в академии, училище, насмеялся над командованием. Стихи и проза с антисоветским душком. М. П. арестовали и передали дело в военный трибунал. Шел 1943 год. Вступил в силу приказ Главнокомандующего №227 о воинской дисциплине, военном долге, который должен был сплотить армию. И вдруг — антисоветские стихи и дневники, прославляющие свободу личности и незаурядность своей персоны. Мы возмущены. Рота наша гудит. Кто-то предложил послать телеграмму его отцу. Возвращаясь с занятий, отделение остановилось возле почты. Послали отцу телеграмму в адрес Союза писателей. На телеграмму ответа не последовало.

В училище никаких известий о судьбе М. П. Вдруг месяца через 2 (за 1–1,5 месяца до окончания училища) открывается дверь в нашу учебную комнату. Входит М. П. Отпустил прическу (мы пострижены).

Посмотрел на нас вызывающе. Мы молчим. Он молчал некоторое время. Сел на стул, откинулся на спинку стула. Положил ногу на ногу.

— Ну, что патриоты, получилось у Вас что-нибудь? — говорит он медленно, чеканя каждое слово. Поднялся Андрей Гуреев, тоже москвич:

— Тебе бы нужно морду набить. Но мы сделаем по другому — объявим тебе бойкот. Ни один курсант нашего отделения с тобой не заговорит.

— Правильно.

Решили, что объявим другим подразделениям училища, что мы также объявили ему бойкот. Нас все поддержали. Около 2 месяцев мы еще занимались в училище, но ни один человек с ним ни разу не заговорил. Командование училища придерживалось нейтралитета, во всяком случае, нас за это не порицали. Даже в столовой М. П. был выделен отдельный стол, т.к. с ним никто не хотел рядом сидеть. Бойкот товарищей — большая сила. Пару раз он просил прощения, но мы были глухи, ничего ему не отвечали.

В училище в моей жизни произошло важное событие. В декабре 1942 года, когда освободили первые районы Украинской ССР, мне как украинцу предложили выступить на митинге в честь этого события. Это было одно из первых моих публичных выступлений перед товарищами и командирами. Волновался. Но, видимо, волнение придавало неповторимость выступлению. В своем выступлении я выразил желание бороться с фашистами, будучи членом ВКП (б), как и мой отец. Мне пошли навстречу. В декабре 1942 г. я стал кандидатом в члены ВКП (б) и получил кандидатский билет.

Однажды нас ночью подняли по тревоге. Марш-бросок на вокзал. Посадили в два товарных вагона. Едем на Восток. Куда? Знает только командование. Часа через 3–4 приедем. Видим — на повороте железной дороги военный эшелон сошел с рельс. Вагоны, груженные продовольствием — банками со сгущенным молоком и брынзой — лежат рядом с железнодорожным полотном. Все перемешано со снегом. В хвосте поезда вагоны, груженные снарядами, тоже разворочены. Ящики со снарядами разбросаны вокруг железнодорожного полотна, тоже в снегу. Позже мы узнаем, что не все вагоны сошли с рельс, а только пять задних. Их отцепили, состав ушел на Запад. Наша задача: все извлекать из снега и складывать в штабели — снаряды отдельно, целые банки со сгущенным молоком в одно место, побитые — в другое, брынзу — в третье. Нас было более 200 человек. Работа закипела. Командование, да и мы, боялись, как бы снаряды не начали взрываться. К счастью, все обошлось благополучно. До наступления темноты мы вытащили из снега все, что смогли и разложили по штабелям. Много разбилось банок со сгущенным молоком. Много его можно было бы собрать, если бы была тара. Молока мы наелись и напились, как говорится, «от пуза».

В воскресные дни нас почти всегда привлекали на погрузочно-разгрузочные работы: мы выгружали из вагонов уголь, лес, грузили в воинские эшелоны снаряды. На заводах тогда работали подростки лет 13–14. Они сбивали ящики для снарядов. Некоторые ребята были низкого роста. Чтобы дотянуться до рабочего места они подставляли себе ящики. Эти дети, мальчики и девочки, работали как-то весело, даже с песнями и шутками. Но они быстро уставали — это было видно. Им было трудно, но они старались не подавать вида. Мы у них забирали ящики, загружали снарядами и грузили в вагоны — от темна до темна. После того, как увидели ребят на заводах, никогда не жаловались, не роптали, когда нам нужно было делать трудную работу.

Работа была иногда очень трудная. Помню, однажды нас привезли на какую-то усадьбу, не то совхозную, не то колхозную. Были там небольшие дома и два наполовину заснеженных длинных помещения, наподобие коровников или свинарников. Помещения были невысокие. У входа в каждое помещение стоял часовой и никого не пускал. Двойная дверь тамбура не позволяла видеть, что находится внутри. Нам предстояло подтянуть к дверям этих «свинарников» новые, еще смазанные солидолом станки. Станки многотонные, присыпанные снегом, как их сдвинуть? Мы облепили один станок — не тут-то было. Он — ни с места. Думали, примерз. Нет, не примерз — подважили один угол — чуть подался. Решили передвигать на катках. Расчистили предстоящую дорогу от снега, выровняли ее. С большими усилиями мы подтащили два станка к входу в «свинарник». Дальше часовые. Предполагалось, что станки в помещение занесут люди, которым можно заходить внутрь охраняемых объектов.

Когда мы почти закончили работу, прибежал какой-то человек. Шумно что-то объяснял военным, кричал, нервничал. Оказалось, он требовал, что бы мы дотащили станки до того места, где они должны быть установлены, что у него людей, способных выполнить такую тяжелую работу, нет — те, что есть, истощены и они не справятся с перемещением станков. «Если хотите иметь продукцию, помогите занести станки». Иначе он ни за что не отвечает. Нас задержали, командование ждало решения руководства.

Через несколько минут мы возобновили работу, занесли станки в помещение. Дотащили их до тех мест, где им надлежало быть. Мы видели продукцию тех «заводов», но не знали, что это такое: бомбы — не бомбы, снаряды — не снаряды. Уже будучи на фронте, я понял, что то были снаряды РС для прославленных гвардейских минометов «Катюш». В каких тяжких условиях работали люди, как тяжело давалась победа; в тылу было не легче, чем на фронте.

Как-то администрация Свердловского оперного театра обратилась к командованию училища, помочь курсантами для постановки массовых сцен в операх. Когда объявили это, то желающих было больше, чем достаточно — дескать, целый вечер в оперном театре,

музыка, пение. Потом разобрались — и желающих стало меньше. Под конец театрального сезона в оперу направлялись те, кто провинился и получил наряды вне очереди. Дело в том, что оперные спектакли заканчивались поздно, около 12, а иногда и позже. Пока пешком возвращались в училище, было около 2 часов ночи. Ужин, то да се — 2.30, а подъем в 5.30. «Театралы» не высыпались, уставали. Охота ходить в оперу отпала.

Уже не помню, был ли поход в оперный театр для меня наказанием или поощрением. Я принимал участие в «Аиде» Верди. Выдали нам древнеегипетские одежды, сандалии с длинными завязками для голени и какое-то чудовище. Указали место за кулисами. Сказали, чтобы следили внимательно за противоположной стороной, дадут знак. Идите медленно, важно, на вытянутых руках несите чудовище. С ролью мы справились. В свободное время слушали оперу. Говорили, что Радамеса поет какая-то московская знаменитость. Потом я уже неоднократно слушал «Аиду», и каждый раз во время шествия слуг фараона вспоминал Свердловск 1943 года.

Прошел март, на Урале он холодный. В апреле устроили трехдневные маневры. Мы три дня прожили в морозной тайге под открытым небом. Вот когда нам пригодились советы нашего командира взвода Пантюхова. Видимо, он был жителем лесного района. Он знал, как все нужно делать: как разжечь костер, как устроится на ночь возле костра, какой должен быть костер. Днем поход, марш, марш-бросок, хождение по азимуту ориентирование, переноска «раненых», оказание медицинской помощи на поле боя, вынос раненых с поля боя на себе, на лямках и на плащ-палатке, устройство временных шалашей из хвойных веток и т.д. Вечер у костра. Сушили обувь и одежду. Спать было непривычно, трудно, но возможно. Возле костра одной стороне тепло, другой холодно — вот и крутишься. Три дня пролетели. Мы возвращались в училище уставшими, но жизнерадостными. Это была настоящая подготовка к нелегкой работе медика в действующей армии, куда нам предстояло скоро выехать.

В училище был женский батальон курсантов. На девушек смешно было смотреть, когда они по тревоге выскакивали из помещений рот с бигудями или папильотками в волосах. У нас это было предметом развлечений. Весной, по вечерам во дворе училища играла музыка и даже по воскресеньям были танцы. Появились привязанности и симпатии. Одна курсантка тех лет при встрече со мной через 30 лет говорила, что я перед отправкой на фронт спорил со своей гимнастерки «золотые» пуговицы и подарил ей. У нее были пуговицы зеленые, цвета хаки.

Приближалось время окончания училища. Возникла масса вопросов. Большинство из нас было нацелено на фронт, но на какой фронт нас направят?

Накануне выдали новое армейское обмундирование (курсантское мы сдали на склад для следующей роты курсантов), вручили каждому погоны лейтенанта медицинской службы. Зачитали приказ по Киевскому военно-медицинскому училищу за подписью полковника медицинской службы Гаврося о присвоении офицерского звания.

Отныне я, Виктор Карпенко — лейтенант медицинской службы. Собрав свои нехитрые вещички, группа молодых лейтенантов под командованием старшего лейтенанта Алексеева, двинулась строем на вокзал. Шли с песнями, одна кончалась, начиналась другая. Вскоре узнали: едем в Москву, в резерв лечсанупра РККА, где получим приказ о месте прохождения дальнейшей службы. В самом конце июня мы покинули Свердловск.

Поезд на Запад двигался медленно, с остановками на разъездах. Иногда останавливались в лесу — рубили деревья для паровоза. Где-то в районе Волги 5 июля 1943 года по радио мы услышали о начале битвы на Курской дуге. Нас, молодых офицеров, огорчало отступление наших войск, но бывалые фронтовики, возвращавшиеся в нашем эшелоне из госпиталей на фронт, события на Курской дуге оценивали по-другому: идет изматывание сил противника на укрепленных рубежах. Действительно, гитлеровцы с большими потерями продвигались вперед, шла упорная борьба за каждый метр земли. С нетерпением я и мои попутчики ожидали прибытия на фронт.

В действующей армии

Москва, резерв лечсанупра РККА

Мы прибыли в Москву 7 июня. Нас разместили в казармах резерва лечсанупра РККА, которые располагались где-то возле Московского крематория. Первый раз в Москве — как не посмотреть город? Мы ходили в город без увольнительных документов: «дальше фронта не пошлют». В кинотеатре «Ударник» посмотрели фильм «Леди Гамильтон». По дороге в «резерв» проезжали по Крымскому мосту мимо парка им. Горького.

На следующий день на площади им. Свердлова нас с однокурсником Дубягой задержал военный патруль. Препроводили в комендатуру, которая находилась на первом этаже Большого театра. Начали выяснять: кто такие, откуда и куда держим путь. Одному из задержанных сержантов стало плохо. С ним случился эпилептический припадок, он упал на пол и стал биться в судорогах. Офицер комендатуры растерялся. Смотрит на сержанта, бьющегося в припад-

ке, на наши медицинские погоны, просит о помощи. В училище нам говорили о такой болезни, что она может развиваться после контузий, травм мозга, но нам не приходилось видеть эпилептический припадок. Чтобы сержант не очень разбился о пол, мы с Дубягой прижали его туловище к полу. На наше счастье, припадок вскоре прекратился. Сержант пришел в сознание, начал спрашивать, где он, что с ним было. Офицер комендатуры проверил его документы, а заодно и наши, и всех отпустил. Нам велел немедленно отправиться в казармы.

После обеда в коридоре столовой с нами произошло неприятное и непредвиденное событие. Виной ему был тот же Марк Поповский. Он с вызовом сказал нашим товарищам, что получил назначение в Главное сануправление на должность офицера связи, «А вы, патриотики, поедете на фронт». Мы, молодые лейтенанты, набросились на него, сбили с ног и начали бить ногами. Конечно, его могли убить, если бы не поднялся шум. Кто-то включил пожарный брандспойт, и Поповского уволокли в соседнюю комнату. Прибежал бледный начальник резерва, весь трясется. Как же, ЧП! Всех нас выстроили в две шеренги по команде «Смирно». Стояли мы совершенно мокрые. Благо было лето. Стоим не как-нибудь, а по команде «Смирно». Это значит: говорить между собой и двигаться нельзя. Начальник резерва узнал, в чем дело. Немного смягчился, но боялся повторения вспышки нашего гнева.

В послевоенные годы я читал несколько содержательных очерков Марка Поповского о профессоре Неговском, который впервые в СССР начал разрабатывать научные проблемы реаниматологии. В 50-е годы я случайно в Москве в вестибюле гостиницы «Москва» встретил Марка Поповского. Мы узнали друг друга. Как бы в окончании истории в резерве лечсанупра в 1943 г., он сказал: «Был на фронте, ранен, награжден орденом «Красная Звезда», принят в Союз Советских писателей». Видимо, у него продолжались разногласия с Советской действительностью, в связи с чем, в 80-е годы он эмигрировал в Соединенные Штаты.

Писари взяли наши документы для оформления предписаний. По мере оформления документов, формировали группы по 5–6 человек и отправляли на вокзал. Наша шеренга постепенно разъезжалась в действующую армию. Нашу группу направили на Воронежский фронт.

Приехали на Курский вокзал. Уехать сложно, но можно. Вещей у нас немного, у каждого только вещевой мешок. С трудом забрались в вагон. К вечеру на следующий день мы приехали в г. Касторное. Оказалось, что военно-санитарное управление фронта, куда нам приказано прибыть, выехало. Приказали добираться на попутном транспорте в Старый Оскол, где, как предполагалось, оно теперь находилось.

ХППГ

Рано утром мы прибыли в Старый Оскол и явились по назначению. Нас разместили в большой брезентовой санитарной палатке. Нас было человек 7–8. Вскоре пришли два офицера: один командир резерва, а другой — майор медицинской службы. Майор спрашивает: — Кто владеет техникой внутривенных вливаний?

— Я.

— Фамилия?

— Лейтенант медслужбы Карпенко.

Приказал следовать за ним. Через некоторое время на его санитарной машине мы приехали в Солнцево, где был развернут ХППГ первой линии. Майор Сапожников до войны занимался гинекологией, во время войны стал военным хирургом. Возглавлял одну из групп АРМУ (армейская группа медицинского усиления). Эти подвижные группы в составе специализированной бригады с инструментами направлялись в госпитали, где не могли справиться с потоком раненых. Группу майора Сапожникова направили в ХППГ (хирургический полевой подвижной госпиталь), который базировался в Солнцево, недалеко от Прохоровки, где шли жестокие танковые бои, и раненых было очень много. В группе АРМУ была своя «брезентовая» операционная, она же перевязочная и палатка человек на 10–12 раненых. Группа занималась лечением раненых, у которых ранение осложнилось газовой гангреной.

Состав бригады майора Сапожникова был такой: капитан Чернов (весной закончил Куйбышевскую академию), три сестры — Тамара, Люся и Таня, я, шофер и два санитары. В госпитале на 200 коек, раненых было около 700 человек. В большинстве, раненые лежали в палатках, но были такие, что лежали под навесом от солнца. Оперировали день и ночь. Люди выбивались из сил. Хирурги спали только в те мгновения, когда одного раненого снимали со стола, а другого укладывали.

Включился и я в работу. Вначале было страшно, непривычно, действовали стоны и крики раненых. Много было молодых ребят, не окрепших физически и морально. Мне приказали работать в операционной: укладывать раненых на операционный стол вместе с шофером или санитаром, давать рауш-наркоз, снимать повязки, подавать растворы, переливать кровь, вливать внутривенно противогангренозные сыворотки, глюкозу, физиологический и рингеровский растворы, и т.д. В течение дня мы очень много оперировали. Операции у больных газовой гангреной травматичные и сложные: ампутации, реампутации, лампасные разрезы на всю голень или бедро. Раненые теряли много крови. Требовалось возмещение. В полевых условиях переливали только первую группу крови после определения совместимости. В процессе переливания проводили биологическую

пробу. За день я выматывался, нанюхивался хлорэтила, эфира, хлороформа. Чтобы раненый скорее заснул, сначала давали нюхать хлорэтил. Он оглушал раненого, а затем переходили на хлороформ или эфир — что было под рукой. Наркоз давали маской, поэтому мне тоже доставалось хлороформа. Помню, первые три-четыре дня мы работали круглые сутки в операционной и послеоперационной палатке. Сестра и санитарка не успевали производить все нужные назначения и кормить раненых.

Я тогда сделал одно приспособление, за которое получил благодарность от начальства госпиталя. Раненым с газовой гангреной требовалось переливать подкожно много растворов. Обычно их делала сестра шприцем. Это, во-первых, больно, а, во-вторых, долго. Я предложил подвешивать банки на небольшой высоте, через пробку в банку с раствором вводилась стерильная игла. Получилась импровизированная система для подкожного введения раствора. Давление в процессе подкожного введения определялось уровнем столба жидкости, раствор под кожу поступал равномерно. Меня поддержал Сапожников. На берегу речки я нарезал палок и очистил их от коры. Воткнул их в земляной пол палаток. К палкам прикреплял банки. Такая методика давала возможность сестре одновременно вводить раствор под кожу 10 раненым. Повышалась производительность труда. Нужно было лишь вовремя заменить банку с раствором и противогангреновыми сыворотками.

Много раненых с газовой гангреной умирало. Некоторые смерти остались в памяти до сих пор. Спал я где попало: в тамбуре операционной палатки, под палаткой или в стогу сена, который был на лугу недалеко от нашего расположения. К концу июля раненых стало несколько меньше.

Как-то разговорился с медсестрой Люсей. Очень интеллигентная сестра, москвичка, работала до войны в туберкулезной больнице. Как-то я ей посочувствовал, дескать, тяжело ей. В ответ на мое сочувствие она рассказала, что она сразу после окончания медицинской школы работала в туберкулезной больнице, привыкла к работе и сейчас работа ей не в тягость, если поспит 2–3 часа в сутки. Медсестра Тамара тоже была очень выносливой и энергичной, все делала играючи, легко и быстро. Хохотунья — у нее всегда смеялись глаза, работала тихо, спокойно, привычно. После операции всегда зайдет в палаты, поправит или сменит повязки раненым. Майор Сапожников ночевал в санитарной машине. Во время отдыха он рисовал портреты тех, с кем работал. Помню, он и с меня сделал карандашный портрет.

В середине августа госпиталь свернулся и переехал в Ракитное Курской области. Ракитное — хорошее место, там до войны был сахарный завод с большим прудом. Мы разгрузили оборудование, начали натягивать палатки недалеко от озера.

Фельдшер танкового батальона

Меня вызвали в штаб госпиталя и вручили направление в санитарное управление 60-й армии. По дороге я встретил своего однокашника Дубягу, который временно работал в госпитале. Оказалось, что он тоже получил направление в 60-ю армию. Долго мы колесили по дорогам тыла фронта. Где-то в районе Грайворона на опушке леса набрели на санитарную часть. Встретила нас майор медицинской службы — некрасивая, но довольно приветливая женщина. Мы ей рассказали, что ищем санитарное управление 60-й армии, куда нас направили.

— Оставайтесь у нас,— говорит она.— Наш танковый корпус придан 60-й армии.

— У нас же приказ — в санитарное управление 60-й армии.

— А мы ведь тоже находимся в подчинении 60-й армии.

— Наша 12 танковая бригада входит в состав 4 гвардейского танкового Кантемировского корпуса. Мы ведем наступательные бои. Фельдшера нам нужны.

— Скоро приедет начсанбриг Жарков, он решит все вопросы по телефону со штабом. А пока — обедайте и отдохайте. Ее предложение нас очень устраивало: весь день почти ничего не ели. Сели, пообедали. Вскоре приехал начсанбриг, познакомился с нашими документами, куда-то позвонил по полевому телефону. Все в порядке, остаемся. Взяли наши предписания. Меня направили в первый (1,215) танковый батальон. Дубяга попал в батальон мотопехоты. Мы с ним расстались.

Примерно в километре от санчасти располагался первый танковый батальон. В расположении батальона кипела работа, ремонтировались танки и другая техника. Танки и машины были замаскированы. Санинструктор Пестов, который был вызван для моего сопровождения в батальон, рассказывал мне по дороге о танковых боях на Курской дуге, в которой принимал участие. Фельдшер батальона, мой предшественник, провоевал всего две недели, его толком и не успели узнать. Пришел, когда начались наступательные операции немцев, а неделю тому назад погиб. Перевязывал раненого на поле боя, их накрыла мина. Последнюю неделю они работали вчетвером: он, санинструктор, и два санитары.

Мы подошли к штабу батальона: обыкновенная землянка. Я представился комбату гвардии капитану Павлову, совсем молодому человеку, лет на 5–6 старше меня.

— Товарищ гвардии капитан! Лейтенант медицинской службы Карпенко, прибыл для прохождения службы во вверенном Вам батальоне.

— Вольно. Поздоровался со мной за руку. Рукопожатие крепкое, глаза искрятся доброжелательностью.

— Где воевали?

— Фактически, еще не воевал. До назначения к Вам месяц работал в ХППГ, когда там было много раненых в начале наступления.

— Родом откуда?

— С Украины.

— Приступайте к своим обязанностям. Пестов Вас познакомит с вашим хозяйством.

— Слушаюсь,— взял под козырек санинструктор.

— Вторая пара нательного белья есть? — спрашивает меня комбат.

— Так точно, есть.

— Передайте ординарцу, а сам ушел.

Я развязал вещмешок и вручил второй комплект белья ординарцу, тот как-то хитро улыбнулся и ушел.

С Пестовым мы обошли расположение батальона, землянки, зашли в медпункт. Он был импровизированный, сделан из ветвей, как у нас на Украине делают шалаши. У входа был прикреплен белый флаг с красным крестом. Пока мы рассматривали наш штатный медицинский скарб: медикаменты, инструменты, перевязочные пакеты, шины, выяснили, сколько использовано, хватит ли на предстоящие бои того, что есть. Познакомился с санитаром Соповым и санитаркой Дусей. Прибежали с кухни — «Доктор, нужно снять пробу». Сначала я даже не понял, что «доктор» относится ко мне. Потом я привык — все солдаты и офицеры нас называли докторами.

С Пестовым пошли на кухню. Там я встретился с капитаном Крестининым, замкомбата по хозяйственной части. Снял пробу. На ужин была пшенная каша, хорошо сдобренная мясной поджаркой, кусок хорошего хлеба (я невольно сравнил с тем, что мы получали в академии) и чай. Порция вполне приличная. Первый раз на новом месте чувствуешь себя не в своей тарелке, приспосабливаешься. Что-то нужно делать, распоряжаться. Начинаю лихорадочно вспоминать, что должны делать медики, когда часть остановилась на отдых: профилактические осмотры, потертости и многие другие заботы. Но разговор больше шел о прошедших боях, события последних дней всех переполняли. Моим помощникам хотелось высказаться: как они поступали в тех или иных ситуациях, как вернулись от фашистов и перехитрили их, как перевязывали и вытаскивали раненых. Вдруг слышу по лагерю:

— Доктора в землянку комбата,— понял, что это меня.

Я подхватился, застегнул воротник, расправил складки гимнастерки под поясом — бегом к комбату. Захожу в землянку. В ней находится человек 6–7 офицеров. Все немного выпили, улыбаются, ведут себя весело. На столе немудреная еда и стаканы.

— Товарищ гвардии капитан,— хочу по уставу доложить.

— Вольно, вольно — садись, доктор, указывает мне место рядом с собой у стола.

— Так ты из училища....
 — Так точно, из училища, правда, около месяца служил в полевом госпитале, пока определили в какую часть направят.
 — Это хорошо, значит, научился кое-какой практической фронтовой медицине.
 — Да, многое там увидел.
 — Семен, налей доктору — говорит комбат.
 Семен наливает из фляги в стакан самогонки. Я взял стакан в руки. Как-то все притихли. Ждут, что же я скажу и как выпью самогон. А что сказать?

— Рюмочка Христова, откуда ты? — Из Ростова. — Паспорт есть? — Нема. — Вот тебе и тюрьма. — Выпалил я эту ходячую прибаутку, залпом выпил самогон, поцеловал дно стакана, а затем медленно поставил его на стол. Со всех сторон возгласы одобрения.

— Наш, человек, славянин!

— Раз самогонку пьет — воевать будет. Положили мне в тарелку закуску. А дальше шли разговоры о боях. Иногда, не слушая друг друга: «А помнишь?.. А помнишь?» Все хорошо помнили. Уже слышали эти рассказы. Знали, кто что скажет. Но им нужно было выговориться, уточнить, как было, вспомнить детали, потому что завтра будут снова бои, новые впечатления, которые на время вытеснят из их памяти то, что было вчера. Капитан спросил, хороший ли самогон получился из второй пары моего нательного белья. Мне оставалось только рассмеяться.

Я сидел, оглушенный самогоном, слушал рассказы мужественных, сильных людей. Людей стальных, как их машины, и в тоже время по-человечески добрых, как было в их рассказах. Даже о самых страшных ситуациях они рассказывали с юмором и с презрением к смерти. Они сегодня, в день передышки, немного навеселе. Им это нужно. Нужно снять сверхчеловеческое напряжение, которое они пережили в предыдущие дни, чтобы завтра идти в новый бой. Я думал, смогу ли быть достойным этих людей в бою? Не струшу ли? У них уже есть боевой опыт, а у меня пока нет, не считая того, что несколько раз я попадал под бомбежку вражеской авиации по дороге в батальон.

В составе 1 танкового батальона я принимал участие в боях за Ахтырку. В бою я находился в роте капитана Терещука. Помню, мы овладели Ахтыркой. Вечером по танковым радиоприемникам Москва передавала, что наши войска овладели Ахтыркой, мы действительно находились в этом древнем городе, но фашисты предприняли контрнаступление и нас окружили. Что делать с ранеными? Они перевязаны, некоторым наложены шины. Эти могут ждать какое-то время, а как быть с теми, у кого лежит жгут?

Днем часть раненых в брюшную и грудную полости удалось отправить в медсанбат, а во второй половине дня, когда нас окружи-

ли немцы, отправить никого не представлялось возможным. Я решил пересмотреть раненых со жгутами. Может быть, у некоторых сосуды затромбировались и жгут можно снять на время или совсем. Пока шли оборонительные бои, обстановка позволяла повторно посмотреть раненых. С санитаром Соповым мы ввели раненым наркотики, и по очереди начали ослаблять жгуты. Кровотечение, сильное артериальное возобновилось у одного сержанта. Он был ранен в бедро. Жгут пришлось оставить. Это грозило ампутацией ноги, т.к. жгут лежал уже более трех часов. Один боец был ранен в живот. Ранение вероятно, пулевое, слепое. Входное отверстие слева от пупка, небольшое, кровотечения почти нет. Вся тяжесть солдата объясняется повреждениями внутренних органов. Солдат с ранением в грудь лежать не мог — задыхался. Ему легче сидеть.

Я доложил капитану Терещуку о раненых и о том, что трое из них нуждаются в срочной эвакуации. Он это и сам хорошо понимал, что-то сказал скороговоркой и заспешил к своему танку. Август — световой день длинный. Танки по проселочным дорогам поднимают длинные шлейфы пыли, видны издалека. Большая опасность от авиации, а она свирепствует. Наши раненые больше всего пострадали от авиации и минометов. Решено ждать темноты. Оказывается, до темноты командование батальона приказало разведать русло реки Ворсклы, которая протекала недалеко от Ахтырки. Выяснилось — дно песчаное, плотное, глубина позволяла идти танкам по руслу реки: вода глушит шум танковых моторов, а берега скрывают танки от артиллерии. Остается только авиация. Решено еще подождать 1–1,5 часа, пока начнет смеркаться. Бой постепенно стал стихать. Фашисты, как и мы, за целый день устали, да и боеприпасы на исходе, теперь приходится экономить.

Не привлекая внимания противника, по одному танки уходили с оборонительных рубежей, в тыл, к броду на реке Ворскла. Когда стемнело, и видимость была плохой, все танки находились на переправе. На малых оборотах они въезжали в воду и двигались по руслу реки, соблюдая определенную дистанцию. Русло реки танки преодолели без особых усилий. Немецко-фашистские артиллеристы нас заметили, когда мы выезжали на правый берег реки и на большой скорости прорвали их оборону. Еще через 1–2 дня этим городом окончательно овладели наши войска. После боев под Ахтыркой наш батальон, а вернее весь 4 Кантемировский корпус, вывели на отдых и переформирование. Расположились в лесу, километрах в 10–12 от Ракитного, где я уже был вместе с госпиталем. На этом месте в лесу раньше стояла какая-то воинская часть. Землянки были, но они нуждались в ремонте. Солдаты, соскучившись по созидательному труду, дружно взялись за работу.

Место было в лесу, на бугре — сухое. Вырыли землянку под баню. Топка снаружи. Получилась типичная финская баня, как теперь го-

ворят, сауна. Медпункт был в нашей землянке, где жили медики все вместе. Несколько позже мы отрыли большую землянку — красный уголок с бильярдом.

Возле пищеблока построили столовую, отрыли землянку для продовольственного склада. Несколько вдали склад ГСМ. Устроились довольно хорошо. Пока шло устройство лагеря, строевых занятий не было. Газеты, сводки Совинформбюро изучались подробно, по картам. Врачи нашей бригады начали проводить профосмотры. В этом была большая нужда. Солдаты и офицеры в боях обычно ни на что не жаловались. Все было направлено на выполнение боевой задачи. Люди не досыпали, не доедали. Напряжение было сверхчеловеческое. Каждый день были стрессовые ситуации. Теперь во втором эшелоне, когда напряжение спало, все это начало проявляться. Больше всего людей беспокоили язвы желудка и 12-перстной кишки, гастриты, фурункулез. У некоторых еще не зажили ранения, у других открылись раны. Всех нужно было взять на учет. Уточнить, как лечить: кого-то в госпитале, кого-то амбулаторно, в санчасти бригады. Словом, работы медикам было много. Осмотр бойцов нашего батальона шел два дня.

Кроме того, обсуждали прошедшие бои, анализировали ошибки при оказании медицинской помощи на поле боя и транспортировке раненых.

Одного офицера из техслужбы батальона нужно было подвергнуть рентгеновскому обследованию в госпитале. Терапевтический госпиталь был в Ракитном. Мы с ним поехали туда. Между делом я решил заскочить в госпиталь, где раньше работал. Госпиталя в Ракитном не оказалось. Мне сказали, что он раненых не принимал, что его свернули и перебазировали вслед за наступающими войсками. Бои уже шли в районе Харькова и западнее Харькова.

В воинской части будни медиков однообразные. Снятие пробы пищи на кухне, утром прием больных в медпункте, осмотр территории лагеря, землянок, туалетов. Санитары и санинструктор регулярно осматривали всех на педикулез. Работала баня и дезкамера. Вновь пребывающее пополнение изучало материальную часть, тренировалось в вождении новых машин и отработке стрельбы по целям. Мы с личным составом батальона проводили занятия по само— и взаимопомощи. Как оказалось, для танковых частей это было актуальной, сложной и специфической задачей, т.к. в бою танки находились в разных местах и в движении.

Я ближе познакомился с товарищами по батальону. Старший адъютант штаба батальона Сахаров, крупный мужчина, лет 25—26 с жидкими бакенбардами, от чего лицо его казалось полным, любил поэзию. Вечером, при коптилке он часами декламировал Есенина, Лермонтова, Тютчева, Маяковского, Твардовского, Фета и других поэтов. У него была очень хорошая память. Он помнил фамилии

почти всех офицеров и бойцов, помнил все подробности прошедших боев, даты, дороги, кто принимал непосредственное участие в том и ином бою. До войны мечтал поступить в театральный институт. Жизнь заставила поступить в танковое училище, в Кантемировском корпусе со дня его формирования. Много мы говорили об истории, войнах, которые вели русские люди за свое освобождение от татар, литовцев, немцев, поляков. Говорили о войнах Петра I, воинских успехах Суворова, войнах Наполеона, войне 1812 года, Первой мировой войне. Восхищались полководцами гражданской войны. Много говорили о боях под Москвой и Сталинградом.

Беседы были интересными, в них участвовало тогда много офицеров.

От Сахарова узнал историю командующего 4 Гвардейским Кантемировским танковым корпусом генерал-лейтенанта Павла Петровича Полубоярова.

Возмущались англичанами. Будучи искусными дипломатами, обладая большим и хорошо оснащенным флотом, они всегда, где только можно было, противостояли нашему государству: в боях за проливы Черного моря они поддерживали турок, в боях за Северное море — шведов, в боях на Дальнем Востоке — японцев. Настраивали против нас китайцев, иранцев, афганцев и еще многих других.

Вот и сейчас, 1943 год. Офицеры батальона считали, что вся война на наших плечах. Обещанного второго фронта в Европе нет — так, легкие бои в Северной Африке. Мотается Черчилль по миру, ведет закулисную дипломатическую игру, ему верить нельзя. С нами он будет до тех пор, пока не минует угроза Англии, а она миновала. Гитлер не имеет сил бороться с ней. Вся война на Восточном фронте. Уже тогда, в 1943 году, мы понимали, что с союзниками будет не просто после войны. Не дадут они нам спокойно восстанавливать разрушенное хозяйство. Не оценят, наоборот будут фальсифицировать наш вклад в победу над фашистской Германией. Многого мы тогда не знали об отношениях нашей страны с союзниками. Об этом стало известно после войны. «Холодная» война готовилась исподволь с 1943 года, когда наши войска разгромили фашистов под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге.

В те годы начала работать государственная комиссия, которая оценивала убытки и разрушения наших сел и городов, промышленных регионов, подсчитывали людские потери. Под влиянием увиденных разрушений в батальоне было много разговоров о ценностях различных храмов и церквей, высказывались противоположные точки зрения. Одни офицеры, воспитанные на том, что религия — опиум для народа, рассматривали церкви и храмы как пристанища поповщины. Другие не отвергали веру, а церкви рассматривали не только как культовые сооружения, но и как архитектурные памятники и церковные украшения, иконопись, памятники старины, ко-

торые наша история должна сохранять. В пример приводился Ленинград, город, совершивший социалистическую революцию и сохранивший все наиболее ценные исторические памятники, в том числе и церковные. Еще в феврале 1918 года Ленин подписал декрет о памятниках. Этим декретом предписывалось убрать памятники царям и слугам монархии, но сохранить все, что представляет историческую и художественную ценность.

Была создана специальная комиссия, возглавляемая Н. Д. Виноградовым, которая должна была контролировать эту работу.

Я тогда не думал, что некоторые мои мысли, высказанные вслух, парторг батальона Батишев обернет против меня. В действующей армии все мы в одинаковой мере подвергались опасности, время от времени из наших рядов выбывали боевые товарищи, убитых, как могли, поминали.

Менее чем через год погиб Сахаров. Погиб под Тернополем. У его ног разорвалась мина. Ему оторвало обе ноги. Пока подбежали санитары, он погиб от кровотечения. Мы все жалели о его смерти: погиб незаурядный человек, возможно, большой артист, боевой офицер, прекрасный собеседник и патриот.

В наших беседах принимал участие Бибиков, замкомбата по политчасти. В прошлом — учитель. Небольшого роста, юркий, грамотный, но не совсем уживчивый человек. Его недолюбливали солдаты и офицеры, хотя он никогда и никому вреда не причинил. Много говорилось о прошлых боях, свидетелем которых я не был. Бибикова все обходили молчанием, как будто его не было в батальоне. Объяснить этого я не мог. Меня он привлек для проведения политзанятий с личным составом батальона. Эта работа мне нравилась, нравилась потому, что, прежде всего, я сам обогащался новыми знаниями и лучше понимал, что делается вокруг. Однажды на моих занятиях присутствовал подполковник Николаев, начальник политотдела бригады, и одобрил мою работу.

Вскоре после того, как нас вывели в резерв на переформировку, командование корпуса решило показать танкистам, как танки Т-34 могут успешно бороться с Тиграми и Пантерами — новыми, тяжелыми танками фашистов.

Нас вывезли на полигон. Были представители всех частей корпуса. Командующий корпусом, генерал-лейтенант П. П. Полубояров (я его увидел впервые), рассказал о новой фашистской технике, их положительных и отрицательных качествах. Указал, что они очень тяжелые (около 60 тонн) и маломаневренные, не все мосты их выдерживают. Толстая — только лобовая броня, боковая — вполне уязвима для пушек 85 калибра, установленных на Т-34. Далее он предложил одному экипажу продемонстрировать мощь танка Т-34. На расстоянии 700 м был установлен, ранее подбитый танк Тигр. Экипаж Т-34 сделал 3 боевых выстрела. Три попадания. После выстре-

лов все пошли смотреть результаты стрельбы. Все три снаряда попали в цель. Два из них пробили боковую броню, один сильно повредил колесо и разорвал гусеницу. Сказанное командующим полностью подтвердилось. За снайперскую артиллерийскую стрельбу командир корпуса наградил экипаж танка медалями за боевые заслуги под рукоплескание всех гвардейцев и громкое «Ура!».

Демонстрация боевой мощи пушки Т-34 действовала на многих солдат положительно. Офицеры обсуждали возможную тактику боя. Сходились на том, что нужно подпускать Тигра и Пантеру поближе, стрелять из-за укрытия, почаще менять позицию, чтобы враг не пристрелялся. И не атаковать в лоб — бесполезно.

Было у нас и трагическое событие. Случилось оно на занятиях. Уже был сентябрь, по утрам было прохладно. Командиры выбирали части местности, освещенные солнцем. На одном таком месте командир взвода мотопехоты занимался со своим подразделением. Бойцы сидели на склоне, против солнца, а командир стоял к ним лицом и вел занятия. В метрах пятистах-шестистах другой командир танкист обучал свой экипаж стрельбе из пушки. Обычно на учениях пользовались холостыми снарядами или гильзами. Отрабатывалась наводка орудия на цель, скорость зарядки, перезарядки орудия и стрельбы. На учениях старший лейтенант Жуков скомандовал:

— По пехоте противника осколочным — заряжай!

Вновь прибывший в часть боец, с которым занимались, послал в магазин пушки боевой осколочный снаряд (вместо гильзы), а дальше прицелились и выстрелили во взвод пехоты. Снаряд опалил ухо командиру, а всех бойцов, до единого, убил. Это было ужасно. Жуков — боевой командир, учитель в прошлом, имел правительственные награды, отличался выдержкой и исполнительностью в бою.

Жукова судил военный трибунал. Он не оправдывался, признал себя полностью виновным: не проследил за действиями подчиненных. Высшую меру ему заменили штрафным батальоном. Случилось так, что в штрафном батальоне вскоре он был ранен. Поправился в госпитале и вернулся в наш батальон. Судьба самого Жукова оказалась трагичной. Он погиб в декабре 1943 года, нелепо, тоже от своих, в такой ситуации. В боях в районе Малина он выводил свой танк из укрытия в лесу. Темнело. Механику-водителю было плохо видна дорога. Жуков вылез из танка, вышел вперед и, пятясь назад, указывал дорогу механику-водителю. Жуков зацепился за ветку и упал. Механик этого не заметил, продолжал движение и гусеницами задавил командира.

Бои на Житомирщине и Хмельниччине

В октябре-ноябре месяце наши войска освободили левобережную Украину, 6 ноября войска 1 Украинского фронта освободили Киев и устремились на Запад. Наши коммуникации растянулись, снабже-

ние фронта сдерживали недостаточно мощные переправы через Днепр. Воспользовавшись этим, фашисты предприняли контрнаступление, вновь овладели Житомиром и стали угрожать Киеву.

Наш корпус после летних боев был во втором эшелоне под Курском. 4 декабря 1943 года нас подняли по тревоге, погрузили в эшелон и повезли на Запад. Мы точно не знали, на какой фронт едем, но когда рассвело и мы увидели Бровары и Дарницу, то поняли, что будем воевать на 1 Украинском фронте. Переправились через Днепр по деревянному мосту, который саперы построили за 13 суток под непрерывным огнем, рядом с разрушенным железнодорожным мостом. Проезжаем Ирпень, Бучу, Ворзель, дачные места под Киевом. В Ирше наш эшелон бомбил фашистский самолет, но ущерба не причинил. Его отогнали зенитчики. Наступили ранние декабрьские сумерки. Мы в Малине. Около 20.00 6.12.43 пришел эшелон с танками для нашей бригады. На формировке в наших танковых подразделениях не было штатного количества танков. Нам их обещали дать в пути, в Дарнице. Вот и дали — в Малине.

Ситуация была сложной — в 22.00 наша бригада должна была двинуться боевым порядком в район сел Заньки и Потеевки и оседлать дороги, которые вели к Малину, тогда очень важной станции снабжения фронта.

Наш комбат, тогда гвардии капитан, вместе со своими помощниками начал обходить танки, которые только что грузили с железнодорожных платформ и знакомиться с экипажем. Я, как фельдшер батальона, присоединился к комбату и выяснил, есть ли больные, нужна ли медицинская помощь. Мои помощники: санинструктор и два санитаря, одна из них девушка, развернули импровизированный медпункт тут же на платформе.

Темный декабрьский вечер облегчал и затруднял нашу работу. Темнота избавила нас от вражеских бомбежек. Во всем остальном мешала.

Комбат, чтобы вызвать экипаж из танка, стучал по броне молотком. Открывался люк механика-водителя или люк башни. Вызывали экипаж наружу. Все молодые: рядовые танкисты и командиры машин, только из училищ и полковых школ. Диалог между комбатом и танковыми экипажами был, примерно, следующий:

- Здравствуйте, товарищи танкисты!
- Здравия желаем, товарищ гвардии капитан, — отвечал экипаж.
- Экипаж здоров? Нет больных?
- Здоровы все тов. гвардии капитан, — отвечал командир танка.
- Горючим танк заправлен?
- Так точно, гвардии капитан.
- Снаряды?
- Полтора боекомплекта.
- Патроны для пулемета?

- Полный боекомплект.
- Рация работает?
- В полной исправности, тов. гвардии капитан.
- Мотор?
- Мотор в полном порядке, заводится с полуоборота.
- Какие есть претензии по материальной части танка?
- Претензий нет, товарищ гвардии капитан. Готовы хоть сейчас в бой, — отвечали обычно командиры машин.
- Вопрос к механику-водителю. Сколько часов наездил на боевой машине?
- 5 часов, тов. гвардии капитан, — отвечал механик водитель, став по команде смирно и взяв правую руку под козырек.
- Сколько сделали боевых выстрелов из пушки? — вопрос к командиру танка.
- Три, товарищ гвардии капитан.

Последних два ответа больше всего волновали комбата. Танкисты только что из училища, из Челябинска. Там же на заводе они получили танки. Погрузили их на платформы и сегодня, через 10 дней, прибыли на фронт, на передовую. Через час нужно в путь. Ночной марш-бросок — около 30 км по проселочной дороге, а завтра — бой. Боевого опыта у большинства экипажей нет. Было над чем подумать комбату и его помощнику. Противник опытный. Наступает. Его нужно остановить. Задача очень сложная, а времени на подготовку нет.

— Товарищи танкисты, — говорил комбат. — С этого момента Вы являетесь танкистами 1 танкового батальона, 12 гвардейской танковой бригады, 4 Кантемировского танкового корпуса. Наш корпус гвардейский. Это звание он получил в числе первых в Советской армии за подвиги, проявленные под Сталинградом. На Курской дуге танкисты кантемировцы приумножили свою боевую славу. Теперь предстоят новые бои — не подведите. — Экипаж дружно отвечал, что будут стараться бить врага. Командир батальона и его помощники переходили к следующему танку. Беседа с новым экипажем повторялась.

У нас в батальоне были опытные танкисты, но на замену экипажей времени не было. Передача танка одним экипажем другому — дело очень сложное. Поэтому было принято единственно разумное решение: на каждый танк посадить опытных танкистов и главное механиков-водителей для подстраховки; в каждой танковой роте были политруки и помощники комбата. Комбат гвардии капитан отдал приказ на марш. В назначенное время танки вытянулись в колонну, и двинулись проселочной дорогой в с. Потеевку Житомирской области, что юго-западнее г. Малина. В то время снега почти не было, тучи заволокли небо, и поэтому ночь казалась темной. Шли с притусшенными огнями. Дистанцию держать было трудно. Я ехал на тан-

ке комбата. Колонна продвигалась благополучно и около 2.00 7 декабря заняла боевые позиции на окраине села Потеевка. Было выставлено боевое охранение. Батальон ждал утра и сражения.

Мы с санинструктором обошли экипажи танков еще раз проверили состояние их здоровья. Жалоб никто не предъявлял. Некоторые части экипажей по очереди грелись в хатках местных жителей. Местные жители танкистов встречали радушно. Кормили, поили горячим молоком, помогали, чем могли. Ночь, хотя и длинная, пролетала быстро. Настроение у всех боевое. Суеты нет. Каждый работает точно и уверенно. Командиры сверяют часы, карты, радиопозывные, дозправились горячим. Словом, готовились к бою.

В Потеевке все хаты оказались заняты отступающими нашими солдатами. Спят они на полу, покатам человек по 20–25 в хате. Никакого охранения вокруг хат нет. Не видно офицеров. Наличие пехоты обрадовало комбата — есть прикрытие для танков. Как только начало рассветать, все пехотные подразделения отступающих войск покинули село. Остановить их комбату не удалось. У них приказ — отступать. Пехота ушла. Нам держать оборону. Утром начался обстрел Потеевки из орудий. По радио нам подтвердили держать оборону, не отступать. Если немцы нас обойдут, оставайтесь в тылу и действуйте согласно обстановке. Так оно и случилось. Тем количеством машин без пехоты сражаться с танковой дивизией «Мертвая голова» было бесполезно. Мы замаскировались в лесу, дождались сумерек и начали рейды по тылам немцев. Сплошного фронта тогда не было, поэтому нам постоянно подвозили все необходимое. С попутным транспортом мы отправляли раненых и убитых в бою товарищей.

В этих ночных боях трагически погиб командир роты Лапшин. Более двух недель наш танковый батальон воевал в тылу у немцев при поддержке мотострелковой роты. Вся жизнь была на чеку. Разведчики выясняли, что-где у немцев, а перед сумерками, мы устремлялись на военные объекты: склады боеприпасов, горючего, продовольствия, автоколонны, брали в плен солдат и офицеров противника. Нам было приказано избегать открытого боя, больше действовать отдельными вылазками, на дезорганизацию тыла. Всякое дело имеет свое начало и конец. Постепенно у нас увеличивались потери в боевых машинах, затруднялось снабжение, чувствовалось недостача боеприпасов, горючего, продовольствия.

Продвижение немцев остановили. Фронт стабилизировался. Комбриг, полковник Душак отдал приказ комбату по радио — выйти из тылов немцев и указал, где это должно было произойти. При переходе линии фронта была короткая огневая схватка, не причинившая нам потерь. Мы среди своих. Каждый почувствовал краткую передышку. И как всегда бывает в таких случаях: «А помнишь? А помнишь? А помнишь?» Одно помнили, другое не помнили. Каждый в рассказ добавлял немножко своего, потому, что военные действия

динамичные, каждую минуту в бою обстановка меняется, поэтому рассказы многих не совпадали. На этой почве возникали споры... А правы были все — один видел одно, а в тоже время в 20–30 шагах — другой видел другое.

Поскольку люди были измотаны до предела непрерывными боевыми действиями и холодом, нам было приказано передатьцелевшие боевые машины в 3 танковый батальон, а самим отправиться на отдых в село Станишовку Иванковского района Киевской области. Село расположено в лесу среди болот. За 2,5 года войны они немцев не видели. Добраться до них было трудно — летом болота, а зимой дороги заснеженные — проехать нельзя. Образ жизни у них был довоенный. Сохранили колхоз. Налогов никому не платили, из села ничего не вывозили. Продовольствия у них было много. Мы им помогали керосином, соляжкой для тракторов и освещения. Колхозники нас кормили очень хорошо. Война пощадила село, но в 80-е годы оно сильно пострадало от радиации после аварии на Чернобыльской АЭС. Несколько раз по приказу начсанбрига я сопровождал раненых в Киев, в госпиталь, который находился на улице Саксаганского, 75. Ехали ночью с целью избежания авиа налетов противника. Было холодно, раненые мерзли. В Дымере решили остановиться. Постучались в одну из хат. Попросили напоить и накормить наших раненых, чем-либо горячим и согреть их.

Ходячие раненые зашли в хату погреться, лежачих хорошо укрыли и напоили горячим молоком. Хозяин расщедрился на водку. Солдатам досталось по чарке самогонки. Через час — в дорогу. Часам к 9.00 мы приехали в госпиталь. Передача раненых в приемном покое длилась недолго. Машины ушли за снарядами в арсенал, который находился где-то в районе нынешнего моста Патона на правой стороне. Мы договорились, что в 15.00–15.30 я туда подойду. Я же решил навестить свою первую учительницу Завареву Веру Филипповну, которая обучала меня в 1–3. Жила моя учительница на Гоголевской улице.

Мне открыла дверь мама Веры Филипповны. Я ее узнал. Она меня — нет. Вера Филипповна была в школе. В Киеве в декабре 1943 года уже работали школы. От матери учительницы я узнал, что они сильно голодают. Вещи, какие можно было продать — продали и проели.

У меня был кусок сала более килограмма. Я вытащил его из своей полевой сумки и отдал старушке. Она попросила написать записку Верочке, что я и сделал.

Получилось так, что я целый день не ел. В Киеве тогда ничего нельзя было купить съестного. Я рассчитывал на продукты, которые были у моих попутчиков. Когда я пришел в назначенное место, узнал, что около часа тому назад была бомбежка.

Мои спутники мне сказали, что наши обе машины разбомбило. Они, так же, как и я, — голодные, и надеются на мое сало. Историю своего сала им рассказал, претензий ко мне не предъявили. Решили ехать в расположение части. Поехали на Куреневку — там был контрольно-пропускной пункт, который помогал офицерам выехать в расположение своих частей. На КП мы узнали, что выехать сегодня не удастся. Устроились у людей на ночлег. Что-то обменяли на продукты и бутылку водки. Утром пришлось долго ждать. Дело движется к обеду. Попутных машин нет. Чем мерзнуть, решили идти пешком. К вечеру мы пришли в село Катюжаны. Это село сильно пострадало во время боев на Лютежском плацдарме. Остановились в одной из придорожных хат на ночлег. Утром вновь в путь пешком. В дороге мы увидели машины, идущие в нашем направлении. Останавливали — первая прошла не останавливаясь. Вторую мы взяли с боем — обнажили оружие — шофер остановился. Вез снаряды. Попутчиков брать нельзя, но мы уже в кузове на снарядах.

Приехали в Иванков. Шофер, которого мы остановили оружием, полез драться, держа в руке заводную ручку. Пришлось обнажить пистолет. На шум из хаты выскочил офицер. Узнал, в чем дело. Пригласил нас отогреться, поесть и отдохнуть. Хороший офицер оказался — дал нам машину, мы добрались до своей воинской части.

В пути каждый раз были какие-либо приключения. Ко всему нужно быть готовым. В один из дней мне приказали поступить в распоряжение командира 3 батальона нашей же бригады, который вел активные бои. У них погиб военный фельдшер. Мне предстояло его заменить. Второй раз заменяю фельдшера танкового батальона, убитого в бою. Я не думал, что со мною это может случиться. Тогда смерть на себя не проецировал. Другие могут погибнуть — я нет. Не было у меня мыслей о смерти. Армия в наступлении. Сложно отыскать батальон. Мне повезло. Из нашей бригады в действующие на переднем крае батальоны везут боеприпасы — устроился в одну из машин.

В то время нам начали выдавать шоколадное драже с высоким содержанием кофеина для танкистов. Я угостил этим драже шофера, попробовал сам. Появилась эйфория (наверное, мы превысили дозу), спать совершенно не хотелось. Дорога не утомляла. Выехали рано утром, еще до рассвета. Наш путь лежал в Червоноармейск, вокруг которого шли бои. По дороге видны следы недавних боев — остовы обгорелых машин, развороченные пушки, убитые лошади, искореженные телеги. Мы приехали в Червоноармейское поздно вечером 31 декабря, когда город был уже освобожден. Настроение у солдат было приподнятое. Близился новый 1944 год. Отыскал хату, в которой был штаб батальона. Предъявил часовому документы, меня проводили к комбату.

Стал навывтяжку, руку по козырек.

— Товарищ гвардии капитан... — Комбат договорить мне не дал. О твоём приезде сообщили утром по рации.

— Голоден?

— Так точно, голоден.

— Садись за стол — и указал мне место.

Комбат со своими боевыми друзьями ужинали после трудного боя за Червоноармейск. Ординарец, как водилось, налил мне фронтовые 100 грамм водки. Так я познакомился с комбатом — Горенчуком Феодосием Ивановичем. Хороший, душевный прием поднял мое настроение. Я даже решил на шутку о «рюмочке Христовой».

Шутка была воспринята хорошо, весело. И вновь началось обсуждение прошедшего боевого дня. Тут же уточняли потери, состояние материальной части, наличие боеприпасов, горючего и другого хозяйства танкового батальона. Нет-нет всплывет тема Нового года, но ее обсуждали вскользь, в плане добьем ли фрица в следующем году. Но ординарцы кое-что готовили к Новому году.

Примерно за час до полуночи раздался звонок полевого телефона. Комбат снял трубку. Рукой подал знак, чтобы все смолкли.

В трубку: «Понял. Так точно. Слушаюсь, через 30 минут выступим». Новый 1944 год встречали на марше. «Трубка» приказала двигаться из Червоноармейска по проселочным дорогам, избегая встречи с немцами, овладеть селом Высокие Печи и захватить мост через реку Тетерев, по которому фашисты отступали из Житомира на Запад. По проселочным дорогам, а то просто по бездорожью, перелесками, мы достигли цели. Эта ночь мне запомнилась холодом. Он проникал всюду.

Под утро задача была выполнена. Село Высокие Печи было захвачено. Охрана моста уничтожена, мостом через реку Тетерев овладели. А дальше последовал полный разгром отступающей колонны фашистов. Танки в три ряда двинулись навстречу фашистам на полной скорости. Под гусеницы, пулеметы, артиллерийский обстрел попали отступающие немцы, наше наступление было с их тыла. Заснеженные обочины и лес мешали фрицам избежать разгрома. Из-за паники они не успели организовать нам отпор. Автоматчики прочесывали дорогу, лес, вылавливали солдат. Появилось очень много пленных фашистов. Когда хорошо рассвело, мне удалось более детально посмотреть работу танкистов — на многие километры растянулась колонна фашистов — разбитые машины, фургоны, бронетранспортеры, штабные машины. Такая вот была новогодняя ночь. Светало медленно, день был холодным, пасмурным, деревья покрыты инеем. Согреться негде было, даже в домах крестьян: часть ушла в лес, другие забрались в погреба, дома не отапливали, боялись пожаров.

Днем командование бригады и корпуса поздравило командование батальона с успешной боевой операцией. Тогда я не знал, что на разгром отступающей группировки были брошены почти все ча-

сти 4 Кантемировского корпуса и части 60 армии, которую он поддерживал. В течение первой половины января 1944 года наш батальон вел успешные непрерывные бои в Западных районах Житомирской области.

В бою медикам танковых батальонов было очень сложно. На марше медики на танке. Танки в атаке — сидишь за башней. Начался обстрел танков — соскакиваешь вместе с мотопехотой. А это очень сложно — высота 120 см, скорость танка — 40–60 км в час, глубокий снег мешает пробежаться по инерции и затормозить. Поэтому как спрыгнул с танка, сразу падаешь. Летом прыжок с танка был легче. А сесть на ходу на танк было еще труднее. Сбоку не сядешь, сзади — выхлопные газы не дают возможности дышать. Остается спереди: танк идет на тебя, в какую-то долю секунды нужно изловчиться, подпрыгнуть, обхватить двумя руками пушку, выступающую на 1,6–2 м впереди корпуса машины. После этого, сидящие солдаты на танке, подхватывают тебя за одежду. А если промахнулся, не успел обхватить пушку, будешь под танком. Словом, все было сложно и опасно, ко всему нужно было привыкнуть, развить в себе новые качества.

А оказание медпомощи на поле боя... Особенно зимой или в распутицу. Ограничусь одним примером. Танки пошли в атаку. По ним открыли фашисты артиллерийский огонь. Спрыгнул с машины, бегу в цепи мотопехотинцев. Упал офицер. Подбегаю к нему — ранен в голень. Ранение осколком. Рана рваная, обширная, вблизи коленного сустава, но без повреждения кости и крупных сосудов, но крови раненый потерял много. Перевязал. Идти офицер не может. Пометить меткой, оставить, а самому идти вперед тоже нельзя — замерзнет, ведь январь, температура минусовая, да и дело к вечеру. Станет темно — не найдешь его.

Решил нести на себе. Кое-как поставил его на ноги. Нога болит. Введенный морфий помог мало. Взвалил его на плечи и потихонечку пошли. Снег. Ноги скользят, грузнут. Тащить раненого очень тяжело. Отдыхаем через каждые 15–20 шагов. Вокруг стрельба. Иногда пули свистят над нами. Мы идем. Раненый стонет. Ему больно. Сквозь повязку сочится кровь. Он держится за мою шею. Мы медленно идем к своим в тыл. В какой-то момент мой офицер повис на мне, резко отяжелел, руки расслабились и повисли вдоль туловища. Опустил раненого на снег. Он не дышит. Сердце не бьется. Повернул его на бок. Его еще раз ранило в спину. Он погиб. Невольно подумалось: кто кого спасал, я его или он меня? Я снял шинель. Уложил его на нее, закрепил, чтобы он не сполз и дотащил до первой хаты, передал местным жителям, а сам на попутном бензозаправщике уехал догонять своих.

Числа 9–10 января нашему батальону приказали овладеть г. Любар. К Любару мы двигались ночью и к утру сосредоточились на опушке леса в 7–8 километрах северо-западнее Любара. На рассве-

те над нами, высоко в небе появился фашистский разведывательный самолет, прозванный солдатами «рамой». По своему силуэту, если смотреть на него снизу, он действительно напоминал раму. По опыту мы знали: появилась «рама» — жди авиа налета. Это ускорило атаку на Любар. Комбат Горенчук Ф.И. приказал срочно выводить танки на исходную позицию. Команда вперед, в атаку. Танки, набирая скорость, устремились на Любар с северо-запада, откуда немцы удара не ожидали. Арт-огонь вели на ходу. Танковые пулеметы и десантники включились в бой в населенном пункте, когда вплотную вошли в соприкосновение с пехотой противника. Немцы не выдержали натиска — отступили. Оставили нам трофеи. Пехота начала прочесывать улицы, вылавливать фашистов. В это время мы слышали нарастающий гул моторов с Запада. Так и есть — самолеты фашистов.

Приказ: немедленно замаскировать танки, машины и всю военную технику. Маскировать танки помогали местные жители. Через 5–10 минут маскировка была закончена. Уже стали видны фашистские самолеты. Не зря летала «рама». Они выстроились в круг и начали бомбить лес, который служил нам исходным рубежом для атаки на Любар. Несколько самолетов отделились, пролетели над Любаром, но, видимо, ничего не заметили — бомбить не стали и присоединились к остальной группе самолетов. Позже нам рассказывали те солдаты, что задержались в лесу. Бомбежка была нещадной, но все вхолостую, поскольку танковый батальон и приданная ему пехота уже заняли Любар. Молодец комбат. Вовремя дал команду в атаку. Молниеносно заняли Любар. Экипажи удачно замаскировали танки от воздушного нападения.

Для меня бой за Любар знаменателен тем, что на поле боя я сделал первую в своей жизни хирургическую операцию. Во время атаки был ранен десантник. Видимо, большой осколок попал в плечо, раздробил плечевую кость, перебил сосудисто-нервный пучок и большую часть мышц. Рука держалась на кожном лоскутке. Кровотечение смертельное. Считанные минуты отделяли жизнь от смерти. Мы остались вдвоем на поле боя: солдат и я. Все остальные устремились дальше на Любар. Не долго думая, ножом пересек кожный лоскут. Пальцами левой руки зажал кровоточащие сосуды. Кровотечение приостановилось. Есть время подумать, как быть и что делать дальше. Нужно наложить жгут. Но как это сделать одной рукой? Кульбя плеча очень короткая. На короткой кульбе жгут держаться не будет, по окровавленной одежде сползет. А если сползет — кровотечение и смерть! Поблизости никого нет. Помочь некому. Кричать бесполезно — идет бой, стрельба. Кто услышит одинокий голос? Нужно все делать самому. Раненый от кровопотери обессилел. Ловит ртом воздух, как рыба, вытасченная из воды. Один конец жгута зажал зубами, одной рукой затагиваю жгут. Жгут сползает. От крови стал скользким.

Вкус во рту солоноватый — тоже от крови, что на жгуте. Сообразил, под жгут наложить петлю. Достал и разорвал перевязочный пакет. Одной рукой даже это трудно сделать. День пасмурный и холодный, но мне жарко. Сделал петлю. Затянул жгут и петлю. Кровотечение остановлено. Но жгут медленно сползает. Так его оставлять нельзя. На несколько секунд освободились обе руки. Мгновенно двумя руками закрепил жгут. Он держится, но нет уверенности, что надежно. Сделал дополнительные петли из бинта. Закрепил еще жгут. Наложил повязку. Ввел больному морфий. Уложил на плащ-палатку и поволол. К моему счастью дорога оказалась рядом. Можно передохнуть и подождать попутный транспорт. Но началась бомбежка леса, а это, примерно, в 4–5 км от нас. На снегу мы хорошо видны. Пришлось замаскироваться в кустарнике и переждать бомбежку. Ввел больному сердечные и еще раз морфий. Самолеты отбомбились и улетели. Прекратился рев пикирующих бомбардировщиков и разрыв бомб. Стало непривычно тихо и страшно.

Нужно добираться в Любар, где можно согреть раненого и отправить в медсанбат. Вдали показалась грузовая машина. Голосую. Шофер остановился. Прошу, чтобы подвез. «У нас снаряды» — слышу в ответ. Запрещено и опасно.

— А так погибнет раненый. Истек кровью. Холодно. Замерзнет. Живым не дотащу.

Вдвоем с шофером посадили раненого в кабину. Сам стою на ступеньке и поддерживаю раненого, чтобы он не валился на шофера и не мешал вести машину по заснеженной и взрытой бомбами дороге. Минут через 15–20 мы на месте. Бойцы узнали своего товарища. Увидели — нет руки. Один сказал, что он был акробатом. Другой добавил, что в цирке. Как же теперь будет? Сейчас нужно срочно в медсанбат. Напоили раненого горячим молоком и отправили в медсанбат. Вечером сопровождающие передали мне благодарность начсанупра за хорошо наложенный жгут и своевременный вынос раненого с поля боя. Боец перенес операцию, ему перелили кровь. Уже после войны, по газетам, я узнал, что в цирках Советского Союза выступает акробат с протезом руки. Ему присвоили почетное звание: заслуженный артист РСФСР. Однажды в 80-е годы у меня на приеме был один из администраторов Киевского цирка. По моей просьбе он навел справки об одноруком акробате. Этот акробат был ранен под Москвой в 1941 году. Мало ли воевало артистов-акробатов на фронтах ВОВ?

В Любаре мы отогрелись. Зимой на танках очень холодно. Все время холодно. Холод забирался всюду. Чтобы хоть немного согреться, мы жались друг к другу, ложились на жалюзи, прикрывавшие мотор. Мотор грелся. Хуже работал. Механик-водитель начинал безбожно ругаться, не выбирал выражений и не обращал внимания на звания. И видимо, был прав. Мотору нужен оптимальный режим ра-

боты. В общем, в Любаре отогрелись. Наелись дерунов с горячим молоком. Жители нас встречали очень приветливо и делились с нами всем, что у них было. В свою очередь они были рады, когда им в качестве подарка давали 1–2 литра солянки. Керосина у них не было. Жили при коптилках и прочих видах средневекового освещения. Сразу же после освобождения оживала жизнь в селах. Появились бригады, председатели — просили горючее для тракторов, которые где-то завалились, а, вернее, были спрятаны в надежном месте от оккупантов. Танкисты выделяли солянку, говоря: «Дозаправимся трофейным горючим».

В Любаре мы находились не более трех дней. Наш батальон получил приказ овладеть населенным пунктом Грицев (теперь Хмельницкой области), что в 40–45 км западнее Любара. Недалеко от Грицева проходит железная дорога Шепетовка-Староконстантинов. В Староконстантинове был аэродром немцев. Другие батальоны нашей бригады нацелились на Шепетовку. Вечером, на заходе солнца, танковая колонна вытянулась по шоссе на Грицев. Вскоре потемнело. Скорость движения замедлилась. К полуночи достигли цели. Разведчики доложили, что боевое охранение немцев снято бесшумно. Комбат приказал на большой скорости, с зажженными фарами захватить Грицев. Атака была молниеносной. Захватили Грицев и сразу оседлали все дороги из Грицева. Появились пленные фашисты, а также предатели Родины, те, кто прислуживал фашистам.

Там я впервые увидел предателей. Один из них, мужик лет 40, тряся и всем говорил: «Если бы я знал, что Вы воротитесь, я бы ни за что с немцами не сотрудничал». «Если бы знал. А почему не пошел в партизаны?» Молчание. Другие говорили: «Мы давали важные сведения партизанам». Как проверить? Но народ говорил, какую помощь партизанам они оказывали: указывали семьи партизан, жгли их дома, наводили карателей на след партизан, забирали домашнюю живность. Наши солдаты отвечали: «Кому следует — разберутся».

Комбату доложили, что один полицейский сбежал. Он, видимо узнал, что в Грицев вошли Советские войска. Пока выясняли у хозяйки, где ее муж, полицай на лошади огородами добрался до поймы реки. Увидели его, но было поздно — он скрылся в лесу. Стреляли — не попали, а пешим за всадником не угнаться. Плохо. Донесет фашистам, что в Грицеве танки, а пехоты очень мало. Успеют ли подойти мотопехотные части?

Комбат отдал приказ на круговую оборону. Приказал особенно внимательно следить за дорогами экипажам танков, направленным в дозор. Наступил рассвет. Среди наших солдат потерь не было. Человек пять нуждались в перевязках. Утром подвезли горючее, приехала кухня. Накормили солдат, да и местное население делилось продуктами. Солдаты были сыты.

Стучусь в одну хату, которую облюбовал себе под медчасть. Не открывают. Стучусь громче — тишина. Стучу еще громче. Раздался голос. На пороге появился заспанный узбек.

— Ты кто такой?

— Украинец — слышу в ответ.

— Какой же ты украинец? Ты узбек или киргиз.

— Был узбек, а теперь украинец», — вмешалась женщина — «в 1941 году он был ранен в ногу. Не мог двигаться. Я его приютила. Так и живем вместе».

В течение дня нас обстреливали из минометов и пушек. Огонь был не прицельным и вреда не причинил. Но это настораживало и требовало большой бдительности и внимания. Танки все замаскировали. Мотострелки, хотя их было немного, окопались. Танки полностью заправили горючим и пополнили боекомплект. Мотопехота в течение дня не подошла. Это плохо. Часа в 4 дня я был извещен, что миной ранен в ногу танкист из танка, который находится в охранении на западной окраине Грицева, за мостом. Это недалеко — 1–1,5 км. Иду пешком. Танкист ранен в пятку. Рана нуждалась в обработке, каблук сапога осколком сильно разбило, но он защитил ногу. Решаю взять с собой раненого в Грицев для оказания медицинской помощи и отправки в тыл. Идем в обратный путь. Идем медленно, солдату тяжело. День ясный, солнечный, погожий. Снег блестит. Слышим нарастающий гул, но ничего не видно. Гул нарастает с юго-запада. Против солнца смотреть трудно и ничего не видно. Еще через время видим армаду самолетов. Их много, более 80.

Они перестроились в круг и пикируют на тот район Грицева, где стоят наши танки. Думаем: сбежавший полицай таки сообщил координаты. В Грицев нет смысла двигаться. Мы на снегу, пилотам видны, как на ладони. Решаю залечь в снегу. Я присыпал снегом солдата и себя. Лежим лицом вверх. Хорошо видно, как самолеты пикируют. Бомбежка идет уже минут 15–20. Видно, как падают бомбы, слышим их разрывы.

Вдруг видим, как бензовоз, стоявший под сараем рядом с танком, невдалеке от нас, выехал на дорогу и стал разворачиваться в сторону Грицева. Шофер не слышал гула самолетов из-за работы мотора своей машины, а в небо не посмотрел. Фрицы заметили его. 5 самолетов отделилось от основной группы и начали бомбить бензовоз и танк. Если раньше мы наблюдали бомбежку издали, то теперь мы оказались в ее центре. Лежим лицом вверх, а над нами самолеты пикируют и обстреливают бензовоз и танк. Строчат из пулеметов — видны вспышки. Вокруг нас ложатся пули крупнокалиберного пулемета. Пули, пронзая снег, шипят. Картина страшная. Самолеты над нами в 40–50 метрах. Хорошо видны фашистские пилоты. Один заход, второй — пули ложатся рядом и вокруг. Хочется сорваться с

места и бежать. Но куда? Бежать бесполезно, а лежать страшно. Внутри идет борьба с собой. Солдат тоже пытается встать. Удерживаем друг друга по очереди.

Фашистские летчики подожгли бензовоз. Черный дым окутал нас. Мимо нас проезжает танк, бывший в охранении. Его немцы давно заметили, нещадно бомбили, но он оставался на ходу. Самолеты несколько раз заходили на него в атаку, причем шли на бреющем полете, чтобы попасть пулеметной очередью в люк механика-водителя. И попали. Механик-водитель был убит. Неуправляемый танк некоторое время ехал по центру дороги, на мост он въехал не точно, свалился в реку, пробил лед и наполовину погрузился в воду. Самолеты отбомбились и улетели в западном направлении.

Появились раненые. Немного. Те, кто сидел в танке или под танком — не пострадали. Пострадали защитники, которые спаренными пулеметами старались отогнать врага, но силы были неравные. Самолетов они не сбили. Среди зенитчиков были раненые. Мы оказали им медицинскую помощь. Отнесли раненых в хату, где развернули медицинский пункт. Накормили бойцов. Бензовозы, которые прибыли утром для заправки наших машин, во второй половине дня в Любар вернуться не смогли — дороги были перекрыты фрицами. Вечером мы получили приказ — пробиваться в Любар. Танк, упавший в реку с моста, вытащить не удалось. Сняли рацию, пулемет и замок от пушки, забрали снаряды, слили горючее из топливных баков и вывели из строя мотор.

По старой дороге возвращаться нельзя: сильный артзаслон. Нужно идти в обход. Обходим. В одном низменном, болотистом месте загруз танк — лег на брюхо. Гусеницы прокручиваются. Вытащить буксиром не удалось. Буксир тоже буксует и сам погружается в грунт. Подключают еще один танк. Двумя танками сдвинули застрявший танк с места. Гусеницы вышли на твердую почву, и танк вновь стал подвижен. Нужно искать брод. Его нашли в 2 км. Переправились благополучно. Прошли более половины ночи Старого нового года. Мы вошли в село Шкаровка. Тихо. Фрицев нет. Разведка пошла дальше. На рассвете нас начали преследовать танки фашистов. Часть раненых мы посадили на танки. Лежачих уложили в полуторку, на которой были установлены зенитные пулеметы. Разведка доложила: впереди фрицы — пехота с минометами оседлала дорогу. Комбат решил прорываться с боем, пока не рассвело. Я ехал с ранеными на полуторке, на которой были зенитные пулеметы. Зенитные пулеметы переведены на наземные цели.

На полной скорости машины устремились вперед. По обочинам с одной и другой сторон видим фрицев. Зенитные пулеметы выбросили такое количество огня, что фрицы голов не подняли. Мы прорвались. Преследования не было, остановились, собрались все вместе. Раненых оказалось много. Решено их погрузить на танки и ока-

зывать помощь на марше. Я сел на танк с ранеными. Колонна машин двинулась вперед. Фрицы нас засекли. Началась погоня немецких танков за нашими Т-34. Фашисты стреляли в нашу сторону, но снаряды нам вреда не причиняли. Т-34 имели большую скорость, чем немецкие танки, поэтому мы скоро оторвались от преследователей. На больших скоростях танки подъезжали к перекрестку, на котором нам нужно было сделать правый поворот и выехать на шоссе Грицев-Любар. На этом перекрестке танк, на котором находился я вместе с ранеными, был подбит. Он взорвался. Многие погибли. Я потерял сознание. Сколько я был без сознания — не знаю, но, видимо, недолго.

Ранение и выход из окружения

Когда открыл глаза, увидел ясное голубое небо, яркое солнце, дгорающий танк. Трудно смотреть на блестящий снег. Поднял голову и почувствовал сильную боль в верхней челюсти, во рту — какие-то осколки. Плюнул — кровь и разбитые зубы. Понял, что ранен в челюсть. Кровотечение приличное. Все время приходится отплевываться. Поднялся на ноги. Ноги и руки целые. Шинель на груди разорвана. Санитарной сумки нет, шапки тоже. По ту сторону шоссе бегут какие-то солдаты. По одежде — вроде наши. Их немного — человек 5–6. Бегу за ними, как пьяный — голова кружится, ноги ватные. Впереди ясно вижу: одинокая немецкая самоходная пушка стреляет в бегущих солдат. Вскоре она развернулась на 180 и прекратила преследование.

Бег сменяю на шаг, шаг на бег. Наконец, догоняю своих. Много раненых. Мне рассказывают, что танк зам. комбата, на котором я ехал, нарвался на вкопанный немецкий танк. Экипаж, наверное, погиб. Следующий танк также был подбит. Подбитые танки загородили закопанный немецкий танк, поэтому остальные наши танки прорвались и ушли не поврежденными. Похоже на правду. Людей собралось человек 25–30. Разместились у стога соломы. Я обессилел. Сказались кровопотеря и сотрясение мозга. С вечера ничего не ел. Меня угостили салом, но есть его не смог, т.к. разбита челюсть. Выпить спирта отказался: и так голова гудит и кружится. У меня в кармане было немного шоколада. Им питался. Во рту он таял и становился жидким. Мне легче было его глотать. Как же быть дальше? Куда идти? Приказ был — в Любар.

Слышим шум мотора — приближается немецкий танк. Бежать бессмысленно: близко и видно все, как на ладони. Все укрылись в стогу соломы. Кинулся и я в стог. Но рана на лице, без повязки сделала невозможным зарыться в солому. Прикосновение соломы к лицу вызвало невыносимую боль. Появилась какая-то апатия. Будь что будет. Двум смертям не бывать, одной — не миновать. Остался я у

копны, что была возле стога соломы, но с противоположной стороны от приближающегося фашистского танка. Присыпал себя соломой. Прodelал небольшое отверстие — наблюдаю. Подъехали. Расстояние метров 12–15. Хорошо слышен их говор. Говорят очень быстро. Слов разобрать нельзя. Апатия сменилась напряженным вниманием. Было ли мне страшно? Наверное, да. Я понимал, что надо мною нависла смертельная опасность. Мое оружие — пистолет и 2 обоймы патронов. Уложу, допустим, одного-двух фрицев, но и мне — капут. Промелькнула мысль: жаль умирать. В доли секунды в памяти промелькнула моя жизнь в ярких цветных красках. Жаль молодым погибать, не пожил еще. Это меня вернуло к реальности.

Я вытащил пистолет, снял с предохранителя, наблюдаю за фашистами — жду. Их было 4. Они вылезли из машины, но от нее не отходили. Постояли несколько минут (они мне показались вечностью), сели в танк, развернулись и уехали. Я сам себе сказал: «Виктор, раз из такого переплета выпутался, держись дальше, не расслабляйся».

За действиями фрицев следили и другие. Как только танк фрицев скрылся, солдаты повылезали из стога. Заговорили все сразу. Видимо, у них было такое же состояние, как и у меня. Появилась вера в благополучный исход нашей одиссеи. Хотя бы ночь скорее. При ярком солнечном свете нам трудно скрываться. Перешли в небольшой молодой сосновый лесок. На противоположном берегу небольшой речушки появился немецкий бронетранспортер. Ближко не подъезжает. Боятся фрицы, чтобы по ним не ударили из противотанкового ружья. Мы фрицев не боимся. Прошел шок — обрели боеспособность. Появилась уверенность в благополучном исходе. Из бронетранспортера нам кричат: «Рус, сдавайся в плен!» Ваши все уже сдались. Остались только вы. Молчим. Они опять кричат — молчим. Все повторится сначала. Мы молчим. Они развернулись и уехали.

Нужно оставить это место. Начнут обстрел его. Вернулись к стогу. Разработали план дальнейших действий. С нами был подполковник, заместитель командира бригады по строевой части. Он у нас был новый человек. У него была карта. Он разделил нас на две группы. Нас к тому времени было человек 45–50. Одна группа должна выходить на Полонное, другая — на Любар. Маршруты на Полонное и Любар сверили по карте. Признано целесообразным рассредоточиться и ждать темноты.

Мы с товарищами моей группы зарылись в снег в небольшом овраге. Нас можно было заметить, только подойдя вплотную. Я, наверное, спал. У меня было сотрясение мозга, и я мог постоянно терять сознание. Проснувшись, мы реально оценили обстановку, хотя было зябко, тело от холода дрожало. Стало темнеть. Можно собираться в путь. Идти километров 30–35. Это расстояние нужно

пройти до рассвета, еще затемно выйти к своим. Идем по снегу параллельно шоссе дорожке. Идем цепочкой. Маршрут был выбран правильно.

В походе мы неоднократно наблюдали, что по дороге курсировали фашистские бронетранспортеры, экипажи которых запускали осветительные ракеты. Как только мы слышали выстрел и видели взлет ракеты, ложились на снег. Нас фрицы не заметили. Движение было медленным. Смазанные темнотой ориентиры затрудняли движение и не давали нам возможности более точно установить, сколько же мы прошли, и сколько осталось пути. Люди были выносливые и тренированные. Держались все вместе и шли без отдыха. Отдыхали только тогда, когда падала на землю ярко светящая ракета.

Под утро мы все же набрали на немцев. Мы шли с их тыла. Они нас приняли за своих. Подпустили близко. Когда поняли свою ошибку, на их огонь мы ответили своим огнем, более мощным. Фрицы разбежались. Придя в их расположение, увидели пушку среднего калибра, несколько ящиков снарядов и небольшой блиндаж. Поняли: у них нет здесь сплошной линии обороны. Мы достигли их передовой. Сил у нас нет, чтобы увести пушку в качестве трофея. После короткого обмена мнениями, решено снять с пушки замок и выбросить его в снег. Это было сделано. Мы продолжили свой путь. Еще, примерно через 1–1,5 км мы услышали окрик — стой! Кто идет? Значит, свои! Но где они, не видно? Отвечаем: «Свои!» Мы — кантемировцы.

— А мы идем Вам на помощь. Мы слышали перестрелку и не знаем, кто в кого стреляет.

— Кто-нибудь из наших уже вышел?

— Вчера вышли, но сколько и кто не знаем.

— Нас было полсотни человек. Мы разделились на две группы. Одна ушла на Полонное, мы — на Любар.

Наша группа вышла в полном составе. Идти выручать нас не нужно. А вот пушку нужно захватить. Указали им маршрут и где брошен замок. Пушку они нашли и замок тоже. Захватили снаряды и вскоре догнали нашу уставшую растянувшуюся колонну.

Интересная подробность. Когда была опасность, все держались друг друга. Когда пришли в расположение своих войск, сказала усталость, поэтому и растянулись. Лично меня совершенно оставили силы — сказала кровопотеря, сотрясение мозга и голод. В Любаре зашел в ту хату, где был наш медпункт. Видимо, я был страшен, до неузнаваемости. Хозяйка дома никак не хотела во мне признавать «доктора», который пробыл у нее 2 дня. Утром меня увезли в медсанбат. Под наркозом мне удалили осколок, который выбил 5 зубов и застрял в верхней челюсти. После наркоза спал почти до самого вечера. Поев жидкой пищи, я вновь уснул. Утром я проснулся довольно бодрым. Рана болела, но не очень. Трудно было разговаривать и кушать.

Без разговоров можно было обойтись, а без еды — нет. Посоветовавшись между собой, доктора и начсанбриг решили не отправлять меня в госпиталь. Я этому был рад. Из нашего корпуса старались не отправлять солдат и офицеров, если они смогут вернуться в строй через 1–1,5 месяца. Лечили на месте. Также решено было поступить и со мной. Все шло хорошо. Рана на лице сравнительно быстро заживала. Мелкие осколки под левым глазом, в гайморовой полости и в правой височной кости меня не очень беспокоили. Я быстро поправлялся. Жил в сельской хате у бедной вдовы с дочерью. Очень красивая и умная девушка, моя сверстница. Мать следила за каждым шагом своей дочери, но и за мной тоже. По мере заживания раны на лице, рубец сжимал челюсти. Рот не раскрывался. Я вновь стал голодать. Внешне это было не очень заметно, но мне было тяжело сознавать, что время идет, а выздоровление затягивается. Ранение осложнилось; появилась температура до 38–39. Бригадные врачи решили направить меня в челюстно-лицевую госпиталь, который находился, кажется, в селе Барановка, том самом, что славится своим знаменитым фарфоровым заводом.

Почему я так думаю? Госпиталь базировался, в основном, в домах местного населения. Лишь операционные, перевязочные, аптека располагались в общественных зданиях фарфоровой фабрики. Жители того населенного пункта много говорили о фарфоровых изделиях, его качестве, способах изготовления посуды. Так обычно говорят не потребители, а создатели. Спустя 35 лет я посетил Барановку, был на фарфоровом заводе, но я ничего не узнал. Все изменилось. Поэтому в душе появилось еще большее сомнение, был ли мой госпиталь в Барановке. В памяти осталось то, что это было в Житомирской области, в населенном пункте, где делали фарфоровые изделия.

В госпитале меня дважды оперировали: первый раз иссекли рубец. Рот у меня стал раскрываться. Проблема питания была решена. Вторую операцию мне делали по поводу травматического гайморита. Вылечить до конца — не вылечили, но помогли хорошо. В госпитале я познакомился с замечательным человеком, врачом Алексеем Михайловичем. Фамилии не знаю. Говорили, что он москвич. Он меня оба раза оперировал. Через 7 месяцев, когда я буду ранен в третий раз и буду находиться в г. Ланцут (Польша), он меня выручит и спасет от бактериемического шока. Но это будет летом. А сейчас февраль...

12 февраля я покинул госпиталь вполне здоровым и приступил к исполнению своих обязанностей в танковом батальоне. По возвращении в батальон узнал, что нашей 12 танковой бригаде присвоено звание Шепетовской. Наш батальон был нацелен на Грицев, другие — на Шепетовку.

Наш батальон, хотя и не принимал непосредственного участия в освобождении Шепетовки, блокировал железную дорогу и оття-

нул на себя часть сил врага от этого района, что обеспечило победу. Шепетовку мы тогда хорошо знали по роману Н. Островского «Как закалялась сталь».

В батальоне меня обрадовали сообщением о награждении орденом «Красная звезда» — «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество».

В этот момент я вспомнил 1939 г. В Донецке, где я тогда жил, на Пожарной площади встретил лейтенанта с орденом «Красная звезда». Он заметил, что я с большим интересом смотрю на его орден — подбоченился, выпятил грудь: знай наших!

Дождался и я своего часа. Большой ценой достался мне боевой орден, но тем и дорог. Он — память о боевой юности, о боевых друзьях, освобожденных городах Украины. Он обязал меня серьезно относиться к жизни, профессии, людям, научил меня работать, серьезно и всесторонне обдумывать дело. Возможно, ему я обязан многими успехами в жизни и работе.

Батальон перебазировали в г. Полонное. Мы деятельно готовились к новым боям. Нам дали танки «ИС» (Иосиф Сталин). Танки тихоходные, но с очень сильной пушкой. Я помню перебазирование в Шепетовку. В танковой колонне — «ИС» и «Т-34». Т-34 — стремительные и легкие на марше, «ИС» — грузные, раскачиваются на марше, дуло пушки чуть ли не достает до земли. Комбат распорядился развернуть башню на 180. Шепетовка для моего поколения была дорога благодаря роману Н. Островского. Я и мои сверстники по батальону пытались хоть что-то найти, чтобы нам напомнило события романа «Как закалялась сталь». Ничего мы не нашли. Вокзал — и тот был полуразрушен. Считали, что все разрушила война и время. Ведь с момента действия романа прошло почти 25 лет.

В Шепетовке у нас было радостное событие. Вернулся из Москвы капитан Терещук, которому М. И. Калинин вручил орден Ленина и золотую медаль героя Советского Союза. Из Шепетовки в начале марта, во время весенней распутицы, мы двигались по линии Ямполь-Збараж-Тернополь. Танки шли фронтом. Где прошел один танк, второй пройти не мог: застревал в черноземе. Буксовали артиллерийские тягачи. Лошади надрывались. Над дорогой стоял шум, крик возчиков, ржание лошадей, рев моторов. Медленно, но все двигалось. Двигалось вперед на Збараж. Фашисты нас не ждали. Когда ночью танки вошли в Збараж, фашисты полуодетые выскакивали из домов на улицу, где их ожидала смерть или плен. Пленные фашисты удивлялись, как по такой распутице и бездорожью можно воевать.

Збараж был освобожден в марте. Военным комендантом города был назначен наш однополчанин, старший лейтенант Хинтицкий Михаил Петрович. Долгое время он работал главным бухгалтером

Киевского городского совета Народных депутатов. Он не имеет правительственных наград. Когда бой — он в бою, когда награждают — он уже тяжелораненый в госпитале. В мирное время — бухгалтер, специальность, на которую редко выпадают награды, даже в 1500-летие Киева, когда наградили почти 4000 киевлян, его награда обошла. Первый орден за войну он получил в 1985 году, когда их раздавали, как значки, всем ветеранам войны.

И еще одно отступление. В семидесятые — в начале восьмидесятых годов в моде был певец Высоцкий. Голос у него был хриплый, как бы «пропитый», и не очень приятный для слуха, хотя содержание песен очень хорошее. Как-то прийдя с работы, я поставил кассету с солдатскими песнями Высоцкого, которую мне подарил сын Алексей. Слушал о том, как комбат оттолкнулся ногой от Урала и полз на Запад. Слушая Высоцкого, на книжной полке заметил книгу Симонова. Взял ее, начал листать. Книга иллюстрирована фронтовыми фотографиями: солдаты спят на снегу под стогом, перетаскивают пушку вброд через речку, тянут пушку, застрявшую в грязи, толкают грузовые машины, буксующие в развезенном черноземе.

Мне ярко вспомнилась дорога из Ямполь в Збараж. На фото — танки идут не в колоннах, а в ряд по полю, как будто эти снимки сделаны, тогда, весной 1944, под Ямполем. И я подумал: а какими голосами должны были бы петь солдаты? Конечно, простуженными, надорванными до хрипоты. У меня изменилось отношение к Высоцкому, к его голосу. Он очень правдиво поет эти песни, воскрешает события минувших дней. Он поет, а я вижу наступательную весну 1944 года.

Бои на Западной Украине

Тернополем, как это было со Збаражем, внезапно, овладеть не сумели. Танки вошли в город, но под прицельным огнем артиллерии врага вынуждены были отойти. Пехота не успела за танками. Сказалась распутица. Не было мотопехотного прикрытия операции. Отступили, но город окружили. Врагу из него выхода не было. Началась затяжная осада.

Враг укрепился — многие дома превратил в Доты. Боеприпасы, видимо, у фашистов были, продовольствие тоже. Кроме того, по ночам, им с самолетов сбрасывали контейнеры с продовольствием и боеприпасами, часть попадала к нам.

Бои шли с переменным успехом. Действовали снайперы, передвигались по переднему краю осторожно. Наши зенитчики начали успешно бороться с самолетами фашистов. Немецкие летчики сбрасывали контейнеры где попало, когда видели, что их обстреливают зенитчики. На парашютах контейнеры с продовольствием и оружием все чаще стали опускаться в расположение наших войск.

Вначале мы занимали позиции в селе за рекой Серет, на возвышенности, с которой хорошо просматривался Тернополь, костел, церкви. В селе, где мы остановились, жили поляки и украинцы, преобладала украинская речь, поэтому языкового барьера не было. Медпункт свой я разместил в крестьянском доме польской семьи. Вначале эти люди приняли меня и моих товарищей очень настороженно. Но когда мы лучше узнали друг друга, и они стали пользоваться моими медицинскими услугами, наши отношения стали заметно улучшаться.

Я даже перестал пользоваться батальонной кухней, т.к. каждый день меня и моих товарищей обеспечивали едой хозяева и люди, которым мы оказывали медицинскую помощь. Эта работа много времени не занимала, тем более, что контингент наших войск был здоровым и работы с ним было не так много, поэтому нам разрешалось, с целью налаживания взаимопонимания с местным населением, оказывать ему посильную медицинскую помощь.

Кроме того, в тех местах, где мы воевали, никаких местных медицинских работников не было, не говоря о медицинской службе. Жалко было смотреть на больных людей, а тем более на детей, которые нуждались в нашей помощи. У нас было много трофейных медикаментов, перевязочного материала, поэтому оказание медицинской помощи местному населению не отражалось на качестве обслуживания наших войск, а взаимоотношения налаживались. Кроме того, мы узнавали эпидобстановку в населенных пунктах и имели возможность предупреждать проникновение в наши части инфекционных болезней, особенно сыпного тифа.

Помню, на Пасху, на нашу половину дома зашел хозяин, снял шапку, перекрестился, извиняясь, знал, что мы атеисты, стал приглашать на праздничный завтрак. Учитывая наши добрые взаимоотношения, я принял приглашение, и в назначенное время пришел на завтрак. На столе было много блюд крестьянского, домашнего приготовления. На завтрак у хозяина была вся его семья и какие-то родственники из других сел, освобожденных нашей армией. На завтраке присутствовал ксендз. Ксендза я видел впервые. Судя по виду, он был моим ровесником, может быть на 1–2 года старше, но не больше. Вначале все как-то были натянуты, мое присутствие вначале их смущало. Я тоже не знал, как себя нужно было вести в данной обстановке. Как быть с традиционным пасхальным «Христос воскрес» — «Воистину воскрес» и целованием? Не помню, чем ситуация разрешилась, но после 1–2 рюмки самогона напряжение за столом исчезло.

Разговорился с ксендзом. Он мне объяснил, что во время войны у многих погибли или без вести пропали близкие, много обездоленных, сирот, которые духовно больны. Они нуждаются в господнем слове и находят в нем утешение. Не последнее место в работе косте-

ла занимают проповеди против фашизма. Это существенный вклад церкви в общую победу над врагом.

Население освобожденных западных районов страны понимало, что в их жизни будут перемены. Но какие? Их, крестьян, больше всего интересуют колхозы. В те годы пропаганда против Советской власти, «Советов», колхозов распускала много небылиц. Местные жители расспрашивали о колхозах, совхозах, машинотракторных станциях, трактористах, комбайнерах, постановке здравоохранения, образования в сельской местности и т.д. Женщины слушали молча, мужчины иногда бросали реплики вроде: «Так воно і так, але ж...», и все начиналось сначала.

Ксендз пригласил меня на воскресную проповедь. Я пошел. Читал проповедь по-польски. В проповеди речь шла об освобождении территории от фашистов и освобождение связывал с Богом.

Нас переместили в Тербовлю и разместили в лесном лагере. В Тернополе фашисты по-прежнему были в окружении. Гитлер по радио приказывает им держаться. Обещал прорвать блокаду и освободить их из окружения. Осажденные не принимают предложения Советского командования о капитуляции. Наступательные действия войск фронта приостановились. Началась интенсивная подготовка к летнему наступлению 1944 года. В войсках идет напряженная учеба: разбирают прошедшие операции, выясняют ошибки, промахи, разбирают удачные операции, проводится политическая работа и т.д.

Помню такой случай. Комбриг, полковник Душак, проводил учения с нашим батальоном. На мне было медицинское обеспечение. Я находился рядом с ним. Отрабатывали движения танковой колонны под прикрытием холмистой местности. Предстояли бои в горах. Мы приближались к Карпатам. Один из командиров рот наметил маршрут по ложбине. Ложбина казалась удобной для движения. Однако через 1–2 км слева над ней появилась возвышенность, из-за которой вполне можно вести прицельный огонь по танкам. Я обратил на это внимание комбрига. Он на меня посмотрел, но ничего не сказал. Я оценил взгляд комбрига — мол, не твое дело. Мы продолжали движение. Я подумал: «Черт меня дернул за язык». Не мое дело — тактические учения. Для этого есть строевые командиры. Однако смотрю — полковник Душак все чаще поглядывает на высотку. А потом ко мне: «Доктор, сбегай, проверь-ка, просматриваемся мы?» Польщенный тем, что комбриг не оставил без внимания мое замечание, я пулей бросился выполнять его приказ.

Пробежать 2–3 км для меня был сущий пустяк. Минут через 15–20 доложил, что с высоты наши танки уязвимы для артиллерийского обстрела и указал ему на местности с каких и до каких пор. Он внимательно меня выслушал, но опять ничего не сказал. Но, как мне потом сказали, на разборе учений он упомянул обо мне и моих наблюдениях.

В конце учения приключилось событие, которое никто не смог предусмотреть. Это было перед обедом. Комбриг приказал сигнальной ракетой известить батальон об окончании учений. Ракета не сгорела в воздухе и угодила в соломенную крышу хаты одной вдовы. Хата, крытая соломой, вспыхнула, как свеча. Солдаты бросились тушить пожар. Хоть работали энергично, но дом наполовину сгорел. Прибежали соседи — запричитали, хозяйка плачет. Появились разговоры не в нашу пользу. Ситуация невеселая. Нашлась и мне работа, поскольку появились мелкие ожоги и травмы.

Комбриг Душак собрал крестьян и в присутствии их сказал вдове, что сегодня же ей будет построен новый дом, крытый цинковой жстью. Нам нужны топоры, пилы и другой плотницкий инвентарь. Местные жители принесли пилы, топоры, лопаты. Часть солдат начала разбирать остатки дома, другая часть поехала под Тернополь, где можно было достать стройматериалы — лес, кровельное железо, доски, балки, рамы, дверные проемы и др. Вторая группа начала вести заготовки для будущего дома. Людей было много. Местные жители тоже хотели включиться в работу, но комбриг не разрешил — дескать, мы виновники, мы сами загладим свою вину. Расчистили площадку, вырыли траншею. Среди солдат нашлись специалисты по укладке фундамента из дикого камня. Отдельно на другой площадке рядом готовился деревянный каркас будущего дома. Было плохо с гвоздями. Тут же открыли их производство из стальной проволоки. К заходу солнца, а это было где-то в конце апреля, каркас дома стоял на фундаменте, крыша была крыта цинковой жстью (не новой, но вполне хорошей). Были сделаны деревянные полы (у вдовы были глинобитные), красивые оконные рамы, двери, сделаны внутренне перегородки. С вечера завезли и замочили глину, предварительно смешав ее с навозом. Всему местному населению стало ясно: завтра вдова будет иметь новую хату. На завтра стены дома обмазали глиной и построили печь. Прошло не многим более суток, как восстановили сгоревший дом.

Я смотрел на солдат, с каким воодушевлением они работали. Видно было, как они соскучились по мирной созидательной работе.

Невольно думалось о том, сколько разрушено во время войны домов. Не всем повезло, как этой вдове, которой построили новый дом всего через сутки.

В лесу, под Теребовлей, вблизи Тернополя, — очень хорошее место. С прифронтовой полосы население из сел выселили. Села охранялись советскими солдатами. Непривычно было смотреть на пустые села. Остались одни кошки. Регулярно шла учеба. Комиссар батальона капитан Красов привлекал меня к проведению политзанятий.

Под Теребовлей в мае 1944 г. я был принят в члены партии. В кандидаты партии я был принят еще 11 декабря 1942 г., когда были ос-

вобождены первые украинские территории, в Киевском военно-медицинском училище. Однако с приемом в члены партии у меня вышла задержка, хотя в действующей армии существовал ускоренный порядок прохождения кандидатского стажа. В октябре 1943 г. меня обсуждали на партбюро батальона, но парторг Батищев не рекомендовал принимать меня в партию, поскольку я, по его мнению, еще не созрел. Батищев был коммунистом с дореволюционным стажем, человеком фанатически преданным коммунистическим идеалам, но малограмотным. Многие вещей он не понимал и рассуждал прямолинейно: друг-враг, рабочий-буржуй, черное-белое. У меня с ним разгорелся спор о церквях. Он видел в церкви «опиум для народа», и считал, что каждая церковь подлежит сносу. Я ему как-то пытался объяснить, правда, безуспешно, и, как потом оказалось, во вред себе, что церкви являются архитектурными памятниками народа, что к строительству церквей привлекались лучшие архитекторы, строители, художники, что это памятники старины, что их нужно беречь, использовать в интересах Советской власти, социалистической культуры, как это делается в Ленинграде. Я Батищеву доказывал, что наступит время, когда многие церкви будут объявлены памятниками старины и будут охраняться законом.

На заседании партбюро решили: еще молод, пусть понюхает пороху — тогда и примем. В молодости неудачи воспринимаются легко. Нужно понюхать порох, значит, будем нюхать. В декабре-январе наступление, потом ранение. В начале апреля у меня обострился травматический гайморит — опять госпиталь. Наконец, в мае меня приняли в члены ВКП (б). Саму процедуру приема не помню. К этому времени, я не только понюхал порох, но и носил в себе осколки. Наступил новый этап в моей жизни — я стал коммунистом. На следующий день я фотографировался для партбилета. Сзади меня два солдата держали простыню, а фотограф сделал снимок. Одну фотографию он подарил мне. Она хранится у меня до сих пор. Запомнилась процедура фотографирования потому, что она была первой в действующей армии. С того времени у меня сохранились еще две фотографии.

Весна в тот год была прекрасная, солнечная, теплая. Наше пребывание под Теребовлей затянулось. Как-то в начале июня капитан Кретинин, заместитель комбата по хозяйственной части, предложил мне поехать за продуктами питания в Молдавию. Начальство меня отпустило. В грузовой трофейной машине поехали через Чертков и Могилев-Подольский. Помню, дорога была очень трудной. Трудность заключалась в том, что камеры колес автомобиля были латанные-перелатанные. Во время езды они нагревались и расклеивались. Приходилось часто останавливаться, демонтировать скаты, клеить камеры и ехать дальше. Словом, была езда со многими препятствиями. Километров за 5–6 от Могилева-Подольского клей кончился.

4 камеры вышли из строя. Запасных нет. Нагрузил камеры на себя, потопал в Могилев-Подольский, захватив с собой флягу спирта. Нашел воинское автохозяйство во главе с лейтенантом. Он посмотрел на мой измученный вид и камеры и ему без всяких слов стало ясно наше бедственное положение.

Он дал команду завулканизировать наши камеры. За обедом обменялись сувенирами: я дал лейтенанту флягу спирта, он угостил меня отличным молдавским вином. Часам к 16.00 камеры были готовы. Лейтенант своей машиной помог мне доставить камеры на место. Отремонтировали скаты, дальше у нас ними не было проблем. В этой поездке я понял, что такое солдатская выручка. Прошло 4 десятка лет, а лейтенанта из Могилева-Подольского вспоминаю добрыми словами до сих пор.

В одном молдавском доме, где мы остановились на ночь, нас хорошо приняли, накормили мамалыгой с холодным молоком, угощали терпким молодым виноградным вином. Беседа шла о том — о сем, в основном, о боях, и о том, как Советские войска освобождали их деревню. В рассказах хозяина не было радости, была какая-то грусть и тревога, он часть вздыхал и чувствовалось, что в нашей беседе, что-то он не договаривает. По мере беседы появилось больше доверия, скоро стало ясно, в чем дело. У хозяина две дочки и трое сыновей. Один сын служил в немецкой армии, другой — в румынской, а младшего неделю тому назад призвали в Советскую армию. Нашего гостеприимного хозяина не оставляла мысль, что брат идет против брата, и даже после войны его сыновья останутся врагами. Для всех война кончится. Для семьи молдаванина она может иметь непредвиденные последствия. Да, положение сложное, не позавидуешь. Что посоветовать? Можно лишь посочувствовать.

Мы, молодые офицеры, были воспитаны и настроены на победу над врагом. Погибшим — вечная слава, а предателям — вечный позор! А вот как быть с остальными — с теми, кто был в плену или, будучи членами одной семьи, воевал по разные стороны баррикад? Есть ли время, желание и необходимость входить в положение каждого? В те далекие годы зачастую этого не делали.

Спустя неделю, мы возвратились с трофеями в батальон.

Начало июля. В частях заметили, по косвенным признакам, что скоро начнется новое наступление. Все учитывается, подгоняется, придирчиво проверяется, пополняется, замполиты проводят беседы и все чаще напоминают и разъясняют, как советские воины должны держать себя за пределами СССР, на территории Польши, Чехословакии, Румынии и т.д. Просматриваются танки — ходовая часть, моторы, пушки, пулеметы, боекомплект, горючее. Ночные учебные тревоги проверяют боевую готовность подразделения.

17 июля 1944 г. фронт приведен в движение. Мы построены в боевую колонну. Приказ — вперед. Вначале предполагалось, что мы

будем принимать участие в наступлении на Станиславском направлении, в освобождении г. Станислава (Ивано-Франковска). Не доезжая до Подгайцев, комбат получил по радио приказ остановиться. Не поверил этому. Подумал о том, что в нашу радиосвязь вписались фашистские дезинформаторы. Продолжал движение на Запад, пока не получил письменный приказ через офицера связи. Остановились. Ждали несколько часов. Гадали: почему? Что-то случилось. Очень важное и, наверно, непредвиденное — поэтому корпусу меняют боевую задачу. Мы замаскировали танки и ждем дальнейших распоряжений.

Не помню, каким образом мне попала в руки немецкая снайперская винтовка с оптическим прицелом. Раньше я никогда не стрелял из такой винтовки. Она легкая, меньше обычной, патронов — полная обойма. Решил пострелять из нее. Поставил пустую консервную банку и отошел метров на 50. Выстрел. В дно банки попал. Отошел еще метров на 25 — и вновь поразил цель. Отошел еще на полсотни шагов и вновь цель была поражена. Я себе на минутку представил, какую опасность представляют снайпера, вооруженные такой винтовкой для солдат на передовой в период позиционной войны, когда притупляется бдительность и пренебрегают маскировкой. Когда я об этом эксперименте рассказал за обедом капитану Червоному, командиру роты, он в присутствии нескольких танковых экипажей предложил повторить эксперимент, как учебу в будущих боях, особенно в городах. Ведь за каждым домом, окном, дверью может сидеть снайпер, вооруженный винтовкой с оптическим прицелом, опасный для механиков-водителей и танкистов в момент открытия люка башни и высовывания головы.

Причины нашей остановки стали ясны. Наши войска в первые же дни наступления окружили крупную группировку противника в районе г. Броды. Фашисты во что бы то ни стало стремились прорваться на Львов. Нам приказано срочно занять оборону в районе Золочева. Наш корпус совершил марш-бросок километров на 150. Ливневые дожди размыли дороги, а мы мчимся вперед. Прошли знаменитый Колтовский коридор, длиной 18 и шириной 4–6 километров. Колтовский коридор простреливался насквозь, но мы его прошли без потерь. Утром 21 июля мы заняли оборону в районе Золочева, вдоль какой-то болотистой речушки, с широкими левадами и высокой травой. Утром фашисты начали наступление. Много раз они наступали, но их попытки прорваться были неудачными. Под массированным огнем из всех видов оружия их атаки захлебывались. Иногда они нас теснили, порой нам приходилось менять боевые позиции, но до обеда мы прочно удерживали свои рубежи.

В этом бою у меня было такое происшествие. Оттащил раненого за куст, с целью маскировки. Вдруг вижу — рядом немец с автома-

том. Идет в нашу сторону. Кричу: «Hande hoch!» — и навожу на него автомат. Он поднял руки.

— Бросай оружие.— Он бросил автомат на землю. «Немец» мне говорит по по-украински:

— Брате мій, не стріляй. Я — українець!

— Как же ты оказался в немецкой форме?

— В село весною приїхали німці. Забрали нас, 16–17 річних хлопців. Три місяці муштрували в Бродах. Сьогодні ми брали участь у першому бою. Я прийшов до Вас у полон. Не хочу в німців воювати.

— Скидай френч,— говорю ему,— залишайся в спідній сорочці. Підіймай одну руку вгору та йди в полон.

— А додому можна?

— А де твоє село?

— Тут недалеко, кілометрів з 20.

— Ні, йди краще в полон, там з тобою розберуться. І ще, допоможи пораненому добратися до медичної частини. Це тобі зарахують.

В позиційному бою оказувати медичну допомогу було легше — не було необхідності далеко евакуювати поранених — все було рядом. Медики танкових подразделений фактично працювали на передовій з санітарною сумкою, з пістолетом або автоматом. Поранених було багато. Покидали поле боя тільки ті солдати, які не могли владати зброєю.

Во другій половині дня бій розгорівся з новою силою. Появились нові поранені. Наші трохи відступили. Танк командира роти, старшого лейтенанта Червоного застрів в болоті, сел на брюхо. Отойти не змог. Це всього в 100 метрах від нас. Танкісти стріляють, але фашисти наседають. Танкові екіпажі арт-огнем підтримують своєго комроты. Отсекають огнем від нього фашистів. Поєдинок тривав близько години. Атака. Танк Червоного взят на буксир і звільнений. Ввечері бій посилюється. Участь взяли атаки, арт-огонь противника став більш інтенсивним і прицільним. Як сталося, на колокольні був наводчик. Двома-трьма артилерійськими вистрелами колокольню знищили, а наводчика «зняли». День наближався до кінця, бій не стихав. Німці во що б то їм стало прагнуть вирватися з «котла», але безуспішно. Славно працювали наші важкі танки ІС. Вони були маломаневренні, але мали велику калібрну гармату — 120 мм, добре били по вогневим точкам противника. Успішно підбивали танки противника.

В цьому бою в кінці дня я був поранений. Я робив перев'язку солдат, пораненому в груди. Солдат поранений важко, малоподвижен. На вологому лузі рівно, ні укриття, ні бугорка — ми видні, як на долоні. Увранці була висока трава, майже до пояса людині, зараз вона втоптана і не може служити укриттям. Перев'язую солдата і бачу, що на бинти капає моя кров. Я навіть не відразу зрозумів, що ра-

нен. Правда, слетіла пілотка, але я подумав, що вона слетіла від руху голови. Потім кров стала заливати обличчя. Потрогав рукою лівий висок — волосся в крові і відчувається біль, але не сильна. Однак напружитися і перев'язувати пораненого стало важко. Лег на траву. Достав з сумки перев'язочний пакет, розірвав і перев'язав собі голову. Схоплююся на якийсь поранений, його важкість. Мене помітив санінструктор. Приполз, закінчив перев'язувати солдата, поклав його на плащ-палатку і поволок в тил. Я пополз сам в тил батальйона. За першими будинками відпочивав.

Пов'язка моя промокла кров'ю. Мене ще раз перев'язали. Внаслідок болю не відчував. Потім з'явилася сильна біль, шум в голові, слабкість і головобіль. Мене відправили в збірний пункт для відправки в госпіталь. В ньому я опинився серед поранених, яким надавав допомогу вдень. Мене розмістили в якомусь підвалі цегляного будинку. Ще нікого не евакуювали в медсанбат і госпіталь. В повітрі над дорогами свиріпала фашистська авіація. Ввечері нас доставили в медсанбат корпусу. Там я зустрівся з начальником медсанбату, майором медичної служби з яким був знайомий. Він оглянув мене, зробив рентгеновський знімок черепа, оглянув рани і сказав: «На цей раз ти відвався легко — дві рани, обидві поверхневі. Твоє щастя». Мені ввели морфій, протистолбнячну сыворотку, накормили і влаштували спати. Ноччю була слышна артилерійська канонада, де-то полыхали зарницы (вокруг були дожди і блискавки).

На світанку я зустрів нашу машину, на якій ноччю привезли поранених. На ній я поїхав до себе в частину. Проехать яких-небудь 20–25 км до Золочева було дуже легко. Дорога була забита машинами, повозками, автотягачами з артилерією, танками — фронт наступав, тили підтягивались. Навстрочу їхав санітарний транспорт — евакуював поранених з фронту. Часом близько 8–9 з'явилися групи німецьких в'язнів. Столько їх я ніколи раніше не бачив. Шли самі, без конвоїв. Кители зняті. На нижніх рукавах рукави підкачені. Шли строєм, в шерензі по 2 людини, групами по 6 — 20 людини. Один з них приймав командування і від імені всіх, говорив і запитав: «Гітлер — капає, де в'язні?». Словосполучення «Гітлер капає» набуло нового значення — пропуск в в'язні. К в'язням ставлення було сдержанне. Їх не трогали, вказували дорогу на збірний пункт в'язнів. Іноді хто-небудь в серцях в їх адресу проносив серію матюгів, але далі цього справа не шло. Видя велику кількість в'язнів фрицев, ми почали розуміти, що перемога — реальність і потрібно тільки довести справа до кінця. Це додавало сил.

Нашого батальйона в Золочеві не було. Від своїх тыловиків я дізнався, що його вивели з боя і розмістили на відпочинок в лісі в 20 км. На попутному транспорті к обіді 23 липня добрався до своїх. Обра-

довался я, обрадовались мне. Мой санинструктор и санитары в бою не пострадали. От них я узнал, что приказано привести себя в порядок — ожидают комкора, генерал-лейтенанта Полубоярова. Раньше я никогда не видел вблизи командира корпуса. Начали готовиться, вспоминать прошедший бой. В бою под Золочевым был ранен комбат Горенчук, убиты капитан Красов, замполит батальона и командир роты Червоный. Красову присвоено посмертно звание героя Советского Союза. Они похоронены в Золочеве. Одна из улиц этого города была названа именем Гвардии капитана Красова. Но в целом наша бригада с честью выдержала испытание боем. Враг не прошел. Бродская группировка была разгромлена. Намного позже мы узнали о количестве войск врага в Бродском котле и о значении этой битвы в Великой Отечественной войне.

Этому случаю была посвящена встреча с командиром корпуса. В лесу не предполагалось длительной стоянки, поэтому свой медицинский пункт разместили в брезентовой палатке. Хотя все время ждали комкора, но приехал он неожиданно. По тревоге выстроились наши танкисты. Генерал-лейтенант П. П. Полубояров, командир нашего корпуса, обошел шеренги наших бойцов. С кем-то поздоровался, кому-то пожал руку. Среди командного состава бригады он знал многих лично. После обхода строя пожелал сфотографироваться с наиболее отличившимися бойцами и офицерами. В это число попал и я. На голове была у меня белая повязка. Ранен, не покинул часть, значит, отличился. Сфотографировались. Вместе с генералом приехала группа кинохроники. Они снимали танкистов для истории и киножурнала. Жаль, что это было после тяжелых боев, многих отличившихся бойцов мы не досчитались.

Наступали на Львов, были свидетелями воздушного боя между фашистами и нашими летчиками. Наши ЯКи летали в паре. Неожиданно из-за облаков на один из наших истребителей устремился мессершмит и сбил его. Самолет загорелся и полетел вниз. Фашист развернулся и начал атаковать другой самолет. И после непродолжительного воздушного боя сбил второй наш истребитель. Мы с земли поддерживали наш самолет, групповыми выстрелами из винтовок и ручных пулеметов. Но видимо, было высоко. Второй ЯК также загорелся и начал падать вниз. Пилот развернул самолет на нашу территорию. Это ему удалось. Затем он выпрыгнул из кабины. Парашют раскрылся, и летчик стал спускаться. Фашист это увидел. Разворачивает самолет, обстреливает советского пилота, спускающегося на парашюте. Но это уже низко. 200–300 метров. Вновь мы начали обстреливать фашиста из всех видов оружия. Это помогло. Фашист улетел. Летчик приземлился на нейтральной полосе между нами и фашистами, но ближе к нашей передовой.

Санитары поспешили с собаками и вытащили летчика. Он обгорел: руки, лицо, голова. Ранений не было. На наши вопросы о том,

почему бой был неудачным, погибло два самолета и пилот, он ответил, что они шли с задания. Были без боеприпасов, а горячее почти на нуле — только до аэродрома. В этот момент их встретил мессершмит. У них, фактически, нечем было сражаться.

Во Львов мы вступили на рассвете 27 июля. Вначале гитлеровцы оказывали упорное сопротивление, но к вечеру они отступили в район железнодорожного вокзала, и там бои шли еще целую ночь. Вечером радио передало салют в честь освобождения г. Львова. Мы себя чувствовали именинниками. Наш медсанбат еще не успел прибыть в город. У меня же оказалось три человека раненых в живот. С операцией нужно было торопиться. Я отвез их в местную больницу.

Мы поместили раненых в общую палату, их осмотрел хирург и немедленно взял в операционную. Часа через три-четыре операции были закончены. К этому времени прибыли наши госпитали и мы перевезли наших солдат в госпиталь.

Львовяне нас встречали хорошо. Рассказывали, как им жилось в оккупации. Фашисты молодых людей угоняли в Германию. В городе было много объявлений немецкой комендатуры. Жители говорили, что за невыполнение приказа — расстрел.

В ходе разговоров с местным населением, мы обратили внимание на национальную рознь. На территории Львовской области в одном селе жили украинцы и поляки. Поляки обвиняли во всех грехах украинцев, а украинцы — поляков. Мы от подобных разговоров отвыкли. Мы были воспитаны в духе интернационализма, поэтому выступление с нападками одних людей на других только потому, что они другой нации, для нас было чуждо. Мы пытались об этом им говорить, но то, что вдалбливается веками, за 1–2 дня изменить нельзя.

Меня Львов поразил своей красотой. Последние годы мы жили в окопах, в землянках, в лесу. От самой Волги — разрушенные города и села. И вдруг — красивый, сохранившийся город. Я, сколько мог, вернее, сколько позволяли мне мои служебные обязанности, осматривал город. Возможности мои сковывались ранением. Все-таки ранение в голову, нужен был покой. А я все время в движении, на танке, мотор шумит, поэтому голова болит, болит тупой распирающей болью. Сказалась и влажность. Всю неделю летние ливневые дожди. У меня обострился гайморит. Видимо, он был также причиной головных болей. Поднялась температура, познабливает, но в самый разгар кампании не пойдешь в медсанбат. В один из дней (на марше во время наступления на Жешув) у меня с кашлем из носа выделилось все то, что накопилось в гайморовой полости. Мне стало легко. Головная боль утихла. Голова стала легкой, светлой, улучшилось настроение.

Мы на марше... Было воскресенье. По дороге идут танки с мотопехотой, а по обочине — молодые девчата в украинских национальных костюмах, с лентами на голове. Для нас это было

странно. В восточных районах страны вся молодежь занята на производстве, в сельском хозяйстве, обеспечивают фронт и тыл для победы всем необходимым. Но молодость есть молодость. Солдаты им шутки кричат, они не остаются в долгу, смеются, что-то отвечают по-украински, по-польски, приглашают в гости. Солдаты приглашения принимают, но спрашивают, не найдется ли место для танка, пока они будут любезничать. Хохот.

Мы как-то сходу перемахнули государственную границу СССР. Оказались на территории Польши. Дожди в Карпатах привели к наводнению рек. Даже небольшие речушки вздулись, переполнились водой и стали непроходимы. Мосты взорваны, повреждены или затоплены. Не было времени наводить мосты. Саперы предложили сделать трамплин и совершать прыжки. Сделали трамплин, уложили бревна, сцепили их металлическими скобами. Танк командира роты вышел на позицию, разогнался и на предельной скорости перепрыгнул речку. За ним последовали второй, третий танки. Четвертый уже не мог прыгнуть, развалился трамплин и то место, на которое приземлились предыдущие танки. Шутка ли — 24 тонны летит, пусть немного, 3—4 метра, но через речушку танк перескакивает. Саперы решили — лучше навести переправу, чем до конца разбить участки дороги, прилегающие к мосту. Общими усилиями переправа была наведена довольно быстро.

Мы больше были на марше, чем в бою. Впереди нас постреливали, мы продвигались, видели последствия боев, но сами в них не участвовали — шли во втором эшелоне, в резерве. Мы наблюдали за воздухом и радовались, что наши самолеты все время были над нами. Одна группа самолетов сменяла другую. Одни летели на бомбежку, другие возвращались с задания.

Небольшой бой был за Польское местечко Ланцут. Утром двинулись дальше. Бои стали упорнее. Впереди польский г. Жешув. Немцы не отходят. Их нужно выбить. Усилился арт-огонь, автоматная стрельба. Появилось много раненых. Дожди размыли дороги, ручейки превратились в реки. Наш транспорт не успевает вывозить раненых, раненые накапливаются в боевых порядках. Комбат приказывает привлечь транспорт местного населения для вывоза раненых. Запомнилась первая попытка привлечь поляка отвезти раненых в Ланцут. Захожу в ближайший польский двор.

— Добжий день, пан.

— Який же він добжий, як так стріляють? Коли вже це скінчиться?

— Для Вас через день-два скінчиться, для нас — ні. Пан, треба поранених до Ланцута, в шпиталь одвезти.

— Добже, пан лікар. Зараз запряжу коней і повезу. Я сел на призьбу хаты в тень и ожидаю. От усталости задремал. Вдруг слышу — поляк на подводе огородами на большой скорости уезжает в противоположную сторону.

— Пан, вертайся! — кричу. Не помогает. Оборачиваюсь к хозяйке:

— Верни его, а то хату спалю.

— Юзеку, вернись! — испугалась хозяйка.

Я вскинул автомат и дал длинную очередь вдогонку ему. Свистящие пули его отрезвили. Возвращается. Иду к нему. В голове тяжкие думы, так и хочется дать ему в морду. За них жизнь наши солдаты отдают, а он не захотел отвезти раненых в госпиталь каких-нибудь 10—12 км. Подъезжаем к раненым. Погрузили одного лежачего солдата и 4 сидящих. Говорю легко раненому — у него есть автомат:

— Смотри, пан такой, что вас может и к немцам завести или еще куда, а не в госпиталь. Если что в дороге заметите, не церемонитесь с ним — стреляйте в него.

Поляк все слышит. Молчит. Поляку говорю:

— Дивись, гад, не відвезеш поранених до шпиталю, я тобі хату таки спалю.

В Польше не только друзья были, но и враги. Они временами нам вредили. Жена поляка тоже прибежала. Слышит наш разговор. Поляк отвез раненых в госпиталь. Утром нашел меня и вручил записку от раненых. Он их доставил в госпиталь, и по дороге у какого-то своего родственника даже накормил. В общем, расстались по-хорошему.

Третье ранение

Второе августа 1944 года я помню как сейчас. День был жарким в прямом и переносном смысле. Мы на подступах к польскому Жешуву. Город уже виден. Бои были целый день с переменным успехом. Горенчука в батальоне нет. Он ранен, находится на лечении в нашей госпитальной базе. Командует его заместитель. Танки стреляют из-за укрытий, Разведчики доложили — впереди минные поля, поэтому танки использовать пока опасно. Должна пройти пехота; саперы разминируют дороги, а потом уже можно в дело пускать танки. Ситуация неприятная — разливы рек и минные поля очень затрудняли танковые операции. Среди экипажей танков раненых почти нет. Оказывали медицинскую помощь солдатам смежных подразделений, участвовавших в бою. День клонится к концу. Бой утихает. Я пришел на КП батальона узнать, нет ли сведений по радио от экипажей, которые воевали вдали от нас.

КП батальона располагался на территории брошенной богатой крестьянской усадьбы.

Большой каменный погреб располагался горловиной в сторону противника. Возле дома сидел капитан медицинской службы 3-мострелкового батальона Орлов. Я сел возле него обменяться впечатлением о бое. Возле меня справа присел подполковник из штаба бригады. Внезапно на территории КП разрывается несколько ар-

тиллерийских снарядов. Видимо, немцы запеленговали рацию. После первых разрывов люди бросились в погреб. Один снаряд угодил через вход в погреб и разорвался внутри. Там получилось человеческое месиво.

Был ранен командир 2 танкового батальона. Капитан медслужбы Орлов, сидевший от меня слева, не пострадал. Меня ранило в правую голень над пяткой и чуть ниже коленного сустава. Офицера из штаба бригады, сидевшего справа от меня, убило. В который раз смерть была рядом со мною.

Появилось сразу много раненых и убитых. Первую помощь и на этот раз оказал себе сам. Ножом распорол сапог и брюки. Понял — перебита большая берцовая кость чуть ниже коленного сустава. Ранение сквозное: имеются входное и выходное отверстия. Достал перевязочный пакет и перевязал рану. Повязка промокла. Дополнительно намотал бинт на ногу, но повязка сильно промокала. Появилась сильнейшая боль в ноге. Санинструктор наложил мне шину, ввел морфий. Нас, раненых, перенесли в укрытие, в тот же погреб, из которого выносили убитых бойцов и офицеров. В погребе мы находились дотемна. Из-за разлива рек машины к нам не пришли. Решено всех раненых погрузить на танк и отвезти в Ланцут, где находился госпиталь. Около полуночи я оказался в одном из госпиталей в Ланцуте, где встретил капитана Терещука, героя Советского Союза. Ему размозжило палец сорвавшимся люком. Я узнал его и окликнул. Обменялись последними событиями.

Меня взяли в перевязочную. Сменили повязку, наложили шину Дитерикса и отправили в палату. Видимо, раньше это была школа. Палаты большие и много легко и тяжело раненых. На второй день у меня поднялась высокая температура, ночами я бредил. Последующие двое суток все это продолжается. Ко мне приставили сиделку — старого солдата. Утром он мне рассказывает, что ночью я бредил, кричал: «Наводи пушку, стреляй!» Хватался за раненую ногу в шине и пытался навести ее как пушку на цель. Температура септическая. Из врачей ко мне никто не подходит. Много раненых. Им не до меня. От кого-то в палате я услышал, что в Ланцуте находится госпиталь, где мне делали операцию на челюсти. Я написал записку Алексею Михайловичу, хирургу, который ранее меня оперировал. Он вскоре пришел. Их госпиталь только приехал, еще не развернулся. Он зашел в палату. Я его сразу узнал. Окликнул. У него вырвалось: «До чего же тебя разделали».

Действительно: на голове повязка от предыдущего ранения, а теперь ранена нога. Я сказал ему о температуре, о болях. Он понял, почему я его пригласил и вышел. Через несколько минут меня взяли в операционную. Дали хлорэтиловый наркоз, который раньше я давал не один раз раненым. В носовой перегородке появилась очень резкая боль, будто перегородку вырвали щипцами. Потом боль ста-

ла утихать, но появилось чувство, будто я падаю в глубокую темную яму, держусь за край ее обеими руками, но силы уходят, и я проваливаюсь, лечу в пропасть. В этот момент стало жаль себя, и сознание отключилось. Проснулся вечером. В маленькой палате нас четверо. Говорят, приходил Алексей Михайлович, но я спал. На другой и в последующие дни он навестить меня не смог. У них тоже стало много работы. Борьба за Сандомирский плацдарм была очень тяжелой. Много было работы и хирургам. Я с тем же солдатом послал Алексею Михайловичу записку, в которой благодарил за помощь и сообщал, что чувствую себя лучше. Я, действительно, после операции почувствовал себя лучше. Наложили гипсовую повязку. Уменьшилась боль, начала снижаться температура.

Даже в таком тяжелом и трудном положении бывают минуты радости. Окна моей палаты выходили на Север. В них было сыро и гипс плохо сох. Меня вынесли во двор госпиталя, на солнце. Я четко слышу голос Феодосия Ивановича Горенчука, который разговаривал со своим ординарцем Семеном. Я обрадовался. Окликнул их. Ф.И. Горенчук, находясь на лечении, узнал, что я в госпитале и навестил меня. Радость встречи с боевыми товарищами трудно описать. Говорят, трудности сближают людей. Я бы добавил — смертельная опасность в бою роднит боевых товарищей. Вот почему годы не сглаживают память о боевых товарищах ни в молодом, ни в зрелом возрасте, ни в старости.

Я заметил некоторое смущение или замешательство на лице комбата, когда он увидел меня. Понял — я сильно изменился. Болезнь не красит. Расспросы о здоровье, обстоятельствах ранения. В общих чертах он уже знал, что произошло у нас на КП 2 августа. Разговор перевели на тяжелые и упорные бои за Сандомирский плацдарм, в котором продолжают участвовать наши подразделения. Ф.И. Горенчук с нетерпением ждал разрешения возвратиться в батальон. Возобновился прерванный разговор о закономерностях и случайностях. Его вел Феодосий Иванович с каким-то офицером, мне не знакомым, который был с ним. Пока мы обменивались батальонными новостями, он молча слушал, разрабатывая пальцы раненой левой руки. Не помню деталей, остались в памяти обрывки разговора: гибель и ранение солдат во время войны — закономерность, а кого именно ранят или убьют — это случайность.

После визита комбата ко мне несколько раз приезжали товарищи из батальона с различного рода передачами для восстановления здоровья. Кушать не хотелось, отдавал товарищам по палате.

Лежа на больничной койке, часто возвращался к разговору комбата о закономерностях и случайностях на войне. Различается поведение солдат и офицеров накануне боя. Одни чрезмерно веселые, балагурят, рассказывают всякие смешные небылицы. Они всегда находятся в окружении товарищей. От них всегда ждут чего-то весело-

го, смешного. Рассказ бывает и не всегда смешным, но все смеются, иногда заразительно, как бы поощряя рассказчика к следующей небывлице. Некоторые рассказы или анекдоты все знают, но после очередного рассказа все смеются. Много рассказов было о наших же солдатах, в которых речь шла о храбрости, о трусости, о растерянности, о какой-либо смешной ситуации. Одним словом, рассказы и анекдоты были из быта солдат. Кому-то что-то подстроили ради шутки, а затем тайком наблюдали за реакцией — иногда это было смешно, а иногда трагично, шутки были разные. Любили веселых солдат, которые не огорчались и даже как бы подзадоривали рассказчика, когда он рассказывал о его растерянности, промахе или же неадекватной реакции на действие.

Другие солдаты во время таких рассказов огорчались, вели себя нервозно, скандально, задиристо или совсем плохо, иногда обращались с жалобами к начальству. Вообще ябед и доносчиков нигде не любят. Наоборот, любят и уважают веселых балагуров, и даже берегут их в бою, особенно певцов и музыкантов.

Другие солдаты перед боем замыкались в себе, иногда рассказывали о золотых довоенных днях, о своей семье, жене, детях. Доставали фотографии, подолгу их рассматривали, ища какие-то новые, ранее не замеченные дорожные детали. Иногда писали письма домой, или по несколько раз обращались к товарищам, чтобы не забыли сообщить семье, если они погибнут в бою. Нередко случилось так, что именно эти солдаты гибли в бою. Что это — предчувствие? Существует ли оно? Каждый солдат или офицер, идя в бой, не застрахован от смерти. Как говорят, в бою все равны, но одни чувствуют приближение несчастья, другие — нет. Что это — случайность или закономерность? Какова достоверность предчувствия? Но многое сбывалось. Вчера переживал — сегодня погиб. Было ли у меня предчувствие? Не помню. Был такой случай. Солдаты и офицеры в бою суеверны, верят в приметы. Когда нас вернули со Станиславского направления на Броды — у меня на марше слетела пилотка. Бойцы, бывшие со мной на танке, в один голос заявили: плохая примета. Я не придавал этому особого значения, но через три дня, 21 июля меня ранило. В голове сразу (не потом, а сразу) пробежала мысль: исполнилась примета значит, где-то подспудно, я думал о ней и, возможно, ждал исполнения. Тут много спорного. А может быть то ранение — счастье. Останься в бою до конца — могло бы убить, а легкое ранение предупредило гибель или более тяжелое ранение. Словом, это сложный философский вопрос и вряд ли его можно разрешить.

А вот еще о закономерностях и случайностях фронтовой жизни. Это было в самом конце февраля. Стояли мы в Славуте. Распутица, дороги размыты. С продовольствием было плохо. Замкомбата послали в наши тыловые учреждения для подвоза продовольствия.

Мне нужны были перевязочные материалы — я поехал с ним. Взяли еще двух солдат. Поехали рано утром по подмерзшим дорогам. Ехать нужно было километров 30–35 в г. Стрий. Добрались мы туда к обеду. Справились со своими делами часам к 4–5. День был теплый, солнечный. Дороги еще больше развезло. Стало ясно, что на своей загруженной полуторке без цепей на колесах в расположение части мы не доберемся. Застрянем в дороге. Не поедем по дамбе через пойму реки Горынь. Дамба была совершенно разбита. Капитан послал одного из солдат в Славуту за буксиром (танком). Места бандеровские, для нас опасные. Минут через 15 замкомбата обращается ко мне: «Доктор, опасно бойцу идти в одиночку. Далеко он не ушел, догони его. Идите вместе».

Взял автомат и две обоймы патронов. Побежал вдогонку. На ногу я был легкий. Выбежал из Острога на дамбу. Она просматривается хорошо, километра на 1,5. Солдата не видно. Подумал — уже он скрылся в лесу, который начинался за дамбой. Дорога предстояла лесом и мимо лесных деревень. Я уже более часа в пути. Иду быстро. Местами бегу трусцой. Стемнело. Солдата не видно. Время близится к полуночи. Солдата не видно. Правда, ночь темная, только светят яркие звезды. Чтобы не так тоскливо и не так страшно было, иду и думаю о том, что было в моей жизни приятного. В одном селе в доме увидел свет в окне. Может быть, солдат отдыхает здесь? Стучу в окно. Свет погас. На мой вопрос — ответ: «Никакого солдата у нас нет». Иду дальше. Рассвело. Пришел к себе в часть. Передал приказание о буксире. Узнал, что солдат еще не пришел. Ушел спать, думал, что мы с ним разминувшись на лесных дорогах.

К вечеру прибуксировали нашу машину. Солдат в часть не явился. Не появился он и в последующие дни. Не появился он и в соседних подразделениях. Канул в лесу. Пропал. Попал к бандеровцам? Возможно. Я шел следом. В начале пути нас разделяло минут 15–20 — это 2–2,5 км. Потом я к нему приблизился, потому, что вначале пути я много делал перебежек, бежал. Выстрелов не слышал. Но, с другой стороны, бандеровцы, действуя у нас в тылу, в таких ситуациях старались не очень шуметь. Брали наших солдат без выстрелов, тихо.

Закономерность — бандеровцы устраивали засады для наших войск, случайность — попался солдат, а не я. Шел бы первым, возможно, меня постигла бы участь солдата.

Я не по дням, а по часам поправлялся и креп. Появилась сила, раны на голове зажили. Попросил себя постричь под бокс, и таким образом выровнять волосы, выстриженные вокруг раны на левом виске. Гипс избавил меня от болей. Встать нельзя — нога наливается кровью, тяжелеет, распирает, появляется сильная боль. Нужно лежать. Скучно. Ни радио, ни книг, ни газет. Выздоровливающие в карты режутся, выигравшие к вечеру «сообщают» с выпивкой.

Небольшая выпивка — хорошая разрядка. Это им нужно. Правда, они становятся шумными. Мешают тяжело раненым. Ну да ладно, переживем.

Меня должны уже скоро отправить в тыл. Прошу своих ребят разыскать и доставить мои документы и в частности, зачетную книжку из академии, по которой я имел право на восстановление в академию после выздоровления. Ее не нашли, со мною остались только те документы, что помещались в кармане гимнастерки: партбилет, справка о первом ранении, орденская и офицерская книжка. Но зато привезли много продуктов и выпивки, что было весьма кстати.

В один из дней, в середине августа, нас погрузили в машины и отвезли на вокзал, на погрузку в санитарный поезд. В самый разгар погрузки налетели фашистские самолеты. Начали состав обстреливать из пулеметов. Санитары-носильщики снесли меня в укрытие, неосторожно поставили носилки на землю и сломали мне типовую повязку, как раз над переломом. Появилась резкая боль в ноге. Морфий помогал мало. В пути на стыках вагоны подсакивали — боль неимоверная. Медики просят потерпеть — много работы. Терплю. Часа через 3—4 мне дополнительно подгипсовали ногу. Боль вскоре утихла. Словом, гипсовая повязка при переломах — большое дело! Утром наш эшелон прибыл во Львов. Нас поместили в госпиталь. Условия хорошие. Раненых в ноги много, видимо была сортировка. Одна сестра, звали ее Калерия, молодая красивая брюнетка. Энергичная, быстрая, улыбчивая. Всем она нравилась, но работа у нее была сверхчеловеческая. Она изматывалась, а раненые все кричали: «Калерия, Калерия!» — звали ее на помощь. И она шла.

Госпиталь в Киеве

Во Львове я находился не более недели. Вновь эшелон. Через Проскуров (Хмельницкий) нас доставили в Киев. Из эвакогоспиталя, который находился где-то на Лукьяновке, меня переправили в госпиталь, который располагался на углу ул. Красноармейской и Федорова. Теперь в этих зданиях — Институт иностранных языков, школа КГБ. Прошел месяц после ранения. Еще далеко до конца моего лечения. В Киеве сделали впервые рентгеновские снимки. Выяснили, что малоберцовая кость цела. Большой дефект в большеберцовой кости. Кости поражены остеомиелитом. Все типично для моего ранения. Предстоит операция и, может, не одна. Лечащий врач — Татьяна Федотовна, крупная, красивая, энергичная украинка, веселая, жизнерадостная — типичная Одарка из оперы «Запорожец за Дунаем». Мы всегда с напарником ждали ее обхода. Для каждого она находила хорошее слово, ласковое, нежное.

Начало пребывания в госпитале у меня совпало с обострением остеомиелита: высокая температура с ознобами. В палате много выздоравливающих. С ними хорошо — они помогают нам, лежачим, в наших немногочисленных просьбах, а плохо потому, что ведут себя шумно, не обращая внимания на нас, тяжелых.

Постепенно знакомлюсь с людьми по палате, сестрами, санитарками. Списался со своими родными, вернее написал им письма, но от них ничего не ждал, т.к. в течение месяца поменял три адреса. Не уверен, что это письмо дошло к ним, на Урал, в село Кундровы Челябинской области. Вначале войны отец с семьей эвакуировался с заводом №144 из Сталино в Миасс, но из-за отсутствия жилья он переехал в совхоз в с. Кундровы, где работал бухгалтером. Написал я письмо Жене Панкевич, с которой учился в школе. Она письмом сообщила Мише Соколову мой адрес. Миша был моим соучеником по школе и тогда жил в Киеве. По болезни его в армию не призвали. Миша меня навестил. Было много разговоров. Он страдал туберкулезом и был освобожден от призыва в армию. Рассказал мне о своих злоключениях в оккупации в Сталино, о наших общих знакомых.

Наш соученик Шестаков, сидевший со мной за одной партией служил полицейским и сбежал с оккупантами. Преподаватель математики Константин Петрович при оккупантах был старостой. Большинство ребят были в армии. Девчата — кто где: кто в эвакуации, кто в оккупации. Среди ребят изменников, кроме названных, не было. Во время оккупации в Сталино школы не работали, учителя-женщины перебивались, как могли. Жили тяжело, надеждами на будущее. Картина была грустная. Прошло немногим более 3 лет, а как изменились судьбы людей. Всех разбросало. Многих уже нет в живых. Одни, как я, воюют или в госпиталях, другие — работают, третьи — пытаются устроиться на учебу в институты, которые после освобождения начали набирать студентов.

Миша ушел, а в голове — рой мыслей, воспоминаний. Я пытался объяснить — и не мог: как Сергей Шестаков стал полицаем? Сын бедных родителей. Сидели с ним за одной партией, были комсомольцами. Он даже был председателем ученического комитета школы. Хорошо учился. Никогда за ним не замечалось антисоветских высказываний. В начале войны он один из первых принес заявление о желании добровольно вступить в армию. И на тебе — полицейский. Как его завербовали? Как это случилось? Проявил безволие? Или волю неокрепшего юнца подавила оккупация и фашистская пропаганда?

А Константин Петрович. Его учащиеся любили, он пользовался авторитетом — за умение сказать острое слово, отпаривать зарвавшегося ученику. Константин Петрович тоже оказался предателем и уехал с фашистами.

По прибытии в Киев, я написал письмо своей первой школьной учительнице, Вере Филипповне Заваревой. Опустил письмо в почтовый ящик и надеюсь на ответ.

В один из дней шум в коридоре госпиталя. Шумят пионеры. Ищут меня. Зашли в палату. Вижу Веру Филипповну. Она, как всегда, в пенсне. Меня, конечно, не узнала, но я узнал ее. Обмен приветствиями. Она объявила, что в честь воинов-освободителей пионеры ее класса приготовили концерт. Пионеры худенькие, очень скромно одетые, глаза большие, в них удивление и страх. У многих папы и дедушки на фронте, в госпиталях, в армии, погибли на фронте или вернулись инвалидами. Читают стихи, поют пионерские песни. Во время концерта многие офицеры плакали, не выдерживали, уходили в коридор. Пришли раненные из других палат. После концерта раненные расхватили ребят, угостили чем смогли из своего скромного пайка, одарили детей чем смогли. Этот концерт долго вспоминали офицеры моей палаты. Каждый смотрел на чужих детей и вспоминал своих: они такие же худенькие, такие же любопытные, такие дорогие, и без них жизнь — не жизнь.

На 24 октября мне назначили операцию, а 28 — день моего рождения. Операцию мне делала Мария Павловна Сибиркова. До войны она работала ассистентом проф. Н.И. Ищенко в Киевском медицинском институте. Операция, как мне сообщили, прошла хорошо. Наложили гипсовую повязку. Заверили: все будет хорошо. Остается только ждать. Послеоперационный период протекал хорошо. Отпраздновал свой день рождения. Посидели, поговорили. Это была первая выпивка после ранения — подействовала опьяняюще, хотя я и не злоупотреблял. Как водится, выпили за Победу над фашизмом.

Постепенно я стал выходить в город. Помню: Октябрьские праздники встречал у Соколовых. Потом я несколько раз у них бывал. Мать их — Ксения Филипповна, наблюдательная и умная от природы женщина, была удивительной рассказчицей. Это качество она передала всем своим детям.

Ксения Филипповна много рассказывала о жизни шахтеров рудника Ветка, начиная с дореволюционных времен. О первых комсомольцах (Аня, ее дочь была среди них), о муже, который злоупотреблял алкоголем, об оккупации и о многом другом — у каждого человека за жизнь накапливается много такого, о чем можно рассказать.

Миша и Анна Георгиевна — больше театралы. Пристрастили и меня к театру. Денежное довольствие получал регулярно. Харчи госпитальные. Режим у нас был свободным. Не запрещали ходить в театр, кино. Начиная с ноября 1944 по май 1945 — я пересмотрел весь репертуар Оперного театра, театров Леси Украинки и Франко. Театр оперетты был нашим подшефным, поэтому туда мы ходили запросто: иногда по билетам, а чаще по — приглашению. Подшефными нашего госпиталя были также мебельная фабрика Боженко, винный

завод. Мы не раз с подарками винзавода отправлялись в театр оперетты или в дом за театром, где жили артисты. В одной квартире жило по 3—4 и даже 5 семей, но они всегда были гостеприимны, не сотовали на жизнь, были веселы. У меня тогда сложилось впечатление, что актеры — это взрослые дети. Они очень добры и не приспособлены к жизни. Их легко обидеть, обхитрить. Они часто являлись жертвой аферистов на рынке, когда обменивали вещи на еду.

Случилась у меня неприятность. Когда я уезжал из госпиталя в Ланцуте, мне мои однополчане принесли новые сапоги, гимнастерку, брюки и даже шинель. Пока я лежал — все было на складе. Начал ходить — все находилось в палате. Мы часто шли друг другу на встречу, одалживая при необходимости ту или иную вещь. Однажды ко мне обратился офицер из моей палаты с просьбой дать свое обмундирование для того, чтобы сходить в гости. Поздно вечером он является в палату раздетый, в одном исподнем белье и носках, говорит — раздели. Тогда это случалось. От компенсации он как-то уклонился. Вскоре он выписался из госпиталя и уехал. Кому-то он проговорился, что не его раздели, а разделся он сам, возле госпиталя, и вещи забрали те, кто его сопровождал.

Нет худа без добра. Выход в город без одежды невозможен, дело идет к зиме, сейчас ноябрь. Шинель нужна. А что делать? Радио нет, света тоже, темнеет рано. Книги — их тоже нет. Можно купить. Мне попался у букиниста томик К.Симонова «С тобой и без тебя». Я купил. Прочел. Понравилось. Начал учить стихи наизусть. С одной стороны тренировка памяти — ведь учебу продолжить нужно, а с другой — приятно знать хорошие стихи. Начал учить. Сначала давалось туго. Но со временем все наладилось. За какие-нибудь полтора месяца я выучил всю книгу стихов на память. Потом взялся за «Мцыри» и «Маскарад» Лермонтова.

Каждый вечер в палате начинались литературные чтения. «Виктор, прочти ...». Читаю. «Теперь это прочти». — Читаю. Читаю по 3—4 часа почти каждый вечер. У моих соседей по палате появились любимые стихи или любимые места из «Мцыри» или «Маскарада». Вечерние чтения меня очень увлекли, и я деятельно готовился к вечеру. Это компенсировало прогулки по городу, посещение театров.

Наш госпиталь менял дислокацию и по этой причине передавал нас новому госпиталю, который прибыл из г. Иваново. Как и всякая передача в армии, она проходила в присутствии начальников обоих госпиталей. На обходе попросили поставить нам радиоточку в палате. Радиоточки не оказалось — дали наушники. Месяца четыре с ними не расставался. Радиопрограммы были хорошо продуманы, сколько полезной и нужной информации они дают слушателю! Какие политические, экономические, военные и научные обзоры передавались. В программе постоянно были симфонические концерты. Сколько удовольствия доставляли «Театр перед микрофоном» и

концерты песен композиторов всего мира. С тех пор к радио относиться с большой симпатией, даже сейчас, когда есть телевидение.

Коллектив нового госпиталя ради знакомства устроил вечер художественной самодеятельности и пригласил, нас, раненых. Когда мы пришли в зал, не узнали наших сестричек: все нарядные, платья цветастые, прически разнообразные, глаза горят... Приехали они из г. Иваново — ситцевого края, где было легче принарядиться. У наших больных глаза разгорелись — неделю шли различные разговоры о концерте и не только. Чувствовался конец войны и многие решили причалять, выписываясь из госпиталя, увозили сестру уже в качестве жены.

Я скучал без серьезной работы. Как-то я предложил перевязочной сестре помощь в наложении кокситной гипсовой повязки, другой раз — торакобрахиальной — самые сложные гипсовые повязки при повреждении бедра и плеча. После этого меня начали регулярно привлекать к работе в перевязочной и гипсовочной, хотя я еще сам плохо держался на ногах. Работал сидя. Мне приделали к моей гипсовой повязке стремя, что позволяло наступать на раненую ногу в гипсовой повязке. Вскоре включился в хирургическую работу в операционной, в качестве ассистента. В госпитале были две женщины хирурга. В гражданском прошлом одна из них была педиатром, другая — стоматологом. На свою хирургическую деятельность они смотрели как на временное дело, оперировали без желания, поэтому я каждый раз одну из них подменял. Большинство операций сводилось к удалению осколков из мышц спины, головы и бедра. Я научился находить и определять место расположения осколков, правда, мне далеко не всегда разрешали их удалять, был на вторых и даже на третьих ролях, но тогда это меня вполне устраивало. Я уже тогда понял: моя будущая профессия — хирургия.

Зимой у меня обострился в очередной раз гайморит. В госпитале, где я находился, служил челюстно-лицевой хирург Фришман из Харькова, по-моему, он был доцентом. Он осмотрел меня и предложил очередную операцию. Это уже четвертая после ранения в челюсть. Выбирать мне не из чего было. Я согласился на операцию. Ее делали под местной анестезией. Долотом и молотком долбят верхнюю челюсть. Искры из глаз сыплются. На операционном столе лежу так, что стола касаются только пятки и затылок. Казалось, что операция длится вечность. Наконец, все закончилось. Отвезли меня в палату. Говорить трудно, челюсть и щека, как не мои. На завтра узнаю, что металлический осколок гайморовой полости, причина всех моих бед, и на этот раз не удален. Значит, возможны еще обострения. Фришман успокаивает: «Прорубили большое окно из гайморовой полости в носовой ход. Обострений не должно быть». Спасибо и на том. Я же знаю, что не всегда медики могут помочь пациентам на 100 %. Спасибо за то, что сделали и за то, что обнадежили.

Выздоровление шло медленно, возможно, из-за того, что не удалили осколок из гайморовой полости. В конце февраля новая напасть — желтуха. Тогда рассматривали ее как проявление гепатита, сейчас бы сказали: болезнь Боткина. Заразился я, наверно, во время переливания крови или во время многочисленных операций, которые делали без перчаток.

В госпитале уже 7 месяцев, а выздоровления нет. Гипсовую повязку сняли. Рана еще не зажила. Заживает медленно — из-за большого дефекта кости. Желтуха также замедлила репаративный процесс в ране.

Весной 1945 г. я списался с Ленинградской военно-медицинской академией о возможности восстановления на учебу в академии. Когда расформировали Куйбышевскую военно-медицинскую академию, нам объявили, что все наши архивы будут в Ленинградской военно-медицинской академии. Через время я получил ответ за подписью Вилесова, бывшего начальника Куйбышевской военно-медицинской академии, что вопрос о восстановлении на учебу в академии может быть решен после выписки из госпиталя и признания военно-медицинской комиссией годности к строевой службе. Я понял: двери академии передо мной закрыты. Медицинское образование нужно заканчивать в институте.

Раза два ко мне приезжали отцовы сестры из Ивановки: тетя Явдоха (Евдокия) и тетя Ирина. Они привезли мне немного продуктов, которые мы всей палатой съели на второй же день. Две уже немолодые женщины произносили такие речи раненым офицерам, что те ахнули. Несмотря на тяжелый сельский труд, они не унывали. Женщины сами пахали, косили хлеб, молотили зерно, вывозили хлеб на элеватор. Пожелали нам скорейшего выздоровления и победы над Гитлером.

Однажды в воскресенье я съездил к ним в село. Деревни полупустые: мужиков нет, одни женщины и дети. С едой еще так — саяк, а с одеждой — плохо. За годы войны пообносились. Рассказали мне, как немцы расстреляли моего дядю Григория прямо у него во дворе на хуторе Полковничьем. Позже о расстреле крестьян в хуторе Полковничьем много писали. Двоюродный брат Прокоп погиб на фронте. Погиб в лагере для военнопленных родной брат отца — Прокоп. Дядья Михалко и Яков служат в армии.

В один из воскресных дней съездил в Белую Церковь к дяде Федоту. Интересный человек. Был председателем сельсовета в с. Насташка Рокитнянского района, участвовал в коллективизации, раскулачивании. Перед войной выехал из села — тяжело было встречаться с односельчанами. Последнее время служил ездовым в райисполкоме. Я приехал в Белую Церковь ночью — центр разрушен совершенно. До войны город был небольшим, но уютным, в центре строения двух-трех этажные. Сейчас все в развалинах. Ночь. Про-

хожих нет. Спросить адрес не у кого. Жили они хотя и в центре, но в частном неказистом, приземистом домике. По довоенным приметам нашел дом, который еще больше врос в землю. Стучусь, назвал себя, признали, открыли. Было уже утро. За завтраком узнал, что война принесла беды семье дяди Федота: Петро потерял руку, у дочери Нины погиб муж. Осталось трое малых детей.

Наступила весна. Перед Пасхой начали говорить, что во Владимирском Соборе службу будет править Алексей — Патриарх Всея Руси. Рискнул пойти. Это было где-то в третьей декаде апреля. Интересно посмотреть на Патриарха и как он правит службу. Народу было много, как в переполненном трамвае. Я все-таки пробрался в Собор и хорошо видел Патриарха. Рост средний, седой, окладистая борода, в высоком головном уборе, длинной светлой одежде с крестом на груди. Его сопровождали 4–5 молодых монахов. Проповедь его касалась войны и тягот, выпавших на долю верующих — не на народ, а на верующих. Далее он произнес такую фразу: «Помолимся за раба божьего Иосифа Сталина. Пусть Всевышний даст ему силы и мудрость разбить супостата Гитлера». Крестится, низко кланяется. Верующие в церкви крестятся, кланяются. Желает генералиссимусу здоровья и победы над фашистскими супостатами. В проповеди было обращение к верующим жертвовать средства в фонд обороны страны, в фонд детям-сиротам и в фонд храма. Монахи снуют с металлическими сундучками между людьми в Соборе, собирают пожертвования. Нужно сказать, что люди много жертвовали во все три сундучка. Простоять долго не мог — духота, со всех сторон давят, толкаются. Много неверующих, а любопытных, как и я.

30 апреля меня пригласила Анна Георгиевна на торжественный вечер, который проводили ЦК партии и Совмин УССР, посвященный Первому мая. Вечер состоялся в помещении Оперного театра. Доклад делал министр иностранных дел Дмитрий Захарович Мануильский — соратник Ленина. Один из тех, кто делал революцию. Его встретили аплодисментами. Вышел он на трибуну без единой бумажки, за 45 минут прочитал доклад. Прекрасная дикция, четкое и ясное изложение мысли, простые и понятные слова. Шел 1945 год. Наши войска в Берлине, близится конец войны, выходят на первое место послевоенные проблемы. Этой теме и был посвящен его доклад. Потом был концерт.

В госпиталь вернулся под большим впечатлением от Мануильского, от его ораторского искусства, от умения четко и ясно излагать свои мысли, логически и последовательно мыслить.

Вспомнил я и А.С. Щербакова, первого секретаря Донецкого обкома партии. Это было в 1939 году. Отец взял меня с собой на совещание пропагандистов, на котором выступал А.С. Щербаков. Он как-то быстро из-за кулис вышел на трибуну, остановил жестом ру-

ки аплодисменты и сразу начал говорить о международном положении Советского Союза. Удивительно четко и ясно он излагал сложные международные переплетения. Ясная дикция, логическая связь различных событий. Я был очарован докладом выдающегося человека.

Я понял, как нужно говорить, как держать связь с аудиторией, как нужно держать слушателей в постоянном напряжении и внимании. Овация, которая разразилась в конце доклада, была вполне заслуженной.

Пришел в палату. Офицеры еще не спали. Беседовали, в картишки время коротали. Я рассказал, где был и кого слушал. Пересказал речь Д.З. Мануильского. На следующий день, когда мы получили газеты с докладом Д.З. Мануильского, оказалось, что я им пересказал ее полностью, ничего не пропустив.

В Киеве 1 Мая парада не было. Вместо праздника для всех трудовые будни — дополнительная продукция необходима для разгрома врага.

День Победы

Апрель и май 1945 года были полны интересными событиями военно-политического характера. Война перенесена на территорию Рейха. В печати появились тревожные сообщения о действиях союзников. Закулисные сепаратные переговоры американцев с немцами в Швейцарии. Черчилль распорядился пленных немцев не разоружать. Фашисты при первой возможности сдавались в плен американским солдатам. Американским разведчикам сдавались в плен не то что роты, а полки немецких солдат. Это понятно. Они хотели сдаться в плен солдатам той страны, которой меньше всего причинили несчастий. Рассчитывали на милосердие. Наши корреспонденты писали, что достаточно было появиться американскому взводу, как сдавались батальоны и полки фашистов. Писали о том, как американцы гонялись за учеными, патентами, ценными бумагами. Американцы из Германии увезли золото Чехословакии. Немецкие промышленники через нейтральные страны договаривались с американскими бизнесменами о послевоенном сотрудничестве, о сохранении промышленного потенциала. Американские банкиры во время войны открывали двери фашистских концлагерей для евреев за автомобили, горючее и другие стратегические материалы, которые шли на поддержку стабильности немецких войск на Восточном фронте. Сенсации одна за другой: исчезновение Бормана, самоубийство Гитлера и Геббельса.

Немцы открывали Западный фронт союзникам. На Восточном фронте они ожесточенно дрались, чтобы союзники захватили больше западных территорий Германии. Хорошо известны кровопролит-

ные бои под Кенигсбергом, Познанью, на Балатоне. Германии объявили войну Болгария, Румыния, Италия. В конце войны в состоянии войны с Германией оказалось полмира.

Мы в госпитале внимательно следили за боями под Берлином. Ждали, что вот-вот — конец войне. Все дни мы почти не отходили от радио. Оно было включено круглые сутки. Мы ждали, смотрели на репродукторы, и задавали один и тот же вопрос: «Когда сообщат два долгожданных слова «капитуляция» и «победа?»» Ночью 8 мая 1995 года голос Левитана из Москвы сообщил: «Победа! Полная капитуляция фашистской Германии!»

Что было, когда Москва сообщила о Победе! Было такое впечатление, что в госпитале никто не спит. Все вскочили со своих мест, обнимаются, плачут, смеются, кричат «Ура!», славят Сталина, любимых маршалов. Раненые нашей палаты повыскакивали в коридор, обнимаются с ранеными из других палат. Трудно описать, что было. Столько эмоций, радости. Победили! Выжили!

С нами лечился югославский офицер. Он был всегда нелюдим и сообщение о Победе он один перенес сдержанно.

Прошла волна первой радости. Многие инвалиды, тяжелые каляки. Как жить? Где семья? Как родные? Где жить, ведь жилище разрушено? Но мрачные мысли отходили на второй план. Главное — доконали фашистов, выжили — остальное в наших силах. Восстанем!

Дождались рассвета. Вышли на улицу. Куда идти? Крещатик разрушен. Кричат: «На площадь Богдана Хмельницкого!» Пошел и я. На Красноармейской много народу, все движутся на площадь. Незнакомые люди поздравляют друг друга, обнимаются, целуются. Многие офицеры, фронтовиков с орденами качают, подбрасывают вверх. На площадь много народу прибывает с Житомирской, с Крещатика, с Подола — люди идут и идут. На площади стихия — никто не командует, нет трибун, нет общего митинга, нет руководителей партии и правительства УССР. Митингуют в каждой группе, доминируют люди с басами и баритонами. Провозглашают лозунги в честь партии, Советской власти, Советской Армии, Сталина. Наконец, масса людей стихийно двинулась по Владимирской, в сторону Оперного театра. Движением колонны никто не руководил. Такое впечатление, что все киевляне собрались в центре города, идут по Владимирской, кричат здравницу. Демонстрация возникла стихийно с рассветом. Лозунгов, портретов, флагов было очень мало.

Людям нужно было выплеснуть свои накопившиеся эмоции. В колонне демонстрантов я дошел до улицы Л. Толстого, по ней вышел на Евбаз, по Воровской поднялся на Львовскую площадь, по Житомирской улице вновь пришел на площадь Богдана Хмельницкого. Народу стало еще больше. У меня создалось впечатление, что многие, как и я, не удовлетворились только демонстрацией. Им нужны

были какие-то слова, речи наших руководителей. Поэтому вновь пришли на площадь. Теперь уже масса людей шла с песнями Великой Отечественной войны и Октябрьской революции. Появились духовые оркестры, баяны, аккордеоны. С прилегающих улиц люди стекались на площадь, а оттуда масса людей шла по Владимирской улице. Напротив Оперного театра к 11 часам установили импровизированную трибуну из двух студебеккеров. Видимо, из Москвы последовало добро на проведение демонстрации, которая уже 4 часа шла. На трибуне превалировали военные, гражданских лиц было мало. Помню, приветствовал нас Хрущев, который тогда был в форме генерал-лейтенанта. Люди шли до самого вечера. Вечером был салют. Все чертовски устали — я тоже. Страшно болела моя нога, но я ее почувствовал только вечером. Наверное, Победу отметили чаркой, но это в памяти не отложилось.

Мы все тогда наивно думали, что войне — конец и, как в песне поется, «Снимай шинель — пошли домой». Германские фельдмаршал Кейтель, адмирал флота Фриденбург, генерал-полковник авиации Штумпф подписали акт безоговорочной капитуляции перед армиями союзников. Однако западные дипломаты начали вести закулисную игру. Не отпускают пленные фашистские формирования, не торопятся освобождать территории Германии, которые по Ялтинскому соглашению должны перейти под юрисдикцию СССР. Неспойно себя ведут в Польше представители Лондонского *иммигрантского* правительства. Их воинские формирования нападают на наших солдат и небольшие воинские подразделения.

Наши оккупационные власти в Германии, должны были снабжать гражданское население продовольствием. Фашисты преднамеренно тайком взрывали склады с продовольствиями.

С Германией и ее союзниками дел было невпроворот. Об этом мы ежедневно слышали по радио и читали в газетах.

Время летит быстро. 29 мая 1945 года меня выписали из госпиталя в 1945 г. и направили в резерв санитарного управления Киевского военного округа. Резерв располагался в Киеве на территории нынешнего военного госпиталя 407. Представился новому начальству. Определили койку в казарме — в комнате 20 человек, как и я, офицеров. Выясняю у товарищей: запросов на них из воинских частей нет вот уже 1,5–2 месяца. Используют их периодически на работах, не связанных с профессиональной подготовкой. Меня тоже неделю использовали в качестве сторожа какого-то склада, был порученцем, рассыльным, дольше всего дежурил у телефона в приемной начальника санитарного управления округа — полковника медицинской службы Саенко. Один раз в воскресенье мне дали задание найти майора медицинской службы Константинова. Живет он где-то на Лукьяновке. Ни улицы, ни номера дома. Единственная примета — это дом, где живут военнослужащие. Полдня я по-

тратил на розыск майора Константинова — нашел-таки, помогли дворовые дети.

Потом меня пристроили в какую-то воинскую контору. Со мною работали две красивые молодые вольнонаемные еврейки. Одна из них была страшно влюблена в дирижера Натана Рахлина. Они каждый день были на его концертах. Полдня разговор был музыке.

Летом в командировку в Киев приехал отец. Через госпиталь он разыскал меня. Пошли с ним на рынок — тогда поесть можно было на рынке. Купили хлеб, колбасу, молоко — ели, обменивались новостями.

На базаре я встретил своего сослуживца Пивня. От него узнал, что Кантемировский корпус перебазируется из Германии в Наро-Фоминск под Москву. Сообщил о тех, кто уцелел и о тех, кто погиб.

В этот же день под вечер у меня была еще более интересная встреча, когда мы с отцом сидели возле памятника Ватутину рядом с Мариинским дворцом. Смотрю, к памятнику подходит генерал-лейтенант П.П. Полубояров с женщиной и адъютантом. Меня как подбросило. Подхожу к нему.

— Товарищ гвардии генерал-лейтенант — Ваша фамилия Полубояров?

Он внимательно посмотрел на меня, смерил с ног до головы. Помолчал и говорит медленно.

— Да, Полубояров. А Вы откуда меня знаете?

— Служил в 4 Кантемировском танковом корпусе, в 12 гвардейской танковой бригаде полковника Душака, в 3 танковом батальоне майора Горенчука, — по лицу вижу, что фамилии он знает и его настороженность уходит.

— Кем?

— Фельдшером, старшим, танкового батальона.

— Почему не в форме?

— Я нахожусь в госпитале, хожу с палочкой в правой руке из-за ранения ноги. Мне трудно отдавать честь встречным офицерам.

— В каких боях участвовали?

— В боях под Ахтыркой, Малином, Высокими Печами, Грицевом, Збаражем, Тернополем, Золочевым, Львовом, Жешувом где и был ранен в ногу.

— Награды имеются?

— Так точно — орден Красной звезды. Получил извещение, что за бои под Бродами награжден орденом Отечественной войны II степени, но еще мне его не вручили. Мы с бойцами фотографировались с Вами на фоне танка, после боев под Бродами. На фотографии я рядом с Вами, с повязкой на голове после ранения.

В разговор включилась женщина, его жена, как после я узнал, Елена Феликсовна.

— Павлуша, у тебя действительно есть такая фотография.

Я представил отца. Они поздоровались, пожав друг другу руки.

— Служить желаете? — спросил комкор.

— Хочу завершить свое медицинское образование — в связи с войной я прервал учебу.

— Желаю успеха. Не забывайте корпус и гвардейцев-кантемировцев.

— До свидания.

Мы с отцом отошли.

Возле памятника Н.Ф. Ватутину он постоял еще немного молча, обошел вокруг, сел в машину и уехал.

Позже я узнал, что с именем командующего фронтом Н.Ф. Ватутина, связан звездный час, в то время, полковника П.П. Полубоярова. Ватутин благословил его на танковый рейд на станцию Кантемировку под Сталинградом, в котором танкисты покрыли себя славой и стали кантемировцами.

Отец уехал домой.

В тот вечер вернулся в казарму резерва. Тоска... Надо продолжать учебу. Документы о демобилизации поданы по начальству, но подпись их задерживается. До начала учебного года остается неделя. Документы не подписаны.

27 августа меня вызвали в отдел кадров, к майору Константинову, который вручил мне все демобилизационные документы. В тот же день вечером штурмовал поезд Киев-Сталино, чтобы успеть к началу семестра в мединституте.

В поезде было тесно, но легко на душе. Предстоящие трудности меня не волновали, я о них просто не думал. Меня тянуло в Сталино: там прошла моя юность, там остались привязанности, увлечения, в тех краях жили родные.

Послевоенные связи с кантемировцами

В послевоенное время 4 гвардейский танковый корпус был переименован в 4 гвардейскую танковую Кантемировскую дивизию. Дислоцируется она в живописном месте около Наро-Фоминска, в двух часах от Москвы по железной дороге Киев-Москва.

Каждый год жители страны видели кантемировцев на парадах на Красной площади. Танки проходили строем по Красной площади, а диктор говорил об их ратном подвиге во время Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы Кантемировская дивизия дважды себя особо проявила. Первый раз — спустя год после смерти вождя народов. В верхних эшелонах шла беспощадная борьба за власть. Н.С. Хрущев привлек на свою сторону Г.К. Жукова и поручил ему арест Л.П. Берия. В противовес внутренним войскам, которые были в подчинении Л.П. Берия, Г.К. Жуков ввел в Москву Кантемиров-

скую дивизию, которая блокировала все важные военные объекты и обеспечила арест Л.П. Берия.

Второй раз подобную акцию совершил Б.Н. Ельцын в борьбе с ГКчепистами. Кантемировцы отказались стрелять по Белому дому под тем предлогом, что их задача — борьба с внешними врагами страны. Но присутствие танков на улицах Москвы, даже если они не стреляли, утихомирило многие горячие головы.

Послевоенные связи с кантемировцами начались со случайной встречи с моим комбатом Героем Советского Союза Феодосием Ивановичем Горенчуком в Ленинграде на Московском вокзале 2 января 1968 года. В Ленинграде я был по поводу предстоящей защиты диссертации, а он с женой, Софьей Степановной, гостил у сестры.

На перроне, когда я ждал поезда, ко мне вдруг подошел пожилой человек, обнял меня, прижал и говорит: «Доктор, доктор, доктор». Я вначале решил, что это кто-то из моих пациентов. Но когда я взглянул пристальнее в лицо, то узнал его.

— Феодосий Иванович?

— Он самый.

— Вот так встреча!

Он познакомил меня с Софьей Степановной. Время приближалось к полуночи, их поезд в Винницу уходил через 15 минут. Разговора у нас не получилось — о сем, о том. Единственно, что мы сделали хорошего — обменялись адресами.

В июле 1969 г. я переехал на работу в Киев. Феодосий Иванович несколько раз приезжал в Киев по своим делам, заходил ко мне в гости, познакомил меня почти со всеми кантемировцами, живущими в Киеве. Карцева Н.В. и его жену Галину я знал раньше. Карцев работал в штабе бригады, Галина — фельдшером в медсанроте. С другими я познакомился впервые. Почти все они обращались потом ко мне как к врачу-урологу. Шесть человек из них я оперировал по поводу камней почек и аденом предстательной железы.

Однажды вечером мне позвонил Феодосий Иванович. Он собирался в Киев в командировку. Из его разговора я понял, что он хочет проехать по военному маршруту — 1943–1944 гг. Я пообещал ему такую поездку, да и самому хотелось поехать, посмотреть, что теперь там, вспомнить боевую молодость. Тем более, все это проходило в Житомирской области, рядом.

В Заньки ехали машиной всего 2 часа. А во время войны каким длинным казался этот путь, с опасностью для жизни.

Феодосий Иванович направился в школу, представился, представил меня. Директор сельской школы заволновался — в школу еще никто и никогда не приезжал из участников боев за Заньки, а тут — бывший комбат, Герой Советского Союза. Ф.И. Горенчук предложил директору школы рассказать о подвиге танкистов младшего лейтенанта В.Ермолаева и сержанта А.Тимощеева и Н.Сорокина. Пред-

ложение было принято. Нужно было немножко подождать: первая смена учеников ушла, вторая, не пришла.

Это время Ф.И. Горенчук потратил на осмотр лесного села. После войны в селе построили много хороших домов, по наличию скота и птиц в подворьях было видно, что люди живут довольно зажиточно, большинство работает в леспромхозе. Пошли на кладбище, поклониться нашим героям. Кладбище заброшенное, не огорожено, заросло бурьяном, мы едва нашли могилы двух героев. Памятники в пыли — так, что и надписей не видно. Пока мы ходили по селу и кладбищу, к нам подошел человек, представился как председатель сельсовета. Вместе с ним мы искали могилы наших товарищей. В тот день на кладбище хоронили старую женщину. Эти похороны еще более омрачили картину того, что мы увидели на сельском кладбище.

Посетили место, где был совершен подвиг.

В школе собралось 50–60 школьников, было 5 учителей.

Директор школы представил ребятам Ф.И. Горенчука.

Феодосий Иванович начал очень спокойно, своим немного грудным голосом, рассказывать о боях в Житомирской области, но основное внимание уделил подвигу танкового экипажа младшего лейтенанта В.Ермолаева, который был совершен в их селе Заньки в начале декабря 1943 года.

В какой-то момент у ветерана голос задрожал, осекся. Комбат умолк. В классе воцарилась абсолютная тишина. Все ребятки — мальчики и девочки — смотрели на комбата широко раскрытыми глазами, как замороженные. Никто не проронил ни слова. Так продолжалось минуты 2–3. Комбат собрался с силами и дальнейший рассказ волновал всех — это было видно по глазам и лицам учащихся и учителей.

Слушая Феодосия Ивановича, я видел, что он в мыслях вернулся в декабрь 1943 года, все переживает заново, рассказ не безразличен для его здоровья — новые волнения и переживания. Почему он так стремился выступить перед школьниками? Им руководило желание передать эстафету памяти свидетеля подвига молодому поколению села, где совершился этот бессмертный подвиг Великой Отечественной войны.

О подвиге экипажа Ермолаева написано много. Подвиг оброс легендами, догадками, подробностями, а потому рассказывают его по-разному. Единственно — все отмечали, что в одном скоротечном бою 6 декабря 1943 года В.Ермолаев, А.Тимощеев и Н.Сорокин подбили 6 танков-тигров танковой дивизии фашистов «Адольф Гитлер». В артиллерийском поединке им сбили башню. В.Ермолаев приказал Н.Сорокину — заряжающему и радисту, покинуть танк через нижний люк, а сам вместе с механиком-водителем направил горящий танк на тигр и вместе с ним взорвался. Командир машины и

механик-водитель погибли. Сорокин остался жив. Он и рассказывал подробности о подвиге. Вещественными доказательствами правдивости боя было 8 сгоревших и подбитых танков: 7 фашистских и один советский.

Феодосий Иванович Горенчук рассказывал. Я сидел на подоконнике и думал о Ермолаеве. В 20 лет окончил танковое училище в Челябинске. На Урале, в Нижнем Тагиле, на заводе получил танк Т-34. Вместе с экипажем прибыл на прифронтовую железнодорожную станцию Ирша. В действующей армии В.Ермолаев и его экипаж были около 10 часов, в бою — еще меньше. Бой был коротечный, молниеносный. Инициатива боя была в руках Ермолаева. Внезапное нападение на колонну фашистов обеспечило экипажу победу. Вершиной 20-летней жизни Ермолаева был танковый бой, увековечивший его имя в истории танковых битв Великой Отечественной войны: в истории танковых сражений не было случая, чтобы в одном бою экипаж одного танка Т-34 уничтожил семь вражеских «Тигров».

Ф.И. Горенчук рассказывал. Я сидел, слушал и думал. К бою с вражескими танками экипаж Ермолаева обязывал приказ. Приказом таран нельзя предусмотреть и такой задачи им не ставилось. Почему они пошли на таран? Из горящего танка, без башни они могли выскочить и скрыться в темноте, тем более, рядом был лес. Командир машины и механик-водитель не воспользовались этим. Они выбрали другой вариант боя — горячей машиной таранили седьмой танк фашистов. Они покрыли себя бессмертной славой. Думали ли тогда они о славе?

Мне неоднократно во время войны, а также после войны приходилось беседовать с бывшими участниками войны, отмеченными самыми высокими воинскими наградами, о том, как они совершили воинский подвиг, что думали они о нем в преддверии боя. Однозначного ответа не было, как не бывает двух одинаковых боев.

Одни объясняли свой боевой подвиг тем, что во время боя сложилась критическая ситуация: кто кого — они нас или мы их. В борьбе за жизнь родился подвиг.

Другие участники непосредственных боевых действий говорили об удачно сложившейся ситуации, внезапности, преимуществе позиции, более совершенном вооружении, выдержке и хладнокровии, профессионализме офицеров и солдат. Заранее о совершении индивидуального воинского подвига никто не думал. Более того, никто не кричал: «Ура!» и не выкрикивал боевых призывов, т.к. нередко операция начиналась скрытно, а во время боя кричать бесполезно — выстрелы и разрывы все заглушают.

На вопрос, имело ли значение борьба за свою собственную жизнь, все ответили — «Да», хотя некоторые уточняли, что в азарте боя сознательно об этом не думали, как не думали ни о семье, ни о

доме, ни о родных. Помыслы о том, как победить врага доминировали над всем. В этот период страха не было — об этом также говорили все — было одно желание: победить. Осознание победы приходило не во время боя, а значительно позже, иногда о победе они узнавали от других. Психическое напряжение во время смертельного боя было настолько сильным, что бой в последующем неоднократно возникал в сознании в мельчайших подробностях.

После боя появлялось чувство страха, герой начинал понимать, сколько раз был на грани смерти, начинал осознавать, как бы это отразилось на нем и его близких.

И еще об одной составной части подвига — физической силе, вернее умении сконцентрироваться и мобилизовать физическую силу в доли секунды. Многие после боя рассказывали, что прыгали в длину или высоту, как раньше и не помышляли, поднимали груз, значительно превышающий их физические возможности, выполняли боевые приемы с такой скоростью и точностью, на которые никогда не были способны на учениях.

Говоря современным языком, экстремальная ситуация (бой), либо подавляет человека и тогда — поражение, либо возбуждает, вдохновляет и ведет к победе. Возникновение одной или другой ситуации, конечно, во многом зависит от волевых качеств человека, которые не всегда внешне проявляются, а заложены в его духовной сути.

Феодосий Иванович закончил свой рассказ. В классе — тишина. Рассказ оглушил учеников. Пионервожатая поблагодарила полковника Ф.И. Горенчука за рассказ и заверила, что они будут вечно хранить его в своей памяти и будут достойны тех героев, что похоронены на кладбище их села.

Короткий зимний день клонился к вечеру, пора возвращаться в Киев. По дороге домой мы не проронили ни слова. Каждый думал о своем. О той трагедии, которая выпала на нашу долю, которая периодически возникает в нашей памяти и волнует, как прежде.

Приближалось 30-летие победы в Великой Отечественной войне. От комитета ветеранов Кантемировской дивизии мы получили персональные приглашения на праздник 30-летия, который назначен на 10 мая 1975 года в Наро-Фоминске.

10 мая в 11.00, как было написано в приглашении, я приехал в расположение дивизии в Наро-Фоминске. Приехало довольно много ветеранов. Среди них много было на костылях, протезах, и все — старые. В ожидании парада дивизии мы собрались на территории летнего кинотеатра. Среди ветеранов я знакомых не нашел. Это не удивительно, потому, что многие из тех, с кем я воевал, погибли. Нас зарегистрировали: с какого и по какой год служил в дивизии, должность тогда и теперь.

В ожидании парада мы разместились на скамейках. Начался разговор о боевых делах дивизии. Рассказывали эпизоды битвы под Кантемировкой, Ахтыркой, Червоноармейском, Шепетовкой, Бродами. Каждый рассказывал по-своему. Рассказы по отдельным боевым операциям не совпадали, ветераны начинали спорить, споры приобретали характер скандала, спорящих утихомиривали. Я слушал, в спор не вступал. Многие из ветеранов ни разу не пропускали юбилейных сборов в Кантемировской дивизии. Большинство ветеранов — это работники штабов, управлений, офицеры технического обеспечения — их сохранилось больше. Офицеров и солдат взводов, рот, батальонов много погибло — их было мало. Преимущественно были те ветераны, которые в дивизию пришли в самом конце войны или даже в первые послевоенные годы. Ветераны были предоставлены сами себе, с нынешним личным составом бесед не было.

Слушая споры ветеранов, разногласия в освещении прошлых событий, я думал о том, что все они правы. Каждый говорил то, что помнил о бое. И вместо того, чтобы дополнять рассказы друг друга, ветераны отрицали чужие свидетельства, поэтому беседа была сумбурной, не о прошлом, а о настоящих разногласиях.

Объявили построение. Ветераны каждой бригады корпуса построились отдельно. Занял я свое место среди ветеранов 12-гвардейской танковой бригады. Узнал только одного Николаева. Во время войны он был подполковником, начальником политотдела 12-танковой бригады, но он меня не вспомнил. Не удивительно — ему было под 80 лет.

Рядом с нами построили нынешние полки Кантемировской дивизии. Танкисты рослые, подтянутые, воинская форма хорошо подогнана.

На трибуне маршал бронетанковых войск П.П. Полубояров и командование дивизии.

Затем впереди каждого полка построили соответственно ветеранов. Ветераны 12-танковой бригады стали впереди соответствующего полка.

Красивый баритон дал команду: «Первый полк прямо! Остальные направо, Шагом марш!» Уже через одну минуту получилось непредвиденное — ветераны, старые и больные люди испортили торжественность парада. Молодые кантемировцы не сумели показать свою строевую выучку.

Жара в тот день была несносной. Ветераны постепенно покидали плац, уходили в тень. Парада не получилось.

Военно-спортивные игры были проведены интересно, красиво, зрелищно. Эти соревнования мне доставили большое удовольствие.

Ветеранов пригласили на обед в столовую. Накормили солдатским обедом. Нашелся коньячок. Обед и послеобеденные беседы несколько скрасили неудачу парада.

За трибуной парада стоял маршал бронетанковых войск Советской Армии П.П. Полубояров. У меня сложилось впечатление, что это очень тяжело больной человек. Он ничего общего не имел с Полубояровым, с которым я встречался после боев под Бродами и в Киеве. Жизнь оставила печать времени, от которой никому не уйти.

Я полагал, что меня познакомят с состоянием медицинского обслуживания дивизии или пригласят рассказать медицинским работникам о медицинском обеспечении танковых батальонов во время войны или о своей настоящей работе. Ничего этого не случилось.

Мои товарищи по войне, по работе, по месту жительства, выезжая на подобные встречи, оставались довольными. Правда, у них было больше знакомых, лучшая организация проведения всех мероприятий.

Во всех учреждениях Украины 23 февраля широко отмечался праздник армии, мужчин и ветеранов войны.

Однажды по моей инициативе, мы пригласили в институт фронтовиков-кантемировцев на вечер воспоминаний. Они активно откликнулись на наше приглашение. Пришло 13 человек: 3 героя Советского Союза (Горенчук Ф.И., Кошечкин, П.Н. Кандыра). Все остальные — ветераны в орденах (Волошин, Карцев и др.).

До начала вечера партторг спросил, все ли хотят выступить. Все. Их 13, если по 10 минут, это 2 часа 10 минут. Многовато. Решили, что может быть кто-то по ходу вечера откажется от выступления. Ветераны-кантемировцы зашли в аудиторию — все встали и раздали аплодисменты. Приятно было смотреть на ветеранов — все в орденах и медалях, лица сияют от теплой встречи. Собрание вел я. Первому предоставил слово Б.Н. Кошечкину. После войны он работал в архивах вермахта, много интересного знал. Рассказчик он оказался отменный.

Выступает 10 — 15 минут. Ветераны в недоумении — график нарушен. Нахожу удобный момент в воспоминаниях Кошечкина, напоминаю о регламенте. Аудитория в один голос — пусть говорит, интересно!

Ветераны согласились — пусть говорит. Говорил он более 40 минут, причем очень интересно. Следующие ветераны уже не все говорили так интересно, особенно после яркого выступления Кошечкина. Кошечкин так понравился нашим сотрудникам, что они его приглашали еще три года — он как бы продолжал предыдущие рассказы.

После торжественной части члены Ученого Совета института устроили банкет в честь ветеранов. Вечер прошел тепло, душевно.

С кантемировцами у меня крепки связи не только по ветеранским делам. Ветераны старели, появились болезни. Одних я оперировал, другим устраивал протекцию в различные институты и лечебные учреждения. Очень теплые отношения я поддерживал с

И.А. Волошиным. Он был редактором корпусной газеты «На штурм врага». Длительное время заведовал отделом культуры ЦК КПУ и заведовал кафедрой в театральном институте в г. Киеве им. Карпенко-Карого. Автор ряда монографий о театре им. Франко, Щепкине и украинском фольклоре.

К 40-летию нападения фашистов на нашу страну меня попросили написать свои военные воспоминания. Я написал. Прочел их Волошину. После этого он забрал рукопись. Ее немного «почистили» редакторы и опубликовали в журнале «Радуга», 1985 г., №5, стр.31.

По просьбе комитета ветеранов-кантемировцев, я написал о себе для «Книги памяти».

События, связанные с предстоящим праздником в честь 40-летия Победы надумили меня более широко популяризировать подвиг экипажа младшего лейтенанта В.Ермолаева. Я обратился к своему пациенту Н.И. Карпенко, поэту-фронтовику, ветерану войны, у которого имеется много замечательных лирических стихов о солдатах-фронтовиках, с просьбой написать о подвиге экипажа В.Ермолаева. Он согласился.

Вместе с Николаем Ивановичем и И.А. Волошиным, который как редактор корпусной газеты знал много о подвиге Ермолаева, Тимофеева, Сорокина, мы поехали в село Заньки, походили по селу, походили по полю, где произошла битва, посмотрели лес. Судя по возрасту деревьев, лес был свидетелем боя 40-летней давности. Посмотрели дорогу, по которой двигалась немецкая колонна. Постарались на местности восстановить картину боя танкового экипажа с фашистами. Поговорили со старожилками. Они мало помнили, лишь подтвердили, что тогда на этом поле было много подбитых горелых немецких танков. Зашли на кладбище.

И.А. Волошин хорошо знал о подвиге В.Ермолаева, Тимофеева, Сорокина, знал литературу, в которой был описан подвиг. Обо всем он рассказал Н.И. Карпенко. Подвиги воинов постепенно забываются, чему в немалой степени способствуют злыдни послеперестрочных лет. Забывают о живых ветеранах, не то, что о лежащих в могилах по всей Европе.

Николай Иванович Карпенко сдержал свое слово. Написал большую поэму о подвиге экипажа танкистов-кантемировцев во время войны на Житомирщине. Поэма была опубликована вначале в газете «Літературна Україна», а затем в переводе на русский язык в журнале «Радуга» 1983 г., №10, стр. 54 и 1984, №11, стр. 7. Там есть такие стихи:

*... И парни те, в глазах твоих, Отчизна,
Преодолев и время, и пространство,
Еще красивей, мужественней стали, —
Чтоб всем, кто на могилу к ним приходит*

*Живым огнем, легендой пылать;
Чтоб вровень встать с великим нашим веком,
А может быть, еще немного выше, —
Ведь нет священной ничего на свете,
Чем за свободу и за счастье края
Всю жизнь отдать до капли до остатка —
За Родину, которой нет милей...
Они ушли из жизни молодыми ...*

В последующие годы у меня с кантемировцами было несколько юбилейных встреч, в которых речь шла о прошлых подвигах, о послевоенной жизни корпуса и нынешнем житье-бытье, болезнях, которые докучали ветеранам.

Ветераны-кантемировцы постепенно уходят из жизни ... Извещение вечером получил от жены Горенчука, Софьи Степановны: скончался Феодосий Иванович. Пришел с пленума райкома, поужинал, сел у телевизора смотреть программу «Время». Ему стало плохо и через 15 минут — конец. Подумалось, столько было опасности во время войны — уцелел, а возраст и болезни никого не щадят. Внезапная смерть, наверное, инфаркт или эмболия легочной артерии. Не мучился, умер внезапно, работал до последнего дня.

Это было весной. В тот же день на дорогах сплошной туман. За пять шагов ничего не видно — белая пелена. Ехать почти 350 км — через Житомир, Винницу, Могилев-Подольский. Времени в обрез — выехали в 5 утра, похороны в 15.00. На выезде из Житомира нас задержала автоинспекция на целый час, в связи с опасной дорогой из-за тумана. От встречных шоферов узнали, что за Винницей туман меньше. Тронулись в путь. Приехали в Муровенные Куріловцы, когда гроб с телом Ф.И. Горенчука выносили. Хоронил его весь районный центр. Траурные речи, воинский салют. Вот еще один человек, которому страна обязана своей победой над фашизмом, ушел из жизни.

МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ

Утром 29 августа 1945 года приехал в г. Сталино. Оставил вещи у Панкевичей и отправился в мединститут. От морфологического корпуса института был только остов. Внутри все разрушено. Администрация института и теоретические кафедры ютились в здании студенческого общежития. По дороге в институт на Макшоссе встретил Геннадия Уткина, товарища по академии и училищу. Его демобилизовали из армии еще в г. Свердловске в связи с травмой стопы. Он окончил Сталинский медицинский институт весной и занимался в ординатуре на кафедре факультетской хирургии. От него узнал, что директор, профессор Л.Н. Кузменко, в институте и ведет прием посетителей.

Зашел к директору института. Представился. Изложил цель визита. Рассказал, что был ранен, что лежал в госпитале, что у меня пропали все документы. Сообщил ему, что я закончил программу трех курсов Куйбышевской военно-медицинской академии. При расформировании академии нас поставили в известность, что все наши документы будут находиться в архиве Ленинградской военно-медицинской академии. Прошу зачислить меня на 3 курс института, чтобы не пропадал учебный год. Одновременно пошлю запрос о документах в Ленинград.

Леонид Николаевич меня выслушал. Во время войны он работал в госпиталях. Хорошо знал, в чем и как доставляют раненых в госпитали с фронта.

Директор достал из ящика стола лист чистой бумаги и подал его мне, говоря:

— Изложи все, что говорил мне, в заявлении на мое имя. Смотри, лист не испорть. Другого не дам.

В приемной я написал все, о чем рассказал директору. Где учился, почему не закончил медицинскую академию, какие экзамены и зачеты сдал в академии, где и когда был ранен, в каких госпиталях находился на лечении и сколько раз подвергался оперативным вмешательствам. Заявление закончил просьбой зачислить меня на 3 курс медицинского института.

Прочитав мое заявление, он сказал:

— В институт зачислю. Но имей в виду, если будешь плохо заниматься или бузить, как некоторые из вас (он имел в виду фронтовики), прогоню, церемониться не стану.

Подписанное заявление я отнес в деканат профессору Кричевскому. Меня зачислили в 3 группу.

Итак, начинается новая студенческая жизнь!

Выйдя из деканата, я прошелся по зданию, познакомился с размещением кафедр, аудиторий, библиотеки, читального зала, где мне придется заниматься.

На лестничной площадке 3-го этажа я заметил одинокого человека, одетого в военную форму с латками на коленях и локтях. Он страшно ругался.

— Чего разошелся? — спрашиваю его.

— А твое какое дело?! Катись отсюда! — слышу в ответ.

— По одежде вижу — из госпиталя, так же как и я. Может, зря ругаешься. Этим ничего не добьешься.

Мой миролюбивый тон и сочувствие на него подействовали успокоительно.

— Понимаешь, бумажки ему нужны. Я же учился в этом институте...

Оказалось, что документов у него при себе нет, как и у меня — пропали при эвакуации. Он был в институте комсоргом с правами секретаря райкома (по количеству комсомольцев). А сегодня ему директор отказал в приеме на 3 курс. Это был Ковалев Михаил Маркович. Потом известный профессор-хирург. Как потом я узнал, в тот же день к вечеру все уладилось. Помогли старые связи. Его зачислили на 3 курс. Учились мы вместе, но на разных потоках. М.М. Ковалев был старше нас на 7 лет. Он пользовался большим уважением среди профессорско-преподавательского состава. Зная, что во время войны он потерял много времени, он работал с максимальной нагрузкой. Всегда был собран, ценил каждую минуту. Очень хорошо выступал на собраниях — искренне, убежденно. Умело сочетал общественную работу и учебу.

Теперь — к родным. В моем распоряжении 29, 30, 31 августа. 1 сентября в 9.00 — занятия на кафедре фармакологии. За годы армейской службы, отца я видел дважды — в октябре 1941 г. в г. Куйбышеве, когда он уезжал в эвакуацию на Урал и в начале августа 1945 г., когда отец приезжал в Киев по служебным делам. Маму не видел с 27 июля 1941 года, т.е. с того времени, как меня проводили в академию.

На окраине г. Сталино — поселке Боссе, откуда шли машины в сторону села Каракубы, я долго ожидал попутную машину. После обеда появилась машина, но она шла в стороне от Каракубов. Что для меня тогда было 10 км? Вскочил в кузов — и поехали. Конец лета, тепло, но не знойно, ветерок обдувает. Смотрю по сторонам. В этих краях ранее никогда не был. Через какое-то время шофер

остановил машину. Показал мне кратчайшее направление: «Напрямик километров 10. Смотри, не сбейся с направления. В степи это легко». Я уточнил некоторые детали предстоящей дороги, запомнил некоторые ориентиры и двинулся вперед прямо по степи, без дороги.

Солнце повернулось к закату, глаза мне не слепило. Я довольно быстро и уверенно шагал. На душе было очень хорошо. Часа через два, как и говорил шофер, в долине показалось село Каракубы. Еще через полчаса я нашел ремесленное училище, где работал отец. Мне указали дом, где живут родители. Мама сидела, перебирала фасоль. Увидев меня, она обомлела, не могла выговорить ни одного слова, не могла подняться с места. Отца дома не было. Я подошел к маме, обнял ее, расцеловал. Уже прошло оцепенение, она заплакала.

Вскоре пришел отец. Как обычно бывает в таких случаях, начались воспоминания. Пришли соседи, всем тогда хотелось знать, не видел ли я их сына, отца, брата. Люди слушали, вздыхали. Женщины краем платка смахивали слезу с глаз. Села были без мужиков, одни женщины и подростки. Все на их плечах: и в доме, и в поле, и на ферме.

Мама накрыла на стол, пригласила за стол гостей. Началась бесконечная беседа о послевоенном житье-бытье. Гости разошлись с несколькими оттаявшими душами и надеждой: «Сын Карпенко пришел, скоро, наверное, и наши придут».

В этот вечер и на второй день отец и мама рассказывали о своей жизни в эвакуации. Как они эвакуировались из Донбасса, я уже знал со слов отца. А как они жили сначала в г. Миассе, на Урале, а затем в селе Кундравы, я услышал впервые.

В связи с эвакуацией и голодом, который испытывала семья, они потеряли почти все свои вещи. Часть оставили в Сталино, часть променяли на еду. Особенно трудно было в первую зиму. Жили на квартире, отец работал на заводе по 12–15 часов в сутки. Юра пробовал учиться, но из этого ничего не получилось. Голод и отсутствие жилья заставило их переехать в совхоз с. Кундравы, где отец устроился бухгалтером. Юра отремонтировал старую совхозную полуторку, на которой работал на территории совхоза — подвозил все, что велели. В дальние районы на этой машине ездить было нельзя — она часто ломалась, да и водительских прав у него не было. Кое-что из продуктов выписывали в совхозе. Весной посадили картошку. Мама стала собирать в лесу грибы, которых было очень много. Осенью 1943 г. они собрали большой урожай картошки, продали ее и на эти деньги вернулись из эвакуации по вызову Сталинского обкома партии в г. Сталино. В обкоме отца направили на работу парторгом в совхоз «Горняк», что в Старо-Бешевском районе.

В совхозе Юра работал помощником комбайнера, а иногда и сам садился за руль. Мать очень боялась за него, поскольку он был еще

очень молод и не знал толком, как обращаться с комбайном. В совхозе работать было непросто. Все, что выращивалось, вывозилось в госпоставку, денег рабочим почти не платили. Жили с того, что крали с поля, тока, фермы. Чтобы выручить какие-то деньги на одежду, обувь, люди пытались по ночам «пробиваться» в Сталино на рынок. Райкомом партии были организованы из активистов-партийцев специальные отряды, которые на дорогах задерживали крестьян.

В лучшем случае их возвращали домой, в худшем — составляли протоколы и дело передавали в суд. В те послевоенные годы многих людей судили за 3–5 кг колосков, собранных после уборки поля комбайнами. То, что люди голодные и очень нуждаются, что колоски все равно погниют — довод неубедительный. Пойман с личным — по закону срок. Кроме того, крестьян давили налогами и займами для восстановления народного хозяйства — 10 % от годового дохода. Коммунисты обязаны были показывать пример и подписываться на 15 %.

Не найдя общего языка с директором совхоза, отец перешел на работу в ремесленное училище бухгалтером, по специальности. Работать было тяжело. Во всем была разруха, всего не хватало. Его, как члена партии, направляли представителем райкома в ближайшие колхозы для наблюдения за косовицей и хлебосдачей. В колхозах на представителей райкома партии смотрели косо.

На следующий день мне сшили медицинский халат из белого сатина, а еще через день я уехал в медицинский институт на учебу.

Панкевичи мне предложили снять угол у их бабушки Анны Ивановны, которая жила со своей ровесницей Натальей Ивановной. Наталья Ивановна на какой-то базе работала сторожем по суткам.

У Анны Ивановны мне хорошо было жить. Спокойно, тихо. У меня был стол, я никому не мешал, и мог заниматься сколько хочу. Некоторые мужские работы по дому я взял на себя, Анна Ивановна и Наталья Ивановна в свою очередь делали кое-что для меня. Один недостаток моего места жительства — далеко ходить на занятия. Самыми тяжелыми днями были вторник и пятница.

Занятия начинались в теоретическом корпусе на Калиновке в 8.30. Это от дома в 11 километрах. В 12.00 мы делали переход на терапию в Шлаковую больницу. Это за Сталинским металлургическим заводом — расстояние 8 км, хирургия была в госпитале инвалидов Отечественной войны в поселке Стандарт — 2–2,5 км. От госпиталя домой — не менее 10 км. В другие дни ходить было меньше — 16–20 км. Обувь и носки не выдерживали. Я то и дело ремонтировал обувь и штопал носки.

Троллейбусов тогда в г. Сталино не было. Трамваи ходили редко, часто портились и не всегда совпадали с нашими маршрутами. Иногда выручал рабочий поезд. Он шел с вокзала до Сталинского металлургического завода. Иногда везло — подбирал на дороге шо-

фер — бывший фронтовик, студента — бывшего фронтовика. На учебу я ходил в зеленой шинели. В группе у нас было два Виктора: Виктор Королев и я. Меня прозвали «Виктор-зеленый», по цвету шинели. Чаще шоферы нас не подвозили, а иногда даже останавливались и сгоняли с машины. Помню такой случай.

На перекрестке улиц Челюскинцев и Макеевского шоссе, шофер машину притормаживал. Легко было вскочить в кузов и доехать до самого института. Однажды я вскочил в машину. Шофер из кабины кричит: «Слазь!». Матерится, но не останавливается, едет. Закончил он угрозой: «Ну, подожди, я тебе покажу!». Он знал, где мне нужно покинуть машину. Развивает полную скорость. Я стучу по кабине — мол, остановись. Он газует. Что было делать? Надо прыгать. Перебросил одну ногу за борт, потом вторую, Уцепился руками за борт. Спускаю ноги до земли. Касаюсь ногами мостовой. Скорость машины большая — у меня получаются гигантские шаги. Опасно отпустить борт, но и в машину я уже не могу подтянуться — не заберусь. Дальше пойдет дорога ровная, скорость увеличится. Была — не была. Нужно от машины оторваться. Оторвался. На ногах еле удержался. Направился к зданию института. Возле института стояли три девицы, которые видели, как я пытался прыгнуть с машины. Как развивались полы моей шинели и усиливали эффект предстоящей развязки. Подойдя ближе, я увидел Женю Панкевич, Тамару Усикову и Маргариту Александрову. Так мы с Маргаритой увиделись и познакомились. Но тогда я не знал, что это моя судьба.

От Сталино до Каракубов, если ехать машиной всего 50 км. Но дороги с твердым покрытием не было. Осенью после дождей черноземные дороги превращались в сплошное болото, по которому с большим трудом и не всегда удавалось преодолеть это расстояние. Сколько раз с полдороги приходилось идти пешком, по колению в грязи.

Выход был в железнодорожном транспорте, но при этом приходилось делать очень большой круг. Как-то раз был такой случай. Когда тронулся поезд Одесса — Илловыйск, я вскочил на ступеньку вагона. Ночь лунная, но холодная. Еду. Вдруг открывается дверь вагона, и кондуктор запускает свои пальцы в мою шевелюру, тащит в вагон. Я особенно не сопротивлялся: на ступеньке было холодно, а денег для штрафа у меня не было. Что возьмешь со студента?

Кондуктор завел меня в купе, где сидел проводник.

— Куда едете?

— С Вами до Илловыйска, а на поезде Харьков-Ростов — до Кутейникова.

— Тоже зайцем?

— Да, откуда ж деньги у студента?

— В Ясиноватой (следующая станция) мы тебя в комендатуру сдадим. Там разберутся, какой ты студент. Много тут «студентов» промышляет.

Промышляли на дорогах тогда многие. Лучше молчать. Молчу. Молчат и они. Потом проводники заговорили. У обоих дочери — семиклассницы. Они колеблются, куда их отправить: на учебу или лучше пусть они кончают десятилетку. Мне тепло, слушаю их разговор. Вдруг как-то невзначай сказал:

— Пусть лучше школу кончают дома, а то будут ездить за продуктами к родителям, а их проводники будут хватать за волосы и сдавать в комендатуру. А по-серьезному, лучше пусть кончают школу и поступают в институт: работа интереснее и жизнь будет лучше.

После этого у нас началась беседа о преимуществах техникума и института. А когда мы подъезжали к Ясиноватой, где они грозились меня сдать в комендатуру, тот, что втащил меня в вагон говорит:

— Во время остановки погуляешь по платформе, а когда дадут сигнал к отправлению, заходи в это купе.

Я с комфортом приехал на станцию Илловыйск в 23.00. В 5 утра подошел поезд Харьков-Ростов. На вокзале полно мешочников. Все пытаются купить съестного подешевле, чтоб прокормить семью. Люди облепили поезд. Милиция отгоняет людей от вагонов. Они с одного края перебегают на другой, от одного вагона к другому. Вижу, в этой толчее мне с больной ногой на поезд не сесть. Стоянка 20 минут. Соображаю, как мне быть и где лучше стать, чтобы вскочить на ходу на ступеньку, когда поезд тронется. Прошел вперед. Поезд тронулся. Быстро набирает скорость. Прыгнул на ступеньку первого вагона после тендера. Открывается дверь. Солдат с ружьем.

— Прыгай, это арестантский вагон!

— Как же прыгать — рельсы, шпалы, скорость, разобьюсь!

— Прыгай!

— Не могу, разобьюсь!

— Заходи в тамбур.

Я зашел. Он закрыл дверь на ключ. Я в арестантском вагоне без денег и, наверное, без документов.

— Солдат, мне на следующей остановке, в Кутейниково, нужно выйти.

— В Ростов приедем — там старшина разберется.

— Позови старшину.

— Он спит. Будить не велено.

Вижу, с солдатом не договарюсь. Сижусь спокойно. Молчу. Изучаю обстановку. Боковые двери тамбура закрыты на замок, но проход на площадку сцепления вагонов открыт. Зреет мысль — может быть через этот проход удастся выскочить. Разрабатываю в голове план побега. Солдат клюет носом, дремлет. Нужно сидеть спокойно, даже казаться дремлющим, пока поезд не будет замедлять ход перед станцией Кутейниково. А затем, мгновенно вскочить на буфер, перескочить ступеньку и соскочить на землю. В голове несколько раз проиграл план — все должно быть удачно, только бы поезд замедлил

ход. Подъезжаем к Блочку (это на полпути к Кутейниково). Поезд замедляет ход до такой степени, что можно бежать. Мгновенно, прыгнул с буфера на буфер и на ступеньку вагона. Но в это время, солдат успел открыть дверь — стоит против меня, перехватил винтовку для стрельбы.

— Стой, стрелять буду!

Но я уже на земле. Прижался к рельсам. Стрелять нет смысла. Слава Богу — обошлось. Поезд еще несколько секунд замедлял ход. Этим я воспользовался, вскочил на ступеньку последнего вагона и благополучно доехал до станции Кутейниково.

От Кутейниково еще 35 км ехать на платформе товарного поезда или в рабочем вагоне, в тепле. Один раз пришлось ехать на самом паровозе. Машинист подобрал всех людей. Тогда я приехал домой весь в угольной пыли, как шахтер. А сколько раз приходилось шагать по 10–15 км по грязи, с мешком за плечами, когда машины застревали в болоте или портились.

А пока 1 сентября утром я пришел в институт. В списках увидел свою фамилию — 3-й курс 3-я группа. Из 27 студентов было 3 молодых человека: Карпенко, Королев и Шатилов. Остальные девушки. Одна девушка, Сухарева, была знакомой. С ней мы вместе оканчивали в 1941 году школу. С остальными познакомился. После окончания занятий мы пошли в библиотеку получать учебники на группу. При распределении нам, как и другим, досталось по 1 учебнику на каждый предмет. Правда, некоторые учебники были в двойном экземпляре. Как же заниматься? Есть еще читальный зал, где можно взять учебник. Тетради также были проблемой, не меньшей, чем учебники. На практических занятиях по фармакологии и микробиологии нам выдали план лабораторных занятий.

Лекции мы слушали в аудитории М-1 и М-2, т.е. малая первая и малая вторая, на 2 и 3 этажах. Аудитории напоминали букву Г, т.е. состояли из двух отсеков, профессор стоял в углу. Он видел всех студентов, мы же видели студентов своего отсека. В аудитории стояли скамейки, конспекты писали на коленях, таблиц, схем, эпидиаскопов почти не было. Все воспринималось на слух. Иногда лектор что-то рисовал, писал на доске. Каждый студент запоминал лекцию, как мог, в силу своих человеческих способностей. Профессора читали лекцию довольно медленно, самое главное повторяли так, что мы могли это записать. Делалось это сознательно, поскольку лекторы знали, что учебников у нас, фактически, нет. Зимой в аудитории было прохладно, в основном, грелись «живым теплом», как мы тогда шутили.

Посещаемость лекций была высокой, поэтому мест для сидения всем не доставалось, многим приходилось стоять. Некоторые стоя хитрялись записывать лекции. Хотелось бы отметить еще одну особенность. Нарушения дисциплины и пропуски занятий были редки: с одной стороны, мы все были взрослыми, познали жизнь, кроме то-

го, не было учебников — нужно же как-то учиться. Развлечений также почти никаких не было. Поэтому не было причин для пропусков занятий и лекций. Посещение института — это и учеба, и общение, и развлечение.

В свободное время я посещал Панкевичей. Отношения с Женей у меня не сложились, не было в них ясности, да и я не очень стремился к ясности — время было очень тяжелое. Учебный год пролетел быстро: занятия, лекции, дорога.

Нам платили стипендию — 300–350 рублей, выдавали продовольственные карточки. Продуктов выдавалось очень мало. Прожить на стипендию, из которой нужно было заплатить за угол, госзаем, и постричься — было невозможно. Приходилось подрабатывать. Соседи меня попросили за плату по вечерам делать парафиновые аппликации на суставы, но это был случайный заработок. В общении с больными людьми узнавал много житейских историй. Две из них произвели на меня большое впечатление и хорошо запомнились.

До войны две молодые пары жили в одном доме. Молодость, общение, интересы по дому их сблизили. Они дружили. Часто проводили свободное время вместе. Устраивали завтраки, обеды и т.д. Время шло, но ни у одной, ни у другой пары не было детей. Они были молоды, веселы и о детях думали редко. Однажды во время вечернего застолья один из мужей обращается к другому:

— Николай, давай меняться женами. Второй согласился. Спросили жен.

— А мы не возражаем.

Через несколько дней Петро говорит Николаю:

— Давай назад меняться женами.

А жены в ответ:

— Мы не хотим еще раз меняться. Вы поменялись — так тому и быть.

Приятельские отношения между ними не прекратились. Более того, у каждой из пар в новом браке появились дети... Тут началась война. Николая и Петю призвали в действующую армию. Оба они не вернулись после войны домой — видимо, погибли. Я видел этих женщин. Они по-прежнему жили дружно, почти одной семьей, воспитывали детей, вспоминали своих мужей и обе плакали, плакали вместе и за Николаем, и за Петром. Вместе, как они мне говорили, им было легче выжить.

Вторая история относится к Гражданской войне. Пожилой еврей, которому я делал парафиновые аппликации на ноги, начал свой рассказ с того, что он очень хотел сына. А жена рожала ему девочек. После того, как у него родились 4 дочери, он сказал жене: «Рожай, пока не родится сын». Сын родился девятым. Поскольку девочки рождались каждый год, то в 1913 — 1920 гг. все они стали взрослыми. И вот тут началась его беда. За одной ухаживает белый, за другой — мах-

новец, за третьей — петлюровец, за четвертой — немец, за пятой — красный... Между поклонниками дочерей дело доходило до драк. Он с женой не знал, какой власти кланяться. Какая бы власть не приходила — всем он был враг. Девочки со своими кавалерами разбежались. О них ни слуху, ни духу. Сын, которого они так долго ждали, во время НЭПа семью полностью разорил, оставил нищим и погиб перед войной в пьяной драке. Дав жизнь стольким детям, в старости они остались вдвоем с женой — бедные, больные и обездоленные. Свою историю он заканчивал вопросом: «Так что лучше — иметь много детей или быть без детей?»

Я его осторожно спросил: «Марк Израилевич, а если бы Вам суждено было жить сначала, Вы бы обзавелись семьей, детьми?». Он немного подумал и сказал: «Как можно жить без детей? Без детей нельзя. Наша беда в том, что мы и наши девочки жили в плохое время, когда весь мир сошел с ума. Все стали врагами друг другу. Все боролись за правду и справедливость. Все хотели лучшей жизни. А многие ее получили?»

Пару раз мне дали американские подарки — солдатские ботинки, которые я продал. Потом мне заплатили за два ордена: «Красная Звезда» и «Отечественная война». У меня появилась сумма около 3 тыс. рублей, достаточная для покупки черного трофейного костюма.

Месячной выдаваемой нормы продуктов едва хватало на неделю. Словом, жил впроголодь. Наедался только тогда, когда посещал родных.

Весной я сдавал экзамен по общей хирургии профессору А.И. Чаругину. Это было в воскресенье. Подошла моя очередь сдавать экзамен. Я вытащил билет с вопросами. Начал обдумывать ответ. Помню, там были вопросы о группах крови, остановке артериального кровотечения, антисептиках и какой-то вопрос по истории хирургии. В экзаменационную комнату вошла врач, сказала профессору, что больной на операционном столе и ждут его. Профессор извинился за непредвиденный перерыв в экзаменах и вышел из учебной комнаты. Я вышел вместе с ним и попросился на ассистенцию. Он мне не отказал: лишние руки не помешают, ему предстояло ушивать перфоративную язву у молодого человека под местной анестезией. С одним ассистентом это не просто. Так я увидел, что такое перфоративная язва и как ее ушивают. Операция закончилась успешно. Мы вновь в экзаменационной комнате.

Андрей Иванович спросил:

— Какие вопросы в билете?

Я ему прочитал.

— Ну, давайте с первого. — Я ему довольно четко все ответил, поскольку многократно определял группу крови, переливал и знал почти все осложнения.

— Давайте зачетку. — Предложил профессор и поставил мне 5.

Во время экзаменов заведующий кафедрой общей терапии, доцент Яновский В.И. был болен, лежал в постели. Экзамены студенты ему сдавали у него дома.

Экзамены за третий курс я сдал на «отлично», за что мне назначили с нового учебного года повышенную стипендию — 350 руб.

Впереди — фельдшерская практика. Не помню, что побудило меня поехать на летнюю практику в Луганск. Во всяком случае, я, Жена и Маргарита Александрова оказались вечером в одном вагоне. Луганск расположен в долине. Говорили, весной, когда бывает наводнение, река Донец, затапливает город. Много разрушенных и полуразрушенных домов. Первая половина дня ушла на оформление документов в канцелярии областной больницы, а вторая половина — на подыскание жилья для себя и Жени. Маргарита остановилась у своей родственницы — тети Вари.

Практику в областной больнице г. Луганска проходило много студентов с нашего курса. Было весело. Все вместе ходили на танцы. Скоро все остались почти без обуви. Дело в том, что танцплощадка была заасфальтирована. Во время танго и, особенно, фокстрота подошвы явно становились чуть тоньше. Стали чаще ходить в кино — цена билета была нам доступна.

В отделениях больницы врачебный и сестринский персонал нами занимался мало, вернее, почти не занимался. Мы сами находили себе работу или выполняли мелкие поручения. Например, приносили лекарства из аптеки, носили биксы в автоклавную, делали инъекции, ставили банки, кормили тяжелых больных. Несли ночные дежурства. Я больше находился в хирургическом отделении. Делал перевязки и накладывал гипсы. Заведовал хирургическим отделением Скворцов К., уже тогда известный хирург в Луганске с большим стажем. Жена его была операционной сестрой. В операционную он нехотя пускал не только студентов-практикантов, но и врачей. Студенты спрашивали его разрешения присутствовать на операции. Он не разрешил. Я решил не спрашивать — пошел и все. Выгонит, так выгонит.

Помню, они с женой удаляли молочную железу по поводу рака под местной анестезией. Обезболивание было недостаточным, больной было больно, она вела себя беспокойно, мешала ее оперировать. Я не выдержал, предложил дать масочный эфирный наркоз.

— А Вы умеете?

— Да. Я много раз давал наркоз, когда находился в госпитале.

— Попробуйте, — сказал он, не отходя от операционного стола.

Я уверенно вскрыл ампулу хлорэтила. Дал больной рауш-наркоз. Как только наступил наркотический сон, наступила релаксация мышц, сразу же перешел на эфирный наркоз. Больная успокоилась, равномерно задышала. Вскоре он закончил операцию. Поблагодарил меня и даже пригласил бывать на операциях.

В один из дней я увидел в его исполнении странную операцию. К хирургу обратился молодой пианист с короткими пальцами, которые не позволяли ему брать широкие аккорды. Не знаю, сам ли юноша уговорил К.Скворцова или К.Скворцов сам предложил операцию. Под местной анестезией хирург рассек пациенту перемычки на ладонной поверхности всех пальцев на левой и правой кисти. После этой операции я больного никогда не видел. Я был удивлен тем, что хирург взялся делать такую операцию, зная, что на месте здоровой эластичной кожи появятся рубцы, которые сильно затруднят движения пальцев.

В областной больнице мы видели много urgentных операций, самых разнообразных — от мелких хирургических обработок ран по поводу травм до резекции желудка, ушивания перфоративных язв, не говоря уже об аппендектомиях и ущемленных грыжах и т.д.

В течение месяца, наблюдая за Женей во время практики, я изменил мнение о ней. Я любил ее со школьных лет. Мне было очень приятно быть в ее обществе, вместе с нею гулять, ходить в кино, на танцы. Но при более близком знакомстве я обратил внимание на то, что она много обманывает и неумело оправдывается, проявляет скудность и мелочность.

Однажды мы с ней гуляли в городе и встретили ее какого-то знакомого, который по селам Луганской области скупал воск, делал свечи и продавал церквям. На этом деле, видимо, он прилично зарабатывал. До отъезда в Сталино у него было 3 часа. Он начал Женю приглашать в ресторан. Она сначала для порядка отказывалась, но скоро согласилась и начала звать меня. Этого человека я не знал. С ним в ресторан мне не хотелось идти. Но поскольку я взял на себя какую-то моральную ответственность за Женю перед ее родителями (по крайней мере, мне тогда так казалось), я вынужден был принять приглашение и пойти в ресторан. Удовольствия я не получил, поскольку разговор был пустой, вокруг «свечей». После ресторана мы проводили ее знакомого на вокзал. По дороге домой Женя мне говорит:

— Видишь, Виктор, ты не хотел идти в ресторан, а зря. Ты сыт и еще мы получили две плитки шоколада впридачу.

Это меня взорвало. Я взял из ее рук шоколад и выбросил через забор в какой-то двор. Она ничего не сказала. Я тоже молчал. Всю дорогу шли молча. Каждый думал о своем. Я проводил ее до дома, где она жила, а сам еще долго ходил по городу. Мне стало ясно, что Женя — не тот человек, с кем нужно идти по жизни. Поскольку мы вместе приехали, я считал своим долгом проводить ее домой в г. Сталино. Но с тех пор я прекратил с ней всякие взаимоотношения.

Остаток лета провел у родных в Васильевке. Как раз в это время в отпуск приехал Юра, с которым я не виделся с ноября 1941 года. Он возмужал, стал крепким парнем, сильным, ловким. Я обратил

внимание, с каким восхищением смотрел на него отец, когда мы купались в Кальмиусе. Его двухнедельный отпуск быстро закончился. А еще через неделю я отправился на учебу в институт.

На 4 курсе (меня почему-то перевели на II поток в 7 группу) у нас стало больше клинических дисциплин, помимо хирургии и терапии добавились акушерство и гинекология, лорблезни, нервные болезни, кожные болезни с венерологией.

Курс факультетской хирургии нам читал профессор Л.Н. Кузменко. Лектор он был отменный. Клинические лекции часто сопровождал отрывками из художественной литературы и, в частности, читал рассказ «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого, когда читал о раке желудка. Он демонстрировал в начале первого часа больного острым аппендицитом, а в конце — удаленный червеобразный отросток с характерными изменениями, после операции, сделанной его ассистентами. Подобная демонстрация была при чтении лекции по холециститу. Это было интересно и очень привлекало студентов. Лекции он читал в небольшой аудитории Первой городской больницы (здание не сохранилось, теперь там площадь и памятник В.И. Ленину). Большинство студентов слушали стоя лекции профессора Л.Н. Кузменко. Он был большим специалистом по проникающим ранениям черепа. Лекция на эту тему закончилась овацией аудитории студентов.

Факультетскую хирургию нам преподавала Ольга Яковлевна Народицкая. Говорила она, как правило, хорошо, многословно, с самолюбованием. При этом она была беспомощна во время самой простой операции. Нервничала, всех издергивала и сама чрезвычайно уставала. На словах все у нее гладко, а в операционной, даже в перевязочной, много суеты и нервозности. Сотрудники ее недолюбливали и не скрывали этого. Группа терпела потому, что большинство не собиралось стать хирургами.

Оригинально проходили занятия на кафедре кожно-венерических болезней. На 8 семестре приходим на кафедру. Входит преподаватель Фодерман. Открывает свою книжку, листает в одну сторону, в другую. Не находит нашей группы.

— У кого Вы занимались в 7 семестре? — спрашивает нас.

— У Ратнера, — отвечает староста Спектор.

— У Ратнера?

— У Ратнера. — подтверждает Спектор.

— Так Вы же ничего не знаете по нашему предмету!

— Да, не знаем, — одновременно соглашаемся мы все.

— Я так и знал. Разве он может обучить чему-нибудь студентов?

Начались занятия с Фодерманом. Сплошные анекдоты. Смакует интимные подробности, рассказывая о том, как мужчины заражают женщин или наоборот. Рассказывает о том, как добропорядочная жена «награждает» своего мужа гонореей.

Каждый день подобное повторяется. Больных мы почти не видим. О кожных болезнях, совсем речи не было. Так было в 7 семестре у Ратнера, так и в 8 семестре у Фодермана. А экзамены вот-вот. Лекции читались плохо. Профессор Каплун, заведующий кафедрой, тяжело болел раком пищевода — серый, истощенный. Все его сотрудники без ученой степени и формального права читать лекции и принимать экзамены не имели права.

Пришли экзамены. Фодерман нас встречает.

— Без меня в экзаменационную комнату не входить!

Чуть позже выяснилось, почему. В кабинете полулежит тяжело больной профессор Каплун. Ему все, что происходит, совершенно безразлично. Это понятно: человек смертельно болен. Рядом с ним хлопчет его ассистентка Светлана Павловна. Фодерман заходит в экзаменационную комнату, смотрит номера верхних 4–5 билетов. Выходит к нам, устанавливает очередь и распределяет номера билетов среди нас, с учетом пожелания студентов. Так повторяется до тех пор, пока вся группа не сдаст экзамен. Оценки, понятно, хорошие — одни пятерки и четверки. Фодерман горд! Знай наших, вот как нужно обучать студентов. Кожных болезней мы, фактически, не знали.

Во время экзаменов по факультетской хирургии Л.Н. Кузменко рисовал головы лошадей. Не перебивал студента, но моментально реагировал на неправильный ответ. При хорошем ответе на первый вопрос, не всегда требовал ответа на последующие вопросы. При плохом ответе — старался выяснить, что студент знает, поэтому требовал ответа на все вопросы. Экзамен затягивался.

По терапии принимал экзамен профессор Бунин — барин, жизнелюб, любитель выпить. Экзамены принимал без придинок, спокойно и быстро отпускал студентов. Второй экзаменатор — Л.Б. Чижина, знающая терапию до мельчайших подробностей, нуднейшая женщина. Занятия и экзамены превращались в пытку. Видит, что студент не знает материала — прогони, пусть выучит и придет повторно. Нет, тянет, а затем вlepит двойку. У Бунина очередь сдавать экзамены, а Л.Б. Чижина не дозвется студентов сдавать экзамены — все разбегаются, как только она выходит из экзаменационной комнаты.

На 4 курсе у меня случился казус на экзамене по акушерству. В одной комнате принимали экзамен профессор Н.К. Жмакин и доцент Я.М. Ландау. Мне выпало идти сдавать экзамен доценту Я.М. Ландау. Как сейчас помню, билет №16. Все вопросы я хорошо знал. Экзаменационные сессии я любил — была возможность показать себя. К экзаменам всегда готовился основательно. Изучая учебник, я готовил краткий конспект, который напоминал справочник. Я и сейчас помню вопросы, которые были в билете. Видимо, стрессовая ситуация лучше запоминается. Вопросы были такие: отличие женского таза от мужского, эклампсия беременных и о менструаль-

ном цикле. Вопросы хорошие, я их хорошо знал — надеялся блеснуть своими знаниями. Поэтому, спокойно ждал своей очереди.

Сел к экзаменатору. Начал отвечать. Он меня перебивает и продолжает ответ за меня. Так по всем трем вопросам. Ответ, на который я рассчитывал, не получился — он тянул не более чем на тройку. Экзаменатор раздумывал над оценкой моего ответа, перелистывал зачетку — там все пятерки по всем предметам.

— Как же так? У Вас все пятерки, а мне так слабо отвечали?

— Яков Миронович, Вы вместо меня отвечали. Вы перебивали меня, мне неловко было попросить Вас выслушать мои ответы до конца, — очень спокойно я ему ответил.

— Николай Николаевич — обращается он к профессору К.Н. Жмакину. У меня Карпенко что-то неудачно отвечал. Может, это случайность. В зачетке у него пятерки. Как быть?

— Очень просто. Пусть завтра придет и пересдаст, а в ведомость сегодня оценку ему не проставляйте, — посоветовал заведующий кафедрой.

От экзаменатора я вышел огорченным. Ходил всегда сдавать экзамены в первой тройке. Меня окружили мои товарищи. Узнали в чем дело — приуныли. Ведь их ожидает что-то подобное. Одни решили к Я.М. Ландау не садиться, другие — те, кто хорошо знали предмет, воспользовались моим советом — не давать ему вмешиваться в ответ. Экзамен, в общем, прошел вполне прилично, если не считать меня.

На второй день сдавал экзамен с другой группой в самую последнюю очередь. Пока ожидал свою очередь, рассказал студентам, что со мною вчера случилось, и добавил:

— Пришел домой, уснул, и приснилось мне, что я вытащил билет №11.

— Ты хоть познакомился с вопросами в нем?

Тут же нашли список билетов. Вместе посмотрели — билет №11.

— Что ж, можно сдавать.

Захожу в экзаменационную комнату. Подхожу к столу, за которым сидит доцент Я.М. Ландау. Немного страшно было, ведь вторая попытка. Беру билет и глазам своим не верю — билет №11. Вслух говорю экзаменатору: «Номер 11». Студенты, сидевшие в комнате и знавшие мой рассказ о сне, прыснули со смеху.

Ландау не понял причину смеха студентов и на всякий случай спросил:

— Тот же билет вытащил?

— Нет, вчера был билет №16.

— А в чем же дело? Почему смех? — спросил Я.М. Ландау.

Пришлось рассказать, что со мною произошло дома.

— Может другой взять? — закончил я.

— Нет, отвечайте.

На сей раз, инициативу ответа на экзамене я взял в свои руки. Все закончилось благополучно.

Кажется, это был последний экзамен. Группа, с которой я сдавал экзамен, решила пойти в кафе и отметить это событие. Так как в те годы парней было мало, они пригласили и меня.

Мы выпили немного хорошего молдавского вина, развеселились. Пели, танцевали. У меня на душе было радостно и легко, как это часто бывает после успешного окончания сложной и большой работы. А случай с экзаменом по акушерству мне запомнился на всю жизнь. Я понял: в сложных ситуациях инициативу нужно брать на себя. Это правило я всю жизнь соблюдаю.

Бытовые условия наших преподавателей были плохими, не говоря уже о студентах. Общежития преподавателей и студентов располагались на улице Микояна, вблизи института. Во дворе общежития, в бараке, размещалась клиника кожных и венерических болезней. Соседство не из удачных.

Общежития барачного типа, без всяких удобств, где все в запущенном состоянии. Место в общежитии давали студентам — участникам и инвалидам войны, а среди других категорий — давали самым обездоленным студентам. Я несколько раз был в этих общежитиях. Впечатление ужасное. В комнате были только кровати, стоявшие впритык друг другу и стол, к которому трудно было подойти. На столе куча мусора, объедков пищи, грязная посуда, бутылки из-под вина лежали вперемешку с книгами. В маленькой комнате, площадью 20–25 м² живет 8–10 человек. Сосредоточиться над учебным материалом совершенно невозможно. Кто-то уходит, кто-то приходит, кто-то что-то ищет. Поэтому в комнате постоянный шум. Чтобы как-то сосредоточиться, некоторые затыкали уши. Вентиляция не работает. В комнате сыро и затхло. Жильцы комнаты вечно между собой конфликтуют из-за каких-то бытовых проблем. Была лишь надежда, что с окончанием института этот кошмар кончится. Случалось воровство. Помню, у студента С. пропали старинные большие карманные часы с музыкальным боем, доставшиеся ему по наследству. Это была семейная реликвия. Он получил часы от своего отца в день поступления в институт. Пропажа взволновала жильцов всей комнаты. У студентов тогда часы были редкостью. Эта история стала достоянием всего студенчества.

Вскоре выяснилось. Вором оказался студент Н. — однокурсник и не такой уж бедный. Я уже не помню, какое наказание понес тогда вор. Через много лет он стал профессором. Но когда среди бывшего студенчества заходила о нем речь, кто-либо обязательно говорил: «Это тот Н., который спер часы у С.?». Мне всегда думается, что Н. очень многое дал бы, чтобы этого эпизода в его жизни не было.

Стипендия и паек, которые получал студент, не обеспечивали даже наполовину прожиточного минимума.

В институте был профком, во главе которого стоял М. М. Ковалев. Эта студенческая организация, как могла, помогала студентам, но помощь была мизерной. Я, помню, получил американские ботинки, Маргарите презентовали отрез какой-то легкой ткани на платье. В эту организацию я не обращался, а другие студенты вынуждены были обращаться, но не всегда получали помощь.

Это заставляло студентов искать другие источники существования. Некоторые начали промышлять на барахолке, другие в селах скупали продукты и перепродавали в городе, третьи — подрабатывали на поденных работах или работали санитарями, а студенты старших курсов устраивались средними медработниками в больницах.

Наступила голодная осень 1947 года. В Восточной Украине была засуха. Выгорело все. Не собрали даже того, что посеяли и посадили. Надвигался голод.

И до этого администрация института едва сводила концы с концами, чтобы хоть как-то обеспечить быт студентов. А тут все урезается. Появилась угроза отсева студентов не только младших курсов, но и старших. Помню, эта проблема стала предметом обсуждения на открытом партийном собрании. Целью его было как можно активнее противодействовать отсеву студентов из института, взять на учет тех, кто склоняется к этой мысли.

Это повлияло на решение тех, кто колебался. На нашем курсе ни один студент не оставил институт, но увеличилась прослойка тех, кто сочетал учебу с работой. Конечно, успеваемость снизилась, но все понимали неизбежность такого положения и относились с пониманием.

Революционные праздники — годовщину Октябрьской революции и Первомайские праздники тогда отмечали всенародно. Студенчество было в первых рядах. Мне запомнился день 1 Мая 1947 года. В этот день мне разрешили взять с собой на демонстрацию ребенка студентки нашего курса В. И. Карасевой. С мужем она разошлась, жила у своей матери недалеко от меня. Ирочка меня хорошо знала и с удовольствием пошла со мною. Как Валя и ее мама доверили мне ребенка — не знаю. На демонстрации все удивлялись «моему» ребенку, заигрывали с девочкой. Она была красивой, ласковой, улыбочивой и компанейской. Случилось как-то так, что Маргарита приняла живейшее участие в моей ситуации. Ребенок захотел кушать, потом «наоборот», Маргарита вызвалась мне помогать. А после демонстрации пригласила к себе. Это было очень кстати, поскольку Ирочка устала, зевала, явно хотела спать. У Маргариты она сразу же заснула — мне ничего не оставалось, как ждать. Когда она проснулась, мы пошли по праздничному городу втроем с Маргаритой (как я потом узнал, у Маргаритиной мамы Ольги Петровны, было очень много вопросов относительно меня с ребенком, на которые пришлось отвечать Мар-

гарите). Не помню всех деталей вечера, но с ребенком к Валерии Карасевой я попал к 23.00. Они с мамой уже давно начали беспокоиться, но где нас искать, не могли придумать. Увидев нас, они были рады, но начали меня ругать. Правильно, конечно. Ирочка была в настроении, ей сделали за целый день много подарков.

Идя домой от Карасевых, я думал о Маргарите. Именно в этот день она обратила мое внимание на себя. Она привлекательна, жизнерадостна, улыбочива, умеет находить общий язык с людьми. Ирочка тоже к ней потянулась, а ведь дети очень хорошо чувствуют душевные качества человека. Не ко всякому пойдут, а тут контакт, взаимопонимание и взаимная симпатия были полными.

С этого времени о Маргарите я думал все чаще. Летом мы были с ней на фельдшерской практике в Луганске. В то время я еще уделял много внимания Жене. Но в конце практики Женя проигрывала, в сравнении с Маргаритой. Женя чувствовала мое благожелательное отношение к Маргарите. И, видимо, ревновала. Нет-нет, да и скажет что-то против Маргариты. Но это «что-то» каждый раз оборачивалось против Жени, поскольку я начал понимать тактику девушки, которая почувствовала мой возрастающий интерес к Маргарите. Но тогда я не был связан с Женей никакими обязательствами и был свободен в своем выборе. Новый 1948 год, который для нас оказался судьбоносным, я встречал вместе с Маргаритой в кинотеатре имени Шевченко.

Летом 1947 предстояла производственная практика. С родными с 1941 года я виделся очень редко. Мама и папа попросили, чтобы я приехал на врачебную практику в Каракубскую участковую больницу. А почему нет? Поеду. Кроме того, в 1947 г. был сильный голод. Голодал и я. Это послужило поводом выбирать не лучшее место для практики, а то, где сытнее, чтобы к учебному году немного поправиться, отдохнуть.

В Каракубе сельская больница располагалась в большом доме зажиточного, в прошлом, грека. Он имел много земли, которой владел со времен царицы Екатерины, которая пригласила его предков для охраны южных рубежей России. Свою землю греки обычно сдавали в аренду малоземельным крестьянам из соседнего украинского села Васильевка. В 30-е годы грека раскулачили и сослали. Его дом передали больнице.

В больнице было два врача: Ольга Ивановна, главный врач, и ординатор Нина Александровна, врач с трехлетним стажем работы. Был фельдшер, медсестра, санитарка и завхоз. В больнице было две палаты по пять коек — для мужчин и женщин. Работа начиналась в 8.00.

Я приходил в амбулаторию, где вели прием по очереди Ольга Ивановна и Нина Александровна. До их прихода санитарка нарезала стопку чистой бумаги размером 10x10 см. Прием больных состоял в опросе жалоб и поверхностном осмотре больного. Далее писалось

направление в районную больницу к хирургу, терапевту, невропатологу, окулисту и т.д. К 12.00 все больные разосланы по больницам района и области. Нина Александровна уходила домой. К этому времени заканчивали стерилизацию 2–3 наборов инструментов для абортотворения. Начинался гинекологический осмотр. Вначале я не замечал, что в уголке, не показываясь на люди, сидели 2–3 женщины. Ольга Ивановна, нужно ей отдать должное, очень ловко и быстро, почти без обезболивания «чистила» пациенток. Они живенько и незаметно исчезали из больницы. За месяц работы я ни разу не видел осложнений, а ведь она за это время сделала много абортов. Аборты тогда были вне закона. Эта деятельность была уголовно наказуема. Ольга Ивановна сильно рисковала.

Позже я заметил, с каким уважением относилась к Ольге Ивановне женская половина Каракубов. Идя по селу, она говорила:

— Маруся, мне к вечеру занеси курицу.

И, можете не сомневаться, все было исполнено в лучшем виде и в срок. Женщины даже благодарили Ольгу Ивановну за то, что она принимала от них подношения.

Когда мы ближе познакомились с Ольгой Ивановной, я спросил ее о том, не боится ли она делать аборты, ведь они запрещены и уголовно наказуемы.

— Знаю. А что делать? Мужиков повыбивали на фронте. Женщина терпит, терпит, да и вскочит. Мужа нет, а дитя есть. Вот и приходится... Что же, сирот, безотцовщину плодить? Да и жизнь у них какая — с утра до поздней ночи в поле, на ферме или в свинарнике. Просит: «Сделайте». И делаю, беру грех на душу. Настоящая жизнь — вот она, рядом, за дверью кабинета.

По окончании практики в сельской участковой больнице стал думать: чему же я научился? Ответил сам себе — как не нужно работать в больнице. Нельзя быть диспетчером, ограничиваясь направлением больных к другим специалистам. Нужно лечить больных — есть ведь стационар, пусть небольшой, но есть, хотя в нем никто или почти никто не лежал. Спасибо Ольге Ивановне за то, что она мне не запрещала делать амбулаторные операции: вскрывать панариции, флегмоны, лечить фурункулы, ставить банки амбулаторным больным. Один раз я даже удалил металлический осколок из роговицы (чем очень гордился) и удивил медсестру, которая мне помогала.

В то время родители купили небольшую крестьянскую хату в с. Васильевка, состоявшую из кухни и комнаты. Дом стоял на окраине села, над Кальмиусом. В те годы вода в реке была более или менее чистой, можно было купаться. Правда, коровы пить воду из Кальмиуса не хотели. Отец купил корову. Встал вопрос о сарае.

Я сделал из кухни коридор, примерно, 2 на 3 метра с погребом под ним. Земля была глинистая, плотная, вполне пригодная для погреба.

В огороде была бесполезная стена из бутового камня, служившая когда-то межой. Мы с отцом перенесли камень к дому. Начали строить сарай. За полтора месяца сарай был построен. Уставал я страшно — болели все мышцы, особенно руки. Утром подняться было очень тяжело. К обеду крепатура проходила. Придя из больницы, я вновь брался за строительство. Потом втянулся — стало легче. Сделанные сарай, погреб и коридор доставили мне моральное удовлетворение. Строительством я никогда до этого не занимался, а потребовалось — сделал. В то лето в Васильевке я заразился малярией, которая дала о себе знать весной.

Первого сентября 1947 года я явился в институт, предстоял последний, 5 курс.

В этом году я поменял место жительства с целью сокращения напрасной траты времени на дорогу. Снял угол в еврейской семье, в частном доме на 9 линии (ул. Челюскинцев). Квартира располагалась на середине пути между институтом, городской больницей и Центральной клинической больницей. Появилось больше возможности уделять внимание занятиям и пользоваться институтской библиотекой и, главное, читальным залом.

Предстояло изучать госпитальную хирургию и терапию, военнопольную хирургию, ортопедию и травматологию, психиатрию, судебную медицину, инфекционные болезни, педиатрию и детские инфекционные болезни.

Появились новые преподаватели. Они изучали нас, мы изучали их. На пятом курсе все как-то подтянулось — последний курс, клинические дисциплины, все то, что пригодится уже через год во врачебной практике. Это накладывало большой отпечаток на отношение к учебе. Учебников по-прежнему мало: центр тяжести в учебе перенесен на лекции и практические занятия.

Хорошо читал лекции терапевт — профессор И. Н. Бунин. Нужно сказать, что в те годы клиники не располагали высокоинформативной диагностической аппаратурой. Диагностика строилась на тщательном изучении анамнеза, жалоб, объективном осмотре и клиническом мышлении. В этом вопросе преподаватели нас многому научили: анализу, сопоставлению сочетаний субъективных и объективных симптомов. Они научили внимательно следить за поведением больных в постели, за выбором позы, поведением во время болевых симптомов. Много уделялось внимания цвету кожи, выражению глаз, пальпации, перкуссии. Аускультации уделялось особое внимание, также как и состоянию пульса. Опытные терапевты по пульсу многое могли сказать о деятельности сердца. Словом, нас обучали понимать патогенез симптомов и развивать клиническое мышление. Читая курс госпитальных лекций по хирургии и терапии, профессора в нашем присутствии очень тонко анализировали симптомы, проводили дифференциальную диагностику. А на хирур-

гии, травматологии и ортопедии мы могли убедиться в правильности их анализа во время операции или после нее. На практических занятиях вносились коррективы в диагноз и схемы лечения. Поскольку учебников было недостаточно, то многое мы записывали, поэтому все услышанное хорошо усваивалось.

Почти все профессора и ассистенты подчеркивали, что врач должен хорошо понять психику больного, что врач любой специальности, должен быть психотерапевтом. Он должен уметь найти общий язык с больным, уметь заслужить доверие больного, уметь слушать больного, давать ему высказаться о своих болезнях. Это тоже лечение. Нас учили лечить не только болезнь, но и те последствия, которые она оставляет в психике больного, т.е. лечить больного, а не болезнь. В лекциях и на практических занятиях нам каждый раз говорили, что врач, прежде всего, должен быть психологом, а затем терапевтом, хирургом, офтальмологом и т.д.

В те годы терапевты, хирурги, инфекционисты имели более широкий профиль, эрудицию, хорошо знали свой предмет. Тогда не было такой узкой специализации, как теперь: аллерголог, пульмонолог, кардиолог, гастроэнтеролог, проктолог и т.д. Врачи не «футболили» больных. Терапевты, хирурги занимались широким кругом терапевтических, хирургических болезней. В клиниках часто проводились консилиумы и консультации. Нас, студентов, на них приглашали. На наших глазах опытные специалисты вслух вели клинические разборы болезни, спорили, выставляли аргументы и контраргументы. Такое обучение было удивительно полезно и интересно для студентов. Мы слушали своих преподавателей и смежных специалистов. Их авторитет повышался среди нас. Мы думали, сможем ли мы в будущем с таким профессионализмом разбираться в болезнях по своей специальности. Наши преподаватели не говорили, а показывали на практике, как необходимо вести себя у постели больных. Поэтому авторитет преподавателей у студентов был очень высоким.

В послевоенные годы и преподаватели, и студенты жили очень бедно. Многие преподаватели вернулись из эвакуации или демобилизовались из армии, испытывали крайнюю нужду. Мы сочувствовали им, они сочувствовали нам. Это как-то нас объединяло, мы были с ними ближе, чем теперь.

Но не все преподаватели пользовались у нас авторитетом. Скажем, по госпитальной терапии был у нас ассистент Львовский. Он нас почти никогда не спрашивал — все время говорил, говорил, говорил. Без конца говорил при разборе истории болезни больного. Говорил он, конечно, по делу — о симптомах болезни, диагностике, дифференциальной диагностике и лечении. Но это был монолог. Мы при этом только присутствовали, но не участвовали в процессе изучения больного. Занятия проходили скучно, утомительно и малоэффективно.

Тогда было много больных язвенной болезнью желудка и двенадцатиперстной кишки. Материальные условия у людей были стесненные, питание очень неважное — недостаточное и неполноценное. О диете при язвенной болезни нужно было говорить не так, как Львовский в нашем присутствии. Далеко не каждый больной мог себе позволить молоко, сметану, творог, паровые тефтели, белые сухари, вареную рыбу и т.д. Один больной на такую рекомендацию Львовского дал буквально истерическую реакцию:

— Я не могу организовать такую диету. Значит, у меня нет шансов избавиться от болезни? Вы мне порекомендуйте то, что для таких, как я, доступно.

Нервный срыв больного сильно на нас подействовал. Чтобы его успокоить, пришлось внутримышечно вводить успокаивающее средство.

После этого инцидента небольшой авторитет ассистента Львовского еще больше упал. Года через два его освободили от преподавательской работы, но к этому мы не имели никакого отношения. Видимо, специалисты сочли его преподавательские качества недостаточными.

На последнем курсе мы стали замечать, что преподаватели к нам относятся не как к студентам, а как к младшим коллегам. С большим доверием и даже с большим уважением. Это нас ко многому обязывало. Мы стали более сдержаны, собраны и хорошо понимали дистанцию между преподавателями и студентами.

Хотя конфликты возникали. Помню, нам преподавала детские инфекционные болезни Валентина Ивановна. Тема занятий была дифтерия. Я уже говорил, что с учебниками было плохо. Учились по тем учебникам, какие могли достать, а в них трактовка тех или иных положений болезни не всегда совпадала с мнением клиники. Мы отвечали так, как было написано в учебниках. Клиника не всегда разделяла эти взгляды. Но где нам, студентам было знать, что в медицине существуют традиции, школы, которые многие болезни трактуют и лечат по-своему. Мы ссылались на учебники: «А в учебнике не так».

Валентина Ивановна вспылила, сказала, что занятие нам не засчитывается, что его придется отрабатывать дополнительно (при нашем жестком графике 5 курса это было очень сложно). Валентина Ивановна внезапно вышла из учебной комнаты, дав тем самым понять, что занятия закончены. В пылу возбуждения, она что-то говорила о рапорте в деканат на нашу группу.

Группа у нас была хорошо организованная, уравновешенная, серьезная. Спектор, Жилинская, Глинская, Галушко предложили учебную комнату не покидать. Взять учебники и продолжить занятия в режиме самоподготовки. Занятия на кафедрах тогда продолжались 4 академических часа. Конфликт случился на первом часу. Мы три часа просидели и прозанимались. За это время, видимо, по просьбе

Валентины Ивановны к нам заглядывал персонал больницы, и конечно, докладывал ей, что мы сидим и работаем. Точно в положенное время мы покинули учебную комнату. Она никому на нас не жаловалась, и мы никому из руководства не говорили о конфликте.

На следующем занятии через неделю у Валентины Ивановны хватило мужества извиниться и исправить свою педагогическую ошибку. Студенты, как правило, зла не держат.

А ведь просто было ей не доводить дело до конфликта. Рассказать нам о медицинских школах, о правах школ на свои взгляды. Разные взгляды даже полезнее, поскольку в «споре рождается истина», выработываются новые взгляды, которыми вооружают практических врачей и студентов. Об этом нам однажды рассказал доцент кафедры госпитальной хирургии Л.Г. Смоляк, очень умный и уважаемый преподаватель.

И.М. Чижин, ортопед-травматолог, все время что-то придумывал, усовершенствовал, предлагал, но как-то никто его всерьез не принимал. Я с ним случайно встретился раньше, на Курской дуге. Тогда было много раненых в бедро. Кокситные повязки, как известно, накладывать очень трудно. Нужно было какое-то приспособление. Он предложил специальный стол, который можно сделать самому в каждом госпитале. Демонстрация проходила в том госпитале, где я работал около месяца. Получилось так, что он пригласил меня в качестве подопытного, для демонстрации наложения кокситной повязки на его столе в присутствии разных высших чинов от военной медицины — стол забраковали. И думаю не потому, что стол был плохим, а потому, что И.М. Чижин не сумел его как следует показать. Он суеуслив, у него все время что-то падало, отламывалось, не клеилось. Словом, он не смог показать полезность стола для наложения кокситных повязок. Стол же был неплохой. Когда я работал в Чистяково, заказал такой стол больничному столяру. Стол нам верно служил при открытых и закрытых переломах бедра.

Так вот, И.М. Чижин всегда представлялся профессором, даже на двери его квартиры значилось «профессор И.М. Чижин», хотя такого звания не имел. Он поехал в Москву защищать докторскую диссертацию. В какой-то из дней клиника получила телеграмму из Москвы от И.М. Чижина, в которой извещалось, что защита диссертации прошла успешно.

В те послевоенные годы защита докторской диссертации была целым событием не только для клиники, но и для всего института! Узнали об этом и мы. Решили от студентов 5 курса его поздравить. Перед лекцией после приезда из Москвы, староста нашего потока Резникова С.А. подошла к нему, произнесла поздравительные слова и вручила букет цветов. Мы старосту поддержали аплодисментами. В ответном слове И.М. Чижин благодарил и призывал студентов последовать его примеру, ибо «наука — прогресс человечества».

Каково же было наше удивление, когда через некоторое время мы узнали, что в Москве во время официальной защиты И.М. Чижин не набрал нужное количество голосов для защиты докторской диссертации. Что случилось в Москве — мы не знали. Но зачем ему было присылать телеграмму, которая затем поставила его, мягко говоря, в смешное положение.

Для Донбасса и Донецкого мединститута И.М. Чижин сделал большое дело — затеял проектирование травматологической больницы на 500 коек и довел его до конца. В начале 60-х годов в ней разместился институт травматологии и кафедры медицинского института. Строила больницу Ф.Г. Дуброва и была ее первым главным врачом. И.М. Чижин совершил какой-то очередной ляпсус и был вынужден выехать из Сталино.

В Донецком медицинском институте была хорошо организована работа студенческих кружков, и каждый год в весеннем семестре проходили общеинститутские студенческие конференции.

Я активно посещал хирургический кружок на кафедре факультетской хирургии и госпитальной хирургии.

На кафедре факультетской хирургии старостой кружка была Валентина Федоровна Доронина (Зубко). Она очень красиво умела выступить — толково и по делу. Было видно, когда она выходила на трибуну, как она вдохновлялась. По мере того, как она слышала свой голос и чувствовала аудиторию, речь ее становилась еще красивее и убедительнее. Вторым таким оратором был М.М. Ковалев, он удивительно логично мог связать свое выступление с текущим моментом.

Хотя Валентина Зубко хирургом не стала, ее кружковцы стали профессорами хирургами: М.М. Ковалев, И.М. Матяшин, В.А. Михайличенко и я. А Валентине Зубко ее организаторский и ораторский талант определили иную блестящую карьеру: она стала эндокринологом, затем главным врачом больницы в Торезе, главным врачом донецкой областной больницы, председателем ЦК Красногоскреста Украины.

На занятиях кружка по хирургии нам демонстрировали, как правило, сложных в диагностическом плане больных, заслушивался доклад кого-либо из студентов — реферативный или клинический. По воскресеньям, специально для студентов и с участием студентов, организовывали операционный день. Проводились простейшие операции: удаление атером, липом, водянок оболочек яичка, грыжесечение.

В кружке на кафедре факультетской хирургии мне достался реферативный доклад, что не давало право участвовать в качестве докладчика на студенческой конференции. Но все равно было интересно — болел за своих. На 5 курсе мне досталась тема «Рак молочной железы». Я сделал доклад на кафедре. После прослушивания его решили вынести на общеинститутскую конференцию. Руководил

моей подготовкой к докладу Р.В. Богуславский. Таблицу для иллюстрации моего доклада хорошо нарисовала студентка Клара Райнес. Смотрю на ее фотографию в альбоме выпускников 1948 года — в глазах у нее печаль, она болела тяжелой двусторонней мочекаменной болезнью, осложненной пиелонефритом и почечной недостаточностью.

В середине 70-х годов муж привез ее к нам в институт на операции. Луганские урологи А.М. Гришин и В.Р. Пепенин отказались ее оперировать. Оперировал ее я. Коралловидный камень из почки удалось удалить полностью. Послеоперационный период протекал очень тяжело. Почти каждый день стоял вопрос о подключении ее к искусственной почке. Опасность состояла в том, что во время гемодиализа применяется гепарин, который мог спровоцировать кровотечение из разреза почки. К счастью, все обошлось. Она медленно начала поправляться и вскоре уехала в Луганск.

С докладом на студенческой конференции я выступил, волновался, это помешало запомнить детали. Призового места не занял. После докладов были дискуссии, но в них, в основном, принимали участие профессора и доценты, каждый в какой-то степени хвалил доклад со своей кафедры или полемизировали с докладами, сделанными на конференции. Студенты на конференции в большинстве своем превращались в слушателей.

Закончились лекции по психиатрии. В Донецком мединституте не было профессора-психиатра. На чтение лекций приглашали из Киевского мединститута профессора И.А. Мизрухина. Читал он лекции превосходно, свободно излагал свои мысли, удивительно умел подобрать нужные слова, рассказывая о той или иной болезни. Чувствовалось, что он по ходу изложения теоретического материала все время импровизировал. На его лекции приходили многие практические врачи и студенты младших курсов. Поскольку он на долго не мог прерывать преподавание в Киеве, его лекции были проведены в сжатые сроки, это позволили нам хорошо усвоить материал. Проблем с психиатрией у нас не было. Профессор И.А. Мизрухин оставил у студентов добрую память о себе.

Запомнились лекции и практические занятия Контрольского по судебной экспертизе. Всегда в изложении учебного материала, в котором речь заходила о конфликте врача и больного, виновен был врач. Нас подобные разборки пугали. Мы мечтали приносить людям здоровье. Со слов Контрольского, часто пожелание добра заканчивалось трагедией для двух сторон. Фамилия Контрольский отражала суть его натуры. Он стремился быть контролером и вершителем судьбы врача в последней инстанции. Контрольские врачи, особенно хирурги, недолюбливали.

Время близится к лету. Об окончании института напоминает распределение выпускников по местам работы, все чаще поговаривают

о государственных экзаменах. Прошел слух о том, что председателем госкомиссии у нас будет профессор Дерман из Харькова — патологоанатом по профессии. Окольными путями наводились справки, что это за человек, какой характер, как относится к студентам, манера приема экзаменов. Разговоры на эту тему велись каждый день. Отзывы были положительными.

В один из дней, за месяц до госэкзаменов, объявили о начале распределения — для каждой группы свой день. Распределяться пошли вместе с Маргаритой (она была в 1 группе). Для всех стало ясно, что мы сделали свой выбор. Членов комиссии было много. Но знали мы Л.Н. Кузменко и еще двух-трех человек. При распределении мне прочили должность зав. горздравотделом в г. Дружковку, хотя я хотел быть хирургом. Уговорили. Играли на сознательности — прошел фронт, коммунист, орденосеиц. Сейчас нужно восстанавливать здравоохранение, нужны авторитетные руководители. Но я ведь хочу заниматься хирургией. Кузменко говорит: «Пойми, ты будешь хозяином положения: руководитель медицины города. Занимайся хирургией. Кто тебе не дает?» Согласился под влиянием авторитета Л.Н. Кузменко. Маргарита хотела быть глазным врачом. Ее направили туда же.

Все оставшееся время учебы в студенческом кругу мы друг друга называли не иначе, как по будущей должности. Я, соответственно, был «завгорздравотделом».

Перед экзаменами получен приказ деканата сдать все учебники в библиотеку. Приказ был встречен в штыки. Никто не хотел расставаться с книгой, которая будет нужна ему во время подготовки к экзамену. Были применены жестокие требования — книги возвращены в библиотеку. По расписанию каждый студент получил нужный учебник к экзамену. После сдачи экзамена студент обязан был вернуть учебник в библиотеку и получить учебник для очередного экзамена — так на протяжении всей экзаменационной сессии.

Месяца за два до госэкзаменов я поменял место жительства. Удалось подыскать квартиру с отдельной комнатой. Это для сдачи экзаменов было очень удобно. Моим хозяином был директор ресторана «Горняк». Его я почти никогда не видел. Жена его была очень симпатичной женщиной.

Неприятным для меня фактом было то, что с наступлением тепла я заболел малярией. Трясло меня через два дня на третий. Разгар болезни пришелся на период государственных экзаменов.

На хину у меня была аллергия — появилась крапивница. От акрихина пожелтел. Во время озноба я был нетрудоспособен. Когда же повышалась температура, у меня появлялась эйфория и работоспособность — материал усваивался быстро, легко.

Получилось так, что на первый экзамен по марксизму-ленинизму я пошел в первой тройке, зная, что в этот день меня будет зно-

бить. Озноб начался во время экзамена. Я вес дрожал. Попробовал выпить воды — стакан дрожал в руках и колотился по зубам.

Зав. кафедрой марксизма-ленинизма Смирнов П.Ф. обратился ко мне:

— Карпенко, чего Вы так волнуетесь? Вы же неплохо занимались на кафедре — интересуется он.

— Малярия, знобит, не могу совладать с собою — отвечаю.

После этого озноб усилился. Что-то я отвечал, задавали мне какие-то вопросы, думаю больше для протокола. Экзамены проходили в аудитории первой городской больницы. Меня отвели в палату, укрыли. Часа через 3 озноб прошел. Я вернулся домой разбитый. А как же с остальными экзаменами — начало не предвещало ничего хорошего.

То ли расписание госэкзаменов приспособилось к течению моей болезни, то ли болезнь приспособилась к расписанию. Я регулярно сдавал экзамены и сдал их очень хорошо. Мне был вручен диплом с отличием. Я до сих пор помню многие вопросы на курсовых экзаменах. О государственных экзаменах ничего не помню, за исключением того, что во время подъема температуры появлялась эйфория и колоссальная работоспособность. Ночью даже лучше работалось, чем днем. Я успевал компенсировать время, в течение которого меня знобило. Наверное, все-таки пик болезни прошел, мне стало лучше.

3 июля 1948 года утром мы с Маргаритой расписались. Помню, утро было теплое, но пасмурное. Маргарита была одета в платье, которое больше походило на осеннее. С крыльца Загса она как-то быстро соскочила, как будто хотела, чтобы никто не видел, что мы расписались. Девушка, которая нас расписывала, сказала мне, что она меня знает. Она училась в одной школе со мной, но двумя классами младше.

Мы к обеду вернулись на Гладковку, в дом Елизаветы Васильевны, где тогда жили родители Маргариты. Был накрыт очень скромный стол. Из моих знакомых я пригласил только Зину Лобач. Обед прошел спокойно, по-семейному. От обычного обеда он отличался только тем, что были жених и невеста. Кричали «Горько!», жених и невеста на радостях улыбались и целовались. Из моих родителей была только мама. Отец не смог приехать из-за хозяйства. Я смотрел на Ольгу Петровну — ее улыбка чередовалась с глубокими вздохами. Тоже было и с моей мамой. Время, в которое они жили, было жестокое, беспощадное, безжалостное. В ту пору нужно было выжить. О счастье, семейном благополучии и радости можно было только мечтать. Спасибо нашим родителям, что помогли нам стать на ноги. Дальше все, или почти все зависело от нас.

На следующий день, 4 июля, у нас был выпускной вечер в ресторане «Москва». Вечер в складчину. Выложились до конца. Препода-

вателям были сделаны скромные подарки, цветы. Вечер начался вступительным словом профессора Дермана. Оно было встречено бурными аплодисментами. Было много тостов. Преподавателей-мужчин качали, профессора Летника (толстяка килограммов на 120-130) чуть не уронили. Веселья было вдоволь — после напряженных экзаменов наступила разрядка, подогретая алкоголем. Домой мы шли на рассвете, уставшие и жизнерадостные. По дороге Маргарита рассказала, что к ней обратился наш соученик Валентин и сделал предложение... Я обнял свою молодую жену за плечи. Она прижалась ко мне. Мы посмотрели друг другу в глаза долгим любящим взглядом и поняли, что наша любовь — навсегда. Светало. Наступал второй день нашей совместной жизни. Все было впереди.

Помню, на две недели мы уехали в гости к моим родителям в Васильевку. Стояли жаркие дни. Вечерами мы выходили в окрестности погулять. Отсыпались после бессонных ночей во время экзаменов и отъедались — благо, у родителей было вдоволь молока, творога и яиц.

Будущее казалось таинственным, но не мрачным. Была вера в себя, в свои силы. Тем более что дальше нам идти вдвоем.

ГЛАВВРАЧ ШАХТНОЙ БОЛЬНИЦЫ

Обустройство

После двухнедельного отпуска, 22 июля 1948 года мы с Маргаритой явились в облздравотдел за получением направления на работу. Должность завгорздрава — номенклатурная и подлежала утверждению в Донецком обкоме партии. Сейчас уже не помню, с кем я беседовал в обкоме партии. Беседа была в доброжелательном тоне, касалась биографических данных, родителей, родственников за границей, учебы в институте, пребывания в действующей армии, обсуждался мой жизненный опыт, семейное положение. В итоге — из-за моей молодости и отсутствия административного опыта работы в лечебных учреждениях работник обкома не рекомендовал назначать меня на должность завгорздравотдела г. Дружковка. Я вернулся в облздравотдел. Зашел к заместителю завоблздравотделом т. Жислину Льву Эммануиловичу, которому уже позвонили из обкома партии.

— Не огорчайся первой неудаче. Это, может быть, и к лучшему, — сказал Жислин Л.Э.

— Где мы подберем кандидатуру на должность завгорздрава в Дружковку, пока неизвестно, а Вы поезжайте в Чистяково. Там есть вакантная должность главного врача больницы. Ну, а жену устройте у себя в больнице глазным врачом.

Итак — Чистяково и, опять же, административная должность. Опыта работы с людьми у меня не было (армия не в счет — там приказ). Делать нечего. Надо быстрее устраиваться на работу т.к. жить не на что.

Решили, что вначале я поеду в Чистяково один, на разведку. Посмотрю, что и как.

23.07.48 года вышел на Макеевское шоссе в сопровождении жены. Проголосовал и вскоре был в кузове, выдавшей вида полупортки. Шофер за деньги обещал довезти меня в Чистяково. По пути шофер подхватил еще человек 5—6 до Чистяково. Поездки почти всегда бывают с происшествиями. Эта не была исключением. Шофер схитрил. Деньги с нас получил до Чистяково наперед, а довез до Катыка (теперь Шахтерск). Говорит: «Слазьте, здесь недалеко,

километров 5 не более (на самом деле 10 км). Пассажиры взбунтовались, чуть не побили шофера. Он увидел, что дело может кончиться мордобоем и довез нас до плотины в Чистяково. Летний день близится к концу.

В городской больнице я нашел главного врача Коган-Бройде Марка Моисеевича, человека лет 60. Он встретил меня очень приветливо. Крикнул в приемную: «Соня, к нам новый доктор приехал, готовьте ему ванну и ужин». Вскоре я принимал ванну. После жаркой, а главное, пыльной дороги теплая ванна меня освежила, взбодрила, привела в отличное настроение. Позже я узнал, что летом в поселке нехватало воды, и поэтому предоставленная мне ванна была верхом чистяковского гостеприимства.

После ужина Марк Моисеевич указал мне на диван, на котором была приготовлена для меня постель. От него я узнал, что зав. горздравотделом Анна Семеновна Лившиц в Сталино (теперь Донецк), участвует в вербовке молодых врачей.

— Завтра утром она будет на работе. Вы с ней встретитесь и решите все вопросы.

На мои вопросы о больнице и центральном поселке он говорил уклончиво, а я не понял почему. Марк Моисеевич ушел из кабинета.

Я разделся и лег в постель. Минут через 15–20 появился какой-то шум в приемной. Слышу — женский голос спрашивает:

— Он не спит?

— Думаю, что нет, только лег — отвечает Марк Моисеевич.

Он вошел в кабинет.

— Приехала Анна Семеновна. Одевайтесь, поедете смотреть больницу.

Через 2–3 минуты я был готов.

Зашла в кабинет Анна Семеновна. Женщина энергичная, лет 40–45, крашенная блондинка с сигаретой в зубах.

Я представился.

— Поехали смотреть больницу, сейчас.

— Анна Семеновна, главный вопрос — квартира мне с женой будет предоставлена?

— Да, будет. Вы примете больницу у главного врача. Она уезжает в Днепропетровск и освободит Вам квартиру.

— А хирург есть в этой больнице? — спрашиваю я.

— Да, есть, но она сейчас в отпуске.

Думаю, все хорошо. Можно ехать смотреть больницу.

Сели в разбитую санитарную машину. Анна Семеновна в кабину, я — в салон. Медленно ехали по совершенно разбитой булыжной дороге. Приехали в больницу после 10 вечера. Здание двухэтажное, сложенное из песчаника, темное, ни одного огонька в окнах.

Стучимся в одну дверь — тихо.

Стучимся в другую дверь — тихо.

Стучимся громче — ответа нет.

Наконец, кое-как достучались, вышла заспанная санитарка. Позвала сонную дежурную сестру. Послали за главным врачом. Жила она рядом с больницей.

— Почему света нет, — спрашивает Лившиц у сестры (сидим при свечке, как в войну).

— Везли по железной дороге, которая проходит рядом, негабаритный груз и порвали электропровода больницы. Завтра шахта обещала восстановить проводку.

Минут через 15–20 явилась главный врач — немолодая, очень усталая женщина.

Узнав о цели визита, она очень обрадовалась, что может передать больницу мне и уехать в Днепропетровск, где у нее хорошая квартира и дети.

Больницу мы осмотрели со свечкой. В темноте она не казалась такой плохой, какой она оказалась при дневном свете. Я выяснил все, что меня интересовало: помимо того, что я буду главным врачом, я смогу по совместительству работать хирургом, Маргарита займет должность глазного врача. Квартира двухкомнатная, на втором этаже, с печным отоплением, без удобств, но с балконом. Что ж, двухкомнатная квартира — не угол у хозяйки, не окоп, не койка в госпитальной палате и не казарма, в которых я прожил последние семь лет.

23.07.1948 г. я дал согласие на вступление в должность и обещал 27 июля с женой и вещами приехать в Чистяково.

Переночевал в кабинете Коган-Бройде на диване, который был для меня приготовлен. Ночь спал плохо. Думалось: как-то оно будет на новом месте? Какой из меня главный врач получится? Больница — 165 коек и поликлиника, по тем временам это чуть больше средней больницы. Имеются хирургическое, венерологическое, инфекционное, костнотуберкулезное, терапевтическое и родильное отделения. Смесь. Много шахтных травм, а рентген кабинета нет. 17 врачей — не густо. Как оно будет? Как встретит меня коллектив?

Ночью я глаз не сомкнул. С первыми лучами солнца пошел на плотину. Вскоре ехал на попутной машине в обратный путь — в Сталино, за женой и вещами. Жена была, вещей — почти не было.

27 июля утром Маргарита, Ольга Петровна и я ехали трамваем до Макеевского шоссе, откуда собирались на попутном транспорте добираться до Чистяково. Ольга Петровна плакала. Ее можно было понять, но это наводило тоску. Вскоре подвернулся автобус, который ехал в Снежное, мимо больницы, где мы будем работать.

В Макеевке автобус остановился и мы встретили нашу сокурсницу Симу Паргеманик (она потом стала зав. урологическим отделением в г. Макеевке). Поговорили, узнали как она устроилась, сказали, куда мы едем. При расставании она как-то на нас посмотрела и

вздохнула. Вздох был очень тяжелый. Что он значил, почему она так посмотрела и вздохнула — я не знаю. К нему мы повода не давали. Видимо, они были проявлением ее внутреннего состояния. Но мне взгляд ее выразительных глаз запомнился на всю жизнь. Каждый раз, когда я вижу Симу или вспоминаю этот эпизод, ясно вижу печальный, тяжелый взгляд и этот вздох.

В Харцизске машина поломалась. Ждали, пока шофер отремонтировал мотор. Остальной путь мы проехали без происшествий и около 7–8 часов вечера были в больнице. Пригласили главного врача Фаню Львовну. После некоторых колебаний, видя, что нас некуда поместить, она пригласила нас ночевать к себе.

У нее дома мы поняли, почему она колебалась с приглашением. Зная, что ей предстоит отъезд, закололи двух ее кабанов. Это в июле-то месяце. Холодильников тогда не было. Мясо нужно было во чтобы-то ни стало превратить в колбасы, залить жиром. У них в доме целый день топилась печь, все жарили, варили, заливали. В довершение всего явились мы.

Правда, нас сытно накормили и отвели комнату, где стояла односпальная кровать.

Это была кошмарная ночь: жара невероятная, клопы, на кухне и в соседней комнате продолжалась переработка мяса, соответствующие разговоры резкой тональности. Мы еле дождались рассвета — ушли, чтобы где-нибудь на улице отдохнуть. Утром мы обошли шахтный поселок, где нам предстояло жить и работать три с половиной года.

Поселок как поселок, таких было много в Донбассе. Дома без удобств, поселок без воды, без канализации, но было радио и чуть мигал электрический свет. Словом, начинать жить можно.

Маргарита больше молчала. Она была менее опытна, чем я. Надеялась на меня.

К восьми часам мы пришли в больницу. Фаня Львовна нас представила коллективу врачей. Позвонила в горздрав Анне Семеновне. Та приказала нам прибыть к ней для оформления документов. Мы пошли вместе с Маргаритой по проселочной дороге мимо рынка и через 60–70 минут были в горздраве. Оформление документов длилось недолго. С приказом на руках я приехал в больницу около 11.00, где уже готовился акт о передаче больницы новому главному врачу. Маргарита была зачислена в штат поликлиники глазным врачом. В тот же день нам выдали подъемные. Маргарита уехала в Сталино, потому, что нам обоим срочно нужна была обувь. В коридоре дома, где мы должны были жить, в темноте я споткнулся и у меня от ботинка отлетела подошва. Я ее кое-как приделал, но ясно было, что мой ремонт ненадежен.

Бывшие хозяева продали нам кое-какую мебель: обеденный стол, письменный стол, полутороспальную кровать (как потом ока-

залось, больничную), две-три табуретки. Вот и все. Позже мы узнали, что в нашей квартире в одной комнате жила повариха больницы Мария Федоровна. Очень приятная и добрая вдова. Мне было очень неудобно ей говорить, что главный врач и повар больницы не могут жить в одной квартире — этого не поймут, пойдут лишние разговоры среди сотрудников и больных. Спасибо ей, она сама это поняла. Просила пожить, пока себе что-то подыщет. Вскоре она переехала. Мы с ней остались друзьями. Она часто навещала нас, особенно, когда родился наш сын. Своих детей у нее не было, и она была рада чужим.

Через два дня Маргарита приехала. К этому времени Фаня Львовна с мужем погрузили свои небогатые пожитки на машину и уехали к себе на родину. Маргарита совершила наши первые совместные покупки. Мне купила новые туфли, купила что-то из вещей для себя, а также льняную скатерть на стол и небольшую хрустальную вазу, которая до сих пор хранится у нас дома. Молодой жене хотелось придать нашему первому жилищу хоть какой-то уют. Абажур мы сделали сами. Каркас от абажура я где-то нашел. Почистил. Тканью для абажура послужила старая крепдешиновая юбка Маргариты, которую все равно носить нельзя было. Ткани придали оранжевый цвет красным стрептоцидом. Словом, сошло и даже, по тем временам, ничего получилось.

Недели через две вечером к нам приехала Ольга Петровна. Не вытерпела, решила взглянуть, как устроилась ее дочь. Осталась довольна, увидев наши радостные лица и общие заботы об устройстве на новом месте.

Вскоре произошла неприятность. Мне предъявили счет за радиоточку за два года, хотя в Чистяково я жил чуть больше месяца. Я никому ничего не смог доказать. Пришлось заплатить из наших скудных средств.

Буквально через 2–3 дня после того, как я стал главврачом, заходит ко мне возчик и говорит:

— Я на воскресенье на сенокос поеду.

— На какой сенокос?

— В Амвросиевском районе мы заготовили сено на зиму для лошадей.

— Заходите с завхозом и мы обсудим этот вопрос. О сенокосе я ничего не знаю.

Завхоз Боев, человек лет 48–49, худощавый, медлительный, с хитринкой в глазах подтвердил, что сено косят, но кто-то почти половину украл.

— Кто же украл?

— Наверное, тот, кто косил, кто же еще.

— Надо поехать, посмотреть.

— Да, надо.

— А возчик что там будет делать? Сено ведь украли.

— Украли, но надо бы оставшееся забрать.

Меня беспокоило подсобное хозяйство больницы: десять свиней, суеты с ними много, отвлекают персонал от больных. Кроме того, свиноводник на территории больницы — запах и мухи.

А пока в воскресенье решил вместе с завхозом поехать на сенокос. Думаю, по дороге в непринужденной обстановке буду разбираться в тайнах хозяйственной службы и подсобного хозяйства. Выехали рано утром. Августовский день оказался теплым, проселочными дорогами на телеге было ехать очень приятно. Проехали 20 км. На сенокосе никого не было, а должно быть два косаря. Сено недокошено. Стоит небольшая копна сена, которую можно легко уложить на одну подводу. Завхоз возмущен: деньги требуют, а сено не косят. Более того, большую часть скошенного сена куда-то сбывли. Луг почти выкосили, а сена на зиму нет. После обеда и небольшого отдыха — в обратный путь.

Разговор был о сене, подсобном хозяйстве. Я выяснил, что главный врач купила два поросенка, выкормила их за счет подсобного хозяйства. Завхоз своего поросенка тоже пристроил к подсобному хозяйству — дескать, дома держать негде, а живет-то в своем частном доме.

— Сколько же мяса продается больнице из подсобного хозяйства?

На этот же вопрос вразумительного ответа не получил.

— Как же собираетесь зимой кормить лошадей?

Их в хозяйстве было 4. Две лошади достались больнице при расформировании военного госпиталя. Одна из них немецкая — тяжеловоз. Вторая в прошлом была верховой. В телегу не давалась запрягать. Один раз ее силой запрягли, а она телегу разбила. С передком гоняла по поселку, пока не зацепилась о какой-то забор и не остановилась.

— А кто его знает, — последовал ответ завхоза. — На шахте нужно сено выписывать. Шахты получали сено и фураж для лошадей. Лошади работали в шахте под землей на откатке угля. Они работали там всю жизнь, слепли. Когда выводили их на поверхность, то работать эти лошади уже не могли. Я видел этих животных. Зрелище жуткое.

Поговорил с бухгалтером больницы о подсобном хозяйстве. Он мне сказал, что мясо с подсобного хозяйства дороже, чем из государственной базы. Оно для больницы экономически невыгодно. Всегда вокруг подсобного хозяйства какие-то нездоровые разговоры. Я понял, что при такой постановке дела в больнице подсобное хозяйство не рентабельно, им нечего заниматься.

Я об этом заявил Лившиц А.С. Она мои соображения встретила настороженно, привела в пример больницу шахты «Красная Звезда», где главным врачом был Вайман и где, якобы, это дело в надеж-

ных руках. Но особенно и не возражала, чтобы его закрыть. Она хорошо знала его состояние и в душе была со мной согласна. В новом 1949 г. мы ликвидировали подсобное хозяйство.

Когда объединили поликлиники с больницами, у нас осталось одно подсобное деревянное здание вдали от хозяйственного двора. Здание небольшое — 4х6 м, одноэтажное.

Я попросил начальника лагеря военнопленных перенести это здание на территорию больницы. В одно из воскресений он прислал человек 30. Они начали постепенно разбирать здание, переносить по частям. Наши женщины с утра начали месить глину с соломой. Сарай разобрали и перенесли часа за три. Перед обедом его начали собирать на новом месте. К вечеру здание было собрано и обмазано глиной. Осталось застеклить окна, навесить двери и покрыть шифером. Собирали дом военнопленные немцы. Их старший попросил купить пленным папирос. Я купил и подарил им по пачке папирос — получил 30 раз «Danke schön». В течение следующей недели немец строил печь (помещение мы превратили в прачечную), строил долго, около недели. Казалось, что он три кирпича кладет, потом два снимает. Работа двигалась очень медленно, но зато печь работала хорошо. Мои прачки не могли нахвалиться.

Самым трудным делом был ремонт больницы. Мне наш доктор-венеролог Георгий Васильевич говорит:

— А Вы используйте больных венерического отделения. Они ведь здоровые люди. Получили лечение — и могут работать.

В отделении оказались муж и жена. Она его заразила гонореей, а он ее сифилисом. У них на этой почве часто были споры, чуть не доходило до драк, приходилось мирить.

Действительно, может их привлечь к работе, будут меньше ссориться? От предложенной работы они не отказались и вскоре кожно-венерологическое отделение было оштукатурено и побелено.

Неформальные отношения

С ремонтом было тяжело. Больничное здание было запущенно. Оно перенесло войну, никто его не ремонтировал, да и строилось здание под шахтерское общежитие в начале 30-х годов.

Ходил я к начальникам шахт просить помочь с ремонтом. Они мне говорили: «Вы — третьи лица. По приказу мы не имеем права отвлекать стройматериалы от восстановления шахт Донбасса и ремонтировать больницы». Вначале я не знал, что такое «третьи лица». Оказалось, к третьим лицам относились учреждения «соцкультбыта», которые не имели непосредственного отношения к шахтам — больницы, школы, детские садики, ясли, т.е. учреждения, которые обеспечивали тыл шахты. Я как-то сказал Анне Семеновне, что начальники шахт не хотят мне помочь.

— Ты мужчина или не мужчина? Ну и действуй по-мужски. Пригласи их к себе в гости, накорми, угости водочкой — помогут.

— Анна Семеновна, за какие деньги? Ведь я только после института, у меня ничего за душой нет.

— А ты подумай... Можно ведь и спиртом напоить и, если захочешь, то и закуску сообразишь.

Я все понял. И то, что недосказала Анна Семеновна. С одной стороны, лозунг партии «Кадры решают все», а с другой — часть кадров — «третьи лица». Условия в больнице ужасные, нарушаются элементарные правила работы больничных отделений, невозможно помогать шахтерам — «первым лицам», когда они попадают в беду.

То, на что намекала Анна Семеновна — уголовно наказуемо. Ну, а если в больнице разразится какое-то инфекционное заболевание то и оно будет уголовно наказуемым. Получается, что я между молотом и наковальней. И так плохо и этак плохо. Пришлось воспользоваться советом начальницы. И вскоре представился удобный случай.

Как-то мы были на совещании в горкоме партии. Начальникам шахт дали, как говорят, и в хвост, и в гриву. В перерыве я поговорил с начальниками нескольких шахт: им. Киселева, № 21 и шахты Лутугина и с их заместителями. Два начальника шахт и их товарищи с удовольствием приняли приглашение. Третий начальник Гусев с шахты Лутугина вначале отказался, но после окончания совещания принял мое приглашение. На заседании его здорово критиковали — нужна была разрядка. Пришлось еще раз звонить домой — компания увеличилась.

Часов около 11 вечера к нам в квартиру ввалилось десять здоровых мужиков, квартира стала сразу маленькой. Все они напряженные, злые после совещания в горкоме партии. На столе была простая еда, но ее было достаточно: жаркое, сало, огурцы, капуста, помидоры, а самое главное — на столе возвышалась сулея (три литра) спирта. Это сразу повысило настроение. Сели, налили в стаканы спирт, разбавили водой. Я себе налил немного спирта, но водой не разводил. Выпили за знакомство и успехи. Они посмотрели, что я выпил чистый спирт, запил глотком воды и стал вместе с ними закусывать.

— А что, мы хуже доктора, тоже можем пить неразбавленный спирт.

За молодую хозяйку выпили неразведенный спирт. Немножко опьянели, пошли разговоры. За разговорами наобещали мне золотые горы. Ремонт больницы — пустяки. Сделаем!

Часам к двум ночи пришлось идти в больницу за спиртом.

Короче говоря, от нас начальники шахт разъехались в 6.00 на наряды.

Как мне рассказывали потом, начальник 21 шахты Спиридон Николаевич Серегин приехал на шахту, сел в кресло. Налил из гра-

фина воды и залпом выпил. Налил еще стакан и тоже выпил. Через несколько минут он опьянел так, что вести наряд не смог. Шахтеры, что были в кабинете понюхали содержимое графина, налили, попробовали — вода. Почему ему плохо стало? Спиридона Николаевича отвезли домой.

После этой мужской встречи дело сдвинулось. Одна шахта заменила целиком оконные рамы, двери и капитально отремонтировала полы. Другая дала чугунные трубы для местной канализации и наняла за свой счет рабочих для строительства очистных сооружений. Третья шахта заключила договор с одной организацией, которая отлично выполнила штукатурные и малярные работы. Больницу привели, по тем временам, в хорошее состояние. Огорчало, только, что олифа плохо сохла и полы липли.

По строительной части была у меня очень важная встреча. Я написал заявление на строительные материалы на имя заместителя начальника управляющего треста «Чистяковантрацит» Панасенко Евдокима Ивановича.

Он принял меня, выслушал, прочитал заявление и написал: «Третьим лицам отпускать стройматериалы запрещено».

Я не торопился уйти из его кабинета. Думаю, с чего начать на него атаку. Он не решается сказать, чтобы я покинул кабинет. Он сидит, читает следующие документы, а я занят своими мыслями, тяжелыми мыслями, что рабочие есть, а стройматериалов нет. В Чистяково трест «Чистяковантрацит» — это высшая инстанция. Выше идти некуда. Тут не подпишут — нигде не дадут. Видимо вид у меня был очень печальный и свой отказ он решил сгладить разговором.

— Давно в Чистяково?

— Три месяца, — отвечаю ему.

— Институт когда закончили?

— В июле этого года в Сталино.

— И сразу к нам?

— Да, сразу к Вам. Не знал, что в шахтерском крае, для шахтерской больницы шахтерские руководители ничего не дают. Дескать, мы третьи лица. Да, мы третьи лица, но становимся первыми, когда лечим травмированных шахтеров, — сказал я зло и даже с вызовом. Шахтеры любят острое и даже грубоватое словцо, если оно к месту.

— Воевали?

— Да, воевал и даже три раза ранен.

— А моя дочь погибла на фронте...

— Кем она была?

— Врачом медсанбата.

— И Вы, отец врача, отказываете мне, врачу, в помощи? В помощи для лечения Ваших же шахтеров? А если бы на моем месте была

Ваша дочь, Вы бы ей тоже отказали? Что бы Вы подумали об администраторе, который отказал бы ей в служебной просьбе?

— Давай заявление, — сказал Е. И. Панасенко и подписал.

— Заходи, буду и впредь помогать, чем смогу и сколько смогу.

Я понял, что удар нанес ему в самое чувствительное место. Но у меня не было другого выхода. За мной стояли травмированные шахтеры и больные люди.

С Евдокимом Ивановичем в последующем у нас сложились очень хорошие взаимоотношения. Он не однажды бывал у нас в больнице и каждый раз чем-нибудь помогал.

Помню такой случай. В Чистяково летом с водой очень плохо. Иду я как-то раз по нашему поселку, смотрю — лежит большая цистерна, кубов на 10–12. У меня промелькнула мысль затащить ее в больницу, зарыть на 2/3 в землю, наполнить водой и по мере необходимости ее расходовать. С двумя мужиками договорился, что они выкопают яму (все, конечно, за спирт). Яма готова. С трактористом договорился, чтоб цистерну приволок во двор больницы (тоже за спирт). Приволокли, но как ее опустить в яму. Ее высота — метра 4,5. Глубина ямы 3,5 м. Подрыли один край. Сделали две распорки из проволоки. Тросом зацепили цистерну так, чтобы она при ее подъеме опускалась в заготовленную яму. Операция удалась. Цистерна была в яме и можно было ее заполнить водой. На следующий день объявился хозяин — начальник автобазы. Кричит, грозит. А цистерна в яме. Его же тракторист приволок нам цистерну и помог опустить в яму — попробуй, вытащи.

Пошел жаловаться Евдокиму Ивановичу. Тот прислал за мной машину. Я даже немного стухнул.

— Так что, утащил цистерну автобазы?

— Я не знал, что это их, думал, что бесхозная. Она ведь уже давно лежала.

— Давно лежала? Тогда правильно сделал.

— А для чего она больнице?

— Для воды.

— И водой уже наполнена?

— Наполнена.

— Вместо того, чтобы самому предложить и установить цистерну больнице, — говорит он начальнику автобазы, — ты пришел жаловаться на доктора, а еще сосед. Небось, шофера тоже лечатся в этой больнице. Ты что, цистерну себе не найдешь? Будьте здоровы!

Вышли мы из кабинета вдвоем с начальником автобазы. Цистерна нас не рассорила, а даже сдружила. Неоднократно мы друг другу помогали. Хотя я к нему обращался чаще — ведь у него транспорт.

Время летит. Я с головой окунулся в дела главного врача. Хирургия была на втором плане. В больнице нет достаточных условий. По-

нимал я и другое: если ждать нормальных условий, то до хирургии очередь не дойдет. Поэтому я занимался малой хирургией — в шахтной больнице это имеет очень важное значение.

В конце октября в горздравотделе стали поговаривать о комиссии госконтроля. Я не знал, что это такое, да и работал не так давно — какой с меня спрос. Поэтому разговорам не придавал серьезного значения, как будто это меня не касается. А коснулось в ноябре месяце.

Комиссия приехала и выбрала нашу больницу. Меня вызвали в горздравотдел. Лившиц была в отчаянии. Просила меня каждый день информировать о делах. Познакомили с двумя молодыми (лет по 26–30) симпатичными женщинами. Одну звали Римма Федоровна (она казалась моложе, может потому, что была светлая). Другую — Полина Осиповна. Они и были комиссией госконтроля.

— Очень приятно, — говорю я. — Надолго?

— Недели на 2–3, — отвечают. — В зависимости от того, как дела пойдут.

Приехали в больницу. Пригласили бухгалтера. Проверяющие сказали, какие им нужно подготовить документы. Посмотрели больницу — она была жуткая. Уже начался ремонт, но для меня это было хорошо — занят делом. Работа работой, а жить им где-то нужно. Где? Начали думать. Я им предложил жить у меня. От моего предложения они пришли в ужас.

— Как у Вас? Комиссия госконтроля и живет у главного врача?

— Да. Я сейчас один. Жена в Сталино на курсах до весны. У меня две комнаты. Занимайте одну.

— Нет, нам это не подходит — заключили они.

— Где же вы устроитесь? Гостиниц в Чистяково нет, а тем более в шахтном поселке. В общежитии шахты? У руководства шахт для шахтеров в общежитиях мест не хватает, вас они не поселят. Давайте я переберусь в свой служебный кабинет, а Вы живите в моей квартире.

— Договорились.

А питание? Это конец 1948 года. С питанием плохо. Столовых мало. В городе есть ресторан — 6 км туда и 6 км обратно. Рейсовые автобусы тогда не ходили.

— Платите в кассу больницы деньги, и Вам будет обеспечено трехразовое больничное питание — говорю я.

Нам разрешали тогда за деньги временно кормить молодых еще неустроенных специалистов.

— Питаться будете вместе с ними. Все будет на виду. Кто Вас в чем-либо сможет заподозрить?

Они отвергли мое предложение, неделю питались всухомятку, а затем уплатили деньги в кассу и питались в больнице. Во всем своей сложности и предвзятости.

Комиссия начала работать. Анна Семеновна волнуется. Пере-званиваем друг другу каждый день — что и как. Что будут писать в акте?

Римма Федоровна и Полина Осиповна хорошо поняли мое положение. Они увидели молодого специалиста, малоопытного главного врача, которому досталась больница, хуже которой не бывает. Больницу нужно вытягивать из тяжелого кризиса. Мне всегда казалось, что они не столько меня контролировали, сколько мне помогали. Записали в акт, что больница плохо оснащена мягким инвентарем. Вечером я звоню Анне Семеновне.

— Запишут в акт, что плохо с мягким инвентарем.

— Будет.

Через 2–3 дня получаю наряд на белье, простыни, полотенца, тапочки. Еще через день члены комиссии говорят:

— Что это у Вас — одеяла? Это же рвань! Запишем в акт.

Звоню в горздрав.

— Будут.

Получаю наряд на одеяла. И так все время. Кровати никудашные, но кроватей нет — записали в акт. Составили акт они объективный: учет был плохой, документация плохо велась, в историях было не все в порядке, спирта — перерасход (а как без этого: куда не идешь — дай спирт). Я и не скрывал этого от них. Они и сами все это видели и хорошо понимали.

Как-то перед самым их отъездом я зашел к себе домой, т.е. к ним, чтобы выяснить, как им там живется. Посидели, поговорили. Оказалось, что у Риммы Федоровны день рождения.

Я очень любил Цимлянское вино. Теперь его нет. На том месте, где рос цимлянский виноград — Цимлянское море. У меня была бутылка. Мы распили это вино, пожелав друг другу здоровья, счастья и успеха.

Вскоре они уехали, оставив у меня о себе хорошую память и самые добрые чувства. С Полиной Осиповной я встретился в 1960 году. Она возглавляла группу контролеров и предложила облздравотделу мою кандидатуру в качестве эксперта. Они тогда проверили Снежнянскую городскую больницу. Мне нужно было проверить работу подземных шахтных здравпунктов и правильность лечения шахтного травматизма.

Со мною тогда приключилась история, которая закончилась хорошо, но могла бы закончиться и хуже. Спустились мы с десятником в шахту 32 бис. До здравпункта под землей идти километров 5–6. Шли мы более часа. Проверка здравпункта заняла минут 10, от силы 15.

Что есть в подземном здравпункте? Шины, перевязочный материал, кое-какие медикаменты, жгуты, носилки — все было на месте. Журнал вели по форме.

Десятник мне сказал:

— Идите к стволу старыми выработками. Идите так, чтобы ветер дул в лицо. Ни в коем случае никуда не сворачивайте, а самое главное не возвращайтесь назад — заблудитесь, выработки старые и сильно разветвленные.

Вроде бы все ясно: ветер в лицо и иди. Десятник ушел дальше, а я закончил работу и пошел старыми выработками. Вначале было ничего: более менее светло и дорога под ногами вполне приличная. А дальше бурелом из старых стоек. Опоры покривились. Кое-где штреки завалились. Страшно.

А возвращаться нельзя — это строго-настрога приказал десятник, уже человек в летах, пошутить он не мог. Да и ветер вроде бы в лицо дует. Зайду то в один штрек — дует в лицо, зайду в другой — тоже дует в лицо. Нужно сесть, спокойно подумать. Порой я вообще никакого ветра не ощущал. В кармане у меня оказался бинт. Выдернул из него ниточку. Держу за один конец — второй свободный — отлетает. Пошел в другой штрек. Держу ниточку, вроде бы тоже отлетает нижний конец, зашел в штрек чуть дальше — нет ветра. Значит нужно идти в первый штрек. Шел и все время проверял ниткой движение ветра. Вскоре я услышал звонки и голоса шахтеров у ствола. А еще через 3–4 минуты вышел к подъемной машине. Теперь вспоминается легко, а тогда немного перетрусил. Думаю: не потеряться бы в шахте. Нашли бы, но зачем доставлять людям беспокойство, да и времени прошло бы много, пока разобрались бы что к чему.

Как-то, когда я уже был директором института урологии и нефрологии, раздался телефонный звонок. Звонит из народного контроля Римма Федоровна по какому-то вопросу, связанному с лечением больного. Имя редкое. Госконтроль, народный контроль. Спрашиваю:

— Вы не та Римма Федоровна, которая контролировала меня в 1948 году в Чистяково?

— Та.

— Приходите вместе со своим больным. Поговорим, вспомним, былое.

Не пришла. Наверное, хотела остаться в моей памяти такой, какой была 27 лет тому назад.

Пока в больнице работала комиссия госконтроля, мы довольно хорошо, по тем временам, оснастились. Получили мелкий инвентарь, одеяла, матрацы, комплекты мебели, инструментарий, стройматериалы для ремонтных работ. А вот кроватей не достали. Все кровати были старые, сетки чиненные-перечиненные, словом, металлолом. Но новых нет и негде достать — все лимитировано.

Как-то в январе 1949 года у меня в больнице был хирург городской больницы Валентин Кирьякулов. Человек неугомонный,

энергичный, предприимчивый и авантюристичный, любитель выпить и пошуметь. Оперировал он довольно хорошо. К тому времени у него был стаж хирургической работы около 10 лет и он для меня был авторитетом. Он умел делать многие операции из тех, о которых я только мечтал. Может быть, его хирургические знания и умения притупили мое критическое восприятие ко всему тому, о чем он говорил.

— Тебе нужны кровати? Так за чем дело стало? Я тебе достану кровати. Сколько — 165? Считай, что дело сделано. Деньги есть? По перечислению? Сойдет.

Далее он рассказывал, что долгое время жил в Енакиево — километров 50 по прямой от Чистяково. Там был крупный металлургический завод, цех ширпотреба которого выпускал металлические кровати с панцирными сетками. Директор завода — его друг и приятель, друг дома его родных. Через директора завода Кирьякулов сумеет достать эти 165 кроватей.

— Валентин Евстафьевич, как же практически это осуществить?

— Значит так. Доставка ЗИС-130 (это грузовая 3-х тонная машина). Возьми на дорогу закуски, ну, и как водится, спирта. Обзаведись соответствующими письмами и финансовыми документами на имя директора завода. Звони и поехали.

Дня через два звоню ему.

— Можем ехать завтра. Все, что требовалось от меня, готово.

— Лады. Завтра жду в 7.00.

В морозное январское утро, еще затемно, заехал за ним домой. Он был готов. Поехали в Енакиево по проселочным ближним дорогам. Дорога была снежная, порой совсем заметена. Новая машина не буксовала, ехала не быстро, но и заминок в пути не было. Часов около десяти мы приехали в Енакиево.

— Знаешь, Виктор. Давай сначала заедем к моей родне, приведем себя в порядок, позавтракаем, а затем уже двинемся на завод.

— Как знаешь, давай — согласился я.

Заехали к его родственникам. Восторженная встреча. Всех Кирьякулов обнимает, целует, старших похлопывает по плечу, младших — чуть ниже спины. Все заразились его возбуждением, его тоже похлопывают. Наконец, он вспомнил, что мы с шофером стоим тут же и надо нас представлять. Хозяйка начала накрывать на стол. Еду поставила, а выпивки нет. Кирьякулов шепчет, надо бы... Понятно — нужен спирт. Принесли пол-литра. Выпили, поели. Дело движется к часу.

Приехали в контору завода. Валентин Евстафьевич потолкался по конторе, кое с кем также бурно здоровался, вроде бы демонстрируя, что он тут свой человек и все они его друзья. Зашли в приемную директора. Здесь он держался скромнее. Довольно вежливо у секретаря спросил директора.

— Ах, его нет. А когда будет? Сегодня не будет, уехал в Сталино? Досадно. А нам он нужен. Очень нужен.

— По какому вопросу?

— Да у нас к нему дело личное, он о нем знает, договаривались о встрече. Наверное, его вызвали непредвиденно?

— Да нет, это плановая поездка, о ней он знал.

— Может Ваш вопрос сможет решить кто-то другой? — спрашивает секретарь.

— Нет. Другой не сможет его решить. А завтра директор будет у себя? — выясняет Кирьякулов.

— Да. Будет с утра. Как Ваша фамилия? Как о Вас доложить? В конце дня он должен звонить — уточняет секретарь.

— Звонить? Нет, мы лучше завтра с утра зайдем, — закончил разговор Кирьякулов.

Вышли из конторы завода.

— Знаешь, давай заедем в одно место.

По всем правилам, нужно было мне понять, что кровати — чистейшая авантюра Кирьякулова. Директора он не знает в такой степени, чтобы просить у него о приобретении кроватей. Нужно бы сказать: «Пока светло, пора возвращаться домой». Но об этом я тогда и не подумал. Заехали в одно место. Он вошел в дом, сказав, что сейчас вернется. А я остался в машине. Минут через 30 он вышел и сказал:

— Поехали к моим, пообедаем.

Поехали, пообедали, выпили, опьянели. Мой запас спирта кончился. Пора ехать домой. Зимний день короткий. Начало темнеть. Ветер усиливается, началась поземка. Дорога просматривается с трудом. Едем уже более часа. Вдруг поняли, что мы давно сбились с дороги и едем по вспаханному полю — машину все время подбрасывает. Остановились. Вышли из машины. Так и есть. Вспаханное поле. Нигде никого. Ни огня, ни людей, ни лая собак.

Что делать? Куда ехать? Соображаем. Решили ехать прямо. В Донбассе много населенных пунктов — на какой-нибудь выедем, а там разберемся. Поехали. Вскоре правая половина машины въехала в какую-то канаву, загрузла. Как шофер не старался выехать, это ему не удалось. Около десяти вечера. Кругом степь. Мотор заглушили. Начали вслушиваться в ночь. Ветер как будто доносит лай собак. Так и есть. Значит населенный пункт где-то рядом. Шофер остался у машины, а мы с Кирьякуловым пошли на лай. Шли без дороги не менее двух часов. Снег глубокий, идти тяжело. Ветер в лицо, но лай стал сильнее и ближе. Действительно, еще через какое-то время мы вошли в село. Собаки нас встретили яростным лаем.

Стучимся в один дом — не открывают. Стучимся в другой, третий, четвертый — не открывают и не отзываются. Время — полночь. Я чертовски устал. На ногах уже около суток, да и алкоголь

силы отнял. Потеряв надежду обогреться в доме и узнать где мы и как дальше ехать, я сел возле стога соломы и на морозе уснул. Кирьякулов сам продолжал ходить по домам, но ни в одном ему не открыли.

В послевоенные годы частенько встречались любители пожить за чужой счет. Поэтому в селах были дружины, которые следили за порядком в окрестности сел. Жители поняли, что в селе есть чужие люди. Дружинники села задержали Кирьякулова, а он уже их привел к стогу соломы, где я уснул. Они меня разбудили, но встать я не мог — околели ноги и руки. Меня еле довели до какого-то дома. Раздели, растерли. Кое-как я пришел в себя и понял, что был на краю гибели. А главное, все по глупости, из-за моей доверчивости. Кровати затмили мозги. Хотелось легко, вне лимита достать кровати. Чуть жизни не лишился. Впредь нужно держать инициативу в своих руках.

Как оказалось, нас привели к одинокой, бедной женщине, вдове, потерявшей во время войны мужа и детей. Жила она очень убого. В доме у нее было холодно и неуютно, сама она вызывала жалость и сочувствие — много в те годы было таких вдов. Она вскипятила нам чугунок воды — мы пили и так грелись до утра. Дружинники нам рассказали, что мы сбились с дороги, свернули влево и уехали на 20 с лишним километров от той дороги, которая ведет в Чистяково.

Утром с помощью трактора вытащили машину и к обеду мы уже без происшествий добрались домой. В тот день я не хотел говорить Кирьякулову, что я о нем думаю после всего случившегося. Но позже я ему сказал. Вскоре после этого он выбросил очередной фокус и его освободили от работы, хотя хирурги в Чистяково были очень нужны. Я потерял его надолго. Много лет о нем ничего не знал. И вдруг в конце семидесятых годов услышал его фамилию. Работает заведующим областным хирургическим отделением. Он же — главный хирург облздравотдела. Кто его знал, говорили, что он остался любителем острых ощущений. Если ехал на мотоцикле, то на предельной скорости, если в компании веселился — то без всякой меры, если напивался — то в стельку. А умер спокойно. После работы пришел домой, пообедал, сел в кресло перед телевизором, и его не стало, вроде бы покой ему был противопоказан. Те, кто его знал, говорили, что он был хорошим диагностом, хорошо оперировал, больные и сотрудники любили его.

Кровати вскоре больница приобрела. Помог Потирайло Ефим Иванович — председатель Чистяковского горисполкома. Ему кто-то рассказал о нашей одиссее с Кирьякуловым. Наверное, Лившиц. Нужно сказать, что Потирайло — интересный человек. Во время войны партизанил. В послевоенные годы был партийным выдвиженцем. Образованием не блистал, но был от природы умным че-

ловеком. Он хорошо знал о наших трудностях. В тресте «Чистяковантрацитстрой» благодаря его письму нам для больницы выписали 165 кроватей.

Наступила весна. Я был увлечен работой. Жил я, по-прежнему, один. Жена была на курсах. Меня часто вызывали в больницу на urgentные случаи, поэтому большую часть времени я жил в своем кабинете. Проводил все urgentные неполостные операции: обработку ран, вправление вывихов, фиксацию переломов гипсовыми повязками. Фактически, полгода я проработал непрерывно, без учета рабочего времени и выходных. Выходные дни мне мешали, т.к. они прерывали мою деловую активность, связанную с администраторами шахт, не давали возможности встретиться с деловыми людьми. Весна и тепло активизировали мою малярию, которой я страдал уже более года. От акрихина я стал желтым. Меня трясет, а я работаю. Когда поднималась температура, как и прежде, возникала эйфория, мысль работала быстро. В это время я много читал. Читал быстро и все воспринималось, запоминалось. Однако организм слабел, развивалась анемия, появилась усталость.

Как-то меня навестил дома, когда меня трясло, наш венеролог Георгий Васильевич. Он мне рассказал, что во время войны он как репатриант объездил полмира. Был во Франции, Австралии, Канаде. Он узнал, что на Востоке малярию весьма успешно лечат инъекциями неосальварсана. После курса инъекций приступы прекращаются. Если я не возражаю, он проведет мне курс лечения неосальварсаном. Я был согласен на все, лишь бы избавиться от малярии. Лечение прошло весьма успешно. С тех пор я забыл, что такое малярия.

Сложная судьба была у Георгия Васильевича. Казалось, что в чем-то он был виновен перед нашей страной. Он часто говорил: «Не долго дадут мне пользоваться свободой», — мысль не заканчивал, замолкал, уходил в себя. Вечером всегда напивался. Получку пропивал, постепенно опускался. Действительно, вскоре его арестовали. Перед этим к нему приехала жена намного моложе его. О ней он никогда ничего не говорил. Жила она до этого в Пятигорске. Нас, нескольких сотрудников больницы, вызывали на допрос в КГБ. Толком о прошлом Георгия Васильевича никто из нас ничего не знал. А настоящее старого, больного, пьющего и одинокого человека вызвало сочувствие.

Всвязи с Георгием Васильевичем меня вызвали в КГБ. Причем просили приходиться в сумерках с черного хода в строго обозначенное время. Беседовал со мною сам начальник КГБ города, которого я хорошо знал по встречам на горкомовских мероприятиях. Мы с ним всегда приветливо здоровались, но никогда не разговаривали. Теперь я у него в кабинете...

Он поздоровался со мной за руку, но не так приветливо, как прежде. Разговор сначала шел о том, как работаете, какие трудно-

сти, какие перспективы, что с кадрами, но я понимал, что не это ему нужно. Наконец, он заговорил о Георгии Васильевиче.

— Что он за человек? — первый вопрос.

— Трудно сказать. Жизнь у него была сложная, помотался по миру с перемещенными лицами. Научился скрытно жить. В моем присутствии он никогда не вел разговоров, которые могли бы заинтересовать Вас — для начала ответил я.

— Но, все же, он что-то говорил, пусть не Вам, сотрудникам...

Летом 1949 года в район приехала заведующая облздравотделом Дуброва Фекла Гавриловна. Энергичная, умная женщина. Умела разговаривать со всеми — и с интеллигентами и с теми, кто обслуживал интеллигентов, да так, что те понимали — лучше не связываться, хорошего будет мало.

Словом, Дуброва Ф.Г. по своим волевым и деловым качествам вполне соответствовала послевоенному времени, когда нужна была сильная воля, напористость, умение показать характер, когда дело касалось принципа. А.С. Лившиц ее привезла к нам в больницу. К тому времени больница более или менее была приведена в божеский вид.

— Анна (она была дружна с Лившиц), неужели это та больница, в которой я была чуть больше года тому назад?

— Да, та. Вот молодой главный врач Карпенко постарался, привел больницу в надлежащий вид. Его заслуга.

Обошла она второй этаж, зашла в операционную, перевязочную, затем осмотрела первый этаж. Тогда мне казалось, что сделано все идеально. Через 30 лет я вновь посетил больницу шахты Киселево в Читяково. Вид у нее был не ахти какой, но все мне было дорого. Нашлись старожилы, которые меня помнили. В больнице ничего не изменилось. На все свое время. Время тоже определяет сознание.

Но тогда Фекле Гавриловне перемены в больнице понравились. Понравилось потому, что в других местах было хуже, понравилась моя инициативность, целеустремленность и предприимчивость в создании лучших условий для оказания помощи шахтерам. Она видела больных и понимала, какая сложная работа проводится коллективом.

— Виктор Степанович, что тебе еще нужно? Проси — говорит Дуброва.

— Фекла Гавриловна, рентгенаппарат. Обслуживаем шахтеров, переломов костей много, на рентген возим в город. Дороги плохие. Мучаются шахтеры. Будет рентгенаппарат — кабинет имеется — будем все делать на месте.

— Дам, — решительно заявила она, — считай, что у тебя есть рентгенаппарат. Получили по репарациям — тебе и отдам его.

У меня в зобу сперло от радости. Действительно, буквально через неделю нам привезли венгерский рентгенаппарат.

Свою однокашницу, Ольгу Васильевну Орехову, я после разговора с Дубровой направил на курсы рентгенологов. Медсестру направил на курсы рентгенлаборантов. Переломы костей, открытые и закрытые, мы начали лечить по науке, с коррекцией костных отломков. С течением времени я все больше втягивался в хирургическую работу, но это была, в основном, малая и амбулаторная хирургия.

Рождение сына

В начале июня Маргарита вернулась с курсов и сразу пошла в декретный отпуск. 27 июля утром она пожаловалась, что появились схваткообразные боли в животе. К 8.00 я ушел на работу, но уже в десятом часу теща, Ольга Петровна, сообщила, что Маргариту нужно везти в роддом. На пролетке я отвез жену туда. В родильное отделение меня не пустили, я ходил вокруг роддома. Встретил пару знакомых, которые караулили под окнами с ночи.

Горздрав рядом. Зашел по каким-то больничным делам к Лившиц, что-то шло о деньгах. Разговор у нас затянулся. Вдруг раздастся телефонный звонок — ей сообщили из роддома, что у меня родился сын. Я мигом выскочил с горздравотдела, побежал в роддом. Мне через окно показали сына — он был черный, с длинными волосами на голове, 3,3 кг весом. Кричал он громко — значит, все в порядке. К вечеру я приехал еще раз навестить Маргариту. Принес мед в сотах — Маргарита обиделась. Она очень голодна, кушать хочет, а я ей мед привез. Выручила теща, она привезла все, что было нужно.

Через неделю Маргарита была дома с сыном. Теперь мы не только муж и жена, но отец и мать. Малыш все больше входил в нашу жизнь, требовал все больше внимания и заботы. Я почувствовал любовь к нему.

В Чистяково меня несколько раз беспокоил военкомат. Предлагали вернуться на военную службу. Я рассказал, что когда-то сам хотел восстановиться на учебу в Кировскую военно-медицинскую академию, но мне отказали по здоровью. Теперь у меня интересная работа, работаю с увлечением. Отказался от предложения военкомата. Но военкомат был настойчив. Как-то в августе месяце, через месяц после рождения сына, меня в очередной раз вызвали в военкомат. Заставили переодеться в форму старшего лейтенанта (у меня было воинское звание старшего лейтенанта медицинской службы в запасе). Предложили пойти в фотографию и сфотографироваться для документов.

Переоделся, но пошел не в фотографию, а в горисполком, к Потирайло Е.И.

— Что за маскарад? — спрашивает он.

— Это так поступают в городе, которым Вы руководите. Вызывают в военкомат, предлагают переодеться для призыва в армию

без моего согласия. Я еще от малярии как следует не отошел. Наконец, у меня сын родился, ему еще месяца нет — куда я поеду? На кого оставлю жену с грудным ребенком? Да и отслужил я свое во время войны.

Он стал мрачным, походил по кабинету. Я ожидаю его решения. — Иди в фотографию — сказал он.

После фотографии я вернулся в военкомат, чтобы сменить одежду. Выдержал ужасный бой от подполковников, которые занимались моим переодеванием. Их тоже можно понять, им дали разнарядку — вынь, да положь хирургов. Но какой из меня хирург — больше хозяйственник, только в начале хирургического пути.

Весь этот маскарад оставил тяжелый осадок. Я не знал, чем кончится дело с военкоматом.

Пришел домой, у жены радость, глаза сияют. Она купила небольшой ковер для дома, скорее не ковер, а коврик — шерстяной красивой расцветки. Первые семейные приобретения всегда доставляли радость. Она мне показывает ковер, а у меня в душе и мыслях военкомат. Разделил с ней радость покупки и не стал огорчать, умолчал о том, что было в военкомате, чтобы не исчезло у нее молоко от волнения. Ведь она кормящая мать, ее нельзя волновать.

Жили в те годы сотрудники больницы очень скромно, но дружно. Развлечения — кинотеатр на шахте Лутугино и кинотеатр в городе — за 6 км от нас. Его посещали редко, в теплое время, потому, что идти чаще всего нужно было пешком.

Иногда собирались у кого-либо на чашку чая. Я не помню, чтобы в среде врачей пили водку, мужиков было раз-два и обчелся. Иногда пили Цимлянское вино. Его тогда было много. Иногда раскошеливались на деликатесы — семгу, черную и красную икру. В магазине они тогда были в изобилии, но стоили дороговато для нашего кармана. Позволить себе эту роскошь можно было только в праздник, а иногда в день полочки. Чаще собирались у кого-либо вечером, после теоретической конференции, на которой кто-либо из нас выступал с докладом. Врачей было 17: педиатры, терапевты, хирурги, гинеколог, стоматолог, лаборант-рентгенолог, окулист, венеролог. Доклады делались на соответствующие темы, по профилю больницы. Я вел конференцию, поэтому к каждому докладу готовился и что-либо добавлял к сказанному докладчиком. Потом я понял, как это много мне дало для повседневной работы в шахтной больнице, где мы тогда оказывали помощь по всем специальностям. Направлять больных на консультации было трудно из-за отсутствия транспорта.

После конференции шли к кому-либо на чай. Слушали музыку по радиоприемнику. Иногда сами пели песни, читали стихи и сочиняли на ходу пародии на нашу повседневную жизнь.

Шахтный поселок

Жизнь в шахтерском поселке была своеобразной, сложной, напряженной. Стране нужно было топливо, уголь. Рабочие сплошь и рядом перерабатывали. Денег зарабатывали много, даже очень много.

В магазинах промтоваров было мало. Но зато все шахты были окружены питейными ларьками. Продавщицы давали шахтерам выпивать в долг. Много денег оставалось в «забегаловках», «Голубых Дунаях». Считалось, что нужно выпить после работы в шахте — для разрядки.

Тогда только начала внедряться механизация. Как правило, уголь-антрацит добывали обушком, предварительно взорвав угольный пласт. После взрыва в угольном пласте образовывались трещины и было легче добывать уголь. За смену шахтеры сильно уставали. Стакан водки был кстати. Но многие этим злоупотребляли, придумывали разные штуки, которые добром не кончались. Вот один из характерных примеров.

Однажды в «Голубом Дунае» выпившие шахтеры решили купить легковой автомобиль марки «ЗИМ», который в 1949 году был в свободной продаже и стоил 42 тыс. рублей. Шахтеры сложились по 1000 рублей. Через неделю в поселке появилась новенькая легковая машина первого класса черного цвета. Такой машины не было ни у начальства города, ни у начальства треста. Стоит машина возле «Голубого Дуная» — Знай наших! Его величество рабочий класс все может. Но как же на ней могут ездить 42 хозяина-пайщика? В «Голубом Дунае», не долго думая, решили — каждый пайщик ездит на машине одну неделю. Бросили жребий, чтоб без подвоха. Те, кому выпал жребий ездить первым — радовались, а те, кому через 40 недель — злились. В спор мужиков включились жены — «пушки заряжены», но ни до чего не договорились, перессорились, поскандалили. Потом 4 человека выкупили машину у остальных. Вновь в «Голубом Дунае» спор: 4 человека тоже не мириться. При этом ездили на ЗИМе, в основном, вокруг «Голубого Дуная». Водительских прав у них не было, а жены такое непотребство терпеть не могли, подливали масло в огонь. Все жители шахтерского поселка только и говорили об истории с «ЗИМом». А кончилось все так, как и должно было кончиться.

Как-то вечером я приехал из Сталино. Смотрю — разбит угол каменного забора больницы. Спрашиваю завхоза о том, что случилось. — Это «ЗИЛ» угодил.

— Если так разнесли каменный угол забора, что же осталось от машины? — спрашиваю я.

— А ничего. Пошел на запчасти — ответил он мне. — Хорошо, что пассажиры отделались синяками.

Рос сын. Крепла семья.

Сына мы назвали Алексеем, под впечатлением от прочитанной тогда книги «Повесть о настоящем человеке», в честь Алексея Маресьева. Хотелось, чтобы сын был смелым, как Маресьев, но со счастливой судьбой. Имя Алексей всегда ассоциируется с умом, добротой, справедливостью и милосердием. Хотелось, чтобы всеми этими качествами обладал наш сын.

Мужчина не сразу понимает, что стал отцом. По крайней мере, так было со мной. Видел я своего сына по вечерам и рано утром. Большая часть, уже спящим. Вначале даже страшно было взять его на руки — не сломать бы чего. Другое дело мать. Она кормит ребенка, напевает ему песенки, разговаривает с ним, улавливает его первые проявления сознания, отмечает те мелочи, из которых видно, что ребенок живет и развивается. Это радует ее и утверждает в материнстве. Я стал проявлять больший интерес к сыну после года, когда с ним можно было как-то играть, подбрасывать, учить ходить. Между прочим, все это повторилось с внуком и внучкой. До года я к ним проявлял небольшой интерес, хотя очень заботился, чтобы у них все было, чтобы для них все делали мама и бабушка.

Приехала Ольга Петровна. Она взяла все заботы об уходе за внуком на себя.

В Чистяково мы подружились с Коломойцевыми. Глава семьи — военный инженер, командир стройбата занимался восстановлением шахт Донбасса. Жили они недалеко от больницы в коттедже. Они были нашими ровесниками. Их сын, Юра, был года на 2 старше нашего Алексея. Коломойцев мне очень сильно помог в ремонте больницы. Шахты нам выписали круглый непиленный лес. Его нужно было распилить, а затем сделать оконные переплеты, двери и т.д. У Коломойцева был деревообделочный цех, который работал в одну смену. Он согласился за плату распилить лес и сделать оконные переплеты. Это была очень большая работа, поскольку, касалась замены рам всего здания, а в некоторых местах — и луток.

К нашему огорчению, его воинскую часть перевели под Москву. Коломойцевы занимали половину коттеджа. Мы в то время жили в той же квартире, что заняли при поступлении на работу. Коломойцев предложил нам занять его коттедж. Я взял машину на автобазе. Погрузил наши вещи в машину. Подъехали к дому Коломойцева. Наши вещи разгрузили, а их вещи загрузили и отвезли на вокзал. Все это произошло быстро — ведь у нас и у военного инженера вещей было мало. Мою квартиру на следующий день заселили бесквартирные сотрудники нашей больницы.

Жизнь в отдельном коттедже с участком земли, с садом, летней кухней, погребом и сараем стала более удобной, особенно для Алеши. Он целые дни мог проводить в саду на свежем воздухе и радовать своих родителей.

Алеша находился на попечении няни — Лексеевны. Это дало возможность Маргарите уделять больше внимания своей профессии. После курсов она начала вести не только амбулаторный прием, но и оперировать глазных больных в стационаре. Для этого был приобретен необходимый инструмент. У Маргариты руки ловкие, нежные, движения точные. Операции, пусть небольшие, получались у нее хорошо и это вселяло надежду, что она станет офтальмохирургом. Так оно и получилось.

В Чистяково со мною работал врач Пасхалов Александр Иванович. Человек сложной судьбы. До войны он работал ассистентом на кафедре анатомии в Днепропетровском медицинском институте. Не знаю подробностей, но он оказался в немецком плену. В лагере для военнопленных начал оказывать хирургическую помощь раненым. Так он приобщился к хирургии. После освобождения из лагеря его направили в Чистяково. Вначале он стал работать в поликлинике хирургом, а затем и в стационаре. Женится на местной женщине. У него родилось двое детей — две девочки. Возле больницы он построил небольшой приземистый домик. И вдруг — беда. У парторга шахты заболела девочка. Врачей тогда было мало, да и опыт их был недостаточен. Своевременно не распознали острый аппендицит. А.И. Пасхалова привлекли к лечению ребенка на 3 или 4 день после начала болезни, когда она осложнилась разлитым перитонитом. Пасхалов девочку оперировал, но исход был самый печальный. Отец девочки начал жаловаться, писать в вышестоящие инстанции. Пасхалова обвинили в смерти ребенка. Специально созданная на месте комиссия запретила ему делать полостные операции, от работы его не освободили, но резко ограничили круг его деятельности. И это притом, что врачей мало, в хирургах чувствуется острый недостаток — ведь больница обслуживала 4 шахты.

Я долго присматривался к А.И. Пасхалову — человек как человек. Имеет семью, хочет работать и работает в больнице не покладая рук.

Из архива я достал историю болезни девочки. Изучил ее. Посоветовался с более опытными товарищами в Сталино, в клинике факультетской хирургии. Доцент П.В. Раевский пришел к выводу, что вины А.И. Пасхалова в смерти больной нет. Операция сделана слишком поздно, когда разлитое воспаление брюшины привело к резкой интоксикации и необратимым изменениям в организме.

Имея это заключение, обратился к Анне Семеновне Лившиц, с просьбой реабилитировать А.И. Пасхалова как врача. Вначале она и слушать не хотела, чтобы разрешить Пасхалову хирургическую деятельность. В прошлом компрометирующих дел не было, он прошел официальную проверку и был отпущен. Прошлое нельзя связывать со смертью девочки. В плену он помогал раненым, так

почему же он должен был сделать плохо операцию теперь, когда он создал семью, построил дом? Он собирался жить настоящей жизнью и помогать людям, а не вредить им, тем более ребенку! Какой вред она ему причинила? С ее родителями он не был знаком до того случая.

Поддействовало то, что я доложил Лившиц мнение опытных хирургов и то, что не хватало врачей. Договорились о том, что А.И. Пасхалов поедет на курсы усовершенствования хирургов, а затем уже приступит к обычной хирургической работе. Вскоре он уехал на шесть месяцев на курсы усовершенствования врачей в Харьковский институт.

В Чистяково осталась его беременная жена. Помню, это было поздней осенью. Дожди размывали дороги, грязь по колено. Мы жили с Пасхаловыми рядом. К нам прибегает теща Пасхалова и сообщает, что у ее дочери начались усиленные родовые схватки. Я прибежал и увидел, что ее нельзя оставлять дома ни одной минуты. Мы ее кое-как одели. На руках я принес ее прямо в родильный зал, благо расстояние от дома до больницы было 100–150 метров. Буквально через несколько минут она родила девочку. Акушерка осматривая плаценту установила, что она отошла не вся. В полости матки остался небольшой ее участок.

— Что же делать? — спрашиваю у акушерки.

— Нужно делать ревизию полости матки и ручное отделение оставшегося кусочка. Иначе долгое время будет кровомазание и плохое сокращение матки, — так я получил новые для меня практические знания от акушерки.

— Тогда не откладывайте ручную ревизию, — советую я ей.

— Ревизия матки — врачебная манипуляция, я ее не имею право делать, — был ответ акушерки.

Она мне рассказала как нужно сделать ревизию полости матки, как нащупать оставшийся кусочек плаценты, как его отслоить от стенки матки и удалить. С этой манипуляцией я успешно справился, удалил кусочек плаценты. Послеродовой период женщины прошел благополучно.

Первые шаги в хирургии

Одним из условий, на которых я дал согласие быть главным врачом этой полуразрушенной больницы Центрального поселка, которая обслуживала 4 шахты, было наличие более опытного хирурга. Тогда мне Лившиц сказала, что хирург имеется, но она в отпуске. Действительно, недели через две после нашего прибытия Надежда Константиновна вернулась из отпуска. Подала заявление об уходе и уехала. А Пасхалову оперировать не разрешали.

Первые месяцы меня настолько увлекла хозяйственная работа, что хирургией я занимался изредка. Хирургическое отделение наполовину было занято больными костным туберкулезом, наполовину — больными с закрытыми и открытыми травмами конечностей. Выполнялись несложные операции: первичная хирургическая обработка ран, вправление вывихов, репозиция костных отломков, лечение панарициев. Хотелось большего, а самое главное, хотелось иметь наставника, который бы показал, как и что правильно делать, оградил бы от ошибок.

Такого наставника у меня не было. Иногда я выбирал время, ездил в городскую больницу на операции. Операции я видел, но самое главное, клиника (показания к операции или противопоказания, предоперационная подготовка), от меня ускользала. Смотреть, как хирург делает операцию — это не то, с чего нужно начинать учиться хирургии. Время идет, а опытного хирурга в больнице нет.

— Анна Семеновна, Вы мне обещали опытного хирурга, — говорю ей. — Нужно сдержать слово.

Она обещала подумать, но время шло, а она никак не могла решить вопрос о хирурге для нашей больницы. Те, что были в районе — заняты до предела. Дать им совместительство у меня было невозможно.

Тогда она вспомнила о Бережном Дмитрие Яковлевиче. Дмитрию Яковлевичу в то время было около 60 лет. Он занимал должность фельдшера в больнице шахты «Красная Звезда». Фельдшерскую школу закончил еще до революции. Все время работал в хирургических отделениях в качестве помощника хирурга. В послереволюционные годы, когда было полностью разрушено здравоохранение, жизненная ситуация заставляла его брать за хирургические операции, которые превышали его медицинское образование. Результаты лечения были вполне удовлетворительными. Популярность Д.Я. Бережного среди населения росла. Его в Чистяково знали все. В предвоенные годы в Донецкой глубинке врачей было мало, автомобильного санитарного транспорта почти не было. В период временной оккупации Чистяковского района ему пришлось опять расширить хирургическую деятельность. Так, он хорошо освоил неотложные операции при аппендиците, грыжах, заворотах кишечника, холециститах, перфоративных язвах, травматических повреждениях брюшной и грудной полостей.

Из рассказа Д.Я. Бережного я узнал, что хирург Аснес (я его лично знал в годы, когда учился в институте, он был главным врачом Центральной клинической больницы в г. Сталино) до войны установил связь с сельскими районами Сталинской области, создал там специальные группы врачей, которые подбирали больных для операций, а он 1–2 раза в месяц приезжал с кучером на

бричке, оперировал подготовленных больных и переезжал в следующий район. Д.Я. Бережной был один из тех, кто подбирал больных для операций в г. Чистяково. Нельзя сказать, что такая постановка хирургической помощи была хорошая. Но это было лучше, чем без нее.

После войны шахтерский город стремительно рос. А.С. Лившиц уделяла значительное внимание развитию хирургической службы. В районе работало три хирургическо-травматологических отделения. Ими заведовали два опытных хирурга, работавшие в госпиталях Советской Армии во время войны — Марк Моисеевич Коган-Бройде и Марк Израилевич Ланда. Оба закончили медицинский факультет Бухарестского университета. Первый был родом из Молдавии, второй — из Северной Буковины, которые отошли к СССР в 1939 году. За год до нас главным врачом и хирургом больницы шахты «Красная Звезда» приехал работать выпускник Киевского мединститута Е.А. Вайман. В 1948 году на работу хирургами приехали Иван Зубко и я. По тому времени хирургические отделения вполне удовлетворительно справлялись с оказанием хирургической помощи населению района.

В 1953 году по району прокатилась антиеврейская кампания — сняли с работы Лифшиц, Коган-Бройде и Ваймана. Ланду не тронули — он лечил какое-то высокопоставленное лицо, и со временем даже был награжден орденом, который своим трудом он вполне заслужил.

Я тогда уже работал в Донецке. Ко мне обратился Вайман за советом о трудоустройстве. Я как раз накануне отказался перейти на должность заведующего хирургическим отделением в новую больницу на поселке Ветка. Я рекомендовал Ваймана главному хирургу города, и Вайман занял эту должность.

После войны, когда медицинская служба входила в нормальное русло работы, Бережному Д.Я., как не имеющему диплома врача, оперировать не разрешили. Вот Анна Семеновна вспомнила о нем. Дескать, ему оперировать нельзя, а ассистентом быть можно. Учитывая его опыт в оперативной хирургии, он сможет мне помочь на первых порах.

В один из январских дней она приехала с Бережным к нам в больницу. Познакомила меня с ним. Он произвел на меня хорошее впечатление, показался доброжелательным и внимательным. Именно за эти качества в районе его очень любили, а среди семей шахтеров он как «доктор» пользовался неизменным успехом и популярностью. Он никогда не отказывал больным. Шел (транспорта тогда почти не было) оказывать помощь больному в любое время суток и при любой погоде.

Договорились так: я неделю госпитализирую плановых больных (с грыжами, водянками оболочек яичка, хроническими аппендици-

тами), созваниваюсь с Бережным, посылаю за ним транспорт и мы вместе оперируем больных. В течение января-марта мы совместно провели около 10 операционных дней, сделали более 100 различных операций. Большая их часть прошла хорошо. Оперировал я, а он подсказывал и направлял, как нужно сделать операцию, как прошить ткани, какой должен быть шов — словом, технику небольших и наиболее распространенных операций он знал и хорошо мне помог. Я стал увереннее себя чувствовать за операционным столом и делал попытки самостоятельных операций.

Была одна неудача, о которой хочу рассказать подробно. Она меня потрясла, научила многому. Я понял: прежде чем браться за скальпель, нужно хорошо знать, что делать, помимо основного варианта операции, нужно иметь запасные, а прооперировав больного, необходимо уметь выходить его. Знать приемы предупреждения тех или иных осложнений так же важно, как и уметь сделать операцию. Я провел много бессонных ночей у постели больного, искал причину ошибок. Вместе с больным, мне казалось, что и я умирал. Я думал, если бы можно было больному отдать часть своей жизни для его выздоровления, я, не задумываясь, отдал бы.

Речь шла о больном с хронической язвой 12-перстной кишки. Болен он был давно, лечение не помогало, хотя неоднократно его лечили в терапевтических отделениях. Лечили его сном (тогда это было модно), но и это не помогло. Дмитрий Яковлевич предложил ему операцию — гастроэнтероанастомоз. В те годы эта операция широко применялась. Часть пищи проходила по анастомозу в тонкую кишку, минуя двенадцатиперстную кишку, пораженную язвой. Больного тщательно готовили к операции.

Под местной анестезией Дмитрий Яковлевич довольно мастерски наложил больному задний гастроэнтероанастомоз на короткой петле, т.е. все выполнил так, как рекомендовалось в руководствах и монографиях по хирургии.

Первый день после операции прошел хорошо. Второй день тоже прошел без осложнений. Температура тела, пульс, артериальное давление были в норме. Все началось на третий день — срыгивание желудочным соком перешло в неукротимую рвоту. Исключили пищу и жидкость через рот. Увеличили количество солевых растворов и глюкозы внутривенно. Несколько раз переливали кровь. Назначили сердечные, обезболивающие, но лечение больному не помогало — он обезвоживался, истощался и постепенно погибал. Я пригласил городского хирурга Коган-Бройде. Он также что-то рекомендовал, но это ничего не дало — на 11-й день после операции больной скончался при явлениях истощения и интоксикации.

Анна Семеновна Лившиц приказала, чтобы на секции присутствовали три хирурга Чистяково: Коган-Бройде, Ланда и Вайман. После операции был выставлен следующий диагноз: язвенная болезнь

12-перстной кишки, состояние после гастроэнтеростомии, несостоятельность желудочно-кишечного анастомоза, перитонит, интоксикация.

На вскрытии выяснилось, что желудочно-кишечный анастомоз проходим, имеет достаточный размер, признаков расхождения швов не выявлено, перитонита нет. Желудок перерастяннут, атоничен. Тонкий и толстый кишечники вздуты. На секции явной причины смерти не установили. Что же послужило причиной неукротимых рвот, которые не удалось ликвидировать, которые привели к обезвоживанию организма, интоксикации и смерти больного? В чем же дело? Я сейчас уже не помню, как был сформулирован диагноз после вскрытия трупа. После секции все мы разошлись не удовлетворенными. Меня все время мучила совесть. Я длительное время просыпался по ночам, из-за того, что мне снился больной, что мы его лечим и не можем справиться. Я десятки раз в своей памяти «прокручивал» операцию. Как только я освобождался от работы и приходил домой — в голову вновь и вновь лезли мысли о больном. Я переживал, не мог работать, сомнения терзали и раздирали душу. Начал искать в книгах, в чем же состояла моя, вернее, наша ошибка.

Говорят, что время лечит. Так было и со мной. Наслаивались другие лечебные и производственные дела — они занимали мысли. Простые и более сложные, менее удачные и более удачные, одни радовали, другие печалили. Я пытался в удачных операциях находить себе оправдание за смерть того больного. Иногда это меня утешало, а чаще это было слабым утешением. Это была первая смерть больного после операции, в которой я принимал самое непосредственное участие, поэтому она во мне оставила очень глубокий след. И, несмотря на то, что прошло с тех пор около пяти десятков лет, описывая этот случай из моей практики, я волнуюсь и переживаю вновь свою неудачу. Но теперь я хорошо знаю, отчего больной умер. В дальнейшем в подобных ситуациях я не потерял ни одного больного.

Хирургия — это особая специальность. Одни говорят, что хирургия — это наука, другие говорят, что хирургия — это искусство. Мой опыт и активная хирургическая жизнь на протяжении более 50 лет дает мне основания утверждать, что хирургия — это и наука, и искусство. Хирургию нельзя изучить только по книгам. В хирургических книгах, как бы они ни были хорошо написаны, нельзя передать тех нюансов чувств и ощущений, которые видит хирург при осмотре больного. Даже маленькая деталь в конечном итоге может стать ведущим симптомом и наоборот, симптомы, выступающие на первый план могут оказаться лишь сопутствующими.

При чтении литературы от молодого врача эти детали ускользают. Текст он принимает на веру, не может осмыслить его через приз-

му своего опыта работы. В этом лучше всего может помочь наставник, более опытный хирург. К счастью молодых, у нас много прекрасных хирургов. Они охотно делятся своими хирургическими секретами. Помогают понять в книге то, что еще скрыто от начинающего врача и стать «на ноги» в своей хирургической профессии.

За свою жизнь я убедился, что для успешной работы хирургического коллектива в нем должно работать 4 поколения хирургов: со стажем работы 3–5 лет, со стажем — 10–13, до 30 лет и свыше 30 лет. Роль последних заключается в том, что они хранители традиций, историки хирургии своего региона, которые накопили в своей памяти массу клинических случаев и ситуаций, которые позволяют разобратся в невероятно сложных заболеваниях.

В чем же заключались основные ошибки в лечении нашего больного?

Пациент был истощен язвенной болезнью. Мы же его в течение 2–3 суток до операции держали на голодной диете. Мало того — промывали желудок и кишечник для того, чтобы пищеварительные органы были свободны от кишечного содержимого. Все это усугубило алиментарное истощение организма, ослабленного болезнью.

Вторая ошибка была допущена в послеоперационном периоде. Срыгивания и рвоты — прямое показание к постоянному дренированию желудка зондом. Нужно было исключить прием пищи через рот, назначить переливание крови, солевые растворы, особенно внутривенно. Назначить лекарства, побуждающие перистальтику кишечника, большие дозы раствора хлористого натрия, прозерина. После операции пациенту нужны были сифонные и очистительные клизмы.

Этот несчастный случай многому меня научил. Я понял, что нужно очень много читать. В те годы я много читал, даже иногда прибегал к приему препаратов, повышающих работоспособность мозга. Я помню, что в течение ночи я прочитывал целые монографии по грыжам, язвенной болезни, кишечной непроходимости, аппендициту и анатомии, физиологии, патологической анатомии, раневой инфекции, травмам и другим вопросам хирургии. Правда, вскоре я убедился, что бессонные ночи плохо отражаются на работе днем. Поэтому от приема возбуждающих средств очень скоро отказался.

Плановые операции мы делали с Д.Я. Бережным. Больше всего мне тогда хотелось освоить оперативное лечение грыж. В поликлинику приходило не так много больных с грыжами, хотя среди шахтеров они встречались часто. Поэтому я организовал прием в шахтной бане. Когда шахтеры поднимались на поверхность из забоя, они обязательно мылись в бане и уже после бани шли домой. Вот я и решил их в бане смотреть. Шахтеров с грыжами оказалось много. Тут

же выписывал им направления. Приходили на операцию не все, но многие, поэтому за три месяца работы с Бережным я хорошо овладел операциями при грыжах всех локализаций. Овладел аппендектомией при хроническом аппендиците, но самостоятельно еще не оперировал — не уверен был в диагнозе.

И вот однажды, это было в мае 1949 года, часов в 5–6 вечера привезли больного с острым аппендицитом. Посмотрел больного — все признаки острого аппендицита: боли в правой подвздошной ямке, симптом напряжения мышц определяется отчетливо, симптом Щеткина положительный, язык суховат, пульс частит, температура 37,5. Вроде бы, острый аппендицит. А вдруг не аппендицит, а камень в мочеточнике? Посмотрел мочу — прозрачная, примеси крови не видно. А может быть макрогематурия есть? Лаборатория уже не работает. Врач-лаборант живет рядом с больницей — побеспокою. Время есть, на подготовку к операции уйдет около часа. Врач Ильченко выяснила, что в моче эритроцитов нет. Тоже — в пользу острого аппендицита. Преодолею все сомнения. Дал команду готовить больного к операции. Моюсь сам.

Разрез кожи — кровеносные сосуды подкожной клетчатки кровоточат большего обычного — признак воспаления. Вскрыл брюшину — мутный выпот, тоже признак воспаления. Вошел пальцем в брюшную полость — чувствую инфильтрацию кишки, извлекаю слепую кишку в рану, вместе с ней наружу извлек червеобразный отросток. Визуально в нем флегмонозные изменения. Диагноз поставил правильно. Теперь удалить отросток. Технику операции я уже знал. Перевязал отросток у основания и отсек его. Культю червеобразного отростка погрузил в кисетный шов. Основной этап операции сделан. Теперь осталось зашить брюшную стенку.

Операция закончена. Больной в палате. У меня радость. Еще один шаг сделан в освоении своей специальности. Мне необходимо с кем-то поделиться своей радостью, перед кем-то выговориться. Маргарита еще на курсах в Сталино. Решил сходить к Марку Моисеевичу Коган-Бройде. Быстрая ходьба меня несколько успокоила, возбуждение, вызванное операцией немного улеглось. Марк Моисеевич был, как всегда вечером, в больнице, у себя в кабинете. У него своей семьи не было, жил он с сестрой и племянницей, домой уходил только спать, часов в 10–11 вечера. В 6 часов утра он уже был на работе, обходил службы, в 9–10 часов начинал операцию.

Пришел к нему. Делюсь своей радостью, сомнениями. Пьем чай. Он мне подает чай сладкий, сам пьет в прикуску — страдает сахарным диабетом. Мой рассказ в нем воскрешает его хирургическую молодость. Он рассказывает о случае, который произошел с ним после окончания Бухарестского университета, когда он работал «на Молдавии». Далее следовал рассказ, в котором были все те же пе-

реживания и сомнения, с которыми пришел я. Поздно вечером закончилась эта беседа. Она меня успокоила, утвердила в правильности моих действий, вселила уверенность. Словом, я получил полное удовлетворение от сделанной операции, пусть простой, но первой. Понял я и другое, что специальность «хирургия» дает хирургу радость бытия, когда все идет хорошо, а когда что-то плохо — одни страдания и терзания, которые я уже знаю и испытал. У меня еще есть возможность сравнивать и выбирать профессию, пока не поздно. Удовлетворение от хирургии взяло вверх. Перед тем, как идти к себе спать (жил я тогда в своем кабинете), зашел к больному. Он лежит спокойно, боли терпимые, но не спит. Пошел к себе. Лег. Не спится. Начал читать — не читается. Отложил книгу. Потушил свет. Лежу и думаю. Мысли переплетаются. Вспоминаю прошлое. В настоящем — скоро прибавление семейства. Словом, жизнь идет.

Под утро привезли шахтера с повреждением мягких тканей плеча. Хорошо, что без повреждения костей. Туалет раны, первичная обработка, гипсовый лангет.

Как раз время идти на утреннюю конференцию. Начинается новый рабочий день больницы — для меня он продолжение вчерашнего.

Начинается лето. Жара. Шахтный поселок в те далекие послевоенные годы был неблагоустроен. Туалеты во дворе, их хлорировали нерегулярно. Дворников почти не было, улицы были грязные. Каждый убирал только возле своего дома. Мусор вывозили плохо. Мух было полно. Население испытывало большую нужду в воде — летом ее расходовали только на самое необходимое. Сыпного тифа не было, а вот дизентерия и брюшной тиф были. Своими силами необходимо было делать прививки от кишечных инфекций, и, прежде всего, шахтерам основных профессий — стране нужен был уголь. Прививки мы делали в бане. Чтобы избежать прививок, шахтеры шли домой грязные, в рабочей одежде. Мы обратились к начальникам шахт. Решено прививки делать в шахте, у ствола, перед посадкой в шахтный лифт. Кого привили — садись в лифт. С нами, медиками, были представители администрации шахт. Некоторые шахтеры осознавая необходимость, прививались без разговоров. Таких было большинство. Нашим сотрудникам было тяжело, их ругали, вырывали шприцы, угрожали. Призыв к совести не срабатывал. Некоторые шахтеры начинали шуметь, ругаться. Помню, однажды разбушевавшийся шахтер меня так ухватил за грудки, что если бы не помогли другие шахтеры, быть бы мне битым. Закончилось все мирно. Забияке сделали прививку. Он нехотя и кисло улыбнулся перед посадкой в лифт. Мы потом часто с ним встречались, он всегда меня дружески приветствовал и я на него не злился.

Однажды в шахте, вернее в забое, где добывали уголь, мне пришлось делать хирургическую операцию. Дело было так. Во время выемки угля из пласта обрушилась кровля. Породой шахтеру привалило левую руку и частично грудную клетку. Породу с груди убрали, а рука оказалась в завале. Товарищи начали разбивать завал, но в забое было тесно, душно, темно. Время шло, а глыба плотно удерживала руку. Вызванный фельдшер из подземного здравпункта ввела пострадавшему морфий и камфару, а затем позвонила в больницу. Нашли меня. Что делать? Поехав на шахту, предварительно взял все для ампутации. С момента завала прошло около 2 часов. Такая глыба, видимо, всю руку размозжила. Спустились в шахту с механиком. Доехали до лавы. По лаве приползли в забой. Прошло около трех часов. Рука раздавлена. Ее восстановить нельзя. Принимаю решение произвести ампутацию на уровне верхней трети плеча. Нашлись помощники. Обрезали робу. Помыли спиртом кожу. Наложили жгут на плечо. Помыл спиртом руки. Надел перчатки. Стерильность относительная. Ввел раствор новокаина ниже жгута. Циркулярно рассек кожу и пересек мышцы, до плечевой кости. Пересекать кость не потребовалось — она была размозжена. Наложили повязку. Вывезли пострадавшего из шахты со жгутом на культе. Я прихватил несколько шахтеров-доноров и уехал из шахты раньше, чтобы заготовить донорскую кровь и подготовиться к окончанию начатой в шахте операции и лечению пострадавшего от шока.

У двух шахтеров с первой группой крови взяли 800 мл крови. В приемном покое сразу же начали переливание крови. Приличная доза свежезаготовленной крови, обезболивающие препараты сделали свое дело: артериальное давление выровнялось, сердечная деятельность стала устойчивой. Спустия 1,5–2 часа обработали культю левого плеча по всем хирургическим правилам, удалили все размозженные ткани. Дальнейшее течение было вполне благоприятным. Молодой здоровый организм справился с тяжелой травмой — физической и моральной. Каждый день его навещали друзья и подбадривали.

В те времена у нас в Чистяково не было централизованного снабжения кровью, как теперь. Часто приходилось брать кровь у доноров, а чаще всего — у родственников непосредственно в больнице.

Когда медикам приходилось обращаться к шахтерам за донорской кровью, многие наперебой предлагали свои услуги. Процедура переливания крови ограничивалась проверкой группы крови. Брали одногруппную кровь или универсальных доноров.

Шахтеры — удивительный народ. Они смелые, решительные, добрые, уступчивые, когда с ними по-хорошему, по-товарищески. Они доброжелательны, склонны к взаимовыручке. Шахтеры всегда очень хорошо относились к медикам, особенно к хирургам и к тем, кто жил в шахтерских поселках. Они видели, в каких условиях мы рабо-

тали, в любое время суток, почти без выходных. Они видели, что по первому зову днем и ночью мы готовы оказывать им и их семьям медицинскую помощь. Авторитет врача среди шахтеров всегда был высоким, конфликты и жалобы были редкими, по недоразумению с новыми врачами, которых не знали.

Лето в Донбассе очень знойное, особенно со второй половины июня и до середины августа. В эти месяцы мы старались меньше оперировать, т.к. в палатах была страшная духота даже в ночное время. Масочный наркоз эфиром почти невозможно было давать — он моментально испарялся. Парами эфира в операционной дышали все.

К этому времени относится еще одно памятное событие. Заходит ко мне депутат поселкового Совета Полина Ивановна.

— На моем избирательном участке живет человек, у которого очень тяжелая болезнь — нога усыхает, — заявляет она мне. — Нужно помочь.

Приглашаю участкового терапевта Кислякову. Она знает этого человека. Неоднократно предлагали ему операцию по поводу гангрены стопы, но он категорически отказывается.

Жил больной недалеко от больницы. Пошли втроем.

Живет пациент в шахтерской мазанке: это домик размером 5х4 м, крыша плоская, покрыта плитами из известняка (в Донбассе это встречалось часто). Высота дома не более 2,5 м. Входим в дом — трупный запах «ударил» в нос. Крошечная кухня, из нее дверь в комнату. Дверь закрыта. В комнате полумрак — окна завешены. Дышать трудно. На кровати лежит истощенный человек, покрытый грязью, с желтой кожей. Нога прикрыта тряпкой. Жена — маленькая, убитая несчастием женщина сняла тряпку. Нам представилась ужасная картина: ткани на стопе омертвели и отпали, видны кости стопы. Ткань на голени некротическая до средней трети, видна большеберцовая кость.

Предлагаем в очередной раз операцию. Еле слышным голосом больной ответил, что без ноги жить не хочет. Наши уговоры не помогли. Вскоре он умер. Кто виноват в смерти еще не старого человека? Он? Медики, что не сумели уговорить его на операцию, когда еще не было сепсиса? На этот вопрос я долго искал в себе ответ. Где-то в глубине души я склонен был обвинять медиков, что мы не сумели уговорить больного на операцию. Но вскоре это мнение было поколеблено.

Ко мне заходит рентгенолог О.В. Орехова и с радостью сообщает, что она распознала у больного рак желудка. Радость ее можно понять: впервые она, начинающий врач-рентгенолог, диагностировала рак желудка. Рентгенограммы — тому подтверждение.

Пригласили больного — он наотрез отказывается от операции. Пригласили его жену. Она нам ничем не помогла, заявив, что если он сам не хочет лечь на операцию, она его заставлять не станет.

Я не отступал: послал на консультацию в Сталино. Там перепроверили диагноз и также предложили операцию. На операцию больной согласия не дает. Решили госпитализировать в больницу — может, среди больных и врачей он поймет опасность своего положения.

Разговаривая в очередной раз с больным узнал, что его сын служит в армии. Возникла мысль: а не вызвать ли сына — может, он уговорит отца? Через военкомат вызвали сына. Сын нам тоже ничем не помог: «Раз отец не хочет ложиться на операцию, насильно заставить я не могу».

Сын отслужил в армии. Вернулся на рудник. Как-то вместе с отцом заходят ко мне в больницу.

Передо мной стоял другой человек. Какехичный, с большим животом (асцит) — значит, уже есть метастазы в печень — оперировать бесполезно, поздно.

— Я согласен на операцию, — говорит больной. Об этом же просит сын... Но хирургия уже бессильна, время упущено.

Родильное отделение нам доставило много беспокойств. В конце совещания в горздравотделе, уже вечером, часов в 7 или позже, я как-то случайно, мимоходом сказал А.С. Лившиц, что в родильном отделении лихорадят 7 детей.

— Как лихорадят? Какая температура? — забеспокоилась она.

— 38 и даже 39 — говорю ей.

— Почему же Вы молчите? Почему Вы спокойны, когда нужно действовать? Это сепсис новорожденных!

Позвонила районному акушеру-гинекологу Ольге Петровне домой. Заехали в городскую аптеку. Забрали весь запас пенициллина без денег.

Растерявшемуся фармацевту сказала:

— Завтра Виктор Степанович документы оформит.

Поехали в больницу втроем.

Выяснилось худшее, что можно было предположить. К вечеру все дети высоко лихорадили. Все без исключения. Сепсис новорожденных. Матери пока не лихорадят. Дети ведут себя беспокойно. Появление двоих врачей насторожило матерей. Начали кипятить шприцы, иглы. Вводили ударные дозы антибиотиков через каждые три часа. Дети кричали, матери не спали, волновались, пробовали скандалить, но мы их успокаивали как могли. Пенициллин тогда был магическим средством. Большая часть детей поправилась. Двое детей умерло уже после выписки из родильного отделения. После этого случая мы закрыли родильное отделение и тщательно продезинфицировали помещение, кровати, мебель, родзал. В тех условиях, по возможности, старались строго соблюдать асептику.

Это трудно было сделать в нашей больнице, хотя отделение было изолировано от остальной больницы и имело отдельный вход. В небольшой больнице, тесно заставленной койками, имелось кож-

но-венерическое, хирургическое, инфекционное и терапевтическое отделения. Условия для возникновения внутригоспитальной инфекции были идеальными. Со временем антибиотики стали менее действенным средством, а госпитальная инфекция более вирулентной и менее чувствительной к антибиотикам.

В родильном отделении рождались дети с различными врожденными пороками развития. Как-то родился ребенок с дефектом передней брюшной стенки диаметром 9 см. Сохранилась только брюшина. Сквозь полупрозрачную брюшину было хорошо видна перистальтика тонкого кишечника. После грудного кормления хорошо видны были белые лимфатические сосуды, которые через 45–60 минут исчезали. Этого ребенка я возил к Коган-Бройде и Ланда, чтобы оперировать его, закрыть дефект брюшной стенки, прикрыть брюшину кожей с подкожной клетчаткой. Оба они отказались от этой операции, а я, хирург почти без стажа, не решился на такую редкую операцию. Брюшина подверглась воспалению, перфорировалась, кишечник эвантерировал, развился перитонит. Ребенок погиб. Этот случай, как и другой, приведенный ниже, произвел на меня неизгладимое впечатление на всю жизнь. Это был первый опыт, первое восприятие патологии новорожденных, первая проба сил. Не имея опыта, я отступил.

Второй случай такой. Родился здоровый мальчик. Доношенный, с нормальным весом, но вскоре умер. Акушерка момент смерти просмотрела. В родзале как раз шли роды. Ее присутствие там было обязательным. На секции мы обнаружили левостороннюю диафрагмальную грыжу. Через небольшое отверстие в диафрагме, величиной с трехкопеечную монету, во время первых вдохов, из брюшной полости в плевральную переместился тонкий кишечник, селезенка и желудок. Кишечник сдавил легкое, ребенок не смог дышать и умер. На вскрытии мы были потрясены. Из-за небольшого дефекта в диафрагме — смерть. А ведь его легко можно было ушить — наложить всего два-три шва и ребенок остался бы жить. Подобная патология встретилась мне в клинической практике еще однажды, но тогда я уже был опытным хирургом и спас ребенка.

Курсы усовершенствования

Кончилось лето. Началась осень. Пасхалов вернулся с курсов. В ноябре месяце я начал думать о курсах по хирургии. Вернее, меня больше интересовала стажировка на рабочем месте в клинике. К тому времени, имея небольшой клинический опыт, я точно знал, что мне нужно освоить в клинике. Я сказал об этом Маргарите — она не возражала. Сотрудники меня тоже поддержали: «Посмотрим за семьей, поможем Маргарите и Алеше». Алеша рос здоровым ребенком, ему шел 4 месяц. Во второй половине ноября поехал в Стали-

но. Явился к Леониду Николаевичу Кузменко. Он встретил меня как старого знакомого. С ним я связи не терял, иногда советовался по телефону. В клинике мне все знакомы: П.П. Раевский, Ф.М. Осипов, О.Я. Народицкая, Г. Уткин, М.М. Ковалев и другие.

Клиника факультетской хирургии медицинского института тогда располагалась в 1-й городской больнице на Первой линии (ул. Артема). Сейчас зданий этой больницы нет. Их снесли и на этом месте разбили площадь им. Ленина с памятником Ленину, который отлили в Ленинграде. Как мне удалось установить, памятник стоит как раз на том месте, где в здании клиники располагался кабинет профессора Л.Н. Кузменко, ординаторская и одна из палат.

Представлять меня не нужно было — все знали, кто я такой и зачем приехал.

Поскольку с жильем было плохо, вернее, его не было, то я решил повторить Чистяковский вариант — жить в клинике и дежурить. Клиника 12—13 дней в месяц несла urgentную службу по городу, сюда доставляли всех больных, нуждающихся в неотложной хирургической помощи. Я думал, что, живя в клинике, я возьму максимум полезных хирургических знаний и оперативных навыков.

Как-то Л.Н. Кузменко на утренней конференции обратил внимание:

— Что это Вы каждое утро докладываете о больных?

— Леонид Николаевич, он изъявил желание каждый день дежурить, чтобы побольше увидеть, — ответила за меня О.Я. Народицкая.

Постоянными дежурствами была решена проблема с питанием. Тогда государство было очень бедное, но врача, который заступал дежурить на сутки кормили три раза в день. Я покидал стены клиники тогда, когда ходил в кино, театр, в гости но вечером возвращался в клинику.

Никогда не жалел, что столько своего личного времени отдал клинике. Я читал медицинскую литературу, когда не было срочной работы в отделении, помогал почти на всех операциях или принимал участие в выхаживании тяжелых послеоперационных больных.

В молодые годы, когда память, как губка, все вбирает в себя, полезно много работать. За 2—3 года можно усвоить много. В зрелые годы на это потребуется десяток лет. Недостаточная интенсивность в учебе, а тем более перерыв в ней нельзя восполнить напряженным трудом — производительность не та! Нельзя сдерживать физиологические процессы в нервных клетках. В учебе добивается успеха тот, кто равномерно, без перерывов и авралов загружает свою память знаниями. На фундамент знаний, заложенных до 30-летнего возраста, хорошо «ложатся» знания, накопленные в зрелые годы. Они делают человека образованным, интеллектуальным. Это даже отражается на его внешности, манере общения с коллегами и отношении к делу.

В urgentные дни я поддежуривал кому-нибудь из ассистентов. В неurgentные дни обычно дежурил сам. Меня прикомандировали к ассистенту Осипову Федору Макаровичу. На вопросы, которые у меня возникали, отвечал как мог, проявлял недовольство, если я ему вечером звонил по телефону и спрашивал совета, врач же он был хороший. Отношение к больным замечательное, приветливое, лицо улыбочное, глаза теплые и добрые. Он всегда внимательно выслушивал больного, не перебивая. В конце задавал вопросы, необходимые для уточнения жалоб и анамнеза, а далее делал обстоятельный осмотр. Больные были от него в восторге, он пользовался большим уважением.

Я как-то вечером был в оперном театре. На спектакле был Федор Макарович со своей женой Елизаветой Петровной Беловой, очень умной, симпатичной женщиной. Она была урологом, работала в одной из поликлиник города. Я обратил внимание как к Федору Макаровичу и его жене уважительно относились люди, как с ними здоровались, почтительно беседовали. Преподавание его не вдохновляло. Он не очень умел и любил рассказывать. При малейшей возможности отправлял студентов в операционную. Дескать, смотрите. А что смотреть, на что обратить внимание? Это оставалось неясным. Так поступал и со мною. Но мне важно было посмотреть, увидеть как он, Федор Макарович, поступал в той или иной ситуации. Поэтому вопросами я ему не докучал. После года работы в Чистяково я хорошо знал, чему мне нужно научиться в клинике.

Петр Петрович Раевский — спокойный, уравновешенный, доброжелательный человек. Охотно отвечал на мои вопросы. Он всегда толково объяснял и рассказывал. Оперировать не любил и оперировал лишь в крайних случаях, очень медленно, но методично. Я любил ему поддежуривать, поскольку многие операции он мне разрешал делать самому, но сам при этом находился в операционной. В сложных операциях я помогал ему в качестве ассистента. Диагностом он был превосходным. Имел энциклопедические медицинские знания, хорошо знал теоретические вопросы хирургии. Его часто приглашали на различные консультации и консилиумы, на которые я его с удовольствием сопровождал.

Он был очень терпелив, внимателен, никогда не отмахивался от вопроса, приносил журналы или указывал библиографию, где можно детально познакомиться с затронутой проблемой.

Я вел палату больных. Взял за правило до утренней конференции обходить больных, делать необходимые записи, связанные с выпиской больных, знакомиться с новыми больными, делать необходимые назначения. Остальную работу, в том числе и перевязки больных, делал после окончания операционного дня. Это несколько нарушало работу перевязочной, но вскоре Нина Осиповна (пе-

ревязочная сестра) не только не роптала, но и, видя мое стремление овладеть оперативной хирургией, помогала мне в выполнении сложных перевязок.

Я посмотрел много различных операций в исполнении Леонида Николаевича Кузменко. Он оперировал очень нежно, анатомично. Тогда операции делали, в основном, под местной анестезией. Наркоз был масочный, от которого больной спит, а хирурги полудремут. Бывало зайдешь в троллейбус или трамвай, а пассажиры перешептываются — что-то аптекой запахло. Это от нас, хирургов. В те годы не было возможности хирургам переодеваться полностью в больничную одежду, когда шли оперировать.

Словом, оперировали, в основном, под местной анестезией. Местная анестезия требует от хирурга большого терпения в проведении обезболивания, учета особенностей топографической анатомии, зоны оперативного вмешательства и бережного обращения с тканями в процессе операции.

Л.Н. Кузменко всем этим владел превосходно. Операция в его исполнении, особенно на желудке (резекция желудка), кишечнике (резекция кишки), удаление камней из почек, мочеточников, удаление желчного пузыря проходили идеально.

Я смотрел его операции как замороженный: какие пластичные, мягкие, экономные движения, без суеты, без лишних слов. Все точно, все предусмотрительно, все взвешено. Ни одной лишней капли крови больной не теряет, тогда это было важно. Не было так хорошо поставленной службы переливания крови, как сейчас. Вроде бы, и оперирует медленно, а резекция желудка сделана всего за 70–80 минут. Больной спокоен, пульс и артериальное давление в пределах нормы, больной редко стонет, дремлет от морфия. Операция проходит без повышения голоса и покрякивания на ассистентов.

Иногда я стоял и думал, смогу ли я так оперировать, как Леонид Николаевич. Так мастерски. Иногда работу хирурга сравнивают с работой ювелира или художника. Он был и ювелиром и художником-хирургом в одном лице.

В будущем я буду неоднократно наблюдать работу разных художников, живописцев, портретистов, скульпторов, буду отдавать дань уважения их мастерству, но каждый раз при этом я буду вспоминать Леонида Николаевича, его пластичные руки, подвижные пальцы и восхищаться его хирургическим мастерством.

Мастерство хирурга, мне кажется, выше, чем художника. Пусть художники на меня не обижаются. Но они создают мертвую натуру, многие создают талантливо, как живую, но все-таки мертвую. Они — останавливают мгновение, запечатлевают натуру на века. Хирург восстанавливает, реконструирует больную, но живую натуру. Он должен не остановить ее мгновение, а сохранить в ней жизнь, освободить от болезни. Это процесс высокого творчества, если хирург — мастер. И ху-

дожники знают и ценят искусство хирургов. Они оставили нам замечательные портреты хирургов прошлого (Пирогова, Юдина). Современные художники уделяют внимание хирургам — Амосову, Ромоданову, Шалимову и многим другим. Среди картин А. Шилова я видел портреты детских врачей — Зинаиды Семеновны, Я. Луцкого, Л. Рошалья, профессора Г.П. Шульцева, академика М.Я. Студенинина (директора института педиатрии в Москве). Мне невольно подумалось: не больные ли дети художника — причина столь частого обращения к образам детских врачей?

Жаль, нет у меня фотографии Леонида Николаевича в операционной или на обходе. В это время талантливый человек наиболее интересен. Момент творческого напряжения и вдохновения преобразует хирурга.

В то время, когда я был в клинике на рабочем месте, он решил на новую для себя операцию — резекцию средней трети грудного отдела пищевода, пораженного раковой опухолью у мужчины лет 55.

Операция первая. Это начало 1950 года. Думаю, что она в числе первых операций в Советском Союзе. Тогда этой проблемой начал заниматься профессор Казанский В.И., ученик академика С.И. Спасокукоцкого. Перед операцией Леонид Николаевич решает созвать консилиум. В консилиуме принимает участие профессор В.М. Богуславский, тоже очень большой хирург, ученик С.И. Спасокукоцкого. Из Саратова В.М. Богуславский в 1924 г. переехал в Юзовку (теперь Сталино). В 1932 г. в Сталино открылся мединститут. Владимир Матвеевич поочередно заведовал кафедрами общей, факультетской хирургии. Теперь заведует госпитальной хирургией. Я слушал его лекции, выступления на хирургическом обществе, а вот в консилиуме никогда не видел. Интересно, как проводят консилиумы профессора. Вначале все тоже: врач докладывает, потом члены консилиума задают вопросы врачу, больному, обсуждают объективные данные, результаты обследования.

Обсуждение шло обстоятельно. Взвешивались все «за» и «против». Риск большой. Консилиум высказался за операцию. Но первый опыт в городе уже есть — некоторое время тому назад, В.М. Богуславский удачно удалил опухоль грудного отдела пищевода. Больного после операции Владимир Матвеевич сам выхаживал. Жена профессора готовила бульоны, протертые супы и каши, молотое куриное мясо, творог, сметану. Владимир Матвеевич сам кормил больного. Мы были тогда студентами 5 курса, занимались у него на кафедре, видели все это своими глазами.

Теперь вот предстоит вторая операция по поводу рака пищевода, которую собирается делать Л.Н. Кузменко.

Накануне все было заказано в аптеке и проверено. Все знали кто и что будет делать. Мне досталась роль дежурного по операционной. Я был доволен, т.к. мог наблюдать за ходом операции.

Утром в день операции Л.Н. Кузменко еще раз зашел к больному и от него последовал в операционную. За ним шли все его помощники, ассистенты. Операция шла под местной анестезией. Закончилась она пробной торакотомией. Опухоль пищевода была интимно спаяна с грудной аортой и бифуркацией трахеи, т.е. это был самый неудачный вариант локализации опухоли пищевода. Операция оказалась невыполнимой.

Меня оставили дежурить возле больного. Я выполнял роль сиделки и медсестры: мерил давление, вводил внутривенно назначенные лекарства. Больному было тяжело дышать. Ночь он не спал. Давление периодически падало, беспокоила боль, бессонница. Словом, день и ночь были напряженными, изнурительными для больного и для меня тоже. Отоспаться меня послали в один из пустующих кабинетов больницы. Спал до позднего вечера. Разбудил голод. Время — 22.30. Магазины закрыты. Кушать хочется, а нечего. Больничная кухня закрыта. В клиническом буфете нашлось немного хлеба. Ужин — хлеб, вода, соль.

День больной провел лучше. Стабильно удерживалось давление, хотя пульс частил и в любой момент ситуация могла ухудшиться. Больной тяжело дышал. На следующий день у него дежурил другой врач, но я был на подхвате: все равно идти некуда. Выходили мы этого больного и выписали из клиники.

На рабочем месте в клинике для меня было важно овладеть диагностикой и хирургическим лечением таких заболеваний как аппендицит, грыжи, водянка оболочек яичка, высокое сечение мочевого пузыря, варикоцеле, ознакомиться с профилактикой и диагностикой послеоперационных осложнений. Все это я видел в достаточном количестве, запомнил. Видел перфоративные язвы желудка и 12-перстной кишки, но не ушивал — не позволяли. Неоднократно ассистировал на кишечной непроходимости, проникающих ранениях брюшной полости с повреждением кишечника, печени, селезенки и почки. За полгода увидел очень много, а самое главное, понял, что мне нужно делать в той или иной ситуации.

Однажды в феврале, в гололед, в клинику был доставлен В.М. Богуславский. Он поскользнулся, не удержался на ногах и упал — закрытый перелом предплечья в типичном месте. Это случилось в двух шагах от больницы. Его подняли с земли незнакомые люди. Они его узнали (в городе Владимира Матвеевича знали все) и сразу же привезли в клинику. Мы не дежурили по городу, поэтому из врачей я был один. Он увидел меня, молодого врача. Он знал меня, как знают все профессора своих студентов: видел в общей массе. Но доверять себя лечить опасался. Я его успокаивал как мог. Сделали рентгенограмму: так и есть — перелом луча в типичном месте без смещения. Показал ему рентгенограмму. Да, перелом немного вколоченный, но без смещения. Наложили лангет. Боль успокоилась. Мы на-

столько были увлечены Владимиром Матвеевичем, что не сразу сообразили позвонить ему домой. Приехал его сын (тоже хирург) Ростислав Владимирович со своей женой Галиной Никитичной, когда гипсовая лангета была наложена. Его осталось увезти домой, что они и сделали. Галина Никитична была старшей операционной сестрой в клинике Л.Н. Кузменко.

У каждого молодого хирурга бывают случаи, когда ему не доверяют. В молодые годы я это всегда чувствовал и говорил с больными открыто. Говорил, что есть, что нужно сделать и спрашивал их согласия на операцию. Это «разряжало» обстановку и всегда находилась оптимальный выход. Помню, как-то ночью доставили средних лет, довольно интересную и интеллигентную женщину. Осмотрел ее. Все признаки острого аппендицита.

— У Вас острый аппендицит, нужна неотложная операция.

Больная с ответом медлит, думает.

— Не доверяете хирургу? — говорю ей. — Молод, неопытен?

— Да, — соглашается она.

— Я так и понял Ваше молчание. Отпустить Вас не могу, а вдруг прорвется воспаленный червеобразный отросток. Станет хуже. Что тогда?

Молчание мне в ответ.

— Давайте договоримся. Я Вас госпитализирую. Если все будет терпимо — будем ждать до прихода старших товарищей утром. Если Ваше состояние будет ухудшаться — придется оперировать.

Такой компромисс ее удовлетворил.

Вскоре поступила еще одна больная с острым аппендицитом. Она, не раздумывая, согласилась на операцию.

После операции я сознательно положил ее в палату рядом с больной, отказавшейся от операции.

Через некоторое время дежурная медсестра приглашает меня в палату к первой больной.

— Боль усиливается. Я согласна на операцию — говорит больная.

Как потом выяснилось, ее сагитировала прооперированная больная, сказав ей, что во время операции она чувствовала себя хорошо, главное, не было сильной боли.

При выписке, больная, высказавшая мне недоверие, наряду с благодарностью добавила:

— Вы бы для солидности себе усы отрастили. Молодость хирурга немного отпугивает.

— Надеюсь, теперь Вы больше будете доверять молодым хирургам.

На том мы с ней простились.

К тому периоду относится еще одно яркое воспоминание. 21 декабря 1949 г. отмечали 70-летие И.В. Сталина. Празднование проходило в Большом театре Союза ССР. Его транслировали по радио. Я прослушал всю торжественную часть и концерт. На нем Выступал

Борис Романович Гмыря, обладавший прекрасным басом. Я его слышал в «Иване Сусанине» и «Русалке». Пел он прекрасно, в зале была продолжительная овация. Говорят, после концерта И.В. Сталин послал узнать, что Бориса Романовича больше устроит: орден Ленина или звание народного артиста СССР. Вопрос трудный, но артист отдал предпочтение последнему.

С юбилеем И.В. Сталина у нас с Маргаритой связано еще одно воспоминание. В октябре 1950 г. мы поехали в отпуск в Москву. Оказалось, что все ведущие музеи Москвы — им. Пушкина, Политехнический, исторический, музей Октябрьской революции — были завалены подарками И.В. Сталину для обозрения народом и выявления всенародной или даже всемирной любви к вождю народов. Чего там только не было! Автомобили, обувь, мебель, халаты, тюбетейки, тапки, красные лоскуты материи и многое другое...

Однажды в клинике произошел такой случай. Больного оперировал Л.Н. Кузменко по поводу паховой грыжи. В послеоперационный период больного беспокоили сильные боли в ране. Он не мог встать, двинуть ногой из-за боли в ране. Рану осмотрел лечащий врач с Осиповым — изменений не нашли. Пригласили Раевского П.П. Он, как всегда, внимательно осмотрел больного и тоже ничего не нашел. Жалобы больного непонятные. Пригласили профессора. Он тоже осмотрел рану. Попросил у сестры ножницы. Пересек волосок.

— Двигайте ногой — предложил Леонид Николаевич.

— А теперь болит? — спросил профессор.

— Нет. Не болит.

Его помощники очень смутились и чувствовали себя неловко.

Что же оказалось? Больному перед операцией плохо побрили операционное поле. Один волосок, растущий на бедре после операции приклеился клеем к коже живота. Когда больной вытягивал ногу, волосок натягивался и возникала боль. Этому волоску не придали значения, а может быть, и не заметили. Профессор разобрался.

Правильно говорят, что в медицине мелочей не бывает. В этом я, как и многие другие, неоднократно убеждался. Ошибки допускались потому, что не учли мелочей. Иногда недостаточно обращали внимания на цвет кожи, цвет слизистых оболочек, недостаточно анализировали то, что ощущали пальцы во время пальпации, недостаточно оценили поведение больного, недостаточно сопоставили общее состояние больного с анализом крови и многое другое. В наш век это очень важно. Молодой врач думает, что аппаратные методы диагностики все решают, а результаты их показателей берут на веру, а опытные клиницисты хорошо знают, что каждый метод диагностики имеет свои пределы и показания. Там, где неясно, где все данные противоречивы, нужно ориентироваться на комплексное

исследование и главное клиническое течение болезни. К тому периоду относится еще один случай в клинике Л.Н. Кузменко, связанный с больной из Чистяково. Это женщина лет 45—47, семьи у нее не было, она не работала, болела, жила с сестрой и на ее иждивении. Сестра работала в больнице санитаркой. Эта больная лежала во всех больницах Чистяково, в каждой больнице по 2—3 месяца. Под каким-либо предлогом ее переводили из одной больницы в другую. Точного диагноза ей никто не мог поставить. Направили в клинику проф. Л.Н. Кузменко с диагнозом гематурии неясной этиологии. В клинике она предъявляла массу жалоб, путала клиническую картину. Раз есть гематурия и лейкоцитурия, а они повторяются во всех анализах, Леонид Николаевич на обходе предложил сделать цистоскопию.

При цистоскопии в мочевом пузыре он обнаружил цыганскую иглу, покрытую солями. Операционным цистоскопом Леонид Николаевич извлек иглу из пузыря, а больную приказал выписать немедленно. Больная начала скандалить. Выписываться не хотела, ссылаясь на отсутствия денег на обратную дорогу. Пришлось сложиться и собрать деньги. Когда ей вручили деньги, она их швырнула на пол, растянувшись у порога клиники и не хотела уходить. Покинула клинику она только когда ей пригрозили, что отправят в психиатрическую больницу. Нормальные люди себе иглы в мочевой пузырь не вводят и так себя не ведут при выписке. Она быстро исчезла.

Шесть месяцев работы в клинике пролетели быстро. В холодное время домой я ездил 1—2 раза в месяц — регулярного автобусного сообщения не было. Зимой в открытой машине холодно, дороги плохие, машины часто портились, приходилось надолго останавливаться в открытой степи, в которой ветер пронизывал до костей.

На Новый год у нас в Чистяково гостил брат Маргариты — Вениамин. Он привез Маргариту вместе с Алешей в Сталино на 2—3 дня. У меня это были самые радостные дни: все вместе — сын, жена и я. Какое счастье!

С наступлением теплых дней я стал чаще ездить домой — появилась тоска по семье и дому. Алеша уже стал маленьким человечком, узнавал меня и с ним уже можно было общаться.

В конце моего пребывания в клинике Л.Н. Кузменко пригласил меня для беседы. Он поинтересовался моими профессиональными планами и предложил место в клинике. От радости у меня «в зобу дыханье сперло» — он угадал мое заветное желание, но к нему еще был очень сложный путь! В конце апреля я вернулся в Чистяково и приступил к работе.

От работников клиники позже я узнал: во время обсуждения итогов работы клиники за первое полугодие 1950 г. выяснилось, что

я больше всех ассистировал и сделал операций. Все удивились, даже Л.Н. Кузменко. Правда, у меня были малые операции, но все они были записаны в операционный журнал — и стали объектом статистики.

На рабочем месте в клинике я много увидел, узнал, был участником интересных операций, присутствовал на консилиумах, конференциях, заседаниях общества хирургов и даже на заседаниях ученого совета института.

Главное, что я осознал недостаточность своих знаний! Я очень рано понял ответственность хирурга перед больным и его семьей. Я понял, каким доверием пользуется хирург у населения. Я понял, как этим доверием нужно дорожить...

Предыдущая неделя была сложной для нашей семьи. Все болели гриппом. Началось с Наташи, заразилась Алена, потом Маргарита, мама и я. Все больные. Лечились сами, врачей не беспокоили. В 1985 г. в Киеве была эпидемия гриппа. Институты оказывали помощь здравоохранению врачами. Наш институт выдал вначале 10, а затем еще 5 врачей. Вчера и сегодня я чувствую себя лучше.

Взялся за «Воспоминания». Хочется особенно подробно и объективно описать чистяковский период. Он сыграл в моем профессиональном становлении важную роль, я часто в мыслях к нему возвращался. Именно там я почувствовал, что смогу быть хирургом. Оперировал много. Правда, все это были простые операции, но тогда дело было не в сложности операций, а в принципе познания хирургических методов лечения, оценке сложности повреждения, его распространения. Это доступно при простых операциях, а также при травматических повреждениях. Их в Чистяково было много — 4 шахты, производство, бытовые травмы и болезни. Приходилось много заниматься лечением инфицированных гнойных ран, развивать наблюдательность, умение улавливать симптомы, по которым хирург судит об улучшении или ухудшении раневого процесса и на основании новых данных меняет схему лечения. Стандарт в хирургии не подходит. В процессе лечения тактика может меняться. Хирург должен руководить раневым процессом, а не следовать ему: не мешать, когда заживление идет нормально и вмешиваться, когда заживление задерживается. Каждый раз, когда заживление ран или панариция задерживалась, находилась причина — это были гнойные карманы, инородные тела, остеомиелит и т.д. Своевременное их устранение, а еще лучше — предупреждение определяет успех лечения. В этом плане первичная обработка раны требует большого искусства и наблюдательности. Первичная обработка раны предъявляет к хирургу большие требования: знание анатомии, топографической анатомии, асептики, методики местной и регионарной анестезии, техники наложения гипсовых лангет или шин, умение нало-

жить сосудистый шов, сшить сухожилия и нервы. Первичная обработка ран кисти, пясти, запястья, предплечья, стопы и голени всегда требует от хирурга больших знаний. Эти операции часто поручают молодым хирургам.

По сравнению с полостными операциями они не являются непосредственной причиной смерти больных. Но как часто приходится видеть людей, ставших инвалидами из-за того, что не была своевременно произведена правильная хирургическая обработка, или хирурги поторопились с ампутацией. Порой дорого больные расплачиваются за недостаточный оперативный доступ к объекту операции или глухой шов, наложенный без показаний. Часто забывают об отсроченных швах. Это хороший шов. Пока неясно как будет протекать раневой процесс, рана открыта. Все в порядке, нет нагноения — завязывай швы, но за раной смотри. Отсроченный шов я оценил в Чистяково, но пришел к нему через ошибки.

У шахтеров руки — главный инструмент. Поэтому операции на руках нужно делать радикально, сохраняя при этом все жизнеспособные ткани — это сложно, дается опытом и временем.

Когда я был в клинике Л.Н. Кузменко, заметил такую особенность: молодые хирурги быстрее ставили диагноз. Хирурги с опытом не торопились высказать окончательный диагноз. Но молодые хирурги чаще ошибались — они мыслили более прямолинейно: боль справа — острый аппендицит, боль в подреберье — холецистит и т.д. Хирурги с опытом, спрашивая и осматривая больного, мысленно дифференцировали симптомы, анализировали их, уточняя, как ранее протекала болезнь. Поэтому они часто отвергали аппендицит в пользу почечной колики или перфоративной язвы желудка или двенадцатиперстной кишки. Вместо кровотокащей язвы желудка говорили о тромбозе ботанического циррозе печени и это подтверждалось при детальной диагностике и лечении.

Хорошо рассуждать, когда имеется опыт и знания, а как молодому врачу в участковой больнице, когда вокруг такие же? Сходство симптомов острого аппендицита, почечной колики, внематочной беременности, холецистита порождает неуверенность. Неуверенность сказывалась на лечебной тактике и выборе метода операции. В таких случаях неминуемы были ошибки. Хорошо, если врач не самолюбив и прибегает к помощи коллег, а если самолюбив? А это бывает, и нередко.

Сравнительно рано я обратил внимание еще на одну особенность хирургической практики. Хирурги боятся (опасаются, проявляют сдержанность, чувствуют недостаточность опыта или знаний — не знаю какое слово лучше отразит мою мысль) повторных операций, если первая операция протекает с осложнениями, которые нужно устранить оперативным путем. Чем они руководствуются — не всегда можно понять: опасаются умалить свой авторитет, ложный стыд

перед коллегами, больным и его родственниками, чувство вины за осложнение и незнание, как с ними справиться.

Мне кажется, что боязнь повторных операций объясняется неуверенностью хирурга, что он не сможет разобраться в причинах осложнений и устранить их. Я то же прошел через это. Именно последний мотив определял мою сдержанную тактику по отношению к повторным операциям.

К сожалению, не все зависит от хирурга, даже идеально выполненные операции сплошь и рядом осложняются. Не только основное заболевание, но и сопутствующие болезни, которые до того протекали скрытно и обострились в послеоперационный период, когда нарушается гомеостаз, снижается иммунный статус организма и учитывается психика больного.

В этот период нужна особая выдержка и внимание хирурга к больному. В такие периоды у него должны проявляться качества, характерные и для психотерапевта.

Молодой хирург

В начале января 1949 г. я приобрел 5-томный анатомический атлас Воробьева. Он мне здорово помог в оперативной хирургии кисти, стопы, предплечья, сухожилий, нервов, сосудов. По возвращении с курсов я расширил хирургическую деятельность.

К операциям для ассистенции чаще стал привлекать Маргариту. Как-то летом в воскресенье утром меня пригласили в больницу к молодой женщине, у которой были симптомы острого живота. Ночью дежурила акушер-гинеколог, которая исключила внематочную беременность и уехала домой в Снежное (это км. 12–15 от нас). Я посмотрел больную. Симптомы острого живота есть, боль больше справа. Если это не внематочная беременность, то все указывает на острый аппендицит. Взяв в помощницы Маргариту, под местной анестезией разрезом в правой подвздошной ямке послойно вскрыл брюшную полость. В ней — кровь. Трубная беременность. До этого я еще никогда не оперировал больных по поводу внематочной беременности. Пару раз видел, как это делали акушеры, но сам эту операцию не делал. Как быть? Выходной день. Брюшная полость вскрыта. Искать гинеколога? Когда его найдешь? Зашить брюшную полость и отправить больную в городскую больницу — тоже много времени уйдет, выходной день, с транспортом плохо.

Решил продолжить операцию. В клинике научился расширять аппендикулярный разрез во все стороны. Расширил операционную рану к лону. Пальцем довольно свободно вывихнул беременную трубу в рану. Причина болезни в наших руках. Мобилизовал трубу до матки и отсек. На матку наложил 3 шва, а затем произвел перитонеализацию. Удалил кровь из брюшной полости. Брюшная стенка послой-

но защита наглухо. Операция окончена. Состояние больной вполне хорошее. Радости нет конца — мы с Маргаритой успешно справились с новой сложной операцией.

После операции в душу вселилась тревога, сомнение: все ли сделал правильно? Мысленно пробежался «по операции». Вроде бы, все правильно. Все этапы выполнил. Скорее бы прошли 3–4 дня послеоперационного периода, в течение которых чаще всего проявляются осложнения. Больную навещал 5–6 раз на день. Это нужно было не столько для больной, сколько для меня. Хирург, который сделал операцию тревожится и нуждается в успокоении. Вид больной был хороший. Вскоре все мои страхи рассеялись, но осталось радостное воспоминание от самостоятельно выполненной операции.

Осталось в памяти и первое ушивание перфоративной язвы желудка. Эту операцию я много раз видел, но никогда не делал.

С нами по соседству жил учитель Цимбал. Он болел язвенной болезнью желудка. Это мы знали. Он был в поликлинике на учете. Как-то поздно вечером его родственники пришли ко мне домой за помощью. Больного я застал кричащим от сильных болей в животе. Боль появилась внезапно, нарастает. Язык сухой, температура в норме, пульс около 100 ударов в минуту, живот как доска — напряжен и болезнен. Все симптомы указывают на перфорацию язвы желудка. Я сказал об этом родственникам. Нужна неотложная операция. Они согласны и просят, чтобы операцию сделал я. С ответом медлю. Ведь перфоративную язву желудка или 12-перстной кишки еще не ушивал. Видел, ассистировал, но сам не ушивал. Что отвечать? Сказать правду не решился. Когда-то же надо ее сделать первый раз. Без первого раза ни одна операция не бывает. В памяти «проиграл» детали операции. Вроде, все знаю. Рискну. Время с момента перфорации прошло немного, больной молодой, здоровый.

Я ушел в больницу с одним родственником больного. Дал ему носилки, на которых вскоре 3 мужика доставили больного в приемный покой. Сделали премедикацию. После наркотиков боль несколько утихла, стала терпимей. Больной может ждать, пока вызванная операционная сестра приготовит все для операции. Ждем. Я еще раз «прошелся» мысленно по операции. Вроде бы, все этапы знаю. Начались сомнения: а может это аппендицит, когда боль начинается с эпигастрия? Да и печеночная тупость была сохранена. Это не характерно для перфоративной язвы. Нет, бывает вначале перфорации, когда еще не накопилось достаточно свободного воздуха под правым куполом диафрагмы. Терзают душу сомнения. Сознательно включаю волю — подавляю сомнения. Так было и так будет всегда, пока здесь начала неотложной операции. Так было и с другими врачами.

Помогать мне будет дежурный врач, терапевт Кислякова. Она прошла военные госпитали и неоднократно помогала на различных операциях. Успокаивает меня тем, что мы имеем дело с перфоративной язвой. Обезболивание? Начну с местной анестезии, а там посмотрим, как я буду обезболивать операционное поле. Продумал и даже в моем воображении все представил в пространственном отображении.

Сестра готова. Можно укладывать больного. Помог уложить больного сестре и санитарке. Пациент крупный, тяжелый. Хирурги помыты, обработано операционное поле настойкой йода. Тщательно произведена местная анестезия передней брюшной стенки. Брюшная полость вскрыта. Из нее «вырвался» воздух — признак перфоративной язвы. Вскоре обнаружена сама язва — из нее сочится желудочный сок.

Когда вижу, что диагноз подтвердился, я всегда успокаиваюсь, настроение поднимается, движения рук становятся увереннее, что так необходимо для оперативного вмешательства. Язва ушита. Произведен туалет брюшной полости.

Операция перешла в завершающий этап — зашивание брюшной стенки. Казалось, не сложная операция. Все протекало гладко. А усталость чувствуется. Наверное, от того, что это была первая такая операция. Она потребовала большого напряжения сил, воли, энергии — отсюда усталость. Но радость и счастье необыкновенное. Еще один шаг в овладении хирургией. Теперь важно, чтобы не было никаких непредвиденных осложнений в послеоперационный период.

Послеоперационный период у больного протекал с выраженным вздутием кишечника, рвотами. С этим я был более или менее знаком, много видел таких больных в клинике. Больной был выписан из больницы через две недели.

Вскоре мне прислали еще одного хирурга — Ильницкого Евгения Ивановича. У него хирургический стаж 5,5 лет. Где работал? Замялся, но отвечать нужно. Два с половиной года работал в Снежном, а два года в лагере заключенных.

— Объясните, что значит лагерь заключенных?

— Нелегально делал женщинам аборт. Знаете, после войны, дети уже есть, а тут еще. Просят, не устоял, сделал одной, потом другой, ну и вступил в противоречие с законом. Судили. Дали два года. Вот освободился и направили к Вам в больницу.

— Да...

— Как же у нас собираетесь работать? Посмотрел ему пристально в глаза. Глаза — шелки. Лицо жирное. Сам невысокого роста. В глаза не смотрит, взгляд бегающий. Лицо несимпатичное и не весьма интеллигентное. Молчит.

— Я жду ответ. От того, как мы с Вами пойдем друг друга зависит, будем вместе работать или откомандирую Вас в горздравотдел. Мне нужен честный и надежный работник. Эти качества — прежде всего.

И тут его как прорвало: божился, клялся ребенком, женой, просил не отправлять в горздравотдел, говорил, что он не словами, а делом покажет, на что способен как хирург.

Что-то в нем было отрицательное, несимпатичное. Но по формальным признакам я не мог ему отказать в работе, тем более, что хирург нам очень был нужен.

Помогли ему с квартирой. Он принимал в поликлинике и работал в стационаре. Оперативная техника у него была неплохая. Диапазон хирургических вмешательств небольшой. У нас регулярно проходили занятия с врачами по актуальным темам медицины, с упором на те разделы, которые встречаются в нашей практике, в шахтной больнице. Поручил Евгению Ивановичу тему для доклада: «Кишечная непроходимость — этиология, патогенез, клиника, диагностика и лечение». План похож на план лекции. Это нам тогда и нужно было для обновления и пополнения знаний врачей других специальностей. Времени для подготовки было достаточно. Доклад он изложил всего за 15 минут. Все скомкал, ничего по сути не рассказал, на вопросы отвечал путано. Мы все готовились к занятиям. Некоторые врачи его дополнили. Занятие не сорвалось, но Ильницкому дали понять, что с заданием он не справился.

Хорошо Ильницкий оперировал грыжи, водянки. Движения у него были мягкие, нежные, работал спокойно, не шумел, инструменты не швырял. Наблюдая за его работой в течение месяца, я понял, что приобрели мы хирурга невысокого класса, но работать с ним можно. Разделили дни дежуривания по больнице между А.И. Пасхаловым, Е.И. Ильницким и мною.

В Чистяково промышленные угольные пласты имеют толщину от 45 до 120 см. Работать в них трудно. Шахтер в лаве перемещается на коленях и локтях или даже по-пластунски. Постоянная хроническая травма способствует развитию бурситов над коленными и локтевыми суставами. Об этой патологии я узнал когда начал работать в шахтной больнице. По правилам техники безопасности, шахтерам выдавались специальные наколенники. Однако они не предупреждали развития бурситов. Надколенная bursa наполнялась тканевой жидкостью, давила стенки бурсы в момент работы и вызывала боль. Шахтеры не могли становиться на колени и опираться на локти. Они становились нетрудоспособными. А в случае нагноения бурсы заболевание затягивалось на многие месяцы. Периодические пункции бурс приносили временное и нестойкое облегчение. В Донбассе бурситы встречаются очень часто, они относятся к профессиональной патологии шахтеров.

В институте я о бурситах ничего не слышал. Работники клиник о них ничего нам не говорили, а зря. Клиника травматологии должна была бы подробно рассказать о диагностике и лечении бурситов. По бурситам у шахтеров тогда не было никакой литера-

туры. Оперативному лечению бурситов научил меня Александр Иванович Пасхалов. Под местной анестезией вокруг нижнего края надколенника производился окаймляющий разрез. Вскрывалась сумка и постепенно выделялись все ее стенки. Языкообразный лоскут кожи после гемостаза укладывался на рану. На края раны накладывались швы. Послеоперационный период протекал по-разному. Чаще всего рана заживала первичным натяжением, иногда по краю лоскута образовывался некроз кожи, иногда заживление шло вторичным натяжением. Но даже тогда, когда все прошло хорошо, рана зажила первичным натяжением, на передней опорной поверхности голени наличие послеоперационного рубца мешало шахтерам работать, а если попадали кусочки угля, а они за смену попадали неоднократно, шахтеры вынуждены были прекращать работу и убирать кусочки угля, попавшие под одежду. Бурситы страшно мучили шахтеров.

Наблюдая больных после операции, мы убеждались, что после удаления бursы снижение трудоспособности поддерживал рубец.

По моему предложению мы изменили хирургическую методику лечения бурситов. Окаймляющий разрез вокруг нижнего края надколенника, я заменил на продольный разрез кожи вдоль наружного края надколенника с переходом разреза с голени на бедро. Длина разреза колебалась от 8 до 12 см и была в два раза меньше, чем разрез вокруг нижнего края надколенника. Разрез располагался сбоку, не на опорной части голени и не мешал шахтеру работать. С целью лучшего выделения стенок бursы широко применялась гидравлическая препаровка тканей раствором новокаина, который мы применяли для обезболивания.

Методически, не спеша вводился раствор в ткани вокруг бursы, инфильтрировались и, как бы, расслаивались плотные ткани вокруг стенки бursы. После этого тупым и острым путем удавалось удалить только измененную бурсу. После предложенного мною разреза исчезли краевые некрозы лоскутов и, как правило, рана заживала первичным натяжением.

При локтевых бурситах я также изменил проекцию разреза. Раньше мы делали дугообразный разрез кожи предплечья вокруг бursы. Я предложил делать языкообразный разрез вокруг бursы на коже нижней части плеча. Разрез получался на неопорной поверхности предплечья. Функциональный результат был лучше, чем у прежней методики.

О своем нововведении я рассказал П. П. Раевскому, он одобрил. Я даже написал статью в «Медгазету», но ни ответа, ни привета из газеты я не получил. Возможно, плохо написал из-за отсутствия опыта. Позже, в 1958 г. врач Резник из Снежного под руководством профессора К. Т. Овнатаняна написал кандидатскую диссертацию на тему: «Хирургическое лечение бурситов у шахтеров». Разрезы он

применял те же, что рекомендовал я. О моих разрезах он знал, т.к. мы нередко в 1949–1950 гг. встречались на межрайонных семинарах. В диссертации он добавил рентгенографию бурситов.

Уже в Чистяково у меня появился интерес к пластической и косметической хирургии. В подтверждение приведу два характерных клинических наблюдения того периода. В послевоенные годы, когда не хватало рабочих рук, на подземные работы в шахтах привлекали женщин. Это было ужасно. Помню, около 8 утра в больницу привезли девушку 18 лет. Во время работы в шахте около нее взорвалась ранее не взорвавшееся взрывное устройство «бурка». «Бурки» применяли для разрыхления угольного пласта антрацита, после чего его легче было рубить обушком. Вот такая «бурка» взорвалась вблизи нее и обдала градом осколков угля. Пострадали открытые части кожи, т.е. лицо, шея, веки и лоб. Когда в перевязочной я ее посмотрел — представилась страшная картина: все лицо, лоб, щеки, подбородок, шея, нос нафаршированы угольной пылью и мелкими кусочками угля. Глаза целы. Видит хорошо. Оставить так — все лицо будет, черное как татуировка. Нужно, по возможности, убрать уголь. Отменил все, что было запланировано. Занялся несчастной девушкой.

Операцию начал утром и закончил после 17.00. Я простоял над ней целый день. Анестезировал участки кожи, а затем скальпелем и иглой выковыривал каждый кусочек угля и счищал инкрустированную угольную пыль с кожи. Я работал как реставратор, по сантиметру, по миллиметру очищал кожу от угольной пыли и промывал. Больной надоело, она капризничала, было больно, пришлось раза три ей вводить морфий, сделали перерыв на обед и вновь взялись за удаление угольной пыли и кусочков угля. От травм и новокаина лицо распухло, веки отеки, глаза не открываются, губы стали, как сардельки, а я все чищу кожу лица и шеи пострадавшей. Коллеги приходили, смотрели на мою работу, качали головой и уходили. И не понятно мне было, то ли они меня осуждают за столь кропотливую и может быть ненужную операцию — все равно лицо будет черным, то ли жалеют молодую девушку. С черным татуированным угольной пылью лицом женщины остаются, обычно, одиночками. После окончания затянувшейся операции, от которой я невероятно устал, наложил на лицо вазелиновую повязку. Теперь осталось ждать. Очень хотелось знать, что же получится. На второй и третий день отек еще больше увеличился. А затем отек начал спадать. На 5–6 день она открыла веки. Через 10 дней все мы увидели, что мой кропотливый труд не пропал даром. Около 90 % ее лица будет нормальным, даже не будет рубцов. Еще процентов 5–7 можно будет исправить, что и было сделано.

Эта операция всем нам, хирургам, была наглядным уроком: черные рубцы у шахтеров от угольной пыли на теле после травм — на-

ша вина. Квалифицированная хирургическая обработка таких ран — ликвидирует импрегнацию кожи угольной пылью. Эта операция увеличила мой интерес и тягу к пластическим операциям вообще.

С этого периода своей хирургической деятельности взял за правило оставлять как можно меньший хирургический след на теле человека, подвергнувшегося операции, старался, по возможности, накладывать косметические швы, особенно на открытых частях тела. Предлагал пластические операции шахтерам, если у них были уродующие их рубцы на теле. Иногда на этой почве у меня были неприятности.

Как-то летом с женой мы были в кинотеатре. Перед началом сеанса в фойе было много народу. В толпе я увидел молодую девушку, которая все время косынкой прикрывает лоб и лицо. Прикрывает больше чем нужно. Наверное, рубец. Обошел фойе с другой стороны, чтобы лучше заметить что скрывает девушка. Так и есть — огромный татуированный рубец через весь лоб, правую надбровную дугу, скулу до нижнего края уха. Иссечь его не трудно. Но как ей предложить операцию? Народу много, а войдем в зал — потеряю ее. Где ее потом искать? А помочь ей очень хочется. А, была — не была! Подошел к ней и негромко сказал, что можно удалить рубец, если она пожелает. В ответ она мне с вызовом сказала: «А какое Вам дело?». Примерно такую реакцию я и ожидал, но руководствовался гуманными чувствами. Я отошел от нее неспеша. Неудобно стало, всех людей в фойе взбудоражил, люди друг друга знают. Девушку начали успокаивать. Некоторые знали, что я хирург. Сказали ей об этом, но она закатила истерику. Это было ее больное место. Она его скрывала.

Кино для меня было — не кино. Шли домой с Маргаритой молча, но думали об одном и том же. Ночь, помнится, плохо спал. Включил свет — читал. Так после бессонной ночи пошел на работу.

За повседневной работой происшествие в кино ушло на второй план. В какой-то из дней — стук в дверь кабинета. Входит моя скандалистка. Говорит сбивчиво, волнуется, извиняется. Ведь не знала, что я хирург и могу ей помочь. Люди пристают с расспросами — как и где случилась травма. Известно где — в шахте. Словом пришла — извините и помогите. Я иссек ей рубец, наложил косметический шов. Уже через неделю был тоненький розовый рубец. Лицо ее издали смотрелось без дефектов. Через год рубец был еле заметный. Но этот случай научил меня — в общественных местах никому и никогда не предлагать своих хирургических услуг.

Первый отпуск в Москве

В повседневных хлопотах заканчивается сентябрь. Мы собираемся в отпуск. Это первый трудовой отпуск в жизни. Алеше уже больше года. Он — спокойный мальчик, во всю разговаривает. Решили

отвезти его к бабушке — Ольге Петровне. Алексеевна остается дома. А мы с Маргаритой едем в Москву. Она в Москве не была. Я был проездом на фронт в 1943 г. Решили посмотреть московские музеи, походить в театры, побывать в загородных дворцовых ансамблях. Приехали в Москву. Остановились у маргаритиных дальних родственников. У тети — двое взрослых детей — студенты. Мужа ее, геолога, дома нет, он в отъезде. Комната одна, в коммунальной квартире на улице Воровского. Они приняли нас приветливо. Расспросы о родственниках: кто жив, где работает, кого уж нет. В этот же день мы с Володей и Ритой совершили увлекательную прогулку по центру Москвы: по Тверскому бульвару, площади Пушкина, ул. Горького, Красной площади, Александровскому парку, улице Герцена и через Арбатскую площадь вернулись домой усталые, но счастливые.

В первые дни пребывания в Москве мы купили билеты в театры на каждый день, а в воскресенье — на дневной и вечерний спектакли. Мы тогда посетили Большой театр, Малый театр, Художественный, филиал Большого театра, театр Ермоловой, Моссовета, Пушкина. С концерта в зале Консерватории 8.11.1950 г. мы уехали прямо на вокзал.

Каждый день мы посещали музеи. Огромное впечатление на нас произвела Третьяковская галерея. Мы посетили Исторический музей и музей В.И. Ленина, музей архитектуры и реконструкции Москвы, литературный музей.

В Москве мы зашли к моему двоюродному брату Саше Дыбе. Он тогда был майором, служил в Министерстве обороны. Дуся, его жена, служила в артиллерийской Академии им. Дзержинского, которую Саша закончил. Жили они на Таганке. В коммунальной квартире занимали одну комнату, в которой проживало 3 взрослых (Саша, Дуся и ее мать) и двое детей. Труднее всего было располагаться на ночь. Кто-то спал под столом.

В поезде наслаждались отдыхом — отпуск позади. Устали безбожно, впечатлений много, даже чрезмерно. Никогда мы столько не посвящали времени своему культурному обогащению. Было приятно от увиденного в столице.

Заехали в Сталино за Алешей и в тот же день отправились домой в Чистяково.

Алеше перевалило за год. Красивый ребенок, легко вступает в контакт с нами и нашими гостями, глазки сияют, всегда веселый и улыбочивый, всегда в хорошем настроении и не капризничает. Говорить он начал рано, воспроизводил звуки, которые слышал вокруг. Ходить начал после года. К нам в гости приехал мой отец — Степан Федорович. Он дал внуку палочку — третью точку опоры. Алеша сразу пошел. Хождение ему доставляло радость. Он падал, смеялся, поднимался и снова шел. Вскоре палочка ему не нужна была — Человек стал на ноги и сам пошел.

Мы с радостью уезжали в отпуск, от повседневных больничных забот и с радостью возвращались домой, к своей работе, к своим товарищам, к своим больным, ко всему тому, что стало смыслом и целью жизни.

Третий год

В Чистяково мы живем и работаем почти два с половиной года. Появился авторитет, нас знают, уважают. Мы людям облегчаем жизнь и нам стараются люди оказать услуги, которые высвобождают наше время для больных. Районная газета как-то написала обо мне статью — молодой, но уже опытный. Таким меня хотели видеть жители шахтерского поселка, так газета повышала мой авторитет. Но я-то знал, что до «опытного» еще нужно тянуться и тянуться. В декабре 1950 г. были выборы в местные Советы. Меня выдвинули кандидатом в депутаты городского Совета по 73 избирательному округу Чистяковского района. Непривычно — депутат городского Совета.

На первой сессии городского совета меня избрали председателем постоянно действующей комиссии здравоохранения.

В перерыве подошел ко мне Потирайло Е.И. Поздравил. Я поблагодарил.

— Вот видишь — депутат, и не простой депутат, а председатель комиссии.

Но у меня к тому времени зрели другие планы. Я хотел уезжать из Чистяково. Л.Н. Кузменко мне настойчиво предлагал переехать на работу в клинику, но мы еще не отработали 3-х положенных лет после окончания института. Депутатская деятельность добавила мне много работы.

Оказалось, что до всего мне теперь есть дело: до строительства больницы, детского сада и ясель, до организации медицинской помощи в районе. Более того, шахтные здравпункты и амбулатории — тоже моя забота. Словом, депутатской работе нет ни начала, ни конца. А своя больница? А хирургия? Депутатская работа отвлекает от хирургии, от осмысливания проделанной работы и чтения литературы. На это совсем мало времени. Я стал более делающим, но менее думающим в хирургии. А хирургия для меня была самым главным — шел процесс моего становления как специалиста.

Разные бывают операции — хорошие и еще лучшие, и какие в книгах пока не описаны — их предстоит разрабатывать, придумывать. Одна операция хороша одному больному и не очень — другому, а в каких случаях — опять-таки в книгах напечатано, читай, а время для чтения мне сокращают. Малограмотный хирург более

опасен, чем полезен. Он может наделать такого, что пять опытных хирургов не выправят дело.

Мы жили в Соленом поселке, напротив больницы. Когда в операционной зажигали свет (у нас не было специальной лампы), а висела 500-ватная лампа, презентованная мне на шахте, то из окна своей квартиры я видел свет и догадывался, что идет или готовится операция. Часто, не в свое дежурство, приходил на «огонек» посмотреть и помочь, если нужно.

Как-то прихожу в операционную, оперирует Е.И. Ильницкий. Удалил почку. Она в тазу. Разрыв почки. Взял я почку (это была у нас первая операция — нефрэктомия), посмотрел. На ее наружной поверхности разрыв длиной около 5 см, глубина его 3–5 мм. С лоханкой разрыв не сообщается. Вроде бы, и повреждение почки небольшое. Какие же показания к удалению почки? Стою, размышляю. Евгений Иванович зашивает операционную рану. До этого я видел нефрэктомию по поводу туберкулеза, гидронефроза, но при разрывах почки — не видел. Знал о показаниях и противопоказаниях к удалению почки при травмах только по книгам.

После операции спрашиваю Евгения Ивановича: «Какие показания были к удалению почки?».

— Как какие? — ответил он вопросом с вызовом. — Травма была, рукоятка вагонетки сорвалась и стукнула человека по пояснице. Сильная боль. Заподозрил разрыв почки — он подтвердился.

— Да действительно подтвердился. А зашить разрыв нельзя было?

Опять какие-то путанные ответы, которые меня не удовлетворили.

— Решил сделать нефрэктомию, чтобы предупредить мочевые за теки, — закончил он свое объяснение.

Может быть и так, а может быть и нет.

Неубедительный ответ всегда порождает сомнения. Возникло сомнение и у меня. Дома посмотрел свои книги. Их у меня пока мало. Не сложилось у меня определенного мнения о показаниях и противопоказаниях к нефрэктомии.

Некоторый опыт при травматических повреждениях почек я получил при очередном посещении клиники Л.Н. Кузменко. При мне был доставлен больной с травмой поясничной области. При обследовании выявился перелом 10-го ребра, ссадина кожи и низкое артериальное давление. Заподозрили разрыв почки. Больного подвергли операции — обнаружен небольшой разрыв ткани почки, без проникновения в лоханку и чашечку. Хирург ограничился ушиванием разрыва почки.

По возвращении домой я рассказал Е.И. Ильницкому об операции, которую видел в клинике. Е.И. Ильницкий взорвался — понял, почему я ему рассказал об этом случае, хотя я не собирался обвинять его в преднамеренном удалении почки.

В очень грубой форме заявил мне, что у меня тоже бывают грубые просчеты — наметнув на операцию по поводу кишечной непроходимости.

Действительно, я допустил грубую хирургическую ошибку, закончившуюся смертью больного на операционном столе. Случай был такой.

К нам в больницу был доставлен человек 60 лет без определенных занятий и места жительства с диагнозом — кишечная непроходимость. Начали готовиться к операции. Оперировал больного с А.И. Пасхаловым. Был жаркий июльский день. В операционной стояла жара за 35 °С. Эфирный масочный наркоз давала палатная медицинская сестра. При такой температуре эфир моментально испарялся. Больной спал плохо, что очень затрудняло операцию. После вскрытия брюшной полости причина кишечной непроходимости стала ясной.

Ранее больного оперировали по поводу левосторонней паховой грыжи. Видимо, культю грыжевого мешка перевязали плохо. Она распозлась и внутри брюшной полости образовалась большая площадь брюшной стенки, непокрытая брюшиной. К этому месту припаялось много петель тонкого кишечника. На каком-то этапе возникла спаечная кишечная непроходимость. Мы начали выделять запаянные кишечные петли. Операция затянулась на несколько часов. В операционной жара, сильный запах эфира. Мы с Александром Ивановичем стали чувствовать себя плохо, у операционной сестры полубморочное состояние. Сестра, дающая наркоз в полудремотном состоянии.

— Клава, сколько флаконов эфира ушло? — спрашивает Александр Иванович?

— Начала 5 флакон.

— Какой?!

— Пятый.

Стало ясно, почему вся хирургическая бригада в полубморочном состоянии, а больной в шоке, из которого его вывести не удалось. Он умер на операционном столе, когда мы резецировали измененные петли и восстановили непрерывность кишечника.

В операционной случилась трагедия. Это сразу стало достоянием всей больницы — сотрудников и больных. Началось самобичевание. Ночь бессонная. В памяти анализирую весь ход операции. В чем ошибка? Что не так?

По мере знакомства с литературой, я узнал, что операцию можно было бы сделать значительно проще. Один вариант — подвесная энтеростомия могла разрешить кишечную непроходимость, второй вариант — кишечную непроходимость мог ликвидировать также анастомоз между приводящей и отводящей кишками, т.е. нужно было сделать вокруг конгломерата кишок обходной путь для

кишечного содержимого. Обе эти операции мы с Александром Ивановичем не делали, хотя вполне могли бы выполнить одну или другую операцию, если бы о них подумали, вместо этого мы увлеклись разделением кишок. Думали, что конгломерат небольшой, а он оказался значительным, в него вошло больше метра тонкого кишечника. Выделение кишечника — процедура кропотливая, длительная. Вот мы и увязли в ней. Отсутствие опыта закончилось трагически для больного, а у нас с Александром Ивановичем было гнетущее состояние. Не раз задавали себе вопрос: имеем ли мы право на владение скальпелем, а может, пока не поздно, переменить профессию? Скажем, на терапевта или физиотерапевта. Все же меньшая моральная ответственность перед больным. Самобичевание и подобные переживания постепенно притупились. Этому способствовали опыт и наши удачи. Значит, нужен опыт. Нужно совершенствовать свои знания в клинике, где работают опытные и знающие хирурги.

Позже я сам понял, что в сложных диагностических случаях нельзя идти в операционную с одним диагнозом, лучше иметь где-то в запасниках памяти еще 2–3 сходных диагноза. Это помогает в процессе операции быстрее разобраться в патологии. В голове нужно иметь несколько вариантов возможной операции, это позволяет хирургу, смелее ориентироваться при ревизии операционной раны, а самое главное, выбрать оптимальный вариант в конкретной патологической ситуации, что имеет непосредственное влияние на исход операции и отдаленные результаты. Это целая наука, она очень сложная. Овладеть ею помогает активная хирургическая деятельность, чтение специальной литературы и общение с опытными хирургами.

В начале хирургической деятельности мною овладевала тревога и волнение перед операцией, и в тот период, когда готовил оперативный доступ. Когда же патологический объект был обнажен, подтверждался предполагаемый диагноз или диагноз, который устанавливался и уточнялся в процессе операции, мое тревожное состояние исчезало. Меня не пугала вскрытая брюшная и грудная полости, обширные раны на бедре, голени и т.д. По мере ревизии операционного поля в моей голове как в калейдоскопе мелькали различные варианты операции, пока я не останавливался на наиболее приемлемом, в данном конкретном случае. Все это достигается опытом: не столько самостоятельным стажем работы, сколько наставничеством, работой с опытным хирургом, в операционной.

На своем опыте убедился, что для начинающего хирурга при овладении оперативной техникой более важно смотреть исполнение операции. Для меня было менее важно делать операцию под руководством более опытного хирурга. В этой ситуации я был скован авторитетом наставника и действия мои были не так уверенны. Под-

сказкой в любой момент должен был менять свое понимание техники операции. Если начинающий врач, имеющий способность к хирургии, видел много различных вариантов операции в исполнении маститых хирургов, то в определенный час и в определенной ситуации он начнет оперировать. На все свое время, свой час. У одного это займет 3–5 лет, у другого 5–10 лет. Это уже от зависит индивидуальных способностей.

Как-то мы госпитализировали молодого человека с высокой температурой, отечной и гиперемированной кожей мошонки. На утро температура не снизилась, хотя он получал антибиотики. Во время перевязки кожа мошонки полностью отторглась. Оба яичка и семенные канатика обнажены. Первый раз вижу болезнь Фурнье. Как быть? Что делать? Рана основания мошонки некротическая, много мертвых тканей, которые легко удаляются. Рану обильно посыпал порошком глюкозы, наложил повязку.

На завтра рана значительно очистилась. Повязку с глюкозой повторил. Дня через три хорошо гранулирующая рана — хоть накладывай вторичные швы. А что если яички прикрыть остатками кожи мошонки? Попробовал. Натяжение тканей значительное — швы прорежутся. Промыл раневую поверхность раствором пенициллина. Сделал новокаиновую анестезию с пенициллином. Скальпелем сделал два углубления под кожей основания мошонки по направлению к бедрам. Погрузил туда яички. Теперь кожа остатков мошонки сшита без натяжения. Через полгода при контрольном исследовании у него была вполне приличная мошонка, яички не беспокоили. Так я впервые познакомился с болезнью Фурнье, для которой характерен острый некроз и отторжение кожи мошонки. Хирургическая тактика была правильной, мошонка сформирована за счет кожи бедра и остатков кожи мошонки.

Поездка на Кавказ

Приближалась осень. Мы с Маргаритой в сентябре решили поехать в отпуск на Кавказ. Никогда там не были. Только слышали о Кавказе. Часто направляли на санаторное лечение шахтеров в Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск. Вот и решили посмотреть эти курорты.

Составили маршрут: Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Минеральные воды, Орджоникидзе, Военно-грузинская дорога, Тбилиси, Сухуми — домой. Маршрут большой, но и срок немалый — целый месяц.

Вначале нам везло. До Пятигорска доехали без приключений. На турбазе мы купили две путевки на 10 дней. Нам выделили отдельную комнату. На турбазе сносное питание. Словом, жить можно. В первый день я взобрался на гору Машук по ее южному склону. Марга-

рита не пошла. Она осталась у подножья. На второй день мы поехали по Лермонтовским местам.

Немного позже я читал о ранении и смерти М.Ю. Лермонтова. Ранение у него, по современным понятиям, было не смертельное. Пуля прошла под печенью, не задев ее, ранила в двух местах желудок навывлет и застряла в области селезенки. В настоящее время люди от таких ранений не погибают, при условии, что они своевременно доставлены в госпиталь. Домик, где жил Лермонтов, место дуэли усугубили тоску, рассказ экскурсовода все растеребил, вспомнились стихи Лермонтова, подробности ссоры с Мартыновым и дуэль. Жаль, много он бы еще сумел написать. Несколько дней мы были под впечатлением от увиденного и услышанного.

Еще через день мы поехали к подножью Эльбруса. Дорога была плохой. Мы ехали в кузове грузовой машины. Было холодно и голодно. К полуночи добрались до места. Остановились на турбазе. Поужинали сухим пайком. Спали в спальнях мешках на берегу горной речки, очень шумной и быстрой. Усталость быстро взяла свое. Мы уснули. Проснулись от команды «Подъем». В долине темно, а горные вершины озарены солнцем. Вид чудесный. Такого я никогда не видел. Из мешка вылезать неохота — холодно. Трава покрыта инеем. Нас, туристов, из спальнях мешков повыгоняли. Для согревания предложили пробежку. Мылись мы водой из горной речки. Тут же и брились. Позавтракали — и в путь. Километра 2–3 мы шли по долине, а затем начался подъем на Эльбрус до подножья ледника. Маргарита с половины дороги вернулась с двумя женщинами в наш лагерь у подножья Эльбруса. А мы пошли. Поднимались 7 часов.

На высоте 3500 метров пообедали, попили чайку из воды тающего ледника. Отдохнули и начали спуск в долину. Спустились быстро, намного быстрее, чем поднимались. Часа через 1,5 были в лагере. Впечатление самое хорошее, настроение бодрое, веселое. Прозрачный воздух — видимость на сотни километров вокруг. Панорама горных вершин сохранилась в памяти на многие годы. Красивая дикая, нетронутая суровая природа. Когда все спустились, день близился к вечеру. Пора в Пятигорск. На полutorке по тряской дороге, часов около 10 вечера мы приехали в Пятигорск. В Пятигорске тепло, красиво — рай. Здесь было небольшое искусственное озеро, в котором мы купались в послеобеденное время.

С экскурсиями мы посетили Кисловодск, Железноводск, Ессентуки. Побродили по паркам, проложенным туристским маршрутом и видели все то, что всем показывают. Интересны южные города, где все отдыхают, в отличие от Донбасских, где все непомерно трудятся. Эти города имеют особую прелесть. Они располагают к спокойствию и отдыху. Но это внешне. Когда же читаешь историю края, видишь, как здесь еще недавно бушевали человеческие страсти, сколь-

ко было трагедий, слез, сколько пролилось человеческой крови. В девяностые годы все это повторилось.

Мы посетили «Провал». Слушаю рассказ, о его образовнии и открытии, а вспоминается Остап Бендер и все то, что с ним связано в Пятигорске.

Время летит быстро. Десять дней пролетели незаметно. Может, остаться в Пятигорске еще на 10 дней? Мы хорошо устроены, отдыхаем, развлекаемся, еще не все посмотрели. А как же наш маршрут, наши планы? Сомнения в сторону. Купили железнодорожные билеты до Орджоникидзе, где начинается военно-грузинская дорога. Дорога страшно неудобная. Вечером нужно выехать до Минвод. Поезд от Минвод до Орджоникидзе идет в 3 часа ночи. В 11 прибывает в Орджоникидзе. Расстояние между городами небольшое, а в дороге 14 часов! Турист стойчески переносит все дорожные невзгоды. Середина сентября. Мы в Орджоникидзе. Стоит солнечный, но холодный ветреный день. Поехали на турбазу — это палаточный неблагоустроенный городок. Мужчины отдельно, женщины отдельно. Нас с Маргаритой разлучили. Мы оставили свои вещи и пошли в город. Зашли на автобусную станцию. Узнали, что выехать в Тбилиси очень сложно. В 8.00 из Орджоникидзе уходят два небольших рейсовых автобуса. В другое время суток автобусы не ходят. Желających ехать в Тбилиси много, а транспорта мало. Нужно вставать пораньше — в 5 часов утра, занять очередь, чтобы приобрести билет. Делать нечего. Мне повезло, я стал обладателем двух автобусных билетов в Тбилиси.

В машине столкнулись интересы местных жителей, едущих по делам, и туристов, едущих посмотреть Кавказ. Туристы хотели ехать с открытым верхом (без брезента), местные жители не хотели подвергать себя облучению солнцем — требовали от шофера закрыть кузов автобуса брезентом. Так и ехали, ругаясь. Туристы поднимают брезент, аборигены тут же его опускают. Обращение к шоферу бесполезно — он говорит, что это каждодневные баталии — терпите. А кругом красота. Много осталось скрыто брезентовой крышей. Поднимаемся наверх к перевалу — стало холодно. Вокруг снег, ветер на перевале пронизывающий.

Перевал позади. Начался спуск. Потеплело. Въехали в изумительно красивую Грузию. Брезент, наконец, поднят — под ним очень душно. Вид вокруг красивый. Серпантинами дорог мы быстро спускаемся в долину, в ушах закладывает. Наконец, мы в Тбилиси. Остановились на турбазе. Сходили в турецкие бани. В магазинах тогда было много обуви. Обувь лакированная, для женщин. Маргарита просит, чтобы зашли и купили туфли. Зачем сегодня? Сейчас лучше посмотреть город, купим завтра. Несколько раз Маргарита обращалась с этой просьбой, а я ее отговаривал. Пообедали в ресторане на проспекте Ш.Руставели. Вечером решили по-

ехать на вокзал узнать расписание движения поездов, в сторону Донбасса. В трамвае, по дороге на вокзал, я ощутил, что в кармане нет аккредитива и талонов к нему. Карман был заколот булавкой. Булавки нет. Обшарил все карманы — аккредитива нет. Говорю Маргарите:

— Нет аккредитива.

— Знаю тебя, я прошу купить туфли, а ты говоришь аккредитива нет. Ищи получше.

— Маргарита, ты не брала аккредитив? Нет?

— Нет, не брала.

Теперь она поняла, что я говорю правду.

У нас в наличии всего 140 рублей — сумма совершенно мизерная, по тем временам. Что делать? Заявить в центральную сберкасса, что аккредитив, выданный в Чистяково на имя Карпенко, утерян и считается недействительным.

Где его могли украсть? Выпасть он не мог. Карман был заколот английской булавкой. Булавки тоже нет. Значит, украли. Где? На турбазе в Орджоникидзе? В турецкой бане в Тбилиси? Звоню на турбазу в Орджоникидзе — нет аккредитива, никто не находил. В турецкую баню поехать не догадался.

Как же быть? Какой выход? В Тбилиси тогда у нас знакомых не было. Идти не к кому. На вокзале узнали, что есть несколько поездов в сторону Донбасса. Билеты нужно брать заранее. Цена билета около 250 рублей, двух — 500. Где взять 500 рублей? Думаю: продам часы. Месяца два назад я впервые в жизни купил часы марки «Победа» за 900 рублей. Рублей 600 мне за них дадут. Завтра с утра пойду к часовщикам продавать. Вернулись на турбазу. Спали — не спали. Ждали утра. Я за свою жизнь был в разных переделках, поэтому моя мысль работала над тем, как найти выход из создавшейся ситуации. Для меня все просто — мог бы и зайцем доехать. Маргарита не была в подобных ситуациях, волновалась. За ночлег заплатили 20 рублей. Оставалось 120 рублей в кармане. Утром иду к часовщикам. Все они дают за новые часы 300 рублей и ни копейки больше. Мало, едва хватает на один билет. Продали и Маргаритины часы, которые ей подарил брат. Есть 500 рублей. Едем срочно на вокзал. В кассах билетов нет. Я пошел к начальнику вокзала.

— Помогите.

— Идите в кассу №6. Я позвоню.

— Платите 1200 рублей, вагон мягкий, то, что надо! — говорит мне кассир.

Объясняю ему, что мне нужно 2 самых простых билета.

— Тогда берите билеты до Ростова, а там уже домашнее дело.

Действительно, там ходят рабочие поезда. Купил два билета. Выложил 520 рублей. Думаю, все в порядке. Есть еще 100 рублей, доедем. Подхожу к Маргарите. Показываю билеты до Ростова.

— До Ростова?! — с изумлением спрашивает она.

— Да, до Ростова.

— Так на этот поезд уже объявлена посадка! А наши вещи на турбазе.

От ее слов мне стало дурно. Тогда в Тбилиси такси были редкостью. До турбазы 7–8 км. На машине можно успеть. Я дал ей билеты. Сказал, чтобы она стояла здесь и никуда не отходила. Подбегаю к одному грузину, который сидит за рулем легковой машины «Победа».

— Кацо, выручи, объявили посадку на поезд, а вещи на турбазе.

— Где турбаза знаем. Плати 100 рублей!

— Кацо, у меня всего 100 рублей, а нужно успеть на поезд и ехать до дома более суток. Давай за 50 рублей!

— Садись.

Нужно отдать должное грузину — минут за 30 мы съездили на турбазу и вернулись назад. Грузин по городу все время ехал с сиреной.

Подхожу к тому месту, где оставил Маргариту — ее нет. Куда же она девалась? Сказал же — стой, не отходи никуда. Вдруг вижу, она выходит из здания вокзала. До отхода поезда 5 минут! Подбегаю к ней и бегом на перрон. Поезд медленно отходит. Вталкиваю Маргариту в первый же вагон. Бросаю вещи туда же. Вскликаю сам на ступеньку. Слава Богу, успели.

— Предъявите билеты — предлагает кондуктор. — Это не Ваш вагон.

— Знаю, что не тот вагон. Видели, что опоздали. Поезд же тот?

— Да, тот.

— Перейдем в свой вагон.

— Хорошо, геноцвале, не сердись. Мой долг проверять билеты — закончил миролюбиво кондуктор.

Добрались до своих мест. Маргарита забралась на верхнюю полку. У нее от волнения сдали нервы — началась настоящая истерика. Успокоить ее не удастся. Успокоение еще больше расстраивает ее. Мы ехали в том вагоне, где была радиорубка.

Сердобольный грузин, ведавший радиорубкой, желая ее успокоить, предлагал на выбор любую песню сыграть. Принес виноград, яблоки. Но внимание еще больше расстраивало Маргариту.

— Не надо успокаивать, — говорю грузину, — пусть сама постепенно успокоится, она сильно переволновалась.

— Кто-то умер, заболел? — допытывается грузин.

— Да нет, не умер и не заболел ...

Вкратце пересказал все, что с нами произошло.

— Хороши гостеприимные грузины — увидели, что человек попал в беду — решили обобрать, за бесценок забрали двое новых часов, — говорю ему.

— Да, бывает, но вообще грузины добрые.

— Добрые? Не скажите, шофер не бесплатно вез, а за 50 рублей, что в 3 раза дороже, зная, что я в средствах очень ограничен. Правда, быстро вез — успели к поезду. И за то спасибо.

Постепенно к вечеру Маргарита начала успокаиваться. На верхней полке лежит спокойно, не плачет, плечи перестали дергаться. Иногда поглаживаю ее по голове, спине, рукам, но не заговариваю с ней, боясь вызвать своим сочувствием рецидив истерики.

Сочувствующие пассажиры, в основном, грузины, стараясь как бы сгладить неприятности, которые мы пережили в Тбилиси, с бытком угощали нас виноградом, яблоками, грушами.

Маргарита мне рассказала, что после моего отъезда на турбазу, по радио то и дело передавали информацию о поезде Тбилиси-Ростов. Когда до отхода поезда оставалось 10 минут, нервы ее не выдержали, она безуспешно пыталась сдать билеты в кассу, чтобы вернуть деньги. Продавать-то фактически больше нечего, чтобы наскрести денег на билеты еще.

К счастью, к этому времени я вернулся. Хорошо, что билеты не были сданы. На поезд мы успели.

За окном вагона мелькают Сухуми, Гагра, Сочи — красивейшие места. Но настроение у нас подавленное, плохое. Даже прекрасная погода не вызывает восхищения, которого она достойна. Хорошо, что едем.

В кармане всего 50 рублей, а от Ростова до Чистяково ехать еще 170 км. Нужны билеты. Сколько они стоят? Неизвестно. Нужно деньги экономить! Опять 50 рублей!

Однажды в жизни у меня уже фигурировали 50 рублей. То был 1941 год, более сложный год, чем сейчас. Ехать в неизвестность. Теперь — 50 рублей и едем домой. В крайнем случае, один билет возьму до ближайшей станции, а ехать буду куда надо — может не поймают. Маргарите возьму билет от и до. Вариант экономии денег выработан. Хоть бы один знакомый попался. В Ростове мы узнали, что из Таганрога идет рабочий поезд до Иловайска, т.е. туда, куда нам нужно. Стоимость проезда копеечная. От Ростова до Таганрога проезд тоже дешевый. Едем в Таганрог. Знакомых никого ни в Ростове, ни в Таганроге. Поезд идет часа через 3–4. В Таганроге пошли в дом-музей Чехова — посещение бесплатное. Походили, посмотрели. Кушать хочется. Купили что-то поесть. Поели, стало веселей. Смотрю, моя Маргарита смотрит веселее, даже улыбается, вспоминая все пережитое. Рабочим поездом доехали до станции Иловайское, а оттуда, тоже рабочим поездом, прибыли в Чистяково поздно ночью. Я подождал часа два. Позвонил в больницу. Приехал за нами на «Москвиче» Виктор Скалибог и привез нас домой. Кавказская одиссея закончилась. Все в ней было: и хорошее и плохое. Плохое забылось, а хорошее осталось в па-

мяти. Настроение еще больше улучшилось, когда нам сообщили, что 1800 рублей, которые оставались у нас на аккредитиве, не пропали. Мы получили их через полгода, когда они нам оказались очень кстати.

Врач в поселке

Ехали мы домой на «Москвиче». Теперь у нас в больнице имелась машина «Скорой помощи», «Москвич» и три лошади.

Легковую машину мне дал председатель горисполкома Потирайло Ефим Иванович.

Как-то летом он звонит по телефону:

— «Москвич» нужен?

— Нужен.

— Деньги на счету есть?

— Сколько нужно?

— 3000 рублей.

Пауза: думаю, есть у меня деньги или нет? Упустить Москвич не хочется.

— Ефим Иванович, найду деньги.

— Вот и хорошо. Бери доверенность и забирай автомобиль в гараже милиции, я туда позвоню.

Приезжаю в милицию. Смотрю, Москвич не новый, но на ходу. Мотор работает. Работает без перебоев. Заводится машина хорошо. Сигнал громкий — значит, аккумулятор ничего.

Работник милиции сказал мне, что реквизируют машину у спекулянта. Взял у меня доверенность и отдал машину.

— Забирай.

— Да я водить машину не умею.

— А чего ж пришел сам, нужно было взять водителя.

— Думал, тут найдется шофер, поможет.

— Да что тут помогать. Вот смотри.

Он мне рассказал, показал, проверил, как я завожу мотор, как выжимать педаль, сцепления. Даю газ, трогаюсь, поехали. Так раз 15–20.

— Вот и хорошо. Что-то быстро научился.

— Я немного на фронте водил трофейную машину, но совсем мало и давно.

— Вот и хорошо. Навыки восстанавливаются быстро.

По пустырю было легко водить машину, а по городу сложнее. Правда, движение тогда было не интенсивное. Выехал на проселочную дорогу. Ехать домой не торопился — овладевал навыками. В больницу приехал без происшествий. Машина была старой, приходилось ее часто ремонтировать, но ездить можно было. На ней мы и приехали к себе домой, не догуляв отпуска почти 12 дней.

Паша (Прасковья Никитична), наш бухгалтер, когда узнала про нашу одиссею, сказала, что я зря телеграфом не запросил у нее нужную сумму. За день-два мы могли быть с деньгами, не продавая за бесценок своих часов. Это были у меня первые часы. Раньше у меня часов не было. Шли они точно, но прослужили мне всего около 2-х месяцев.

Я уже упоминал, что у нас в больнице работала санитарка Матрена Ивановна, а ее сестра Пелагея, все время болела. Никто ничего у нее не находил, она перекочевывала из одной больницы в другую.

У нас по расписанию вечером шли политзанятия. Вдруг к нам в помещение врывается шофер, кричит, ругается, а мы не можем понять, в чем дело. Видим, у него руки трясутся, сам он бледный. Усадили, дали успокаивающее средство. Он несколько успокоился. Подал нам следующее.

Напротив больницы он чуть не задавил женщину, которая лежала на проезжей дороге в грязи (была середина ноября). Заметил ее в самый последний момент, когда что-то заметалось в свете фар. Резко остановил машину. Колеса автомобиля даже наехали на ее одежду. Машину несло какое-то расстояние юзом. Шофер выскочил из кабины и вырвал женщину из-под колес и привел к нам. Она лежит в коридоре. Мы выскочили — так и есть, сестра нашей санитарки. Сестра на смене. Зовем ее.

— Я не могу забрать ее. Сестра грозит убить меня топором во время сна. Она уже била меня палкой во время сна по голове.

В подтверждение срывает косынку с головы, показывая ушибы на коже.

— Боюсь брать ее к себе домой. Не возьму, что хотите, то и делайте с ней.

Звоним в милицию. Милиция отказалась приехать под предлогом, что убийства не произошло. Пелагея вдруг подхватывается и яростно бросается на сестру.

— Это она меня связала и выволокла на дорогу.

— Неправда. Она была все время в отделении и никуда не отлучалась из больницы. Это могут подтвердить сотрудники и больные, — вступилась за Матрону Ивановну старшая медицинская сестра.

Шофер, несколько успокоившись, уехал. А нам что делать с Пелагеей Ивановной? Класть в больницу? Так ведь никому не даст покоя, буйная.

— Товарищ Боев, — сказал я завхозу, — отведите с конюхом ее домой — это рядом с больницей.

Они отвели ее домой. Закрыли дверь. Она через окно вылезла наружу. Прибежала в больницу и палкой начала колотить окна первого этажа. Тогда завхоз и конюх подхватили ее под руки, отвели в сарай, уложили в пустую ванну и прикрыли деревянным щитом,

чтобы не убежала. Пусть переночует, успокоится, а там видно будет. Конюх жил на территории больницы. Завхоз приказал ему присматривать за Пелагеей Ивановной, тем более, что она продолжала буйствовать и грозила спалить стог сена — корм лошадям на целый год.

На крик во дворе больницы собрались люди. Они пришли ко мне в кабинет. К счастью, все мы не разошлись после занятия.

Сначала они зывали к совести, справедливости, выступили в защиту пострадавшей. Выслушав рассказ о случившемся и осмотрев перебитые окна больницы, жители поселка перестали шуметь, обвинять нас в бездушии, поняли наше сложное положение и начали расходиться. Дежурный врач решила вести ей успокаивающее снотворное и оставить до утра взаперти.

Утром Пелагея Ивановна ушла. Больше мне с ней не довелось встречаться. Правильно ли мы поступили, самовольно изолировав явно психическую, ненормальную женщину, несвойственным для медиков путем? Мы, как нам тогда казалось, предупредили более серьезные последствия.

Было еще одно дело, которое осталось в памяти на всю жизнь.

Однажды заходит ко мне наш терапевт Кислякова Мария Никонорова.

— Виктор Степанович, Вы знаете, что произошло у нас в четверг в хирургическом кабинете?

— Вчера? Нет, не знаю.

— Спросите у Лиды Удаевой (это перевязочная сестра кабинета).

— Почему же я должен спрашивать у Лиды, если Вы знаете. Расскажите.

— Неудобно как-то, я не видела, а слышала.

— Мария Никоноровна. Рассказывайте. Я Вас из кабинета не выпущу, пока Вы мне не расскажите что было. С Удаевой я тоже буду говорить.

Выяснилось, что врач Ильницкий Е.И. облачил в халат своего друга-собутельника и начали проводить профосмотр молодым женщинам, которые оформлялись на работу. Медсестру они выпроводили из кабинета. Одна из осматриваемых женщин узнала «друга» и подняла шум.

Вызвал Лиду. Она в слезы. Молчит. Боится рассказывать.

— Лида, ты должна рассказать все без утайки. Дело уголовное. Иначе тебя привлекут за соучастие. Ты уже виновата в том, что вчера не рассказала.

Испугалась. Рассказала. Действительно так и было. Ее выпроводили, а сами проводили «профосмотр».

Не укладывается в голове. Евгений Иванович недавно отсидел в тюрьме 2 года за подпольные аборты. Аборты можно было как-то понять: просили женщины, у которых уже были дети, у некоторых

не было мужей, годы были тяжелые. Лишние дети — дополнительные хлопоты. Сжалился и попался. Хотя, думаю, бескорыстно он ничего не делал.

А этот проступок — явная уголовщина. Грубейшее нарушение профессионального долга, не говоря уже о медицинской деонтологии.

Как быть? Что делать? Спускать на тормозах нельзя. Завтра он придумает что-либо похлеще. Меня же обвинят в сокрытии преступления!

Вызываю по одному, по два врачей. Беседуем. Все как-то колеблются, страшатся принять объективные меры. Такого в их практике еще не было. Но случилось. Как-то нужно реагировать, а как?

Вместе решили завтра на утренней конференции обсудить поступок Е.И. Ильницкого и посмотреть, как он будет реагировать на критику товарищей.

На следующий день зав. поликлиникой Пасхалов доложил обо всем, что случилось. Ильницкий перебивал Пасхалова, грубо выкрикивал: «Да, что с ними (т.е. с женщинами) случилось! Их что, убавилось?» И еще что-то в таком духе. На врачей, принимавших участие в обсуждении, и на Лиду Удаеву буквально с кулаками бросался — хоть вяжи его.

Персонал увидел всю мерзость этого человека.

Пока шло обсуждение, я набросал небольшое письмо, адресованное министру здравоохранения СССР, тов. Смирнову Е.И., в котором описал содеянное Ильницким и от имени всех врачей больницы просим Ильницкого лишить врачебного диплома.

Вместо заключительного слова я прочел письмо, подписал его сам и обратился к врачам — кто еще подпишет. Подписались все.

Тут только до Е.И. Ильницкого дошло, что ему грозит. Он начал на колени ползать, хватать всех за руки, молить, чтобы не отсылали письмо. Он клянется, что это жестокий урок, это последний проступок, больше никогда он ничего подобного делать не будет. Некоторые врачи разошлись — противно было смотреть на это чудовище. Только что был нагл до предела, а когда увидел угрозу для себя, стал, как слизняк.

Пришла его жена. Она беременная. Начала плакать. Первый ребенок не видел отца два года из-за тюрьмы. Теперь та же участь ожидает второго ребенка. Жаль стало эту, по существу, несчастную женщину. От такого мужа-хама зависит. Я ей пообещал, что еще раз поговорю с врачами. Порешили на том, что я буду держать письмо у себя. При нарушении дисциплины Е.И. Ильницким опишу новые его проделки и отошлю письмо министру без обсуждения этого вопроса в коллективе. С ним я еще работал чуть более года. Он был как шелковый.

Уезжая из Чистяково, я передал больницу А.И. Пасхалову, передал ему и это письмо, на всякий случай. Е.И. Ильницкий узнал, что

письмо лежит в сейфе. Как-то, когда Александр Иванович был в операционной, Е.И. Ильницкий вытащил из кармана халата ключ от кабинета главного врача и от сейфа и украл письмо. С этого момента все безобразия Е.И. Ильницкого начались снова. Его уволили из больницы. Потом он еще поменял несколько мест работы.

Лет через 5 после моего отъезда в Сталино, он навестил меня в клинику, так, без дела. Спившийся человек. Жаловался на Пасхалова — дескать, не умел его держать в руках. «Вот Вы умели. Я же был человеком, хирургом, оперировал. Теперь не могу, руки трясутся, спился, жена оставила». Такой финал.

С насиженного места

После окончания курсов несколько раз Л.Н. Кузменко приглашал меня на работу в клинику. Но не было повода, да и 3 положенных года после окончания института не прошло. А тут вдруг повод. В Сталино открыли после восстановления областную клиническую больницу им. Ворошилова (сейчас — Калинина). Во время войны областная больница, как и морфологический корпус института были разрушены, сохранились только стены, каркас. Теперь еще два корпуса, 5 и 6, вступили в строй действующих. Нужны кадры. Объявили конкурс в больничную ординатуру (до этого и после этого я ни разу не слышал о конкурсе в больничную ординатуру). В 5 корпусе располагалась акушерская клиника профессора Сидорова, в 6 — факультетская хирургия — зав. профессор Кузменко Л.Н., общая хирургическая клиника (зав. проф. Чаругин А.И.) и клиника общей терапии (зав. проф. Франкфурт).

Мы с Маргаритой подали заявления — она в глазную клинику, которая располагалась в ЦКБ, а я в больницу им. Ворошилова.

Характеристики нам подписал Скалибог Александр Иванович — инспектор горздрава, он в ту пору замещал Лившиц Анну Семеновну, которая была в отпуске.

В январе 1952 г. я был по служебным делам в облздравотделе. Зашел в приемную зав облздравотделом т. Дубровой Феклы Гавриловны. Поинтересовался нашими конкурсными делами. Секретарь Дубровой — Берта Борисовна сказала мне, что наши дела не разбирались. Позвонили Власенко П.И. (первому секретарю горкома в Чистяково), он против того, чтобы нас отпускать. Вы, дескать, решайте, как хотите, а мы их из Чистяково не отпустим. Два врача уже стали специалистами, работают неплохо. Не отпустим. Дубровой тоже в то время, наверное, больше нужен был Карпенко в Чистяково, где он обслуживал 4 шахты, чем в Сталино в клинике. Решила не вступать в конфликт с Чистяковскими городскими властями. Одно дело, мы не прошли по конкурсу и совсем другое дело, когда на пути совершенствования специалистов стал партийный босс.

Записался на прием к Фекле Гавриловне. Она меня встретила, как всегда, приветливо.

— Как работаете, зачем пожаловал?

Кратко изложил цель визита. Я закончил так:

— Конкурс есть конкурс. Проходят лучшие. Но наши документы даже не рассматривали, потому, что секретарь горкома сказал, что нас не отпустит. Это же нарушение положения о конкурсах. Прошу Вас, Фекла Гавриловна, исправьте ошибку, вернее, несправедливость по отношению к нам.

Она ни в какие объяснения не вступила. Вызвала секретаря. Продиктовала письмо в три адреса: секретарю горкома, председателю горисполкома и зав. горздравотделом, что врач Карпенко В.С. и врач Карпенко М.В. прошли по конкурсу в больничную ординатуру и просьба в ближайшее время освободить их от занимаемых должностей в Чистяково.

Захватив указанные письма, я уехал домой. В горздравотделе А.С. Лившиц и слышать не хотела об отъезде.

Потирайло Е.И. вначале тоже встретил меня в штыки, но в результате нескольких разговоров он убедился, что у меня в Сталино квартиры нет, что еду я на самую низовую работу в клинику, что заработная плата у меня будет меньше, почти в два с половиной раза. Он понял, что мы с женой не ищем материальных выгод, более того, пренебрегаем ими. Дал согласие на отъезд. Но последнее слово за Петром Игнатьевичем Власенко.

Вначале я пошел к третьему секретарю горкома, который курировал медицину — Петру Ильичу. Он выслушал меня. Вначале стал отговаривать меня, мол, и здесь практика большая. Только успевай работать. Я же ему говорил о роли наставничества в хирургии, о значении хирургических школ, о желании учиться. Словом, использовал все свое умение и красноречие. Он вроде бы не против, вот как Первый.

Иду к Первому. Разговор вечером. После 20.00. Час беседы не дал результатов. Разговор очень тяжелый. Закончил — решим на бюро. Пиши заявление, но надеждой себя не тешь.

Написал заявление на бюро. На заседании бюро Фатьянов, управляющий трестом «Чистяковантрацит», член бюро предложил:

— Этот частный вопрос решить в рабочем порядке на секретариате горкома.

Опять неудача. Жду удобного случая вновь повидаться с Петром Игнатьевичем. Что ему еще сказать, как убедить в правоте своего предприятия?

На очередном приеме я заметил, что у него указательный палец правой кисти не сгибается. На мой вопрос он пояснил, что во время откупоривания бутылки с минеральной водой треснуло горлышко. Он поранил палец. Хирург, оказывавший ему хирургическую по-

мощь зашил кожу, а сухожилия не сшил. С тех пор у него указательный палец правой кисти не сгибался. Разгибатели целы, а сгибатели повреждены. Писать плохо. На охоте еще хуже — ему приходится нажимать курок ружья третьим пальцем, а это неудобно. Может быть не очень гуманно, но я воспользовался его несчастьем для своего разговора.

— Петр Игнатьевич, Вы же сами стали жертвой невежественного хирурга. Кожу он сшил. А самое главное, сухожилия, не сшил. Сколько неудобств он Вам причинил. Я, как начинающий хирург понял, что мне недостаточно тех знаний, которые у меня есть. Я понял, что в тех условиях, где я работаю, без старшего и опытного хирурга я никогда не стану по-настоящему образованным хирургом. Я не смогу оказывать высококвалифицированную помощь. Я же не ищу для себя материальных выгод, наоборот, иду на определенный жертвы, но это ради овладения хирургией. Вы же вместо поддержки моих профессиональных устремлений и помощи в них загородили мне дорогу. Все, с кем я говорил в городе, поняли меня. Остались Вы. Отпустите. Не стойте на пути у молодых специалистов.

Он слушал не перебивая, массировал больной палец. После моей речи воцарилось молчание. Прошло минуты две.

— Давай заявление.

В углу написал: «Снять с партийного учета».

— Отпускать кадры дело простое. Вот подбирать и воспитывать трудное, чрезмерно трудное. Ну да ладно, поезжай, учись. Не забывай Чистяково — здесь было Ваше становление. Здесь Вас заметили. При случае помогайте чистяковцам — ведь в клинике будете работать. Счастливо!

Шел домой и разные мысли в голову лезли. С одной стороны, я понимал, что материальное положение семьи сразу резко ухудшится. Квартиры нет. Собираемся временно жить на Рутченково, у родных Маргариты. В общей квартире у них две комнаты. Нам на троих выделяют комнату 15 кв. м. Мебели у нас немного — площади хватит. Перебьемся как-то. Ездить на работу далеко, особенно мне. Ничего. Бывало хуже.

Вспомнилось, как приехали в Чистяково, с чего начинали, как приходил авторитет и признание товарищей. Как-то вечером звонит мне Марк Моисеевич, приглашает принять участие в консилиуме. Случай неясный. Откровенно говоря, я очень обрадовался. Первый раз за все годы меня приглашают на консилиум в другую больницу, причем кто — Марк Моисеевич, Ольга Петровна (городской акушер-гинеколог) и Ланда Марк Израилевич (главный травматолог). Все главные. Потребовалась моя помощь. Первый раз, но это начало признания.

Оказалось, что «Москвич» не на ходу. Решил — бегом. До города по прямой километров 6 — это час, а если марш-бросок, то мень-

ше часа. Бежать под горку. В самом городе подъем, но там немного — с километр. Вечереет. Взошла большая красная луна. Людей мало, не видят, что главный врач бежит. Бегу, иногда перехожу на шаг и опять бегу. На душе легко, хорошо. Первый консилиум, первое приглашение. Через 35 минут я был на консилиуме. Члены консилиума только не понимали, почему я мокрый. Ну как им скажешь, почему я мокрый. Мокрый, да и все — жарко.

Хорошо помню, что речь шла о гинекологической больной, у которой симптомы местного перитонита осложнились разлитым перитонитом. Неясно было — вмешаться, т.е. подвергнуть больную операции или продолжить консервативное лечение. Помню, мнения разошлись. Марк Моисеевич и я высказались за операцию, а Марк Израилевич и гинеколог — за наблюдение. Поскольку мы с Марком Моисеевичем были настроены более радикально, то другие участники консилиума нам уступили. Я оперировал больную с Марком Моисеевичем. Был гнойный сальпингоофорит, который прорвался в свободную брюшную полость. Операция была показана. Послеоперационный период протекал вполне благоприятно.

Помню еще историю с Команом. Дело было летом. Доставили его с 27 шахты, где он работал десятником, а зять его был главным инженером. Подозрение на кишечную непроходимость. Коману 55 лет. Невысокого роста, тучный, лишнего веса у него 40 килограммов. Плохо. Жена тоже толстая, как карусель. Только зять худой — язвенник. Лечился у нас в больнице сном. Тогда это было модно. Макаровский метод, расписанный на весь Союз П. Бейлиным. Спали без таблеток по 20 часов в сутки, их будили для приема пищи. Шахтерам нравилось — они всегда недосыпали.

Знал я всю семью Команов — дочка у нас в роддоме рожала. Вот теперь доставили главу семьи.

Кишечная непроходимость. Больной кричит от схваткообразных болей в животе. Живот резко вздут. Перистальтика звонкая, слышна на расстоянии. Рвота обильная, артериальное давление постепенно снижается. Пульс нитевидный, частый. Нужна неотложная операция. Дело было днем, поэтому операцию начали без промедления. Оперировали больного втроем: Александр Иванович, Маргарита и я. На улице больше 30 градусов в тени. В операционной душно, нечем дышать. Наркоз эфирный — масочный. Много эфира уходит в атмосферу. Больной спит плохо, мешают оперировать. Предоперационный диагноз подтвердился — у больного была пупочная грыжа. К ней припаялся сальник. В сальнике образовалось отверстие, в которое проскочила петля тонкого кишечника и ущемилась. Причину ущемления устранили. Кишечник жизнеспособный. Обошлось без резекции кишки.

Теперь главное — хорошо зашить брюшную стенку. А это в данной ситуации сложно. Раздутый кишечник трудно вправить в брюш-

ную полость. Дыхательными движениями и напряжением мышц живота выталкивается кишечник из брюшной полости. Все держат руками кишечник, даже операционная сестра. Швы на апоневрозе очень трудно затянуть. Они прорезываются. Некоторые швы рвутся при затягивании.

С большим трудом зашили операционную рану на брюшной стенке.

От интоксикации и наркоза больной синий. В период пробуждения началось сильное двигательное возбуждение. Вчетвером еле удерживаем больного на операционном столе. Операцию закончили дренированием желудка. Через зонд отходит много кишечного содержимого.

Наладили внутривенное введение солевых растворов, соды, сердечных средств, прозерин, переливание крови и антибиотики.

Больной возбужден. То и дело схватывается с постели, вырывает желудочный зонд, выходят иглы из вен, прерывается внутривенное введение лекарств, периодически приходится повторно пунктировать вены. Артериальное давление неустойчивое, пульс частый.

Первые трое суток были крайне тяжелыми для больного и, конечно, для всех нас. На четвертые и пятые сутки больному стало немного легче. Ему было трудно лежать в кровати, даже с поднятым головным концом. Он все время пытался встать, срывал повязку с живота, которую мы наложили, с целью предупреждения эвентерации кишечника.

На шестые сутки вижу: Коман выходит из туалета, обеими руками обхватил живот, между рук свисают петли тонкого кишечника. Он кричит, а кишечные петли все больше и больше выползают из брюшной полости.

Больному плохо — и нам не легче!

Сбежались сотрудники. Подхватили больного, занесли в операционную. Начали повторно зашивать брюшную полость. Все сложности первой операции, только в еще худшем варианте, повторились.

Появилось сомнение: перенесет ли все это больной, обессиленный болезнью. Если после первой операции швы не выдержали, прорезались, то где гарантия, что сейчас будет лучше? Апоневроз зашили П-образными швами. Кожу зашили при помощи специальных пуговиц, которые предупреждают прорезывание швов при высоком давлении в брюшной полости.

К счастью, только три дня были очень тяжелыми, а затем он начал постепенно поправляться и вскоре выписался из больницы.

Второй раз я с Команом встретился через год, когда уже работал в клинике. На месте послеоперационного рубца у него образовалась огромная послеоперационная грыжа.

Комана оперировал доцент Андрей Михайлович Ганичкин. Он весьма искусно иссек грыжевой мешок, создал два лоскута из перед-

них стенок апоневрозов прямых мышц живота и ушил грыжу. Большой окончательно поправился.

Мысли вперемешку обращаются то к настоящему, то к прошлому.

Как будем жить на новом месте? В Чистяково последний год было хорошо. Даже очень хорошо. Мы занимали половину коттеджа, был зеленый двор. У нас были хорошие соседи — семья военнослужащих. Сосед, офицер внутренних войск, охранял военнопленных, которые работали на восстановлении шахт Донбасса. У них было двое детей — чуть старше Алеши. Двор у нас был просторный, было где ребятам побегать, ползать по деревьям, попрыгать. Был даже бассейн, но в нем не было воды. В Донбассе с водой плохо, хотя стало лучше, чем было два года назад.

У нас в больнице работала стоматологом Софья Самойловна — уже далеко немолодая женщина. Алеша ее всегда называл по имени и отчеству. Это ей очень нравилось. Алеша очень рано научился разговаривать. Причем в нашей фамилии он опускал первый слог. Он говорил: «Я — Пенка» или «Я — Леля Пенка». У нас в квартире над ящиком, который был одновременно и сундуком, и лежаком висела политическая карта мира. Летом 1951 года я обучил Алешу, показывать на карте разные страны мира. Он их безошибочно различал по цвету: СССР, Англия, Франция, Америка и т.д. Вьетнам он не выговаривал. Он опускал первый слог и получалось: «Нам». Было интересно, а для многих удивительно, как двухлетний карапуз ходит под картой и безошибочно показывает, где какая страна.

Готовились мы к Новому 1952 году. Игрушек в продаже тогда почти не было. Делали их сами. Как-то вечером я принялся делать Деда Мороза. Алеше сказал, что делаю ему братика. Беру палочки, связываю таким образом, чтобы получился каркас, из которого я уже буду формировать туловище. Когда Алеша увидел, что вроде бы руки и ноги есть и начали голову приделывать, он закричал: «Не надо мне братика!». Стал так реветь, что работу пришлось прекратить и закончить, когда его уложили спать.

Елку в раннем детстве он не любил и даже боялся ее — когда-то в его присутствии плохо закрепили елку и она упала. Алеша в детстве не любил игрушки, был к ним равнодушен и сдержан. Бывало, купишь гармошку или автомобиль — сам радуешься, идя домой. А он глянул на игрушку, повертел в руках, посмотрел со всех сторон, и больше она его не интересует. Зато кататься на трехколесном велосипеде он очень любил.

Алеша заговорил до годовалого возраста. Очень любил слушать сказки, рассказы. Сам рано научился читать. Всегда говорил правильно, не коверкая слова. Я полагаю, в этом большая заслуга Ольги Петровны, мамы Маргариты. В раннем детстве, когда у ребенка начал функционировать центр речи, она с ним много разговарива-

ла, заставляла за собой повторять слова. Говорила она правильно, поэтому у Алеши никогда не было проблем с языком.

Три с половиной года в Чистяково пролетели быстро и, нельзя сказать, незаметно.

В Чистяково у нас с Маргаритой произошло становление небольшой семьи. Мы сделали первые шаги в овладении своими специальностями, самые трудные и самые важные. Тут мы поняли, что на достигнутом останавливаться нельзя, нужно совершенствоваться.

Тут мы узнали, чего мы хотим достигнуть в жизни.

Тут родина нашего сына. Поэтому воспоминания о Чистяково всегда нам дороги!

К нам часто приезжали мои и Маргаритины родители, знакомые по институту, работавшие в Чистяково и Снежном.

В больнице был дружный коллектив врачей. Праздники мы встречали вместе. Вместе выезжали в воскресные дни в степь или в лес. Несколько раз мы даже ездили в Донецк на спектакли в оперный театр. Домой приезжали после 3 часов ночи. Поездки были сложные, поэтому их мы практиковали очень редко.

Я шел из горкома партии домой и вспомнил, как сделал первую операцию в Чистяково.

Это было субботним вечером. Один молодой человек сидел пассажиром на мотоцикле. Его пятка попала между рамой и спицами заднего колеса, ее оторвало. В перевязочной я увидел рваную рану. Решил ее промыть и иссечь обрывки тканей.

— Клава, дай скальпель — прошу медсестру.

Она мне подает скальпель, которым днем я снимал гипсовую повязку.

— Клава, это же тот скальпель, которым я снимал гипс.

— Да, тот. Другого нет. Я его обработала спиртом.

— И вся стерилизация?!

— Да. Так мы делали всегда, — последовал ответ.

Ножницами срезал обрывки тканей, промыл рану и наложил 3 наводящих шва.

Теперь в больнице уже много различного инструментария для полостных, ортопедических, гинекологических и урологических операций. Есть два рентгеновских аппарата: стационарный и портативный.

Шахтный район — это район эпидемии шахтной травмы. В то время не было угольных комбайнов, шахтных транспортеров и т.д. Травм было много. Особенно травм верхних и нижних конечностей, с переломами костей, разрывами сухожилий, мышц, кровеносных сосудов, нервов, отрывами пальцев и т.д.

На первых порах я побаивался вскрыть брюшную или грудную полость, когда не было видно внешних признаков повреждения.

Кровоточащая рана у меня страха не вызывала — я смело приступал к операции. Каждый хирург знает, насколько сложная ана-

томия кисти, предплечья, стопы, голени, которые чаще всего страдают во время шахтной травмы. Сложно разобраться в сухожилиях — сгибатели, разгибатели, длинные и короткие, повреждение нервов и сосудов. В операционной у меня всегда был атлас Воробьева и «Оперативная хирургия» Шевкуненко. С их помощью я разбирался в анатомии. Постепенно овладевал швами сухожилий и нервов. С кровеносными сосудами было плохо — не было специальных игл и швов, не было антикоагулянтов. Все это появилось у нас в 60-е и 70-е годы. Было приятно видеть, как безжизненно висевшая кисть или стопа, из-за поврежденных сухожилий, после восстановительной операции двигалась, как пальцы сгибались и разгибались.

Овладел я швом локтевого, плечевого, срединного нервов. Два-три раза сшивал седалищный нерв. Я со своими пациентами жил в одном поселке, поэтому отдаленные результаты были у меня всегда на глазах — постоянно видел как идет восстановление функции конечностей.

Бывало, идешь по улице, а навстречу идет бывший пациент с пересеченным средним нервом. Прошу подвигать кистью — кисть двигается, правда не в полном объеме и не та сила в ней, но это со временем восстановится.

Было много больных с остеомиелитами. Это, как правило, участники ВОВ с недолеченными ранениями. Их мы научились лечить хорошо — кости резецировали до здоровых тканей, сохраняя при этом надкостницу.

Плохо было с лечением оторванных больших пальцев кисти. Эта травма возникала у бурильщиков угля. Рукавицу с большим пальцем захватывало в бур и отрывало. Мы тогда не знали, как пришивать такие пальцы. Только в 80-е годы эти операции стали возможны благодаря использованию микрохирургии сосудов.

В Чистяково я сделал 650 операций в стационаре. В поликлинике — не считал, но много. А еще около 80 — в клинике Л.Н. Кузменко, когда был там на курсах.

У нас в хирургическом отделении были костнотуберкулезные койки. Время от времени нам приходилось пунктировать туберкулезные натечники. В основном, мы их лечили консервативными методами. Периодически нас снабжали стрептомицином, которым мы лечили наших больных. К концу моего пребывания костнотуберкулезных больных из нашей больницы забрали — создали туберкулезный санаторий.

Могу смело сказать, что в Чистяково я научился местной и регионарной анестезии, после внимательного прочтения монографии А.В. Вишневого и С.С. Юдина. Я прочитал много статей и монографий по острому аппендициту, перитониту, грыжам, гнойной хирургии, травматологии и др.

В Чистяково за спиной у меня не стоял более опытный товарищ. Пришлось докапываться до всего самому, выработался характер настойчивый, целеустремленный и самонадеянный. Я привык решать многое сам. Советовался при возможности. В этом видел большую необходимость, но лишь для того, чтобы проверить, насколько я прав или не прав. Никогда не упорствовал, если видел, что не прав. После напряженного дня, проведенного в больнице, операционной, в кабинетах начальников шахт, горздравотделе, на сессии горсовета, заседании в горкоме, накапливалось много переживаний. Нужно было выговориться. Я всегда знал, что, придя домой, смогу обо всем поговорить с женой. Маргарита сможет меня выслушать, помочь, подбодрить и посоветовать.

Разное было. А праздники... Нас часто приглашали в гости не только врачи и коллеги по работе, но и соседи, шахтерские семьи, на свадьбы, именины. Пили много. Для меня это было мукой. Ни водку, ни самогон я пить не мог, не принимала душа. Не пойти в гости, вроде, неудобно, а пойдешь — потом плохо. Чем больше нас знали, тем чаще приглашали. Приходилось под разными предложениями отказываться. Обычно выручала хирургия — хирургу нужна трезвая голова, в любую минуту могут вызвать в больницу. И вызывали.

Бывало, сидишь в кино или клубе шахты Лугутина или городском кинотеатре и вдруг слышишь: «Товарищ Карпенко, на выход!». Выходишь. В больницу привезли шахтера или позвонили из шахты — выдают на гора травмированного. В последнем случае, как правило, травма сложная. Сопровождает фельдшер подземного здравпункта. Он обычно и звонит, чтобы начали подготовку к встрече. Сколько таких вызовов было — не счесть.

Я никогда не жалел о том, что меня вызвали, сорвали отдых, подняли с постели — профессия хирурга обязывает быть всегда готовым выполнить свой долг хирурга, который обслуживает шахтеров. Идя от секретаря горкома партии Власенко домой, я вспомнил историю городского санитарного врача.

Санитарным врачам порой было сложнее, чем нам, лечебникам. В Чистяково санитарным врачом города был Петришин, грамотный и принципиальный санитарный врач.

В Чистяково мы жили в период, который история именовала «периодом послевоенного восстановления народного хозяйства». Помимо научно-технических усилий со стороны промышленных руководителей народным хозяйством, партийные руководители и партийные организации придумывали встречные планы бригады, завода, шахты, личные обязательства, обязательства в честь съезда партии, годовщины Октября, дня шахтеров. Одним словом, встречных планов было много. Партийные органы считали, что этим самым они поддерживают патриотизм и политико-производственную ак-

тивность масс. По досрочной сдаче объектов в честь какого-либо революционного праздника оценивали работу партийного органа, а также их руководителей.

Наша больница располагалась в поселке шахты им. Киселева. Я уже писал, что поселок был крайне неблагоустроенным. Шахта им. Киселева в 1948—1949 г. еще восстанавливалась. Восстанавливали ее наши рабочие и военнопленные немцы. Восстановительные работы продвигались медленно и не особенно качественно, по разным причинам, много было недоделок, перерасходов средств.

В первую очередь на шахтах пытались сдать в эксплуатацию штреки, лавы, подъемные механизмы, средства доставки угля на поверхность и т.д. «Соцкультбыт», куда входили отводы для шахтной воды, здравницы, бани на поверхности, туалеты, прачечные для стирки спецодежды шахтеров, столовые и т.д., строились в последнюю очередь, по остаточному принципу, т.е. если хватит денег. Их всегда не хватало, поэтому «соцкультбыт», обычно, при вводе новой шахты был в ужасном состоянии.

По ходу строительства проектанты и санитарная служба города писала рапорты, докладные во все медицинские, производственные и государственно-партийные инстанции.

Как я понимаю, эти тревожные сигналы даже не читали. Я не помню совещания по восстановительным работам шахт, проводимых в горкоме или горисполкоме, где бы вопросы санитарии и соцкультбыта обсуждались или проверялись промышленниками или парработниками, где бы стоял вопрос о том, как используются средства на эти цели. Если кто-то и говорил об этом, так это А.С. Лившиц и Петришин, но на их речи никто не обращал внимания.

В результате все шахты и шахтные поселки, сданные в эксплуатацию после войны, не имели социально-бытовых учреждений, водопровода и канализации. Люди жили в ужасных условиях. Воды не хватало. Поэтому каждое лето на шахтах Чистяково свирепствовали дизентерия и кишечные заболевания.

Дошел черед до подписания государственного акта о сдаче шахты им. Киселева в эксплуатацию. Была создана специальная комиссия. Шахту сдавали досрочно к 34-годовщине Великого Октября в 1951 году: было принято рапортовать о досрочном выполнении плана.

Акт подписали все, кроме санитарного врача Петришина. С ним говорят и так, и этак. Он показывает документ, что не сделано то-то и то-то. Поручили поговорить А.С. Лившиц с несговорчивым главным санитарным врачом города. Без его подписи акт недействителен. Петришина вызвали в горисполком — разговор ничего не дал. Акт он не подписал.

Вызвали Петришина в горком партии. Грозили исключить из партии.

— А с какой формулировкой Вы меня исключите из партии? Партия от всех работников требует честного выполнения своих служебных обязанностей. Я, как санитарный врач, не хочу обманывать партию подписанием «липового» акта.

Тогда пригрозили Петришину снятием с работы. Акт он не подписал. С должности главного санитарного врача города его сняли. Он обратился в суд в связи с незаконностью приказа. Судья заявление не принял. Пожал плечами — приказали свыше. Прокурор города в защиту санитарного врача не выступил. Он сам был членом госкомиссии и подписал акт. Петришин покинул район.

Назначили нового главного санитарного врача города, который подписал акт о приемке шахты в эксплуатацию. Доложили выше по начальству, что шахта им. Киселева сдана в эксплуатацию досрочно. Начальству ордена, премии, благодарности, выдвижения по службе.

Летом 1952 года, т.е. через шесть месяцев, среди шахтеров шахты им. Киселева и в шахтном поселке разразилась эпидемия дизентерии. Несколько раз заседала чрезвычайная эпидемиологическая комиссия города. Открыли дополнительные инфекционные койки (закрыли одно общежитие шахтеров). Выделили белье, инвентарь, завезли запас медикаментов. Хозяева города собирались, решали, а дизентерия росла. Открыли отделение в шахтерском общежитии. А уборная общая с жителями поселка. Канализации нет, вода с перебоями. В наспех открытом дизентерийном отделении нет никаких санитарных удобств. Нет даже достаточного количества воды для мытья рук, не говоря уже об обычном душе. Дизентерия свирепствовала целое лето. С наступлением холодов эпидемия стала утихать.

Летом отцы города устроили аврал по строительству санитарно-бытовых учреждений. Построили для рабочих баню, прачечную для стирки спецовки, отремонтировали подземные туалеты и еще кое-что. Воистину говорят: сами создают трудности, а затем с ними борются. Досрочное введение шахты в эксплуатацию городу обошлось очень дорого.

Я перебирал различные события в памяти, произошедшие с нами в Чистяково за последние 3,5 года, и на душе было странное чувство. Наряду с радостью, что добился переезда, на душе было тревожно. Здесь уже все устроилось более или менее прилично. Как-то даже жаль все оставлять. Колебания, сомнения. Видимо, сомнения заставляют человека рассмотреть ситуацию или проблему со всех сторон, лучше разобраться и оценить все «за» и «против». Когда-то мне на фронте, старший лейтенант Сахаров говорил, что в сложной ситуации, когда человек сомневается, не уверен, нужно взять лист бумаги, разделить его на две половины и в одной графе написать все «за», в другой — все «против».

В графе «за» — нужно ехать, овладевать хирургией под руководством опытных людей. Других пунктов в графе у меня тогда не было, но это главный, судьбоносный пункт.

В графе «против» — отлаженный быт, и он стал бы еще лучше, — так сказать, сытая жизнь.

Авторитет и уважение, которые приобрел в районе, особенно в последний год, когда появился опыт хирурга и главного врача, как-никак, три года работаю. Много прооперировал больных. С каждым больным хирурга связывает тоненькая ниточка, а их много — появилась толстая веревка и хорошо она держит.

Много сделал я для повышения медицинского обслуживания своего района: посылал на курсы операционную сестру, травматолога, хирурга, окулиста, лаборанта, педиатра, сестру-рентгенолога. Вот до терапевтов дело не дошло. Их очень трудно вырвать на учебу. Ездили учиться сестры. Улучшилось материальное положение: инструментов и медикаментов достаточно. Шахты помогают мягким инвентарем, ремонтом, стройматериалами. Больница старая, но выглядит намного лучше, чем была. Вот Анна Семеновна Лившиц все мне говорила о центральном отоплении. Не дошло до него, а надо было бы. Зимой сложно тащить уголь в отделения, да и грязно. Надо бы перевести больницу на центральное отопление, но это уже сделает кто-то другой.

На новом месте у меня будет самая малая должность — больничный ординатор, а значит, все будут мною командовать. В Чистяково у меня положение несколько иное. Нужно будет привыкать подчиняться.

Получалось, что большинство моих пунктов было за то, чтобы остаться, но один первый пункт в тот период моей жизни, был самым главным, с ним были связаны все мои надежды на всю последующую жизнь. Надо ехать, без колебаний. С этим твердым решением я зашел к себе в дом. Я объявил Маргарите, что мне разрешили сняться с партучета, а значит, можно ехать в Сталино. Больницу передаю Александру Ивановичу Пасхалову.

Передача больницы заняла два дня. На прощальный вечер собрались все мои сотрудники: от санитарок до врачей и некоторые бывшие пациенты. Было сказано, как водится в таких случаях, много добрых и хороших слов. Они еще больше усилили тоску. Но решение принято. Больница сдана. Еще через день мы погрузили свой небогатый скарб в машину и переехали в Сталино. Закончился очень важный этап жизни. Чем больше проходит времени, тем больше я ценю его значение в формировании моего врачебного мировоззрения.

В Чистяково я учился не только азам хирургии. Там я учился быть человеком, администратором, разносторонним врачом с широкими жизненными интересами. Там я понял, что врач не должен замы-

каться в чисто профессиональные рамки, какая бы нагрузка по работе не была. Врач должен жить интересами своего времени. Жить интересами коллектива, в котором работает, находить время для своего художественного и общекультурного образования. Врач не должен стоять в стороне, быть посторонним наблюдателем, он должен находиться в центре общественно-производственной жизни.

Врачи, как правило, люди высокообразованные и гуманные. Этим славилась медицина нашей страны. На них сплошь и рядом равняются окружающие. Врачи живут на виду у людей — в одном селе, поселке, доме. В силу своей профессии они часто вникают в жизнь других людей. Делать это нужно деликатно, умно, профессионально.

Мы с Маргаритой поняли, что не только хирургию и офтальмологию нужно осваивать, но и все, что обеспечивает успех врача: широкая образованность, воспитанность, профессиональные знания, опыт, умение находить общий язык с больными и заставлять верить в себя.

Все это будет смыслом нашей жизни.

ДОНЕЦКИЙ ПЕРИОД

Ординатор

17 февраля 1952 г. я приступил к работе ординатором I хирургического отделения больницы им. Калинина, на базе которого располагалась клиника факультетской хирургии. Произошли изменения в руководстве клиникой. Профессора Л.И. Кузменко назначили ректором Львовского медицинского института. В сентябре он уехал во Львов. Ректором Сталинского медицинского института назначен доцент Ганичкин Андрей Михайлович. Он хирург. Ему 32 года. Прошел фронт, был военным хирургом, работал ассистентом, затем — доцентом на кафедре госпитальной хирургии Днепропетровского медицинского института, которой заведовал проф. Кимбаровский Михаил Александрович.

Изменения произошли и на кафедре. Уехала в Днепропетровск Лидия Ивановна — ассистент кафедры. Уехал Т.К. Тряпкин после окончания клинической ординатуры на Дальний Восток, служит в Армии. Призван в армию и Геннадий Иванович Уткин. Мы с ним занимались в академии и училище.

Первым хирургическим отделением заведовала Д.И. Червякова, неоперирующий хирург, вторым — В.П. Байкова — тоже неоперирующий хирург. Ординаторами работали Ю.П. Помельникова, И.С. Павлова, Б.А. Чаругин, ассистентами — П.П. Раевский, Ф.М. Осипов, М.М. Ковалев, О.Я. Народицкая и клиническим ординатором была В.А. Михайличенко.

Клиника располагалась на втором этаже 6-го корпуса. Условия работы были, по тем временам, удовлетворительными. Были 16 палат, буфет, две операционных, рентген кабинет, цистоскопическая, две перевязочных и небольшая лаборатория — биохимическая и клиническая.

Клиника была рассчитана на 100 коек (60 — I хирургическое отделение, 40 — II хирургическое отделение). Для персонала не было никаких удобств. Одна студенческая комната на 4–5 студенческих групп. Студенты занимались ежедневно в две смены. Скуденность была страшная: около 60 сотрудников клиники и кафедры и столько же студентов. Тяжело было и больным, и сотрудникам. У нас в

клинике было еще терпимо, а клиника общей хирургии, которой заведовал профессор Андрей Иванович Чаругин, располагавшаяся на первом этаже нашего корпуса, имела всего 40 коек, клиника общей терапии, которой заведовал профессор Моисей Израилевич Франкфурт, имела 60 коек и тоже никаких удобств для сотрудников.

Больница им. Калинина, хотя и считалась областной, в те годы не сла ургентные дежурства по городу — 12–13 дней в месяц. Город большой, поэтому неотложной хирургии было более чем достаточно.

Меня принял А.М. Ганичкин, состоялась ознакомительная беседа. Встретил он меня доброжелательно и произвел очень хорошее впечатление. Ровная, спокойная беседа о моей хирургической работе в прошлом, о целях и задачах поступления на работу в клинику.

Я тогда ставил перед собой весьма скромную задачу: овладение диагностикой, клиникой хирургических заболеваний, а также обучение оперативному искусству в стенах клиники, где работают крупные клиницисты-хирурги.

А.М. Ганичкину тогда было нелегко — после доцентской должности стать ректором крупного института со слабой материально-технической базой. Он не хотел отставать от хирургической работы. Приходя в клинику, ежедневно делал обходы, оперировал, читал отдельные лекции студентам, участвовал в консилиумах. Словом, делал всю работу, которую должен делать заведующий кафедрой. Однако, заведовать кафедрой ему не разрешил министр П.Л. Шупик, как говорили, по недостаточности клинического опыта. Официально в клинике он числился доцентом кафедры.

Мне дали две палаты по 8 коек в каждой, и началась обычная ординаторская работа.

Через 3 дня, 20.02.52 г., в канцелярии больницы мне вручили приказ заведующей облздравотделом Ф.Г. Дубровой об откомандировании меня в распоряжение футбольной команды «Шахтер» на должность врача команды. Приказ вызвал у меня недоумение. Я хотел заниматься хирургией, ради этого предпринял переезд из Чистяково в Сталино, а тут — должность врача футбольной команды, далекая от хирургии и, главное, от моих ближайших целей и идеалов.

Пошел на прием к Дубровой Ф.Г.

— Знала, что придешь. Но у меня другого выхода нет. Из обкома позвонили, дали 2 дня на укомплектование врачом футбольной команды «Шахтер», которая в конце месяца выезжает на тренировочные сборы на юг. Обязательное условие — врач должен быть мужчиной. Первая фамилия, которая мне вспомнилась, была твоя, поэтому приказ был написан на тебя. Тем более, что в клинике ты всего несколько дней, еще не привык, тебе легче перейти в команду.

— Фекла Гавриловна, не ради футбола я переехал в Сталино.

— Знаю, но что мне делать? Мне нужно выполнить распоряжение вышестоящих инстанций.

— Но почему это должно происходить за счет моих интересов? Я хочу заниматься хирургией, а не футболом. Поищите, может, найдете врача, который с удовольствием пойдет на эту работу.

— Ладно, поезжай с ними в Сочи, а за этот месяц мы постараемся кого-нибудь подобрать.

— Фекла Гавриловна, это — честно?

— Сказала, значит, выполняю. Все.

На следующее утро я разыскал спортивное общество «Шахтер». Узнал, куда мне нужно явиться. Футболисты перед отправкой на спортивные тренировки собирались в вестибюле гостиницы «Донбасс». Туда я пришел и представился старшему тренеру Александру Пономареву.

— Вот и хорошо. Нам нужен мужик. Вы болельщик футбола?

— Если честно, я не увлекаюсь футболом. У меня совершенно другие интересы. Я хочу быть хирургом.

— Но у нас же есть хирургия — спортивные травмы, заболевания суставов, мышц.

— Это травматология и ортопедия, я же интересуюсь хирургией.

— Жаль. Спасибо за честный и откровенный разговор. А почему же Вы дали согласие к нам прийти?

— Меня не спрашивали. Написали приказ. Приказы нужно выполнять. Но у меня есть договоренность, что за месяц, пока команда будет на тренировочном сборе, мне подыщут замену.

— Ладно, приступайте к своим обязанностям.

Он кратко ввел меня в курс обязанностей врача команды. Они были не очень сложными. Я познакомился со всеми медицинскими карточками футболистов. Поехал с ними на тренировку в спортзал, где они отработывали элементы работы с мячом, тренировались бить по воротам из различных положений. Я сидел и наблюдал за игрой. Во время перерыва меня представили всей команде. Особого интереса новый врач у них не вызывал. Все они были на 7–8 лет моложе меня. Один из футболистов стал требовать, чтобы я ему массировал ноги, я медлил, не знал как лучше поступить. Ведь техникой массажа я не владел. Футболист Морозов вмешался в наш разговор.

— Слушай, Дегтярев, ты же знаешь, кто тебя должен массировать и кого ты. Зачем пристаешь к доктору?

Его поддержал вратарь Чанов. Так я узнал, что футболисты обучены массажу, разделены по парам и сами должны заниматься массажем.

Вся команда готовилась к отъезду. По этому поводу было много разговоров среди футболистов и руководителей команды. В 16.00 было назначено собрание команды, на котором обсуждались вопросы отъезда и дисциплины отдельных футболистов.

В зале футболисты расселись в самых невероятных позах, воротники подняты, шапки опущены на глаза. Видно было, что обраще-

ние тренеров их интересует мало. А речь шла о дисциплине: на тренировке они опаздывают, прогуливают, злоупотребляют алкоголем, нарушают режим отдыха и т.д. Потом кто-то из футболистов крикнул: «Нам бы помочь в рублях!» И все как по команде загалдели о денежной помощи. Все увещевания руководителей спортобщества и футбольной команды фактически ничего не дали. Так безрезультатно собрание и закончилось.

На следующий день тренировки проходили на заснеженном поле стадиона «Шахтер». Команда разделилась на две части. Не хватало одного игрока. Предложили мне занять место второго номера. После окончания матча все шутили по поводу моей игры. Я отшучивался как мог, и это послужило началом для хорошего взаимопонимания.

Через 3 дня представили Зайцева, нового доктора команды. С Зайцевым мы когда-то занимались в училище, но с тех пор мы ничего не знали друг о друге. Разговор был коротким — я сдал, он принял несложный медицинский инвентарь.

Жили мы с Маргаритой в шахтном поселке Рутченково. Мне ехать на работу на двух трамваях (28 км), Маргарите — только на одном, до Центральной клинической больницы. Чтобы успеть на работу к 8.00, я поднимался в 5.15. Если я не выходил из дому в 5.45, то опаздывал на работу даже при нормальном движении трамвая. А часто в те послевоенные годы трамвай сходил с рельсов, случались и другие поломки, стопорилось все движение. Сколько раз мне приходилось совершать марш-бросок по шпалам до Стандарта, где можно было сесть на трамвай другого маршрута и доехать до горсада, а оттуда уже пешком на Калиновку (раньше она называлась «Рыковка»), где располагалась больница. Сколько раз я опаздывал на работу, сколько раз мне делал замечания К.Т. Овнатян, принявший клинику в феврале 1953 г. Он не знал, что я каждое утро совершаю такой марафон. Правда, иногда мне удавалось подъезжать до города попутным автобусом, но если он почему-то задерживался или не приезжал, я опаздывал основательно.

Вообще, первые два года жизни в Сталино были тяжелыми. Квартирные условия очень стесненные, квартира далеко, без удобств. Зарплата маленькая — 600 рублей. Я работал на одну ставку и Маргарита тоже. Вычеты из зарплаты тогда были колоссальные: заем, подоходный налог, членские взносы, трамвай. У меня высчитывали 31%, у Маргариты — 13%. Денег хватало только на скудное питание, которое едва поддерживало жизнь. Алеша маленький, ему питание нужно получше. Так что няне пришлось отказать. Ребенка отдали в садик.

19 мая 1953 г. мой отец умер от рака желудка. В октябре 1952 г. его оперировал А.М. Ганичкин вместе с Михаилом Марковичем Ковалевым. Они мне сказали, что была пенетрирующая язва желудка и

они сделали резекцию. На самом деле ограничились пробной лапаротомией. Отец медленно умирал. Сначала лежал дома, а последние 2 месяца — в больнице.

Через год, в феврале 1954 г. от инсульта умерла Ольга Петровна, мать Маргариты.

Весной того же года Маргарита, идя вечером с заседания городского общества глазных врачей, упала в яму и сломала ногу. Только в одиннадцать часов ночи шахтеры шли на смену и услышали ее крик о помощи, вытащили и отправили ее в больницу. В это время я был в командировке в Москве. Дома узнал, что она лежит в клинике Института травматологии. У нее был сложный перелом большой берцовой кости в голеностопном суставе. Костные обломки ей хорошо сопоставили и наложили гипс. Теперь нужно ждать. Она плачет. Беспокоит не столько боль, сколько разные сомнения, как срастется нога, будет ли она потом хромать. Дома одни мужчины, одному из них 5 лет. Я подошел к профессору Ховенко Михаилу Васильевичу, попросил его успокоить Маргариту, сказать несколько ободряющих слов, в которых она нуждалась, поскольку костные отломки сопоставлены хорошо. В ее присутствии он рассматривает рентгенограммы, качает головой, вздыхает и говорит.

— Да... Перелом сложный... После него часто сустав работает плохо, редко бывают хорошие результаты лечения. — И еще что-то в таком духе. Маргарита еще больше разревелась. Пришлось забрать ее домой.

К нашему счастью, все, в конце концов, обошлось благополучно и нога хорошо срослась.

Дома ей было спокойнее. Алеша рос нежным, смышленным мальчиком, отвлекал от болезней, Она ему читала книжки. Алеша рано выучился читать.

В августе 1954 г. моя мама переехала к нам. Вместе с Юрой она продала свой дом в Васильевке. Стало немного легче. Мама взяла все заботы по дому на себя — Маргарита ходить еще не могла: нога находилась в гипсовой лангете.

Взаимоотношения с Валерием Аристарховичем, отцом Маргариты, были сложными. Правда, мы не ссорились. Нам просто некогда было ссориться. Домой все приходили, чтобы переночевать. Он уходил на работу к 9.00, днем приходил на обед. После обеда работал до 10–11 вечера.

Мы тоже много работали. Приходилось много дежурить, работая до 16–17 часов следующего дня, т.е. фактически по 30–32 часа. Так 4–5 раз в месяц. В остальные дни рабочий день заканчивался, вроде бы, в 15.00, но никогда мы, ординаторы, в это время не уходили, обычно в 17–19, а часто и позже. Клиника часто дежурила, возникало много urgentных ситуаций, когда нужно было помочь. Поэтому у нас было правило — со временем не считаться — нужно так

нужно. Я к такой жизни привык еще в Чистяково; она для меня была необременительной. Для меня остаться подежурить, включиться в плановую или urgentную операцию, выехать на консультацию по санитарной авиации не было проблемой, я всегда охотно включался в работу. Это знали и часто этим злоупотребляли.

В семье встал вопрос о перемене места жительства. Как только мы переехали в Сталино, я был на приеме у мэра города Бохаева, но он отказал мне в жилье категорически и даже отказал взять на очередь, на квартучет. Через время был я у него еще раз. И вновь ушел без всякой надежды. Это ужасно! Работаешь как вол, всего отдаешь себя людям, причем в самое трудное для них время, а тебе и не обещают крышу над головой, даже в перспективе.

Нашли мы частную комнату на Гладковке. Переехали. Маргарита уже ходила с палочкой, но не работала. Одна комната. Тесно. Заниматься нельзя. Разговоры отвлекают. Домашние пытались тихо говорить, шепотом, но это еще больше отвлекало. Через месяц хозяйка нас предупредила, что часть дома она собирается продавать и предложила подыскивать жилье. Так случилось, что на следующий день утром на трамвайной остановке одна женщина спросила у нас, не порекомендуем ли мы ей квартирантов. Вечером мы посмотрели ее квартиру — две крохотные комнаты, но зато две. Можно работать. Еще через день мы перевезли свой скарб на новую квартиру.

В Сталино мне предлагали более оплачиваемую работу, чем работа хирурга. Однажды меня пригласили в обком партии, это было в конце 1954 года, и предложили должность инструктора обкома по здравоохранению. Правда, вначале спросили о квартире — живу на частной, в одной комнате четыре человека, затем о зарплате — тоже не ахти какая, а затем предложили должность. В случае согласия — будет предоставлена квартира и зарплата чуть поболее. Но тогда нужно отказаться от хирургии. Несмотря на материальные трудности, хирургии я не изменил.

По вечерам я часто оставался в клинике, чтоб работать над диссертацией. Работал в лаборатории, когда все сотрудники уходили. Как-то вечером А.А. Титаренко, тогда он был первым секретарем Сталинского горкома КПУ и находился на лечении в клинике, проходя мимо лаборатории, увидел, что я работаю в лаборатории. Разговорились. Он узнал о моих жилищных условиях; узнал, что я был у мэра города дважды, но безрезультатно. Он порекомендовал мне еще раз обратиться к мэру. На очередном приеме мне пообещали квартиру, когда выстроят дом. Есть надежда! А.А. Титаренко повлиял, помог.

Действительно, в феврале 1956 г. мы получили двухкомнатную квартиру в поселке Игнатьевском. Мне на работу близко — пешком 20 минут, Маргарите нужно добираться двумя трамваями. Но зато у нас своя квартира. Правда, она оказалась сырой и холодной зимой.

В Донецке мне пришлось еще раз переезжать в новую трехкомнатную квартиру в центре города на улице Щорса (д.7, кв. 27), но это будет еще через пять лет.

Я работаю ординатором первого хирургического отделения, подходит к концу 1952 г. Клиникой руководит А.И. Ганичкин. Хирург он прекрасный. Очень хорошо оперирует на желудке, кишечнике. Внедрил в клинику новую для нас методику резекции желудка. Смысл ее заключался в упрощении ушивания малой кривизны желудка и ушивании культи 12-перстной кишки. Внедрил также новую операцию: резекцию илеоцекального угла при раке слепой и восходящей кишок. Операция прекрасная. Она обеспечивала очень хорошее сопоставление тканей сшиваемых тонкой и толстой кишок. Достаточно сказать, что за всю свою хирургическую жизнь у меня не было ни разу расхождения анастомоза при этой операции. Эту операцию предложил профессор А.М. Кимбаровский, учитель А.М. Ганичкина. Разработка и внедрение этой операции были темой кандидатской диссертации А.М. Ганичкина. С А.М. Ганичкиным было хорошо и легко работать. Он был старше нас, но не намного. Держался с нами просто, к нему всегда можно было обратиться — всегда поможет. Не читал нотации, старался понять, разобраться, если произошла ошибка.

Тогда же он начал внедрять в клинику лечение больных с заболеваниями легких. В клинике и до него лечили больных с нагноительными заболеваниями легких, но методы были консервативными.

Петр Петрович Раевский лечил абсцессы легких и гнойные плевриты пункцией и промыванием растворами антибиотиков. На эту тему он написал и защитил кандидатскую диссертацию. Старые абсцессы легких вскрывали, тампонировали, лечение затягивалось на много месяцев сопровождалось высокой инвалидностью.

А.М. Ганичкин начал внедрять новые для нас оперативные методы резекции легкого при абсцессах. Тогда это было новое в хирургии и находилось в стадии разработки и изучения.

Стало ясно, что методы интенсивной терапии и обезболивания, применявшиеся нами до этого, не соответствуют требованиям легочной хирургии. Несмотря на то, что Андрей Михайлович Ганичкин в совершенстве владел методом местной анестезии, резекция легкого по поводу абсцесса сопровождалась шоком, падением артериального давления и ухудшением сердечной деятельности. На реанимационные мероприятия уходило значительно больше времени, чем на саму операцию. Резекция легкого при опухолях проходила легче — было меньше срашений.

После резекции легкого много сложностей наблюдалось в послеоперационный период. Мы недостаточно знали проблему легочной недостаточности, предупреждения образования эмпием, бронхиальных свищей. Допускали ошибки из-за недостаточного

опыта. Плохо владели послеоперационным периодом, не могли предвидеть и предупредить некоторых осложнений, страдал уход за больными.

По мере изучения специальной литературы, опыта других клиник, накопления своего опыта, овладения методиками операции, ведения послеоперационного периода, умения предупреждать и лечить осложнения, результаты оперативного лечения нагноения легких улучшались.

Одна из основных причин наших неудач заключалась в том, что вначале мы брали на операцию заведомо безнадежных больных, у которых под влиянием хронического гнойного процесса в легких развивался сепсис, страдали органы кроветворения, был угнетен иммунитет. Последующий анализ показал, что многие из них были обречены. Но желание помочь было огромным.

Ординаторы и ассистенты не считались с личным временем и здоровьем. Неоднократно хирурги, медицинские сестры и студенты тут же в операционной давали свою кровь для прямого переливания, чтобы спасти больных во время операции от шока... Так бывало всегда в хирургии при разработке и внедрении новых методов хирургического лечения. Вспомним проблемы острого аппендицита или резекции желудка при язвенной болезни.

Было все это и у А.М. Ганичкина, потому что операции на легких часто сопровождалась неудачами. Хирургия своим развитием обязана мужественным хирургам, преданным своей специальности, умеющим стать выше своих неудач.

Андрей Михайлович начал внедрять операцию Петрова-Холдина. Смысл операции заключался в том, что пораженная прямая кишка удаляется, а на ее место низводится здоровая сигмовидная кишка. Операция большая — брюшно-промежностная. Обезболивание, к сожалению, тогда было местное. Сколько раз в течение операции врач, стоявший на переливании крови, докладывал: «Давление упало, прекратите операцию...» Переливают кровь, вводят сердечные средства, обезболивающие препараты, коктейли из спирта и глюкозы. Давление крови достигало нормы. А через 5–7 минут операции кровяное давление вновь падало до критических цифр. Вновь прекращалась операция, проводилась противошоковая терапия. И так в течение всей операции. После операции оба были в шоке — и больной, и хирург. Первые сутки послеоперационного периода протекали тяжело. Тогда не было реанимационных палат и специально обученного персонала. Оставался дежурить измученный операцией лечащий врач. Бессонная ночь. А завтра — полный трудовой день и тяжелые операции. Но сколько радости было, когда все проходило удачно, больной поправлялся! Это несравненная радость — мы видели, что в результате нашего, без преувеличения, героического труда, больной выписывается из клини-

ки с надеждой на жизнь. Это вдохновляло и давало силы для новых еще более долгих и трудных, операций.

У каждого хирурга есть операции, которые оставляют след в его душе на всю жизнь. Проходит много лет, а помнятся все детали операции, особенно если это была первая или необычная операция.

Об одной из таких операций хочу написать. Она состоялась 22 апреля 1952 года. Выполнял ее А.М. Ганичкин. Я был лечащим врачом больной и ассистировал на этой операции.

К нам в клинику поступила 40-летняя женщина из Ясиноватского района Сталинской области. Она жалоб особых не предъявляла — иногда отмечала тяжесть в груди, иногда сердце начинало чаще «биться» и это вызывало неприятные ощущения. Все началось с профосмотра. При рентгеноскопии органов грудной клетки у нее обнаружили опухолевидное образование округлой формы в левом легком. Размеры значительные: в диаметре 11–12 см. Контуры его четкие, по краям определяется более четкий контур. Рентгенологи высказали предположение о наличии эхинококковой кисты левого легкого. Женщина — жительница сельской местности, имеет дело с овцами. Больной произведена специальная проба на эхинококкоз — она оказалась положительной.

Предоперационный диагноз — эхинококк левого легкого. Больной предложили операцию, на которую она дала согласие.

Вскрыли левую плевральную полость. Опухоль большая, спаяна с легкими и перикардом. Обезболивание местное. Поэтому после вскрытия плевры тщательная анестезия шокогенных зон, а также сращений между опухолью и окружающими тканями. Опухоль постепенно отделяется от легкого. Этот этап операции прошел хорошо, без осложнений. Легкое не повреждено, цело и опухоль. Началось отделение эхинококковой кисты от перикарда. Возникли сложности при отделении кисты от диафрагменного нерва. Гидравлическая препаровка — и миллиметр за миллиметром отделяется нерв от кисты. Киста теперь связана только с перикардом. Вновь гидравлическая препаровка. При отделении кисты вскрыт перикард. Хорошо видно сокращающееся сердце. Первый раз во время операции вижу как сокращается сердце. В операционной напряжение невероятное. Все хирурги клиники пришли в операционную наблюдать эту необычную операцию.

Осторожно Андрей Михайлович рассек перикард вокруг кисты. Теперь хорошо видно, что эхинококковая киста связана с мышцей правого желудочка сердца. Никто из нас такого еще не видел, не читал в литературе!

Как быть? Что делать дальше? Операция остановлена. Хирург думает, как продолжить операцию. Какие возможны осложнения, как их предупредить, а если возникнут — как лечить. Было над чем думать! А время идет. Все молчат.

Сердце работает нормально, 85 ударов в минуту, артериальное давление в пределах нормы. Киста синхронно колеблется с сокращениями сердца. Андрей Михайлович очень осторожно еще раз осматривает основание кисты. Еще раз убеждается, что киста связана с правым желудочком сердца. Это лучше, чем левый желудочек — он основной насос. Но плохо то, что стенка правого желудочка тонкая, 4 — максимум 5 мм, легко повредить ее и провалиться в сердце.

Решение принято — Андрей Михайлович решил иссекать кисту. Очень осторожно, с разных сторон отделяет кисту от правого желудочка сердца. Ближе к стенке кисты рассекаются ткани. Кровотечение небольшое. На перемещение кисты сердце реагирует нарушением ритма. Это отчетливо видно. Работа продвигается медленно. Зона сращения кисты с правым желудочком сокращается, а время летит быстро. Уже час отделяется основание кисты от сердца! Движения хирургов минимальные, крайне осторожные и точные. Все застыли. В операционной абсолютная тишина. Осталось совсем немного — какие-нибудь 1–1,5 см и киста будет отделена от сердца. В этот момент сердце затрепетало и остановилось... Андрей Михайлович быстро отделил кисту от мышцы сердца и начал плавный, ритмичный ручной массаж сердца. Сердце заработало. Сначала с перебоями, аритмично. А затем восстановился нормальный ритм. Мы все глубоко вздохнули. Все разом заговорили. Восхищение. Восторг. После тяжелого напряжения наступило возбуждение — разрядка. Еще минута наблюдения — сердце работает ритмично — можно зашивать операционную рану. Дальше операция пошла без осложнений.

Перевели больную в палату. У меня — очередное непредвиденное напряженное ночное дежурство у постели больной. На удивление, ночь у больной прошла хорошо, не было перебоев сердечной деятельности, не было нарушения геодинамики и легочной недостаточности. Из плевральной полости кровотечение было незначительным и компенсировалось...

В конце июня звонит мне сестра приемного покоя: «Пришла какая-то больная, спрашивает Вас». Спускаюсь, вижу — больная, у которой удалена эхиноккоковая киста. Первый и главный вопрос:

— Как чувствуете себя, как здоровье?

— Да ничего, не жалуясь, работаю по дому. У нас в саду созрели вишни, вот собрала и принесла своим хирургам.

— Вы саминесли ведро с вишнями?

— Сама.

— И как?

— Сама собирала вишни, сама и привезла.

Повел я ее в отделение. Показал товарищам. Андрея Михайловича в клинике уже не было. Позвонили ему в институт. Рад был и он.

Это наблюдение Андрей Михайлович опубликовал в журнале «Вестник хирургии» в 1956 г.

Как-то вызвал меня А. М. Ганичкин и предложил тему диссертации: «Кровоснабжение резецированного желудка». Тема экспериментальная. Нужно было собакам делать резекцию желудка, а затем через разные сроки после операции (до 1 года) производить наливку кровеносных сосудов специальным составом и изучать сосуды.

С охотой взялся я за разработку темы. Операции на желудке меня очень привлекали. Изучал имеющуюся литературу в библиотеке института. Одновременно оперировал на животных. Условия для эксперимента были сложные. Операции производил в биохимической лаборатории клиники — один, два раза в неделю после работы. Наркоз собаке давал служитель вивария, ассистировала В. А. Михайличенко. Я помогал ей, она мне. Она разрабатывала проблему межкишечных анастомозов, тоже с наливкой сосудов.

Резекция желудка и резекция кишечника у собак значительно сложнее, чем у человека. У собак стенки более толстые, более ригидные. Иногда в ответ на прокол иглы стенка сильно сокращается. Однако мы довольно быстро освоили операции. Это была не самая главная проблема.

Трудность заключалась в том, что собак негде было оперировать, и, самое главное, негде держать. Проблема питания животных тоже была очень сложной.

Оперировали, как я сказал, в биохимической лаборатории института, собак держали в подвале хирургического корпуса. Собаки после операции вили, беспокоили больных. Нас с Верой Александровной «беспокоило» начало, особенно Червякова. На этой почве у нас с ней портились отношения.

Со страшным скрипом и мучениями мы набирали экспериментальный материал. Вера Александровна набрала 100% экспериментального материала, у нее диссертация была запланирована по институту, она была клиническим ординатором, я — больничный ординатор. Диссертация мне тогда не планировалась, работал я добровольно, как говорят, вне плана. Набрал 75–80 % материала, изучил хорошо литературу и мне, фактически, тоже можно было бы начинать писать диссертацию: обзор литературы, методику исследования, состояние кровоснабжения резецированного желудка в ранние сроки после операции. У меня уже даже были небольшие наброски глав.

В 1952 г. появились слухи, что к нам едет новый заведующий кафедры, профессор из Владикавказа Каро Томасович Овнатанян, где он заведовал кафедрой общей хирургии на 30 коек. Действительно, в октябре месяце он приехал познакомиться с клиникой. Его принимал Андрей Михайлович Ганичкин. Они обошли клини-

ку, зашли во вторую операционную, где я как раз оперировал больного по поводу аденомы предстательной железы. Операционную он окинул взглядом и ушел.

Когда я закончил операцию, сотрудники делились впечатлениями: К.Т. Овнатаян невысокого роста, смуглый, лет 50–55, черты лица крупные, быстрый, энергичный, точный. Вопросы задавал четко, ответ не дослушивал, если ему становилось ясно, в чем дело. Выяснил общее направление клиники; в подробности не вдавался. Визит длился 30–35 минут. Он сообщил, что приедет на работу после окончания семестра.

В ноябре 1952 г. со мной приключилась история, которая мне запомнилась на всю жизнь. То был период, когда медиков преследовали, кое-кого в Москве освободили от работы, кое-кого сослали. Московские дела кругами разошлись по периферии. Многие профессора, особенно хирурги, себя начали вести очень сдержанно, не давая повода к претензиям, старались меньше оперировать, оперировали по абсолютным показаниям или то, что проще.

В то время в Советский Союз приехала китайская делегация. Ее маршрут пролегал из Москвы через Харьков в Сталино. В Харькове один из членов китайской делегации заболел аппендицитом. Его не оперировали, вели консервативно. В Сталино прямо с поезда его привезли и госпитализировали в клинику профессора Чаругина А.И. Заведующей там была Хотомлянская Ита Наумовна, жена А.М. Ганичкина. Дежурный врач один на две клиники. На мою беду им оказался я. Уходя с работы, Ита Наумовна мне сказала:

— У него аппендикулярный инфильтрат. Оперировать не надо. При усилении боли введите обезболивающее.

Часов около 9 вечера к больному меня пригласила сестра. У китайца боль усилилась. Смотрю, температура 37,6, пульс около 80, живот мягкий, слегка вздутый, перистальтика чуть усилена. Инфильтрат определяется четко, умеренно болезненный. Назначил 0,5 мл омнопона. Через полчаса у китайца появилась рвота, многократная, необильная. В это время китайская делегация возвращаясь в гостиницу, решила навестить своего товарища. Увидели рвоту. Подняли шум. Сопровождающие их товарищи обратились ко мне за справками. Отвечаю. Зови старших — предложили они. Вызвал. Вскоре были все: Ганичкин, Хотомлянская, Главный врач больницы Лютая Надежда Ивановна, доц. Франкфурт. К тому времени, когда все съехались, у китайца рвота прекратилась. Вызванные товарищи осмотрели больного, подтвердили правильность моих действий и разъехались. Ночь больной провел удовлетворительно, периодически спал, жалоб не предъявлял.

Утром на следующий день я помогал Ковалеву М.М. оперировать больного по поводу рака молочной железы. В операционную входит

П.П. Раевский, снимает меня с операции и говорит, что меня вызывают в комнату №100 Сталинского облисполкома.

Он идет рядом со мною. Говорит:

«Держи себя достойно, не горячись. Отвечай только после обдумывания вопроса, не сразу. Ты все сделал правильно, состояние китайца не ухудшилось, он даже лучше себя чувствует. Говори — такая тактика клиники, так мы лечим советских людей. Так лечили и гостя из Китая».

Он несколько раз повторил свои наставления.

У подъезда клиники легковая машина «Победа». Захожу в сотую комнату. Кабинет зампреда облисполкома Шершневой. В кабинете Дуброва, Лютая, Ганичкин, Хотомлянская и еще какие-то незнакомые два человека. Все замолчали. Видимо, они обсуждали ситуацию. Теперь — разговор с главным виновником.

Шершнева, не обращаясь ко мне по имени: «Расскажите как было дело».

Рассказал.

— Почему Вы никому не позвонили, что у больного усилились боли?

— Потому, что такие ситуации у нас бывают по несколько раз в день, мы их решаем сами.

— Вам сказали ввести омнопон.

— Мне сказали, чтобы я поступил с учетом конкретной ситуации. Поскольку у больного имеется инфильтрат, явной угрозы перитонита нет, можно вводить обезболивающие препараты. Такая установка клиники, так мы лечим советских людей. Так я поступил с китайцем и не вижу своей вины.

Моя уверенность взорвала Шершневу. Она грубо начала на меня кричать, что-то говорила о суде и Сибири.

Я перебил ее:

— У вас на столе мое личное дело. Из него видно, что мой отец, брат и я — коммунисты. Я три раза ранен на фронте за Советскую Родину. В чем Вы меня обвиняете, в том, что у китайца появились рвоты? Так они у больных появляются каждый день, это один из вариантов клинического течения болезни.

Встал и ушел.

Никто меня не остановил. Выходя из кабинета слышу: Шершнева — Дубровой «Объявите ему выговор по облздравотделу». Выговор мне не объявляли. По дороге в больницу меня догнала машина, в которой ехали Лютая и Ганичкин. Они остановились. Предложили мне сесть. Но я решил пройтись — мне нужна была разрядка, нужно было немного успокоиться. Китаец поправился. У меня надолго остались воспоминания о хамском обращении администрации облисполкома с хирургом. Так со мной еще никто никогда не разговаривал.

В феврале в клинику приехал Каро Томасович Овнатанян. Каро Томасович выяснил, кто какую научную работу ведет. Я назвал свою тему. Он выслушал меня без интереса, равнодушно, но я тогда не придавал этому значения.

В конце апреля меня послали в длительную командировку. В г. Комсомольске Старо-Бешевского района хирург заболел туберкулезом легких. Его отправили на лечение. Он был единственным хирургом в больнице, поэтому срочно потребовалась замена. Направили меня. Мои интересы с командировкой совпадали в том плане, что в этой больнице, в хирургическом отделении лежал мой отец, уже в безнадежном состоянии по поводу рака желудка. Главным врачом больницы был Сувориков Иван Григорьевич, мой однокашник по институту. В отделении была обычная работа, небольшая хирургия на уровне грыж, аппендицитов и urgentных операций. С этим я уже был знаком. Иногда вечерами или в течение дня, когда было свободное время, мы подолгу разговаривали с отцом. Говорил он неторопливо, вспоминая жизнь, своего отца, бедность. В семье было много детей, мать его умерла рано. Старшие дети воспитывали младших. Моя тетя Палажка была самой старшей, а он шел за ней. Он вспоминал свою жизнь, гражданскую войну, Севастопольское подполье, работу во Владимире, в политотделе Туркестанского фронта в Ташкенте, бои на Украине, ранения, болезни, эвакуацию. Вспоминал наши с Юрой детские годы. Хотел, чтобы мы были образованными людьми. Его мечта осуществилась — я закончил институт, Юра — учится в техникуме. Часто вспоминали нашу маму. И несмотря на то, что находился в очень тяжелом состоянии, отец строил планы на будущее. 19.05.53 г. он умер. До самого последнего дня был в сознании. Еще в 10.00 он был в сознании, а в 11.00 его не стало. Через полчаса приехала мама. Через два дня мы его похоронили на кладбище в г. Комсомольске.

Отец умер. Как дальше жить?

Ассистент кафедры

Работа в клинике у меня началась с очень большого огорчения. К.Т. Овнатанян с 1 сентября 1953 г. обещал мне место ассистента и я возлагал большие надежды на это место. В то время мы, буквально, голодали. Нашим основным рационом были постный борщ, каша, чай и хлеб. На большее денег не хватало.

Дирекция института объявила конкурс по нашей кафедре на 2 места ассистента. Претендентов было трое: В.А. Михайличенко, закончившая клиническую ординатуру при кафедре, Ольга Яковлева Народицкая, жена зав. финотделом Донецкого облсовета, и я — ординатор хирургического отделения больницы им. Калинина. Предконкурсное время я находился в длительной командировке.

В июне месяце в больнице г. Комсомольска меня сменила Помельникова Ю.В. — ординатор нашей клиники. Я уехал в Сталино. На следующий день захожу в клинику. Меня встретила Ефремова Лидия Владимировна — новая заведующая отделением.

— Виктор, тебя по конкурсу не избрали. Каро Томасович о тебе говорил хорошо, но о Народицкой О.Я. и В.А. Михайличенко сказал лучше. Их избрали. Иди к Каро Томасовичу, поговори. Может, можно что-то придумать. Настроение у меня испортилось совершенно. Все время не везет. Как заколдованный. Вроде бы все делаю, стараюсь, работаю не считаясь со временем, взысканий у меня нет, работал над темой диссертации. В чем дело? Захожу в кабинет Каро Томасовича. Он меня встретил очень радушно, начал говорить о перспективе работы в клинике...

— Каро Томасович! Меня по конкурсу избрали?

— Нет, но мы этот вопрос сейчас уладим.

Он вызывает Веру Александровну и Ольгу Яковлевну. Просит их, чтобы они отказались в мою пользу по 0,5 ставки.

Они в один голос — о чем Вы говорите, Каро Томасович? Мы прошли по конкурсу. С какой стати мы должны отказываться от 0,5 ставки?

Позже я обратил внимание, что если тебя очень хорошо принимает какой-либо начальник — знай: ничего не сделает, откажет. Вежливость и внимание — средство подсластить пилюлю.

Пошел к Андрею Михайловичу, не надеясь ни на что хорошее, узнать перспективу. Я уже продумывал, куда перейти на работу, чтобы можно было получать полторы ставки, или совмещать административную работу с хирургией. Опять идти к Дубровой — надоел я ей, то в клинику, то из клиники.

Андрей Михайлович принял меня, выслушал. Вызвал ученого секретаря Зелигмана и поручил ему подготовить приказ о зачислении меня и.о. ассистента на кафедру факультетской хирургии. Я написал заявление. Он наложил резолюцию с 01.09.53 г. зачислить меня и.о. ассистента. Так я стал ассистентом. Второй конкурс в жизни, вторая неудача.

Я вышел из института. Иду в клинику. В памяти всплывают люди, которые мне в жизни помогли: Алексей Михайлович, Леонид Николаевич, Фекла Гавриловна. Теперь Андрей Михайлович — он протянул мне руку в очень трудный для меня период жизни, он повернул меня на стезю большой хирургии. Пусть я и.о., но я докажу, что эти две буквы можно убрать. За дело!

На второй день Каро Томасович узнал о приказе, видимо, от Ганичкина. Похлопал меня по плечу: «Вот видишь, все уладилось».

Я начал усиленно заниматься подготовкой к занятиям со студентами. У Петра Петровича взял программу. Изучаю и конспектирую литературу по наиболее распространенным хирургическим заболе-

ваниям, предусмотренным программой. Я, будучи ординатором, регулярно посещал лекции, так что я более или менее знал, на что обратить внимание.

Занятия по факультетской хирургии велись циклами, студенты для курации получали больного. Должны были написать историю болезни. В последующие дни студенты записывали дневники, а также по очереди докладывали историю болезни. К разбору привлекалась вся группа. На примере одной истории мы разбирали полностью нозологическую единицу. Предполагалось, что первый цикл я должен буду прослушать у Петра Петровича. На 2 или 3 день во время занятий его вызвали к телефону. Вернувшись, он сказал:

— Виктор Степанович, продолжайте разбирать больного со студентами.

Я даже растерялся от неожиданности. Студенты это заметили — они знали, что я преподаю первый год. Так началась самостоятельная ассистентская деятельность.

В тот год я очень много работал над литературой. С одной стороны — готовился к занятиям со студентами, а с другой — начал работу над диссертацией. В начале 1954 года Каро Томасович предложил мне новую тему диссертации: «Клинико-анатомическое обоснование надлобкового дугообразного внебрюшинного разреза при камнях тазового отдела мочеточника». Он сам написал мне план диссертации, порекомендовал литературу. У него дома был почти весь комплект журнала «Урология» и некоторые работы по теме. Он дал мне по теме диссертации все, что у него было. Для начала предложил мне написать обзор литературы по хирургическому лечению камней мочеточника. Я прочел все, что мог в Сталино (институтской и областной медицинской библиотеке), а 2 мая 1954 г. уехал в Москву для работы в ГЦМБ. Располагалась она тогда на площади Восстания в здании Института усовершенствования врачей.

Помещение было тесное, маленькое. Библиотека открывалась в 10.00, но очередь нужно было занять часа за два, чтобы «захватить» место в читальном зале. В зале работало много людей, вентиляция была недостаточна, но на это никто не обращал внимания. Все посетители работали с энтузиазмом, настойчивостью. Обслуживание литературой было вполне приличное, мы не испытывали задержки в подборе литературы. В библиотеке я занимался с 10.00 до 22.00 вечера с перерывом на обед 1–1.5 часа. В то время со мной занимался Виктор Александрович Дельва — ассистент кафедры нервных болезней, позже — профессор, ректор Полтавского медицинского института. Часто обедали мы вместе. Обед был очень скромный в одной из ближайших столовых. После обеда часа 1.5 было очень тяжело войти в рабочий ритм, клонило в сон. Иногда за столом в читальном зале я засыпал на 5–10 минут, но сон был настолько глубоким и освежающим, что дальше легко было заниматься. Я неоднократно

убеждался, что не продолжительность сна, а его глубина оказывала положительное влияние на работоспособность мозга. Жил я у дальней родственницы Маргариты по материнской линии — Веры Семеновны. Работала она на ЗИЛе, жила в районе метро «Автозаводская». В коммунальной квартире она занимала одну комнату. Муж ее работал страхогентом вне Москвы. Целую неделю он был вне Москвы, а на воскресенье приезжал домой. Фактически, я его не видел, тем более, что уезжал из дому около 7.00, а приезжал около 23.00.

За три с половиной недели я много прочел, фактически, закончил сбор литературы. В один из дней Маргарита прислала телеграмму, что в Совете II мединститута М.Д. Джавад-заде защищает кандидатскую диссертацию по камням мочеточника, она прочла извещение в медицинской газете. Я воспользовался этим. Досконально изучил в библиотеке института диссертацию. Диссертацией руководил А.Я. Пытель. Она была хорошо написана. Прочтя ее, я понял, что могу написать не хуже, появилась какая-то уверенность. Главное — понял, что будет новым, оригинальным в моей работе. Я посетил официальную защиту. Это была первая защита диссертации, на которой я присутствовал.

Меня поразила атмосфера на Совете. Аудитория была небольшой — члены Совета и, видимо, сотрудники кафедры. Мамед Джавадович докладывал спокойно, чересчур спокойно, заложив руки за спину. Никаких таблиц, схем и слайдов не было. Рядом со мной сидели какие-то дамы, подсчитывали членские взносы, обсуждали очень тихо дела кафедры. Доклад диссертанта окончен. Вопросы есть? Нет. В качестве официального оппонента выступил Арам Яковлевич Абрамян. Он сказал буквально следующее: «Диссертация заслуживает самого серьезного внимания уже потому, что она исходит из ведущей хирургической клиники, руководимой Александром Николаевичем Бакулевым» (к тому времени закрыли урологические клиники, их передали кафедрам факультетской хирургии, руководил курсом урологии у Бакулева А.Н. А.Я. Пытель). Эта фраза, фактически, определила весь дальнейший ход защиты. Второй оппонент заболел, не приехал — прочитали его отзыв. Был подготовлен третий оппонент, который очень кратко, но хорошо оценил диссертацию и диссертанта. Голосование было единогласным. Без диспута, без вопросов, как-то обыденно прошла защита, один-два человека поздравили диссертанта и руководителя и все сразу же разбежались, как и собрались за 1–2 минуты до защиты. Все ценили свое время.

В конце мая я вернулся домой. В сентябре Каро Томасович дал мне отпуск для написания обзора литературы по диссертации. Он знал, что я собрал достаточно литературы. Он мне неоднократно советовал прочесть ту или иную статью и каждый раз я ему говорил: «Уже прочел». Это повышало мой авторитет в его глазах, он часто

ставил меня в пример. В сентябре он дал мне творческий отпуск, чтобы проверить, могу ли я в достаточной степени изложить свои мысли на бумаге. Я написал обзор литературы и анатомию брюшного пресса. Он прочел и попросил Марка Семеновича Лейчика, зав. кафедры топографической анатомии и оперативной хирургии, прочитать главу об анатомии. Оба внесли некоторые замечания, но в целом работу одобрили.

Сравнительную оценку оперативных доступов к тазовому отделу мочеточников я проводил методом объективно — числового анализа по А.Ю. Сазон-Ярошевичу. К.Т. Овнатанян вместе с М.С. Лейчиком посмотрели, как я делаю измерения в секционной. Работу одобрили.

Далее шел набор клинического материала. Он шел не очень быстро, но и не медленно. Клиническую симптоматику и диагностику я написал на основании анализа историй болезни больных, ранее лечившихся в клинике (около 400). Освоил метод удаления камней из тазового отдела мочеточника. Мне тогда было легче удалять камень из предпузырного отдела мочеточника, чем из прилоханочного, осложнений было мало. Один раз камень ускользнул в почку. Пришлось менять хирургическую тактику. Во всех остальных случаях камни были удалены без осложнений. У нас не было случаев, чтобы камень из мочеточника мы не удалили. Два-три камня мы протолкнули в мочевой пузырь, диаметр камня и мочеиспускательного канала соответствовали. В последующем камни отошли самостоятельно. К лету 1956 г. я написал все главы диссертации, за исключением заключения и выводов. В сентябре я уехал со студентами на сельхозработы в Ялтинский район Сталинской области. По возвращении домой, прочел все написанное. Мне не очень понравилось. Поэтому я написал все почти заново, но эта работа шла очень быстро, потому что почти все лето я думал о том, что написал и как написал, и что надо изменить. В голове все сложилось — осталось мысли перенести на бумагу.

Всю осень я работал над окончанием диссертации. В начале 1957 г. нас с Каро Томасовичем пригласили в Москву, где на заседании Московского урологического общества он должен был сделать доклад: «О секционной нефротомии при коралловидных камнях», а я — «О клинико-анатомическом обосновании надлобкового дугообразного разреза при камнях тазового отдела мочеточника». Первым слушался доклад К.Т. Овнатаняна. После его доклада, в котором он защищал секционную нефротомию с последующим наложением кетгутовой сетки на почку, началась необычно оживленная дискуссия, в которой приняли участие Фрумкин, Абрамян, Топчан, Пытель и еще некоторые московские урологи. Каро Томасович был большим полемистом. В заключительном слове он членораздельно произнес такую фразу: «Функция нефротомии

рованной почки лучше функции нефрэктомированной почки». Зал не сразу понял игру слов, затих, а через 3–5 секунд разразился очень веселым смехом, отдавая дань остроумию шефа и его находчивости.

Для моего доклада времени не осталось. А.П. Фрумкин как председатель Московского городского общества урологов предложил заслушать мой доклад на следующий день у него на кафедре.

В конференц-зале кафедры собралось довольно значительная аудитория — сотрудники кафедры, ординаторы и курсанты — человек около 100.

За отведенные мне 20 минут я доложил свой материал. Урологам не очень были понятны применяемые мною углы операционного действия, наружная апертура, глубина раны в см или градусах, но схему разреза они поняли и оценили ее преимущества, по сравнению с другими разрезами. Это самое главное. Удивило слушателей то, что послеоперационных осложнений было мало, а случаев неудаленных камней и вовсе не было.

Профессор А.П. Фрумкин как заведующий кафедрой, председательствовавший на конференции, дал общую положительную оценку работе, но сомневался, что идея разреза принадлежит нам, что ранее его никто не применял для удаления камней из тазового отдела мочеточника.

Протокол конференции мы писали вместе с Дмитрием Васильевичем Каном. В те годы он закончил клиническую ординатуру в клинике А.П. Фрумкина. Его оставили ординатором урологического отделения 51-й больницы. Жил он с семьей в проходной будке больницы. С улицы мы вошли в крошечное помещение — это было его жилье. До поступления в ординатуру к А.П. Фрумкину он работал хирургом в г. Ясиноватая Сталинской области — с тех пор я был с ним знаком. Протокол конференции составлен, его подписал А.П. Фрумкин, Гольдин поставил печать общества. Сделан еще один шаг к защите диссертации. Контактируя с Д.В. Каном, я узнал, насколько он умный и добропорядочный человек. Хорошие отношения между нами сохранялись до его смерти.

Я своевременно сдал диссертацию шефу как законченную, для окончательной проверки. Он ее попридержал. Зеленую улицу дал Завгороднему Л.Г., который был старше меня и опытнее. Шеф решил не нарушать субординации: вначале защищает старший, затем — младший. В начале сентября он проверил и вернул диссертацию Завгороднему, а в конце сентября проверил мою работу. Исправлений было не очень много, поэтому в конце октября я подал диссертацию на официальную защиту.

Оппонентами назначили доцента М.С. Лейчика и профессора М.А. Кимбаровского, заведующего кафедрой госпитальной хирургии Днепропетровского мединститута.

Михаил Александрович пожелал увидеть диссертанта. Ранним утром я приехал в Днепропетровск, нашел клинику и, поскольку было еще рано, стал прогуливаться около больницы. Вижу, идет на работу М.А. Кимбаровский, несмотря на возраст шагает быстро. Представился Михаилу Александровичу. Он встретил меня приветливо. Сказал что диссертацию еще не читал, только перелистал. В тот же день в клинике он делал обход. Несколько раз он обращался ко мне, показывал различные рентгенограммы, анализы, заставляя посмотреть больного. Я все выполнял. После обхода он мне сказал, что недели через две пришлет отзыв на диссертацию. Слово свое сдержал. Отзыв прислал положительный. Только спустя некоторое время я понял, что на обходе он устроил мне экзамен на врачебную зрелость, который я, по-видимому, выдержал. Поэтому отзыв был написан быстро. Защита была назначена на 11 декабря 1957 г.

Сама защита у меня плохо осталась в памяти. Не помню, что говорил доцент Лейчик, выступали ли неофициальные оппоненты. Не помню результатов голосования. Помню только, что меня поздравляли, желали и т.д. Все, как в тумане.

Но могло быть и другое. В те годы диссертант должен был сделать банкет. Подготовка к банкету в день защиты диссертации требовала времени и затрат энергии значительно больше, чем сама защита. Не успели прочитать протокол — нужно звать гостей на банкет, товарищей по работе, оппонентов, научного руководителя, знакомых, родственников. С помещением тогда было тоже сложно: кафе, столовых, ресторанов было мало. Помогли снять ресторан дома ИТР (Инженерно-технических работников). Состоялся банкет. Около 2 часов ночи явились мы с Маргаритой домой совершенно обессиленные, измученные, но счастливые и радостные. После стольких неудач в нашей жизни — праздник. Общий праздник, заслуженный большим трудом. По-настоящему все свершившееся я ощутил на 2–3 день. И еще в день, когда получил первую зарплату, на которую уже было можно жить более или менее прилично. Тогда со дня присуждения ученой степени Советом института шла надбавка к зарплате.

Утверждение в ученой степени я получил в феврале в 1958 г. Этот год был для меня в какой-то степени юбилейным — 10 лет врачебной деятельности. Испытание я прошел как администратор, а главное — как хирург. Через какое-то время я получил заветную открытку из ВАКа, подписанную Зыковым Михаилом Васильевичем, в которой он меня известил и поздравил с ученой степенью кандидата медицинских наук.

Вспомнились все детали планирования и работы над кандидатской диссертацией. Тема вторая. Но и первая мне много дала — хорошо научился работать на желудочно-кишечном тракте. Вторая тема, предложенная мне Каро Томасовичем, была принята безогово-

рочно. Я верил в научный авторитет шефа, а это для начинающего ученого важно. Однако, в каждое дело «доброжелатели», выражающие «общественное мнение», вносят ложку дегтя. «Какую тему предложил шеф? Камни мочеточника? Что ты напишешь после Пожевой? Она в своей диссертации и монографии разобрала эту тему по косточкам. Ничего никому не оставила». Другим я говорил: «Клинико-анатомическое обоснование надлобкового дугообразного разреза ...». — «Разрез к тазовому отделу мочеточника? Так их предложено уйма! Ты еще один предложишь — ну и что? Где решающая, обычно говорили в присутствии шефа. По-разному эти разговоры влияли на меня. Иногда демобилизовали, но это было редко. Чаще я искал слабые аргументы в речах своих оппонентов. Чем больше я изучал литературу по теме диссертации, тем больше я убеждался, что в этой проблеме есть место для меня, и после меня над этой проблемой будут работать. Я вспомнил, как работал в Центральной медицинской библиотеке, где из литературы я узнал, что надлобковый дугообразный внебрюшинный разрез при камнях тазового отдела не применялся. Это важное обстоятельство.

Иногда этот разрез путали с разрезом Пфаненштиля. Но разрез Пфаненштиля предложен для операций в брюшной полости малого таза. Для него характерно широкое вскрытие брюшины. При надлобковом дугообразном разрезе для удаления камня тазовый отдел мочеточника выделяется забрюшинно. После рассечения кожи, апоневрозов широких мышц живота, разведения в противоположные стороны прямых мышц отслаивается брюшина от боковой стенки таза до мочеточника. Мочеточник контролируется от подвздошных сосудов вплоть до устьев. При камнях обоих мочеточников камни можно удалить одновременно из одного разреза. Это важное его преимущество, по сравнению с косыми и параректальными разрезами.

Объективно-числовая методика А.Ю. Созон-Ярошевича показала, что он имеет лучшие числовые характеристики: глубина раны меньше, угол операционного действия больший, по сравнению с наиболее часто применяемыми разрезами: Кея, косыми и параректальными. Волокна широких мышц живота не пересекаются, разрез идет вдоль волокон, не рассекаются прямые мышцы, разделение происходит между ними. Не повреждаются нервные веточки, иннервирующие прямые мышцы живота. На много тысяч операций этим разрезом мы не видели послеоперационных грыж и атрофии мышц брюшного пресса. Разрез удачен и в косметическом отношении и, наконец, в операционном рубце не бывает болей. Грыж не было даже в тех случаях, когда рана заживала вторичным натяжением. Это важное достоинство разреза. Как часто мы видим огромные послеоперационные грыжи, возникшие после удаления желчного

пузыря, резекции желудка, кишечной непроходимости, операций на почках. Ликвидировали одну болезнь — создали условия для возникновения другой — послеоперационной грыжи, требующей еще одного хирургического вмешательства. Поэтому разработка и внедрение в практику разреза, который не служит причиной новой болезни — большое достижение. В работах Б.А. Чаругина и П.С. Серняка в дальнейшем было показано, что разработанный мною разрез успешно можно применять при опухолях мочевого пузыря, аденомах предстательной железы, пузырно-влагалищных и мочеточничково-влагалищных свищах. (В литературе надлобковый дугообразный внебрюшинный разрез называют разрезом Овнатаняна-Карпенко. Это правильно. Каро Томасович его предложил. Я изучил анатомические и пространственные взаимоотношения, внедрил в практику, изучил отдаленные результаты).

Вторая особенность разреза Овнатаняна-Карпенко состоит в том, что он позволяет урологу во время операции выйти на тот участок мочеточника, в котором застрял камень. Иначе говоря, не скелетируется мочеточник, не нарушается его кровообращение и иннервация, не нарушается естественное соприкосновение с окружающими тканями.

В последующем мы нашли ему еще одно применение при уретерогидронефрозе, т.е. при операциях, когда нужно одновременно удалить почку и мочеточник на всем протяжении. Обычно для этой цели применяют разрез, который начинается в реберно-поясничном углу и заканчивается у наружного края лонного сращения. Эти разрезы наиболее часто осложняются большими послеоперационными грыжами. При уретерогидронефрозе мы применяем два разреза: выделяем тазовый отдел мочеточника при помощи надлобкового дугообразного внебрюшинного разреза; почку удаляем при помощи поясничного разреза. Таким образом, основной массив мышц брюшной стенки не повреждается, предупреждается развитие послеоперационных грыж.

Чему же еще научила меня работа над кандидатской диссертацией?

Прежде всего, выбору оперативных доступов при любых других операциях. Я всегда старался выбрать такой разрез и сделать его так, чтобы объект операции был в центре операционного поля, чтобы к нему лучше всего было подступить, чтобы всю операцию, особенно наиболее ответственные моменты, мог визуальнo контролировать. Это особенно важно при операциях на сосудах, при аневризмах сосудов, аутотрансплантации почки, пересадке почки, нефротомии, удалений камней из почки и т.д. Я стремился всегда сделать разрез так, чтобы во время операции было минимальное расстояние от кожи до наиболее важного объекта операции. Это зависит от выбора разреза и укладки больного на операционном столе, чему многие хирурги придают недостаточно значения. Мне теперь часто при-

ходится делать повторные операции при рецидивах болезни, осложнениях или неудачно сделанных операциях. Я вижу, что одной из причин неудач хирургов является неправильно выбранный оперативный доступ.

Понял я и другое: почти все урологические болезни (по крайней мере, многие) проявляются одними и теми же симптомами: болью (острой, тупой, с иррадиацией или без нее), патологическими примесями в моче, повышением температуры, ознобами, а иногда — гастроинтестинальными симптомами. Поэтому в урологической практике очень важна дифференциальная диагностика — не просто симптом, а его нюансы и комбинации с другими симптомами.

По мере того, как медицина вооружается аппаратными методами исследования, молодые врачи ошибочно полагают, что все диагностические проблемы уходят на второй план. Диагностический аппарат все решит и поставит диагноз. Это, конечно, не так. Клинически грамотному врачу аппаратная диагностика помогает в распознавании болезней, выявлении степени функционально-морфологических изменений в органе, распространенности болезни, оценке влияния болезни на другие органы и системы.

Проведение аппаратных исследований без учета клинической симптоматики чревато также возникновением деонтологических проблем. Ранее меньше было аппаратов, была хуже диагностика и хуже лечили, чем теперь, но авторитет врача был высоким. Теперь мы лучше диагностируем и лечим, а жалоб на врачей стало больше. С моей точки зрения, одна из причин этого явления заключается в том, что современный врач мало беседует, выслушивает больного, недостаточно изучает жалобы и анамнез, редко применяет пальпацию и аускультацию, осмoтр больного проводит поверхностно. После беглого опроса назначаются анализы, рентген, и т.д. Этого недостаточно больному. Он хочет слышать слово врача, ободряющее и обнадеживающее слово. Отсюда недовольство, жалобы, снижение авторитета врача, популярность экстрасенсов и «народных целителей».

Нам не раз говорил доцент Петр Петрович Раевский: «Врачу нужна наблюдательность: нужно видеть глаза пациента, уловить изменения в психике, в настроении больного, изменения на кожных покровах, проанализировать поведение больного при болях, проанализировать то, что ощущают пальцы врача при пальпации — все имеет значение: консистенция, форма, размеры, контуры. Думаю, врачу они могут указать на многое».

Анализируя свои клинические ошибки, я всегда ловил себя на том, что не придавал значения тому, что ощущали пальцы или кому-либо контуру на рентгенограмме. Проанализируй я их своевременно, сосредоточь свое внимание на этом — ошибки можно было бы избежать.

Вот для этого в медицине нужен наставник. Ни в одной книге не описано то разнообразие ситуаций с больным и его родственниками, которые возникают в практической работе врача. Молодой врач в силу недостаточного опыта проходит мимо важных симптомов. На них ему может указать учитель, наставник.

Еще один вывод из десятилетней врачебной практики — больше внимания больному, но часть вопросов нужно оговаривать с родственниками. Не скрывать от родственников тяжести состояния больного. Пусть они знают, с какими трудностями встретится врач при лечении их сына, отца, матери. Опытный врач может сделать много, но, к сожалению, не все. Об этом должны знать родственники.

В ассистентском составе произошли изменения. М. М. Ковалев переведен в Черновцы на должность ректора мединститута. Наш одноклассник — ректор. Здорово. А. Ф. Греджев закончил клиническую ординатуру и стал ассистентом.

Преподавание у нас шло в две смены: с 8–30 до 12.00 и с 13.00 до 16–30. Занимались циклами. Цикл — две недели. Занятия требовали большого напряжения как у студентов, так и у преподавателя. Меня, молодого преподавателя, нагрузили по максимуму. Некоторые циклы приходилось тянуть в две смены. Наибольшая сложность была в тех случаях, когда два цикла совпадали с дежурствами. Отзанимавшись со студентами 8 часов, я оставался дежурить. Группа дежурила со мной до утра. А на второй день опять занятия на протяжении 8 часов — рабочий день продолжался 32–34 часа. Со студентами делал обход своих больных, привлекал их к перевязкам, обследованиям, диктовал истории болезней на вновь поступивших, urgentных больных. С ними же делали операции — тут же проверяли правильность до и послеоперационной диагностики и разбирали ошибки, если они были. Четырехчасовые занятия для студентов трудные, поэтому приходилось менять место занятий — то в перевязочной, то в операционной, то в цистоскопической, то в приемном покое и т. д. Практиковались «Клинические задачи» по хирургии. Студенты очень любили читать рентгенограммы. Каждому студенту выдавалось по рентгенограмме с задачей подробного ее описания. В обсуждении принимали участие все студенты. Такие занятия проходили увлеченно и интересно, поскольку основными действующими лицами были студенты.

Мне очень запомнилось дежурство 16.10.56 г. Дежурил я с группой студентов. Где-то около 18.00 звонит дежурный акушер.

— На рассвете в родильном отделении нашей больницы, родилась девочка. Состояние ее прогрессивно ухудшается. Она синееет. Нарастает дыхательная недостаточность. Ей даже сделали рентгеноскопию, но ничего особенного не нашли. Прошу посмотреть.

— У Вас рентгенкабинет открыт?

— Нет.

— Тогда принесите новорожденную к нам. Мы посмотрим ее еще раз в рентгенкабинете.

При рентгеновском исследовании мы увидели: сердце смещено вправо, правое легкое поджато, в левой плевральной полости воздух. С молоком матери ребенку дали чайную ложечку бария. Через 5 — 10 минут мы увидели барий на фоне плевральной полости.

Нарастающая синюшность, дыхательная недостаточность, смещение сердца вправо, сдавление левого легкого, желудком и, возможно, тонким кишечником произошло в результате врожденной диафрагмальной грыжи. Во время первого вдоха и крика, в брюшной полости повысилось давление, в силу чего желудок и кишечник переместились в левую плевральную полость сдавили легкое и сместили сердце.

Состояние ребенка угрожающее. Медлить нельзя. Нужна неотложная операция по жизненным показаниям. Теперь имеют значения не часы, а минуты, т. к. с рождения прошло около 12 часов. Даже за тот короткий промежуток времени, пока мы исследовали ребенка, синюшность увеличилась.

— Мария Евдокимовна (операционная сестра), срочно мойтесь на операцию. Предстоит операция у новорожденной по поводу врожденной диафрагмальной грыжи.

Сам я побежал к матери девочки за разрешением на операцию. После родов она пассивная, немного безразличная, вялая. Выслушала меня молча.

— Делайте, что знаете ... Опасно?

— Да. Опасность есть и немалая, поэтому с Вами говорю.

— Хорошо бы с отцом поговорить ...

— Он здесь?

— Нет, дома.

— Время не терпит. Операцию нужно начать в ближайшие минуты, тогда есть шанс на успех.

— Делайте операцию, я согласна.

Вернувшись в операционную, я застал ребенка на операционном столе. Бригада хирургов помыта. Они укладывают ребенка на столе, обрабатывают операционное поле. Помылся и я. Можно давать наркотоз. Врач Тарнопольский А. М. в торсионный зажим зажал марлевый шарик, смочил его эфиром и приложил к носу ребенка. Через минуту-другую ребенок заснул.

Вдоль левого подреберья была вскрыта брюшная полость. Нашим глазам представилась следующая картина: живот почти пустой, желудок, весь тонкий кишечник и селезенка находятся в левой плевральной полости. Я быстро извлек переместившиеся органы из грудной полости, водворил их на место. В центре диафрагмы — отверствие округлой формы в диаметре 3.5 — 4 см. Оно было ушито

тремя шелковыми швами. А еще через 5 — 7 минут была ушита брюшная полость. Операция закончена. Из плевральной полости отсосали воздух. Левое легкое дышит — значит расправилось. Сердце заняло свое обычное место. Сразу же после операции ребенок начал розоветь.

Студенты, бывшие на операции пошли к матери, рассказали ей об операции, предложили назвать девочку — Вита, что по латыни жизнь. Дескать, второй раз родилась, потому что врожденный порок, который был у нее, без операции смертелен, и объяснили почему. Мать согласилась.

После операции я, как дежурный врач, позвонил профессору К.Т. Овнатяну. Он выслушал мой рассказ с живейшим интересом и поздравил с успехом.

Послеоперационный период у ребенка протекал совершенно нормально. Вита с мамой были выписаны из роддома на одиннадцатый день.

Врожденные диафрагмальные грыжи у детей — сравнительно редкая патология и в практике дежурных врачей встречается не часто.

Мне удалось разобраться в диагнозе Виты благодаря моему учителю К.Т. Овнатяну. С его приездом в клинику у нас повысился интерес к патологии печени, селезенки и диафрагмы. Он поручил Завгороднему Л.Г. тему кандидатской диссертации по диафрагмальным грыжам. Эта тема у нас неоднократно обсуждалась. Поэтому я в общем-то знал клинику, диагностику, а также суть операции. Кроме того, в Чистяково я видел смерть ребенка от диафрагмальной грыжи. Но тогда я не мог его спасти.

Как-то Каро Томасович нам рассказал, что привлекло его внимание к проблеме диафрагмальной грыжи. Когда он еще работал в Орджоникидзе, к нему в клинику поступил ребенок с диагнозом кишечная непроходимость. Ребенок был в крайне тяжелом состоянии. Его не оперировали. Вскоре ребенок умер от тяжелой интоксикации в связи с ущемлением кишки в отверстии диафрагмы. Каро Томасович перенес эту смерть очень тяжело. Не только потому, что ощущал свою вину в смерти, но и потому, что это был ребенок врача, его товарища.

После этого трагического случая он заинтересовался этой проблемой, изучил литературу, потихоньку накапливал клинический материал: врожденные и приобретенные травматические диафрагмальные грыжи. В Сталино он передал этот материал Л.Г. Завгороднему и поручил на эту тему диссертацию.

Потеряв одного больного, он стремился искупить свою вину спасением многих других больных, а обучив нас, своих учеников, лечению диафрагмальных грыж, помог очень многим людям.

В истории с Витой есть свое продолжение.

Каро Томасович любил посылать нас в передовые клиники Советского Союза, особенно в Москву и Ленинград, как он образно го-

ворил, «за песнями», т.е. за новыми идеями. По возвращении требовал внедрения нового. Во время очередной поездки в Москву он посоветовал мне связаться с Б.А. Петровым, председателем общества хирургов г. Москвы, который в те годы работал главным хирургом института скорой помощи им. Н.В. Склифосовского.

В институте к тому времени у меня были знакомые ординаторы и научные сотрудники, которые показали мне, что считали нужным, а затем проводили в операционную, где должен был оперировать профессор Б.А. Петров. После операции, когда он раздевался, я представил ему и попросил его разрешения доложить случай успешного хирургического лечения диафрагмальной грыжи у новорожденной. Он заинтересовался. Пригласил меня в кабинет. Кабинет находился в операционном блоке. Этот кабинет ранее принадлежал профессору С.С. Юдину, который был в сороковые годы нашим кумиром. В С.С. Юдине сочетались талант высококлассного хирурга, писателя, оратора, полемиста и охотника.

Этот кабинет ранее я видел только на фотографии, а теперь находился в нем сам. Но теперь хозяин этого кабинета профессор Б.А. Петров. Он угостил меня чаем. Попросил рассказать о произведенной операции подробнее, потом начал рассказывать об их опыте пластики пищевода тонкой и толстой кишкой, подчеркнув, что у них опыт значительно больший, чем был во времена С.С. Юдина. Беседа закончилась тем, что он мне посоветовал обратиться к профессору С.Д. Терновскому, председателю секции детских хирургов Московского хирургического общества.

С.Д. Терновский встретил меня приветливо. Живо заинтересовался представленным клиническим наблюдением, сравнил рентгенограммы грудной клетки до и после операции, на которых отчетливо была видна эффективность операции и предложил доложить на обществе, которое должно было состояться вечером того же дня.

— Имейте в виду: на демонстрации клинических наблюдений мы отводим 5 минут, — предупредил Сергей Дмитриевич.

У меня доклад минут на 9–10. Время на подготовку было, опустил некоторые подробности, проверил. Доклад — 5 минут.

На обществе он предоставил мне слово первому.

Доклад я сопровождал демонстрацией рентгенограмм. Доклад длился 5 минут.

— У кого есть вопросы к докладчику? — спросил Сергей Дмитриевич.

Вопросов было много: какой наркоз, какой оперативный доступ, какие швы накладывались на отверстие в диафрагме, как расправили левое легкое и переместили сердце. На основании каких симптомов поставили диагноз. Как часто такая патология встречалась на нашем материале и т.д.

Боле 20 вопросов. Я посмотрел на Сергея Дмитриевича. Он понял мой взгляд, сказал спокойно и как-то доброжелательно: «Ответьте». Я ответил на все вопросы, отвечал очень лаконично, конкретно. Мне не хотелось затягивать время, хотел услышать оценку сделанной операции.

После моего доклада выступили С.Я. Долецкий, тогда он был доцентом у С.В. Терновского, теперь он академик АМН СССР. Диафрагмальная грыжа у детей — это тема его докторской диссертации, которую незадолго до этого закончил и, кажется, защитил. Он выступил первым и сказал, что представленное мною наблюдение — успешная операция по поводу ущемленной диафрагмальной грыжи через 12 часов после рождения ребенка — первая в Советском Союзе (во всяком случае, он ранее об этом нигде не читал и не слышал) и третья в мире. Ранее подобные операции по одной были сделаны в Аргентине и Англии.

Весьма лестную оценку моему выступлению дал С.Д. Терновский. Но мне казалось, что я доложил не так, можно было бы сказать лучше. С одной стороны, я был доволен лестной оценкой детских хирургов, выступивших в обсуждении моего сообщения, а с другой — мучился тем, что можно было бы ответить лучше, убедительнее.

В 1959 г. Каро Томасович и Варвара Фадеевна с группой советских профессоров вылетали в Англию на научную конференцию. Я знал дату его возвращения и поехал во Внуково их встречать. В делегации был С.Д. Терновский. Мы поздоровались. Он узнал меня. «Приходите завтра ко мне в клинику, у меня есть для Вас подарок».

На следующий день он подарил мне экземпляр своей актовой речи в Московском мединституте, посвященной детской хирургии. В речи он посвятил целый абзац произведенной мною операции у новорожденной, назвал это выдающимся и перспективным достижением детской хирургии — хирургии новорожденных.

Уже в 70-е годы я прочитал, что профессор Баиров А.М. из Ленинграда, организовал бригады детских хирургов, которые дежурили в крупных роддомах города, выявляли и сразу же оперировали различные врожденные пороки у детей. Среди них было 12 детей с врожденными диафрагмальными грыжами. Возможно, успешная операция, сделанная мною в 1956, была одним из аргументов в пользу разработки хирургии новорожденных. Теперь это направление развивается в урологии, сердечно-сосудистой и абдоминальной хирургии.

Время шло. В 1967 г. было 35-летие нашего института. К.Т. Овнатяну ректорат поручил прочесть актовую речь. Он избрал тему «Хирургия диафрагмы». Мне поручил найти Виту и продемонстрировать ее после речи. Прошло более 10 лет. С Витой я не встречался

ни разу. Адреса ее не знал. Знал микрорайон, где жили ее родители. В Донбассе много строилось жилья — они могли поменять место жительства. Розыски Виты решил начать со школ, их было две. Решил узнать, учится ли в 4–5 классе девочка Вита. Имя, все же, редкое. Приехал в одну школу. Есть Вита, занимается в 5 классе. Пригласили. Задал наводящие вопросы об операции. Нет, ей операций никаких не производили.

Поехал в другую школу — нашел нужную Виту. Учитяся она хорошо, отличница, староста класса. Учителя подтвердили ее успехи и личную инициативность в школе. Поехал с нею к ее родителям. Мать домохозяйка, отец шахтер. Кроме Виты у них есть еще один меньший ребенок. После изложения сути вопроса я получил разрешение взять Виту на Торжественный совет института.

Через неделю, когда в назначенный час приехал за ней, она как-то по особенному сказала: «А я Вас ждала». Это было сказано с чувством ответственности к предстоящему делу. Она была одета в лучшее свое платье и выглядела по-праздничному, красный шелковый галстук украшал ее хрупкую шейку.

Во время ее демонстрации (аудитория была большая, более 1500 человек) она держалась спокойно, с достоинством, отвечала просто, односложно. А на вопрос кем она хочет быть последовал ответ — врачом. Ее ответ вызвал оживление в зале. Когда установилась тишина, Каро Томасович, обращаясь ко мне сказал: «Слышишь, Виктор, она хочет быть врачом». Я понял и хорошо запомнил то, что не досказал мне учитель.

В начале семидесятих годов я получил несколько писем от Виты. Она писала, что в школе учится хорошо, отличница, комсорг школы, была в туристических поездках в Москве и Ленинграде.

В начале лета 1975 г. Вита очередной раз дала о себе знать. Позвонила по телефону. Сообщила, что закончила школу и собирается поступать в медицинский институт. Я помнил, что К.Т. Овнатяня поручил мне помочь ей в этом. Виту знали в мединституте по истории болезни. Все последующие годы после ее рождения преподаватели во время лекций, читая раздел о грыжах, говорили о диафрагмальных грыжах, об их осложнениях и лечении, демонстрируя ее историю болезни и снимки. Ее история болезни вошла в диссертацию Л.Г. Завгороднего, в монографию «Диафрагмальные грыжи» К.Т. Овнатяня и Л.Г. Завгороднего. Словом, она имела некоторые преимущества перед другими абитуриентами.

Переговорил с ректором мединститута проф. Т.П. Кондратенко и деканом лечебного факультета Н.К. Поповым (последний ее лично знал, мы работали с ним в одной клинике). Ожидали результатов экзаменов.

Вступительные экзамены она сдала хорошо. Через 7 лет закончила медицинский институт. Слово, данное своему учителю К.Т. Ов-

натаняну в 35-ю годовщину Донецкого мединститута, выполнено: Вита — врач.

В клинике мне было тяжело работать, особенно после прихода К.Т. Овнатяна. В Чистяково я привык решать все самостоятельно. В собственных силах и способностях к тому времени я уже уверился. Это-то и мешало мне, потому что мое решение не всегда было оптимальным. Порой можно было сделать лучше и проще. На этой почве у меня были неприятности. Острые ситуации возникали на urgentных дежурствах. Были ошибки в диагнозах: аппендектиты при почечных коликах, а за аппендицит принимали холециститы и внематочную беременность. Иногда перфоративную язву принимали за аппендицит и начинал лечение с разреза в правой подвздошной области. Только при ревизии брюшной полости выясняешь, что это же перфоративная язва 12-перстной кишки. Неприятно, что до операции ошибся в диагнозе. Хорошо, что хоть разобрался во время операции. Заканчиваешь операцию и думаешь: утром будет от профессора взбучка.

«Почему никого не позвал на консультацию?» — спрашивает шеф тихо, а в голосе слышится металл. Что ответить? Молчу. На консультацию приглашают, когда есть сомнения. У молодых врачей реже бывают сомнения. Молодой врач чаще уверен в правильности своего диагноза или своих действиях, а на самом деле отсутствие достаточного опыта не позволяет ему быть «на высоте». Хорошо, если за ошибку расплачивается врач, а не оперируемый им больной. Последнее очень тягостно.

Помню, мне долго не разрешали сделать резекцию желудка, хотя я уже имел значительный опыт этой операции на животных и ассистентий. Как-то на urgentном дежурстве поступил больной средних лет с диагнозом перфоративная язва желудка. Во время операции из-за резкой инфильтрации тканей все швы, которыми я прошиваю желудок, прорезались. Попробовал сальником затампонировать язву. Но после фиксации сальника к желудку швы опять прорезались. Я был знаком с работами С.С. Юдина, который практиковал резекцию желудка при перфоративной язве при определенных условиях — молодой возраст больных, небольшой срок с момента перфорации, наличие крови для переливания и достаточный опыт хирурга. Все есть. Под сомнением — признают ли мой опыт достаточным. Короче говоря, сделал резекцию желудка по Бильрот II. Жду утренней конференции с замиранием сердца — что скажет шеф. Как всегда, первым пришел Петр Петрович. Я рассказал ему. Он посмотрел больного — все в порядке. После операции прошло 5 часов.

Каро Томасович выслушал меня внимательно, не перебивал, молчал. Это был плохой признак. Голова опущена, реакции лица его не видно. На конференции тихо.

Выручает Петр Петрович: «Каро Томасович, я смотрел препарат и больного. Язва действительно с большим воспалительным валом вокруг. Состояние больного вполне удовлетворительное».

Шеф резюмировал: «Хорошо, время покажет хвалить или ругать тебя за превышение хирургической власти».

На работу я приходил раньше всех и сразу же — к больному: уходил позже всех, после того, как посмотрю больного. Прошли 3 и 4 дни — в какой-то степени критические в желудочной хирургии. Прошел 7 день. Снял швы. Заживление первичное.

Стало ясно — больной поправился. Каро Томасович не ругал, но и не хвалил. Сказал, что он не сторонник резекции желудка на высоте перфорации язвы, особенно у молодых людей. Желудок, дескать, природа дала для радости, а не для того, чтобы хирург его удалил. Резекцию на высоте перфорации язвы можно делать только по абсолютным к тому показателям, как это было в Вашем случае — попытка ушить язву несколькими способами не удалась. Мои коллеги меня поздравляли: до последнего часа не ясно было, как профессор оценит мою работу.

Молодые хирурги растут на urgentной хирургии. В те годы плановых операций в клинике производилось не так уж много: 450 — 500. Обычно половину из них выполнял шеф. Вторая половина приходилась на всех остальных. Тогда широко оперировали Завгородний, Осипов Ф.М., Ефремова Л.В. Понемногу доставалось нам — А.Ф. Греджеву, Н.К. Попову и мне.

В конце 50-х и начале 60-х годов в клинику пришло много молодых хирургов: А.М. Тарнопольский, П.С. Серняк, Ю.В. Мухин, В.М. Кравец, В.В. Сулов, В.Г. Маковский, А.М. Гранов, Р.И. Новикова, Л.Ф. Арнаутов, Н.Ф. Корчак, В.И. Армен.

Развитие оперативной хирургии упиралось во внедрение современного эндотрахеального обезболивания. Те операции, что мы выполняли, требовали хорошего наркоза и мышечной релаксации.

Масочный эфирный наркоз, практикуемый нами, хирургами, по очереди, был не на высоте. Все понимали, что нужны квалифицированные анестезиологи, владеющие интубационным наркозом.

Каро Томасович послал в клинику А.Н. Бакулева А.Ф. Греджева для овладения интубационным наркозом и внедрения его в клинику. С этой задачей А.Ф. Греджев не справился не потому, что не мог, а потому, что не хотел отрываться от хирургии. Хотя он и провел несколько интубационных наркозов, но всячески от дачи наркоза увиливал.

Каро Томасович очень хорошо понимал и неоднократно об этом говорил, что без современного эндотрахеального наркоза с мышечными релаксантами развивать серьезную хирургию было невозможно. Он махнул рукой на А.Ф. Греджева, который не оправдал его надежд, послал целую бригаду хирургов во главе с Л.Г. Завгородним в

клинику Н.М. Амосова, который тогда весьма успешно занимался хирургией легких.

Л.Г. Завгороднему поручалось освоить хирургию легких: диагностику, предоперационную подготовку, методы хирургического лечения и послеоперационное ведение. В бригаду вошел А.М. Тарнопольский (которому поручалось освоение эндотрахеального наркоза) и рентгенолог, для освоения рентгенодиагностики заболеваний легких.

После окончания курсов указанная бригада, начала в клинике заниматься легочной хирургией. В эту бригаду влился В.И. Кравец, ординатор, который окончил наш институт. Служил в Советской Армии, демобилизовался и поступил на работу к нам в клинику. Его отличала очень высокая работоспособность и настойчивость. Он хотел обратить на себя внимание своей добросовестной работой. Это ему удалось. Его не нужно было заставлять, контролировать, проверять.

Поэтому такой человек как В.М. Кравец, который все время занимался больными, был просто находкой. Одновременно с В.М. Кравцом в клинику пришел П.С. Серняк. После окончания Львовского мединститута он работал в Макеевке в хирургическом отделении металлургического завода вместе с Завгородним Л.Г. Он-то и рекомендовал шефу принять П.С. Серняка на работу в клинику ординатором. Там же, в Макеевке, работал и В.В. Сулов после окончания Одесского медицинского института. Со временем он также перешел на работу в нашу клинику ординатором хирургического отделения, не без протекции Л.Г. Завгороднего и П.С. Серняка.

Р.И. Новикова, окончила Донецкий мединститут. Она вместе с В.Г. Маковским проходила субординатуру в нашей клинике. После окончания института года два работала в Хонжонково. Там вышла замуж за журналиста Петра Новикова, который затем перешел работать в г. Донецк в газету «Комсомолец Донбасса». Так она оказалась в Донецке и также пришла на работу в клинику. Сменилась у нас заведующая отделением. Д.И. Червякову сменила Лидия Владимировна Ефремова, жена крупного специалиста по строительству электростанций на Украине А.А. Плугатарева. Вторым отделением по-прежнему заведовала Валентина Павловна Байкова.

Каро Томасович сам очень много работал. Он следил за научной периодической печатью — советской и иностранной. Часто ездил на различные конференции в Москву и Ленинград. В кругу ведущих столичных хирургов он был хорошо известен.

В те годы он много думал над развитием хирургии в нашей клинике. С этой целью он и подбирал молодых хирургов, на которых можно опереться и легче учить. Наш старый костяк (Раевский Петр

Петрович, Осипов Федор Макарович и Народицкая Ольга Яковлевна, хоть и состоял из опытных людей и преподавателей, но для развития новых разделов хирургии привлечь их было поздно. Поэтому К.Т. Овнатанян сделал ставку на молодых хирургов, которых, по мере необходимости, мы отбирали среди выпускников Донецкого мединститута.

Ставка на молодежь. Начало сделано — в клинике развивается хирургия легких, хирургия диафрагмы, начинаем глубже интересоваться опухолями тонкого кишечника, серьезное внимание шеф уделяет хирургии печени и желчных путей, а также селезенки.

Каро Томасовичу было 53 года. Начинать на новом месте ему было нелегко. В Донецке он встретил оппозицию среди части хирургов. Из медицинской литературы мне известно, что многих хирургов поначалу встречали весьма недоброжелательно. В частности, об этом пишет С.С. Юдин, как терапевты в Серпухове все объединились против него, а главный хирург Серпухова, который был единственным хирургом в городе, заявил, что им хирурги не нужны, что он уже 20 лет сам со всем справляется.

Каро Томасович как-то рассказывал, что по дороге домой с заседания хирургического общества профессор В.М. Богуславский, заведующий кафедрой госпитальной хирургии, сказал: «Выступайте Вы хорошо, а вот умеете ли оперировать?» О К.Т. Овнатаняне сложилось мнение, что работая в небольшом городе Орджоникидзе и заведя небольшой клиникой (всего 30 коек), он не мог заниматься большой и разнообразной хирургией. В небольшом городе хирургического материала маловато. Клиника занималась в основном urgentной хирургической помощью. Превалировали аппендициты, ущемленные грыжи, почечные колики, травмы и т. д.

В Донецке К.Т. Овнатаняну пришлось доказывать, что он, пройдя в Баку школу известного хирурга Финкильштейна Б.К., ученика С.П. Федорова, и Мир-Касимова, является крупным ученым, хорошим организатором, умеющим работать с людьми. И, несмотря на свои 53 года, он решительно настроен на развитие хирургии легких, средостения, печени, селезенки, а позже — и сердечно-сосудистой хирургии.

Клиника небольшая — всего 100 коек. Буквально в приказном порядке Каро Томасовичу вменили в обязанность заниматься острой почечной недостаточностью, поскольку, одно из отделений клиники было урологическое. К.Т. Овнатанян добился выделения дополнительного помещения, где открыли лабораторию искусственной почки, которую поручили Ф.М. Осипову, но фактическим куратором этого отделения вскоре стал Серняк П.С., который незадолго до этого стал кандидатом меднаук. Кроме того, профессор выступил с ходатайством о строительстве торакального корпуса на 120 коек. Таким образом, из 100-коечной клиники Каро Томасович

превратил ее в клинику на 220 коек. Но это потом. А в 1954 — 1955 г.г. перед ним стояла очень важная задача — подготовка молодых хирургов, которые могли бы активно участвовать в осуществлении его планов. Опыт пульмонологической бригады себя оправдал. Бригада приехала, и сразу же начала оперировать больных с нагноительными заболеваниями легких. Все убедились в необходимости более широкого применения эндотрахеального наркоза. Стало ясно, что один А.М. Тарнопольский не в состоянии обеспечить большое количество больных эндотрахеальным наркозом. А.М. Тарнопольскому, на первых порах, тяжело давалась интубация трахеи. Наркоз он вел хорошо. А вот с интубацией дело было сложно может потому, что тогда не было релаксантов. Тогда сначала мажущим способом нужно было усыпить пациента, а затем уже его заинтубировать. К.Т. Овнатаняну стало ясно, что клинике нужно несколько анестезиологов. Вскоре он направил на курсы анестезиологов В.В. Сулова (в Ленинград, в клинику госпитальной хирургии мединститута, которой руководил академик Углов Ф.Г.), Р.И. Новикову (в Ленинградскую военно-медицинскую академию, к профессору Куприянову П.А., где анестезиологией руководил профессор Уваров).

В клинике развернулась очень большая и разнообразная хирургическая работа, которую возглавил профессор Каро Томасович Овнатанян — очень энергичный и прогрессивный человек. Партийные и советские органы его поддерживали. В Донбассе проживало почти 5 млн. человек, поэтому разнообразной хирургической патологии было много. Руководитель клиники, оснастив клинику новой аппаратурой, внедрял новые методы диагностики, анестезиологии, интенсивной терапии и реанимации. Перед молодыми хирургами открылись новые профессиональные возможности роста как в практическом, так и в научном плане. Диагностика стала более объективной и научно обоснованной. Увеличилось количество больных, которым была показана операция.

Пока в клинике было 100 хирургических коек. Большинство плановых операций делал профессор, а в урологическом отделении — Ф.М. Осипов. Нам, молодым ординаторам, доставались «крючки на плановых операциях» и urgentная хирургия. Заведующие отделениями меня назначали дежурить в urgentные дни как хирурга, имеющего опыт. Но urgentная хирургия всегда преподносит сюрпризы. До сих пор не могу забыть один случай, который я тогда пережил очень тяжело.

Под вечер каретой скорой помощи доставили в приемный покой мужчину 40 лет с диагнозом кишечная непроходимость. Состояние больного вполне удовлетворительное. Живот мягкий, не вздут, перистальтика прослушивается, не усилена, газы не отходят. Боль в животе тупая, разлитая по всему животу. С начала заболевания

схваткообразной боли в животе не было. Единственным симптомом, который бы мог указывать на непроходимость, была рвота. Рвота периодически повторялась, не обильная, желудочным содержимым. Раньше подобного состояния никогда не было. Мало ли заболеваний, при которых бывает рвота? Пригласил дежурного инфекциониста. Она внимательно расспросила и осмотрела больного проверила даже нет ли ущемленной грыжи, исключила инфекционные болезни и пищевые отравления.

Нас несколько смущал анамнез. Больной рассказал, что он оставил жену и сейчас живет с другой женщиной. В день заболевания, днем навещал первую жену. Она его угощала обедом, говорила, что не прочь восстановить с ним совместную жизнь, но он отказался. Зародилась мысль: не отравление ли? То ли еще может сделать ревнивая женщина! Учитывая удовлетворительное состояние пациента я оставил его в приемном покое, как советовала инфекционист. Назначил промывание желудка — решили понаблюдать. Через час рвота не прекратилась. Перевел больного в палату и назначил солевые растворы внутривенно. Часов с 9 вечера до 2 часов ночи я не видел больного — у нас было несколько urgentных операций, в которых я принимал непосредственное участие. Освободившись после операций, я зашел в палату и не узнал больного. Это был другой человек. Обезвоженный, черты лица заострились, несмотря на введение солевых растворов, живот втянут, мягкий, пульс нитевидный, частит. Рвота обильная неукротимая, появляется очень легко, как срыгивание.

Я обращаюсь к сестре: «Почему не поставили меня в известность о том, что у больного неукротимая рвота?» — «Он не жаловался, вот к нему не подходила». Да, тяжелые больные обычно не жалуются, их нужно навещать активно. Сестра молодая, неопытная. Вспомнил Тамару Михайловну, опытную медицинскую сестру и незаменимую помощницу. Сколько раз она нас, врачей, выручала. Ушла на пенсию.

Велел больного перевести в перевязочную, где уже были заготовлены растворы для интенсивной инфузионной терапии. Болей по-прежнему у больного нет. Перистальтика не усилена. Живот не вздут, втянут, мягкий. Больной безразличный, взгляд «потухший». До утра от больного не уходил. Все, что мы сделали, больному не помогло. Около 8 часов утра он скончался. Я был в состоянии крайнего угнетения и растерянности. Как всегда первым в клинику пришел П.П. Раевский. Я с ним поделился своими неприятностями. Он выразил желание осмотреть труп больного, который скончался 3 — 5 минут тому назад. Он ощупал живот, уточнил какие-то вопросы из анамнеза и высказал мнение, что это не кишечная непроходимость, а какая-то интоксикация, или пищевое отравление. В операции необходимости не было.

Пятиминутка. Профессор был с нами строг. Мне он не прощал никаких промахов. Я хорошо знал, что влетит, но не знал, в чем моя ошибка и в чем моя вина.

Может быть, нужно было вызвать более опытного хирурга вечером, после инфекциониста? Да, конечно, нужно было вызвать, но пойдешь знаешь, что вся трагедия разовьется за 12 часов! Даже для кишечной непроходимости быстро.

Мой доклад профессор выслушал спокойно, задал некоторые вопросы, уточнил некоторые детали. Приказал готовить историю болезни для вскрытия. Заведующая отделением уточняет: вскрытие будет судебно-медицинское или патологоанатомическое? Разрешение на судебно-медицинское вскрытие нужно получить в прокуратуре. Молчание. Профессор думает. «Судебно-медицинское», — заключил он. Для врача это хуже. Расследование, экспертизы, объяснение, переживания. Нервы, спазмы, седины. Да, судебно-медицинское. Все еще помнят 1953 год — гонения на врачей кончились, но отголоски остались.

Мне сообщили, что вскрытие назначено на 14.00. Вскрывает Контрольский. Когда я был студентом 5 курса, он вел с нами практические занятия по судебной медицине. Одно дело преподаватель — студент и совсем другое дело судебный эксперт и хирург, которого проверяют.

Контрольский — врач с очень большим стажем. Говорят, что он был в молодости хирургом-ортопедом, но сколько я его знаю он — судебный эксперт.

Вид у меня был совершенно измученный. Вчера день работал. Несколько urgentных операций. Ночь абсолютно не спал. Волнения и переживания. Контрольский готовится к секции медленно. Читает историю болезни, каждую фразу комментирует, вспоминает случаи из своей практики, в которых обязательно хирург допускал ошибки — все выяснялось на секции. Рассказывает, какие чаще всего допускаются ошибки, и получается, что всегда виноват хирург, потому что не учел... Стою и невольно закрадывается мысль: почему же в прошлом хирург Контрольский сменил хирургию на судебную экспертизу? После вскрытия критиковать хирурга легко. А вот у постели... у постели больного разобраться труднее, иногда трудно и не одному врачу, а целому консилиуму.

Стою, а в груди сердце стучит, я слышу его биения. Молчу и сказать ничего нельзя — меня проверяют.

Наконец вскрыта брюшная полость. Перитонита нет. Кишечник спавшийся. Заворота, углообразования или какой-либо другой причины кишечной непроходимости нет. Нет в брюшной полости хирургических болезней, объяснявших неукротимую рвоту.

Судебно-медицинская секция состоялась, а причина смерти не установлена. Нужен химический анализ, но, как я узнал потом, и

он ничего существенного не дал для объяснения смерти больного. Причина смерти так и осталась неизвестной. Какая-то интоксикация. А какая? Тогда на этот вопрос никто не смог ответить. На второй день я доложил на утренней конференции результаты секции. Память меня возвращает к описанному случаю... Теперь мы располагаем реанимационной службой. Если бы больному при поступлении в приемный покой интенсивной инфузионной терапией предупредить обезвоживание организма, поддерживать кислотно-щелочное равновесие и электролитический баланс, возможно, его можно было бы спасти.

Вопрос научной тематики — основной вопрос для заведующего клинической кафедрой. К.Т. Овнатаян часто посещал ведущие медицинские центры — был в курсе современных тенденций развития медицины. В Орджоникидзе он много и весьма успешно занимался проблемой хирургических осложнений аскаридоза. Написал две монографии по аскаридозу, одна из них «Кишечная непроходимость на почве аскаридоза» была удостоена Всесоюзной премии им. С.И. Спасокукоцкого.

В год переезда в Сталино научные планы К.Т. Овнатаяна были очень скромные. Для себя он взял на год описание одного клинического случая (об этом шел разговор на совете), для сотрудников кафедры научной тематики он не предложил — каждый продолжал свою прежнюю работу. По мере освоения он начал активно планировать научные темы — в основном диссертационные работы сотрудникам института и ординаторам клиники. Л.Завгороднему — «Врожденные диафрагмальные грыжи», А.Греджеву — «Холангиография на операционном столе», мне — «Камни тазового отдела мочеочника». Ф.М. Осипову он помог закончить совершенно «застывшую» диссертацию — «Лечение ран Грамицидином С». О.Я. Народицкая собрала большой материал по раку прямой кишки, сделала неплохой доклад, но тему не довела до кандидатской диссертации. Было много молодых хирургов, которым Каро Томасович уделял внимание.

Каро Томасович очень любил ездить на научные конференции, принимал в них активное участие, и если не выступал сам, то участвовал в обсуждении других докладов. Полюбили его прекрасные выступления. Точно ориентировался в обстановке, прекрасно парировал замечания оппонентов, словом, он на конференциях был в своей стихии.

С руководством Харьковского хирургического общества он договорился о нашем участии в одном заседании. В 1955 г. поздней осенью мы — Каро Томасович, Л. Завгородний, А. Греджев и я — поехали в Харьков. Доклады наши были посвящены темам диссертаций, время — 15 минут каждому. Наши доклады были прекрасно иллюстрированы — этому шеф придавал большое значение. Много он с

нами репетировал: неоднократно слушал доклады, обращал внимание на дикцию, интонационные ударения, речитатив, т.е. на все то, что делает доклад наглядным и интересным.

Доклады прошли хорошо. Мы получили высокую оценку проф. Мещанинова, Цейтлина, Овсиенко и еще ряда хирургов. Шеф был очень доволен. Все подчеркивали новизну тем, особенности диагностики, оригинальность хирургических вмешательств, хорошие результаты лечения. На заседании общества подчеркивалась необходимость более частых контактов ученых различных городов. После окончания общества у нас было более трех часов времени до отхода поезда в Сталино. Поехали на вокзал, зашли в ресторан поужинать. Каро Томасович говорит: «Сегодня угощаю я. Заказывайте все, что хотите. Вы этого заслужили своими докладами». Мы все трое смутились такому предложению и, конечно, — смотрели в меню и ничего не решались заказывать. Тогда он взял инициативу в свои руки и заказал профессорский ужин. Во время ужина вспоминал своих учителей Б.К. Финкельштейна и Мир-Касимова, рассказывал о роли Харьковского и Одесского университетов в подготовке кадров для республик Закавказья. Эти районы по климатическим условиям были ближе к климату Кавказа, чем Москва и Ленинград, поэтому многие из кавказцев стремились на учебу в эти центры.

В 2 часа ночи мы сели в поезд и сразу же улеглись спать. В поезде было холодно, спали плохо, проснулись довольно рано. Время близится к обеду. Хочется кушать. В поезде вагона-ресторана нет. Только у Аркадия Греджева был какой-то бутерброд. Его явно мало. Выручил опять шеф. Он заметил, что проводник армянин. Он попросил у него стакан воды. Тот принес и подает ему воду. Прежде чем взять стакан из рук проводника, Каро Томасович указательным и средним пальцем прикоснулся к руке проводника, а затем уже взял стакан и начал пить воду. Проводник преобразился, стал предлагать свои услуги, узнал, что мы нуждаемся в еде, предложил нам из своих запасов. Оказывается, прикосновение к руке — высшая степень благодарности по-армянски. Потому так подобрел проводник. Словом, мы с голоду не пропали. По приезде в Сталино с вокзала прямо поехали в клинику. Каро Томасович всегда, если приезжал в город утром или днем, сначала являлся в клинику, а затем ехал домой.

Так завершилась наша первая с ним поездка. Он был очень доволен, говорил на пятиминутке, что мы сделали хорошие доклады, похвала шефа нам была приятна. Начала сказываться его метода работы клиники. На первое место он ставил лечебный процесс, на второе — науку. Как-то в поезде, когда мы ехали на международный конгресс хирургов в Москву в 1971 году, я оказался в одном вагоне с Н.М. Амосовым. Разговорились. Заговорили о Каро Томасовиче. Н.М. Амосов о Каро Томасовиче был очень высокого мне-

ния, но считал, что он больше организатор науки, чем ученый. Так ли это? С Н.М. Амосовым спорить трудно. Но, зная близко своего шефа, скажу: он был, прежде всего, ученый-клиницист. Все, что разрабатывали его ученики, — его идеи. Правда, за исполнением научных тем он вначале очень внимательно следил, контролировал, вникал, советовал, поправлял и направлял. Несколько позже он меньше опекал своих учеников — дал тему и требовал законченной работы. Мне думается, это правильно. Кто справлялся — получал новое задание, продвигался по службе. Кто не справлялся — уходил из клиники. Этим можно объяснить, то, что из учеников К.Т. Овнатаняна многие возглавили кафедры или стали доцентами, причем, почти все стали хорошо оперирующими хирургами. Организатором науки К.Т. Овнатаняна можно назвать только в том смысле, что он, в конце концов, создал крупную, на 220 коек, хирургическую многопрофильную клинику и привлек в науку большое число способной молодежи. Но в коллективе он был не только организатором, но и идейным руководителем, он ставил перед коллективом научные проблемы, он генерировал идеи, а это свойственно крупным ученым.

В период работы в клинике факультетской хирургии лечебного факультета под руководством Каро Томасовича Овнатаняна я работал в трех отделениях: урологическом, абдоминальном и торакальном.

Урологическое отделение имело 40 коек. Руководил им доцент Ф.М. Осипов. Вначале в нем находились смешанные больные. Оно даже значилось II хирургическим отделением, но затем все больше оно ориентировалось на урологическую патологию. Заведовала отделением В.П. Байкова. Однако, строго выдержать профиль было нельзя. В отделении находились больные с ожогами, кишечными свищами. Больные с нагноившимися ранами, гнойными заболеваниями легких, а также urgentные больные после операций. После ввода торакального корпуса с клиникой на 100 коек профиль урологического отделения выдерживался более строго. Нагрузка была разной — то 10–12 больных на врача, то до 20. Помню, целую неделю вел с Байковой все отделения — 40 больных. Лето, отпускная кампания, выезды на плановые консультации — вот и увеличилась нагрузка.

В тот период я занимался кандидатской диссертацией. Меня больше всего интересовали камни тазового отдела мочеточника. В оперативном лечении я добился значительных успехов. Даже удаление камней предпузырного и интрамурального отделов для меня не представляло сложности. Клинициста в начале карьеры привлекает практическая работа. Когда появляется опыт, накапливается какой-то однородный клинический материал. Сама собой возникает потребность в обобщении, сравнении, выяснении причин ошибок в

диагностике, лечебной тактике, оперативной технике. Появляется необходимость узнать, как лечат подобных больных другие. Вот к этому времени врач созревает для научной деятельности. Я считаю, что принимать в аспирантуру по клиническим дисциплинам после 3-годовой практической работы — правильное решение. К этому времени у врача, который тяготеет к науке, появляется необходимый клинический опыт, усиливается желание идти по научному пути, сделать научную карьеру. Кандидаты в аспирантуру обычно выступают с докладами, реферативными обзорами в коллективах или на обществе. Некоторые из них свой отпуск проводят в ведущих отечественных клиниках.

Много уделяли внимания больным с аденомами предстательной железы. Тогда лечение этой категории больных было очень примитивным. Даже плановые операции у хорошо сохранных больных производились в два этапа. Существовало мнение (Л.И. Дунаевский), что ранее двух недель второй этап делать нельзя. А в действительности было так, что больные с надлобковыми дренажами между этапами мучились от 1 до 6 месяцев, а иногда и более. Бедные больные, прикованные к поликлинике, и бедные врачи, вынужденные менять дренажи, регулярно промывать мочевые пузыри, почти не продвигаясь в лечении.

Второй этап мало походил на операцию. Разрез продлевался к лонному сращению на всю глубину раны от кожи до пузыря, пальцем вылушчивалась аденома. Ложе тампонировалось 1,5-метровым тампоном. В пузырь вставлялся дренаж. На кожу 1–2 шва — и все. В первые сутки много выделялось крови с мочой. Больные слабели. Многие не выдерживали. Отличные результаты были не более чем у 10–15 % больных.

Идея оперативного лечения аденомы простаты привлекала многих хирургов (в те годы еще урология не везде выделялась в самостоятельную дисциплину). Интересовался ею и Каро Томасович. Тема его докторской диссертации была посвящена аденомэктомии.

По его предложению было усовершенствовано лечение аденомы предстательной железы: применен надлобковый дугообразный внебрюшинный разрез для удаления аденомы. С целью уменьшения кровотечения во время энуклеации аденомы применялась местная гипотермия. Сусловым В.В. на эту тему была написана диссертация о местной гипотермии в урологии. А позже К.Т. Овнатанян совместно с В.В. Суловым и Глуховой написали монографию. На кровоточащую шейку мочевого пузыря стали накладывать кровоостанавливающие швы и частично ушивать шейку и ложе, тем самым сузив показатели к тампонаде мочевого пузыря. Внедрили в практику аденомэктомий эндотрахеального наркоза с применением мышечных релаксантов. Предоперационная интенсивная терапия позволила чаще выполнять одномоментную аденомэктомию разре-

зом Овнатаняна-Карпенко с более благоприятными исходами. Иногда зашивали переднюю стенку пузыря наглухо, а дренирование пузыря осуществляли по уретре. Те. налицо был значительный прогресс в лечении больных аденомой предстательной железы. Подытожить материал клиники по диагностике и лечению аденомы предстательной железы Каро Томасович поручил П.С. Серняку в виде кандидатской диссертации, которую тот успешно защитил на хирургическом совете в Тбилисском мединституте. Мы стали меньше промывать пузыри, а больше оперировать. Сроки лечения сократились, а функциональные результаты одномоментной аденомэктомии улучшились. Хотя еще много, очень много поступало больных из районов с надлобковыми свищами при аденоме предстательной железы в плановом и urgentном порядке. Еще много придется приложить усилий, чтобы основной, доминирующей стала одномоментная аденомэктомия с глухим швом передней стенки мочевого пузыря.

Уретерогидронефрозы и гидронефрозы мы оперировали мало. Основными операциями при гидронефрозе были операция Фолея, Фенгере и пересечение нижнекапиллярного сосуда, нефроуретероэктомия и нефрэктомия.

В начале 60-х годов начала широко развиваться сосудистая хирургия, в том числе и хирургия почечной артерии: стенозы, аневризмы. В клинике стали применять ангиографию по Сельдингеру, которой овладели Маковский и Мухин. Каро Томасович поручил мне вместе с Серняком и Маковским оперировать больных с сужением почечной артерии. Тогда мы уже знали, что обходные шунты при патологии почечной артерии себя не оправдывают. Поэтому мы продолжили рассекать почечную артерию и вшивали в нее заплату из поверхностной вены бедра или резецировали суженный участок почечной артерии с анастомозировали ее конец в конец. Операция эта была очень сложной, требовала очень высокого хирургического мастерства, сработанности бригады и выработки техники операции. Операций на почечной артерии было сделано немного, но начало было положено. Этот раздел урологии более активно я развивал в последующем, когда начал работать в институте урологии в Киеве.

Многие хирурги уделяли внимание нефроптозу и нефропексии. Не случайно, что на эту тему в 50 и 60-е годы было написано несколько диссертаций и монографий. Чего только не предлагалось для нефропексии?

В те годы в моду входили синтетические ткани. Каро Томасовича осенила идея: подвешивать почку к 12-му ребру в сетке, вначале кетгутовой, затем из тончайших капроновых нитей. Операционная сестра Мария Евдокимовна овладела методом вязания кетгутовых сеток по размеру почек. Сетка одевалась на почку без

сдавления лоханочно-мочеточникового сегмента и сосудов почки. У верхнего конца почки сетка перевязывалась шелковой лигатурой, излишки сетки отсекались. Концами шелковых лигатур почка надежно фиксировалась к 12 ребру. Уже со 2–3 дня больные могли ходить.

Вскоре от этой методики пришлось отказаться — и кетгут, и капрон начинали отторгаться. Появлялись долго незаживающие свищи, вокруг почки развивались массивные рубцовые сращения, которые сдавливали почку, приводили к нефросклерозу и гипертензии. Лечение заканчивалось нефрэктомией.

Не зря природа вокруг почки образовала капсулу из очень нежной жировой ткани. Почка на грубые «хирургические объятия» отвечает нефросклерозом. Вот и приходится производить т.н. вторичные нефрэктомии. Работая в Киеве, я видел особенно много дефектов нефропексии, поскольку к нам стекались операционные неудачи со всех областей.

Мое отношение к этой операции было очень настороженным, я делал ее редко по абсолютным показателям — т.е. при нарушении гемодинамики паренхимы, предварительно исключив другие заболевания (печени, поджелудочной железы, желудка, радикулит и т.д.).

Помню, однажды мне показали одну медсестру, очень красивую блондинку, еще молодую, муж которой был много старше ее, обожал и молился на нее. У нее оказался нефроптоз. Она мне так ярко расписывала как она страдает, какие у нее «муки», что ей никакие лекарства не помогают. Чем больше она меня уговаривала, тем более настойчиво я ей отказывал в операции. Она уехала, но атаки на меня усилились — звонили ее родственники, сослуживцы, мои знакомые, знакомые знакомых. Словом, кошмар какой-то. Хирурги знают такие ситуации. Я сдался. Прооперировал ее. Через год она появилась в институте. Ко мне не зашла. Встретил ее случайно. Ей стыдно и неудобно было. Первый вопрос.

— Как себя чувствуете? Как боли?

— Мне бы те боли, что были — я бы горя не знала. Теперь предлагают удалить почку, но я боюсь.

Хотелось ей сказать, что я подумал. Воздержался. И так наказана.

После этого случая еще больше уверился в необходимости очень осторожного подхода к этой операции. Я направлял больных к П.М. Федорченко, который много лет занимался этой проблемой. Часто вспоминаю поговорку старых хирургов: о хирурге судят не только по тому, что он оперирует, но и по тому, что он *не* оперирует. Вторая половина этой поговорки часто бывает важнее первой. Увлечение различного рода пексиями в 20–30 годы прошлого столетия прошло. Тогда было хорошо показана порочность этих операций. К 60-тым годам забылось. Пришла новая смена хирургов — увеличилось число «пексий», особенно в урологии. Это одна из причин, по-

чему я взялся курировать докторскую диссертацию Ю.А. Абрамова, которая была посвящена консервативному лечению патологической подвижности почек у детей.

И еще об одной урологической проблеме. Проблема коралловидных камней почек почти никогда не исчезала со страниц печати. Каро Томасович увлекался ею. На почке производился почти секционный разрез. Зашивать почку сложно. Каро Томасович подумал: «А нельзя ли использовать сетку?» Сказано — сделано. При очередном удалении коралловидного камня из почки секционным разрезом после прошивания и перевязки крупных артериальных веточек Каро Томасович наложил на паренхиму кетгуттовую сетку. Кровоточащие места дополнительно прошил узловыми швами. Кроме того, он фиксировал почку к 12 ребру. После подобных операций кровотечений, как было раньше, не наблюдалось. Не было необходимости в массивных переливаниях крови. При удалении камня использовалась гипотермия и наложение зажима на почечную артерию и вену. Кровотечение было минимальным. Радость наша была преждевременной... Все оперированные этим методом почки в разное время пришлось удалить. В них развивался необратимый нефросклероз и гибель органа. После такого опыта я очень осторожно оперировал коралловидные камни. Оперировал только если их можно было удалить через стенку лоханки или при помощи нескольких парциальных нефротомий над истонченными участками паренхимы.

Еще с Чистяково меня привлекали пластические операции.

Помню, как-то Петр Петрович поручил мне оперировать больную студентку с удвоенной лоханкой и мочеточниками. Верхняя половина ее почки была небольшой, а мочеточник ее открывался в мочеиспускательном канале. Больная не удерживала мочу. Она лечилась, обращалась к врачам, но помочь ей не смогли. Петр Петрович в те годы занимался научной работой «Аномалии развития почек и верхних мочевых путей в практике общего хирурга». В конце концов, больную кто-то из врачей направил к Петру Петровичу. Я узнал, что пациентка — студентка пятого курса педагогического института. Ее пугало окончание института. Как она сможет преподавать, находиться в школе с таким пороком развития? Душевное состояние ее еще больше обострилось, когда молодой человек, которому она симпатизировала, сделал ей предложение. Она дала согласие выйти за него замуж, но после окончания института — через 6 месяцев, а за это время решила во что бы то ни стало излечиться от своего порока, даже если это будет ей стоить одной почки. Весь ее рассказ был пронизан душевной болью. Обращалась ведь к врачам — не помогли. Поверила Петру Петровичу, который снял с нее стресс и вселил надежду на выздоровление.

В те годы Петр Петрович сам почти не оперировал, вот почему поручил операцию мне, а сам стоял за моей спиной и дирижировал, поскольку ранее такой операции я не выполнял.

Сложность операции заключалась в том, чтобы, удаляя верхнюю половину почки, не повредить сосудов и лоханку нижней половины. К счастью нашему и больной, все обошлось благополучно — разрез паренхимы почки проведен настолько удачно, что ни один миллиметр паренхимы остающейся половины почки не был поврежден. Уже на второй день мы убедились — больная сухая, а через 9 дней больная покинула клинику физически здоровой. Операция сняла с нее страх неполноценности. Мы с Петром Петровичем ей сказали, что она совершенно здорова, что все ее страхи и переживания позади.

Лет пять спустя случайно встретил ее в городе с маленькой девочкой. По счастливому и радостному и красивому ее лицу понял, что у нее все хорошо. И мне было очень хорошо. Всегда хорошо от сознания своей нужности людям. Они, люди, нам, врачам, доставляют огорчения и радости. Видимо, иначе в профессии хирурга быть не может.

Я неоднократно убеждался, что женщинам всегда сложнее, чем мужчинам. Мужчина, если лечение жены затягивается надолго или она становится инвалидом, часто уходит из семьи. Для женщины это дополнительная травма. С одной стороны затянувшаяся болезнь, с другой стороны — семейные дела, дети, муж. Хорошо, если есть родители, могут помочь, поддержать. Зная подобные ситуации, я всегда старался беседовать с мужьями, указывая на их роль в выздоровлении жены. В таких ситуациях мужья находятся в состоянии неопределенности, но когда хирург заверяет его в выздоровлении жены, многие перестают колебаться, внимание их к больной возрастает. Прошу приезжать с детьми, если это возможно. Некоторые мужья после благополучного исхода операции даже возвращаются в семью, как было в случае, приведенном ниже.

К нам поступила мать двоих детей, которой гинекологи, удаляя кисту левого яичника, повредили мочеточник. Повреждение во время операции осталось незамеченным. Образовался мочевой свищ. Как показала фистулография, в забрюшинном пространстве имеется огромная полость, куда открывается левый мочеточник. Исследование показало, что патология сложная, но помочь можно. Вначале ликвидировали мочевой заток. А во вторую очередь сделали искусственный мочеточник из кишки, сохранив тем самым почку.

Больная поправилась. Через время при контрольном исследовании она рассказала, что муж вернулся в семью. Даже стал более ласков и внимателен. Наверно, искупает свою вину. И, тяжело вздохнув, добавила: «Мы, бабы, более преданы мужьям и семье». Она права — я в этом убедился, и не раз.

Все эти годы мои научные интересы были связаны, в основном, с камнями мочеточников. В 1956 г. впервые на страницах журнала «Урология» была опубликована моя статья «Клинико-анатомическое обоснование надлобкового дугообразного внебрюшинного разреза при камнях тазового отдела мочеточника». Рисунки сделаны студентом-медиком Жижченко, который ранее закончил художественную школу. Он мечтал соединить способности художника с врачебным образованием, чтобы иллюстрировать медицинские книги хирургического профиля.

Мечте Жижченко не удалось сбыться — он умер очень рано. Не знаю, сделал ли он еще кому-либо рисунки для диссертаций. Мне сделал и этим оставил свой след в медицине.

В этой статье была описана методика надлобкового дугообразного разреза и дана сравнительная оценка его с такими разрезами как Федорова, Израэля, Кея и Параректального по объективно-числовой методике А. Ю. Созон-Ярошевича. Через три года нами было изучено функциональное состояние брюшного пресса после удаления камней мочеточника надлобковым дугообразным внебрюшинным разрезом. Ни в одном случае из 55 изученных больных не было послеоперационных грыж. Грыж мы не наблюдали и в последующие годы на много сотен больных. Рубцы были линейные, иногда едва заметные, шириной 1–1,25 мм. Атрофии мышц брюшной стенки не было. Брюшные рефлексы справа и слева нормальные.

За десятилетие (1948–1958) в клинике накопился опыт лечения камней мочеточников у 465 больных, из них у 122 (23,2 %) конкременты удалены оперативным путем (уретеролитотомий — 94, нефрэктомий — 14, пиелолитотомий — 5, цистостомий — 5, уретеротомий + цистотомий — 2, нефротомий — 2). Отдаленные результаты изучены у 62 больных, которым произведены уретеролитотомии. На основании личного опыта и данных литературы мы считали, что уретеролитотомия связана с минимальным риском для жизни больных, способствует нормализации функции почек, поэтому ее надо шире применять, предупреждая тем самым осложнения, которые заканчиваются гибелью почки.

С докладами по оперативному лечению камней тазового отдела мочеточника я выступал на обществе хирургов в Сталино (1956), внутриинститутских конференциях (1958), Всесоюзной конференции урологов в Тбилиси (1958), в Махачкале в 1960 г., первой конференции Грузии (1961), на конференции урологов в Харькове (1977), конгрессе урологов в Югославии (1979 г.). Кроме того, была опубликована статья о новом методе удаления камней из тазового отдела мочеточника в немецком урологическом журнале (1961).

Об одной из этих поездок, а именно, о поездке в Махачкалу, хочу написать подробнее.

Весной 1960 г. на утренней конференции Каро Томасович объявил, что получил приглашение от профессора Аскерханова из Махачкалы принять участие в конференции «Проблема анестезиологии грудной хирургии и краевой хирургической патологии на Северном Кавказе». Доклады К. Т. Овнатанян поручил готовить Ю. В. Мухину, П. С. Серняку, Тамаркину и мне.

Мне шеф поручил готовить два доклада.

1. О новом оперативном доступе при камнях тазового отдела мочеочника, совместно с ним.

2. Первый опыт хирургического лечения заболеваний сердца.

Вскоре доклады были написаны и отосланы в Махачкалу. Осенью мы получили приглашение принять участие в конференции. Из Донецка в Махачкалу нет прямого поезда. Нам предстояло ехать с узловой станции Донбасса Илловайск в проходящем поезде, следующим из Ленинграда в Баку. Как известно, на промежуточных станциях приобрести билеты на проходящие скорые поезда — дело нелегкое. В связи с этим, Каро Томасович обратился к начальнику Донецкой железной дороги Н. И. Яковенко о помощи. По телефону было договорено, что в Илловайске нам помогут приобрести 5 билетов до Махачкалы.

В кассе станции Илловайск билетов не оказалось. От бригадира поезда не поступило сообщений о свободных местах.

Скорый поезд Ленинград-Баку подошел. У нас билетов нет. Время стоянки — 20 минут. Надо действовать. Нашли бригадира поезда, им оказался азербайджанец.

— Слушай, бригадир, — надо ехать в Махачкалу. Сильно надо ехать. Слышишь, очень нам нужно быть в Махачкале завтра. Нас 5 человек.

Он отнекивается, дескать, нет мест.

— Постоим в коридоре пока освободятся места, — говорим ему.

Он медлит с ответом. Время идет. Мы нервничаем. Он это видит. И понял, что нам очень нужно ехать.

Каро Томасович с ним заговорил по-азербайджански. Мы уловили слово «конференция» и поняли — дескать, опаздываем на конференцию.

После разговора на азербайджанском языке (Каро Томасович долго жил в Баку и язык знал) бригадир разрешил нам сесть в вагон. Последним в вагон сел Серняк П. С. — уже на ходу. Стоим в проходе вагона. Успокаиваемся. Едем все-таки. В вагоне нашлись не только свободные места, но и свободные купе. Во всяком случае, мы заняли два свободных купе. Разместились неплохо. Едем. За окном мелькают донецкие степи. Погода пасмурная. Пейзажи унылые. Поздняя осень. Билетов у нас нет. Пока едем зайцами. Говорим бригадире о билетах — будут, успокаивает нас. Ждем. Думаем — подъедем к Ростову и пока поезд будет стоять, в кассе приобретем билеты. А пока принялись за трапезу.

Когда выезжали на конференции большой группой, Каро Томасович всегда распределял между нами обязанности. Мне поручались дела комиссарские, Серняку — хозяйственное обеспечение, Мухину — культурная программа и т. д.

В дорогу каждый взял с собой «тормозок». — Так шахтеры называют еду, которую они берут с собой в шахту. У Тамаркина «тормозок» оказался очень большим — салаты, овощи, фрукты, куры, колбаса и еще кое-какая снедь. С аппетитом поели (нужно сказать, что в поездах Каро Томасович не поощрял выпивку, сам вел трезвый образ жизни, хотя любил застолье и нас к этому приобщал). Ели не спеша. Беседовали. Каждый что-либо вспоминал из жизни, врачебной практики, делились впечатлениями от прочитанных книг, увиденных кинофильмах. Вспоминали случаи из былых поездок. Словом, вели обычный дорожный диалог. Проехали Ростов. Билетов нет. Едем Сальскими степями. Спрашиваем у бригадира, про билеты. «Билеты будут». Будут так будут. Едем зайцами во главе с профессором дальше. Без билетов проезжаем Краснодарский и Ставропольские края, въехали в Дагестанскую АССР. Проводник подходит к Каро Томасовичу. Что-то говорит по-азербайджански. Профессор обращается ко мне — напиши ему в книгу отзывов благодарность. Напиши. Просит. Беру книгу — благодарностей много. Одни благодарности, наверное, как мы — писали безбилетные. Написал благодарность. Расписались. Еще через 1–1,5 часа он нам вручил «липовые» билеты. У кого-то взял — нам дал.

Деньги за билеты он положил себе в карман. Вот и напиши на него в вышестоящие инстанции. При проверке он скажет: «Какая жалоба, вот их благодарность». И будет прав. Жулики всегда «документы» оформляют точно.

Вот и Махачкала. Тепло. Даже жарко. Солнце осеннее, но греет хорошо. Устроились в гостинице «Дагестан». Остаются почти сутки до начала конференции. Зарегистрировались в оргкомитете. Пошли осматривать город. В этих краях мы все впервые. Все для нас ново, необычно, интересно. Посетили краеведческий музей. Узнали, что Дагестан с Россией поддерживали торговые связи еще при Иване III, Иване Грозном и Борисе Годунове. Они стали более тесными при Петре I. Петр Великий посетил Дагестан в 1722 году во время Каспийского похода против Персии. В 1723 г. был заключен мир с Персией, по которому Дагестан отошел к России. Нас поразило, что на сравнительно небольшой территории проживает большое количество народностей, этнических групп: аварцы и родственные им народы (даргинцы, кубачинцы, кейтаки, лаки); лезгинцы и родственные им народы (агулы, рутусы, цахурами, табасаранцы). Правительство проводит процесс консолидации этнических групп и мелких народов в более крупные народы: даргинскую, лезгинскую и аварскую кумыки.

В музее мы ознакомились с деятельностью Шамиля. Вспомнился «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого. Для нас странно было слышать, что еще сравнительно недавно в Дагестане процветало рабство. Население Дагестана — в основном крестьяне. Они находились в значительной зависимости от феодалов. Райяты и чагары были крепостными, а народность кулы была в рабстве. И все это — во второй половине XIX века. В 1859 г. русские войска совместно с горцами штурмом овладели последней цитаделью Шамиля — Гунибом, а его пленили и отправили в Киев доживать свой век. Наступил конец порабощения Дагестана феодальной Турцией. Русские ученые в XIX и XX веках провели огромную работу по изучению природных богатств, быта и языков горских народов. Создали письменность. Оказывается, Александр Васильевич Вишневский в молодые годы работал в Дагестане врачом. Не исключено, что именно поэтому его сын академик А.А. Вишневский удостоил конференцию своим присутствием.

Открытие хирургической конференции было обставлено торжественно. Присутствовали руководители Дагестанской АССР. От их имени нам сказали о социалистическом пути развития Дагестана и очень гордились первым профессором Дагестана Аскерхановым (позже он стал академиком). Его хвалили и даже льстили. Аскерханов это принимал как должное. Видимо, лезть у них в почете. Мы уже от этого отвыкли. У нас хвалят скромнее. Больше критикуют.

После официальной части, где было много хвалебного, приступили к деловой части конференции.

Доклад «Первый опыт хирургического лечения заболеваний сердца» был основан на абсолютно новой для нашей киники проблематике. До этого из нашей клиники на эту тему еще докладов не было. До 1959 г. в клинике производились операции на сердце только в urgentном порядке по поводу ранений. В последующие полтора года начала развиваться хирургия врожденных и приобретенных пороков сердца. Из 8 наблюдаемых больных с ранениями сердца у 7 было ножевое ранение. Из 7 ножевых ранений легких на мою долю пришлось 3 операции, пациенты поправились. Кроме того, в докладе обсуждались первые 38 митральных комиссуротомий, 35 операций Фиески, 2 перевязки Боталлова протока, 8 больных, прооперированных по поводу тетрады Фалло по методике Н.М. Амосова, 3 — по поводу слипчивого туберкулезного перикардита.

На этой конференции выступил с докладом Игорь Михайлович Деревянко, который предлагал параректальный доступ при камнях мочеочника, в том числе и тазового отдела. Это была тема его диссертации. Тогда он был ассистентом в Ставрополе. В прениях я выступил с критикой параректального доступа и доказывал преимущества надлобкового дугообразного внебрюшинного разреза.

Конференция прошла успешно. 6 докладов из одной клиники — немало. Доклады были приняты хорошо. Шеф был доволен. Довольны были и мы. Каждое выступление требует длительной подготовки, большой собранности во время выступления, умения ответить на вопросы и выступить в прениях. Каро Томасович в обсуждении докладов участников конференции выступил три раза, и все его выступления были удачными. Мы возвращались домой в хорошем настроении.

На I конференции урологов Грузии в 1961 г. мне запомнилось два случая.

В одной из моих таблиц была допущена грамматическая ошибка. Таблица была переполнена данными и я, грешным делом, думал, что ее не заметят. После того, как я закончил доклад, меня к себе подзывает А.П. Цулукидзе и говорит об ошибке в таблице. Я готов был стореть от стыда или провалиться сквозь землю. После этого случая я стал особое внимание уделять правильности написания таблиц.

Случилось так, что во время конференции у Ю.В. Мухина был день рождения. Он решил этот день отметить в грузинском ресторане. Такой ресторан мы вскоре нашли. Подают грузинское сухое вино, зелень, фрукты и шашлык. Сели за стол. Ждем — никто к нам не подходит. Зовем официанта, а он не черный, как все грузины, а рыжий. Он на нас не обращает внимания. Не подействовало даже традиционное «генацвале». Ю.В. Мухин смекнул, в чем дело. В те годы после развенчания культа И. Сталина грузины ко всем русским относились с презрением, очень плохо. Мы говорили по-русски и этого было достаточно, чтобы нас игнорировали в ресторане. Мать у Мухина — грузинка. Он немного говорил по-грузински. Подошел к рыжему официанту. Объяснил, что мы гости Тбилиси с Украины, приехали на конференцию урологов. Отношение мгновенно изменилось. На столе моментально все появилось. Я захотел еще зелени и сказал официанту: «Принесите нам еще вот такой травы», — и указал на соседский стол. Наш официант обиделся и дал сильную реакцию.

— Какой травы! Траву бараны кушают.

— А как же это называется?

— Зелень! Это зелень!

— Извините, принесите, пожалуйста, такой зелени.

В Грузии в те годы много недоразумений было с русскими и украинцами, связанными с культом Сталина.

Помню, мне рассказывал Д.М. Гридасов — председатель Донецкого облисполкома. Он отдыхал в санатории «Украина» в Гаграх. К нему приехало несколько видных шахтеров, металлургов, советских и партийных работников. Собралась хорошая компания. Кто-то поддал мысль: не плохо бы отметить встречу в Грузии. В санатории запрещено. Махнули в Гагру.

Зашли в один ресторан — мест нет. В другой — объявили им санитарный день. В третьем — нет вина и мяса для шашлыков.

Но люди в ресторане сидят, пьют вино и закусывают. Зашли еще в один ресторан. В нем 2–3 человека. И в этом ресторане оказывается ничего нет. Среди гостей Гридасова Д. М. оказался один очень остроумный и находчивый человек, главный механик Министерства угля Украины Хорунжий Михаил Васильевич, который отдыхал в Сочи. Он обращается к официанту:

— Кацо, хорошо, у Вас нет вина и шашлыка, а книга предложений и жалоб у Вас есть?

Молчание.

— Ну, я спрашиваю книгу жалоб и предложений.

Остальная компания занята своими разговорами. Не обращает внимания на диалог М. В. Хорунжего с официантом. За разговором наблюдал какой-то грузин, который сидел в компании за столиком. Что-то по-грузински сказал официанту. Тот послушно принес книгу жалоб и предложений.

Михаил Васильевич сел за столик и что-то начал быстро писать. Написал целую страницу и расписался.

— Товарищи, расписывайтесь все.

Донецкие товарищи, не читая написанного, все расписались, последовав примеру Хорунжего и толпой вышли из ресторана. Прошли не более 100 метров, раздумывая где бы все-таки пришвартоваться. Вдруг видят, что к ним бежит официант из ресторана, из которого они только что вышли, а след за ним тяжело ступая идет тот, что велел подать книгу жалоб и предложений.

Товарищи, Генацвале, возвращайтесь к нам в ресторан. Все есть: и вино, и фрукты, и свежие овощи, и шашлыки и другие национальные грузинские блюда.

Вернулись.

Официанты уже сдвигали столы, меняли скатерти, ставили на стол вино и коньяк, чачу. Пока стол накрывали — пропустили кто сухого вина, кто коньячок. Жизнь стала веселей. Настроение поднималось. Откуда-то появились два грузина и начали петь свои мелодичные горланные песни.

Стол ломился от закусок, фруктов, зелени. Было весело. Много тостов за грузинов, за украинцев, за Грузию, за Украину, за всех присутствовавших. Наши дончане затягивали украинские и русские песни, а грузины — свои. Пир закончился за полночь. Возвращались в автобусе. Кто-то спросил:

— Товарищи, сколько и кому я должен заплатить?

— Оказывается, грузины деньги не взяли.

— Как не взяли?

— Не взяли — и все, — сказал М. В. Хорунжий. — Грузины банкет устроили в честь нас, шахтеров.

— Ничего не понятно. То найти не могли ресторан, где бы можно было отметить встречу, то все бесплатно!

Вспомнили, что все началось с книги жалоб и предложений.

— Михаил Васильевич, — спрашивает Гридасов, — что ты там им написал, что они так забегали?

— Что написал... Написал, что группа донецких шахтеров и перечислил все Ваши должности и звания — председатель донецкого облисполкома, управляющие трестами, директора заводов, герои социалистического труда, лауреаты госпремий благодарят директора ресторана, коллектив поваров и официантов за прекрасный ужин, за грузинские песни, за прекрасную встречу, которая символизировала историческую дружбу грузинского и украинского народов, ну а Вы все подписали. Стоят же Ваши подписи чего-нибудь.

Последние слова были встречены бурным смехом. Все еще раз убедились, что М. В. Хорунжий — находчивый и остроумный человек.

Патология органов брюшной полости концентрировалась у нас в I хирургическом отделении. В отделении находились больные с самой различной патологией. Круг научных интересов К. Т. Овнатяна был довольно широким и с течением времени расширялся. Каро Томасович широко и плодотворно занимался хирургией печени и желчевыводящих путей, заболеваниями диафрагмы и диафрагмальными грыжами, патологией кардио-диафрагмального синуса справа, опухолями и нагноительными заболеваниями легких, приобретенными пороками сердца и магистральных сосудов, опухолями и кистами средостения, злокачественной миастенией.

Его приезд в Донецк совпал с бурным развитием в стране хирургии печени, легких, сердца и крупных магистральных сосудов. Клиника, по тем временам, ему досталась неплохая, и создалась реальная перспектива улучшения и расширения.

В I хирургическом отделении после защиты кандидатской диссертации я осваивал абдоминальную хирургию. Мне как-то долго не давали в клинических условиях сделать плановую резекцию желудка. В 1956 г. разрешили оперировать больного по поводу рака желудка. Больной выглядел хорошо, а изменения в желудке были довольно распространенные. Мне почему-то казалось, что записывал меня на эту операцию К. Т. Овнатян, думал, что дело ограничится пробной лапаротомией. Операция была последней, после обеда. Вскрыл живот — опухоль обширная, но желудок подвижен. Видимых метастазов нет. Показана не резекция, а гастрэктомия. Чтобы предупредить возможные разговоры, зову доцента Петра Петровича Раевского. Показываю ему желудок. Он хорошо видит степень поражения. Ему ясно — показана гастрэктомия.

— Сможешь сделать?

— Смогу.

— Ну и делай. Позовешь, когда закончишь накладывать пищеводно-кишечный анастомоз. У меня еще 2 часа занятий со студентами.

Выделил желудок по малой и большой кривизне вместе с сальником. Пересек 12-перстную кишку. Культю последней ушил наглухо. Отсек желудок и удалил. Культю пищевода вшил в бок тонкой кишки. Анастомоз получился хороший. Далее прикрыл анастомоз приводящей петлей. Терминальный отдел пищевода оказался как бы в муфте, образованной тонкой кишкой. Двумя-тремя швами кишку зафиксировал к краям пищеводного отверстия. Закончил операцию Брауновским межкишечным анастомозом.

— Зовите Петра Петровича — обращаюсь к санитарам.

Вошел Петр Петрович. Вначале осмотрел удаленный желудок, границу распространения раковой опухоли. Все правильно — здесь показана была только гастрэктомия. Далее он осмотрел операционное поле. Не поспешил на похвалу.

— Защищайте брюшную полость, — резюмировал он.

Так я сделал первую гастрэктомию. Она на редкость хорошо протекала, на что обратил внимание шеф на обходе. Больной поправился и вскоре был выписан. Я доказал свою готовность включиться в большую желудочно-кишечную хирургию.

Мне стали чаще поручать операции на желудочно-кишечном тракте, в том числе и повторные операции при свищах кишечника различной локализации, а также при хронической спаечной болезни. Особенно часто на мою долю выпадали кишечные свищи и спаечная кишечная непроходимость. Нередко на обходе Каро Томасович говорил: «Это операция для Виктора — запишите на него».

Однажды, готовясь к выступлению на обществе, я обратил внимание на большое количество кишечных свищей различной локализации. Следующий раз просмотрел операционный журнал лет за 10. Нашел около 180 кишечных свищей. Сказал об этом шефу. Предложил заняться этим материалом более детально. Он одобрил мое намерение, но предложил привлечь к работе клинического ординатора Г.Д. Попандопуло с прицелом на то, что это будет тема его диссертации. В результате разработки этого материала была опубликована статья «К хирургии наружных кишечных свищей». В статье проведен анализ 187 больных со свищами двенадцатиперстной кишки (62), тонкой кишки (63) и толстой кишки (59). У всех больных ранее были различные операции на печени, желчных путях, кишечнике. Только у троих больных свищи возникли спонтанно при распаде раковой опухоли кишечника.

Высокие кишечные свищи очень рано осложняются дефицитом циркулирующего объема крови, снижением натрия, магния, калия. Алкалоз развивается, если свищ 12-перстной кишки локализуется выше папиллярного сосочка, ацидоз — при расположении свища в кишке ниже сосочка.

Нарушение водно-электролитного баланса приводит к развитию почечно-печеночной недостаточности, которая, в свою очередь, усугубляет водно-электролитный и белковый обмен. Образуется порочный круг, который можно предупредить интенсивной предоперационной подготовкой и радикальной своевременной операцией. В период интенсивной инфузионной предоперационной подготовки хирурги применяли специальные тонкостенные обтураторы, которые, закрывая свищ, не нарушают проходимость кишечника. Обтураторы были неудобные, содержимое мимо них просачивалось, большие истощались.

Мы разработали оригинальный способ лечения тонкокишечных свищей, осложненных истощением больного. Операция состояла из двух этапов. Во время первого этапа ушивался кишечный свищ без вскрытия брюшной полости. Через 4–7–8 дней швы прорезывались и свищ восстанавливался. Однако, этих дней было достаточно, чтобы наводнить организм больного солевыми растворами, белковыми препаратами, нормализовать белковый, электролитные обмены и кислотно-щелочное равновесие, а также подлечить мацерированную кожу вокруг свища мазевыми повязками. Во второй этап производилась лапаротомия. Резецировалась петля кишки, несущая свищ, в пределах здоровых тканей. Здоровые концы кишки анастомозировались и восстанавливалась непрерывность кишечника. При двухмоментной тактике ушивания осложненных тонкокишечных свищей мы получили хорошие результаты, о чем написали в статье, опубликованной в журнале «Клиническая хирургия», 1970, №7, с. 1–6.

При концевых двенадцатиперстных свищах (после резекции желудка) мы допускали консервативное лечение, поскольку при них в меньшей мере развивалось нарушение гомеостаза. Что же касается боковых свищей 12-перстной кишки и тонкого кишечника, то их предлагалось оперировать как можно раньше. Остро стоявший тогда вопрос о выборе вне или внутрибрюшного способа операции ушивания кишечных свищей нами решен в пользу внутрибрюшных операций. Являясь более радикальными, они позволяли не только ликвидировать свищи, но и предупреждали спаечную болезнь, восстанавливая проходимость дистальных отделов кишечника.

С патологией тонкого и толстого кишечника очень часто приходилось встречаться на дежурствах. Меня почти всегда поражают компенсационные возможности организма после хирургических вмешательств на кишечнике. Одно из таких наблюдений приводится ниже.

Мне вспоминается одно дежурство, когда уже под утро в приемный покой доставили мужчину, молотобойца по профессии, с невероятными болями в животе. Он был средних лет, атлетического

телосложения. Больной кричал. Наркотики не помогали совершенно. Бледный, покрытый липким потом, пульс нитевидный, давление низкое. Шок! Живот втянут. Напряжен, как доска. Пальпация резко болезненная. Что у больного? Перфорация язвы желудка? Острый панкреатит? Кишечная непроходимость? (рвота была однократная). Тромбоз сосудов брыжейки? Все диагнозы грозные, требующие неотложной операции. Начало болезни внезапное около 2 часов ночи. Приказ — больного в операционную. Премедикация. Наркотики боли не снимают. Решено ускорить наркоз. Бригада хирургов помыта. Вскрываю живот. Тонкий кишечник — черный. В брюшной полости кровянистое содержимое — тромбоз сосудов брыжейки? Заворот? Оказалось злообразование. Тонкий кишечник превратился в сплошной узел. Не вовлечены в процесс начальный отдел тощей кишки на протяжении 30–40 см от трейцевой связки и терминальный отдел подвздошной кишки — сантиметров 40–45, не более. Далее выяснил, что в узел попала петля сигмовидной кишки, она тоже черная. В забрюшинное пространство слева и справа ввели 400–500 мл 0,25 % раствора новокаина. Узел развязать, оказывается, не так просто. Не хочется повредить стенку кишки и инфицировать брюшную полость. Осматриваю узел со всех сторон. Вначале удалось высвободить сигмовидную кишку. На нее наложены салфетки, смоченные теплым физиологическим раствором. Развязываем узел на тонкой кишке. Подходим с разных сторон, потягиваем за разные петли, пальцем вхожу в складки, образованные брыжейкой кишки. Постепенно петля за петлей узел удаётся распутать. Отогреваем петли тонкого кишечника, проходит 5–10–20 минут. Петли не порозовели, остаются черными. Пульсация сосудов в брыжейке не определяется. Показана резекция почти всей тонкой кишки.

Начальный конец тощей и терминальный конец подвздошной кишок анастомозированы по типу конец в конец. На вид оставшаяся часть тонкой кишки нормальная, сосуды брыжейки пульсируют. Мобилизовали и резецировали сигмовидную кишку. Опаздываю на утреннюю конференцию с рапортом. Профессор узнал о необычайно сложной операции, зашел в операционную, когда мы заканчивали анастомоз толстой кишки. Показал профессору, что осталось от желудочно-кишечного тракта, — пищевод, желудок, 12-перстная кишка, 70–75 см тонкой кишки (вместо 5–6 метров), слепая, восходящая, поперечная, нисходящая и прямая. Сигмовидная кишка тоже резецирована. По названию отделов кишечника вроде бы осталось достаточно, но удалено почти 80% тонкой кишки, где идет основное всасывание продуктов, обработанных желудочным соком, желчью и панкреатическим соком. Как оно будет? Лично я такой обширной резекции кишечника не видел, другие тоже. Шеф спросил, сколько прошло времени от начала заболевания, поинте-

ресовался, долго ли наблюдался больной в приемном покое. Наши ответы его удовлетворили.

— Не торопитесь, — посоветовал он. — Заканчивайте операцию. Поднимите артериальное давление до нормы. Проводите интенсивную терапию в операционной. Плановые операции подождут.

Послеоперационный период был очень тяжелый. Только богатырское здоровье помогло больному выжить. Через 3 недели он покинул клинику в удовлетворительном состоянии. В последующие годы видел его 2–3 раза — приходил на консультацию. На строгой диете. Ест понемножку, но часто. Чуть переест — поносы. Принимает только калорийную пищу. Всегда ощущает чувство голода. От овощей и фруктов поносы. Был на инвалидности. Собирается освоить легкую профессию. Признание больного: «Жить можно, но нужно строго следить за диетой».

По мере улучшения жизни населения люди стали допускать излишества в питании. В клинике участились случаи заболеваний печени и желчных путей, холецисто-панкреатиты и панкреатиты. Особенно много нам доставили неприятностей острые панкреатиты. Начало не всегда ясное. Нередко протекало под флагом холецистита. Изучение статистических данных по Донецкой области совместно с А.Т. Тихим и Н.С. Анишиным установило следующее.

За 1962–1968 гг. в Донецкой области было зарегистрировано 3560 случаев острого панкреатита. Из 2847 больных, лечившихся консервативно, умерло 1,6 %, а среди 713 оперированных больных умерло 31,5 %. На операцию назначались, когда убеждались, что консервативные меры исчерпаны, поэтому и летальность была выше. Расхождение диагнозов направившего учреждения и клинического достигает 80 %, а предоперационного и операционного — 28 %.

В 1964 г. в г. Полтаве был проведен IX пленум правления научного общества хирургов, посвященный острому панкреатиту, в работе которого я принял участие. Программным докладчиком был главный хирург МЗ УССР, профессор Д.Ф. Скрипниченко, мой преподаватель на кафедре госпитальной хирургии. Во время войны он был партизанским хирургом. После Донецка работал в клинике проф. Стручкова в Москве, защитил кандидатскую и докторскую диссертации по нагноительным процессам в легких. Некоторое время работал в Кишиневе, а затем переехал в Киевский институт усовершенствования врачей. Из доклада Д.Ф. Скрипниченко было видно, что диагностика и лечение острого панкреатита в Украине, как и везде, находится на низком уровне. В докладе были намечены пути улучшения лечения этого грозного заболевания.

Мы с Каро Томасовичем делились опытом лечения острого панкреатита и острого холецистопанкреатита. Наш личный опыт был тогда небольшим — всего 63 больных, из которых 40 больных лечили консервативно и 23 — оперативно с 4 летальными исходами. В

докладе обращали внимание, что снижение диастазы на фоне выраженной клинической картины — плохой прогностический признак, т.к. указывает на панкреонекроз и является показанием к операции. Во время операции наряду с общепринятыми мероприятиями на поджелудочной железе рекомендовали ревизовать желчевыводящие пути. При сочетании поражений поджелудочной железы и желчных путей операцию нужно дополнить холецистомией или супрадуоденальной холедохотомией.

Пребывание в Полтаве оказалось очень интересным и в другом плане. Мы посетили музей Полтавской битвы. Побывали на поле боя в селе Яковцах. Стояла поздняя осень, но было солнечно и тепло. В этом же селе Яковцах было имение знаменитого хирурга Н.В. Склифосовского, именем которого назван институт скорой помощи в Москве. Имение было разрушено ранее, а могила сохранилась, правда, находилась в запущенном состоянии. К началу пленума полтавские хирурги привели могилу и ограду в порядок. На могиле состоялся митинг, на котором выступили М.И. Коломийченко, Д.Ф. Скрипниченко, А.А. Федоровский, подчеркнувшие роль Н.В. Склифосовского в развитии отечественной медицины. После митинга был разбит сквер. К началу митинга были привезены молодые тополя. На всех не досталось. Но мы с В.Г. Маковским посадили тополь, на котором оставили бирку на фанере — от хирургов Донбасса. Посадив свое дерево, мы внимательно на него посмотрели, чтобы запомнить, не забыть. Определили ориентировочно расстояние от могилы. Спустя час возле могилы Н.В. Склифосовского образовался сквер из тополей 5–6-летнего возраста, посаженные хирургами Украины. В Полтаве все сделано. Я заторопился домой. Дело в том, что И.М. Матяшин просил меня выступить на его защите докторской диссертации в качестве неофициального оппонента. Я обещал. И успевал, как говорят, в притык. Защита диссертации должна начаться в 14.00. По расписанию самолет из Полтавы в Донецк вылетал около 8.00. Время до начала защиты было достаточно. И, как часто в таких случаях бывает, в Киеве наш самолет, следовавший по рейсу Киев-Полтава-Донецк, задержали.

Мы в воздухе. Смотрю на часы. До защиты Игната Михайловича осталось немногим более 2 часов. Но мы еще над Полтавской землей. Возле меня было свободное место. На него села стюардесса. Разговорились. Рассказал ей, как меня подвел «Аэрофлот» — не успеваю на защиту докторской диссертации своего товарища. Столько лет вместе работали и — вот опаздываю. Стюардесса выслушала меня и говорит:

— Кое-чем еще можно помочь.

Пошла в кабину к пилотам. Минут через 10 вернулась, села в кресло.

— Пилоты увеличили скорость. Минут на 10–15 прибудем раньше. И второе — Вас выпущу из самолета первым, остальных на 1–2 минуты задержу. Вы успеете поймать такси.

Летим. Стюардесса пошла выполнять свои служебные обязанности.

Сижу. Смотрю на часы. Стрелки движутся, как мне кажется, очень быстро. Появилась надежда, что успею, но не к началу его доклада.

Вспомнилось, что где-то в 1958 г. Каро Томасович предложил мне работать над темой докторской диссертации: «Толстокишечная пластика пищевода». Я даже ездил в Москву в институт им. Н.В. Склифосовского, где эту операцию начали осваивать. Пробыв в Москве две недели, я ни одной операции не видел. Не было таких больных. Однако прооперированные были. Поговорив с доктором Ситкиным, который занимался этими больными, о методике, технике, особенностях операции, почитав литературу в ГЦМБ по толстокишечной пластике пищевода, убедился, что тема «диссертательная». Вернулся домой.

Подобрали больного. Каро Томасович оперирует, мы с Завгородним помогаем. После операции от перитонита наступила смерть больного. Разошелся анастамоз. Второй, третий и четвертый больной от разных причин умерли. Одни огорчения. Как-то Каро Томасович говорит:

— Знаешь, мы должны отказаться от толстокишечной пластики. Не идет она у нас. Умерло 4 больных из четырех оперированных. Ничего никому мы не докажем, если у нас будет высокая летальность. Каро Томасович прав. Нужно отказаться, заняться чем-то другим.

Через какое-то время поздно вечером у меня дома раздается телефонный звонок. Говорит Игнат из Ленинграда.

— Виктор, как у тебя с докторской по толстокишечной пластике пищевода?

— Отказались от этой темы. У нас умерли первые четыре больных, вот и пришлось отказаться.

— А ты не передумаешь заниматься этой проблемой?

— Почему этот вопрос тебя волнует?

— Дело в том, что мне рекомендуют заняться этой проблемой.

— Занимайся, желаю успеха.

Так и начал Игнат Михайлович заниматься толстокишечной пластикой пищевода. Работал он очень увлеченно. На эту тему он много писал, выступал. Теперь закончил докторскую тему — сегодня публичная защита.

Мы подлетели к Донецку. Сели. До начала защиты 20 минут. Из самолета мы с Маковским выскочили первыми. На привокзальной площади без задержки поймали такси. На Театральной площади часы показывают 14–10. Опаздываем, но не намного.

Когда мы с Вадимом Маковским зашли в аудиторию, Игнат Михайлович заканчивал свой доклад. Потом выступили три официальных оппонента, зачитали отзывы на автореферат. Председатель совета К. Т. Овнатанян. Предлагает выступить неофициальным оппонентам — я попросил слово. Прошло 34 года, нет в живых Игната, а память все хранит.

Вернемся к панкреатитам, тем более, что после одного случая, закончившегося смертью больной, у меня была дважды продолжительная беседа с прокурором.

Это было в 1965 г., осенью. Как было принято, 7 ноября молодежь устраивала вечеринки. После такой вечеринки, где было достаточно еды и выпивки, молодой женщине 28 лет стало плохо. Появились сильные боли в правом подреберье и в подложечной области. Ее доставила скорая помощь в дежурное хирургическое отделение больницы поселка Ветка. В течение нескольких дней боли не успокаиваются. Обезболивающие и новокаиновая блокада правой поясничной области по А. В. Вишневскому боли не снимали. 13.11 утром, с согласия Каро Томасовича, ее перевели в нашу клинику и положили ко мне в палату. У шефа грипп. На работу он уже дня два не ходит и чувствует себя неважно. Больную при поступлении я не видел — у меня группа студентов. Около 12.00 к нам в клинику по просьбе его сотрудницы и родственницы больной приходит профессор М. И. Франкфурт — его клиника этажом ниже под нами. Узнав, что больная Крутоног находится в моей палате, он предложил мне осмотреть вместе с ним.

Состояние больной средней тяжести. Беспокоят боли, временами сильные, от наркотических препаратов стихают, но ненадолго. Тошноты, рвоты были раньше. Теперь нет. Температура — 38–39. Субиктеричность склер. Кожа бледная, имеется мраморность, желтизна не выражена. Лишнего веса килограммов 15–20. Артериальное давление неустойчивое. Пульс частит — до 100 ударов в одну минуту. Живот вздут и резко болезненный в правом подреберье. Отмечается напряжение мышц. Желчный пузырь не пальпируется. Нижний край печени определяется нечетко из-за болезненности. В остальных отделах живот вздут и слегка болезненный — боли отдают в правое подреберье. Болит под лопаткой. Пальпация правой надключичной области болезненная. Со стороны легких и сердца изменений не выявлено. Лейкоцитоз — 25 300. Перепроверили. Правильно.

Обменялись мнениями с М. И. Франкфуртом — он считает, что это — острый холецистит, нужна операция. У меня сложилось такое же мнение. Звоню Каро Томасовичу домой. Докладываю результаты нашего совместного осмотра.

— Похоже, что острый холецистит, проанализируйте еще раз и решайте сами. — Сказал он по телефону.

Наверно, много у него сегодня было звонков. Не дают даже поболеть спокойно. Только я уже два раза звонил.

Больная на операцию согласна. Родственники тоже.

Во время операции выяснили, что желчный пузырь совершенно не изменен. В общем желчном протоке камни не прощупываются. Сквозь заднюю париетальную брюшину просвечивается обширная гематома — фиолетовый кровоподтек, который все мы приняли за осложнение новокаиновой блокады. 12-перстная кишка умеренно гиперемирована, вокруг нее имеется небольшой отек клетчатки, который мы приняли за последствие забрюшинной гематомы. Брюшную полость дренировали и ушили до дренажа.

После операции больной лучше не стало. Боли вроде бы уменьшились. Но температура подскочила до 38,5–39. Только теперь подумали о панкреатите. Диастаза оказалась в десять раз выше нормы — 1024 единицы. Высокое СОЭ. Так вот в чем причина — острый некротический панкреатит! Назначили холод на живот. Соду внутрь. Исключили еду, хотя все эти дни, начиная с 08.09 больной пищу резко ограничили. Вводилось много внутривенно солевых растворов. Стала понятной природа забрюшинного геморрагического образования — оно следствие панкреонекроза и разрушения мелких кровеносных сосудов.

В два-три последующих дня диастаза снизилась до 512 единиц, но состояние больной ухудшилось: нарастала интоксикация.

Вся наша интенсивная терапия не давала успехов. У больной образовался дуоденальный свищ, который усилил истощение организма и вызвал мацерацию кожи вокруг раны. Каро Томасович подверг больную повторной операции — наложил передний гастроэнтероанастомоз, чтобы часть пищи и кишечных соков шла в обход дуоденального свища. Это также не помогло. Спустя несколько дней у нее появилось и повторялось несколько раз профузное кровотечение в брюшную полость из эродированных сосудов брыжейки тонкого и толстого кишечника. Дважды это потребовало оперативных вмешательств. Один раз оперировал я, второй — Каро Томасович.

Родственники нам прохода не давали. Их можно понять. Мы делали все, что тогда было принято делать, но тщетно. Все идет из рук вон плохо. Родственники пожелали пригласить консультантов из Киева. Они связались с профессором М. И. Коломийченко. Он грипповал. Родственник больной ожидал выздоровления профессора целую неделю. Михаил Исидорович тщательно осматривал больную, подробно расспрашивал нас с Каро Томасовичем о лечении. Пришел к выводу, что все делалось и делается в соответствии с принятой тогда лечебной практикой. Всем тогда было ясно, что дни больной сочтены. От очередного профузного кровотечения она скончалась.

Патологоанатомическое вскрытие никаких новых данных не выявило. Все, что мы предполагали, подтвердилось.

Родственники не удовлетворились нашими объяснениями, написали жалобу областному прокурору на Каро Томасовича и вскользь — на меня. Каро Томасович для себя решил, что объясняться к прокурору не пойдет. Направил меня.

В назначенный день и час явился к прокурору по вызову. Прокурор — смуглая, черноволосая, худощавая женщина, под пятьдесят лет. Движения порывистые, нервные. Разговор начался не сразу — она рылась в каких-то бумагах, чего-то не находила. Я сидел напротив нее — ждал. Наблюдал за ней. Старался представить ее характер и как она поведет со мной беседу (о долпросе я и не думал). Наконец, она показала мне письмо на имя областного прокурора. Оно было написано грамотно, писал медик, с учетом секционных данных, но мало знакомый с диагностикой и лечением острого панкреатита.

Прочел жалобу и вернул ее прокурору.

— Что Вы скажете по поводу письма?

Задаст мне вопрос в такой форме, будто уже доказана моя вина в смерти больной.

— Что сказать? — Умерла молодая женщина. Ее уже не вернешь. Мы делали все, что было в наших силах и все то, что сейчас принято в лечебной практике клиник Москвы, Ленинграда, Киева и Украины — говорю как можно спокойнее и смотрю ей в глаза.

— Вы достаточно подготовлены к лечению больных с такими болезнями? — следует очередной вопрос прокурора.

— В общем, да.

— Почему в общем?

— Потому, что эту болезнь почти никто не может лечить хорошо. Пока ее не всегда своевременно диагностируют. Поэтому высокая смертность как после медикаментозного, так и после оперативного лечения.

— А Вы лично были достаточно подготовлены к лечению этой больной?

— Я специально занимался этой болезнью. Выступал с докладом на эту тему на пленуме хирургов в Полтаве. Как врач я поступал правильно. Осмотрел больную вскоре после поступления ее в клинику и назначил необходимые в таких случаях исследования и медикаментозное лечение. После осмотра думал о двух болезнях: холецистите и почечной колике, поскольку ранее у нее были какие-то боли справа. Первую неделю в Ветковской больнице ее лечили от почечной колики. Через два часа осмотрел больную повторно с профессором Франкфуртом и сразу же позвонил шефу клиники. Доложил о результатах совместного осмотра и получил добро на операцию. Операция не подтвердила наш диагноз. Мы с ассистентами не все

правильно оценили во время операции — сейчас это ясно. Кровоподтек в забрюшинном пространстве я принял за осложнение новокаиновой блокады, в то время как кровоподтек был следствием панкреанекроза и указывал на то, что острый панкреатит осложнился деструкцией ткани поджелудочной железы, т.е. перешел в самую агрессивную стадию болезни. Это подтвердилось последующим течением болезни и секцией.

— Значит, Вы признаетесь в том, что во время операции не во всем разобрались.

— Да, во время операции я не сумел отличить геморрагический панкреонекроз от забрюшинного кровоизлияния после новокаиновой блокады. В забрюшинном пространстве была сплошная гематома. Поджелудочная железа была скрыта от взгляда хирурга.

— А как это повлияло на исход болезни? — вопрос задан в типично прокурорской манере.

— Допустим, я разобрался бы, что у больной некротический панкреатит. По существующим канонам должен бы ткани вокруг поджелудочной железы наводнить раствором новокаина и рассечь капсулу. Такую операцию мы неоднократно производили. Из 23 оперированных больных у нас умерло 4 человека. По данным литературы у других хирургов результаты такие же. Инфильтрация раствором новокаина и рассечение капсулы поджелудочной железы может помочь бы в первый день болезни — до возникновения некроза паренхимы железы и истечения ферментативно-активного сока поджелудочной железы. При геморрагическом панкреонекрозе эта процедура теряет свой смысл.

— А может быть, введение новокаина и рассечение капсулы спасло бы больную? — вновь вопрос поставлен жестко.

— Маловероятно, потому, что геморрагическая инфильтрация с активным соком поджелудочной железы по забрюшинному пространству распространилась далеко. — Ответил я. — Это зафиксировано в протоколе операции.

— А какое лечение могло бы спасти больную? — спрашивает прокурор.

— Наиболее эффективное лечение — своевременное назначение ингибиторов протеаз, т.е. препаратов, которые резко угнетают продукцию панкреатического сока тканью поджелудочной железы. Это бы уменьшило некроз забрюшинной клетчатки, разрушение стенок кровеносных сосудов и стенки 12-перстной кишки с наружной стороны.

— А почему их не применили?

— Их пока нет в нашем распоряжении. По литературе знаю, что синтезирован трасилол — ингибитор протеаз, но в нашу практику он еще не поступил. По отзывам литературы, он эффективен в самом начале, до развития панкреонекроза. Больной, поступившей в

клинику на 6 день болезни, этот препарат вряд ли помог бы — уже начался процесс некроза тканей, на что указывает большая зона гемморрагий в забрюшинном пространстве.

— А какие же меры Вы принимали с целью снижения функции поджелудочной железы?

— Обезвоживание и интоксикацию пытались снизить голодом, холодными примочками, назначением солевых растворов, но все это паллиативные меры. Прямого влияния на функцию поджелудочной железы они не оказывают. Препаратов, активно снижающих функцию железы в нашем распоряжении не было.

— А может быть, большой нужно было назначить это лечение еще в Ветковской больнице?

— Лечение проводилось с учетом наших возможностей, хотя диагноз и не был поставлен. В Ветковской больнице доминировали боль и шок. Назначались соответствующие препараты. Если бы определили диастазу — диагноз поставили бы правильно. Дополнительно назначили голод, но больная и так ничего не ела. Не назначен был только холод, но это не основная лечебная мера.

Беседа длится уже больше часа. По вопросам видно, что она переходит в завершающую стадию. Прокурор просит меня принести подтверждающие документы, что я ранее занимался лечением и обобщением клинического материала по панкреонекрозу. Договорились — ее устроят тезисы на IX пленуме научного общества хирургов УССР в Полтаве.

На другой день мы с ней встретились вновь. Она была более приветлива и спокойная. Посмотрела тезисы. Прочитала и ничего не говоря вернула.

— Вы свободны, до свиданья!

— Товарищ прокурор, позвольте мне Вам задать несколько вопросов в связи с нашим разговором вчера.

Видимо, она не ожидала, что я ей задам вопрос, помолчала немного и сказала.

— Задавайте.

— Скажите, не кажется ли Вам, что вопросы и манера беседы, которая у нас состоялась вчера у многих хирургов могут отбить охоту заниматься хирургией. Кто тогда будет лечить больных оперативными методами?

— А разве я с Вами была некорректна?

— Не в этом дело.

— А в чем же?

— Вчера Вы были не беспристрастны. Ваша манера задавать вопросы была такой, как будто уже доказана моя вина как врача в смерти больной. Работа хирурга сложна тем, что назначая больного на операцию, особенно в неотложной ситуации, приходится всю ответственность хирургу брать на себя. Не всегда можно «согласовать»

свои действия и пригласить на консультацию старших. Такие ситуации бывают часто. Особенно, если коллектив хирургов небольшой. Работая в шахтной больнице, я это испытал. Идешь на операцию, а у тебя внутри два «я». Одно «я» говорит: «Нужна операция», другое «я» разбивает все доводы. В душе хирурга идет внутренняя борьба с самим собой. До операции весь измучаешься. Успокаиваешься только тогда, когда видишь, что в диагнозе не ошибся или когда операция абсолютно показана, хотя диагноз не тот и можешь справиться с патологическим процессом. А если патология сложная, редкая, запутанная? А если в процессе болезни обостряются сопутствующие болезни и они оказывают основное влияние на исход болезни, скажем инфаркт миокарда, эмболия легочной артерии?! Поэтому, где гарантия, что даже после простой операции не может наступить роковой исход... и беседа с прокурором ...

Она молчит, не перебивает, слушает.

— Вчера я от Вас вышел и уже не мог вернуться на работу. Нужна была разрядка. В голове разные мысли — и за хирургию и против нее. Победили те, что за хирургию. А представьте другую ситуацию. У хирурга лечение закончилось летальным исходом. Моральные переживания, бессонные ночи, в памяти сотни раз проигрывается ситуация, которая привела к смерти. А тут еще разговор с прокурором. Какие мысли у него после беседы? Наверное, такие, как у меня вчера: «Да на какой дьявол мне эта хирургия — пойду работать физиотерапевтом, статистиком, да мало какие врачебные специальности есть в многочисленных конторах медицинского профиля!» А дома, глядя на угнетенного хирурга, говорят: «Да бросай ты эту хирургию. Заработная плата такая же, как и у врачей других специальностей»... И ушел человек из хирургии... Нет специалиста... Глядя на него, и другие подумают, идти им в хирургию или обойти ее стороной. Возможен и другой вариант. Врач остается в хирургии, но делается настолько осторожным, пассивным, что ничего самостоятельно не решает. Лучше бы он ушел совсем. Никакой ответственности на себя не берет. Пишет истории болезни, делает перевязки, от операций уваливает. В лучшем случае, помогает оперировать другим.

— Я об этом как-то не думала.

— Вчера я это понял. Поэтому сегодня решил обсудить морально-этическую сторону затронутого Вами дела. Прокуроры на самом раннем этапе разбора смерти больного должны учитывать душевное состояние врача-хирурга и преждевременно не сгущать ситуацию над ним, пока не будет доказана его вина.

На том мы с ней и простились, а дело против нас закрыли, как не имеющее состава преступления. Но все-таки тяжелый осадок остался.

За свою профессиональную жизнь я много раз принимал участие во многих экспертизах, связанных со смертью больных после

лечения. Всегда старался разобраться, в чем причина ошибки и как она сказалась на роковом исходе. Скажу: порой это трудно сделать даже консилиуму.

Хирург, который живет в небольшом городе, известен всем. У него не должно быть летальных исходов — трудно жить среди людей, если их родственники погибли от операции местного хирурга. Его авторитет среди односельчан должен быть высоким и не запятан смертностью. Я взял за правило забирать в клинику сложных больных, связанных большим риском при лечении, когда посещал районные хирургические отделения. В этих случаях люди говорят: «Раз не помогли в областном центре, значит болезнь была сложной, трудноизлечимой».

Доцент

С приходом К. Т. Овнатяна у нас в клинике начали активнее выдвигаться научные кадры. Доцентами стали П. П. Раевский, Ф. М. Осипов, Л. Г. Завгородний. В конце 1961 г. дошла очередь до меня. Через 13 лет работы на Совете института получил единогласную поддержку — о присвоении звания доцента. Осталось дело за ВАКом. Через полгода получаю утверждение ВАКА: диплом МДУ № 009348 от 27 июля 1962 г.

Что это — совпадение или судьба? 27 июля 1941 г. я уехал из дому в академию, 27 июля 1948 г. поступил на работу в больницу шахты Киселева, 27 июля 1949 г. у меня родился сын и вот опять диплом доцента — 27 июля 1962 г.

По случаю присвоения звания доцента вместе с Маргаритой устроили дома банкет. Собрались все врачи клиники — человек 40, не меньше. Каро Томасович с Варварой Фадеевной пришли последними и привели с собой одного управляющего трестом шахтостроя с женой. Сесть уже им негде было. Началась перетасовка, накрывали дополнительный стол. Немного выпили, тосты в мой адрес, в адрес учителя, в адрес моих жены и мамы Ефросиньи Осиповны. Потом были танцы, разошлись утром. Каро Томасович любил банкеты по поводу защит и всегда был их душой — ему тоже нужна была разрядка. На следующий день я пошел к соседям, жившим ниже нас, извиниться за беспокойную ночь. Они знали, по какому поводу был банкет и претензий нам не предъявляли.

Вот и еще один этап профессионального роста пройден, но это налагает ответственность и предполагает более серьезную и целеустремленную работу. Я с головой погрузился в освоение хирургической работы, в разработку и внедрение новых операций в практику нашей клиники, постоянно чувствуя поддержку шефа.

В 60-е годы Каро Томасович много уделял внимания диагностике и лечению заболеваний поджелудочной железы, спленоген-

ному циррозу печени, тромботической спленомегалии. Расширились показания к рентгенологическим методам исследования при заболевании органов брюшной полости и забрюшинного пространства. Сейчас, когда широко внедряются ультразвуковое исследование внутренних органов, диагностика заболеваний поджелудочной железы значительно упростилась. А тогда это было сложным делом.

Кисты поджелудочной железы, обычно малосимптомные, в те годы диагностировались сравнительно редко. И. И. Кальченко с 1950 по 1955 г. нашел в литературе описание всего 52 случаев. Большинство хирургов располагали единичными наблюдениями. Только В. В. Виноградов и Г. И. Варнавицкий обобщили материалы двух известных клиник Москвы А. Н. Бакулева и А. В. Гуляева, описали 36 наблюдений кист поджелудочной железы. По данным литературы, правильный диагноз до операции устанавливался в 30 — 33 процентах случаев. Чаще киста поджелудочной железы была операционной находкой. С 1959 по 1964 г. у нас в клинике наблюдалось 10 больных с кистами хвоста поджелудочной железы и одной с инсулярной аденомой железы.

Кисты поджелудочной железы не имели патогномичных симптомов. Были боли неопределенного характера, чувство тяжести в брюшинной полости, тошнота, рвота, изжога, метеоризм, общая слабость. Ни в одном из наших наблюдений мы не обнаружили нарушения функций поджелудочной железы, характерных для диабета. Лишь у одной больной с инсулярной аденомой наблюдались симптомы нерезко выраженной гиперинсулинемии, гипогликемии, причем после приема пищи все явления гиперинсулинемии проходили. По данным литературы, образование кист хвоста поджелудочной железы связывали с травмами брюшной полости. Среди своих больных в анамнезе травма была у троих.

Сравнительно частое выявление кист хвоста поджелудочной железы в те годы объясняется широким внедрением диагностического пневмоперитонеума, пневморетроперитонеума и пневматизации толстой кишки.

В те годы большинство авторов при опухолях и кистах поджелудочной железы ограничивалось рентгеновским исследованием желудочно-кишечного тракта, ретроградной пиелографией, холецистографией и аортографией. В. В. Виноградов и Г. И. Верховицкий предлагали дополнительно применять пневморетроперитонеум с дополнительным введением газа в желудок и толстую кишку.

Для диагностики кист и опухолей хвоста поджелудочной железы по предложению Каро Томасовича применяли пневмоперитонеум с пневмотизацией толстой кишки. Такая методика ранее никем не применялась и не была описана. На пневмоперитонеограммах обращала внимание значительная спленомегалия, ниже и медиаль-

нее ее определялась контрастная тень округлой формы, интимно связанная с воротами селезенки. Анатомическая интимность кист хвоста поджелудочной железы с селезеночной артерией и веной вполне объясняет явление нарушенного кровообращения в паренхиме селезенки с последующим развитием спленомегалии. Подобная рентгенологическая картина давала повод предположить наличие кисты хвостовой части поджелудочной железы.

Дооперационный диагноз совпал с операционным диагнозом в 9 из 10 случаев. В одном случае правильно распознана опухоль, локализованная в хвосте поджелудочной железы. Гистологическое исследование установило: инсулярная аденома поджелудочной железы. Заболевание весьма редкое в те годы. Н.Н. Лепорский в мировой литературе нашел описание 176 инсулярных аденом, из них 127 доброкачественных и 49 злокачественных.

В те годы не было среди хирургов единого мнения в отношении методов лечения кист поджелудочной железы.

Наиболее распространенной операцией была марсупиализация кистозного образования, т.е. подшивание стенок кисты к коже. Как показали отдельные результаты, эта операция таит в себе ряд нежелательных последствий.

Некоторые хирурги предпочитали операцию внутреннего дренирования, создавая анастомоз между кистой поджелудочной железы и петлей тонкой кишки. Операции внутреннего дренирования также таит в себе некоторые отрицательные стороны: полость кисты долго не спадается, в нее затекает кишечное содержимое, развиваются пептические язвы в стенке кишки. Наблюдаются кровотечения, перфорации и перитониты. Все эти осложнения делают малопримемой операцию внутреннего дренирования.

Не получила распространения сравнительно простая операция ушивания полости кисты из-за высокой летальности — до 10 %.

Из всех существующих методов оперативного лечения кист хвоста поджелудочной железы мы отдали предпочтение резекции хвоста поджелудочной железы вместе с кистой и интимно спаянной с ней селезенкой. На ткань поджелудочной железы накладывали шелковые условные швы, а культю герметично окутывали сальником. Несколько позже мы паренхиме поджелудочной железы прошивали аппаратом УКЛ-60. В раннем послеоперационном периоде назначали голод, соду и трасилол. Ни в одном случае не было незаживающих свищей поджелудочной железы. Все больные выздоровели.

Для резекции хвоста поджелудочной железы предлагают различные разрезы — срединный, параректальный, подреберный. Мы пользовались разрезом вдоль левого подреберья, начиная от правой реберной дуги до средней подмышечной линии. Такой оперативный доступ обеспечивал безопасное выполнение всех оперативных манипуляций в брюшной полости.

В 60-е годы я выполнял поручение Каро Томасовича по внедрению в клинику операции Свенсена-Грекова при болезни Гиршпрунга, пластики кардиального отдела пищевода лоскутом диафрагмы по Б.В. Петровскому при ахолазии пищевода, тромбэмболэктомии по Тренделенбургу и порто-кавального анастомоза при циррозах печени.

В те годы в Донецке не было кафедры детской хирургии, поэтому много детей находилось в хирургических клиниках для взрослых. Одной из проблем чисто практических была болезнь Гиршпрунга. Дети с болезнью Гиршпрунга были ослабленные, истощенные, с подавленным иммунитетом, поэтому послеоперационная смертность среди них была высокой.

Из беседы с С.Д. Терновским Каро Томасович узнал, что в его клинике хорошие результаты при болезни Гиршпрунга дает операция Свенсена. Шеф командировал меня в Москву на две недели. Мне посчастливилось видеть две операции в исполнении двух молодых хирургов. Знакомясь с литературой, я нашел, что, подобно Свенсену, инвагинацию толстой кишки через прямую описал Веретейнов. Габриэль инвагинацию производит специальным обтуратором. Свенсен предложил две методики оперативного лечения болезни Гиршпрунга. Первая — после резекции аганглиолярного участка толстой кишки накладывают анастомоз в брюшной полости, вторая — после эвагинации толстой кишки через прямую кишку на промежность производят резекцию эвагинированного участка вне брюшной полости — опасность перитонита минимальная. Непрерывность кишечника восстанавливается двухрядным швом.

Операция Свенсена-Грекова при болезни Гиршпрунга предусматривает эвагинацию измененной толстой кишки при помощи специального булавовидного зонда. Все остальные этапы операции — как у предыдущего способа.

Когда я вернулся из Москвы, в клинике уже находилось двое детей с болезнью Гиршпрунга. У одного из них в сигмовидной кишке пальпировался каловый камень размером 10 x 12 см. Принято решение одному ребенку вначале попытаться размыть каловый камень сифонными клизмами. Второго мальчика решено оперировать. Операция выполнена типично по Свенсену-Грекову.

Вторая операция оказалась сложнее. Каловый камень сифонными клизмами размыть не удалось. Поэтому по вскрытии брюшной полости была рассечена стенка кишки и удален камень. Отверстие в кишке ушито. Остальные этапы типичны, как при операции Свенсена-Грекова. Оба больных поправились.

Пластику кардиального отдела пищевода лоскутом из диафрагмы при ахолазии пищевода осваивали сами после публикации Б.В. Петровского в журнале «Хирургия». Внедрение в клиническую

практику поручили мне. Сложность операции состояла в рассечении адвентициального мышечного слоя над суженным участком пищевода без вскрытия просвета пищевода. Подслизистая и слизистая оболочки пищевода должны оставаться целыми. Выкроенный языкообразный лоскут из диафрагмы «вшивается» в края раны стенки пищевода и, таким образом, прикрывается подслизистая оболочка пищевода. Языкообразный лоскут пищевода как бы «расклинивает» суженный кардиальный отдел пищевода.

Я уже писал, что у нас было много больных с заболеваниями печени и желчных путей, в том числе и циррозы печени.

Консервативные методы лечения циррозов печени, которые мы практиковали, были малоэффективны. Все чаще приходилось прибегать к оперативным методикам лечения. В клинике перепробовали самые разные операции: Бурденко — подшивание сальника к диафрагме, Вильхового — окутывание сальником нижней полой вены, Кольба в модификации Грекова — образование окна в париетальной брюшине, чтобы асцитическая жидкость всасывалась клетчаткой, Капельмахера — удаление селезенки и подшивание сальника к верхней поверхности почки, Тальма — подшивание сальника к передней брюшной стенке.

При кровотечении из расширенных вен пищевода применяли операцию Валькера — продольное рассечение стенки пищевода, лигирование расширенных сосудов и послойное восстановление целостности стенки пищевода.

При кровотечении из расширенных вен желудка применяли операцию Таннера — поперечное пересечение желудка в кардиальном его отделе, лигирование расширенных сосудов с последующим восстановлением целостности стенки желудка, операцию Гроздова-Пациори дополнили подшиванием сальника к диафрагме после удаления селезенки.

В те годы создание сосудистых анастомозов (операция Де Брито — анастомоз между желудочно-сальниковой и печеночной веной, операция Гайрона-Пощи — анастомоз между нижней брыжеечной и общей подвздошной веной, операция Кули — анастомоз между селезеночной и почечной венами и другие) широкого распространения не имели из-за отсутствия шовного материала, инструментов и недостатка антикоагулянтов. Внимание Каро Томасовича привлекла статья Ф.Г. Углова в журнале «Вестник хирургии им. Грекова», в которой была описана операция порто-кавального анастомоза. В отличие от операции Гербода-Хольмана, Ф.Г. Углов не удалял селезенку, а ограничивался только порто-кавальным анастомозом.

Каро Томасович предложил внедрить операцию Ф.Г. Углова в клинике. Вначале операцию мы с ним несколько раз проделали в секционной, затем в виварии на собаках. Когда убедились, что операция «пошла», применили ее в клинике с благоприятными ближайшими

результатами. После операции накапливание асцитической жидкости в брюшной полости замедлилось. Но это было видимое улучшение, поскольку значительная масса крови поступала в большой круг кровообращения минуя естественный «очистительный фильтр» — печень.

К разработке проблем хирургии печени и желчных путей привлекались А.Ф. Греджев, Р.И. Новикова, Н.К. Попов, А.М. Гранов и некоторые другие. А.Ф. Греджев в самом конце 60 годов обобщил в докторской диссертации опыт клиники более чем 1000 операций на печени и желчных путях. Р.И. Новикова изучала влияние наркоза на функционально-морфологические изменения в печени у пациентов с заболеваниями печени и желчевыводящих путей. Результаты исследований она обобщила в докторской диссертации.

К проблеме заболеваний желчевыводящих путей я привлекался в чисто практическом плане, поэтому у меня нет работ на эту тему. Однако я овладел такими операциями как холецистэктомия, холедохолитомия, холедохо-дуоденостомия при стриктурах, панкреатитах, раке головки поджелудочной железы и заболеваниях фатерова соска, дренажем внутрипеченочных желчных протоков с тощей кишкой, при обширных поражениях общего желчного протока (операция Гетце), операцией Гейеровского при сужении внепеченочных протоков и расширении внутрипеченочных протоков с последующим введением в них дренажа.

Каро Томасович разработал и предложил косую дуоденостомию — доступ к фатеровому сосочку при его опухолях и сужениях. В клинику поступило много больных для повторных восстановительных операций на печени и желчных путях, при которых нередко ход операции был непредсказуемым. Часто это была «импровизация» по ходу самой операции. Видимо, без «импровизации», основанной на глубоких знаниях хирургической анатомии и личного опыта хирурга, невозможно браться за повторные операции на любом органе и в любой анатомической зоне.

Я уже упоминал, что Каро Томасович поручил П.С. Серняку заниматься острой почечной недостаточностью. Это была очень сложная и, во многом, пионерная работа. Все было сложно, начиная с оснащения помещения и оканчивая лечением и уходом за больными. Здесь нужна была сильная воля и целеустремленность. П.С. Серняк уже тогда понял, что его путь к профессорскому званию лежит через острую почечную недостаточность. Он сутками не выходил из клиники, приезжал в выходные дни. Все налаживал, смотрел, устранял. Среди этой категории пациентов сначала смертность была колоссальной. Первое время она достигала 56,2 %, в последующем летальность снизилась до 32,5 % — в то время это было большим достижением и заслугой коллектива, которым руководил П.С. Серняк. Позже К.Т. Овнатаян поручил П.С. Серняку докторскую диссертацию на эту тему.

Параллельно с П.С. Серняком морфологическими проблемами почечной недостаточности занималась доцент кафедры патологической анатомии О.А. Захарова. Она была достаточно теоретически подготовленным, грамотным патологоанатомом. Неоднократно «загоняла» клиницистов в угол на патологоанатомических конференциях. Сплошь и рядом у нее был прокурорский тон на патологоанатомических конференциях: «А почему...?» и далее следовал заковыривший вопрос, связанный со сложными проблемами этиологии, патогенеза или фармакодинамики какого-либо препарата. Многие даже перестали ходить на патологоанатомические конференции, особенно, когда зав. кафедрой была профессор Морозова, приехавшая к нам из Днепропетровска.

Такую же политику взяла на вооружение ее преемница, профессор Е.А. Дикштейн. Каро Томасович, правда, быстро ее отучил от этого. А дело было так. Как-то была сложнейшая повторная операция на желчевыводящих путях. Каро Томасович послал за Е.А. Дикштейн. Она явилась. Удивилась, что ее приглашают в операционную. Деваться некуда. Облачили ее в стерильное белье. Она очень осторожно подошла к операционному столу.

— Екатерина Александровна, обращается к ней шеф, вот мы встретились с очень сложной патологией. Не можем разобраться. Помогите нам.

— Я же морфолог, Каро Томасович, а не хирург.

— Да, но у Вас большой опыт в решении запутанных вопросов после различных операций.

Екатерина Александровна с чувством растерянности смотрела в операционную рану и, конечно же, никакого дельного совета дать не смогла. О чем она думала, когда смотрела в операционную рану, нам не трудно было понять. Одно ясно — это ее многому научило. И больше она не позволяла себе и своим сотрудникам вести с нами диалог прокурорским тоном.

Так вот, умная, образованная, начитанная, все знающая, всегда нас поучающая доцент О.А. Захарова к сроку диссертацию не закончила, да и не закончила ее вообще. Е.А. Дикштейн как-то мне объяснила причину: Захарова не умеет поставить точку. Если бы у нее кто-либо «отнял» диссертацию, сдал ее на защиту и заставил ее «защищаться», она бы ее защитила блестяще. В науке четко прослеживается: лучшее — враг хорошего. Совершенствование беспредельно, поэтому, работая над диссертацией, монографией нужно выбрать момент для окончания работы.

Хирурги приучены профессией больше считаться со временем, чем теоретики. Петр Степанович Серняк, в отличие от О.А. Захаровой, проделал поистине титанический труд по лечению и выхаживанию крайне сложной категории больных и сумел написать диссертацию в срок. Диссертацию он защитил 16 апреля 1970 г. за 2.5 ме-

сяца до смерти Каро Томасовича Овнатаняна. П.С. Серняк последним защитил докторскую диссертацию при жизни шефа.

После защиты мною кандидатской диссертации прошло уже 3 года. Эти годы были очень насыщенными.

Я овладевал чтением лекционного курса. Мне были поручены лекции на темы: тиреотоксикоз, кишечная непроходимость. Я очень много уделил внимания подготовке лекциям. Изучил всю доступную мне отечественную и зарубежную литературу и написал полные тексты лекций. Лекцию по тиреотоксикозу показал Каро Томасовичу. С некоторыми замечаниями он мне ее вернул, сказав при этом: «Продолжай в том же духе». Примерно через полгода у меня были полные тексты лекций с большими, в 1/3 страницы, полями для добавления новых данных.

По прежнему много времени уходило на проведение практических занятий со студентами, дежурства по клинике, выезды в районы области для urgentных консультаций и операций.

В те годы в моих группах занимались такие студенты как Григорий Васильевич Бондарь, в последствии заведующий кафедры онкологии Донецкого мединститута и руководитель онкоцентра Донбасса Геннадий Васильевич Кнышов, в будущем — член корреспондент АМН Украины, прошедший большую школу у Амосова Н.М. от аспиранта до директора института сердечно-сосудистой хирургии, академик АМН Украины; Ельский Виталий Николаевич, ставший заведующим кафедры патологической физиологии; член-корр. АМН Украины Ельская Ольга Васильевна, зав. лаборатории в институте биохимии Национальной академии Украины; член-корр. НАН Украины, профессор Куш Николай Леонтьевич, заведующий кафедрой детских болезней Донецкого мединститута.

Наши выпускники, как правило, работали в медицинских учреждениях Луганской и Донецкой областей. Некоторые из них стали шахтными хирургами. Информацию об их работе я получал во время товарищеских встреч выпускников разных лет — тогда это широко практиковалось и использовалось в воспитательной работе со студентами.

В процессе совершенствования учебного процесса у нас появились субординаторы. На кафедре работала группа из 10 человек. К сожалению, не все они стали хирургами. Жаль. Потратили много времени на хирургию, а ею в последующем не занимались.

Работа с субординаторами была поручена самому опытному преподавателю П.П. Раевскому, но практическим навыкам обучали их все преподаватели и ординаторы. Все субординаторы были прикреплены к врачам и при желании могли многому научиться, во всяком случае, иметь приличный запас практических навыков для первых месяцев самостоятельной работы.

Конечно, в работе были и неприятности. Некоторые врезались в память глубоко.

У нас на кафедре рентгенологии, которая располагалась на базе областной больницы им. Калинина, работал ассистентом Кудинов. Человек он был непримечательный, тихенький, ничем особенным себя не проявлял, собирал материал для кандидатской.

Кто его порекомендовал — не знаю, но вскоре его назначили помощником декана лечебного факультета к Д.Г. Довинеру.

Кудинов как-то приходит проверять, как я читаю лекцию студентам. Пришел незаметно, сел краешку. Лишь в середине лекции я заметил его присутствие. Читал лекцию по кишечной непроходимости. Она была рассчитана на 6 часов. Он пришел на вторую лекцию, на ту часть ее, где разбиралась клиническая картина и диагностика различных форм кишечной непроходимости.

Через неделю меня приглашает декан Д.Г. Довинер и знакомит с рецензией на мою лекцию и недостатках, допущенных мною при ее чтении.

Оказывается, в лекции о кишечной непроходимости, когда речь шла о клинике и диагностике, я не проводил «сопоставлений между жизнью трудящихся в капиталистических странах и образом жизни советских людей». Большею чуши я никогда не читал. Пробовал объясниться с деканом — он от обсуждения ушел.

Ректор Г.П. Кондратенко, когда услышал, в чем меня обвиняет Кудинов, от разговора ушел. Я понял, он не хочет вмешиваться, когда касаются капитализма и советского образа жизни. Я это понял и этот вопрос больше не поднимал. Время от времени от других преподавателей слышал о рецензиях Кудинова. Вскоре этот честный Кудинов, борец за советский образ жизни, погорел, да так, что вынужден был уйти из института.

Из списков слабо успевающих студентов он выбрал детей состоятельных родителей и начал родителей письмами вызывать для беседы. Во время бесед, которые проходили с глазу на глаз, он рисовал родителям ужасные картины исключения из института их детей. Разговор заканчивался благоприятно, если родители с помдеканом находили общий язык. Родители одного студента вручили Кудинову 4 ската для автомобиля. Происшествие стало достоянием всего института. Студенты, люто ненавидевшие помдекана, вслух об этом говорили. Кудинова вызвал ректор. После этого он подал заявление и тихо, незаметно ушел с работы.

В институте некоторые мои сверстники начали работать над докторскими диссертациями. Я темы не имел. Тему с пищеводом оставили, а новой темы шеф мне не дал.

Как-то в конце весны 1959 г. Каро Томасович неожиданно оставил меня в коридоре.

— Ты хочешь работать над докторской диссертацией?

— Хочу, Каро Томасович.

— Тогда поезжай в Институт грудной хирургии, которым руководит А.Н. Бакулев, письмо я напишу. Осваивай митральную комиссуротомию. Внедряй ее в клинику, набирай материал и напишешь диссертацию.

— Хорошо, Каро Томасович. Закончу кое-какие дела и поеду.

— Дела никогда не закончатся. Приходи вечером ко мне домой. Напишу письмо Александру Николаевичу и завтра же поезжай. Не оттягивай отъезд.

Пришел домой. Поделился с Маргаритой. Чем больше думал о предстоящей командировке, тем больше понимал, какая огромная работа мне предстоит. В клинике этот раздел хирургии не развивался. Все нужно начинать с нуля. С изучения анатомии и физиологии сердечно-сосудистой системы, клиники пороков сердца, лечения. Нужно полностью переучиваться, не «сворачивая основного производства» — я ведь ассистент кафедры факультетской хирургии, есть обязанности по кафедре. Но все тогда не казалось в мрачном свете. Выдюжу. Работы я никогда не боялся, скорее, был жаден к работе.

Маргарита не возражала, даже поддержала, несмотря на то, что мне нужно было уехать на три месяца. С деньгами было туго, поэтому навещать семью было не на что.

В институте меня приняли хорошо. Прикрепили к старшему научному сотруднику Науму Михайловичу Генину. Человек он был дружелюбный, демократичный, к нему всегда можно было обратиться запросто. Оперировал спокойно, нежно, анатомично, уверенно. Даже при повторных комиссуротомиях или плохой анатомии работал без ажиотажа. У него была хорошая хирургическая школа.

А.Н. Бакулева в институте я за три месяца видел всего 2–3 раза. Основное время он проводил в Президиуме академии на Солянке. У президента медицинской академии не хватало времени для работы в институте, хотя он официально числился его шефом. Директором был профессор Бусалов, человек добрый, но немного суетливый. Оперировал очень мало, больше занимался кардиостимуляторами. Должность заместителя по науке занимал профессор А.С. Ровнов, который вообще не оперировал, занимался чисто административными делами. Научно-организационным отделом заведовал Цинципер, энергичный, деловой, подвижный и доброжелательный человек. Всем все обещал, но ничего не делал. Да и возможностей у него не было выполнить наши просьбы, например, с жильем, оборудованием и т.д.

В те годы институт распространял в Союзе опыт лечения приобретенных пороков сердца. Приезжали целые бригады: хирург, анестезиолог, кардиолог и рентгенолог. Я об этом написал К.Т. Ов-

натаняну. Позже ко мне присоединились А.М. Тарнопольский, Л.Н. Мартыненко, О.В. Ельская и рентгенолог. Руководители бригад ставили перед Цинципером вопрос об оснащении отделений, которые будут создаваться в областных центрах под эгидой института. В 1959 г. этот институт назывался Институтом грудной хирургии. Отделением приобретенных пороков руководил профессор С.А. Колесников, врожденных пороков — доктор мед наук Бухарин В.А., легочным — профессор Плужников Е.И., пищеводным — профессор Березов Ю.Е. (сын горьковского хирурга, с которым полизировал С.С. Юдин по поводу лечения кровоточащих язв желудка). Вскоре легочное и пищеводное отделения были закрыты. В августе 1959 г. институт переименовали в Институт сердечно-сосудистой хирургии АМН СССР. Директором его назначили С.А. Колесникова.

С.А. Колесников оперировал много, уверенно, спокойно, мыслил очень логично, говорил настолько аргументировано, что ему возражать или что-либо доказывать было бесполезно. В институте близко к себе никого не подпускал, держался на расстоянии. Когда говорил или выступал, смотрел больше вниз. Лекции и выступления его были интересными и доходчивыми. Н.М. Генин и Писаревский говорили, что дома он был очень гостеприимным и радушным хозяином, особенно на даче. Сам лично варил плов и угощал гостей.

В сердечно-сосудистом отделении работали тогда помимо Н.М. Генина Г.Н. Цукерман, А.Д. Левайт, А.В. Покровский, Б.Д. Комаров, Е.В. Потемкина, Б.А. Константинов, В.М. Буянов и др. Из прикомандированных был Г.Л. Ратнер, который закончил докторскую диссертацию «Восстановительная хирургия аорты и магистральных сосудов», заведовал кафедрой хирургии в Куйбышевском мединституте. Из Киева были Танащенко и Вовченко, которые работали в Институте клинической медицины им. Стражеско. В хирургическом отделении института оперировали больных с приобретенными пороками. Отделением руководил профессор Пхакадзе.

Работа была насыщенной. Один раз в неделю я обязательно участвовал в операциях, был на обходах С.А. Колесникова. Он требовал знать все о больном. На первых порах это было трудно, поскольку ряд исследований трактовать было трудно, и в частности фонокардиограмму, электрокардиограмму, показатели внешнего дыхания, биохимические исследования и т.д. Постепенно трудности преодолевались.

После обеда с 15.00 до 21–22.00 — я работал в библиотеке. В воскресенье в библиотеке работа с 10 до 18.00. Вечером куда-либо ходил: в кино, на концерт или на галерку в театр. Работа была напряженной, но я чувствовал, что начинаю различать патологические шумы сердца, акценты тонов, ставлю сам диагноз митрального сте-

ноза. К концу практики Н.М. Генин доверил мне сделать две митральные комиссуротомии при помощи дилататора Дюбо. В Институте сердечно-сосудистой хирургии я получил боевое крещение.

В августе на несколько дней в Москву приехала Маргарита с Алексеем. Я купил им путевки на экскурсионный теплоход по маршруту Москва-Ростов. Они смогли посмотреть большие приволжские города. Экскурсиями остались довольны. Быт на теплоходе был организован плохо. Со временем плохое из памяти выветрилось, а вот осмотр городов по Волге оставил хорошие воспоминания. В конце августа перед началом учебного года я вернулся домой. Свои два месяца отпуска я потратил на научную командировку. Немного устал от напряженного труда, но настроение было хорошее. Видел перспективу и чувствовал, что порученное мне дело «потяну».

С шефом выработали план начала работ. На заводе заказали торакарасширители, дилататоры Дюбо и специальные кольца для рассечения комиссур. Как обычно, «сердечная бригада» отрабатывала операцию на животных. Иногда в операциях принимал участие Каро Томасович. Митральная комиссуротомия ему давалась с трудом. У него указательный палец был толстый и тупо-закругленный. Тяжело входил через разрез в ушке в левое предсердие.

Терапевты — Франкфурт И.И., Мерзон А.К. и Я.В. Оберемченко стремились к кооперации, тем более, что два последних работали над докторскими и должны были подобрать для нас больных с «чистыми» митральными стенозами. Больных с митральными пороками было много.

Оберемченко Я.В. изучал мелодию приобретенных пороков сердца и был заинтересован в том, чтобы в его материале были оперированные больные — докторская диссертация у него уже была запланирована.

Мерзон А.К. также работал над докторской диссертацией, которая была посвящена функции застойной почки при пороках сердца. Он тоже был заинтересован в оперативном лечении приобретенных пороков сердца.

Время идет — сентябрь прошел, заканчивается октябрь. Иду к Каро Томасовичу, делюсь ходом подготовки к операции, рассказываю о работе с терапевтами, об их нерешительности.

Каро Томасович посоветовал нам самим подыскивать больных помимо терапевтов.

Вскоре такой случай представился. На приеме в поликлинике мне показали средних лет больную с митральным стенозом. Слушаю — стеноз. Больная худенькая. Учитель. В юности попала под трамвай — ампутировали левую руку по плечевой сустав. Одышка не дает жить и работать. Задыхается во время изложения материала ученикам. На операцию согласна хоть сегодня. Кладу к нам в клинику. Терапевты знают. Они заняли позицию нейтралитета. На-

блюдают, что получится. Исследования подтвердили — митральный стеноз III ст. по А.Н. Бакулеву. Назначили день операции. Волнуюсь. Перебираю в памяти детали операции митральной комиссуротомии, «просматриваю» варианты операции. Сейчас не помню, кто мне помогал, но кажется К.Т. Овнатанян и Л.Г. Завгородний. Наркоз давал А.М. Тарнопольский.

Для первой самостоятельной операции не повезло крупно. Ушко маленькое, склерозированное. Что делать? Смотрю на левое ушко сердца, изучаю диаметр его основания. Примеряю свой указательный палец и мизинец к диаметру шейки ушка. Сопоставление размеров диаметров шейки и указательного пальца и ушка сердца не в мою пользу.

Снял перчатку — все меньше диаметр вводимого пальца. Разжимаю зажим Сатинского. Небольшое кровотечение — это неизбежно. Ввожу указательный палец через ушко в предсердие. Введена ногтевая фаланга. Шейка ушка обжимает палец плотно. Подождем. Пусть растянется шейка. Введена средняя фаланга в предсердие. Ощущаю митральное отверстие. Стеноз 5 x 3 мм. Во время систолы желудочка ощущаю узкую струю крови.

Диагноз подтвердился. Это тоже хорошо. Вижу Оберемченко и Мерзона в операционной. Не выдержали, пришли. Не сглазили бы. Жду еще, пусть шейка немножко расслабится. Лидия Ивановна следит за электрокардиоскопом — пока все в порядке. Ввожу палец глубже... Ближняя комиссура разорвалась легко. Дальнюю комиссуру достать не могу. Ввожу палец глубже. Пытаюсь разорвать дальнюю комиссуру. В этот момент разорвалась стенка ушка, разрыв распространился на левое предсердие. Кровотечение. Кровотечение сильное. Пытаюсь наложить зажим Сатинского. Зажим не захватывает часть разрыва. Вновь ввожу палец в предсердие, придавливаю разрыв ушка и предсердия пальцем. Кровотечение остановлено. Кровопотеря восполняется. Давление пока удерживается на нормальных цифрах. Операционное поле осушено от крови. Изучаем место разрыва. Разрыв ушка распространился на левое предсердие под огибающую ветвь левой венечной артерии сердца. Не вынимая пальца из сердца пытаюсь наложить левой рукой шов на стенку левого предсердия вблизи огибающей ветви. Наложено один шов. Когда я попытался его завязать, нити прорезались. Большое натяжение. Про себя думаю: «Нужно было бы наложить 2–3 П-образных шва, подтянуть палец и после этого завязать швы». Так и делаю. Подтягиваю палец, швы завязывает Леонид Григорьевич. Швы прорезались. Кровотечение усилилось. Давление снизилось. Переливается кровь. Артериальное давление понизилось до нижней границы нормы. Вновь безуспешная попытка ушить стенку левого предсердия. Вновь кровотечение. Перелит еще 1 литр крови, уже перелито 5 литров. Кровотечение не

остановлено. Уже пальцем не удастся полностью перекрыть разрыв. Кровотечение продолжается. Остановка сердца. Попытка ушить предсердие на остановленном сердце. Дефект ушит. Сердце не удастся запустить. Прямой массаж ничего не дал. Дефибриляция была не эффективной. Отсосали кровь из плевральной полости. Ушили перикард. Ушили грудную клетку. Настроение убийственное. Хоть сквозь землю провалились. Первая операция и неудача! В чем ошибка? Может быть нужно было остановиться, когда разделил ближнюю комиссуру. Конечно, если знать, что при разделении дальней комиссуры лопнет стенка ушка и предсердия, да еще в направлении сосудов сердца, где сложно наложить швы. Настроение у всех ужасное. Все молча делают привычную работу. Санитарка убирает пол. Лидия Ивановна отключила кардиограф. Анестезиологи извлекли интубационную трубку из трахеи. Мы с Леонтием Григорьевичем записывали операцию. Лидия Ивановна предлагает свои услуги оформить эпикриз. Соглашаюсь. Каро Томасович советует мне идти домой. А дома что? О случившемся не думать нельзя. Все мысли мрачные.

Дома Маргарита сразу поняла — случилось несчастье. А может быть, ей позвонили. Не знаю. Перед глазами у меня все как в тумане. Все время мелькают этапы операции. А может быть, нужно было сделать не так, а так? И вновь варианты, варианты, варианты. Да к чему они, больная-то умерла! Ловлю себя на том, что они могут пригодиться в будущем, для других. Опыт хирургам достается дорогой ценой... для обеих сторон. Маргарита куда-то выходила из дома. Пришла с бутылкой водки. Налила целый стакан.

— Выпей, на тебе лица нет. Станет легче. Может, уснешь.

Выпил залпом. С утра ничего не ел. Алкоголь подействовал сразу. Расслабился, душевная боль притупилась, но где-то сидит. Лег. Уснуть не могу. Перед глазами — картина операционной. Уснул. Проснулся. Еще ночь. Около 3 часов. В голове вчерашний день. Как хорошо бы было, если бы его не было. Утром у меня группа студентов. Что им сказать? Как оправдываться? Они знали, что будет первая операция. Студенты все знают. От них ничего не скроешь. А зачем скрывать? Они должны все видеть — и хорошее, и плохое. Будут серьезнее относиться к своей профессии. На неудачах старших учится молодежь. Вот и пусть учатся.

Утром домой позвонил Каро Томасович, сказал Маргарите, чтобы я на работу не приходил. Меня подменят. Но лучше бы пойти на работу — думаю я. Среди людей скорее бы отвлекся от тяжелых мыслей. Голова болит. Наверное, от выпитой водки. Столько я никогда не пил. Вечером позвонила Лидия Ивановна. Рассказала о секции. На секции были Дикштейн, Франкфурт, Мерзон и Оберемченко. Все убедились в правильности предоперационного диагноза и в показаниях к операции. Комиссуры разорваны обе. Митральное от-

верстие до 30 мм, т.е. совершенно достаточное для нормальной гемодинамики. Разрыв стенки левого предсердия был самым неудачным, проходил под огибающую ветвь. Это я видел во время операции. В шов попали мелкие коронарные артерии — это уже тогда, когда ушивали рану на остановленном сердце...

Жизнь остановить нельзя. Время притупляет боль и несколько сглаживает в памяти неудачи. Но не вычеркивает их совсем из памяти. Работа тем и хороша, что она заставляет мыслить, думать, обобщать, принимать решения и совершать нужные действия...

Терапевты после первой неудачной операции заняли выжидательную позицию, но убедились в том, что мы можем поставить правильно диагноз и подговорить больных к операции без их помощи.

Вскоре после октябрьских праздников к нам обратились сразу две больные с митральными стенозами. У одной из них был митральный стеноз III стадии, ее можно готовить на операцию в ближайшие дни. Вторая больная более тяжелая. Отмечается тахисистолическая мерцательная аритмия, увеличена печень, большой застой в легких. Нужно продолжительное время для подготовки к операции. В том же 1959 г. обе эти больные были прооперированы. Операции прошли благополучно. Больные поправились. Одна из них, более тяжелая, работала на телестудии киномехаником, долгое время поддерживала с нами связь.

Начало сердечно-сосудистой хирургии в клинике положено, теперь нужно все совершенствовать и оттачивать хирургическое мастерство.

Терапевты предложили переводить больных для долечивания к себе. С этого времени они с нами начали по-деловому сотрудничать. Не обошла нас местная печать и телевидение, что улучшило информированность врачей и населения, увеличило поток больных, нуждающихся в оперативном лечении митрального стеноза.

В 1960 г. мы выполнили 36 операций при митральном стенозе. В последующие годы поток оперированных больных возрастал. Начиная с 1960 г., я посещал все годовые научные сессии Института сердечно-сосудистой хирургии, посвященные оперативному лечению митрального стеноза. Ведущим докладчиком на них был профессор А.С. Колесников. Из его докладов и выступлений с мест было видно, насколько интенсивно в стране развивается хирургия приобретенных пороков сердца. Сессии привлекали ведущих специалистов нашей страны: А.Н. Бакулева, С.А. Колесникова, А.А. Вишневецкого, Б.В. Петровского, Б.А. Королева, Н.М. Амосова, П.А. Куприянова, Марцинкявичуса, Е.Н. Мешалкина, В.И. Колесова, П. Колесова, А.Л. Мясникова, Н.Н. Малиновского, П.Е. Лукомского, Е.А. Дамир, Ф.Г. Углова, В.И. Бураковского, Балюзика, Г.М. Соловьева, В.С. Савельева, М.А. Иваницкую, Г.Г. Гельштейна, В.П. Смольникова и других.

Сессии проходили не без борьбы мнений. Помню, сильный диспут разгорелся между С.А. Колесниковым и Б.В. Петровским по поводу техники митральной комиссуротомии.

С.А. Колесников был сторонником трансвентрикулярной инструментальной митральной комиссуротомии при помощи дилататора Дюбо. На очередной научной сессии в 1960 г. он доложил опыт института, привел убедительные данные в пользу этого метода, назвав его более радикальным по сравнению с пальцевой комиссуротомией, менее травматичным в том плане, что сердце меньше смещается, внутрисердечные манипуляции выполняются быстрее и меньше нарушают гемодинамику и ритм сердечной деятельности. Введение дилататора через разрез стенки левого желудочка при соблюдении техники операции не вызывает серьезных осложнений ни во время операции, ни в послеоперационном периоде.

В прениях по докладу С.А. Колесникова выступил Б.В. Петровский, который начал выступать против инструментальной митральной комиссуротомии на том основании, что возникает необходимость вскрывать левый желудочек, вводить металлический инструмент в сердце. Не исключается повреждение папиллярных мышц, хорд и створок митрального клапана, что может привести к непоправимым последствиям. На месте шва левого желудочка может возникнуть инфаркт. Достоинства пальцевой комиссуротомии, по его мнению, заключается в том, что пальцем производится расслоение и разрыв комиссур. Не повреждаются створки, папиллярные мышцы и хорды. Во всех, без исключения, случаях Борису Васильевичу удалось расширить митральное отверстие пальцем до нужных размеров. Нет необходимости накладывать на левый желудочек швы.

В заключительном слове С.А. Колесников непосредственно обратился к Б.В. Петровскому.

— Сколько больных прооперировано в руководимой Вами клинике при помощи дилататора Дюбо?

— Трансвентрикулярной комиссуротомии не применяли.

— Так на каком же основании Вы так безапелляционно высказываетесь против инструментальной митральной комиссуротомии? Ваше мнение не подкреплено опытом. У Вас нет оснований для столь категорического отрицания инструментальной митральной комиссуротомии.

Москвичи говорили, что этого диалога Б.В. Петровский не простил С.А. Колесникову, когда стал министром здравоохранения. На С.А. Колесникова как директора института время от времени поступали жалобы от сотрудников в вышестоящие организации. У него возникли осложнения с членами партбюро. Оппозицию возглавила Л.М. Фитилева (кардиолог, занималась фонокардиографией). Возник конфликт.

Ф.Г. Углов мне рассказывал, что его вызвал к себе Б.В. Петровский, назначил председателем комиссии по проверке Института сердечно-сосудистой хирургии. Намакал, что желательнее акт сделать построже, особенно в отношении С.А. Колесникова, хотел руками Ф.Г. Углова освободить от работы С.А. Колесникова. Комиссия во главе с Ф.Г. Угловым дала положительную оценку работы Института сердечно-сосудистой хирургии, чем был очень недоволен Б.В. Петровский. События развернулись по линии райкома партии. В 1967 г. Сергей Алексеевич вынужден был уйти с должности директора и из института вообще. В чем конкретно его обвиняли, мне неизвестно. Наблюдая работу института со стороны и зная мнения других гостей института и части сотрудников, мы были высокого мнения о работе института. Они делали большую работу по подготовке кардиохирургических бригад для страны. Научные итоговые сессии были настоящей школой для кардиохирургов всей страны. Работы велись на высоком уровне. По монографиям сотрудников института мы осваивали различные проблемы хирургии врожденных, приобретенных пороков сердца и сосудов. И вдруг — сняли с работы С.А. Колесникова... Назначили В.И. Бураковского, который в этом институте никогда не работал. Работал в Ленинграде, а в Москве — у А.А. Вишневого.

На годичных итоговых сессиях Института сердечно-сосудистой хирургии всегда блестяще выступал Н.М. Амосов. Выступал он без бумажек, говорил убежденно, зажигательно, без ложного пафоса и рисовки. Рассказывал о том, что и как они делают, об удачах и промахах, переживаниях и волнениях. Выступления были захватывающие. Иногда в конце выступления он из бокового кармана доставал доклад и зачитывал выводы. Его выступления часто заканчивались громом аплодисментов, которые президиум воспринимал сдержанно. Н.М. Амосов умеет сказать о сложном просто, доходчиво, по-человечески, понятно для маститых и начинающих, о личном участии в работе, о своих ошибках и заблуждениях. Его доклады всегда были искренними. Это понимали и ценили участники научной сессии. За это аплодировали. Популярность была непоказной. Она достигнута колоссальным трудом Н.М. Амосова и, конечно же, его талантом.

В 1961 г. на сессии института сердечно-сосудистой хирургии я выступил с докладом «Опыт перевязки внутренних маммарных артерий при хронической коронарной недостаточности (операция Фиески)» (в соавторстве с К.Т. Овнатаняном и Л.И. Мартыненко). Эту операцию тогда многие применяли при стенокардии напряжения. Эффект от операции был временный, наверно, психологический. Мною были сконструированы специальные иглы, которые учитывали ограниченную анатомическую зону, облегчали выделение и перевязку маммарных артерий без осложнений.

У нас подобралась хорошая бригада для изучения митрального стеноза в различных аспектах. Поэтому многие наши доклады шли в соавторстве. Соавторство сближало, позволяло глубже вникнуть в проблему — мы обогащали друг друга идеями, мыслями. Принимали участие во многих конференциях, симпозиумах, школах, часто проводимых в те годы в Москве, Ленинграде и Киеве. В поле нашего научного интереса были такие проблемы митрального стеноза, как диспансеризация больного, предоперационная подготовка, наркоз, оперативный доступ при изолированных и комбинированных пороках сердца, показание к транскатрикулярной митральной комиссуротомии, изменение тонов и шумов сердца в ближайшие и отдаленные сроки после комиссуротомии, особенности наркоза и реанимации при операциях на сердце, продолжительность фаз систол левого желудочка при мерцательной аритмии у больных митральным стенозом до и после комиссуротомии, мелодия оперированного митрального стеноза в отдаленные сроки, дифференциальная диагностика между опухолями левого предсердия (такие случаи мы наблюдали) и митральным стенозом. Овладели диагностикой стеноза трикуспидального клапана. Овладели доступом к левому предсердию через межпредсердную перегородку справа при рецидивном митральном стенозе. Правосторонний доступ к сердцу позволял одновременно устранить стенозы митрального и трикуспидального клапанов: митральный стеноз устранен через межпредсердную перегородку, трикуспидальный — через правое ушко. Изучали травматическую митральную недостаточность. Много внимания приходилось уделять осложненному течению митрального стеноза.

К 1962 г. накопился приличный опыт диагностики и оперативного лечения митрального стеноза. Все организовано для выявления, диагностики и лечения больных. Имеется бригада специалистов, которая хорошо знает свое дело. Каро Томасовичу стало ясно, что мне можно планировать докторскую диссертацию. Он принял решение, что будет два руководителя: он и профессор С.А. Колесников. В связи с этим, С.А. Колесников предложил мне выступить с докладом на конференции Института сердечно-сосудистой хирургии. Летом 1962 г., когда я был на курсах в этом институте, мне предоставили слово для доклада, в котором я проанализировал 117 клинических наблюдений. Митральные комиссуротомии были сделаны пальцевым способом, при помощи подногтевого комиссуротома и дилататором Дюбо. Вопросы были самые разнообразные. Выступления доброжелательные — многие ведущие сотрудники меня уже знали.

В заключительном слове С.А. Колесников подчеркнул, что раз сделано 117 операций, то и дальше клинический материал будет набираться успешно — лиха беда начало. Он изъявил желание быть мо-

им научным руководителем, но при условии, что весь материал я наберу в Донецке, не буду претендовать на материал института. Ставя такое условие, он преследовал цель более интенсивной разработки хирургии митрального стеноза в Донецке, зная о том, что этот раздел хирургии захлебнулся в клинике госпитальной хирургии нашего института. Итак, диссертация запланирована и у меня два научных руководителя.

Два месяца на курсах в Москве летом 1962 г. я максимально использовал для сбора литературы. Некоторые главы работы были написаны вчерне. В Москве, по дороге в институт, в троллейбусе, сформулировал название диссертации: «Сравнительная оценка закрытых методов коррекции митрального стеноза».

Материал набирался успешно. О нашей работе знали врачи, студенты. Оперативное лечение стеноза значительно улучшило диагностику приобретенных пороков сердца вообще. Раньше диагноз формулировали терапевты так: комбинированный митральный порок с преобладанием недостаточности или стеноза, т.е. все время фигурировало словосочетание: «комбинированный митральный порок». Для оперативного лечения этого было недостаточно. Операция была показана при стенозе митрального клапана. Мы разработали диагностику митрального стеноза у себя в клинике. Применялись помимо аускультации сердца рентгенография сердца, ЭКГ и ФКГ. Вскоре диагностика настолько улучшилась, что молодые терапевты-ординаторы, встречая меня, говорили: «А у нас есть больной для Вас с митральным стенозом». Невольно вспоминается осень 1959 г., когда в течение почти трех месяцев ведущие терапевты нашей больницы не смогли предложить нам больного для операции. А теперь рядовые терапевты ставят диагноз до операции.

Начиная с 1962 г. у нас накопился приличный и хорошо изученный клинический материал. Наши статьи принимали союзные журналы «Грудная хирургия», «Клиническая медицина», «Терапевтический архив», «Врачебное дело». Я был участником установочной кардиологической конференции в г. Ленинграде, на которой было принято решение о создании Всесоюзного общества кардиологов, объединявшее врачей различных специальностей, занимающихся сердечно-сосудистой патологией.

Работая над совершенствованием лечения митрального стеноза, мы лишний раз убедились, какое важное значение имеет постоянная бригада хирургов. Как-то летом 1963 г., когда многие врачи были в отпуске, в том числе и члены кардиохирургической бригады, я пригласил принять участие в операции Николая Кирилловича Попова, тогда еще ассистента. Во время операции поручил ему держать турникет, в который были введены концы нитей П-образного шва для предупреждения кровотечения из левого желудочка сердца во время проведения дилататора Дюбо и расширения митраль-

ного отверстия. При неизбежном небольшом кровотечении при введении инструмента в сердце Н.К. Попов настолько сжал турникет, что нити П-образного шва прорезали миокард и вырезали из левого желудочка кусочек мышцы 3х3 см. Образовалась дыра в левом желудочке, которую удалось закрыть тремя пальцами левой руки. Кровотечение было изрядным, но кратковременным. На гемодинамике оно не сказалось. Сердце работало в прежнем ритме. Пальцы, введенные в рану левого желудочка, надежно остановили кровотечение.

Как ушить левый желудочек в подобной ситуации? Одна рука закрыла отверстие в миокарде. Правая рука свободная. Н.К. Попов, чувствуя свою вину, растерялся. Пришлось его успокаивать. Но самое главное, ситуация контролируемая — гемодинамика держится на нормальных цифрах, сердечные сокращения достаточно хорошие. Нужно собраться с мыслями. Как положить швы? Что в руководствах? Не читал, а может быть и нет рекомендаций для таких случаев. Зашил рану в левом желудочке следующим образом. Свободной правой рукой наложил П-образный шов на миокард вокруг указательного пальца, второй П-образный шов вокруг среднего пальца, третий П-образный шов — вокруг безымянного пальца. По мере затягивания П-образного шва я удалял палец из раны. Шов завязан — хорошо. Таким же способом завязан второй шов. Концы третьего шва взяты в турникет для проведения дилататора и митральной комиссуротомии. Через ушко введен указательный палец в левое предсердие. Митральное отверстие 4х5 мм — стеноз резкий. Дилататором через желудочек произведена комиссуротомия. Дилататор удален. Митральное отверстие 42—45 мм по длинному диаметру. Чувствуется, как створки касаются пальца. Обратного тока нет. Удален палец из предсердия. Основание ушка перевязано. Третий П-образный шов на левом желудочке завязан. Кровотечения нет. Сердце работает — ритм синусовый, очага ишемии на ЭКГ установить не удается. Операция закончена. Послеоперационный период прошел сравнительно спокойно. Неоднократные ЭКГ инфаркта левого желудочка не выявили, хотя многие кардиологи смотрели кривую. Не было инфаркта и спустя 6 и 12 месяцев после операции.

Эта операция лишний раз показала значение кардиологической бригады в лечении пороков сердца.

В 1964 г. строители сдали нашей клинике торакальный корпус на 100 коек. Корпус, по тем временам, вполне приличный. Имеются палаты на 2—4—5 коек, хорошая палата интенсивной терапии, два операционных блока — для легочных и сердечных операций. Рентгенкабинет оснащен аппаратом ТУР Д-1000, имеются клиническая, биохимическая и морфологическая лаборатории. В подвальном помещении — экспериментальная операционная. Работать можно и

неплохо. С введением в эксплуатацию торакального корпуса клиника увеличилась до 220 коек.

В торакальном корпусе было два отделения: сердечно-сосудистое и легочное. Профессор меня назначил куратором этих отделений. Заведующим легочным отделением был В. М. Кравец, сердечно-сосудистым — Богдан. Из врачей в торакальном корпусе работали Л. И. Мартыненко (кардиолог), В. И. Пужайло, В. И. Кулик, В. Г. Пилинога, Л. И. Коллегова, Н. С. Гильмар, Я. Г. Колкин и доцент А. М. Тарнопольский.

Шел 1964 год. Я много занимался своей докторской диссертацией. Собрана примерно половина клинического материала. Изучена литература. Уже написано несколько статей. Они опубликованы в республиканских и всесоюзных издательствах.

Приглашает меня к себе Андрей Михайлович Ганичкин.

— Завтра поедешь со мною в Киев.

— Цель поездки?

— Там узнаешь. А сейчас поезжай и достань два билета на самолет на утренний рейс.

Это в начале июня. Билетов не оказалось, даже при надежных связях в кассах аэропорта. Вечером по телефону сообщил Андрею Михайловичу о своей неудаче.

— Ничего. Приезжай к 8.30 в аэропорт. Улетим.

Действительно, в аэропорту у него нашлись знакомые сотрудники аэропорта, которые достали два билета на транзитный самолет Волгоград—Донецк—Киев.

В самолете Андрей Михайлович мне сообщил причину вызова.

— В Ворошиловградский мединститут подыскивают ректора. Я рекомендовал твою кандидатуру. Анкетные и деловые данные подходят. Возраст тоже. Смотри, не промахнись. Хорошо думай. Я стал ректором в 32 — тебе 41. Понимаешь?

— Понимаю...

А в голове — докторская. Много сделано, но до завершения еще 2—3 года. Бросать жалко. Ну ладно, подожду до встречи с начальством. Может, не подойду — и все решится само собой.

Приехали в Министерство здравоохранения УССР. До этого я здесь не бывал. Зашли в приемную.

— Подожди здесь, — сказал Андрей Михайлович, а сам зашел к Николаю Федоровичу Козыренко — начальнику Главного управления учебных медицинских заведений Министерства здравоохранения УССР.

Разговаривали они довольно долго. Я ждал. Наконец Андрей Михайлович вышел. Пригласили меня.

Николай Федорович Козыренко — красивый мужчина, средних лет. В очках. Очки ему идут. Красивые, слегка вьющиеся, во-

лосы. Лицо приветливое, симпатичное. Немножко суетлив, а может — кажется.

— Вы уже знаете цель нашего приглашения. Что Вы на это скажете?

Для себя решил — времени у меня было достаточно — прерывать работу над диссертацией не стану. Но в лоб сказать нельзя. Ведь предлагают — то неплохую должность. Не каждому предлагают такую.

— Николай Федорович, я уже три года работаю над докторской. Много сделано, но до завершения необходимо не менее 2.5 — 3 лет. Если я приму Ваше предложение — все мои старания пропадут. В Ворошиловграде не смогу овладеть многогранными обязанностями ректора и работать над докторской, тем более, что в Ворошиловграде хирургическое лечение приобретенных пороков сердца не налажено. Поэтому, прошу Вас не делать мне такого предложения, чтобы мне не приходилось отказываться и ставить Вас и себя в неудобное положение.

— Понимаете, у нас с ректором в Ворошиловграде (Луганске) не ладится. Институт организовывал профессор Пальчевский Евгений Игнатьевич. (Он в нашем институте когда-то заведовал кафедрой патологической анатомии, а затем принял приглашение профессора Л. Н. Кузменко и уехал во Львовский мединститут. Позже его назначили ректором Ворошиловградского мединститута. Я это хорошо знал.) После Пальчевского сменилось два ректора. Дело у них не ладилось. Склоки. А Донат (он из Днепрпетровска) оказался очень легкомысленным. Пришлось освободить. Ректора нет. Ворошиловградский обком партии торопит нас с подбором кандидата.

Рассказ Н. Ф. Козыренко напомнил мне, что в период организации в Ворошиловграде института на должность ректора обсуждалась кандидатура И. М. Матяшина. Но он не подошел обкому по причине, что не доктор наук и не профессор. Позже Игнат часто говорил, что он ни разу не отказался от предложенных ему должностей, вышестоящими инстанциями. Правда, говорил он, меня не всегда брали — имея ввиду Ворошиловградский институт.

— Но я ведь — кандидат наук.

Разговор у нас длился 25 — 30 минут. Н. Ф. Козыренко, видя, что из нашего разговора ничего не получается, предложил сходить к заместителю министра здравоохранения Ивану Владимировичу Шумаде.

Разговор шел в том же плане. Я настойчиво отказывался — под предлогом необходимости окончания докторской диссертации. Из разговора уловил — довод мой обоснованный. Они это хорошо понимали, но продолжали настаивать.

Наконец, И. В. Шумада предложил посоветоваться с Министром П. Л. Шупиком. (В будущем П. Л. Шупика я дважды оперировал и могу смело сказать — продлил ему жизнь на 6 — 7 лет). А по-

ка я шел на прием к нему в качестве несговорчивого кандидата на должность ректора.

Министра я раньше никогда не видел, тем более, не разговаривал с ним. Упрямо отказываться будет не солидно. Нужно как-то изменить разговор. Но как? Времени на обдумывание нет. Вошли в приемную и сразу же — в кабинет.

Платон Лукич Шупик — невысокого роста, коренастый, голова крупная, лицо широкое, сосредоточенное.

Встретил он меня и И.В. Шумаду так, как будто был в курсе дела. С ним обсуждался вопрос о моем приглашении в МЗ УССР.

И.В. Шумада в общих чертах сказал, что я не принимаю предложения МЗ УССР, но недостаточно объяснил причину — почему.

— Чем Вы объясняете свой отказ? — спрашивает Министр.

Вопрос прямой. Как на него ответить наиболее убедительно, чтобы отстоять свою точку зрения и не создать нежелательного впечатления о себе? Сложность моего положения состояла в том, что раньше никогда не беседовал с людьми такого высокого ранга.

— Платон Лукич, если Министерству так необходимо рекомендовать меня на должность ректора в Ворошиловградский медицинский институт, то мне деваться некуда. Но я хочу, чтобы Вы поняли меня. Поняли почему я так настойчиво отказываюсь в этом году принять предложение Министерства ...

Далее по возможности убедительно рассказал о своей работе над диссертацией и моих сложностях при ее окончании в случае перемены места работы. Закончил свой короткий монолог заверением, что после завершения работы над докторской диссертацией готов принять любое предложение Минздрава. Последнее было сказано искренне, убедительно и твердо.

Платон Лукич слушал меня, не перебивая, и не задавал никаких вопросов. Когда я закончил, воцарилось полуминутное молчание. Все думали.

— Иван Володимирович, — говорит Министр — відпустіть цього хлопця. Хай закінчує дисертацію. Через два роки нам теж будуть потрібні спеціалісти високої кваліфікації.

— Платон Лукич, всем Вы даете закончить диссертации. А я вот сколько прошу Вас отпустить меня из Министерства с тем, чтобы я мог закончить свою докторскую, — говорит И.В. Шумада.

— Ты успеешь еще. Есть время. Мы уже с тобой на эту тему говорили. И не надо сейчас поднимать этот вопрос.

Этот короткий диалог между Министром и его заместителем лишний раз убедил меня, что я правильно поступил, не приняв предложение Министерства. Нужно активизировать работу над докторской. Скорее закончить ее и сдать на официальную защиту. Но работы еще очень много. Она где-то на середине пути. Правда, после середины все идет и легче, и быстрее.

Из Министерства меня так просто не отпустили. В отделе кадров предложили заполнить листок учета кадров — так, на всякий случай, для резерва.

— Все может быть. Имею опыт, — на прощанье сказал мне работник отдела кадров Василий Кириллович Ткаченко.

Вечером я приехал на аэродром. Билет удалось достать на почтовый самолет, который отлетал из Киева в 4.00. Этим же рейсом возвращался Андрей Михайлович. Выслушав мою одиссею по кабинетам Министерства, он заключил:

— Все правильно, но теперь они тебя не оставят. Готовься.

Дома привел себя в порядок и к 9.00 явился в клинику. Вкратце доложил Каро Томасовичу о своих переговорах в Министерстве — он одобрил мое решение.

В 1959 г. в Донецк вернулся Р.В. Богуславский, который был докторантом в Москве в клинике А.Н. Бакулева. Там же он защитил докторскую диссертацию. Защита диссертации совпала с трагедией в семье. Его отец, В.М. Богуславский, был депутатом Верховного Совета СССР. Накануне защиты диссертации сына он находился в Москве. Ему стало очень плохо. Врачи диагностировали инфаркт и отвезли в Кремлевку. Будучи тяжело больным, он сказал сыну: «Даже если я умру, защиту диссертации не откладывай». Так и случилось — сын защитил диссертацию в день смерти отца.

Вернувшись в Донецк (Сталино) он занял кафедру своего отца — госпитальной хирургии, и одновременно его назначили проректором по науке. На последней должности он проработал недолго.

Между К.Т. Овнатаняном и Р.В. Богуславским взаимоотношения не сложились. Они постоянно друг друга критиковали на советах, заседаниях общества, выискивая различные поводы для ссор. Коллективы клиник вначале, да и потом, не принимали участия в ссорах своих шефов, т.к. видели, что каких-либо принципиальных научных, педагогических и лечебно-диагностических причин для ссор не было. Борьба шла за гегемонию в хирургическом мире города. Дело кончилось тем, что медицинская общественность начала воздействовать на них с целью помирить их, — ведь причин для раздоров нет. Действительно, Р.В. Богуславский и К.Т. Овнатанян примирение решили отметить выездом на природу двух кафедральных коллективов с женами и детьми. Местом отдыха выбрали Великоанадольский лес, что между Донецком и Мариуполем. Народу собралось до 100 человек. Кое-что из еды мы прихватили с собой, а основная масса пищевых припасов была доставлена местным начальством. Время выезда пришлось на начало лета, сразу же после государственных экзаменов.

По приезде в лес, после непродолжительной разминки — спортивных соревнований клиника на клинику — принялись готовить трапезу. На этот пикник я взял с собой Алешу, ему тогда было лет

одиннадцать. Нам предложили приготовить яичницу на 100 человек. Принесли ящик яиц, около килограмма сливочного масла, огромную сковороду из нержавеющей стали (взятую на прокат в столовой). Мы с Алексеем бьем яйца в специальную кастрюлю. Параллельно готовится костер, на котором предполагается жарить яичницу. Костер горит. Масло на сковороде растаяло и начало кипеть. Время из кастрюли выливать яичную массу на раскаленную сковороду. Вскоре яичница на 100 человек была готова. Другие сотрудники кафедр, их жены готовили плов, шашлыки, чистили овощи, словом, работа, связанная с приготовлением пищи, кипела во всю. Каро Томасович и Ростислав Владимирович под навесом беседовали в кругу районного начальства. Из кастрюли сделали гонг, которым оповестили, что «кушать подано». На земле расстелили простыни, одеяла, клеенки. Все, что приготовили, аккуратно расставили, нарезали хлеб. В больших кастрюлях в стороне на костре «дозревала» осетровая уха.

«Сели» за стол. Было много тостов, за здоровье Р.В. Богуславского — инициатора пикника и примирения, за К.Т. Овнатаняна, за районное начальство, которое приняло активное участие в организации встречи двух кафедр. Трапеза длилась долго, прошла очень весело. Нашлись певцы, музыканты, танцоры. К вечеру начались танцы. Некоторые участники отправились на местное озеро купаться. Время летело быстро. Не огляделись, как наступили сумерки. Пора в дорогу, домой.

Алеша бегал, играл с детьми других сотрудников. По дороге домой я у него спрашиваю, что на него произвело самое большое впечатление. Оказывается, яичница из 100 яиц! Об этой яичнице он не один раз вспоминал в последующие годы.

Маргарита значительно продвинулась по службе. Раньше глазная клиника была в Центральной клинической больнице. С вводом восьмого корпуса в больнице им. Калинина в ней открыли глазное отделение, которое стало базой глазной клиники мединститута. Маргариту назначили заведующей отделением. Заведовал клиникой профессор Иссидор Филиппович Копп, прекрасный, сердечный и доброжелательный человек. К Маргарите он относился очень хорошо, а она его обожала. Она организовывала еженедельные консультации профессора. В эти годы Маргарита много и очень успешно оперировала различную глазную патологию. Помогала оперировать ординаторам. Руки у Маргариты очень ловкие, она оперировала быстро и ювелирно. Глазное отделение в больнице считалось одним из лучших, их награждали вымпелами, как победителей соцсоревнования, ставили в пример другим отделениям. Вскоре Маргариту назначили главным офтальмологом области. У нее работы добавилось, т.к. приходилось чаще выезжать в районы, заниматься развитием офтальмологической службы, занималась подготовкой

кадров и аттестацией офтальмологов. Работа эта у нее получалась хорошо, поскольку она умела находить общий язык с людьми, была доброжелательной и, в меру своих сил и возможностей, старалась помочь.

Ее два созыва избирали депутатом Калининского райсовета г.Донецка (Сталино). Это также добавило ей работы, но уже по депутатской линии.

В связи с успешным окончанием очередной пятилетки, была кампания награждения орденами и медалями работников различных отраслей, в том числе и медицинских работников.

В число кандидатов для награждения включили Маргариту и даже было предложение представить ее к ордену Ленина. Оппоненты считали, что у нее еще небольшой стаж, в больнице Калинина она работает недавно, есть более авторитетные люди с большим стажем. Решили представить ее к ордену «Знак почета». В семье мы были рады, особенно Алексей — теперь у него мама и отец орденосцы.

Кошка пробежала между Маргаритой и И.Ф. Коппом совершенно неожиданно.

Нужно было устроить в клинику жену Первого секретаря компартии г. Макеевки. И.Ф. Копп перед начальством всегда немного «вилял». Половина врачебной ставки есть. А где взять еще полставки? Профессора осенила гениальная мысль. Маргарита должна отказаться от полставки. Полставки Маргарите будет доплачивать профессор из своего заработка.

Последнее возмутило Маргариту — она, как бы, превращается в содержанку профессора. Маргарита высказала ему свое отношение к его «гениальной» идее. Жену секретаря на работу не взяли, а между Маргаритой и И.Ф. Коппом наступило мирное сосуществование.

Маргарита, желая участвовать в работе съездов, всегда посылала свои доклады в оргкомитет. Их принимали. Она была участницей почти всех глазных конференций и съездов в период с 1960 по 1969 г. У нее накопилось достаточное количество клинических наблюдений и печатных работ. Этого хватало, чтобы оформить кандидатскую диссертацию. И.Ф. Копп неоднократно высказывал свое желание ей помочь, но Маргарита постоянно отказывалась. У нее была своя философия по этому поводу. Написав диссертацию, человек делает заявку на систематические занятия научной работой. Она перед собой такой цели не ставила и не стремилась к регулярной научной деятельности. Ее устраивала работа практического врача, у которого возникала необходимость время от времени подытожить свою практическую работу. Стимулом к этому, как правило, были глазные форумы, на которых она обогащалась теоретически, знакомилась с отечественными глазными школами, была в курсе дела научных направлений клиник.

Общественность института решила отметить 60-летний юбилей И.Ф. Коппа. Он мне хорошо запомнился в связи с необычным событием. Мы с Маргаритой уже собрались и вышли из квартиры в коридор. Мы жили на одной лестничной площадке с Борисом Николаевичем Зориным. Он был областным судмедэкспертом и у него дома был телефон, а у нас еще не было. Иногда дежурный врач звонил к Зориным и приглашал меня в клинику в неотложных случаях. Так случилось и на этот раз. Отец Игната Михайловича Матяшина, гостивший у своего зятя Б.Н. Зорина, вышел нам навстречу.

— Виктор Степанович, — обращается ко мне Михаил Прокопьевич, — Вас просит к телефону дежурный врач клиники.

— Михаил Прокопьевич, скажите, что меня нет дома. Мы вот собрались с женой... пусть он позвонит кому-либо другому, есть кому.

Михаил Прокопьевич пошел говорить с дежурным врачом, а мы спустились во двор... Меня начала мучить совесть. Человеку плохо, а я иду на юбилей развлекаться. Мне очень хотелось пойти на юбилей профессора. Раньше на юбилеях я никогда не был. Но второе «я», которое всегда было во мне, сказала — вернись. Позвони дежурному. Узнай по какому поводу он звонил.

Вернулся. Позвонил в клинику. Дежурный врач А.М. Тарнопольский сказал, что нужно срочно выехать в Макеевку. Там в роддоме какой-то неясный случай, — нужен консультант.

— Присылай машину. Я возле дома буду ожидать. Повесил трубку.

Старый врач, Михаил Прокопьевич, оказывается внимательно следил за всем происшедшим.

— Когда Вы вернулись, — говорит он мне, — и позвонили в клинику и, несмотря на предстоящий юбилей, дали согласие поехать к больной — Ваш авторитет в моих глазах повысился, я Вас начал уважать больше.

Маргарита, как это нередко бывало, пошла на юбилей одна...

Я уехал в Макеевскую больницу. К счастью больной, ситуация оказалась не очень сложной. Обошлось без операции. Часа через два я попал на юбилей в самый разгар веселья.

К сожалению, вскоре Исидор Филиппович заболел лейкозом. Он лечился в Донецке и Москве в клинике профессора Кассирского.

Мы вместе с Маргаритой навещали его в Москве, когда он находился в санатории на реабилитации. Внешний вид его говорил, что он угасает. Вскоре так оно и случилось. Отечественная офтальмология в лице Исидора Филипповича Коппа потеряла выдающегося офтальмохирурга, ученика В.П. Филатова.

В материальном отношении мы стали жить намного лучше. Наш общий с Маргаритой заработок давал нам возможность более или менее сводить концы с концами. Дополнительного заработка помимо зарплаты мы не имели.

Во время Великой Отечественной войны на реке Миусе, в районе Саур-Могилы, шли длительные кровопролитные бои с переменным успехом за овладение Донбассом. В солнечный день с высоты Саур-Могилы было видно Азовское море — это около 100 км. С нее открывается вид на Западный Донбасс — все видно, как на ладони. Поэтому советские войска долго не могли овладеть Саур-Могилой. Она стала могилой для многих советских бойцов.

На 20-летие Победы над фашистской Германией на Саур-Могиле был открыт мемориальный памятник. Со всего Донбасса съехалось огромное количество ветеранов войны, их семьи, молодежь, жители окрестных городов и сел. Тогда говорили, что было более четверти миллиона людей. Милиция, воинские подразделения следили за порядком. Медицинская служба Снежнянского района организовала несколько медицинских постов по периметру Саур-Могилы.

В назначенное время Владимир Иванович Дегтярев, первый секретарь донецкого обкома партии, объявил митинг открытым, предложил минутой молчания почтить память тех, кто на Саур-Могиле отдал свою жизнь за освобождение Родины. Метроном по радио отсчитывал секунды молчания. Среди присутствующих на митинге воцарилась тишина, которую нарушал плач некоторых женщин, недождавшихся своих близких с войны. Потом был военный салют из пушек и фейерверк. День был теплый, но ветреный. С вершины Саур-Могилы мы любовались панорамой Донбасса. Над Зугресом, Макеевкой стояло сплошное море дыма, поэтому Донецк виден не был. В земле Саур-Могилы мы находили много осколков от разорвавшихся снарядов и мин, ржавых гильз от винтовочных патронов.

Помню, когда я работал в Чистяково, к нам в больницу не один раз привозили мальчишек с Саур-Могилы, которые подрывались на минах или страдали в процессе демонтажа ржавых снарядов. Саур-Могила еще долго после войны была причиной гибели многих людей, пока саперы тщательно не обезвредили всю ее территорию. Из земли было извлечено много сотен снарядов.

В первый год моей работы ассистентом К.Т. Овнатанян поручил мне заниматься музеем клиники. Все препараты мы вдвоем с лаборанткой обрабатывали, закладывали в банки, заливали формалином и закрывали специальными крышками. В учебной комнате по всему периметру стояли шкафы, в которые на протяжении многих лет заполняли препаратами. К моему уходу из клиники было более 500 препаратов — опухоли почек, мочевого пузыря, кишечника, желудка, щитовидной железы, аппендиксы, дивертикула Меккеля, опухоли легкого, средостения, седловидный тромб легочной артерии, аневризмы сосудов, желчные пузыри и многое другое, что очень помогало ведению учебного процесса, поскольку я хорошо

знал историю почти всех препаратов, то я чаще других использовал их в учебном процессе.

По мере моего профессионального роста профессор поручил мне проводить в клинике патологоанатомические конференции. Общебольничные конференции нас не устраивали потому, что на них не всегда была патология, которая нас могла интересовать профессионально, во вторых, дискуссия часто превращалась во взаимные упреки клиницистов и патологоанатомов. При общебольничных конференциях большинство умерших оказывались неразобранными.

Каро Томасович решил патологоанатомические конференции проводить в клинике. Ведение конференций поручил мне. Каждый вторник с 8.00 до 9.00 проходили патологоанатомические конференции. Лечащий врач докладывал историю болезни. Его оппонентами были клиницист (кто-то из наших) и прозектор, проводивший секцию.

Вначале конференции проходили не очень организовано, многие опаздывали, не считали нужным приходить на работу на 1 час раньше. Профессор строго спрашивал с тех, кто игнорировал посещение конференции. Доставалось и тем, кто слабо докладывал историю болезни. Оппонентов — клинициста и прозектора — дополняли выступающие. То, что в нашем распоряжении был только один час, дисциплинировало выступающих. Их выступления содержали основное. С перерывом на летние месяцы, я руководил конференциями 4 года, до ухода из клиники. Мы разбирали всех, без исключения больных, умерших в клинике. Мне эти конференции дали очень много для профессионального роста, для понимания патологического процесса. Анализ ошибок позволял делать их меньше в будущем. Поскольку клиника была огромная, включала сердечно-сосудистое, легочное, абдоминальное, урологическое отделения и лабораторию острого гемодиализа, то на патологоанатомических конференциях мы затрагивали самую разнообразную патологию. Поэтому интерес к этим конференциям со стороны сотрудников возрос. Проблема посещаемости отпала сама по себе. Проведение патологоанатомических конференций в Донецке было для меня генеральной репетицией для еженедельных (по пятницам) научных конференций в институте урологии и нефрологии, особенно в период 1973—1986 гг., когда в институт пришло много молодых врачей, из которых нужно было делать профессионалов в урологии, нефрологии, сексопатологии, рентгенологии, радиологии и т.д.

Мое самолюбие сильно страдало, когда я видел, что сотрудники моей и других кафедр, начавших работу над диссертациями вместе со мною или даже позже меня, выходили на финишную прямую по защите докторской диссертации. Б.А. Шапоренко, оториноларинголог, который позже меня стал кандидатом наук, стал заведовать кафедрой.

Весьма успешно работал над докторской диссертацией Л.Г. Завгородний. Ему повезло в том плане, что его кандидатская диссертация перешла, фактически, в докторскую. Для кандидатской диссертации он собирал травматические диафрагмальные грыжи, а к докторской добавились еще врожденные, причем я ему сделал самый дорогой подарок, успешно прооперировав новорожденную девочку с врожденной диафрагмальной грыжей. Работать над кандидатскими диссертациями мы начинали одновременно. Я даже кандидатскую диссертацию закончил раньше, но профессор меня попридержал. Теперь Леонтий Григорьевич защищает докторскую диссертацию, а я еще нахожусь на полпути к завершению докторской работы. Правда, я вынужден был осваивать с нуля кардиохирургию.

По мере завершения докторской диссертации Л.Г. Завгородним, их отношения с Овнатаняном портились. Мы не могли отметить, чтобы Л.Г. Завгородний чем-то перечил, не слушал шефа или вел против него закулисную политику. Нет, этого не было. Но отношения портились. Леонтий Григорьевич как доцент курировал абдоминальное отделение. Буквально на следующий день после защиты докторской диссертации Леонтием Григорьевичем, профессор освободил его от кураторства отделения и вменил ему в обязанность вести палату больных, как ординатору! Не скрою, это нас шокировало.

К счастью для Л.Г. Завгороднего, это продолжалось недолго. Вскоре на факультете усовершенствования врачей была создана кафедра хирургии на базе больницы скорой помощи, которую предложили Л.Г. Завгороднему. Доцентом к Завгороднему Каро Томасович отправил А.Ф. Греджева, с которым у него тоже окончательно испортились взаимоотношения.

А.Ф. Греджев пришел на кафедру в 1952 г., перед этим он был секретарем приемной комиссии в институте. А.Ф. Греджев, болгарин по национальности, крупный, малоразговорчивый. Все, что он делал, всегда умел делать с выгодой для себя и своей семьи.

По приходе в клинику он старался войти в доверие к профессору. Каждое утро после конференции у Аркадия было дело к профессору наедине. Особенно они сблизились, путешествуя на автомобиле Аркадия по Кавказу. Профессор стал поручать ему вести наиболее ответственных больных. Аркадий на всю жизнь сблизился с А.А. Титаренко, который в его жизни сыграл значительную протекционистскую роль. Аркадий умело этим пользовался.

Ко времени описываемых событий отношение профессора к Греджеву резко ухудшилось. Он не хотел ему давать докторскую диссертационную тему, хотя больных с заболеванием печени и желчных путей в клинике было предостаточно. Аркадий все время их курировал.

Каро Томасович иногда меня спрашивал:

— Так что будем делать с Греджевым?

— Воспитывать, Каро Томасович.

А что я еще мог сказать? Детали их взаимоотношений мне не были известны. Единственно, что я догадывался, Греджев стал между Каро Томасовичем и руководством области.

Я уже писал, что начиная с 1958 г. в клинике наблюдалось расширение оперативной активности и увеличивается сложность операций. Материала было предостаточно: в области жило около 5 миллионов человек. В клинической практике появились фибринолитические кровотечения. Причины кровотечения были связаны с тяжестью больных, анестезиологические и хирургические. На операционном столе у больных развивалась гипоксия, гиперкапния, не восполненная кровопотеря. Часто эти причины действуют одновременно, потенцируя друг друга. На 7500 операций за 5 лет было 9 случаев смертельного отфибринолитического кровотечения при аденоме простаты, опухолях и нагноительных заболеваниях легкого и митральном стенозе. Каждый из этих 9 случаев можно отнести к разряду драматической хирургии, поскольку наблюдалась остановка сердца на операционном столе, применялся ручной массаж сердца, дефибрилляция, внутриартериальное переливание крови, введение адреналина в сердце и другие реанимационные мероприятия. В те годы у нас не было активных препаратов в борьбе с фибринолизом. Пользовались недостаточно эффективными — Викасолом и раствором хлористого кальция. Чаще всего приходилось прибегать к прямому переливанию крови, для чего использовали кого-либо из сотрудников или студентов.

Помню, как однажды операция по поводу митрального стеноза осложнилась фибринолизом. Проверяем у сотрудников совместимость по группе крови и резус принадлежности. Подходит только моя кровь. У меня взяли 350 мл крови и перелили больной, фибринолитическое кровотечение прекратилось. Я вновь помылся и выполнил основную часть операции — комиссуротомию. Операцию закончили помощники. Больная поправилась.

В последующем мысленно возвращался к этому поступку. Может быть, и в самом деле это подвиг? С одной стороны, моя кровь прекратила фибринолиз в драматической ситуации. Но с другой стороны, может быть, недостаточная подготовка больной к операции, погрешность в введении наркоза, затянувшаяся осложненная интубация, недостаточный контроль за деятельностью сердца во время операции, являются признаками нашей неопытности и недоработки. За это нужно не хвалить, а ругать: за недостаточную предусмотрительность и профессиональное мастерство. Поэтому сделанное нами — выход из положения, которое мы сами сотворили.

В свое время К.Т. Овнатянян, с прицелом на кандидатскую диссертацию, поручил В.М. Кравцу заниматься кистами и опухоля-

ми средостения, включая патологию вилочковой железы (миастению гравис). Материал набирался весьма успешно и был разнообразным: кисты средостения, заболевания вилочковой железы, органические и неорганические опухоли, опухоли из нервной ткани, тератоидные образования, злокачественные тератомы, дивертикулы перикарда и т.д.

К.Т. Овнатянян предложил В.М. Кравцу клинический материал по опухолям и кистам средостения (86 наблюдений) использовать для оформления кандидатской диссертации, а над патологией вилочковой железы продолжать работать с тем, чтобы в будущем написать докторскую диссертацию. В те годы миастения гравис была актуальной проблемой. Оперативное лечение давало хорошие результаты. Для докторской диссертации это был идеальный материал.

На официальной защите оппонент, профессор С.А. Колесников, как на недостаток указал на большой и разнородный материал. Поставил в вину диссертанту, что он не смог четко определить цель работы и пути ее реализации. Поэтому многие вопросы не получили научно-обоснованного освещения. Это же сказалось на заключении и выводах. Получилось как в украинской пословице: «Хазяйка вміла готувати, та не вміла подавати».

В 1964 г. в г. Тернополе проводилась конференция «Физиология и патология пищеварения». На эту конференцию мы с К.Т. Овнатяняном послали доклад «Клиника, диагностика и терапия кист и опухолей хвостовой части поджелудочной железы». Оригинальным в докладе было то, что мы впервые обратили внимание, что при патологии хвоста поджелудочной железы развивается циркуляторная спленомегалия и что циркуляторную спленомегалию можно использовать как признак поражения хвоста поджелудочной железы в латентной стадии болезни.

Посещение Тернополя навеяло много военных воспоминаний. К тому времени город полностью восстановили, в городе создали большое озеро на месте поймы небольшой речушки, которая протекала мимо города. Жаль, что после войны был разрушен костел, единственный памятник военного лихолетья. На фундаменте костела соорудили универмаг.

Сенсацией для нас был уход из клиники П.П. Раевского. Между ним и К.Т. Овнатяняном произошел какой-то спор, неведомый нам, после которого старейший работник был вынужден покинуть клинику. Сотрудники клиники переживали это событие по-разному. Старые сотрудники, такие, как я, переживали тяжело, т.к. наше становление как специалистов проходило благодаря помощи П.П. Раевского. К нему можно было обратиться в любое время суток и получить консультацию в самых доброжелательных тонах.

Р.В. Богуславский, узнав, что П.П. Раевский ушел из клиники, пригласил его к себе по той причине, что еще в довоенные годы он работал в клинике госпитальной хирургии, которой руководил его отец.

На новом месте работать П.П. Раевский долго не смог. Он почувствовал там свою ненужность. Ушел на пенсию. Все свое свободное время проводил в областной научной библиотеке.

В сердечно-сосудистом отделении находились больные со следующей патологией: митральным и трикуспидальным стенозами, слипчивым перикардитами, незарастанием Боталлова протока, стенокардией напряжения, аневризмами артерий, а также большие кисты и опухоли средостения. В легочное отделение госпитализировали больных с опухолями, кистами и нагноительными процессами в легких, а также заболеваниями диафрагмы и пищевода.

Оперировали в двух операционных пять дней в неделю. Профессор обход делал один раз в неделю. В остальные дни я решал все лечебно-диагностические вопросы как куратор этих отделений.

В подвальном помещении торакального корпуса была оборудована отличная экспериментальная операционная, где мы тогда осваивали работу с аппаратом искусственного кровообращения и производили экспериментальные операции, готовясь начать в клинике операции по поводу врожденных пороков сердца. Экспериментальные операции проводились раз в неделю. Фактически, эксперимент закончился, бригада сработалась, каждый участник ее четко знал, что и как он должен делать. Мы готовы были к выполнению операции на открытом сердце с применением аппаратов искусственного кровообращения.

За годы, что я курировал торакальное отделение, было сделано 2156 различных операций на органах грудной клетки, в том числе, 642 операции при врожденных и приобретенных пороках сердца, 44 аневризмы сонной, подключичной, подвздошной подколенной и почечной артерий, 14 пластик почечных артерий при стриктурах и и фибромускулярных изменениях, 22 перикардиоэктомии при слипчивом перикардите, 120 операций Фиески, 13 — огнестрельных и ножевых ранений артериальных сосудов.

При опухолях и нагноительных процессах в легких мы применяли лобэктомию, билобэктомию, пульмонэктомию. При пристеночных эмпиемах плевры мы отказались от травматичной торакопластики по Субботину. Разработали эмпиемэктомию. Это очень эффективная операция. С грудной стенки и легкого удаляется соединительнотканная капсула эмпиемы. Легкое расправляется под действием дренажа по Бюлау. Легкое расправлялось полностью и заполняло пространство бывшей эмпиемы.

Среди торакальных больных послеоперационная летальность была выше, чем среди абдоминальных и урологических. Каждая смерть больного на нас действовала угнетающе. После смерти паци-

ента трудно было делать обход, смотреть больным в глаза. Они на нас надеялись, а мы не смогли спасти больного...

Выручали нас сами больные. Они видели, сколько труда, сил, знаний и опыта мы вкладывали в их лечение. Если наступила роковая развязка, то в этом не столько вина врачей, сколько тяжесть состояния больного. Больные очень наблюдательные. Они улавливают малейшие изменения в настроении хирургов. При необходимости, поддерживают нас какими-то приятными словами или сообщениями. Они хорошо понимают, что наша работа не бывает без неудач, но каждый из них надеется на выздоровление, которое зависит от нас, врачей, поэтому они способами, доступными им, старались снять с нас стрессовые состояния.

Изменили свою тактику и терапевты. Если в 1959 г., когда мы начинали кардиохирургию, они занимали выжидательную позицию, то теперь активно включились в лечебную и научно-исследовательскую работу. После операции митральной комиссуротомии они брали больных на долечивание.

А.К. Мерзон изучал функцию застойной почки при пороках сердца. Наша хирургическая деятельность дала ему возможность на современном уровне осветить эту проблему. В докторскую диссертацию он включил раздел «функция застойной почки до и после митральной комиссуротомии».

Я.В. Оберемченко, изучавший мелодию пороков сердца, подключившись к нам, разработал динамику пороков сердца до и после митральной и трикуспидальной комиссуротомии. На эту тему у нас много совместных работ.

До работы с нами у терапевтов фигурировал диагноз: комбинированный митральный порок. После того как они стали с нами работать, когда возникла необходимость точно определить показания к операции, в обиходе стали употребляться диагнозы — митральный стеноз, митральная недостаточность, комбинированный митральный порок с преобладанием стеноза или недостаточности. До работы с нами в терапевтической клинике не ставился диагноз: трикуспидальный стеноз. По мере того, как мы разрабатывали функциональную диагностику пороков сердца, научились проводить верификацию анамнеза, аускультативных рентгенологических данных, венозного давления, мы начали ставить этот диагноз, что подтверждалось во время операции. На нашем материале готовились три докторские и несколько кандидатских диссертаций.

С целью пропаганды хирургических методов лечения заболеваний сердца, сосудов, легких, средостения, пищевода мы выезжали в различные города с докладами, принимали участие в различных конференциях, выступали по радио и телевидению. Проводили занятия с терапевтами и кардиологами, которые повышали квалификацию на факультете усовершенствования врачей. Кроме того, при-

нимали участие в работе ежегодных научных сессий Института сердечно-сосудистой хирургии АМН СССР.

К началу 1967 г. у меня был собран запланированный клинический материал для докторской диссертации, собрана вся необходимая литература, изучены ближайшие и отдаленные результаты у больных митральными стенозами. Имелось достаточное количество публикаций в центральной прессе, а также несколько извещений, что статьи приняты в печать. Моя докторская диссертация в плане двух институтов — нашего и сердечно-сосудистой хирургии АМН СССР. Пора завершать работу — времени не так много — до ноября месяца.

Обращаюсь к Каро Томасовичу за творческим отпуском. Он не отказывает, но и не дает. Проходит январь, февраль. Я обращаюсь к нему повторно — отпуск не дает. Мои товарищи по другим кафедрам — А.К. Мерзон и Я.В. Оберемченко — уже получили отпуска и заканчивают работы. Я нес основную нагрузку — не могу получить отпуск. Больше всего я опасался не закончить работу в срок, выбыть из графика, тем более, что для этого нет оснований. Пошел домой к К.Т. Овнатаняну. Дома с ним было легче решать вопросы, которые не решались в клинике. Опять отказ.

Из всех разговоров с ним я понял, что он хочет меня попридержать по своим соображениям.

Он умел использовать мой опыт, хирургическое мастерство, когда нужно было внедрить новую операцию или, скажем, сердечно-сосудистую хирургию в клинике — это работало на его авторитет как руководителя клиники.

Но теперь я должен был поработать на свой авторитет и свое будущее. Этого он не хотел. Прямо сказать он не мог. Вот и занял тактику проволок. Так уже было с Леонтием Григорьевичем. Он не хотел моего выдвижения — ему было выгодно, чтобы я работал на него и под ним. Я же с каждым годом набирался опыта, знаний и очень стремился закончить докторскую диссертацию и уйти на самостоятельную работу. Я понял, что отпуска для окончания работы в срок он мне не даст. Передо мною дилемма: либо подчиниться профессору, тогда окончание диссертации откладывается на неопределенный срок, либо обратиться за помощью к ректору о предоставлении отпуска, тогда я закончу диссертацию в срок.

При очередном разговоре с профессором, когда он вновь отказал мне в отпуске, я заявил ему, что поступлю так, как он поступает в подобных ситуациях.

— А как я поступаю? — спрашивает он.

— Вы начинаете жаловаться. Поэтому я решил написать докладную записку ректору, что Вы создаете мне условия, при которых я не выполню диссертацию в срок и сорву план подготовки докторов наук по институту.

Каро Томасович молчит, лицо окаменело. Он не сказал мне ни слова. Молчание.

— Каро Томасович, вот копия докладной, которую я сегодня подам ректору.

И положил ему на стол. Ушел. На душе было прескверно. С одной стороны, я ему был всегда благодарен, что он мне создавал условия для роста, но, с другой стороны, он мне ставит препятствие на завершающем этапе оформления работы и подачи ее в научный отдел. Творческие отпуска всем клиницистам давали, особенно тем, кто занимался общественной работой.

Конец дня был тяжелый, ночь бессонная. Утром голова чугунная. Предстоит 4-часовое занятие со студентами.

Думаю, К.Т. Овнатаняну тоже было неприятно и, как знать, бессонная ночь.

Занимаюсь со студентами... Открывается дверь учебной комнаты. Варвара Фадеевна просит меня выйти к ней.

— Ты что это жалобу на шефа написал?

— Варвара Фадеевна, а что мне было делать?

— Домой бы пришел, поговорил бы...

— Ходил, Варвара Фадеевна, и не один раз. Ведь это тянется с января месяца. Сейчас май.

— Идем к шефу!

Приходим. Он стоит у окна. Молчит. Я молчу.

— Каро, Виктор пришел, — говорит Варвара Фадеевна, — поговори с ним.

— Шесть месяцев творческого отпуска не дам!

— Каро Томасович, сколько дадите?

— Три месяца.

— Согласен.

— И заявление заберешь?

— Заберу.

— Пиши заявление с 15 мая по 15 августа.

Я написал заявление. Он подписал.

Я тогда сказал:

— Каро Томасович. Вы стали видеть во мне претендента на Ваше место. Я Вам обещаю — ни при каких обстоятельствах я не дам согласия занять Ваше место.

Из его кабинета позвонил в приемную ректора.

— Нина Сергеевна, передайте Геннадию Петровичу, что в разборе моей докладной необходимость отпала. Мы договорились с Каро Томасовичем об отпуске.

Вскоре я ушел в творческий отпуск. Работы оказалось очень много. Я составил сетевой график со сроком окончания работы 1 августа. График жесткий, но при систематической и напряженной работе по 10–12 часов в день работу можно закончить.

В написании работы мне помогло то, что все истории болезни были закодированы на перфокартах. Это значительно облегчило систематизацию историй болезни и составление таблиц.

За письменный стол садился в 6.00 утра после легкого завтрака — чашки чая с бутербродом. В 11.00 — чашка крепкого кофе. Работа без перерыва до 14.00. Обед и отдых до 16.00. После перерыва до 18-19 часов готовил материалы для следующего дня работы или вычитывал то, что было написано ранее. После 19.00 я не занимался. Вечернее время использовали для посещения кино, филармонии, театра или знакомых. Никогда столько не было культурных мероприятий, как во время написания диссертации. Вечером наступала разрядка, успокаивалась нервная система, обдумывались детали работы на завтра. Был хороший сон. С утра все повторялось. Так до конца июля. К этому времени все главы, заключение и выводы были написаны. Диссертация еще раз вычитана и отдана машинистке. Машинистка была хорошая. За день печатала от 40 до 50 страниц. Уже через два дня мы втроем — Алеша, Маргарита и я — вычитывали напечатанное и раскладывали на 5 частей. Страниц 25–30 пришлось перепечатать. Фотографии вклеены, диссертация переплетена.

Каро Томасович после отпуска приступил к работе 18 августа. Я зашел к нему в кабинет. Сообщил, что закончил диссертацию и жду его дальнейших распоряжений.

— Приходи завтра вечером домой. Я посмотрю работу.

Назавтра вечером я был у него с первым экземпляром диссертации. Она была хорошо написана и аккуратно переплетена. Как-то смягчилось его отношение ко мне. На радостях я ему сказал, что оформление (название) глав и расположение текста я сделал, как он советовал, по монографиям издательства Академии медицинских наук, и в частности по монографии Б.В. Петровского и Крылова (тогда еще не было гостей для диссертаций). В лице у него что-то изменилось. Он развернул диссертацию, внимательно посмотрел заголовок и введение. Название первой главы было написано в столбик.

— Это что же за расположение текста, названия главы, как стихи?

— Это я сделал, как в монографии Петровского и Крылова...

— Ах, Петровского? — и начал перечеркивать все страницы, где были заголовки глав и параграфов...

Я молчу. Он черкает...

Диссертация только недавно переплетена, раскрывается с трудом, ему неудобно, но он черкает. Примерно с середины я начал помогать, придерживать диссертацию. Он продолжал черкать страницы. К концу неблагодарной работы он устал и как-то размяк. То ли понял, что натворил, то ли заговорила совесть. Всю эту работу он проделал молча. Я тоже молчал. В голове что-то тикало.

— Пойдем чай пить, — заключил он.

Из кабинета перешли в столовую. Варвара Фадеевна догадывалась, раз в кабинете тихо, значит, что-то не ладится. Накрыла чайный стол, но поставила рюмки и фужеры. На столе была минеральная вода и коньяк. Молчим. Варвара Фадеевна не возьмет в толк: что-то не так, но никакого взрыва и никаких эмоций...

Каро Томасович наливает мне коньяк в рюмку. Я прошу налить в фужер. Он посмотрел на меня испытующе, но не зло. «Да, тебе надо в фужер». Я не отвел своих глаз, выдержал его взгляд, а затем перевел на фужер, в который он налил коньяк. Не чокаясь мы выпили коньяк. Он — свою рюмку-наперсток, я — фужер. Тепло разлилось по телу, постепенно вышел из стресса. Расслабился и он.

— Значит так: до начала учебного года на работу можешь не приходиться. Устрани все, что я сказал, и приноси работу. Подпишу и подашь ее в научный отдел.

На второй день вместе с машинисткой начали разбираться, как можно исправить написанное с минимальным перепечатыванием текста. Перепечатать текст сложно. Нужно расплести диссертацию, перепечатать листы, как хочет шеф, а это не всегда совпадает с пронумерованными страницами, переклейка фото. Работы на 10–12 дней. После напряженной работы в последние три месяца она давалась с трудом. К началу учебного года диссертация была закончена и вручена профессору.

Второй экземпляр я отвез профессору С.А. Колесникову, своему второму руководителю. Днем он читал диссертацию. Вечером я приходил к нему, мы обсуждали написанное. Так продолжалось примерно неделю. Сергей Алексеевич сделал ряд важных замечаний, но их удалось внести в диссертацию без расшивки работы. Каро Томасович больше замечаний не сделал, вернув мне работу через месяц.

Работа над авторефератом двигалась вяло — сказались переутомление.

В начале осени я поехал со студентами на уборочную кампанию в Буденновский район Донецкой области — это был мой отдых перед учебным годом.

В третьей декаде декабря 1967 г. Каро Томасович мне сообщил, что он договорился с академиком Ф.Г. Угловым о том, что он готов познакомиться с моей диссертацией. В случае ее соответствия требованиям ВАКа, он даст согласие быть официальным оппонентом. Мне надлежало быть 2 января 1968 г. в Ленинграде в Институте пульмонологии, который возглавлял Ф.Г. Углов. Ровно в 10.00 2 января, как мне было сказано, я был у Ф.Г. Углова. Разговор у нас был очень короткий. Он сообщил, что у него сегодня есть 6 часов свободного времени для знакомства с моей диссертацией. Если он найдет ее стоящей, напишет предварительный отзыв, который дает право печатать автореферат и целенаправленно готовиться к официальной защите.

— Приходите в 15.00 для окончательной беседы. А пока поезжайте в Эрмитаж — посоветовал Федор Григорьевич.

Время тянулось медленно. В назначенное время я был в кабинете академика. Он дал положительную оценку моей диссертации, вручил предварительный отзыв — окончательный пообещал прислать через две недели, что он и сделал.

Второго января в Ленинграде произошло и другое знаменательное для меня событие — я встретил своего фронтового комбата — Героя Советского Союза полковника Горенчука Феодосия Ивановича за 15 минут до отхода его поезда в Винницу, где он жил. Время было позднее, приближалось к 24.00. Все было закрыто, чтобы отметить эту встречу, да и времени до отхода поезда оставались считанные минуты. Обменявшись адресами, мы разъехались.

Вторым оппонентом у меня был профессор Муравьев В.М. из Московского института усовершенствования врачей, третьим — профессор Л.Г. Завгородний, который на 3 курсе преподавал мне общую хирургию, а затем мы вместе с ним долго работали на кафедре у Каро Томасовича.

Официальная защита состоялась 21 марта 1968 г. в Малой аудитории морфологического корпуса. Собралось очень много народа — более двухсот человек. Было много студентов и моих коллег преподавателей. Я волновался. Боялся не изложить основные положения диссертации за положенные 20 мин. Говорил очень быстро заученный текст, был показан небольшой фильм о технике митральной комиссуротомии. Слайды и фильм демонстрировал Алексей.

Задавали вопросы. Я отвечал. Мои ответы удовлетворили членов Ученого совета. Состоялись выступления официальных оппонентов — оценка положительная. Голосование — единогласно «за». После защиты меня многие поздравляли, несмотря на март месяц, было очень много цветов... Я был счастлив, но беспокойство не спадало, поскольку впереди был еще банкет...

Каро Томасович еще до защиты предупредил, чтобы был банкет, на который нужно пригласить сотрудников кафедры с женами и мужьями. Кроме того, оппоненты, члены Совета, друзья. Всего набралось более 130 человек. Банкет проходил в кафе «Шахтерочка».

Фотограф нашей кафедры заснял банкет. У меня сохранилось много фотографий.

Защита и банкет «съели» все наши денежные сбережения. Но что все это по сравнению с тем счастьем, какое было в семье? Диссертацию долго не утверждали в ВАКе. В конце февраля 1969 г. меня пригласили в ВАК для контрольной защиты. Процедура предстояла пренеприятная. Я позвонил Ф.Г. Углову. Он меня успокоил.

— Я видел много докторских диссертаций. Твоя — не хуже. Ты же начал развивать хирургию митрального стеноза на голом месте, это же тоже должен учитывать ВАК. Кроме того, в практике ВАКа су-

ществует правило время от времени приглашать соискателей для знакомства. Обычно это все заканчивается благополучно. Хорошо подготовься к беседе в ВАКе.

Второй мой руководитель, С.А. Колесников, был еще более спокоен. Он сказал, что почти 2/3 диссертаций по хирургии митрального порока в Союзе прошли через него и институт сердечно-сосудистой хирургии. «Твоя диссертация на уровне. Все обойдется. Хорошо подготовься к защите в ВАКе».

В Москве я узнал, что рецензировал диссертацию в ВАКе профессор Н.Н. Малиновский. Мне намекали, что поскольку П.Б. Петровский и С.А. Колесников в контрах, то это может отразиться на моей диссертации. Но я этого не допускал: причем к их взаимоотношениям доцент из Донецка? С.А. Колесников пошел вместе со мною на заседание экспертной комиссии ВАКа.

В ожидании приглашения на заседание экспертной комиссии было человек шесть. Все приглашенные страшно волновались. Ходили, нервничали. Лицо и шея одной докторантки покрылись большими красными пятнами.

В присутствии С.А. Колесникова я чувствовал себя несколько уверенней. Секретарь пригласила меня в зал на экспертную комиссию. Я ожидал этого момента, но все-таки сердце забилось.

Я занял место за кафедрой, на которую мне указали. Плянул на членов ВАКа. Знакомых 1–2 человека, но они делают вид, что меня не знают. Председательствовал профессор Макаренко Тимофей Павлович. Поискал глазами проф. Н.Н. Малиновского, которого я знал в лицо, но не был с ним знаком. Его не было. Кто-то из зала спросил.

— Вы тот Карпенко из Донецка, который докладывал на съезде хирургов СССР об удалении эмбола из легочной артерии?

— Да. Это я удалил эмбол из легочной артерии.

Это внесло разрядку, повысило интерес ко мне. Все, что дальше было, я хорошо помню. Мне задавали вопросы, я отвечал. Вопросы задавали минут 20 — 25. Меня отпустили и через одну минуту пригласили вновь. Видимо, состоялось голосование. Председатель подытожил ход заседания экспертной комиссии, которая решила положительно мой вопрос.

Профессор Макаренко Т.П. для моего успокоения сказал, что уже больше никакие неприятности меня не ожидают, на ближайшем пленуме ВАКа 27 марта 1969 г. утвердят мою диссертацию. Оставалось ждать.

После заседания экспертной комиссии ВАКа мы с С.А. Колесниковым зашли в ресторан «Будапешт». Заказали ужин. Выпили, закусили, оба расслабились.

С.А. Колесников рассказал мне о себе. Уроженец Сибири. В 20-е годы приехал в Москву без денег, почти босой. Перебивался как мог. В молодые годы это не проблема. В тот же год поступил в

медицинский институт. Некоторое время работал на кафедре хирургии у С.И. Спасокукоцкого вместе с А.Н. Бакулевым. В годы войны был заместителем министра здравоохранения СССР. Куратор Красный Крест. В целях организации снабжения Красной Армии медикаментами, перевязочным материалом, оборудованием, аппаратурой часто бывал за границей — в Англии, США. Помогал аппаратурой клинике факультетской хирургии, которой тогда руководил Н.А. Бакулев.

В послевоенные годы, кажется, в 1948 или 1949 г., его арестовали и обвинили в связи с заграничной во время войны. Он никак не мог оправдаться, что это была его основная служебная обязанность — организовывать отправку товара для Красной Армии из-за границы. Его судили и сослали в лагерь в Караганду. В лагере он был врачом лазарета.

Освободили в 1956, реабилитировали, вернули партбилет и квартиру. А.Н. Бакулев в то время заведовал кафедрой факультетской хирургии Московского мединститута и был директором созданного им института торакальной хирургии. Он взял С.А. Колесникова на должность заведующего сердечно-сосудистым отделением. Сергей Алексеевич Колесников сомневался занимать ли ему эту должность, т.к. он сердечно-сосудистую хирургию знает только по литературе. А.Н. Бакулев его успокоил: сейчас у нас в России сердечно-сосудистую хирургию никто не знает, как ты. Будем вместе осваивать. Это было началом развития сердечно-сосудистой хирургии в СССР.

Заведующий кафедрой хирургии

Перед самым началом учебного 1968–1969 года меня пригласил ректор мединститута Г.П. Кондратенко. Он предложил мне заведовать кафедрой хирургии санитарно-гигиенического факультета сказав, что профессору Л.Г. Смоляк, который занимает эту кафедру около 70 лет, что он очень больной человек, на работу часто не приходит по состоянию здоровья, речь у него спутанная после двух инсультов, лекции он читать не может, не в состоянии заниматься с группами студентов, в лечебном процессе не участвует.

Г.П. Кондратенко беседовал с профессором Л.Г. Смоляком и предложил, чтобы приемником был В.С. Карпенко. Л.Г. Смоляк согласился оставить руководство кафедрой, но предварительно хотел поговорить со мною.

Я принял предложение ректора. В тот же день встретился с Л.Г. Смоляком на бульваре Пушкина, недалеко от его дома — после инсульта ему недавно разрешили ходить.

Он мне задал один вопрос.

— Кем Вы хотите видеть меня на кафедре: вторым профессором или консультантом?

— Леонид Григорьевич, для меня важно кем Вы хотите быть.

— Вторым профессором.

— Хорошо.

Леонид Григорьевич достал из кармана два заявления. Передал мне то, где он просит освободить его от заведования кафедрой и назначить вторым профессором, просил вручить его ректору.

К.Т. Овнатанян знал обо всем. С ним советовался Геннадий Петрович.

К.Т. Овнатанян не советовал мне переходить на другую кафедру, ссылаясь на то, что его клиника большая, работы всем хватит, что я вписался в работу всех отделений клиники.

Откровенно говоря, я сам понимал, что возможности хирургического отделения 1 городской больницы, где располагалась кафедра хирургии санитарно-гигиенического факультета, нельзя было сравнивать с клиникой К.Т. Овнатаняна.

Но в то время я уже с трудом переносил очень жесткую опеку Каро Томасовича. Он начал устраивать сцены ревности, когда к нему приходили больные или родственники с просьбой поручить операцию Карпенко. Раньше, когда он только приехал в Донецк, он говорил, что больной имеет право на выбор хирурга. Но это право, как выяснилось, действовало тогда, когда выбирали его.

Больше всего тогда мне хотелось свободы. Хотелось самому распоряжаться своим временем, по-своему ставить и решать научные проблемы.

Мне тогда шел 45 год, и я понимал, что нужно обрести свои крылья. Я чувствовал, что готов к самостоятельной работе, и отклонил предложение К.Т. Овнатаняна.

Мне вручили приказ Г.П. Кондратенко о назначении заведующим кафедрой хирургии санитарно-гигиенического факультета до конкурса. 3 сентября 1968 г. утром пришел на пятиминутку в клинику факультетской хирургии, с коллективом которой хотел проститься. Я сказал:

— Каро Томасович! Я рад, что мне довелось 17 лет работать с таким выдающимся хирургом как Вы. За эти годы клиника под Вашим руководством разрабатывала такие сложные проблемы как хирургия печени, селезенки, легких, сердца, средостения диафрагмы. Она получила Всесоюзное признание, Ваши работы получили мировую известность, а монография по аскаридозу получила престижную премию им. С.И. Спасокукоцкого, украинское правительство присвоило Вам высокое звание Заслуженного деятеля науки. Вы сами трудились и нас тянули за собою. К Вам я пришел рядовым ординатором, ухожу доктором медицинских наук. Вы провели меня через урологическую, абдоминальную и торакальную клиники, за что я Вам сердечно благодарен.

Конечно, в процессе работы я не всегда бывал прав. Я не идеальный человек. И Вы со мной бывали строги. Но я хочу Вам сказать,

что у меня сегодня нет человека ближе и дороже Вас. Так думаю я и моя семья. Спасибо Вам за все.

Мы обнялись, расцеловались. Он взял с меня слово, что по средам я буду приходить на сердечные операции. Я покинул конференц-зал и пошел к новому месту работы. Пошел пешком, чтобы развеяться и собраться с мыслями.

Клиника хирургии санитарно-гигиенического факультета имела 100 коек, состояла из хирургического (60 коек) и урологического (40 коек) отделений, располагалась на базе хирургического отделения 1 городской больницы (главврач М.М. Ханович). Штат кафедры был небольшой — заведующий клиникой, второй профессор Л.Г. Смоляк, доцент В.М. Лещенко, ассистенты Тихий А.Г., Анишин П.С., Леоненко Н.И., Алексеенко В.И. и лаборант Людмила Васильевна Логвиненко. Анишин П.С. вскоре был назначен главным хирургом облздравотдела и из штата клиники выбыл. Л.Г. Смоляк проработал не более трех месяцев, слег в постель и на работу больше не являлся. По настоянию жены и дочери он ушел с работы.

Л.Г. Смоляк — очень образованный хирург. Всю жизнь проработал с Богуславскими, отцом и сыном. При расширении института в возрасте 62 лет ему поручили создать кафедру хирургии на санитарном и педиатрическом факультетах. Клиника располагалась на двух базах: в 1 городской больнице и в детской областной больнице.

Доцентом в детской клинике был Куш Николай Леонтьевич. Под руководством Л.Г. Смоляка написал кандидатскую диссертацию. Очень скоро он написал и защитил докторскую диссертацию. Кафедре Л.Г. Смоляка разделили на две: кафедру хирургии санитарно-гигиенического факультета, возглавил Л.Г. Смоляк и кафедру хирургии педиатрического факультета, возглавил доктор мед наук Куш Николай Леонтьевич в возрасте 32 лет. Свою карьеру Николай Леонтьевич начал блестяще. Много оперировал. Много публиковал статей по детской хирургии и урологии, под его руководством написано несколько докторских и кандидатских диссертаций.

Я, как и многие начинающие заведующие кафедрами, начал работу в клинике с ремонта. Главный врач, Михаил Михайлович Ханович, которого я давно и хорошо знал, поддержал эту идею. У меня нашлись, как теперь принято говорить, спонсоры в комбинате Донецкшахтострой, которые прилично отремонтировали клинику, завезли новую мебель, купили рентгеновский аппарат и приобрели шкафы для музея.

Другой спонсор, Карпов Владимир Федорович, директор завода Ильича в Мариуполе, которого я когда-то спас от смерти после автомобильной аварии, а позже оперировал его жену по поводу калькулезного холецистита, снабдил клинику в достаточном количестве хирургическим инструментарием.

Первые шаги на новом месте всегда сложные. Я изучил положение дел в преподавании хирургии на факультете — учебные планы, наглядные учебные пособия, состояние музея удаленных препаратов, учебную нагрузку ассистентов, два-три обхода дали мне представление о контингенте больных в стационаре. Познакомился с хирургическими показателями клиники за два последних года. Они — средние. Хирургическая активность была 35 %, поэтому оперативная нагрузка на врачей была небольшой. Основные операции выполнял В.И. Лещенко — как урологические, так и хирургические. Ассистенты — Тихий, В.И. Алексеенко и П.С. Анишин — выполняли средней сложности классические хирургические операции. Среди ординаторов выделялся Михаил Наумович Гуревич, он был кандидатом медицинских наук, но к ассистентской должности не мог прорваться. Ординаторы были в оппозиции к институтским работникам. Основные удары они наносили В.М. Лещенко. Они раскусили, что его профессиональный рост прекратился, что он живет со старыми знаниями. Молодежь читала самую последнюю литературу. Была в курсе всего нового. Перед новым профессором они хотели продемонстрировать свою хирургическую эрудицию. Нередко между ними и В.М. Лещенко возникали дискуссии. У В.М. Лещенко в споре очень скоро исчезали научно обоснованные аргументы. Тогда он поднимался и говорил: «Я уже 30 лет работаю, так что, я хуже Вас знаю?» Дискуссия тут же теряла свой смысл. Все расходилось со своим мнением. Это приводило постепенно к изоляции В.М. Лещенко. Его статус в клинике поддерживался авторитетом его должности и умением оперировать. Оперировал он анатомично, спокойно, уверенно. Несмотря на то, что он был грузный, движения его рук были очень мягкие, ткани он умело щадил.

Послеоперационный период после его операций протекал хорошо. Круг оперативных вмешательств ограничивался стандартными урологическими и хирургическими операциями. Придя в клинику, я поручил курировать лечебную работу урологического отделения В.М. Лещенко, хирургического — Т. Тихому. До этого у них не было такого разделения ответственности. Болезнь Л.Г. Смоляка и должность доцента позволяла В.М. Лещенко курировать оба отделения безраздельно. Поэтому в моих новых назначениях он усмотрел ущемления его власти. У меня же была цель как можно больше привлечь молодых специалистов к активной творческой работе, позволять им решать самостоятельно задачи. В.М. Лещенко скорее относился к категории прошлого. Для перспективного развития научных исследований в клинике он не подходил.

Включиться в хирургическую работу я не торопился. Мне хотелось присмотреться, на что способен каждый сотрудник, поэтому я много времени проводил в операционной, эндоскопической, перевязочной и рентгенкабинете как наблюдатель.

Когда я покидал клинику К. Т. Овнатаняна, он предложил мне не порывать связь с кафедрой. Он пригласил каждую среду оперировать сердечно-сосудистых больных и всех других больных, которых он найдет нужным. Я дал свое согласие. У меня сложилось такое впечатление: переход мой на самостоятельную работу показал, что я ему нужен больше, чем он об этом думал раньше. Он неоднократно стал делиться со мною своими планами. Проблема отцов и детей всегда была и будет вечно. Не может новое поколение думать и делать так, как предыдущее. Старики часто живут прошлыми, устоявшимися взглядами, выработанными привычками. Молодые специалисты стремятся себя проявить в новом. Это, как правило, им удается. Результаты деятельности молодых старики встречают скептически — дескать, посмотрим, чем это закончится. К. Т. Овнатанян очень часто повторял, что каждое новое поколение врачей должно опереться на опыт предыдущего и сделать шаг вперед. Иначе не будет прогресса в обществе. Однако в жизни по отношению к своим сотрудникам нередко поступал иначе, хотя в целом он был человеком, бесспорно, прогрессивным и многим своим ученикам дал хорошую путевку в жизнь, в том числе и мне.

По средам свой рабочий день начинал в клинике К. Т. Овнатаняна. Да и в другие дни мне приходилось бывать в клинике, поскольку, я оперировал там больных. При этом я заметил, что мои права значительно расширились, по сравнению с теми, что были раньше. К. Т. Овнатанян не отменял моих распоряжений, более того, он требовал от сотрудников их выполнения.

К этому периоду относится одна из самых тяжелых моих неудач. Прошло с тех пор 30 лет, а когда вспомню о ней, пробуждается чувство вины. А дело было так. Б. Н. Зорин просил меня принять ребенка в клинику. При обследовании у девочки диагностировали незаращение Боталлова протока. Операцию я решил делать в своей клинике. Во время операции я и мои новые помощники не смогли справиться с кровотечением ...

Я не решился сказать об этом К. Т. Овнатаняну. Однако, он об этом узнал из других источников, был недоволен, тем более, что разрешил мне делать такие операции в более приспособленных условиях с опытными помощниками, с которыми мы их делали неоднократно.

Учебная работа в клинике была менее напряженной чем на кафедре факультетской хирургии — было меньше часов. Необходимо было познакомить студентов с наиболее распространенными хирургическими заболеваниями. Поликлиника была в том же здании — это было удобно. Курс лекций я пересмотрел, применительно к сангиг факультету подготовил новые лекции, которых не читал на факультетской хирургии. Лекции хорошо были иллюстрированы наглядными пособиями: слайдами, таблицами, препаратами. В процессе лекции удавалось контактировать со многими студентами. Практи-

ческие занятия велись в одну смену, поэтому ассистенты могли присутствовать на лекциях. С каждой группой в процессе цикла я проводил двухчасовой обход с клиническим разбором больных.

Помню разговор с ординатором Гуляр С. А. Его отец был хирург — работал в Путиловской больнице. Я знал, что С. А. Гуляр увлекается подводным спортом и каждый год на целое лето уезжает в Крым на тренировки. Он подошел ко мне заблаговременно получить визу на трехмесячный отпуск. Я знал отрицательную реакцию коллектива на его отсутствие в летние месяцы. Летом, в связи с отпускной кампанией, нагрузка увеличивалась, но зарплата оставалась та же. За уехавшего Гуляра С. А. администрация никому ничего не оплачивала. Врач он был умный и образованный. Больше настроен на теоретический лад мышления. Хирургия, особенно практическая, его интересовала мало, поэтому авторитет его в клинике был на среднем уровне. Речь зашла о перспективе его работы в клинике. Он мне четко не мог сформулировать своей цели в хирургии. До поступления в институт и во время учебы ему ближе всего была хирургия, поскольку отец был хирургом, много говорил о своей специальности, поэтому хирургию он принял, как бы, по наследству.

Его хобби было подводное плавание. Этим он занимался уже несколько лет подряд. С его слов оказалось, что они не только плавают, но и ведут какую-то научную работу, связанную с выживанием человека на глубине. Через несколько дней он подал заявление об уходе с работы.

После этого я его надолго потерял. Знал, что он женился на внучке П. П. Раевского. Переехав в Киев, я узнал, что Гуляр С. А. поступил на работу в институт физиологии им. Богомольца, где продолжал научные исследования, связанные с погружением человека под воду. Теперь он доктор наук, заведует лабораторией в том же институте. Как знать, может быть, наш разговор о перспективе был той каплей, которая разрешила его сомнение в выборе между хирургией и хобби? Хобби стало, со временем, его профессией.

Ассистент Тихий, выпускник Днепропетровского мединститута, сообщил мне, что он оформляет документы и уедет работать за границу. Вскоре он уехал на 3 года.

Владимир Иванович Алексеенко, в прошлом студент моей группы. Учился он вместе со своей будущей женой — красивая была пара. Приятно было смотреть, как они нежно друг к другу относились. После окончания института я видел его редко. Под руководством Л. Г. Смоляка он защитил кандидатскую диссертацию. Буквально с первых дней работы в клинике он начал мне подбрасывать научные идеи. Сегодня одну, через 2 — 3 дня другую и т. д. Я обратил внимание — его идеи соответствуют тому, что писалось тогда в журналах. Сегодня прочел, а завтра предлагает как новую идею. Я сказал ему об этом. Помимо преподавательской работы я

поручил ему заниматься музеем, от чего он всячески старался увильнуть и находил разные поводы. В работе он не проявлял инициативы, держался обособленно. В процессе работы поменял не одну клинику. Я с ним мало работал. Поэтому у меня о нем не сложилось окончательное мнение как о хирурге и преподавателе. Позже я узнал, что он длительное время был директором базы отдыха института, на 4–5 месяцев покидал клинику. Сближение с ректором давало ему возможность уверенно чувствовать себя на работе. Однако с профессором Папазовым, принявшим клинику, он не сработался. Ректор перевел Владимира Ивановича к профессору Серняку П. С. ассистентом.

Я понимал: коллективом нужно заниматься. Каждому ординатору я дал тему для доклада с перспективой на диссертацию.

Раз в неделю после обхода мы заслушивали ординаторов. На доклады обычно приглашались студенты. Разбирали хирургические ошибки и проводили свои патологоанатомические конференции с приглашением прозекторов. На внутриклинических конференциях шлифовали доклады, которые затем выносились на заседания хирургического общества. Словом, я старался увлечь коллектив интересной работой.

И. о. проректора по науке

В начале июня 1968 г. меня пригласил ректор. В процессе беседы он мне сообщил, что проректор по науке, профессор Торсуев А. Н., просил его поговорить со мною, не соглашусь ли я ему помогать, поскольку он не справляется с объемом работы научного отдела. Геннадий Петрович просил меня дать согласие помогать проректору по науке Торсуеву на общественных началах. Я согласился, хотя работы у меня сильно прибавилось. Через месяц Торсуев заболел. Врачи лечсанупра говорили, что лечение продвигается тяжело. Как долго он будет болеть, они сказать не могут.

Моя нагрузка существенно возросла. В клиниках я был до 15.00. После обеда до 18.00 — 20.00 в научном отделе.

Я начал входить в свои новые обязанности. Впереди лето, отпускная кампания. В это время в научном отделе затишье. Я начал изучать научные планы кафедр.

В институте было 67 кафедр. Каждая кафедра имела свой научный план, состоящий из плана сотрудников: у кого статья, у кого диссертация. Тогда в Донецком мединституте не было комплексных работ, в которых бы было задействовано несколько кафедр. Не комплексовались теоретики с клиницистами, кроме как по диссертациям: у диссертанта часто было два руководителя — теоретик и клиницист.

В 1968 г. заканчивались сроки подачи 30 диссертаций из 68 запланированных. Как я установил, кандидатские диссертации будут выполнены в срок. Хуже с докторскими работами.

Это заставило меня изучить, на какой стадии и в какой степени готовности находятся научные работы, срок исполнения которых истекает в 1968 г. Многообразие было очень крупным недостатком в научно-исследовательской работе института того времени. Не было видно научного лица института, его генерального научного направления. Тогда многообразие нам не ставили в вину. Недостаточное материально-техническое обеспечение, дефицит аппаратуры, реактивов вынуждали администрацию института принимать к планированию такую тему, какую кафедры могут выполнить на современном уровне. В институте были ученые, которые могли в научном плане объединить несколько клиник и теоретических кафедр в разработку какой-либо одной региональной темы, но к такому планированию научной работы заведующие кафедрами не были готовы.

В конце года МЗ УССР направило в институт комиссии для проверки научной работы. Поэтому все внимание коллектива научного отдела было сосредоточено на проверке работ, которые заканчиваются в 1968 г. Положение мое затруднялось и тем, что я был лишь и. о. проректора на время болезни проф. Торсуева.

Наступил сентябрь. Стало ясно, что профессор Торсуев в ближайшее время не приступит к работе. Он все еще был в больнице. Он давал мне практические советы, но по мере того, как он отдалялся от работы в научном отделе, советы его приобретали все более общий характер. Окончание работ нужно было интенсифицировать. Заслушивались заведующие кафедрами. Обсуждались работы, которые были под угрозой срыва.

В конце года ректору института сообщили о составе государственной комиссии и времени ее приезда. Председателем комиссии был профессор П. С. Пилипчук, фтизиохирург, членами — В. И. Титаренко, сотрудник ученого совета МЗУ, и Ларионов, научный сотрудник. Ларионова все знали как бывшего помощника Министра здравоохранения.

Утром членов комиссии я встретил на вокзале. Отвез в гостиницу. Там же, в гостинице, заказал завтрак. Раньше я никого из них не знал. Однако, у нас сразу сложилось хорошее взаимопонимание. С П. С. Пилипчуком и В. И. Титаренко оно сохранилось на многие годы. Они сразу поняли, в какую ситуацию я попал, тем более, что речь идет о таком огромном институте, как Донецкий.

Ректор членов комиссии принял в тот же день. Узнал, как они устроены, что их будет интересовать: какие документы, какие профессора, кафедры и т. д. Беседа у ректора касалась изменений в руководстве здравоохранением, профессиональных интересов и работы комиссии.

Члены комиссии пожелали ознакомиться с клиническими базами, расположенными в областной больнице им. Калинина.

Начали осмотр с клиники факультетской хирургии. Каро Томасович умел принять гостей, заинтересовать разговором, расположить к

себе и показать работу клиники. Были осмотрены глазная клиника, ЛОР, акушерства и гинекологии, клиника нервных болезней. Осмотр клиник оставил у членов комиссии хорошее впечатление.

Члены комиссии потратили много времени на добросовестное изучение законченных работ, план был выполнен.

Много было подготовлено и продолжает готовиться кадров высшей квалификации. Не было случаев отклонения диссертаций ВАК-Ком. Было написано много монографий, трудов научных конференций института, публикаций в центральных научных журналах.

Кафедры гигиенического профиля заключили более 20 хозяйственных договоров с шахтами, угольными трестами, учреждениями. Результаты этих работ внедрялись в практику. Хоздоговорной тематикой увлекался профессор В. Любомудров, мой соученик по академии.

После проверки научной деятельности нашего института в узком кругу П. С. Пилипчук сказал своим коллегам: «Не очень копайте под Донецкий мединститут. Это такой колосс, если упадет, раздавит нас всех». Они написали вполне объективный акт. В качестве недостатка отметили мелкотемье, отсутствие больших, проблемных, комплексных работ.

По материалам комиссии состоялся Совет института. Председатель комиссии, профессор П. С. Пилипчук, дал объективную оценку научной деятельности института. Основные его замечания сводились к тому, что у нас превалирует мелкотемье. Не видно научного лица крупнейшего медицинского института в Украине, нет крупных комплексных работ, которые бы объединяли научные коллективы теоретических и клинических кафедр. Научные исследования не на самом современном уровне.

В то время у нас было очень мало современной аппаратуры, не хватало реактивов. Профессора, планируя научные исследования, исходили не из того, что надо изучать, а из того, что можно сделать новое в существующих условиях. Я хорошо знал, насколько наши клиники беднее московских и ленинградских клиник и институтов.

С членами комиссии мы расстались очень дружелюбно до встречи в январе в Киеве на заседании ученого Совета Министерства здравоохранения. Поскольку проф. Торсуев болел, пришлось в Киев ехать мне.

В отделе науки Минздрава УССР отчеты принимала комиссия во главе с профессором Барченко. В этот день сдавали отчеты три периферийных института. Моя очередь была последней. Перевалило за 18 часов. Наконец, вышел представитель Запорожского мединститута и пригласили меня для отчета. Я выложил на стол перед собой «многообразие». Члены приемной комиссии ахнули:

— Кто Вас проверял?

— Председатель комиссии П. С. Пилипчук, В. И. Титаренко и Ларионов.

— Ну раз были Ларионов и В. И. Титаренко, так мы ничего нового, пожалуй, не найдем — это — асы в проверочных вопросах, сказал проф. Барченко.

Предложили секретарю прочитать акт проверки. Обсудили замечания и предложения.

Я прочел план мероприятий института по устранению недостатков, отмеченных в акте комиссии. Обратили внимание на большое количество кандидатских диссертаций завершаемых в 1968 г. и планируемых к завершению в 1969 г. Отметили хорошую подготовку кадров.

По ходу дела члены комиссии просмотрели несколько документов по законченным темам.

Профессор Барченко резюмировал: «Будем считать, что в Донецком мединституте научная работа и подготовка кадров высшей квалификации удовлетворительная».

Кто-то из членов комиссии как бы невзначай сказал: «Следовало бы отметить сдачу отчета». Все были голодные. Остаток вечера мы провели в ресторане «Динамо» за ужином. В дружеской беседе я узнал много для себя нового о деятельности ученого совета Минздрава и деталях планирования научной тематики в институтах. Поездка в Минздрав оказалась для меня очень полезной.

29 марта 1969 г. после обхода больных, около полудня у меня в кабинете раздался телефонный звонок.

— Виктор, 27 марта ВАК утвердил тебя в ученой степени доктора наук, — первым сообщил мне Б. Н. Зорин.

На душе стало легко, спокойно. В памяти прошли картины всего того, что было связано с докторской диссертацией и защитой. Позвонил Маргарите в клинику, поделился радостью.

Прошло не более получаса. Вновь телефонный звонок. Снимаю трубку, слышу голос секретаря ректора Нины Сергеевны.

— Виктор Степанович, в понедельник, 1 апреля Вас приглашает Министр Василий Дмитриевич Братусь.

— Не первоапрельская ли шутка? По какому вопросу? — пытался я выяснить.

— Не шутка. Сегодня пятница, а первое апреля — понедельник. Постарайтесь сегодня успеть оформить командировочное удостоверение в Минздрав Украины.

СОДЕРЖАНИЕ

Передне слово	3
Елена Карпенко. Хирургу	6
Детство, отрочество, юность	7
Родители	7
Детство	12
Отрочество	41
Юность	50
Война	72
Военно-медицинская академия	72
Военно-медицинское училище	89
В действующей армии	96
Москва, резерв лечсанупра РККА	96
ХППГ	98
Фельдшер танкового батальона	100
Бои на Житомирщине и Хмельниччине	107
Ранение и выход из окружения	120
Бои на Западной Украине	125
Третье ранение	137
Госпиталь в Киеве	142
День Победы	149
Послевоенные связи с кантимировцами	153
Медицинский институт	162
Главврач шахтной больницы	189
Обустройство	189
Неформальные отношения	195
Рождение сына	207
Шахтный поселок	209

Первые шаги в хирургии	212
Курсы усовершенствования	223
Молодой хирург	234
Первый отпуск в Москве	240
Третий год	242
Поездка на Кавказ	246
Врач в поселке	252
С насиженного места	256

Донецкий период	269
Ординатор	269
Ассистент кафедры	282
Доцент	332
Заведующий кафедрой хирургии	372
И.о. проректора по науке	378

КАРПЕНКО Віктор Степанович

55 років у хірургії

*Відповідальний за випуск
Карпенко Олексій Вікторович*

Підписано до друку 18.12.01. Формат 60×90 ¹/₁₆. Папір офс. Гарнітура «Таймс».
Друк офс. Ум. друк. арк. 26,0+0,13 фронтисп. Ум. фарбовідб. 28,31.
Обл.-вид. арк. 28,6. Тираж 1000 прим. Вид. № 11. Зам. 701-1.

Видавництво «Навчальна книга», 04053, Київ, Львівська площа, 14.
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи
ДК №386 від 28.03.2001 р.

Верстка виконана з набору, наданого автором.

Віддруковано з готових діапозитивів на книжковій фабриці «Атлас»
79005, м. Львів, вул. Зелена, 20